

— СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК —

— παραλιπομένων —

Александр Гингер
Стихотворительное
одержжанье

— ПИСЬМА —

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

παλιπομένων

*Александр
Гингер*

*Александр
Гингер*

*Стихотворительное
одержанье*

Том II

ПИСЬМА

*Водолей
Москва
2013*

Редакционная коллегия серии:

Р. Бёрд (США),
Н. А. Богомолов (Россия),
И. Е. Будницкий (Россия),
Е. В. Витковский (Россия, *председатель*),
С. Гардзонио (Италия),
Г. Г. Глинка (США),
Т. М. Горяева (Россия),
А. Гришин (США),
О. А. Лекманов (Россия),
В. П. Нечаев (Россия),
В. А. Резвый (Россия),
А. Л. Соболев (Россия),
Р. Д. Тименчик (Израиль),
Л. М. Турчинский (Россия),
А. Б. Устинов (США),
Л. С. Флейшман (США)

Составление, подготовка текста,
вступительная статья и комментарии *Владимира Хазана*

ISBN 978–5–91763–165–3

ISBN 978–5–91763–167–7 (Том II)

- © В. Хазан, составление, подготовка текста,
вступительная статья, комментарии, 2013
- © М. и Л. Орлушины, оформление, 2013
- © Издательство «Водолей», оформление, 2013

ПИСЬМА

Настоящий раздел собран из эпистолярного наследия Гингера-Присмановой и тех писем, что адресованы им самим. При отборе тех и других учитывалась необходимая для данной книги мера отражения эмигрантской общественно-литературной жизни в преломлении к об-разующим ее частным лицам и событиям. Разумеется, можно было бы ограничиться только письмами Гингера (присовокупив к ним письма Присмановой, близкие по теме, по «духу», по кругу обсуждаемых вопросов, общему адресату и пр.) и отнести к письмам, написан-ным их корреспондентами, как выходящим за границы тех целей, что ставит настоящее издание. Но в том-то и дело, что в задачи по-следнего входит не только познакомить с собственно литературным наследием Гингера, как уже не раз отмечалось, достаточно скромным в количественном выражении, но и представить по возможности бо-лее широкий срез эмигрантской жизни, связанной с Гингером (и/или Присмановой), расходящейся широкими кругами и захватывающей десятки, а то и сотни других людей. В таком «коллективном портрете» видится важный итог книги, не только впервые знакомящей читателя с литературным творчеством Гингера в относительно полном объеме, но вписывающей его как поэта и вообще литературного деятеля в тот многоплановый исторический контекст, в котором он реально существовал и творил.

Основной корпус писем публикуется впервые. Перепечатки уже существующих публикаций (переписка с Р.Н. Гринбергом, письма Д. Кнута) произведены лишь на том основании, что принадлежат со-ставителю данного издания и, включенные в него, без сомнения, обра-зуют органический конгломерат с еще неизвестными материалами.

В данном разделе действует та же система сокращений, которая была принята в комментариях к стихам, прозе и критическим эссе Гингера.

Сноска над словом указывает на постраничные примечания; нуме-рация в квадратных скобках относится к комментариям, следующим за соответствующим письмом.

В.Л. Андреев ПИСЬМО ГИНГЕРА

Поэт, прозаик, литературный критик, мемуарист Вадим Леонидович Андреев (1902/1903–1976), сын известного русского писателя Л.Н. Андреева, являлся одним из давних и близких друзей Гингера и Присмановой. Анну Семеновну он знал еще по Берлину начала 20-х гг. – времени их молодости и творческих дебютов, по литературной группе «4+1», членами которой оба являлись. Впоследствии В. Андреев писал о ней в своих воспоминаниях:

Аня Присманова была удивительным человеком, поражавшим при первой встрече своим некрасивым лицом, наивной непосредственностью, душевным очарованием, веселым талантом и восторженностью. Она писала стихи, не в пример моим, яркие и солнечные, полные жизненной энергии¹.

С Гингером Андреев познакомился позднее, когда в 1924 г. поселился в Париже. См. его приписку на письме Б. Божнева Гингеру (№ 1).

Андрееву принадлежит рецензия на *ЖиТ*, см. вступительную заметку к комментариям этого сборника стихов.

В гингеровский *Альбом* Андреев вписал свое стихотворение «Поздней осенью время гораздо слышнее...» (1947), вошедшее в его сборник «Второе дыхание» (1950):

Поздней осенью время гораздо слышнее:
В сучьях берез и дубов не оно ли шумит?
Солнце еще не зашло, но уже вечереет,
Облако в небе плывет, но оно уже спит.

Глухо стучит равномерный топор дровосека.
Вскорости, может быть, завтра начнутся дожди.
Может быть, завтра в лесу и в груди человека
Сердце уснет и останется жизнь – позади.

¹ *Андреев Вадим*. История одного путешествия. М.: Советский писатель, 1974. С. 339.

Падают листья – им велено осенью падать.
Свет¹ уменьшается с каждым слетевшим листом.
Может быть, это последняя в мире отрада
Время услышать², – кто знает, что будет потом.

Андреев посвятил Гингеру стихотворение «На гладкий лист негнушейся бумаги...» (сб. Недуг бытия, 1928), а Присмановой – «Тупым ножом раздвинув створки...» (сб. Недуг бытия), «Стоит, подрагивая рыжей шерстью...» (1947; сб. Второе дыхание, 1950) и «Здесь пахнет сыростью, грибами...» (1947)³.

Письмо написано в Нью-Йорк, где Андреев работал в это время в переводческом отделе ООН.

Публикуется по автографу, хранящемуся в Leeds Russian Archive, Brotherton Library (University of Leeds). MS. 1350/1445.

26 XII 1949

Дорогие друзья^[1]

С Новым Годом! Мы еще не знаем, где будем встречать Новый Год, есть 2 возможности: у М-ме Элькан^[2] или с компанией Величковской^[3] у Андреева^[4], это выяснится через 2 дня, но такое уточнение не может явиться причиной откладки этого письма. «Сначала я молчать хотела»^[5] и дать возможность Ане, получившей доллар^[6], написать сперва, как по вежливости и полагалось бы, а я бы приписал; но как вы видите, мое терпение лопнуло. Только что я ей предложил приписать хотя бы к этому моему письму, а она мне отвечает <:> «<Н>а следующей неделе». Как говорят французы, моя кровь не сделала как один оборот (*n'a fait qu'un tour*), и я отправляю это письмо самостоятельно воздушным путем. Так же гнусно Аня поступила и с Сосинским^[7]; я больше об этом не пишу, потому что я слишком волнуюсь. Что касается меня, то вы можете мне писать, я буду очень благодарен и буду отвечать. Прилагаю стихотворение, написанное совсем недавно, единственное в 1949 году^[8].

¹ В печатном варианте: «Жизнь».

² В печатном варианте: «услышать».

³ Первоначально: Эстафета: 10.

Я бы написал вам о наших делах, о том, чем занимаются наши сыновья и т.д., но Аня требует, чтобы я оставил весь этот материал в ее распоряжении.

«Новоселье» могло бы выйти очень скоро, но при нынешних темпах экс-Прегель^[9] я не думаю, чтобы это могло случиться раньше февраля^[10]. Приблизительно в это же время можно ожидать и появления новой газеты, если только вообще она выйдет, в какой-то новой газете будут заправлять не знаю кто, но во всяком случае среди инициаторов, как вы сами понимаете, диссиденты из <<Русских Новостей>>: Бахрах, Адамович и проч.^[11]

Если вы будете меня о чем-нибудь спрашивать, я буду вам отвечать.

Привет всем.

Ваш Гингер А.

1. Гингер обращается к Андрееву и его жене, художнице Ольге Викторовне (урожд. Черновой; 1903–1979), приемной дочери одного из лидеров эсеровской партии В.М. Чернова (дочь от первого брака О.Е. Колбасиной-Черновой и художника М.С. Федорова).

2. Анна Морисовна (Морицевна) Элькан (по прозвищу Неточка, урожд. Абельман; 1899–1962), литератор, общественный деятель; секретарь правления Объединения русских писателей и поэтов во Франции (1948–1956); секретарь издательства «Рифма»; хозяйка литературного салона в послевоенном Париже. В гингеровском *Альбоме* оставила след таким своим стихотворением:

Уж тяжелеет поступь на земле,
Быстрее время пролетает мимо,
А где-то там, на самой глубине,
Жизнь продолжает течь неуловимо,
С трудом передвигаясь, как слепой,
Ты ощупью бредешь в беззвучье мира,
И лиры сослепу касаешься рукой,
И чистым звуком отвечает лира.

3. Тамара Антоновна Величковская (во 2-м замуж. Жабя; 1908–1990), поэтесса, прозаик, журналист, танцовщица, певица, художник-декоратор, музыкант. *Альбом* содержит следующее ее стихотворение:

Муза промолвила робко,
Лиру давая мне в дар:

«Хочешь? – возьми на растопку,
Хочешь – снеси на базар...

Лиру в обрывки газеты
Там положи на весы;
Весит не больше букета,
Меньше куска колбасы...

Только, пожалуй, не пробуй
Лиру на плечи взвалить –
Будет до самого гроба
Невыносимо давить...»

Paris
20/3 – 1948

Тамара Величковская

4. По-видимому, художника, литератора и переводчика Валентина Леонидовича Андреева (1912–1988), единокровного брата Вадима Леонидовича.

5. Из письма Татьяны Онегину (А. Пушкин, Евгений Онегин, гл. 3).

6. По всей видимости, с помощью Андреевых вырученный за ее книгу стихов «Соль» (Париж, 1949).

7. Владимир Брониславович (Бронислав-Рейнгольд-Владимир) Сосинский (Сосинский-Семихат; 1900–1987), прозаик, поэт, литературный критик, мемуарист; в это время также находился в Нью-Йорке (заведовал стенографическим отделом в ООН).

8. Гингер отправил Андреевым стихотворение «Шар» (в будущем вошло в *B*).

9. После переезда в 1947 г. из Нью-Йорка в Париж в семейной жизни С.Ю. Прегель наступает кризис: ее второй муж С.Н. Брайнер (Брейнер) остался в США, и в 1949 г. она вышла замуж за адвоката Соломона Георгиевича Равницкого (1892–1970), став «экс-Прегель»: Прегель-Равницкая.

10. Выход основанного в 1942 г. Нью-Йорке и редактируемого С. Прегель журнала Нов в это время замедляется; доведенный до № 40, он в 1950 г. окончательно прекратил свое существование.

11. Начиная со второй половины 1949 г. Г. Адамович (а под его влиянием и А. Бахрах) планировал покинуть просоветские РН и принять участие в новой газете, которую поначалу намеревался учредить и финансировать М.Н. Павловский (см. о нем прим. 15 к письму Д. Кнута Гингеру № 5, от 12 августа 1949 г.); затем эту идею вынашивали другие предприниматели, однако в конце концов из данных благих пожеланий ничего не вышло. О новой газете

и возможном сотрудничестве в ней см. в письмах Г. Адамовича А. Бахраху, начиная с лета-осени 1949 г. и до конца 1951 г. (Письма Г.В. Адамовича А.В. Бахраху / Публ. Вадима Крейда и Веры Крейд // НЖ. 1999. № 216. С. 120–134). Слухи об открытии новой газеты докатывались до Америки, но в крайне искаженном виде. Ср. письмо Р. Гринберга В. Варшавскому от 31 декабря 1949 г.:

...сообщение об уходе А<дамовича> и его товарища Бахраха из несчастных «Русских новостей» пришло сюда в нескольких редакциях, что уже само по себе примечательно, и каждая редакция была толкована по-разному в зависимости от того, кто писал. Был и такой весельчак-циник-буфф, который объяснил всё поведение А<дамовича> и Б<ахраха>, Макса и Морица¹, тем, что Б<ахрах>, человек, который никогда не выходит из дома, что он, Б<ахрах>, получил богатое наследство и решил открывать свою собственную демократическую, чистой воды, газету. Всё это звучит по-праздничному пьяно, и кого-то уже нужно тащить в участок (*Хазан Владимир*. «Семь лет»: история издания: Переписка В.С. Варшавского с Р.Н. Гринбергом // НЖ. 2010. № 258. С. 197).

¹ Макс и Мориц – герои детской книги В. Буша «Max und Moritz. Eine Bubengeschichte in sieben Streichen» (1865).

А.В. Бахрах Письмо Гингеру

Знакомство и дружба Гингера с литературным критиком и мемуаристом Александром Васильевичем Бахрахом (1902–1985) продолжались более 40 лет. С Присмановой же Бахрах познакомился еще раньше, в Берлине, в ту пору, когда он и она жили в германской столице. Впоследствии Г. Адамович иронично намекал на какой-то несостоявшийся между ними роман – 16 февраля 1953 г. он писал Бахраху из Манчестера:

Из Ваших новостей житейских меня удивило, что Ваша жена¹ возненавидела Присманову, и даже огорчило. Отчего? Как Вашу экзюльбовницу или просто так? Мне жаль, п<отому> что оба Гингера – моя симпатия. Если это женская ревность к прошлому – дело другое. Но, кажется, и прошлого-то не было, кроме ее попыток Вас изнасиловать².

Бахраху принадлежат воспоминания о Гингере, включенные одним из разделов в его мемуарную книгу³. Когда «Наш общий друг» впервые увидел свет в РМ, И. Чиннов 25 июля 1979 г. писал автору:

Вы нахально, нагло, беззастенчиво, вызываяще молчите, а я здесь прочел Ваше о Сашуне и растрогался. Прекрасно написали – и прекрасно, что написали. Он заслуживал именно такой статьи – «продиктованной» и умом, и сердцем. А теперь расскажете об Ане-Рыбке <Присмановой>, не правда ли? «Гингерá» были замечательные, поистине, оба чистые сердцем и оба, да, включая Рыбку, умницы, – и насколько человечески существеннее, чем иные «парижескотные» притворщицы, твердившие о честности, претендовавшие на такую, ах, тонкость и душевную глубину... такие субтильные суперфлю.

¹ Жена Бахраха (с 1952) Кирсти Мария (урожд. Веннола; 1913–1995), финка по национальности; родилась в семье профессора экономики, политического и государственного деятеля Финляндии Юхо Хейкки Веннола (Juho Heikki Vennola; 1872–1938) и Сигне Марии (урожденной Валлин; Signe Maria Wallin; 1880–1957). (Приносим благодарность М. Костоломову за эту биографическую справку.)

² Письма Георгия Адамовича А.В. Бахраху (1952–1953) / Публ. Вадима Крейда и Веры Крейд // НЖ. 1999. № 217. С. 59.

³ См.: Бахрах 1980: 140–145; первоначально: *Бахрах Александр*. «Наш общий друг» // РМ. 1979. № 3264, 12 июля. С. 9.

Вы очень отчетливо, очень зримо, явственно показали Сашуню: авось, заразите читателей нашей с Вами общей к нему уважительной любовью¹.

На это письмо А. Бахрах 4 августа 1979 г. отвечал:

Спасибо за Вашу оценку моего «Гингера» – таких тоже больше нет – а о Присмановой я тоже, конечно, вспомню, когда настанет час, она у меня на очереди, но я умышленно хочу их отделить один от другого. Рыбка, как Вы ее называете, во многом была «золотая»².

К сожалению, развернутых мемуаров о «золотой рыбке» Присмановой, исключая написанный раньше некрологический очерк «Памяти Анны Присмановой»³, Бахрах не оставил.

Письмо публикуется по автографу, хранящемуся в University of Illinois Archives (Urbana-Champaign). Ms. 15/35/56 Sophie Pregel and Vadim Rudnev Coll. Box 1.

Мюнхен, 15 августа 1965^[1]

Дорогой Саша,

Позавчера я получил пакет с экземплярами твоего «Сердца» и благодарен тебе за него вдвойне – в первую очередь, за доставленное от чтения удовольствие, а затем, конечно, и за самый факт посылки. Несмотря на то, что большинство «пиес», как говаривал Ходасевич, мне были давно известны, я теперь читал их как-то по-новому и убедился, что они бесповоротно выдержали испытание временем. Мне было жалко, что в этом сборнике, который был тобою задуман как своего рода «антология», не фигурирует целый ряд старых стихов, которые я так любил и которые ты почему-то решил не восстанавливать для нового читателя, забывая о том, что для него твои старые сборники в какой-то мере недоступная библиографическая редкость.

¹ «К барьеру, Милостидарь, к барьеру!»: Из переписки Игоря Чиннова и Александра Бахраха / Публ. <вступ. заметка и коммент.> О. Кузнецовой // НЖ. 2012. № 267. С. 212.

² Письма запрещенных людей: 408.

³ Мс. 1961. № 6. С. 365–368.

С другой стороны, если ты был стеснен размером сборника, кое-что я бы выпустил и не жертвовал бы некоторыми прелестными стихами из «Вести». Впрочем, это в сущности досужие рассуждения, и автор – первый судья. Как бы то ни было, мне кажется, что сборник твой со всех точек зрения отличен (в обоих значениях этого слова!), и ты можешь быть им доволен.

Только что ушли от нас Фаина и Гайто^[2], и мы много о тебе говорили, рассматривая твой сборничек, которые <sic> они до того еще не видели.

Планы наши, даже на ближайшее будущее, крайне сумбурны, и обстоятельства складываются так, что в настоящее время я не имею возможности уехать куда-нибудь отдохнуть, всё же твердо рассчитываю в конце сентября или в самых первых числах октября приехать хотя бы на недельку в Париж.

Кирсти просит меня передать тебе ее самые нежные приветы и говорит, что она очень огорчается, что не может оценить по достоинству твою книжицу. Желая тебе всего, всего хорошего и крепко жму твою руку.

Твой <подпись>

<приписка Кирсти:>

With very hearty greetings
Yours Kirsti^[3]

1. Письмо отпечатано на машинке. В это время Бахрах работал в Мюнхене на радиостанции «Свобода». Этим же днем датировано письмо Г. Адамовича к самому Бахраху; в нем говорилось о смертельно больном Гингере, который, однако,

всё еще на что-то надеется, и из-за этого я пишу ему глупо-шутливые «письмишки», чтобы не менять обычного тона. Очень жаль, что не могу написать иначе (Письма Георгия Адамовича А.В. Бахраху (1957–1965) / <Публ. Веры Крейд> // НЖ. 2001. № 225. С. 174).

2. Прозаик Гайто (Георгий) Иванович Газданов (1903–1971), который в это время тоже работал на «Свободе», и его жена Фаина Дмитриевна (урожд. Ламзаки; в 1-м браке Гавришева; 1892–1982).

3. With very hearty greetings – С самыми сердечными приветами. Ваша Кирсти (англ.).

Б.Б. Божнев ПИСЬМА ГИНГЕРУ И ПРИСМАНОВОЙ

Читательские представления о биографии и творческой деятельности поэта и художника Бориса Борисовича (фактически Васильевича) Божнева (1898–1969) стали обретать какой-то относительно осязаемый характер благодаря пионерским поисковым и исследовательским усилиям проф. Л. Флейшмана, который собрал и издал, снабдив вступительной статьей и комментариями, собрание стихотворений поэта, являющееся наиболее полным изданием его литературного наследия¹; ценные работы о Божневе раннем и 30-х гг. принадлежат соответственно: А. Устинову² и А. Устинову и К. Поливанову³; сборник стихов Божнева был издан и в России⁴; некоторые сведения о Божневе-художнике⁵ можно почерпнуть из малотиражных каталогов коллекции его картин⁶.

Гингер и Божнев знали друг друга издавна, едва ли не с первых дней эмиграции, что позволяло им наблюдать друг друга, как это определено Божневым с пушкинским образным колоритом, в ситуациях, «когда не требует поэта» (письмо № 3). Связанный с Божневым многочисленными творческими узами и конвенциями, Гингер, по словам

¹ См.: *Божнев Борис*. Собрание стихотворений <В 2-х томах> / Под ред. Лазаря Флейшмана. Berkeley: Berkeley Slavic Specialties, 1987–1989 (Modern Russian Literature and Culture. Studies and Texts. Vol. 24) – в дальнейшем все божневские тексты приводятся по данному изданию с указанием тома и страницы; см. также: *Неизвестный Божнев* / Публ. Л. Флейшмана // *Культура русского модернизма: Статьи, эссе и публикации: В приношение Владимиру Федоровичу Маркову* / Под ред. Р. Вроона, Дж. Мальмстада. М.: Наука, 1993. С. 102–108.

² См.: *Устинов Андрей*. Борис Божнев до «Борьбы за несуществование» // *Vademecum: К 65-летию Лазаря Флейшмана*. М.: Водолей, 2010. С. 273–290.

³ См.: *Устинов Андрей, Поливанов Константин*. На грани: Борис Божнев в 1930-е годы // *From the Other Shore* (Toronto). 2002. Vol. 2. С. 21–47.

⁴ *Божнев Борис*. *Борьба за несуществование* / Сост., вступ. ст., коммент. С. Ивановой. СПб.: ИНАПРЕСС, 1999.

⁵ Божнев был не только собственно живописец-примитивист, но и мастер художественно (в русле исповедуемого им стиля примитивистской экзотики) оформленных подрамников, или, как он называет эту работу в одном из публикуемых ниже писем, «лирических обрамлений», и превратил это ремесленное в сущности занятие в прикладное искусство.

⁶ *Le monde étrange de Boris Bojnev*. Musée d'art naïf, Flayosc, 1973; *Galerie Alphonse Chave: Boris Bojnev*. Vence, 1980.

художника К. Терешковича, его «очень ценил» (см. в воспоминаниях последнего в Приложении I), что, впрочем, не мешало им являть довольно ощутимую противоположность друг другу: солнцепоклонник Гингер и – «ночной», как называл его А. Бахрах, сторонящийся природы Божнев: «Солнечный свет, по его признанию, “вызывал в нем тошноту”...»¹; скупой, малопродуктивно-медлительный как поэт Гингер и – гиперпродуктивный, с оттенком упоительной страсти к цифровому выражению написанного Божнев (см. в публикуемых ниже письмах не раз повторяющийся мотив подсчета строк как едва ли не определяющего показателя творческой работы в «большой форме»)²; страстно-азартный картежник Гингер и испытывавший к азартным играм презрительное равнодушие Божнев (см. показательное в этом смысле письмо № 25); мечтавший о том, как к самым метафизичнейшим на земле вещам «с бесстрашным сердцем подойти», Гингер – и заменявший, в особенности в своих поздних поэмах, сплошной метафизикой все разнообразие жизни Божнев.

Публикуемые письма, обнимающие длительный период знакомства и дружбы Божнева с Гингером и Присмановой, представляют интерес во многих отношениях: в них содержатся многочисленные сведения, прежде всего, естественно, о самом Божневе, касающиеся в основном того времени, когда он, покинув Париж и поселившись в Марселе, отошел и географически, и главное – духовно, от того, чем жила русская эмиграция, превратившись по существу во французского художника³. Правда, в некоторых письмах Гингеру и Присмановой он выказывает любопытство по поводу того, как живут старые товарищи, да и пера своего как русский поэт не сложил до конца жизни, и это с непреложностью указывает на то, что, «натурализовавшись» и адаптировавшись во французской творческой среде, Божнев в той или

¹ Бахрах 1980: 157.

² Некоторые поэмы Божнева, которые он упоминает в письмах, остались неопубликованными (о них дает представление составленный им самим список рукописных произведений, см.: *Божнев II*: 280, 281); по этой причине далее комментируются только те отсылки Божнева к собственным текстам, которые включены в упомянутый двухтомник.

³ Отошел настолько, что в своей обширной «Похвале российской поэзии», своего рода историческом обзоре русского стихотворчества в изгнании, Ю. Иваск, касаясь Божнева, вынужден был признаться: «Даты рождения и смерти мне установить не удалось» (НЖ. 1986. № 162. С. 105), – что в отношении одного из крупнейших эмигрантских поэтов звучало по меньшей мере странно.

иной форме не забывал о «родине Толстоевского» – в этом забавном кентавре он соединял имена двух великих русских писателей (письмо № 20), – изгнанником которой продолжал себя числить.

Одна из особенностей эпистолярного стиля Божнева – обилие авторских тире, и этим он, должно быть, изрядно раздражал Гингера, который, по собственному признанию (см. его письмо к В. Булич № 9), тире терпеть не мог. Божнев же, как кажется, не оставляет без тире ни одного предложения, обильно уснащая им письмо по наитию, по импульсам, идущим от собственного речевого, разговорного ритма, без всякого касательства к грамматическим нормам, зачастую заменяя им более уместные двоеточия и еще более уместные запятые или вообще ставя его в самых немыслимых и непредсказуемых местах. Мы не стали вторгаться в эту заповедную зону оформления на письме речевой экспрессии Божнева, хотя она и выглядит временами довольно причудливо.

Божнев, как правило, не указывал года написания своих писем, и это обстоятельство создает порой почти неразрешимые трудности в установлении адекватной хронологии их следования. Для основного корпуса публикуемых писем хронологическая нить отыскана, однако несколько из них, для которых не было обнаружено неоспоримой аргументации их датировки, пришлось поместить в конец, в раздел, озаглавленный «Письма с неустановленным годом написания».

Письма Божнева были впервые введены в научный оборот Л. Флейшманом, который включил встречающиеся в них стихотворные посвящения в божневское «Собрание стихотворений». Здесь они публикуются по автографам, хранящимся в University of Illinois Archives (Urbana-Champaign). Ms. 15/35/56 Sophie Pregel and Vadim Rudnev Coll. Box 1. Письма Гингера и Присмановой в архиве Божнева не сохранились.

Публикация подготовлена в соавторстве с А. Устиновым.

1^[1]

<май–июнь 1929>

Милый Александр Сампсонович <sic>^[2]

Вышедшее на днях полное собрание Ваших сочинений-мыслей – за последние три года^[3] – вызвали <sic!> крайнее возмущение

и недоумение и печальное негодование среди некоторых Ваших приятелей и друзей, – к ним причисляю и себя.

Действительно, худшего для себя и для нас – т.е. литературных соратников, «соучастников» Ваших – Вы сделать не могли.

Молчать три года и выступить с несколькими «мыслями» – чрезвычайно плоскими – что это: «глупость или измена»^{[4]?}

Еще немного, и триада – Шаршун, Гингер и Кобяков^[5] станет реальностью, – вроде ковбоя Грановского^[6].

Пишу всё это Вам я, потому что другим в конце концов все-таки в высшей степени безразлично – будете ли Вы печатать мысли об онанизме с Кобяковым или с другим каким-нибудь Маниаковым^[7].

Доморощенный, безграмотный дадаизм, разбавленный карикатурной, кощунственной розановщиной (кощунственной по отношению к великому выстрадавшему стилю-тону Розанова) – вот что остается от «Преданности» поэзии^[8].

«Мало», как говорится в одном еврейском анекдоте, который еврейский и анекдот только потому, что бы<л> еще глупее, чем русские хаи-каи.

Вспомните, какую роль играли в русской революции «китайцы».

Долой «японцев» русской поэзии.

Б. Божнев

<приписка С. Луцкого:>

Дорогой Алекс<андр> Самс<онович>,

Всецело присоединяюсь к справедливому возмущению Б<ориса> Б<ожнева>.

Как это Вы могли... С. Луцкий^[9]

<приписка В. Андреева:>

Возмущаюсь совместно с Божневым и Луцким. Вадим Андреев

1. Написано на почтовой бумаге «Le Dôme Café-bar Américain» (108, Boulevard du Montparnasse). Письмо не датировано, однако по контексту оно относится к маю или июню 1929 г., когда Гингер в соавторстве с С. Шаршуном выпустил листовку «Русский Хай-Кай», возмущившую его «литературных соратников». По-видимому, рукой получателя, помечено как «1».

2. В первых четырех письмах Божнев величает Гингера «Сампсонович», см. также прим. 11 к п. № 7.

3. Т.е. прошедшие после издания в 1925 г. *II*. Речь идет об участии Гингера в дадаистском журнале-листочке С. Шаршуна «Перевоз» № 10 «Русский Хай-Кай (Le Hai-Kai russe)» (Париж, 1929). Хай-кай (хай-кай, хокку) – жанровая разновидность японской поэзии, «афористичность» которой была использована в «Перевозе» Шаршуна-Гингера.

4. Пародируется ставшая крылатой фраза-вопрос П.Н. Милюкова «Глупость или измена» – так называлась антиправительственная речь, произнесенная им на заседании Государственной Думы 1(14) ноября 1916 г., ходившая после этого среди народа в списках и приобретающая неслыханную известность.

5. Дмитрий Юрьевич Кобяков (1898–1978), поэт, прозаик, журналист. Руководил парижским издательством «Птицелов», в котором вышли его поэтические сборники «Керамика» (1925), «Вешняк» (1926), «Горечь» (2-е изд., 1927), «Чаша» (1936). Редактировал (соредактор – художник А. Шем [Шеметов]) сатирический журнал «Ухват» (1926), который выходил в том же издательстве (всего вышло 6 номеров). После II-й мировой войны редактор еженедельника ЧС, в котором печатался Гингер. Вступил в 1945 г. во Французскую коммунистическую партию; в 1948 г. взял советский паспорт; в 1957 г. покинул Францию и через ГДР вернулся в СССР. В Тургеневской библиотеке (Париж) сохранилось несколько сборников стихов Кобякова, подаренных Гингеру и Присмановой со следующими надписями – на сборнике «Керамика»: «Георгию Адамовичу» (зачеркнуто и написано:) «Александру Гингеру. Дмитрий Кобяков. 7/IV–<19>25. Paris»; на сборнике «Вешняк»: «Анне и Александру Гингер – на скупую радость! Дмитрий Кобяков. 17–II–<19>26. Paris»; на сборнике «Горечь»: «Александру Гингеру с потомством – от преданного автора. 15–VII–<19>27. Paris». См. две пародии Кобякова на Гингера и Присманову, включенные в настоящее издание (Приложение I). Имя Кобякова возникает в письме в связи со следующим фрагментом С. Шаршуна в листочке: «В нетопленном камине Д. КОБЯКОВ высиживает “Абстрактный журнал”». Шаршун упоминает также и Гингера: «А. ГИНГЕРУ надо пересидеть закупорку гениальной техники, тучи профессионалов».

6. Имеется в виду художник и скульптор Самюэль (Хаим) Грановский (1889–1942), прозванный на «русском Монпарнасе» «ковбоем»: он носил широкополую техасскую шляпу и на американский лад называл себя Сэм. В годы II-й мировой войны депортирован и погиб в немецком концлагере.

7. В гингеровской части листочки говорится:

У мужчины онанизм вызывает на поверхность женское начало; продолжительные занятия онанизмом способствуют исчезновению завоевательной храбрости и действительного самолюбия.

8. О центристской позиции, занятой в 20-е гг. Божневым, пытавшимся уравновесить крайности авангарда с традиционалистским подходом к поэзии и осуществить собственный эксперимент в направлении герметической стиховой семантики, см.: *Устинов Андрей*. Борис Божнев до «Борьбы за несуществование» // *Vademecum: К 65-летию Лазаря Флейшмана*. М.: Водолей, 2010. С. 280–281.

9. О С.А. Луцком см. Приложение I (1. Две пародии С. Луцкого на Гингера).

2^[1]

<лето 1929^[2]>

Милый Александр Сампсонович

Мы говорим, очевидно, на разных языках.

Вам остались совершенно неясными причины возмущения – еднородного столь разных людей, как я, Луцкий, Андреев, Поплавский и Сосинский (последние два присоединяются всецело к моему первому письму).

Вы пишете совершенно серьезно о своих «прозаических сочинениях». *Это* Вы называете сочинениями?! До сих пор мне известны прозаические сочинения, написанные поэтами:

Лермонтов – Герой нашего времени

Пастернак – Детство Люверс

Сологуб – Мелкий бес

Блок – Россия и интеллигенция

Мандельштам – Шум времени

и т.д. от Пушкина до Брюсова через Ходасевича, – до, скажем, Белого.

Это – действительно прозаические сочинения поэтов.

И *Этому* Вы проти<во>поставляете – «Кошелек подобен...», «У мужчины онанизм» и «фруктовые воды»^[3]! И говорите, что *Это* дело вкуса.

Простите, но кто-то из нас не совсем в здравом уме.

Вы знаете, что очень я ценю Вас как поэта, но всё же было бы слишком много для Вас чести, если бы я привел в действие машину своего «вкуса» – свое мерило божественного и гармонического начала – для оценки Ваших не поддающихся никакой квалификации «мыслей».

Вот вчера был на выставке Курбэ^[4] – там весы моего «вкуса» колебались, вот завтра пойду на балет Дягилева, и там Стравинский вновь будет колебать весы «вкуса» моего^[5].

А если бы Вы к этой гнусной листовке прикололи восемь
клопов

и мы Вам их вернули бы даже не раздавленными, – Вы бы тоже говорили, что это дело нашего «вкуса»?

Кроме всего, Ваше дикое выступление закрывает нам всякую возможность Вашей защиты, как поэта.

«Настоящий Гингер – вот. Стихи это случайность, а вот вся мудрость его, весь духовный багаж». Три года думал-думал и отчеканил, «как Эредиа»^[6], восемь бессмертно-плоских «изречений» – таков враждебный хор.

Должны будем молчать.

Относительно Шаршуна. Стыдного, конечно, ничего. Но и вообще – ничего. Шаршун никакого отношения к поэзии или прозе не имеет^[7]. Он то, что в политике называется «дикий». Связывать хотя бы на миг свое «поэтическое дело» с его «делом» это значит надолго «одичать».

(Кстати, все, абсолютно все «мысли» Шаршуна этой листовки никчемны, неинтересны, напыщенно-бездарны, не выше по своему уровню какого-нибудь «возрожденческого» Lolo – только «левые», а тот – «правый»^[8].)

Ну, довольно, всё равно Вы ведь не маленький, хотя и играете «игрушечными людьми»^[9].

Каждый из нас идет своим путем и делает дело поэзии, как понимает.

Конечно, я предпочел бы, чтобы Вы молчали, как Рэмбо, чем кричали, как Шаршун или Кобяков. Боюсь, что и в 40 лет Вы еще будете с ними, а не со мной.

О приезде к Вам погостить я напишу Вам отдельно, когда буду спокойнее, а сейчас только поблагодарю Вас и А. Присманову за доброе приглашение.

Статья Ваша в сохранности^[10]. Литературные новости – выходят осенью: книга С. Луцкого «Служение» (прекрасные стихи)^[11], книга А. Булкина (стихов последних не знаю, не видал сего рыжебородого)^[12] и моя поэма^[13]. «Стихотворение» возобновляется и расширяется^[14].

Обо всем еще напишу.
Будьте все здоровы и благополучны.

Ваш Б. Божнев

1. Рукой получателя помечено как «2». Фрагмент из этого письма – от слов «Вы пишете совершенно серьезно...» до «...прозаические сочинения поэтов» – приведен в статье: *Устинов Андрей, Поливанов Константин*. На грани: Борис Божнев в 1930-е годы. С. 34 (авторы ошибочно датируют это письмо 1928 г.).

2. Год устанавливается по контексту.

3. В листовке говорится:

Вот какие фруктовые воды я пил в киоске в Алуште в 1914 г.: 1. апельсиновая, 2. ананасная, 3. ромовая, 4. гренадиновая, 5. лимонная, 6. вишневая, 7. свежее сено, 8. малиновая, 9. ванилевая, 10. земляничная, 11. розовая, 12. грушевая. Там были, знаете, такие высокие стеклянные сосуды!

Ср. с фрагментом, который приводит Гингер в «Из записной книжки <3>» (за подписью Агнии Нагаго), см. раздел Проза. Рассказы, очерки, эссе.

4. Жан Дезире Гюстав Курбе (Gustave Courbet; 1819–1877), французский живописец.

5. Сергей Павлович Дягилев (1872–1929), театральный и художественный деятель, антрепренер, один из основателей группы «Мир искусства», инициатор и организатор «Русских сезонов» в Париже и труппы «Русский балет Дягилева»; Игорь Федорович Стравинский (1882–1971), композитор, дирижер, пианист.

6. Жозе-Мария де Эредиа (José-Maria de Heredia; 1842–1905), французский поэт.

7. Ранний русский Монпарнас не воспринимал С. Шаршуна как поэта, ср. в воспоминаниях Г. Издебской, описывающей его выступления с чтением своих стихов:

Сергей Шаршун читал по-русски и по-французски стихи, в которых постоянно возвращалось излюбленное им напечатанное <sic; непечатное?> слово. Все глаза обращались на него с любопытством: каково его отношение к самому себе? принимает ли он всерьез свое «творчество»? Но лицо Шаршуна оставалось неподвижным и не являлось комментарием к только что прочитанному стихотворению. Слушатели переглядывались, повторяли с улыбкой старую шутку, что поэты признают значительность его живописи, а художники – значительность его поэзии... (*Издебская Галина*. «Гатарapak» // НРС. 1953. № 14863, 5 янв. С. 3).

8. Lolo (наст. имя и фам. Леонид Григорьевич Мунштейн; 1866/77–1947), поэт-сатирик, драматург, журналист, переводчик, мемуарист; сотрудник Воз-1.

9. «Игрушечные люди» – общее название подборки афоризмов Гингера, напечатанной в «Перевозе» № 10. Разъяснение названию включает первый афоризм: «Когда люди сердятся, они кажутся игрушечными».

10. Имеется в виду статья Гингера, написанная по просьбе Божнева для III-го, несостоявшегося, выпуска СППК.

11. Книга стихов С.А. Луцкого вышла в 1929 г. в организованном Божневым издательстве «Стихотворение». Божнев поддерживал с Луцким приятельские отношения: именно в доме последнего он познакомился со своей будущей женой Эллой Михайловной Каминер (1907–1986), см.: *Флейшман Лазарь. О Борисе Божневе // Божнев I: 12.*

12. Речь идет о 2-й книге «Стихотворений» поэта и литературного критика Александра Яковлевича Браславского (псевд. Булкин; 1871–1972?).

13. Издание поэмы, о которой пишет Божнев, «Silentium Sociologicum», состоялось только в самом начале 1936 г.

14. Имеется в виду два выпуска СППК-I и СППК-II, изданные Божневым в 1928 г. В предваряющей первый выпуск редакционной заметке говорилось:

Группа парижских поэтов и критиков приступает к изданию сборников «Стихотворение», посвященных исключительно поэзии и поэтической критике. Смысл и цель своей работы редакция «Стихотворения» видит в поддержании и укреплении поэтического сознания и в охране внешне прервавшейся преемственности русской поэзии.

В обоих выпусках сборника принимал участие Гингер: в I-м напечатано его стихотворение «Стисни губы, воин честный...» (С. 6), во II-м – «Голова моя поднята к небу...» (С. 23). Издание в дальнейшем не возобновилось (см. прим. 10); во II-м выпуске была проанонсирована статья Б. Поплавского «Александр Гингер», в основу которой, по всей видимости, легло вступительное слово, произнесенное им на поэтическом вечере Гингера 21 марта 1929 г., см.: ВР. 1929. № 4. С. 123; см. также прим. 4 к п. № 4.

3^[1]

<лето 1929>

Милый Александр Сампсонович

Напрасно, совершенно напрасно «позволяете Вы себе» считать «варварством» – «как непроизводительной затратной энергии» (sic!) – посылку мною писем заказными.

Уж разрешите мне мою энергию расходовать не столь мудро-скудно, как, например, Вы.

Победа не в том, разумеется, что Вы «спокойны и улыбаетесь», а в том, что все смеются, повторяя почти буквально всё то, что некогда Вы сами говорили о листовках Шаршуна.

«Взволнованность» моя, помимо глубоких причин, которые так и остались Вами не понятыми, имеет и очень простое основание – живя на поэтической половине российской словесности, хочу, чтобы всё было на сей половине чисто – не валялись всякие бумажки и прочий сор.

Что бы Вы сказали, ежели бы видели, ну, скажем, «взволнованность» П.П. Сувчинского от статьи Марины Цветаевой «о Н. Гончаровой»^[2] – статья хоть и прескверная, да всё же не чета, конечно, Вашим «кошельку» и «онанизму»^[3].

Есть, следовательно, некое повелительное чувство, которое заставляет людей терять свое драгоценное время для отрицательной оценки ничтожнейших, ничего не стоящих вещей.

Правда, М. Цветаева написала 200 печатных страниц, а Вы и Шаршун – один листик, и среди 200 ее страниц всё же найдется 50 «мыслей», из которых каждая покажется при сравнении с «варя мясо» или «бабочка – обмечает» или с «безумным У»^[4] – паскалевской, – и всё же, в силу разных, – но аналогичных с Вашим случаем, – причин – была «взволнованность» нескольких людей и долгие споры.

Так велит не чувство остряков-самоучек, а чувство уже научившихся взрослых русских людей, которые сами прекрасно знают, что такое поэзия или другое искусство, и знают, что можно требовать от людей, именующих себя русскими поэтами.

Как ни странно, я до последнего времени предполагал, что Вы будете внутренне-тайно равняться на – П. Валери или хотя бы П. Ревежди^[5] – ан выходит – на Шаршуна и Кобякова.

Да, в этом смысле «гордыня» у нас дьявольская, и мы будем равняться не с Вами, не в Вашем направлении, что, разумеется, Вы правы, наших личных отношений не может изменить ни к лучшему, ни к худшему.

Но ведь те личные отношения, о которых Вы думаете, могут существовать только в те моменты, – «пока не требует поэта»^[6], – а там – в разные стороны.

Ну, будьте здоровы и благополучны. Статью прилагаю.

И девять картинок-иллюстраций к «нашим отношениям».

Привет Вашей семье.

Ваш Б. Божнев

1. Помечено получателем цифрой «3».

2. Речь идет об очерке М. Цветаевой «Наталья Гончарова», посвященном известной художнице Наталье Сергеевне Гончаровой (1881–1962), внучатой племяннице Н.Н. Гончаровой-Пушкиной. Очерк был опубликован в ВР (1929. № 5/6, 7, 8/9). Петр Петрович Сувчинский (1892–1985), музыковед, философ, один из основателей евразийства, соредатор журнала «Версты» (два других редактора – Д.П. Святополк-Мирский и С.Я. Эфрон). Об эпистолярном и творческом диалоге Цветаевой с Сувчинским см.: *Осипова Н.О.* П. Сувчинский – адресат М. Цветаевой // На путях постижения Марины Цветаевой: Десятая цветаевская междунар. научно-темат. конф. (9–12 октября 2001 г.). М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2002. С. 72–80.

3. См. примечания к двум предыдущим письмам.

4. Божнев имеет в виду тексты Шаршуна (два первых) и Гингера из «Русский Хай-Кай».

5. Пьер Реверди (Pierre Reverdy; 1889–1960), французский поэт.

6. Из стихотворения Пушкина «Поэт» (1827).

4^[1]

<22 марта 1929>^[2]

Милый Александр Сампсонович

Вот текст<т> рнеи^[3], которую(ое) я послал Б. Поплавскому, докладчику на Вашем вчерашнем вечере^[4].

Думая, что я не смогу быть, я ему писал:

«Милый Борис Юлианович

Вы знаете, как я отношусь к поэзии А. Гингера и как я ее ценю.

Я обязательно хотел быть на Вашем о нем докладе, но боюсь, что крайне насущное дело мне помешает.

Моя оценка поэзии А. Гингера «публичная» или «письменная» еще впереди. Но долг свой я, конечно, непременно выполню. Хорошо, что сегодня Вы выполните свой.

Русское варварство – тамошнее и здешнее – кажется не имеет пределов.

Но это только так кажется.

Мы ему пределы создадим и поставим^[5].

Ваш Б. Божнев»

Всё же я сделал большое усилие, «освободился» и был на Вашем вечере.

О самом вечере Вам напишет Шаршун, Поплавский и Карский^[6].

Меня всё сказанное вчера не удовлетворило, многое существенное не было даже затронуто, но все-таки некоторые частности Вашей поэзии были определены, если не углублены.

Вижу, что основную и главную работу придется сделать мне; ну, что же – очень рад.

Примите всё сие как привет всегда Вам верного сотоварища, ставящего поэтическую истину выше всего.

Ваш Борис Божнев

P.S. Привет Анне Присмановой и сыновьям.

1. Написано на почтовой бумаге Café Terminus (Gare St.-Lazare).

2. Датируется по контексту.

3. pneu (pneumatique) – пневматическая городская почта, действовавшая с 1867 по 1984 г. (представляла собой транспортировку писем или других легких предметов по трубопроводу под действием сжатого или, наоборот, разреженного воздуха).

4. Вечер поэзии Гингера состоялся в рамках литературного объединения «Кочевье» 21 марта 1929 г.; вступительное слово сделал Б. Поплавский (см. прим. 14 к п. № 2).

5. Фрагмент из этого письма – от слов «Моя оценка...» – приведен в статье: *Устинов Андрей, Поливанов Константин*. На грани: Борис Божнев в 1930-е годы. С. 28.

6. См. о нем ниже – Письма Гингера С.О. Карскому.

Милая Анна Присманова

Погано чувствую себя – припадок печени. «Тошнит Царствием Небесным» (И. Зданевич)^[1]. Сегодня полегчало, ем уже компотик, сухарик и супик – блюда пищи надо располагать по «месту», а не по «времени».

Зол.

Думал – немного – о Вашей прекрасной теме: «Душа моя выкапывает землю...», закончил «про себя» первую строфу; интересно, как Вы ее допишете^[2].

Дальше не двигал тему – и своих – неподвижных – много накопилось, так где о чужих тревожиться.

Эгоистичен, но правдив.

Итак, разрешите благосклонно – посетить Вас в среду будущую, 20-го, в 9 ч<асов> в<ечера> – а вот здесь, в этом перечислении – всё как будто только последовательность Времени, но в этой последовательности Времени есть и – Место.

Умен, да взором скромнен.

Читал критику Ходасевича. Когда же буду читать критику Ваших стихов того, из ребра которого не могла бы быть созданной Ева?

Эва^[3]!..

Всего наилучшего и приветствия Вам и Александру Гингеру.
Верьте!

Б. Божнев

1. С художником, поэтом и прозаиком И.М. Зданевичем (Ильяздом) (1894–1975) Божнев и Гингер были знакомы и дружны на протяжении многих лет, начиная с ранних 20-х гг. Гингер посвятил ему стихотворение «Чувство» (II), см. комментарий.

2. Возможно, имеется в виду стихотворение Присмановой, появившееся в печати значительно позже и названное «Туман» (Оп. 1953. № 2. С. 21; в сборники поэтессы не включалось):

Ты – с которым я даже во сне объясняюсь на Вы –
ты относишься к тем, у которых беспочвенны души.
Ты, быть может, составлен из тканей подводной травы,
той, что плавала до отделения влаги от суши.

В том пространстве, где зыбью покрыты гнилые ростки,
мне для сердца опорой кажется даже замшенность.
Но, скользя безответно за грани земли и тоски,
ты уходишь сплошную туманностью в опустошенность.

Отстраняя тебя и опять над тобою скорбя,
я – на скудной земле (без дождя не рождающей злака).
Но такая земля откровенно впитает тебя,
если вдруг и тебе над собою захочется плакать.

3. Последний фрагмент приведен в упоминавшейся статье А. Устинова и К. Поливанова «На грани: Борис Божнев в 1930-е годы» (С. 35), где указано, что Божнев ведет речь о статье В. Ходасевича ««Роман с кокаином». Новые стихи» (Воз-1. 1937. № 4060, 9 янв. С. 9), а под прозрачно-шутливым намеком на «того, из ребра которого не могла бы быть созданной Ева», скрыт намек на Г. Адамовича.

6

<1946>^[1]

Дорогая Анна Присманова

Прочел – «проштудировал» – Вашу книгу – и нашел в ней много прекрасных стихов^[2]. А о других – поговорим при встрече.

На прилагаемом листике прошу Вас написать следующие строчки из двух стихотворений – помимо «личного обращения» – какое пожелаете –

Не думайте, не думайте, не думай,
что будет день такой и для тебя^[3]!

и ангелам дай каменную бровь^[4].

Листик этот – с Вашим посвящением и с этими строками я приклею на предтительную страницу Вашей книги.

Благодарю Вас.

Ваш Б. Божнев

Привет и поклон Александру Гингеру

1. Год определяется по контексту.
2. Речь идет о книге стихов Присмановой «Близнецы» (Париж: Объединение русских писателей во Франции, 1946).
3. Из стихотворения Присмановой «Ящик» (С. 92).
4. Из стихотворения Присмановой «Сестры Бронтэ» (С. 12).

Дорогой друг^[2]

Спасибо за письмецо – и за хлопоты, увенчанные 2стами фр<анками>. На письма я всегда отвечаю – не только «Присмановой» и «Гингеру», но и совсем простым смертным. Да если бы были только^[3] – то, пожалуй, корреспонденция моя заглохла бы совсем – я-то Вам иногда пишу, да ответа от Вас не имею.

Я послал Вам зимой – потрудились для Вас! – сюиту небольшую рукописную снежных четверостиший с сиянием сусальным^[4] – никакого ответа не имел – даже не потрудились.

Послал Вам два рисунка – милых и приятных – портреты Ваши – «не пером и не красками слегка», как в альбоме Ольги^[5] – а карандашами – ответа не имел – не никакого – потрудились не даже <sic>.

Очень рад узнать, что написали большую поэму^[6] – напрасно только говорите, что я не люблю поучения в стихах – всё люблю, если стихи хорошие, а если поучение преумное, да стихи плохие, то —————

Но уверен, что в Вашей поэме столько же стихоума, сколько ума стихии.

И желаю от всей души большого успеха вечеру Вашему, на котором, к сожалению, быть не смогу^[7], т<ак> к<ак> вместо Парижа я, наверное, скоро уеду к себе в Mane (Basses Alpes)^[8], где буду в тишине работать и в работе пребывать до осени.

Вышла из печати моя новая поэма, и скоро я Вам ее пришлю – она называется «Колокольный Звон над “Царство Божие внутри нас”»^[9].

Закончил я также большую поэму в 808 строк.

Написал больше половины французской поэмы «Stances à Ninon de Lenclos».

Пересмотрел и кое-что добавил к моей самой большой поэме в 1500 строк, начатой прошлым летом.

И очень много рисую карандашами и чернилами – готовлю небольшие тетради моих рисунков для продажи.

Как видите, полоса благодати, начавшаяся два года тому назад, продолжается, и я делаю всё, чтобы быть ее, «этой Благодати», достойным.

Как Ваше здоровье?

Очень хотел бы повидать Вас и обо всем побеседовать вдовом <sic>.

Сердечно приветствую Вас и Александра Сампсоновича <sic>.

Ваш Б. Божнев

P.S. Пишу Сампсоновича – т.к. помню, что именно так писал свое отчество двадцать лет тому назад оный, сам себе сон Далилы бессонный, Гингер чародей^[11]!

Б<ожнев>

1. Год определяется по контексту.
2. Письмо обращено к Присмановой.
3. Слово «только» обведено.
4. Речь идет о цикле «Фуга светлых снегов», состоящем из четырех четверостиший, который Божнев завершил в декабре 1947 г. и тогда же, судя по всему, отослал Гингеру; отдельное издание вышло в ноябре 1948 г., см.: *Божнев II*: 286.
5. Измененный стих из «Евгения Онегина» Пушкина (гл. 4, строфа XXVII).
6. Имеется в виду поэма Присмановой «Вера» (см. прим. 3 на с. 35).
7. Речь идет о литературном вечере Присмановой, который состоялся 22 мая 1948 г. в помещении Русской консерватории им С. Рахманинова; вступительное слово сказал Г. Адамович. За день до вечера А. Бахрах (заметка подписана инициалами А.Б.) писал в РН (1948. № 155, 21 мая. С. 6):

...поэтический вечер, который теперь устраивает Анна Присманова, – вечер во многих отношениях особенный. Во-первых, в ее жизни это первый самостоятельный вечер. Во-вторых, среди парижской школы ее поэтика наиболее далека от шаблонов, и муза ее, чуждающаяся звезд и ангелов, всегда говорит о чем-то неуловимо своем, а «свое» никогда не оставляет равнодушным. В-третьих, она написала большую поэму, вернее, лирический рассказ «Вера» (о Вере Фигнер), и с этим произведением наконец можно будет ознакомиться. Всего этого вместе, кажется, достаточно, чтобы вечер Присмановой оказался не просто банальным вечером чтения, а в какой-то мере литературным событием, пропустить которое было бы досадно всякому подлинному любителю поэзии.

8. В 1945 г. Божнев приобрел домик в городке Mane (Alpes-de-Haute-Provence – Альпы Верхнего Прованса) на юго-востоке Франции, где проводил летние месяцы. Многие его письма Гингерам написаны именно оттуда.

9. Поэма Божнева «Колокольный звон над “Царство Божие внутри нас”» (посв. О.В. Черновой, жене В.Л. Андреева, см. прим. 1 к письму Гингера В.Л. Андрееву) вышла отдельным изданием весной 1948 г.; автор отправил Гингерам подарочный экземпляр (см. след. письмо).

10. Имеется в виду поэма «Прерванная Гирлянда», см. пп. № 11, от 17 сентября <1948> и № 13, от 2 января 1950.

11. Реплика Божнева, помимо аллитерационной игры и рифменных соответствий (сампСОНович – ОНЬЙ – СОН – бесСОННЬЙ), основана на шуточной парцелляции отчества Гингера и разложения его на «составные» элементы: САМ[п]-СОН, т.е. «самоспящий», что восходит к *сну* как одному из лейтмотивных образов гингеровской поэзии, см. сатирическое заострение той же, по существу, мысли в пародии С. Луцкого «Что кии в Токио в загоне...» (Приложение I), завершающейся «засыпанием» пародируемого автора: «Я уж сонн». Кроме того, возможно, существовал какой-то недошедший до нас текст Гингера (устный или письменный), где он, играя своим отчеством, представлялся как библейский Сампсон (Самсон) (при этом следует, конечно, учесть его стихотворение «Ослиная в руке Самсона челюсть...» из *ЖиТ*), преданный Далилой. Судя по всему, на этот текст (если он в самом деле существовал) ориентировано шутивное четверостишие Д. Кнута (личный архив составителя):

И по глазам Далилы сонной
Он понял, что пришел конец...
Прощай же, Александр Сампсонов,
Ученый малый и певец.

Не исключено, что всё с тем же предполагаемым текстом Гингера, где он как будто бы травестировал коварство Далилы и «свою смерть» как смерть библейского героя, связано посвящение Б. Поплавского, предшествующее стихотворению «На железном плацдарме крыш...»: «На смерть Александра Гингера. Париж. 1925». В. Крейд, впервые опубликовавший несколько поэтических посвящений Поплавского Гингеру, в том числе и это стихотворение (Звезда. 1993. № 7. С. 112–114), допустил сразу два ошибочных утверждения. Во-первых, он писал, что это стихотворение «сопровождается коротким письмом Поплавского, адресованным Гингеру» и датированным 4 сентября 1931 г.; из этой, по существу, записки он привел наиболее «безобидную» ее часть; целиком же она читается так (сохранены грамматические особенности оригинала):

Дорогой Шура

Оцупа Тебя Иванова и Адамовича признаю еще Заковича (en orbi <здесь: вот и весь круг; это и всё, *лат.*>) все остальные газетные гады особенно Ладинский гаже всех

Целью я поразился и та до сих пор лежит у меня на столе насчет ебеней матери в Дон Жуане очень одобряю.

Привет Анне

Твой Б<орис>

Однако связь стихотворения «На железном плацдарме крыш...» и приведенного письма существует только в фантазии публикатора: никакого отношения один автограф к другому не имеет, да и странно было бы в 1931 г. отправлять адресату стихотворение, написанное в 1925 г. Но еще более странная ошибка содержится во втором утверждении Крейда: будто бы слова «На смерть Александра Гингера» маркируют не это стихотворение, а другое посвящение Поплавского Гингеру: «Никогда поэты не поймут...» (в том, что «зловещая» фраза Поплавского сопровождает именно «На железном плацдарме крыш...», легко убедиться, см. фото автографа на с. 206 данного тома).

«Как и положено», запущенные «в производство», эти ошибки были подхвачены и вошли в комментарий стихотворных «Сочинений» Поплавского (см.: *Поплавский Б.Ю.* Сочинения / Общ. ред. и коммент. С.А. Ивановой. СПб.: Летний Сад; Журнал «Нева», 1999. С. 434, 436).

8

15 июня <1948>^[1]

Дорогая Анна Семеновна

Спасибо пишущей машинке,
К которой прикасались Вы –
За в тексте скрытые картинки,
За голос, полный синевы...

Очень, очень рад, что вечер Ваш прошел на славу и на всяческую пользу^[2].

Название поэмы Вашей – Вера – поэтически верно и жизненно свято – Вера Н. Фигнер – была в жизни святой – в те времена, когда сама жизнь еще была полна разной святости^[3].

Рад очень также, что услышали и во-услышали мой «Колокольный Звон»^[4]. Я написал его ровно в 15 дней короткой жизни февраля – в страшном и радостном перезвоне чувств, и в конечном успокоении воска... (Но насчет «четных и нечетных страниц» совершенно не согласен, это – *ересь* – ибо в поэме оной есть и на четных и на нечетных страницах – важнейшие и лучшие моменты благовеста и благовести, равно как имеются на обеих ланитах поэмы удары била колокольного.)

Благодарю Вас сердечно за то, что вносите свою личную дружескую лепту на построение моего «Собора» и что устраиваете еще один экземпляр в кругу своих почитателей. Вообще, имею много хороших писем, откликов внимания и понимания, и почти все экз<емпляры> проданы в Париже и в Америке, где цена – 2 dol<lars>^[5].

Из Палестины от Эллы на днях имел наконец – телеграмму – *via Eastern C°* – и первую открытку после многих недель молчания^[6] – эти недели были для меня медленным кошмаром как во времена подлых бошей^[7].

Несмотря ни на что, я всё же очень много работал – пришла большая волна рисунков – и я сделал (считая всю работу последних 3 месяцев, с перерывами) около 200 – цветными карандашами и чернилами; готовлю тетради рисунков, особенно для Америки (я сейчас «живу» главным образом от продажи рисунков моих, как это ни странно).

Что же касается Вашей писемфобии^[8],

Не в письмах дело – умный ведь Тюрю
Не ведал тонкого Сенака^[9],
А между них гусиное перо
Цветет с надломленностью злака...

А важно только то, что существует Присманова, пишущая прекрасные стихи – и оттого – пусть даже с опозданием – отвечающая на всё прекрасное.

Прошу передать мой сердечный привет Александру Гингеру, хотя я и глубоко возмущен его манерой писать цифру 5 по-французски – не хочу даже изобразить, как, фу, срам какой^[10]!

Но что же касается будущего французской страны – то я за него спокоен – известные Вам электрики бдят на своих высоких постах – тому свидетели счетчики наши!

Я скоро уезжаю к себе в Mane, Basses Alpes – откуда напишу Вам.

Преданный Вам

Б. Божнев

1. Год определяется по контексту.
2. См. прим. 7 к предыд. письму.
3. Речь идет о лирической повести Присмановой «Вера», посвященной В. Фигнер, фрагменты из которой печатались в Нов (1950. № 42–44. С. 63–66; отд. изд. – Париж, 1960). Это письмо Божнева корректирует мнение о том, будто бы «Присманова начала “Веру” в 1950 году...» (см.: *Присманова А., Гингер А.* Туманное звено / Сост., предисл., коммент. Ксении Рагозиной. Томск: Водолей, 1999. С. 245).
4. См. прим. 9 к предыд. письму.
5. Свои поэтические сборники Божнев распространял по подписке, сопровождая издание следующей просьбой (цит. по: *Устинов Андрей, Полливанов Константин.* На грани: Борис Божнев в 1930-е годы. С. 36–37):

Ввиду фантастической дороговизны печатания, бумаги и других расходов по изданию, я – для возмещения, хотя бы частичного, стоимости моих поэм и рисунков – принужден просить друзей моих о предварительной подписке, цена которой в Америке 2 dol<lars>, а в Палестине – 1 f<ranc>. Б<орис> Б<ожнев>.

6. В апреле 1947 г. Э.М. Каминер-Божнева была вынуждена уехать в Палестину для ухода за больной, престарелой матерью. Волнения Божнева были связаны с тем, что за месяц до написания этого письма в Израиле началась Война за независимость 1948–1949 гг., и он не имел никаких сведений о жене.

7. boche (*презр.*) – немец (*фр.*).

8. Мотив «письмофобии» Присмановой появляется в ее и Гингера письмах постоянно, см., например, ее письмо к В. Булич (№ 1, от 10 марта 1949 г.) или письмо Гингера к В. Андрееву.

9. Поль Тюро-Данжен (Paul Thureau-Dangin; 1837–1913), французский историк и публицист, постоянный секретарь французской Академии наук; Иоанн-Баптист Сенак (Sénac; 1693–1770), французский врач, член Академии наук, являлся врачом Людовика XV и управляющим минеральными водами Франции. Автор письма играет здесь названиями улиц, на которой жил он сам и его корреспонденты: Гингеры – на улице, носившей имя Тюро, Бож-

нев – Сенака. См. п. № 29, от 18 июня <1955>, с которым Божнев отправил Гингером фотографию Туро-Данжена 1911 г.

10. Ср. о том же – написании Гингером цифры 5 – в п. № 13, от 2 января 1950 г.

9

Пятница <до 15 октября 1948>^[1]

Дорогая Присманова

Очень хотел бы Вас повидать. (Но я вижу Вас чаще, чем Вы это думаете.) Проклятая прекрасная жизнь забирает в такой переплет раздираемые нами страницы.

Чудное лето прошло. Война потрясла нас тем, что не разразилась^[2] – многое создано – многое разрушено – был очень болен – вызвал Элли – поправляюсь – много работаю по-немногу – собираюсь на юг – к Средиземному теплу. (...Неужели увижу и вкушу и Алжир...?)

Не до шуток теперь, времени терять нельзя, каждый час прекрасен и всё, что мешает, надо со свирепостью отметать.

К черту дураков и жителей-поживателей.

В будущую пятницу, часа в 4, думаю быть у Вас.

Ваш Б<орис> Б<ожнев>

1. Примерная датировка определяется по контексту. Письмо, по-видимому, написано из Марселя, накануне поездки Божнева в Париж. Это было одно из его трех послевоенных посещений французской столицы (очевидно, второе), о которых он пишет далее, в п. № 11 – Париж I, Париж II и Париж III.

2. Имеется в виду Война за независимость Израиля (см. прим. 6 к предыд. п.); боевые действия начались 15 мая 1948 г. и продолжались до 10 июня, до первого перемирия, которое 9 июля было нарушено, и в последующие дни бои вспыхнули с прежней силой; второе перемирие вступило в действие с 18 июля и продолжалось до 15 октября; письмо Божнева написано до того, как истек срок второго перемирия.

10
<лето 1948>

Дорогие и милые
Присманова
и Гингер!

Ехал – ехал – и приехал – несмотря ни на какие разновидности пятистопного русского ямба^[1].

Bref – sauf un contre-ordre de votre part^[2] – (мой адрес:

Monsieur A. Roy
pour Boris Vojev
9, rue Cambronne
Paris (XV)) –

я собираюсь к Вам в будущую пятницу – к 4-м часам дня со своим чаем – сахаром и petits gateaux^[3] – и с поэмой, фотографиями и моей живописью.

Ежели автор 5-стопный вообще свободен днем – то не вижу возражений против одного часа. Так что не предвижу никаких каверз в этом смысле. Но можете изменить и день и час – за исключением: среды и воскресенья – когда я занят раз и навсегда весь день, и четверга – когда я занят вечером.

Так что, ежели в четверг вечером у друзей моих Roy не будет никакой вести от Вас – в пятницу мы увидимся и поделимся опытом нашей жизни.

Сердечно Ваш

Б. Божнев

1. Имеется в виду гингеровское эссе «О разновидностях русского пятистопного ямба» (см. раздел Проза. Рассказы, очерки, эссе).

2. Bref – sauf un contre-ordre de votre part – Короче, если только <не прозвучит> сигнал отбоя с вашей стороны (*фр.*).

3. petits gateaux – пирожные (*фр.*).

Mane
Basses Alpes

17 сентября <1948>

I <открытка>

Дорогая Присманова, дорогой Гингер –

Часто вспоминаю Вас и о Вас думаю. И, главным образом, и прежде всего – как здоровье Присмановой? Надеюсь, что летнее тепло – в тени – и прохладная высота помогли – и что местная корова выполнила свой долг по отношению к поэзии и хоть немного укрепила творческие силы ^[2]. Тем более, что зима опять предстоит суровая – готовьте топливо.

Я всё еще в моем милom, столь уютном Мане – в Манне моей Небесной. Дом мой – 17-го века – устроен теперь на лад мой; я привез из своего марсельского музея много картин и разных вещей и в самом Мане нашел также разные осколки старины.

Со временем моего отъезда из Парижа, я нахожусь в огромной стихотворной волне – и я за три месяца

II <открытка>

написал около 2.500 строк! – в том числе закончил самую большую свою поэму «Прерванная Гирлянда» в 1.300 строк – остальные 1.200 строк – отдельные фрагменты и разные лирические стихи.

Кроме того, когда волна стихов, наконец, немного упала, я попал в волну живописи – и сделал около 50 картин и картинок – так что каникулы мои прошли в напряженной и, слава Богу, удачной работе. Я предполагаю пробыть здесь еще дней 10, погода прекрасная и прелестная, и я хочу полюбоваться этой прощальной красотой, этими чудными картинками хрестоматии природы. Затем, закрыв на зиму свой *château* ^[3], я уеду в Марсель, где пробуду около недели, а затем – Париж III – мое третье путешествие в Париж.

III <открытка> ^[4]

Вздыхнул – заранее – от усталости – так как для меня Париж III будет еще более трудным и утомительным, нежели Париж II и Па-

риж I. Мне слишком хорошо и отрадно в Париже – но утомительно до чёртиков и до ангелов.

Посылаю Вам, дорогие друзья мои, эти три открытки – одна – от поэзии, другая – от живописи, а третья – просто от жизни. Вот – на этой третьей – дом мой, в котором я живу и работаю на двух инструментах. Скоро – через месяц – Вы услышите один и увидите другой – то есть произведения их единства.

Будьте здоровы и благополучны, не ложитесь спать слишком поздно – берите пример с меня – я ложусь в 8.30–9 ч<асов>! А встаю в 5 ч<асов>, но ведь это мыслимо только тогда, когда Вы – первый и последний в деревне.

Душевно Ваш Б. Божнев

1. Написано на трех открытках с изображением городка Mane.

2. У Присмановой были большие легкие, и, нуждаясь для лечения в горном воздухе, она зачастую снимала комнату или недорогой пансион в горной местности, как, например, осенью 1939 г. в деревеньке Fourmols в провинция Auvergne (см. ее письмо В. Корвин-Пиотровскому № 4, от 5 ноября 1939 г.) или осенью 1948 г. – пансион Maison de St. Marie в городке Siradan в Пиренеях, откуда написано ее письмо Корвин-Пиотровским (№ 8, от 25 ноября 1948 г.) или в городке Laguns, там же в Пиренеях (см. письмо им же № 10, от 5 июля 1953 г.). См. в письме Гингера С. Карскому (№ 1, от 4 октября 1939 г.), в котором он советует тому отправить жену и сына в упомянутую выше деревню Fourmols:

Эта деревня достаточно приличная, много коров (которые дают молоко), высота 1000 метров.

Ср. также строфу в шутовском гингеровском стихотворении «Из “Месяца в деревне”», по всей видимости, ассоциативно связанную с Присмановой:

Надевшийся обмануть недуг,
Помог ли переутомленным легким
Вмешательством поверхностным и легким
Курортных дней и минеральных скук?!.

Помимо внешнего смысла, в словах Божнева имеется, по-видимому, внутренний подтекст, отсылающий к широко известному образу *коровы-производительницы* в стихотворении Присмановой «Пламя» (1933):

Но вставши от ночного столбняка,
производительница молока –
корова издает свое мычанье

См. использование того же образа Д. Кобяковым в пародии на Присманову «Взморье» (приведена в Приложении I).

3. château – замок (*фр.*).

4. На открытке проведена указательная стрелка и написано: «мой дом с большой террасой и сводом подземелья».

12

7 января <1949?>^[1]

Дорогой Друг

На днях, в ответ на мою поэму я получил письмо от А.М. Ремизова – и он – между прочим – но совершенно невнятно и непонятно сообщил мне что – что-то случилось с Гингером – но что именно – понять *нельзя* никак —————

Я сильно забеспокоился и тотчас же послал срочный запрос Андреевым^[2], но еще не имею ответа.

Пишу и Вам – хотя и знаю, как трудно Вам отвечать – что же^[3] случилось?? Надеюсь, что это Ремизовские «сны» или полусказки^[4] – но всё же буду крайне благодарен за подлинную весть и настоящее успокоение^[5] – и остаюсь с сердечными пожеланиями всего всего доброго –

Искренне Ваш Б. Божнев

PS Цены на поэме моей и «Фуге»^[6] это, конечно, только «для порядка» и к действительности Вашей имеют отношение самое отдаленное.

Б<ожнев>

1. Год определяется приблизительно по контексту.
2. Т.е. Вадиму Леонидовичу и Ольге Викторовне Андреевым.
3. Зачеркнуто «же».
4. Известный своими мистификациями, А.М. Ремизов вел «дневник» снов, в котором запечатлены портреты многих его современников.
5. Никаких из ряда вон выходящих событий в это время с Гингером не происходило.
6. О «Фуге» см. прим. 4 к п. № 7, от 15 мая <1948>. Под поэмой, по всей вероятности, подразумевается «Колокольный звон над “Царство Божие внутри нас”», см. прим. 9 к тому же п.

2 Январія 1950
(или Генварія, как пожелаете лучше)

Дорогой Александр Самсонович
С Новым Годом!

Ц 1 и 9 ф 5 р 0 а^[1] его прекрасна, а каков он будет, когда вырастет? Надеюсь, что не будет похож на родителей своих <19>48 да <19>49, не говоря уже о дедушках и страшных бабках и прочих прапра-40 – даже не хочу гнусные их числа писать – в такой всё же еще чистый день – 2-го января 1950 года.

Конечно, год *для Вас* будет трудноватый, ибо в нем имеется пятерка – 5, и Вы опять будете нарывать^[2] головастиков изображать – S S S S S – тьфу^[3].

Но на моем конверте вычертили^[4] – нарочно для моего услаждения – гармоничное 5^[5], что я и отметил и отблагодарил веселым и нестареющим смехом своим, унаследованным от богов беззаботности античной^[6].

Посылаю фотографию и лирическое стихотворение – и то и другое трехлетней давности. Страница эта – первый чистовик, и размер ее не меняю, сами наладите на строй своего альбома^[7].

За последние три года я «создавал» только большие поэмы – от 300 до 1500 строк^[8] – и лишь недавно, в октябре, начал длинную сюиту восьмистиший – будет около 100 – но пока не хочу сдергивать вуаль с образов^[9], которые еще не закончены.

Всего наилучшего!

Ваш

Божнев

1. Божнев соединяет слово «цифра» и «1950» в один художественно-«криптограмматический» образ. Ср. использование сходного приема в письме № 34: «При милая сманова».

2. Над ошибочным «а» надписано вопросительное «о?» и в скобках грамматическое доказательство: «ведь – норов».

3. Ср. в п. № 8, от 15 июня <1948>.

4. Слово «изобразили» зачеркнуто и заменено «вычертили».

5. В номере дома Божнева: 15, rue Sénac.

6. Возможный намек на фамилию Божнев.
7. Страница Божнева в *Альбоме* Гингеров отсутствует.
8. Под поэмой «до 1500 строк», по всей видимости, имеется в виду «Прерванная Гирлянда», о которой Божнев писал в п. № 11, от 17 сентября <1948>.
9. Зачеркнуто слово «памятников» и заменено «образов».

14

31 марта <1951>^[1]

Дорогой Александр Самсонович –

Опять к Вашей милости обращаюсь – надоумьте – можно ли сказать: *ветка* вербы или надо-можно только прутик^{[2]????}

Можжевельник, скажем, куст, но ведь – ветка мож<ж>евельника, а не прут –

А как растёт оная верба – очень ли отдельно или сомкнуто??? (Полагаю, что трех вопросительных знаков достаточно вполне, незачем швыряться, хоть бы и не попусту.)

Также прошу экстренно известить – в Нирвана достаточно ли одного н – были такие роскошные типы в России, что прибавляли ещё одно н, а я человек скромный^[3].

Что слышно у Вас – не поленитесь, пожалуйста, написать о здоровье Анны Присмановой – и пишет ли она опять стихи – или всё прозу – и имеются ли у Вас уже правнуки?

Русских газет здесь не вижу – но надеюсь, что никто не † <умер> из тех, кого я знал.

Я собираюсь скоро в Париж.

Жил я эту зиму в трудностях материальных и прихварывал, но работал отлично и даже прекрасно закончил две новые поэмы – 500 и 400 стихов – и кое-какие ещё другие русские и французские тексты.

И рисунки.

Всё это – надеюсь, – увидите и услышите – в мае.

Да – сообщите также, s. v. p.^[4] – читали ли Вы хоть один роман Georges Simenon^[5]?

Два года тому назад ma petite Alice^[6] принесла мне два его романа – и я сразу был очарован этим *гением* – с тех <пор> я прочел около 40 его книг – и за последние 3 недели случайно нашел еще 9! – «policiers»^[7] и не детективные.

Кстати – André Gide^[8] был большим его ценителем, и Simenon хранит его хвалебные письма в особой шкатулке.

Глубоко кланяюсь А. Присмановой и шлю всем Вам сердечный привет.

Ваш Б. Божнев

1. Год определяется по контексту.

2. Божнев спрашивает об этом в связи со следующей строфой из своей поэмы «Чтоб дольше сна продлилось пробуждение», над которой он начал работать в 1951 г. (*Божнев II*: 243):

И не Потоп погибший я спасаю,
А ветку вербы, благовесть ее.
В плечах моих соломинка кося
Удерживает Лиры бытие.

3. Имеется в виду следующая строфа из той же поэмы (Там же. С. 247):

И плед с ногами забирался на диван, –
Уютнейший пра-пра-диван с пра-пра-пружиной,
Которая терзает тела половину, –
Чтоб душу погрузить в Нирвану из Нирван...

4. Принятая во французском языке аббревиатура от *s'il vous plaît* – «пожалуйста; будьте любезны».

5. Жорж Жозеф Кристиан Сименон (Georges Joseph Christian Simenon; 1903–1989), франкоязычный писатель бельгийского происхождения, автор полицейских романов.

6. ma petite Alice – моя крошка Алиса (*фр.*); жительница Mane, помогала Божневу с ведением хозяйства.

7. *policiers* – полицейские (романы) (*фр.*).

8. Андре Жид (André Gide; 1869–1951), французский писатель, лауреат Нобелевской премии (1947).

Mane
Basses Alpes

28 Fructidor^[1] <1951>^[2]

Дорогие Друзья

Скоро будет три месяца как я в Mane, в моем старом-престаром доме, посланном мне судьбой, и где вот уже шестой год я могу всё лето жить и трудиться врагам на страх, Отечеству на пользу.

Всё это лето ушло исключительно на живопись – заканчиваю я усовершенствование и реставрацию моей огромной коллекции Наивной Живописи – всего дам на продажу триста полотен одной – двести из них будут в особых моих обрамлениях – *création Wojnev*^[3], но об этом не пишу, чтобы даже по воздуху не носилась идея моя, которую воплотил уже для 150 картин, остается еще 50 – и тогда уже скоро будет конец – делу – венец.

Останусь в Mane, покуда погода не выгонит – то есть дожди и холод – но пока еще солнечно здесь и очень хорошо.

В этом году нашел я здесь у разных *bonnes femmes*^[4] (ни для чего уже не *bonnes*) много старинных кружев и кусков материй. А из Avignon и Manosque^[5] мне привезли материи Louis XV и разные другие – *de toute beauté*^[6].

Много нашел и собрал и старинного дерева – из него тоже рамы вырастут.

Работа моя делается известной, и начинают приносить мне даже неизвестные мне люди дары – старину всякую – или просят разрешения посетить мой Музей (каменной-статуй) – известен, конечно, я только как живописец – часто я работаю под сводами или на площадке, что около моего дома.

А дети приносят мне даже убитых змей и разную иную фауну.

А где Вы в этом году видели флору? И как здоровье Анны Присмановой? Как работа стихотворная и прозаическая?

Буду очень рад получить хотя бы краткую весть.

И если не поленитесь – то какие-либо последние стихи А. Присмановой и А. Гингера – пожалуйста.

А также – на всякий случай – № Вашего телефона (Н.В. Резникова^[7] как-то написала мне, что у Вас теперь имеется телефон. Поздравляю. Хотя я не любитель его, но полезно иметь. Единственно, против чего я категорически, это – стило.)

Прошу также сообщить – не умерли кто из людей литературы нашей. Русских газет не вижу, читаю только «Le Figaro» и «Combat».

А К<онстантин> Андреевич Терешкович получил орден Почетного легиона. Я его поздравил^[8].

Переписка моя, главным образом, французская, все мои «petits choux»^[9] – француженки. Чтение также – прочел недавно 4 книги Giono^[10] – превосходно, это странный гений. Живет он рядом – в Manosque, 25 километ<етров> от Mane.

Вчера у меня к goûter^[11] было 7 человек!

А всё же здесь, слава Богу, очень уединенно.

Всего Вам наилучшего. Искренно Ваш

Божнев

1. Fructidor – двенадцатый месяц республиканского календаря (18–19 августа – 17–18 сентября).

2. Год устанавливается по контексту.

3. création Bojnev – творение Божнева (*фр.*).

4. bonnes femmes – обычно: (простые) женщины, горничные, домашняя прислуга; здесь: старушки (*фр.*).

5. Авиньон и Маноск – города, расположенные в регионе Alpes-de-Haute-Provence.

6. de toute beauté – всякую (иную) красоту (*фр.*).

7. Наталья Викторовна (Митрофановна) Резникова (Резникова-Чернова; урожд. Федорова; 1903–1992), беллетрист, переводчик, литературовед (исследователь творчества А.М. Ремизова), автор мемуаров «Огненная память» (Berkeley, 1980); дочь О.Е. Колбасиной-Черновой и (приемная) В.М. Чернова; жена поэта, журналиста и издательского работника Д.Г. Резникова, см. о нем прим. 1 к письму Гингера В. Булич, № 11.

8. О К.А. Терешковиче, которому Божнев посвятил стихотворение «Трава зеленая, как скука...» (Борьба за несуществование, 1925), см. в Приложении I («Гингер играл в моей жизни роль брата и друга» (К. Терешкович о Гингере)). Терешкович был награжден орденом Почетного легиона в 1951 г.

9. petits choux – душечки (*фр.*).

10. Жан Жионо (Jean Giono; 1895–1970), французский писатель.

11. goûter – послеобеденный чай, легкая закуска (*фр.*).

Mane
Basses Alpes

15 окт<ября 1951> [1]

Дорогой Александр Самсонович

Принужден опять просить Вас не отказать в любезности и вкратце сообщить (15, rue Sénac) мне не † <умер> ли кто из литераторов наших – русских газет не вижу – никакого толка, и в том и в др<угом> смысле. А о Вас (вас) самих был бы также рад знать – чем люди живы.

Раз Вы (вы) меня никогда ни о чем не запрашиваете, то, значит, сами знаете, что:

Я заканчиваю мой «Музей Наивной Живописи» – 400 полотен, – в моих лирических обрамлениях – через 3–4 месяца, наконец, всё будет завершено мною, и тогда будет Делу – Венец [2].

Этим летом мой Эрмитаж посетили около 50 человек! – так что это уже и не Эрмитаж – и среди этих любителей живописи я приобрел нового друга – француза.

Приобрел я также – этой осенью – и знаменитого покровителя – Jean Giono [3] – который в восторге от всего, что я смог привезти к нему в Manosque. Тоже – Эрмитаж.

Giono согласился сейчас же написать предисловие-славословие к моему каталогу и, вообще, «говорить с министрами» обо мне и труде моем и помочь всемогуще делу продажи моей коллекции.

Но осень – как какой-то поэт сказал –

Унылая пора, очей очарованье [4],

которая навевает всякие там шуршания меланхолические – и я как всегда, в сентябре [5] – и в этот раз написал большой фрагмент «Элегии» – которая создается мною... на 4-х языках – основа французская, но есть строфы немецкие, русские и... еврейские. Последние мне, конечно, переведут. Написал всё, что пришло с первой большой волной, а остальное – подождет.

Вся зима еще будет посвящена живописи. Возможно, что «Музей» мой будет предложен à S.A. Serenissima Prince Rainier III de Monaco [6]. Есть и другие прожекты.

Через несколько дней я покидаю Манну мою Небесную, благой судьбой мне данный Mane. Погода до сих пор здесь чудесная, по утрам еще принимаю солнечную ванну, но к вечеру свежо очень.

Увожу с собой невероятное количество пакетов с хаосом – кусками дерева, кружевами, кожей, затвердевшей, как железо, железные, жестяные куски, ставшие, как кружева, проеденные насквозь, старые кружева, слегка как бы заржавевшие – *тысячи* разных предметов, нужных мне для обрамлений – и каждый предмет
tel qu'en lui meme l'éternité le change^[7].

Всего Вам (вам) наилучшего.

И Привет Осенний!

Б. Божнев

1. Год определяется по контексту.
2. Ср. прим. 9 к след. п.
3. См. прим. 10 к пред. п.
4. Из стихотворения Пушкина «Осень» (1833).
5. Русская транслитерация septembre – сентябрь (*фр.*).
6. Его светлость Ренье III (полное имя: Луи-Анри-Максанс-Бертран Гримальди, Rainier Louis Henri Maxence Bertrand Grimaldi; 1923–2005), князь Монако (правил с 1949 по 2005 г.).
7. tel qu'en lui meme l'éternité le change – который будет изменен в вечности (*фр.*).

17

2 декабря <1951>^[1]

Дорогая Анна Присманова

Спасибо сердечно<e> за дружеско-печатное письмо Ваше.

Писал бы я Вам чаще – рад бы в рай да добродетели мои не позволяют. Добродетель моя – это труд бесконечный, сложный, хлопотливый, священно-ремесленный.

С апреля месяца, когда я, наконец, получил большие деньги, я работаю с утра до полуночи часто. Все мои обрамления ведь на картонах наклеены.

<Далее в письме следует поясняющий рисунок: в центре «картина» (написано: «картина»), вокруг которой «обрамление» (написано: «картон») >

Картина наклеена на картон, а на картоне – вокруг картины – например, старинные кружева – как рама кружевная.

Или куски фарфора –
или страусовые перья –
или бархатце и дымка –
или куски старинного дерева
или полусожженные бумаги
или разбитые грам<м>офонные диски
или обрывки рыбачьих сетей
или пробки от шампанского
или бисерные роскошные украшения
или бедные бусы и сломанные гребенки
или атласные бумаги – в 2000 фр<анков> метр
или огромные бумажные цветы с ярмарок –
или кружева au crochet^[2] в перемежку с фарфором разбитым
или тряпки, об <sic> которые вытираю я свои кисти
или бесконечные разные материи эпохи Louis XV – Second Empire^[3] – от rustique^[4] до Grand Luxe^[5]
или пучки соломы
и т.п., и т.д., и т.д., и т.д.

В десятках коробок огромных и малых я всё это собрал и рассортировал – большие сокровища, и по заслугам! – ибо за кусками рыбацкой сети, например, ходил очень далеко – и не раз – и получил то, что искал, образом чудесным! –

А за бисерными цветами хожу на кладбище, где мне дают выброшенные венки, сделанные из этих цветов бисерных –

А чудесные бумаги – 2000 фр<анков> метр! – мне подарили – 30 метров! – и каждый из 30 кусков разный по цвету и прелести рисунка – потому что «очарование Божнева» действует даже на ничем уже не enchanté^[6] французов.

A madame Mondange для меня опустошила все свои corbeilles à ouvrages^[7]. И madame Bourrelly тоже. И madame Julie Crest (не Paul, а Julie...), а madame Pous... Эх, да что там перечислять – сию отцветшую, но всё еще приятную... не Paul, а Julie, гирлянду, так сказать – цветы au crochet!

A moi ces fleurs au crochet
d'un plantureux passé^[8]!..

Есть обрамления – простые, напр<имер> – только кружева. Но есть и сложные – из разных материалов, и тогда это долгое созида-
ние.

Всего будет около 220 моих créations. Готовы 160 –
160
остается —
60

Но ведь помимо создания этих рам – надо было привести в со-
вершенный порядок всю огромную коллекцию – парижская и мар-
сельская ее части – 350 картин (50 я оставляю «для будущего»).

«300» картин – часть которых всю войну пропылилась на чер-
даках – я начал воскрешать и «доделывать», реставрировать, пере-
живописать – уже давно – 3 года тому назад – периодами – между
большими моими поэмами – я работал над картинами – периодами
в 2–3 месяца и летние месяцы.

И постепенно я «заканчивал» приведение в порядок то 20, то 30
картин (ок<оло?>).

Так что когда в апреле этого года я смог приступить и к осущест-
влению моих обрамлений – то я увидел, что, работая непрерывно 7
или 8 месяцев, maximum 10 – я смогу всё закончить и всё, что еще
остается из «300 картин» и 220 обрамлений (80 картин будут в «клас-
сических» рамах).

Сейчас декабрь – и я вижу, что нужны еще 4–5 месяцев – париж-
ск<ая> часть коллекции – много больших картин – требуют очень
тщательной реставрации, лакирования и т.п. Но – конец – виден – и
Делу^[9].

Ведь в наивных картинах всё должно быть *точно*, детально.

Сегодня, например, я заканчиваю картинку – Женщина за туалет-
ным столом. Всё хорошо, но предметы на столе сделаны «неряшливо».
Я заново сделал – гребенку, флаконы духов, щетку для волос, ножни-
цы; пуховки художник не сделал – я добавил пуховку, что «смягчило»
весь ансамбль.

В другой картинке – Женщина-арабка – в аляповатых «драго-
ценностях» – я должен был сделать эти базарные bijoux^[10], выделяя
«камешки» и «камни» разных цветов. Волосы ее были тусклые и
«стертые» – я ее причесал в алжирском стиле и дал блеск маслин ее
жирным волосам.

Это – примеры простейшие. Есть, конечно, *retouches*^[11] деликатнейшие, и надо, чтобы их не было видно, чтобы целостность картины не нарушалась.

Я этого достиг, но ко многим картинам приходится возвращаться 3, 5 или 10 раз! Так что смогу сказать, что я работаю не над 300, а над 1000 картин *minimum*.

Теперь буду пить чай с пирожными, которые мне принесла сегодня Mlle Н.М. (опять принесла шоколадные – б<ыть> может Вы предпочитаете шоколадные – никакой фантазии – кажется, 6-й раз всё *au chocolat*...)

После чая.

Очень, очень меня интересуют Ваши французские рассказы^[12].

У Вас, наверное, имеются копии – на машинке пишущей сделанные.

Пришлите *s.v.p.*^[13] – а я Вам верну в сохранности.

Всё представляю себе в мире, но никак вообразить не могу – как и о чем Ваша проза французская. Но уверен, что хорошо, оригинально и сильно.

Продолжайте как можно больше и лучше.

И обязательно какой-нибудь *Prix* получите – *предсказываю*.

А мне и в этом году *Prix Nobel* не дали!

А следовало бы! Да никто не знает – в Швеции – что я за 5 лет последних 20000 стихов создал – и среди них много о Снеге^[14]. Ну да шведам снег надоел.

Как и я Вам, наверное, этим бесконечным письмом.

Пишу Вам на той же рабочей доске, на которую кладу картинку в работе – и над письмом этим вижу уже завтрашний труд – картинка была темная – и я ее сделал еще немного темней – пейзаж, большие деревья – старый парк –

затем я добавил 10 тел^[15] – *cinq couples*^[16] – в позах разных – начала любви.

И из темноты над деревьями «розовыми» я исторг пять молний – *cinq coups de foudre*^[17] – каждый *coup de foudre* имеет *свой личный* цвет-свет и направляется на *son couple prédestiné et atteint par leur coup de foudre d'amour*^[18].

Завтра, надеюсь, закончить – обрмить этот синтез нелегко будет. Быть может, окружу кусками старинного дерева. Или одрапирую

каким-нибудь бархатом цвета *rouille*^[19] – а на бархате – несколько железных листьев ржавых (тоже имею их с венков) – или 5 стеклянных камней – обломки – цвета загадочного и затаенного – по затаенному камню для каждого *couple* (не выношу слово пара (!), а чета – тоже глупо).

5 декабря

Два дня прошли, перегруженные донельзя, и закончить не смог. Не прав был Прутков – можно... можно объять необъятное. Только это и делаю.

Но дается нелегко, и здоровье мое – вернее, нездоровье – или отсутствие здоровья всё чувствительнее.

Вы это сами знаете.

Только моя жизнь совсем иная.

На что рассчитывает Время? На то, что, не выдержав, я не сойду до конца предназначенного – всё то, что левое предсердие мое ощущает с болью и с силой идеала – недругам искусства на страх и Отечеству моему на пользу.

Искренно и душевно Ваш

Божнев

1. Год определяется по контексту. По всей видимости, это и след. письма Божнев написал в один и тот же день.

2. *au crochet* – вязаные (*фр.*).

3. *Second Empire* – Вторая Французская Империя возникла во времена Наполеона III (1808–1873), племянника и наследника Наполеона I, избранного президентом Второй Французской Республики, а затем, в результате переворота 2 декабря 1851 г., объявившего себя императором Франции (просуществовала с 1852 по 1870 г.).

4. *rustique* – примитивный, грубый, безыскусный (*фр.*).

5. *Grand Luxe* – здесь: шикарный (*фр.*).

6. *enchanté* – очарованный, восхищенный (*фр.*).

7. *corbeilles à ouvrages* – корзинки для рукоделия (*фр.*).

8. *A moi ces fleurs au crochet d'un plantureux passé* – Для меня эти вязаные цветы насыщенного прошлого (*фр.*).

9. Нарисован «венец».

10. *bijoux* – драгоценности, украшения (*фр.*).

11. *retouches* – переделки, исправления (*фр.*).

12. В 40–50-е гг. Присманова начала писать прозу по-французски. Хорошо ее помнящий М. Карский сообщал в письме составителю настоящего издания, что

во второй половине 50-х гг. Присманова приходила к нам (я тогда еще жил со своей матерью) всякий раз со своим новым французским рассказом и просила меня прочитать его вслух – я был единственным, кто говорил по-французски без акцента, – а также поправить его со стороны грамматики. Мне не запомнились эти рассказы, написанные в стиле «нового романа», и, кажется, попытки их напечатать большого успеха автору не принесли.

4 мая 1954 г. Присманова сообщала И. Чиннову:

Французская проза у меня медленно, но неукоснительно, подвигается (Письма запрещенных людей: 297).

См. также в ее письме Р.Н. Гринбергу (№ 2):

Что касается прозы, то я пишу ее не по-русски, а по-французски. Это коротенькие рассказы.

5 ноября 1955 г. Г. Адамович писал Гингеру:

Еще очень рад, что А<нна> С<еменовна> стала, наконец, блистать во французской печати (Письма Адамовича: 277).

Адамович имел в виду рассказ Присмановой «Les Coqs» («Петухи»), напечатанный под именем Anne Ginger во французском журнале «Cahiers du Sud» (1955. № 331. October. P. 436–440). Рассказ включен в собрание сочинений Присмановой (Edited and with an Introduction and Notes by Petra Couvée. The Hague: Leuxenholff Publishing, 1990. P. 195–198) с ошибочным указанием на то, что он якобы был напечатан в «Cahiers du Sud» за 1942 г. (P. 219).

13. См. прим. 4 к п. № 14, от 31 марта <1951>.

14. Из послевоенных опубликованных стихов Божнева о снеге см. упоминавшуюся уже «Фугу светлых снегов» (п. № 7, от 15 мая <1948>) и «Четверостишия о снеге» (соответственно: *Божнев* II: 99, 233–237), другие «снежные» стихи остались в рукописях или писались на случай, как, например, «Стихи к рождественской открытке» (*Божнев* II: 239).

15. Зачеркнуто «фигур» и заменено: тел.

16. cinq couples – пять пар (*фр.*).

17. cinq coups de foudre – пять раскатов молний (*фр.*).

18. son couple prédestiné et atteint par leur coup de foudre d'amour – на пару, ему предназначенную и поражающую <молнию> раскатами своей любви (*фр.*).

19. rouille – ржавчина (*фр.*).

Дорогой Александр Самсонович

Спасибо за стихи – отличные – годовалые, но сто лет проживут, во всяком случае.

Parrain^[2] у них – аристократический: Боратынский.

Седьмижды согласен со всем – только самым решительным образом протестую против

Теките сутки^[3] – –

Не выношу я этой мокроты – особенно в классическом стиле.

Тем более что дальше имеется – «котел» – но «сухой», конечно, выпренный котел, а не «солдатский котел» с варевом – и сей котел Вы прекрасно поставили в классическом стиле – а теките сутки – – –

И еще в конце – как раз у меня именно «наплыв недоумений» получается из-за *сознательного* ума^[4].

Конечно, тут «вершина» – афоризм, à la чистейший Боратынский – и произнесено очень хорошо – но закавыка-то в том, что сознательный ум должен проявить себя *в груди*.

Это – чересчур! Хотя это совершенно правильно анатомически – наплыв недоумений ощущается утром – от 7 до 8.25 *внизу* груди – вот здесь – но сознательный ум довольно далек от этого места – и оттого ему редко удается наплыв недоумений остановить.

Вообще такого рода фокусы – я иногда сам грешу этим – это очень приятное занятие я называю «поэтическим нахальством» – «нахал какой!» –

А «нахал» ходит довольный и раскланивается направо и налево.

Я ничего Вам стихотворного прислать сейчас не могу. Последние две поэмы я написал (почти закончив) в декабре <19>50, в январе-марте <19>51 – было безденежье – работать над коллекцией моей я не мог – и я имел возможность написать сперва поэму о весне 400 строк – «Чтоб дольше сна продлилось пробужденье»^[5] и затем – поэму об оперетке эпохи 1900 «Среди хлада синевы своей дрожат алмазы» (тоже 400 строк приблизительно)^[6].

В конце марта я получил триста тысяч франков и с апреля по сей день и час – 2 декабря 10 ч<асов> 40 м<инут> вечера – я работаю, не покладая кистей, над моими тремястами <sic> картин «Наивной Живописи» – приводя их в совершенство внешнее и, по возможности, и внутреннее.

Осталось еще 4–5 месяцев этого огромного труда. Надеюсь, что – – –

Ваш Божнев

1. Год определяется по контексту, см. прим. 1 к предыд. письму.
2. Pagain – крестный отец (*фр.*).
3. Первое полустишие начальной строки в стихотворении «Утро».
4. Речь идет о завершающей строфе из того же стихотворения:

И утренних наплыв недоумений
сознательным умом в груди останови.
Вставайте, дни – высокие ступени
уверенной любви.

5. См. п. № 14, от 31 марта <1951>.

6. В списке божневских рукописных текстов отмечена под названием «Во хладе синева дрожат алмазы», см.: *Божнев II*: 280.

19

30 Января^[1] <1952>^[2]

Дорогой Александр Самсонович

Рассудите, пожалуйста, и отпишите ответом большой скорости можно ли сказать<:>

память первоначальных *нег*^{[3]??}

«вообще» и «по законам», кажется, нет «нег» – но по духу языка это «нег» не звучит как ошибка смысловой гармонии.

(Хотя считаю, что нельзя сказать – или, по-Вашему, можно? – я упивался юными *негами* –

как это прельстительно ни было бы и по существу безделья правильно.)

Не новую пишу поэму, а пересматриваю «Чтоб дольше сна продлилось пробужденье» (1951), 400 строк, и как всегда, есть несколько фрагментов, дополнению подлежащих.

Закончив, перепишу сию поэму 6 раз и 6 рукописей пошлю в Америку для продажи – деньги крайне нужны, чтобы к весне закончить «Музей» мой «Наивной живописи».

Февраль-март-апрель будут решающими для этого завершения.

Нужны «гроши» – 80.000, и я должен их собрать, ибо –

- 1) Надо закончить еще 60 обрамлений
- 2) Напечатать на «Roneo» каталог – 100 экз<емпляров>
- 3) Сделать 200 фотографий.

И тогда будет Делу – Венец.

А пока – очень трудно мне, и я более чем устал.

Если имеете стихи, которые я не знаю – покорнейше прошу переписать – не скорописью! – не поленитесь! – и приложите к консультации своей.

Надеюсь, что эпидемия гриппа Вас (вас) не коснулась. Пусть Анна Присманова как можно меньше выходит – ни в толпу мелочной лавочки или булочной, ни в одиночку – на холод ваших окрестностей – наверное, Вы заметили, что около Вас – особенно вдоль пустых выставочных помещений ворот версальских – очень сыро и холодно? Можно сказать, что это настоящая выставка сырости и холода.

И закрывайте за собой – чтобы не сквозило на дорогу А. Присманову – версальские ворота-двери.

С глубоким почтением

Ваш Божнев

Жив ли Сергей Викторович Яблоновский^[4]? Дай Бог ему всего хорошего.

1. Т.е. 30 января, см. ту же лингвистическую игру в письме № 13, от 2 января («Януарія», «Генварія») 1950 г.

2. Год определяется приблизительно по контексту.

3. Вопрос Божнева связан с переделкой поэмы «Чтоб дольше сна продлилось пробужденье» (см. прим. 5 к предыд. п. и соответственную отсылку). Образ неги сквозной в поэме, но в данном случае, судя по всему, имеется в виду первая строфа, для которой Божнев примеривал заключительную строку – в окончательном виде она выглядит так (*Божнев II*: 241):

Между последнюю – и первую – любовью
Есть парк – и в нем – глубокий грустный снег

С последних охлаждений первым славословьем,
С сиянием последних светлых первых нег...

4. С. Яблоновский (наст. фам. Сергей Викторович Потресов; 1870–1953), журналист, литературный и театральный критик, поэт, переводчик, мемуарист. Ему посвящено стихотворение Божнева «Себе я часто руку жму...» (впервые – без посвящения – опубликовано в московском альманахе «Недра» (1924. Кн. 3. С. 134); с посвящением вписано в альбом Яблоновского, хранящийся в Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Columbia University, New York; в этот же альбом вписаны и два других стихотворения: «Мы другу предлагаем папиросы...» и «А если муза станет проституткой...», см.: *Божнев II*: 207–209, 289). На первый сборник стихов Божнева Яблоновский отозвался рецензией «Геройчик нашего времени (О книге стихов Божнева “Борьба за несуществованье”» (Руль. 1925. № 1307. 21 марта. С. 2–3).

20

26/X <1950-е гг.>

Дорогой Александр Самсонович

Пожалуйста, не откажите в консультации – ибо Вы для меня «Даль грамматики», которого не имею, оттого и докучаю –

1) двустовка ведь, а не двухстволка? или можно и так и этак?^[1]

2) ведь говорится – *он достиг свою цель*, но можно ли сказать: он достиг эту высь? или надо обязательно – он достиг до этой выси??

можно ли сказать: тень достигла высь или обязательно тень достигла до выси?

К тексту консультации покорнейше прошу Вас приложить какое-либо из Ваших новых стихотворений – давно ничего не читал.

Но особенно прошу передать мой глубокий поклон Анне Присмановой – если она сможет написать мне хотя бы несколько строк – буду очень рад. <Между строк:> как ее здоровье? как ее вдохновенье?

Что происходит в русском Париже – *ничего* не знаю – т.е. *никаких* русских газет не имею, а читаю 3 или 4 французских (из Парижских «Combat» и «Le Figaro» – и 4 hebdos^[2] в неделю) – *но* в них о родине Толстоевского^[3] ничего не сообщается, акромья <sic!> железного занавеса.

Я очень много работаю, но живу во всё больших трудностях.

Да – я давно не имел писем от моего стариннейшего друга – Сергея Викторовича Яблоновского^[4] – ему за 80 лет – не было ли известия о его † ? От всей души надеюсь, что нет, и верю, что еще увижу его – но т<ак> к<ак> газет давно не видел русских – то иногда страх берет, а написать сам – боюсь^[5].

Вот сколько вопросов – – –

Спасибо.

Искренно Ваш

Б<орис> Б<ожнев>

1. Сверху вписана буква «д» и знак вопроса, так что читается «и эдак?».

2. hebdo – еженедельник (*фр.*).

3. Каламбурный гибрид из Л. Толстого и Ф. Достоевского.

4. См. прим. 4 к предыд. п.

5. Это абзац Божнев заключил в большие квадратные скобки.

21

5/III <1953>^[1]

Дорогой Александр Самсонович

псалм

Прекрасный гимн, прекрасный перевод! Где нашли Вы английский текст? Где русский отзы**в** глубокий ему нашли – я знаю и приветствую талант Ваш – еще теснее – к тому басно-бессловному прошлому – из которого порою слышен мне лай гармонический «Своры Верных».

А я приступаю к последнему триместру моей работы над моим «Музеем» – надеюсь к весне закончить. Хотя «Музей» ангелический – устал я чертовски.

Работа, письма, ответы – свитки – летописные – за неделю послал 5 писем-свитков в Америку. И несколько комплектов моих изданных поэм, которые ведь надо «пересматривать» и «посвящать», и опять работа. И приходит Mlle M. с бриошами^[2] – кофе, беседа и branlette^[3]... И письмо Hildegarde в Геную – мой последний «роман» – une boche!^[4] – но, конечно, была гонимой гитлеризмом, хотя

не еврейка, а только социалистка, – на днях уехала в Италию, чему рад, ибо очень утомляла. Утомление чертовское – спасает очень го-меопатическое средство Nux 5 – пожалуй, надо бы поэму одну так озаглавить. Кроме Nux 5, спасают еще масса *illustré*^[5] и картинки из них, которые я – лучшие, страшные, забавные, редкие – вырезаю и коллекционирую – имею, кажется, 40.000. (Очень хотел бы это всё Вам показать – в том числе и отдел «Эротики» – т.е. порнографические photos – эта часть моей коллекции также делается замечательной – нашел 2 «источника» тайных крайне и интересных) и еще для отдыха – *cinéma* – недорогие в хулиганских кварталах – конечно, главным образом, *films des gangsters*^[6], если менее 4–5 трупов – не иду.

И надо еще «завтра-послезавтра» написать Mr. Ph. Pelletier – который для меня сделал несколько картинок примитивных, и написать Mr. Alliota, что я не могу быть и т.д. И послать большую коробку – пустую – Н.В. Резниковой^[7] с тем, чтобы она, наполнив ее *bois sculptés Louis XV*^[8] – отослала мне ее обратно.

А сегодня была Aline с мужем, – Aline 4 года уже моя любовница – и я делал с ней любовь сегодня в присутствии ее мужа – он это крайне любит – и просит еще и еще – т.е., чтобы видеть и слышать – ему всего 42 года, а он почти *impuissant*^[9], а Aline – тигрица. И от этого я ничуть не устал, и затем мы пили кофе и беседовали, как устроить лето получше – они мечтают быть около меня, поблизости, в *Basses Alpes*.

И надо еще обрамить картину *Noël*^[10], которую я подарил Giono^[11] – и послать ему.

И надо сдать туфли в починку. И попросить Georgette, чтобы она купила диск А. Claveau «*Domino*» – волшебный!!^[12] – а я ей уплачу через 2 недели.

А сейчас надо поужинать – и лечь – *un delice*^[13] – иметь новых 12 старых №№ «*detective*»!^[14] – необычайная – жуткая – покупаю ее *en solde*^[15] за 10 fr<ancs> № – в книжной лавочке в арабском квартале – *una sinistra e deliciosa casa*^[16] полная *illustrés* всевозможных.

И не надо <sic> еще сказать – что это *Всё entre nous*^[17].

И надо еще низко поклониться Анне Присмановой.

И сказать Вам, что я Ваш ББожнев

1. Год определяется по контексту.

2. от *brioche* – сдобная булочка (*фр.*).

3. branlette (*еульг.*) – мастурбация (*фр.*).
4. См. прим. 7 к п. № 8, от 15 июня <1948>.
5. illustré – иллюстрированный (журнал) (*фр.*).
6. films des gangsters – фильмы о гангстерах (*фр.*).
7. См. прим. 7 к п. № 15, от 28 Fructidor <1951>.
8. bois sculptés Louis XV – деревянные (вырезанные из дерева) статуэтки Людовика XV (*фр.*). Louis XV – Луи (Людовик) XV (1710–1774), король Франции (с 1 сентября 1715) из династии Бурбонов.
9. impuissant – импотент (*фр.*).
10. Noël – рождество (*фр.*).
11. См. прим. 10 к п. № 15, от 28 Fructidor <1951>.
12. Андре Клаво (André Claveau; 1915–2003), популярный французский киноактер и певец; песня «Домино» (муз. Л. Феррари, сл. Ж. Планта) была записана на грампластинку в 1950 г.
13. un delice – удовольствие, наслаждение (*фр.*).
14. detective – здесь: детективная история (*фр.*).
15. en solde – на распродаже (*фр.*).
16. una sinistra e deliciosa casa – зловещий и приятный дом (*итал.*).
17. entre nous – между нами (*фр.*).

Дорогой Александр Самсонович

Не знаю – какую Пасху Вы с А. Присмановой празднуете – приблизительно все вместе они в этом году, кажется – поздравляю сердечно.

А я приступаю к последней части моей работы – фотографии и печатание каталога.

Была dactylo^[2], работающая у себя на дому – и вот оказалось, что по синдикатному тарифу – мой каталог должен был бы обойтись в... 80.000!!, т.е. 800 фр<анков> за экз<емпляр> – (мне надо 100 экз<емпляров> minimum). Это даже ее ужаснуло, и после разных восклицаний, относящихся к делу, она согласилась выполнить эту работу – за 25.000!

Photos должны стоить приблизительно столько же.

Начинаю мобилизовать эти последние 50 т<ысяч> – по многим частям и частицам.

Можете ли Вы одну из этих частиц (самых малых – 500 фр<анков> – давать? – 3 месяца – апрель-май-июнь)?? (Расчет – осенью.)

Обращаюсь ко всем друзьям – европейским и американским – чтобы из многих слагаемых получить заключительный итог. Покорнейше прошу – если отягчены – посылать, конечно, просто в конверте с каким-либо автографом – прозаическим – не говоря уже о поэтическом. И желательно не позднее «10 апреля», «10 мая», «10 июня».

15-го апреля у меня должен быть для осмотра моей коллекции Denis Marion^[3].

<далее следует вклеенная газетная вырезка: Jean Rousselot. La Méthode intellectuelle d'Edgar Poe par Denis Marion>

Он едет – из Парижа – в Cannes – на кинематографический festival – где он – в жюри – и «представляет» Францию.

Ему писал о моей коллекции J. Giono^[4] – и я получил от него письмо – извещает о визите своем – и просит согласовать его с приездом в Марсель нашего общего друга – Lucien Henqu (племянник Giono)^[5].

Был бы уже готов мой каталог – Denis Marion увез бы с собой в Cannes 10 экз<емпляров> и дал бы его для ознакомления всем grandes vedettes^[6], которые суть коллекционеры – и «почву» бы изрядно подготовил.

А без каталога – пока – только словесное восхваление – без образов.

Устал я чертовски, но надо выдержать до конца.

Всего Вам наилучшего и привет А. Присмановой сердечный.

Ваш Б. Божнев

1. Год определяется по контексту.
2. dactylo – машинистка (*фр.*).
3. Дени Марион (Denis Marion, наст. имя и фам. Марсель Дефос; 1906–2000), живший во Франции бельгийский адвокат, журналист, литературный и кинокритик, драматург, университетский профессор.
4. См. прим. 10 к п. № 15, от 28 Fructidor <1951>.

5. Люсьен Анри (Lucien Henry; 1924–1988), французский художник, близкий друг Божнева; жил в городке Forcalquier на юго-востоке Франции (Alpes-de-Haute-Provence). Божнев обрамлял некоторые его картины.

6. grandes vedettes – крупные звезды (*фр.*).

Дорогие Друзья

Извините за поздний ответ-благодарность, но такова моя жизнь теперь – всё в опоздании, как будто я живу задним ходом, стараясь догнать химеру – хотя она, химера, никогда не движется. (Copyright by В. Војнев, 1953.)

Спасибо всё же за подмогу^[2]. Мне надо собрать столько-то фр<анков> для каталога и photos – как видите, не собрал еще и каталога еще не имею.

Св<ятая> Тереза говорила^[3]:

«Thérèse et un ducat, ce n'est rien, mais Thérèse, un ducat et Dieu peuvent tout»^[4].

Меня, грешного, Бог еще не оставляет, – чувствую и вижу это – и оттого уповаю на благополучный конец моих трудов – но дукатов имею я всё меньше, как раз когда надо – для завершения – иметь побольше.

А Божнев + дукаты = ∞ (знак бесконечности, конечно, известный родителям тонких и блестящих математиков...^[5])

Я сейчас так устал, что всего труднее мне писать письма – наверно, писем 12 en panne^[6].

Работаю с трудом и устанно.

Сделал раму из извести лунного цвета-света. Для этого – чтобы научить меня – ко мне приходил брюсовский каменщик –

Каменщик, каменщик в фартуке белом^[7].

Мой был, конечно, без фартука. Я быстро научился работать из-весть, «и получилось» хорошо^[8].

Ездил в Aix-en-Provence к Douking, директору Centre Dramatique, быть может, устроит выставку части моей коллекции dans le cadre

du Festival d'Aix^[9]. Завтра опять должен поехать к нему. (Каждая поездка, увы = 450 фр<анков>). Хотя всё там, в «центре», очень приятно.

Надо поехать будет и в Manosque к Giono^[10], который на днях должен быть в Париже – и по дороге, быть может, я увижу его с Bernard Buffet^[11].

Должен повидать редактора des «Cahiers du Sud» – J. Barral <sic>^[12] – мой визит к нему уже «возвестил»^[13] Denis Marion – который – via Cannes^[14] – провел у меня 2 часа, осмотрел 200 картин в моих обрамлениях – обязался написать статью в «France Illustree» и даже говорил о court métrage «Peinture Naïve»^[15], в основе которого métrage будет мой «Musée de la Peinture Naïve»^[16] – и «Saint-François d'Assise de la Peinture Naïve»^[17] = т.е. Ваш покорный слуга.

Меня все эти пере-говоры ужасно утомляют.

Сейчас 8.30 вечера. Час тому – ушла Georgette – меня эти жоржетты также чрезвычайно утомляют.

Выпью горячий кофе с пеклеванным хлебом, маслом + 2 банана + 1 ягурт = ужин. И лягу читать, спать × на открытое окно со свежим воздухом ночным – вздохи о прошлом сирени в Малаховке!

Сердечно Ваш Божнев

1. Год определяется по контексту и упоминанию в письме.
2. См. просьбу, изложенную в предыд. письме.
3. О Св. Терезе см. коммент. к стихотворению Гингера «Доверие» (В).
4. «Thérèse et un ducat, ce n'est rien, mais Thérèse, un ducat et Dieu peuvent tout» – «Тереза и дукат – ничто, но Тереза, дукат и Бог могут всё» (фр.).
5. Имеются в виду сыновья Гингера и Присмановой – Basile и Serge.
6. en panne – здесь: застрять в дороге (фр.).
7. Начальная строка стихотворения В. Брюсова «Каменщик» (1901).
8. Не исключено, что Божнев имитирует ветхозаветный текст создания Господом мира и человека – рефрен, проходящий через Быт. 1: «И увидел Бог, что *это* хорошо».
9. dans le cadre du Festival d'Aix – в рамках Фестиваля в городе Эксе (фр.).
10. См. прим. 10 к п. № 15, от 28 Fructidor <1951>.
11. Бернар Бюффе (Bernard Buffet; 1928–1999), французский живописец.
12. Нужно: Jean Ballard (1893–1973), основатель и главный редактор литературного журнала «Cahiers du Sud», выходившего в Марселе с 1925 по

1966 г. (как было сказано выше (см. прим. 12 к п. № 17, от 2 декабря <1951>), в этом журнале печатались рассказы Присмановой).

13. Зачеркнутое «возвещен» заменено словом «возвестил».

14. *via Cannes* – по дороге в Канны (*фр.*).

15. *court métrage* «*Peinture Naïve*» – короткометражный фильм «Наивная живопись» (*фр.*).

16. «*Musée de la Peinture Naïve*» – «Музей наивной живописи» (*фр.*).

17. *Saint-François d'Assise de la Peinture Naïve* – Святой Франциск Ассизский наивной живописи (*фр.*).

2.45. отдохнул немного – после ранней поездки в Aix^[2]. По дороге – много маков в траве. Им что, макам.

Aix полон домов, которые полны XVII и XVIII вв. Всё прекрасно – но я не люблю небольших городов: небольшое количество посредственной жизни в большом количестве величественных домов, с богатством прошлого.

Что, может быть, лучше какого-либо Ménilmontant^[3], где дома конца Second Empire^[4] соответствуют жителям начала III-й Республики^[5].

Douking принял меня в своем Palais архиепископа, конечно – меньшего нет в Aix – был более чем мил. Следующее rendez-vous^[6] – у меня через неделю – каковую он проведет в Париже – чему шумно завидую.

Александр Самсонович, явите милость и сообщите мне, пожалуйста, что и где и как –

Н. Оцуп^[7]

Г. Раевский^[8]

О Дельвиге – не сообщайте, сам знаю ← это острота

что А(нтонин) Л(адинский) ← это тоже острота, извините^[9].

Блум <sic> – художник^[10]

С.Ив. Шаршун

Шапиро – художник^[11]

Пикельный – выдаете, конечно, за столом бессонным^[12]

Видели ли А. Кусикова^[13]?

Терешкович (?)^[14] – играет ли еще с Вами за тем же столом или совсем загородился <?>

Ланской – встречаете ли его, сего безумца^[15] <?>

Не слышно ли что о Сергее Виктор<овиче> Яблоновском^[16]
<?>

Мишонз^[17] –

А Жулиус – Анатолий Юлиус?? Жив ли после войны^[18] <?> –

Пуни – как его здоровье^{[19]?}

Георгий Иванов и Одоевцева –

Приезжает ли иногда из Англии Н. Борисова^{[20]?}

Вообще – кто бывает у Вас? – в вечер приемный.

Будьте здоровы и благополучны.

Низко кланяюсь Анне Присмановой.

Ваш Б<орис> Б<ожнев>

1. Письмо написано на следующий день после предыдущего.
2. Aix-en-Provence – городок на юго-востоке Франции (во времена Средневековья столица Прованса), неподалеку от Марселя.
3. Menilmontant – район Парижа в 20-м аррондисмане.
4. См. прим. 3 к п. № 17, от 2 декабря <1951>.
5. Третья Французская Республика просуществовала с 1870 по 1940 г.
6. rendez-vous – свидание, встреча (*фр.*).
7. Николай Авдеевич Оцуп (1894–1958), поэт, литературный критик, прозаик, редактор драматург, историк литературы, мемуарист. См. его шутовое стихотворение, вписанное в *Альбом* Гингера, приведенное в коммент. к стихотворению «Перстень I» (*ЖиТ*).
8. Георгий Раевский (наст. фам. Георгий Авдеевич Оцуп; 1897/98–1963), поэт; брат Н.А. Оцупа. О конфликте между ним и Б. Котляром, к которому в какой-то мере был причастен Гингер, см. далее: Б. Котляр. Письма Присмановой и Гингеру. В *Альбоме* Гингера и Присмановой представлен стихотворением «Сосна»:

Научи меня слушать часами,
Так же просто и тихо, как ты,
Как поет тишина голосами
И земли, и травы, и звезды.

Лишь порою большими ветвями
Им в ответ ты едва прошуришь...
Научи меня слушать часами,
Как ты молишься, как ты молчишь.

9. Острота основана на игре близостью имен: Антона Дельвига и поэта, прозаика, литературного критика, публициста, переводчика, мемуариста Антонина Петровича Ладинского (1896–1961). В *Альбом* Гингера и Присмановой Ладинский вписал первую и последнюю строфы из своего старого стихотворения «В дубах» (ПН. 1933. № 4656, 21 дек. С. 3):

Из многих деревьев
Любимое – дуб.
В час бури, среди молний
И ангельских труб...
За лиственный шопот,
За форму листа.
До самого неба
Его красота.

Средь жалких вздыханий
И робких сердец
Ты – древо героев!
Твой житель – стрелец,
Ты – труд дровосека,
Мозолистых рук.
Ты – мир корабельный,
Всплывающий вдруг.

Ант. Ладинский

Paris
1948

10. Морис Блум (Блонд; 1899–1974), живописец.

11. Яков (Жак) Абрамович Шапиро (1897–1972), живописец. Автор книги «La Ruche» (Paris, 1960) о парижской колонии художников в 10-е – 20-е гг., см. упоминание этой книги в письме Гингера С. Прегель (№ 9, от 3 мая 1965 г.) и многократно – в письмах М. Талова С. Шаршуну (Приложение III).

12. Роберт Пикельный (1904–1986), живописец; один из напарников Гингера по покеру. В своем стихотворном «Послании к Роберту Пикельному» (декабрь 1955 г.) В. Дукельский вопрошал его из-за океана (*Дукельский Владимир*. Послания. Мюнхен, 1962. С. 46):

Вся та же беженская участь?
Иль беззаботных дней текучесть
Тоску поможет превозмочь?
Иль в карты режетесь всю ночь?

13. Поэту Александру Борисовичу Кусикову (1896–1977) посвящено стихотворение Божнева «Вы – Михаила Лермонтова брат...» (сб. *Борьба за несуществованье*).

14. В скобках зачеркнутый вопросительный знак.
15. Граф Андрей Михайлович Ланской (1902–1976), живописец.
16. См. прим. 4 к п. № 19, от 30 января <1952>.
17. Имеется в виду живописец Григорий Мишонц (наст. фам. Мишонзник; 1902–1982).
18. Анатолий Михайлович Юлиус (1897–1977), инженер-химик, поэт, прозаик. В годы войны принимал активное участие в движении Сопротивления (награжден медалью участника Сопротивления). Автор мемуаров «Русский литературный Париж 20-х годов» (Современник (Торонто). 1966. № 13. С. 84–90), в которых наряду с другими упомянут и Божнев.
19. Иван Альбертович Пуни (1892–1956), живописец.
20. Речь идет о литераторе Наталье Борисовой, близкой подруге Присмановой, которой она посвятила стихотворение «Воск» (сб. Тень и тело). До II-й мировой войны жила в Праге; выйдя замуж за художника-англичанина, переселилась в Лондон. В эмигрантской печати известна по публикации ее стихотворения в ВР (1926. № 3). См. упоминание о ней в письме Присмановой к И. Чиннову от 23 декабря 1956 г.:

Вася <Гингер> в данное время в Лондоне, куда поехал на несколько дней, пользуясь образовавшимся на его службе «мостом». Сейчас он сидит, вероятно, за чайным столом у моей подруги Наташи (у которой три дочки-барышни и муж художник) (Письма запрещенных людей: 304).

Дорогой Александр Самсонович

Спасибо за летописный синодик – ежели можно сказать эдак о живых и живописующих^[2]. Но вот карты Ваши – это настоящий синодик!

Ох, как это меня огорчает. И цитаты – картежные – из Саши Гитри^[3] – также в уныние приводят. Всё, что относится к картам – тяжело, как гири, и тянет на дно, недаром сукно зеленое, как ил – бывало – на картежных столах; или всё вокруг игроков – казалось аквариумом.

Отчего бы Вам не играть на скачках?? – ежели играть – ведь это живая жизнь, спектакль – традиция аристократическая и в то же время плебейская, и есть иерархия лошадей и искусство жокеев.

Тысячи людей в Париже живут даже этим^[4] – т.е. помножают иерархию × искусство, без всяких цитат из Саши Гитри.

Недаром лошадей подковы
Суть символ счастья на земле...

Сие – правда, когда они Вами потеряны – и найдены кем-то другим – но ведь найденная *другим* подкова всегда делается *его* подковой^[5] _____

Хотя сейчас и не 2 ³/₄ ночи-утра, а всего 9 ¹/₄ вечера – день был утомительный – пре, и я сейчас же ложусь – только выйду отправить это письмо к Альперину, от которого получил 5000 вчера^[6].

Дней через X надеюсь закончить все обрамления – т.е. все макеты точные последние для 40 последних картин. Тогда останутся – каталог и фотографии, т.е. еще = 50.000. Как их соберу – еще не знаю.

Надеюсь на Giono – которого в июле-августе увижу в Manosque. Дукаты друзей недостаточны, увы...

Надеюсь, что каталог смогу – по частям напечатать в июле-августе-сентябре – в Fogcalquier – где живет – вот уже более 600 лет <sic> – друг мой Lucien Henry^[7] в своих трех родовых домах – из коих один – был когда-то синагогой – в 17-ом веке.

Боже мой, когда же кончится труд мой невероятный.

Этим летом нужно еще будет написать историю моего «Музея» – его возникновение и созидание.

От 2-х до 4-х была Aline и еблась, и лизала сладостно.

Я нашел ей работу хозяйки на ¹/₂ дня, без меня она и ее муж просто погибали.

В 6 часов к соседке пришла делать ей *pique infirmière une indigène*^[8] – я как раз вышел на лестницу и познакомился – так вышло – затем она зашла ко мне – и я узнал, что она с *Martinique! infirmière-militaire!*^[9] – по утрам – обслуживает больных в военном местном госпитале, а после обеда – отчего-то свободна всегда – и может иметь частных больных. *Elle est charmante* – и зовут ее Jenny... *Montagnac!! toute la vieille France comme un écho vit dans ce nom mi-Louis XVI, mi-imperial*^[10]. Кто дал свое имя à une esclave d'amour au temps de la Liberté^{[11]??} И кто был сей Montagnac <?>

Тривиально, но верно – un oiseau charmant des Iles^[12]. Просит меня, чтобы я «устроил» ей комнатку в нашем доме, т.е. уговорил бы

gérante^[13]. Убую, но уговорю гадюку – и пушай эта птичка поет на террасе о Жозефине – прабабке не-своей^[14].

Александр Самсонович – вот Бог, вот порог, а над порогом – подкова. Бойтесь Бога, за порог не запинаясь и да хранит Вас подкова.
Пребываю отменно Ваш Б<орис> Б<ожнев>

1. Год определяется по контексту.
2. Реакция Божнева на гингеровское описание тех, о ком он спрашивал в предыд. п.
3. Александр (Саша) Гитри (Sacha Guitry, наст. имя Александр Жорж-Пьер Гитри, Alexandre Georges-Pierre Guitry; 1885–1957), французский актер, драматург, прозаик.
4. Над словами расставлены цифры, указывающие на порядок их следования: над «даже» – 1, над «живут» – 2, над «этим» – 3.
5. Возможный отголосок стихотворения О. Мандельштама «Нашедший подкову» (1923).
6. По-видимому, Абрам Самойлович Альперин (1881–1968), предприниматель, общественный деятель. Не исключено, что Божнев познакомился с Альпериным через своего приятеля С. Луцкого (см. его приписку на письме Божнева Гингеру № 1 и соответствующее примечание), который в свою очередь был близок с ним по масонскому братству (оба состояли членами ложи Северная Звезда); письмо Луцкого Альперину см. в кн.: *Луцкий Семен. Сочинения / Подг. текста, сост., вступ. ст. и коммент. Владимира Хазана. Stanford, 2002. С. 292–298 (Stanford Slavic Studies. Vol. 23).*
7. См. прим. 5 к п. № 22, от 6 апреля <1953>. Под 600 годами Божнев, по-видимому, имеет в виду старинный род Анри, из которого тот вышел.
8. *rique infirmière une indigène* – укол одна дикарка (*фр.*).
9. *Martinique! infirmière-militaire* – с Мартиник! военный фельдшер! (*фр.*).
10. *Elle est charmante... Montagnac!! toute la vieille France comme un écho vit dans ce nom mi- Louis XVI mi-imperial* – Она очаровательна и зовут ее Женни... Монтаньяк! Вся старая Франция как эхо живет в этом имени, наполовину из эпохи Людовика XVI, наполовину – имперском (*фр.*).
11. *à une esclave d'amour au temps de la Liberté* – рабыня любви во времена свободы (*фр.*).
12. *un oiseau charmant des îles* – очаровательная птичка с островов (*фр.*).
13. *gérante* – управляющий (*фр.*).
14. Имеется в виду Жозефина Богарне (Joséphine de Beauharnais, 1763–1814), первая жена Наполеона Бонапарта.

Дорогой Александр Самсонович

Спасибо сердечное за прекрасные Ваши стихи. *Ваши* – а не какие-то там тибетские. При чем *здесь* «Тибетская песня»? К лешему Тибет, терпеть его не могу и знать не хочу. Да и к содержанию стихов – Ваших – мало кто так Мало <sic> подходит, как Тибет – который никакого отношения к «шести концам света» не имеет и дальше своего тибетского носа – не видит, а нос тибетский – самый коротышка. Да што <sic> там говорить – Тибет как раз ни *Ti-ange*, ни *Ti-bête*^[2], а изуверская глухая провинция, где есть много *святости* изуверской, ну да черт^[3] с ней.

Стихи *Ваши* – подлинные, прекрасные, достойные лучшего *А. Гингера*, лучших камней *его* воздвижения, которые *он* приложил к трудам поэзии русской^[4].

Ваш Б. Божнев

Извините за бумагу – иной сейчас здесь не имею^[5].

1. Год определяется приблизительно по контексту: рукопись стихотворения «Тибетская песня», о которой пишет Божнев, Гингер посылал в письмах своим друзьям летом–осенью 1953 г.

2. Игра слов: *ange* – ангел; *bête* – зверь, животное (*фр.*).

3. Зачеркнуто слово «Бог», надписано слово «черт».

4. Парафраз финальной строфы «Тибетской песни»:

...я положу

на кучу камень мой. Хвала живущим, жившим
вблизи, вдали –
на грани облаков свой камень приложившим
к трудам земли.

5. Письмо написано на дешевой бумаге, с разводами неизвестного происхождения.

<...>^[2] И опять – на днях – чудо: получил письмо от моего друга Gabriel Spat – из Нью-Йорка с предложением продать несколько картин эпохи 1900, которые я имею^[3]. Надеюсь, что результат этой продажи я буду иметь в марте – и тогда полегчает и смогу многое закончить.

Полотна пошлю ему через несколько дней, а пока ответил стихами бессонной ночи:

Четвертый час... и пятый час утра...
Я всё не сплю... Пишу посланье Спату...
Вернулся друг... Так отчего ж остра
Боль возвращенья, словно боль утраты...

Светает... иль ушедший брезжит день,
Ясней того, что нынче светлым будет...
Забвенья нет – ведь незабвенна тень,
Которая прощает, а не судит^[4]...

26/I

1. Время определяется приблизительно по контексту.
2. Начало письма отсутствует.
3. Габриэль Спат (1890–1967), художник и торговец картинами. Божнев познакомился с ним во Франции, по всей вероятности, еще до II-й мировой войны или в ходе нее, когда Спат сначала бежал из оккупированного Парижа на юг Франции, но затем вновь вернулся, чтобы в 1943 г. окончательно покинуть французскую столицу, и перебрался в США, куда прибыл в 1945 г.
4. Включено в *Божнев II*: 240.

Дорогая Анна Семеновна

Пишу Вам совсем не очень кратко^[2], ибо крайне устал, а когда отдохнет «Дядя Ваня»^[3], не знаю – так что лучше кратко, чем никогда.

С сентября месяца я болен – l'ébranlement du grand sympathique, arythmie du cœur^[4] и иные последствия острого переутомления нервного.

В мой Эрмитаж – в Mane (Basses Alpes) – в Манну мою Небесную – я приехал в июле с... 1000 фр<анков>!

Но – как всегда – начались чудеса – через 4 дня я продал одну картину за 20.000 – а затем еще ухитрился заработать художествами 40.000 – так что 4 месяца провел благополучно, работая неустанно – но в сентябре – наконец надорвался совершенно.

Ибо за июль–август – entre autre choses^[5] – я наживописал 52 «Деревенские Леды» – «Leda Rustiques» – т.е. 52 картины – всех размеров и на всех материалах Природы – с сюжетом – деревенская девушка – или женщина – делающая любовь с лебедем – в поле, в лесу, в кухне или у себя в комнате, в кровати.

Разные размеры, пейзажи, позы, косы, обои комнат, цветы, ручки, лейки и т.п.

Сцены в кухне – написал на клеенках старых.

Несколько раз изобразил Леду, спящую с лебедем в блаженном утомлении после любви.

Все эти 52 картины я обрамил природными обрамлениями.

Но к сентябрю готово было лишь 3/4 всей этой метаморфозы.

Из-за болезни моей последняя четверть еще не закончена и поднесь – и последние лебеди превратились в черепах.

В сентябре – тяжелая нервная болезнь и по бокам ее вдруг встали – amitié amoureuse и amour très tendre^[6].

Я написал около 20 французских стихотворений в ответ на эти два ангельских явления.

Amour très tendre меня спас и спасает и поныне, поднесь – ночь – рассвет – закат.

Но работаю очень медленно, и улучшение здоровья еще медленнее подвигается.

Денег опять очень мало. Делаю усилия, чтобы раздобыть для преодоления последней tourmente^[7].

Я очень рад, что Вы провели (на всём готовом) 2 месяца в Пиренеях. Но крайне огорчен, что парижский климат на Вас так плохо действует.

Надо спать ночью, а не днем. Суп едят ложкой, а не вилкой.

Покорнейше прошу немедленно возобновить работу и над русскими стихами и над прозой французской. А то какой-то Tangin-Dureau получается^[8]. Никаких отговорок не принимаю.

Шлю привет Гингеру-шахматисту, пропечатанное имя которого прочел в газете «Спасайся, кто может, где здесь плен?» – т.е. «Combat» (sic!), газета пораженческая и гнусная, но интересная, и я ее ежедневно читаю «от доски до доски», в том числе и шахматной.

Шлю привет Гингеру Александру Самсоновичу, который сам себя на тибетские диалекты переводит^[9].

А Вам – почтительно кланяюсь.

Опять нет сна... И грудь стихом объята...
Под сердцем словно существо стучит –
Стих – существо – бессмертия зачаток –
Что жизнь мою грядущему вручит^[10]...

28/I <эта дата перечеркнута и под ней написано:>

Нет, уже полночь.

29/I

1. Письмо написано через два дня после предыдущего.

2. Первоначально Божнев написал: «Пишу Вам очень кратко...», слова «совсем не» вписаны над строкой.

3. Аллюзия на обращенный к Войницкому финальный монолог Сони, героини пьесы Чехова «Дядя Ваня», в котором многократно повторяется фраза «Мы отдохнем».

4. l'ébranlement du grand sympathique, arythmie du cœur – расстройство симпатической нервной системы, сердечная аритмия (*фр.*).

5. entre autre choses – между прочим (*фр.*).

6. amitié amoureuse и amour très tendre – дружеская привязанность и очень нежная любовь (*фр.*).

7. tourmente – буря, шквал (*фр.*).

8. Божнев шутивно переименовывает название улицы Гингеров Thugeau-Dangin.

9. См. письмо № 26.

10. Четверостишие включено в *Божнев II*: 240.

Дорогой Александр Самсонович

Посылаю – случайно найденный среди моих 40.000 всяких images photo^[2] – сорокачетырехлетней давности – 1911 – Вашей улицы наименователя, который – как видите – был постоянным секретарем Академии французской^[3], а я – Ваш постоянный докучатель.

Всё-таки напишите мне, что и как у Вас – здоровье как Анны Присмановой – она, наверно, в отъезде – на севере Шотландии?? – она выбирает всё горные местности и Лермонтовского направления^[4].

А Вы – старожил Тибетский^[5] – сочинили ли на родном наречии какую-либо гармонию ума и вздох сердечный?

Я эту зиму много болел, а значит – и много работал в уединении моем, окруженный дружбой и любовью спасительными^[6].

Почти закончил большую поэму – 700 строк – но в поэзии почти не считается, и теперь надо будет промучиться еще над остающимися 50 строк – или 60^[7]. *Cambronne alors! Quel métier infernal*^[8]!

И надо еще также «закончить» 20 или 30 *tableautins*^[9] моей кол-лекции.

И дописать краткую историю ее – пред<д>верие к моему каталогу.

Avis important^[10]

В конце мая начали фотографировать коллекцию мою – всего будет сделано 400 photos (из 500 полотен). Пока сделано 50=15.000 f<rancs> (а цена-тариф 30.000!).

Вот и считайте сколько будет 400!

А я читал в «Le Figaro Littéraire», что Терешкович – Константин Андреевич – купил скаковую лошадь^[11]!?

А мой сосед на моем этаже проиграл на днях – на какой-то другой лошади – 115.000 f<rancs> как одну копеечку!

Вот и считайте, сколько раз надо всем им сказать *Cambronne alors!*

Пожалуйста, сообщите мне вкратце – жив ли С.В. Яблоновский, друг мой старинный^[12], видите ли Вы хоть изредка Н. Оцупа, Г. Иванова или других? Что делает Роберт Пикельный^[13], где живописец М. Блум <sic>^[14] и сколько у него уже детей – что Пуни, как его здоровье^[15] <?>

Андреевы пишут мне, что собираются на лето в Европу^[16]. Жалею очень, что Вейдле не получил Prix des critiques^[17].

Надеюсь, что Вы видели «Les Diaboliques» G. Clouzot^[18]. И, конечно, 2 раза «Du Rififi chez les hommes» и «Les fenêtré sur la cour» Hitcock'a – с James Steuart^[19].

Великие поэты имеются сейчас в cinema – а в поэзии – – – вот и считайте.

Будьте здоровы и благополучны. Сердечный привет и поклон Анне Семеновне и Вас дружески приветствую.

Ваш Божнев

1. Год определяется по контексту.

2. images photo – фотоснимок, фотооткрытка (*фр.*).

3. Речь идет о П. Тюре-Данжене, см. прим. 9 к п. № 8, от 15 июня <1948>.

4. Имеется в виду романтическая легенда о шотландском происхождении Лермонтова от рода Learmonth, одним из источников которой послужил образ поэта-прорицателя Томаса-Рифмача, прозванного Лермонтом, героя баллады В. Скотта «Thomas the Rhymer». В словах Божнева, по всей видимости, содержится намек на заключительную строфу стихотворения Присмановой «Горы» (из сб. Близнецы):

О, гордая вершина Эльборус,
о, Лермонтова вечная вершина!
Но прежде чем туда я доберусь,
отмерят здесь земли мне три аршина.

5. См. пп. № 26 и 28.

6. См. «amitié amoureuse» и «amour très tendre» в п. № 28.

7. По всей видимости, речь идет об итоговой поэме Божнева «Чтоб дольше сна продлилось пробужденье», над которой он начал работать в 1951 г. и завершил в 1959 г. Поэма напечатана в *Божнев II*: 241–261. См. также пп. №№ 14, 18, 19, 32.

8. Cambronne alors! – По-видимому, эвфемистическо-метонимическая замена «классического» французского ругательства «merde alors!» (что примерно соответствует русскому «ну и дерьмо!») большим любителем произносить его вслух («mot de Cambronne») – наполеоновским генералом Пьером-Жакобом-Этьеном Камбронном (1770–1842); об этом ругательстве в романе Б. Поплавского «Аполлон Безобразов» см.: *Хазан Владимир*. «Роман с Богом», или о двух литературных шутках в «Аполлоне Безобразове» Бориса Поплавского (Борис Поплавский и Альфред Жарри) // Русские писатели в

Париже: Взгляд на французскую литературу: 1920–1940: Междунар. науч. конф. / Сост., науч. ред. Ж.-Ф. Жаккар <et al.> М.: Русский путь, 2007. С. 397–401. *Quel métier infernal! – Какая адская профессия! (фр.)*.

9. *tableautins* – маленькие картины (фр.).

10. *avis important* – важное сообщение (фр.). Следующий далее абзац в письме обведен, чтобы подчеркнуть его важность.

11. О «конно-беговых» интересах Терешковича см., например: *Лидарцева Н.* Константин Терешкович: Художник и владелец конюшни // РМ. 1962. № 1860, 5 июля. С. 5; *Седых Андрей.* Терешкович // НРС. 1972. № 2264, 2 июля. С. 2; см. также о лошадях Терешковича в цитируемом в настоящем издании (Приложение I, вступ. заметка к воспоминаниям К. Терешковича о Гингере) письме Н. Резниковой вдове Б. Божнева, Э. Каминер-Божневой, от 6 июня 1980 г.: «Имел скаковых лошадей. Брал призы».

12. См. прим. 4 к п. № 19, от 30 января <1952>.

13. См. прим. 12 к п. № 24, от 14 мая <1953>.

14. См. прим. 10 к п. № 24, от 14 мая <1953>.

15. См. прим. 19 к п. № 24, от 14 мая <1953>.

16. Андреевы были ближайшими друзьями Божнева. В. Андрееву посвящено его стихотворение «Линотипный орган» (ВР. 1929. № 3. С. 25–27; в том же номере журнала напечатан поэтический ответ Андреева – стихотворение «Труд». С. 28–29), а Ольге Викторовне Черновой-Андреевой, как было сказано выше (прим. 9 к п. № 7, от 15 мая <1948>), посвящена его поэма «Колокольный звон над “Царство Божие внутри нас”».

17. Речь идет о литературной премии, присуждаемой лучшим книгам на французском языке.

18. Имеется в виду фильм французского кинорежиссера Анри-Жоржа Клузо (Henri-Georges Clouzot; 1907–1977) «Дьяволицы», вышедший на экраны в 1954 г. и в 1956 г. получивший приз Луи Деллюка.

19. Божнев говорит о фильме американского кинорежиссера Julius Dassin (Жюль Дассен; 1911–2008) «Rififi» (1955), демонстрировавшемся на французских киноэкранах под названием «Du rififi chez les hommes» («Мужские разборки»), и детективном триллере американского кинорежиссера Alfred Joseph Hitchcock (Альфред Джозеф Хичкок; 1899–1980) «Rear Window» (1954), который шел во Франции под названием «Fenêtre sur cour» («Окно во двор»); главную мужскую роль в нем сыграл Джеймс Стюарт (1908–1997).

<Первая страница отсутствует> <...> в пустыне Негеба <sic>^[2] – это страшный вызов и смертельная угроза их бессильному

безделию и животной ненависти, которая действительно грандиозна.

А ежели принять Газел<л>у просто как, так сказать, поэтический перл восточный – то, что может быть безвкуснее и никчемнее ориентальных *bijoux* ^[3] – все эти, например, блюдечки или чуть ли не чаши на женских грудях – но не из этих блюдечек или чаш пьет европейский любовник наслаждение женских грудей – которые сами колышутся слегка от своего собственного опьянения...

В части же европейской Вашей четвертой книги – хочу отметить только одно место, где Дело Мастера не боится – одну рифму – *ныне* – оазис в пустыне ^[4] – конечно, изучая 16 лет тибетские наречия ^[5], не хватает Времени даже Тициановского ^[6], чтобы найти к *ныне* рифму получше. Как старый соратник Ваш на одном поприще сам это хорошо понимаю – грандиозную трудность сего *ныне!* – но всё же! – в голову атлета – у которого уже «гром в висках» (замечательно всё найдено-постигнуто) – у которого «мозг мутится» – всунуть еще в придачу целый оазис в пустыне хотя бы и мысленный – это, сударь мой, жестоко невероятно! Я бы сделал помягче – раз уже имеются великолепно прочувствованные и переданные Вами образы физиологические – я бы поддержал весь этот безумный порыв бегуна – сердцем *синим* – ибо в пределе своего усилия сердце из красного становится *синим*.

И имеется еще одна рифма – смысл (полагаю, что и Вы сторонник рифм смысловых, а не просто как подсобницы звуков вроде Бальмонтских) – которая Дела мастерского не слишком боится – *сырой* – зрителей *рой* – зрители – кольцо плотнейшее многотысячной плоти тел – никак не рой – и я бы этот рой отогнал бы движением повелительной руки – и так, как для меня стад-стадион – это – *венец* ^[7] – то бегун этим венцом увенчивается, и, разрешая себе подражание Гингеру, я говорю – «стадионом как венцом венчается» – а т<ак> к<ак> зрителей – премногие тысячи – «двадцать восемь тысяч ^[8] раз Герой!» – хотя зрителей быть может было всего 17.423. Ну да пушай их будущий Ваш критик – какой-нибудь новый проф<ессор> Эйхен ^[9] или иной вальд ^[10], или новый Марк Моськин – почему всегда Слоним ^[11]?? – считает!..

Как видите, читал я Вашу четвертую книгу очень внимательно – оттого с еще бóльшим правом – усугубленным XXXV-летней давностью соратничества – могу и хочу ее приветствовать. Но так

как для меня – увы! – Время не Тицианом отмечено – хотя и не Надсоном – и Смерть-Сестра – как в Вашем прекрасном стихотворении – уже не только «намеченная тень», а свет всё более для меня явный – с которым всё смешано и слито для меня особенно за последний год – то заканчиваю вариантом последних двух строк Ваших прекрасных стихов ^[12] –

Она уже с тобой, хоть не пришла пора
Тебе ее познать и с ней соединиться –
Чей вечный сон по временам тебе уж снится
И чья тупая боль так для тебя остра...

Ваш Божнев

Низкий поклон Анне Присмановой.

Прилагаю три образа-фигуры прошлой чудесной России – случайно нашел и купил много открыток, отображающих наш Grand Siècle ^[13] – прилагаю в подарок Вам

Тучкова IV за «Шар»* ^[14]

И.И. Бецкого за «Светит месяц»

А.Ф. Кокоринова за «Утро» ^[15].

* Ибо эти стихи Ваши исходят из глубины нашего Grand Siècle – который они возвеличили бы – из поколения в поколение – в Лизгоре ^[16] российской вечности.

Божнев

17/I <19>57

<На открытке, изображающей А.А. Тучкова (портрет работы Дж. Доу), Божнев написал:>

Подумать только, что таких ясных, но слегка затуманенных Тучковых было четыре!

<На открытке И.И. Бецкого (портрет работы А. Рослина):>

Были в бархате, в шелку и в кружевах –
Но совсем не женственны мужчины...
В утреннем шляфроке – без причины –
Он задумался – держа прожект в веках...

Б<ожнев>

<На открытке А.Ф. Кокоринова (портрет работы Д.Г. Левицкого):>

Не ведаю, чем правил сей вельможа,
Но раз его портрет Левицкий написал –
То значит, он на власть свою похожим,
На росчерк духа своего похожим стал...

Божнев^[17]

1. В письме Божнев обсуждает полученный от Гингера сборник его стихов *В*.

2. Вероятно, речь идет о пустыне Негев, простирающейся на юге Израила (площадь 12 тыс. кв. км).

3. См. прим. 10 к п. № 17, от 2 декабря <1951>.

4. Речь идет о стихотворении «Факел».

5. См. пп. №№ 26, 28 и 29.

6. Божнев обыгрывает следующие строчки из стихотворения «Факел»: «Век хочу исполнить Тицианов, / девяносто девять здешних лет».

7. Слово «венец» обведено.

8. Над «двадцать восемь тысяч» надписано: «или восемнадцать».

9. От *eichen* (*нем.*) – дубовый.

10. От *Wald* (*нем.*) – лес.

11. Марк Львович Слоним (1894–1976), литературный критик, историк литературы, общественный деятель; основатель (1928) и руководитель литературного объединения «Кочевье», куда входили и Божнев, и Гингер. Божневский каламбур основан на противопоставлении СЛОНИМа и МОСЬКИна. Это не первый случай, когда фамилия Слонима использовалась в каламбурных целях (или эти цели подозревались, пусть даже и без всякого основания), см., например, в письме Е.Х. Кузнецовой к Ю.П. Одарченко от 30 июля (1949?), в котором речь идет о книге стихов последнего «Денёк» (Париж, 1949):

Дорогой Юрий Павлович!

Наконец-то я получила ваши стихи.

На вольном воздухе читаю их и про себя и громко. Очень всем нравится, особенно про СЛОНЧИКА <стихотворение «Чистый сердцем»>. Это намек на Слонима? (Письма А.М. Ремизова к Ю.П. Одарченко / Вступ. ст., публ. и коммент. А.М. Грачевой; Подг. текста писем В.П. Польшковской и А.М. Грачевой // Наше наследие. 1995. № 33. С. 98).

12. Речь идет о стихотворении Гингера «Сестра», для двух последних строчек Божнев предлагает свой вариант.

13. Grand Siècle – великий век (*фр.*).

14. Сноска принадлежит Божневу.

15. Открытки, которые Божнев приложил к своему письму, изображали известных деятелей российской истории: Александр Алексеевич Тучков 4-й (1778–1812), военачальник, генерал-майор, погиб во время Бородинского сражения; Иван Иванович Бецкой (1704–1795), личный секретарь Екатерины II (1762–1779), президент Императорской Академии искусств (1763–1795); Александр Филиппович Кокоринов (1726–1772), архитектор.

16. Намек на стихотворение Гингера «Светит месяц».

17. Оба стихотворения включены в *Божнев II*: 239.

31

25 III <19>57

Я Вас благодарю за Ваши книги –
Не вечно цепи будут крепче Уз
Бессмертия связующие Муз
С душою, празднующею свои вериги^[1]...

Божнев

1. Включено в *Божнев II*: 240. Это четверостишие, вероятно, продиктовано реакцией Божнева на полученную от Гингера книгу *B* (см. предыдущ. письмо).

32

20 октября <1959?>^[1]

Дорогой Александр Самсонович

Перед каникулами я послал Вам – *открытку* –
А<нне> С<еменовне> – *письмо* и Вам обоим – мою *поэму* «Чтоб
дольше сна продлилось пробужденье»^[2].

Прошу известить меня – получили ли Вы эти мои послания.

Не имея никакого ответа – беспокоюсь – что и как у Вас.

Ваш Божнев

1. Год определяется по контексту.

2. Свою поэму «Чтоб дольше сна продлилось пробужденье» Божнев завершил в 1959 г., см.: *Божнев II*: 293, а также его пп. №№ 14, 18, 19, 29.

Дорогая Анна Семеновна

Был доволен я получить сегодня утром от Александра Самсоновича некоторые сведения о здоровье Вашем.

Бывает так, что вдруг – начинаешь, не имея вестей – беспокоиться о том или ином – далеком – близком человеке – тем более чем отдаленнее в молчаливом пространстве – близкий духу человек.

Комментарии А<лександра> С<амсоновича> к визиту Вашему к кардиологу – не комментирую, т<ак> к<ак> совершенно с ними согласен.

Болезни ведь никакие в общем не вылечиваются, а главная ведь задача медицины – согласовать болезни с жизнью, делать болезнь менее болезненной, а жизнь более опытной в сопротивлении против болезни.

Я видел, как отлично помогает *гомеопатия* сердечным недомоганиям – особенно одни чудодейственные капли, которые принимают по утрам (мой *médecin traitant* ^[1] – вот уже 20 лет – гомеопат Dr. A. Ebert, дай Бог ему здоровья) ^[2].

Конечно, основное для Вас, друг мой, – помимо капель успокаивающих и пилюль укрепляющих разные сердечные клапаны или сосуды – это – просто спокойная, гармонически настроенная жизнь – много сна – и не слишком сновидений.

Очень рад был узнать также, что Вы скоро уезжаете в деревню – на несколько месяцев – надеюсь, что имеется у Вас хоть небольшой сад *собственный* – где у Вас *личные* отношения с кустами и деревьями – и – *особенно* – с *травой* (я более всего люблю простую траву) – и я надеюсь, что к осени – и уверен – что сердце Ваше окрепнет значительно и ритм его будет согласован – и согласен с вами во всём.

Отдыхайте, – читайте побольше чепухи и поменьше серьезно – и примите благосклонно искренней преданности уверение

Вашего Б. Божнева

Передайте, пожалуйста, А<лександр> С<амсонович>, что меня очень заинтриговал штемпель на его конверте – Boulogne-Billancourt^[3] – эх, его куда занесло!

1. médecin traitant – лечащий врач (*фр.*).
2. См. п. № 21, от 5 марта <1953>.
3. Булонь-Биянкур – западный пригород Парижа.

34

При милая сманова^[1]

Знаю, что Вы – письма – никак, а я хочу знать – как – Вы – письменно, посему прилагаю небольшой вопросник, заполните его, пожалуйста, и отошлите в прилагаемом же конвертике^[2].

У меня тысячи <sic> «дел»; несколько раз тоже хворал; работал над стих<ами> во время и между болезнями, что значит – сплошь хворал, и вновь всякие «дела» и т.д. – писать мне также трудно сейчас, и рука бунтует, как видите.

Привет Александру Гингеру.

Ваш Б<орис> Б<ожнев>

1. Ср. включение цифрового ряда («1950») внутрь слова («цифра») в письме № 13, от 2 января 1950 г.

2. В слове «конвертике» зачеркнуто «ик» и к образовавшемуся «конверте» приписано: «не нашел маленького».

35

28/XII

Дорогой Александр Самсонович

Прошу извинить – но опять должен Вас побеспокоить – потерял я цитату из Malebranche^[1], а кажется, я написал ее на одной из моих поэм, Вам посланных – посмотрите, пожалуйста, и ежели имеется – перепишите на ... и т.д. – я в ярости оттого, что время от времени теряю(сь) в моих бесчисленных литературных и художественных досье, архивах – то биш<ь>. (А что значит то биш<ь>, конечно, даже

Вы не знаете.) Кстати, я придумал чудную смешную историю некоего Эйнцвейдрейгера, который мне часто, среди рассказа, говорит – «я вижу, Божнев, что Вы ничего не знаете, Вы, наверно, в деревне всё учили басни Крылышкина^[2]» и т.д.

Игуанодон Ваш уже в стихах моих отважно красуется^[3] – пишу большую сюиту – будет всего, наверно, 100 стихотворений. Пока закончил 72 – но конца еще не вижу, нудно, нудно.

Елка моя^[4] шлет Вам и Присмановой привет.

Ваш Божнев

1. Николая Мальбранш (1638–1715), французский философ.
2. И.А. Крылова.
3. Игуанодон (игуанодонт) – род растительноядных птицетазовых динозавров (по-видимому, многознающий Гингер упомянул или растолковал Божневу в письме это слово).
4. Имеется в виду Элла Михайловна Каминер.

36

28 дек<абря>
Вечер –
10 ч<асов>

Дорогой Александр Самсонович

Только что пересмотрев все свои записные книжки, в которые я вписываю и вклеиваю разное – замечательное – и редкое – я, конечно, нашел – в самой наи-последней! – цитату из Malebranche – о которой я запросил Вас сегодня утром –

Dieu laisse agir librement les causes libres
Malebranche^[1]

Всё же я буду Вам очень признателен за сообщение – имеется ли она цитата на каком-либо вступительном листе одной из моих поэм – или это мне «приснилось»??

Из-за непрерывной работы над поэмами – а также из-за непрерывных женщин – я часто не знаю, на каком я свете нахожусь и многое – хотя и мастер.

Да! вспомнил – вот в это мгновение! – среди этой всей перепутаницы, – я ведь вычитал в Malebranche *еще один постулат* и оную цитату записал – но где?! быть может, на одной из поэм – как раз на Вашем экземпляре?? быть может??? – в этом постулате замечательно формулировано, что Бога не «интересует» «частная» личная судьба людей – выражаю по-обывательски замечательную чеканную формулу М<alebranche> – чтобы ее не исказить бесформенностью, и которую прошу найти или окончательно потерять для меня.

Ваш Божнев

1. Бог дает свободно действовать тому, кто действует целееосознанно (*фр.*).

37

<28 декабря>
11.10 вечера

Нашел! – в другой части архивов своих –

Dieu n'agit pas par des volontés particulières^[1].

Malebranche

Так что – ничего искать Вам не надо, ибо ни на каком экземпляре Вам посланных моих поэм этой цитаты не имеется – но письмо и аппехе^[2] его всё же посылаю, чтобы знали Вы эти две формулы Мальбранша и поступали соответственно или несоответственно, а также, чтобы были Вы заочным свидетелем бесконечного терпения моего – и когда касается искусства – *de la ferveur infinie de ma volonté particulière*^[3].

Ваш Б<орис> Б<ожнев>

А конверт *en blanc*^[4] – приберегите – наверное, еще буду Вас барбировать^[5]...

1. Dieu n'agit pas par des volontés particulières – Бог не действует личной волей (*фр.*).

2. *appexe* – дополнение (*фр.*).

3. *de la ferveur infinie de ma volonté particulière* – бесконечное усердие моей личной воли (*фр.*).

4. en blanc – чистый (*фр.*).

5. барбировать – от barber (*фр.*) – докучать, надоедать.

38

15 января <1947?>

Дорогой Александр Самсонович

Чтобы Вы больше не ломали себе голову^[1] над разрешением? – который <sic> войдет в историю les «causes et mystères celebres»^[2] – под названием «Route de l'ambulance de Dakar»^[3] – посылаю Вам решение оной загадочности – мною вчера разгаданной – моей обычной необычайной пронизательностью (и скромностью).

Я тотчас же написал оное разрешение на самой открытке загадочности дакарской (отметьте иронию судьбы, называющей *открыткой!* с изображением глубочайшей загадки для умовоображения наше-го!..) – так вот написал я радостную весть о конце помрачения умов наших другу моему Lucien Henry^[4], что находится сейчас в Париже Вашем – у со-друзей моих^[5].

Но я, зная пытливое беспокойство Ваше и поиски ключа разгадки дакарской или скважины хотя бы!! – я по старинной приязни к Вам – и к Вашим домочадцам – посылаю оную открытку первым маршрутом к Вам – а Вас уж попрошу сопутствовать концу ее получения адресатом, так чтобы на месте глубокой тайны был бы штемпель легкой мистериозности^[6]! Штемпель Парижа, а Ваш отменно-верный Божнев в Марселе.

Глубокий поклон мой Анне Присмановой.

1. Над последней буквой «у» – как вариант – надписана буква «ы».

2. causes et mystères celebres – знаменитые причины и тайны (*фр.*).

3. Route de l'ambulance de Dakar – скоростная дорога в Дакаре (*фр.*). Речь, возможно, идет о фотооткрытке с изображением железной дороги, проходящей через бедную африканскую деревню, вдоль которой пешком движутся жители, см.: <http://www.ebay.com/itm/ws/eBayISAPI.dll?ViewItem&item=150614432558>

4. См. прим. 5 к п. № 22, от 6 апреля <1953>.

5. Сверху вписано «наших».

6. От mystérieuse – таинственный, загадочный, скрытый (*фр.*).

Дорогой Александр Самсонович

Я получил совершенно отчаянное письмо от Г. Евангулова – ликвидировав *последнее* свое достояние и получив 100.000 – он в ту же ночь всё это последнее проиграл в карты.

У него больше нет ни квартиры, ни денег, ни помощи «друзей» – всем должен.

Так что со вчерашнего дня он «на улице».

«Адрес» его – куда он, надеюсь, пойдет – обещает в письме – «Les Nouvelle Russes», 16, rue du Croissant, Paris, II^[1].

Полагаю, что надо, не теряя ни минуты, ему написать хоть несколько строк – пригласите его зайти к Вам, накормите и обойдите его – крошками «Палаты Поэтов» и словами не черствыми^[2].

Только – поторопитесь.

Сердечный привет Анне Присмановой.

Искренне Ваш

Божнев

1. Газета РН.

2. Георгий Сергеевич Евангулов (1894–1967), поэт, прозаик, драматург (автор пьесы «Человек без галстука»; ее французский перевод читал на вечере Евангулова 15 ноября 1925 г. И.М. Сидерский, см. сообщение об этом: Вечер поэта Г. Евангулова // Дни. 1925. № 853, 14 нояб. С. 3). Член Палаты поэтов, имя которого стоит в посвящении *СВ*. В гингеровском *Альбоме* представлен следующим стихотворением:

Как раковинка с морем и в разлуке
Еще у моря в сладостном плену
Перепевает в повторенном звуке
И ветра гул, и вольную волну –

Так о тебе храню воспоминанье...
И стоит лишь задуматься слегка –
Твой голос ли, или твое дыханье
Сперва неясно и издалека,

Но вдруг нахлынет, как среди лазури
Внезапный дождь, и сердце задрожит,

Как раковинка взвояет, загудит
Далеким ревом неутихшей бури.

Георгий Евангулов

13 апр<еля>1948

В.И. Бологовской
Письмо Гингеру

Артист музыкальной драмы Владимир Игнатьевич Бологовской (Бологовский; 1890–1971) первоначально эмигрировал в Югославию, жил в Белграде, служил в театре оперы и балета. В 30-е гг. перебрался в Париж, являлся артистом Русской оперы А. Церетели, Русского интимного театра Д.Н. Кировой, Русского зарубежного камерного театра, входил в состав Пражской группы Московского художественного театра, выступал в Русской оперетте, в Русском драматическом театре К. Питоевой и др. Свою встречу с дочерью А. Пушкина, М.А. Гартунг, описал в опубликованных воспоминаниях¹.

Письмо публикуется по автографу, хранящемуся в University of Illinois Archives (Urbana-Champaign). Ms. 15/35/56 Sophie Pregel and Vadim Rudnev Coll. Box 1.

Wl. Bologowskoy
18, Av. Jean Jaurès
Gagny (S.&O.)

Gagny, 13.VIII <19>65^[1]

Дорогой Александр Самсонович!

Сегодня утром я получил Вашу изящную книжечку стихов и благодарю Вас за себя и за Ол<ьгу> Ник<олаевну>.

Сегодня же я перевел Вам mandate 1500 fr<ancs> – деньги, полученные мною от моих друзей (1000 fr<ancs> + 500 fr<ancs>), которым я предложил подписаться на Вашу книжку, и они (это дамы) сейчас же душевно откликнулись: не сердитесь на меня за эту свободу действий^[2]. Ник<олай> Ник<олаевич> Евсеев^[3] держит меня au courant^[4] в ходе Вашей болезни, и мне захотелось в меру моих возможностей проявить к Вам известного рода ласку и внимание^[5].

Я сам был тяжело болен и знаю, что это лучшее лекарство для больного.

¹ См.: *Бологовский В.И.* Моя встреча с М.А. Гартунг, урожденной Пушкиной // НРС. 1962. № 17933, 15 апр. С. 8.

Я внимательно прочел Ваши стихи и позволю себе сказать Вам, что в Вашей поэзии чувствуется большая индивидуальность и особая tonalité^[6]. Не знаю, как это точно звучит по-русски.

Что же касается Вашей болезни, скажу Вам по личному опыту: не теряйте веры в Ваше выздоровление. Я был много раз тяжело ранен^[7] и болен из-за моего сердца, и всякий раз меня спасала только вера.

Всей душой желаю Вам самого скорого выздоровления и храни Вас Господь!

Жму Вашу руку.

Искренне расположенный к Вам –

Вл. Бологовской

P.S. Ол<ьга> Ник<олаевна> просит принять ее приветы!

В. Б<ологовской>

1. Письмо написано из Русского дома в парижском пригороде Ганьи, где Бологовской жил в последние годы жизни.

2. О подписке на книгу стихов Гингера *С* см. в его письмах к С.Ю. Прегель.

3. Николай Николаевич Евсеев (1891–1974), поэт, казачий общественный деятель. В *Альбоме* Гингеров представлен следующим стихотворением:

Не надо ждать – сама придет,
Угаснет мысль и сердце станет,
И будет лоб, как воск и лед.
Ничто тогда уже не ранит.

И только горстка терпких строк,
Оставя дверь слегка открытой,
Продлит земной и бедный срок,
Пока не будет позабыта.

4. au courant – в курсе (дела) (*фр.*).

5. О болезни Гингера в это время см. во вступительной статье и в переписке с С.Ю. Прегель.

6. tonalité – тональность, тон, звучание (*фр.*).

7. Бологовской был поручик царской армии, участник I-й Мировой и Гражданской войн.

В.С. Булич

ПИСЬМА ПРИСМАНОВОЙ И ГИНГЕРА

Поэтесса Вера Сергеевна Булич (1898–1954) родилась в семье известного филолога, проф. Петербургского университета и директора Высших женских (Бестужевских) курсов, теоретика музыки и композитора С.К. Булича (1859–1921), друга И.Ф. Анненского, который посвятил ему стихотворение «Notturmo» (1890), положенное Буличем на музыку. Г. Адамович, высоко отзываясь о поэтическом даре В.С. Булич, писал, что

в первые годы революции она была одной из молодых петербургских поэтических «надежд»¹.

В эмиграции Булич жила в Гельсингфорсе, работала в Славянском отделении Университетской библиотеки и параллельно, с 1947 г., в Институте по изучению СССР. Ни с Гингером, ни с Присмановой она никогда не встречалась, и их знакомство носило сугубо эпистолярно-фото-заочный характер, основанный на поэтической взаимосимпатии. С Гингером, кроме того, ее сблизило то – и данная тема является центральной в публикующихся письмах, написанных им к Булич, – что он «вел» (корректировал, вычитывал, занимался типографскими проблемами – по мере возможности «стоял над душой» у печатников и пр.) последнюю книгу поэтессы, «Ветви» (1954), которая была издана парижским издательством «Рифма». Как вытекает из публикуемых писем, Гингер оказался в роли посланника-вестника, обратившегося к Булич от имени издательства «Рифма» с предложением прислать рукопись ее стихов. Работа над книгой Булич совпала с тем периодом, когда собственный сборник стихов Гингера *В* должен был увидеть свет в том же издательстве, но из-за упрямства автора, отказавшегося снять одно

¹ ПН. 1938. № 6255, 12 мая. С. 3. Получив от Присмановой последнюю книжку стихов Булич, Г. Адамович, который в это время преподавал в Манчестере, отвечал ей 29 мая 1954 г.:

Дорогая Анна Семеновна!

Очень рад был получить Ваше письмо с книжкой бедной Веры Булич (бедной, потому что она ведь, кажется, умирает?) Я ее знал в «те баснословные года», она состояла при Гумилеве, насколько помню (Письма Адамовича: 270).

из стихотворений, вызвавших протест у главного редактора С.К. Маковского, безнадежно застрял там (подробно эта история описана во вступительной заметке к переписке Гингера с С.К. Маковским).

В эмигрантской поэзии Булич по праву занимала видное место: критическая оценка ее стихов была неизменно сочувственной и позитивной: разные рецензенты – от В. Ходасевича до М. Цетлина, от Ю. Мандельштама до Ю. Терапиано – отмечали ее высокую поэтическую культуру, тонкий литературный вкус, стихотворное мастерство.

Умерла Булич от рака легких вскоре после выхода ее последней поэтической книги.

Письма Присмановой и Гингера к Булич печатается по автографам, хранящимся в The National Library of Finland. Dept. of Manuscripts. Sl. Ms K-63.1.

ПИСЬМА ПРИСМАНОВОЙ К В.С. БУЛИЧ

1^[1]

Дорогая Вера Сергеевна, как видите, я (несмотря на легкость веса) крайне тяжела на подъем, в частности на эпистолярный^[2]! Это, конечно, не оправдывает, но все-таки объясняет мое неприлично долгое молчание...

К тому же всё последнее время я занята была подготовкой к печати моей третьей книги стихов, которая должна выйти по предварительной подписке^[3]...

А между тем Ваше письмо доставило мне много радости. Вы, должно быть, знаете, как отраднo встречать отклик в читателях. Особенно, если читатель прежде всего – писатель! Но именно это обстоятельство еще удлинило мое молчание: я решила заново перечитать все три книги Ваших стихов^[4]. Так как читаю я ненормально – по три раза перечитываю каждую строку – то трачу на это втрое больше времени, чем другие...

По-моему, в каждом из Ваших сборников имеются стихи замечательные по благородству мироощущения и четкости выражения.

В книге «Маятник» мне чрезвычайно понравилось стихотворение про старомодную карету^[5], затем – «Гость» и «Памяти отца» (с по-

вторениями)^[6], еще – последний отрывок из разговора с сердцем^[7] и отдельные лапидарные фразы, напр<имер>: «Время – жизнью измеряем, вечность – смертью познаем»^[8]... Из книги «Пленный ветер» на меня произвели большое впечатление стихи: «Взывай из душевной темноты», «Ветер крупными шагами», стихотв<орение> про бабочку, которое кончается словами: «Я бабочку снимаю осторожно»^[9] и две больших вещи: «Письмо» и «Судьба». Из сборника «Бурелом» отмечаю вот какие «пьесы»: «Фонтан», «Во сне», «У окна», «В запущенном саду», «Скатуден», «Здесь Пушкин проходил»...

Я нахожу, что Ваш «Фонтан» одно из лучших стихотворений в альбоме Гингера... Что касается стихотворения, помещенного в «Новосельи», то – я уверена – Вы получили немало лестных отзывов от читателей и от сотрудников этого журнала^[10].

Прилагаю к письму отзыв Ю.К. Терапиано, появившийся в свое время в американской русской газете^[11]. Не сердитесь на меня, дорогая Вера Сергеевна, за то, что делаю это с таким запозданием – эта вырезка лежит у меня уже около месяца... Вообще, прошу Вас, когда будете иметь дело со мной, помните всегда поговорку: «Полюбите нас черненькими...» и т.д.

Надеюсь, что когда-нибудь мне удастся познакомиться с Вами лично и в конце концов заслужить Ваше расположение.

Передайте, пожалуйста, искренний привет Л.М. Линдебергу^[12]. Мой муж Вам кланяется.

Чрезвычайно признательная Вам за внимание

Анна П<рисманова>

Париж, 10-го марта 1949

1. Письмо отпечатано на машинке.
2. Эта тема, по-видимому, не раз обсуждалась в семье, см. тот же образ «тяжелой на эпистолярный подъем» Присмановой в письме Гингера Булич (№ 13, от 27 (июня?) 1954), см. еще прим. 8 к письму Б. Божнева Присмановой (№ 8, от 15 июня 1948), см. также письмо Гингера В. Андрееву.
3. Речь идет о книге стихов «Соль» (Париж, 1949).
4. Три книги стихов Булич: «Маятник» (Гельсингфорс, 1934), «Пленный ветер» (Таллинн, 1938) и «Бурелом» (Хельсинки, 1947).
5. Стихотворение «Путешествие» (С. 12).
6. В сборнике «Маятник» памяти своего отца, проф. С.К. Булича, поэтесса посвятила стихотворение «Я слабею. Томится дух...» (С. 42).
7. Имеется в виду последняя, 5-я часть («Ну как-нибудь мы проживем...») из пятичастного стихотворения «Разговоры с сердцем» (С. 45).

8. Из стихотворения «В лавке часовщика» (С. 54).

9. Стихотворение «Услышать снова музыку глухую...» (С. 53).

10. Речь идет о стихотворении «Лиловеют прозрачные рощи...», напечатанном в Нов (1949. № 39–41. С. 116); в том же номере журнала было опубликовано двухчастное стихотворение самой Присмановой «Сосед» (С. 49) и стихотворение Гингера «Сестра» (С. 36), см. его письмо к Булич № 1.

11. Имеется в виду отзыв Ю. Терапиано на сборник стихов Булич «Бурелом» (НРС. 1949. № 13400, 2 янв. С. 8).

12. Лео (Леонид) Магнусович Линдеберг (1914–1975), журналист, публицист, один из основателей выборгского «Журнала Содружества» (1933–1938); член литературно-художественного и философского объединения «Светлица»; после войны гл. редактор издававшегося в Хельсинки просоветского «Русского журнала», в котором Булич вела литературный отдел. См. о нем: *Хямляйнен Э.* Какие времена – такие песни // РМ. 2001. № 4377, 20 сент. С. 5.

2

27/12 – 1953^[1]

Эти шаблонные слова производят иногда маленькое чудо. Они дают повод (после долгого молчания) *внезапно* обратиться к тем, от которых мы далеки географически, но к которым близки какими-то психическими основами.

Другими словами: Гингер и Присманова.

Конечно, эти, написанные чернилами, слова не менее шаблонны, чем напечатанные, но надеюсь, Вы всё же отзоветесь на них! Если бы Вы знали, какого труда мне стоит поддерживать письменный контакт с людьми, Вы оценили бы даже эти мизерабельные строчки.

Напишите подробнее о себе: как здоровье, как творчество, как жизнь «вообще». Меня интересует всё, что касается Вас. У меня всё (приблизительно) как раньше, за исключением II-го пункта: я за последний год не написала решительно ничего. Хотя физически чувствую себя не плохо. Но на меня напало какое-то «ментальное» оцепенение.

1. Написано на: 1) новогодней карточке со следующим типографским текстом, к которому относятся начальные слова Присмановой:

meilleurs vœux
pour une

bonne et beureuse
année

наилучшие новогодние поздравления и пожелания (фр.).

2) на почтовой бумаге с гравюрой картины французского художника R. Dufy «La fenêtre» (Окно).

3

8-го февраля 1954

Дорогая Вера Сергеевна,

Ваше письмо меня потрясло^[1]. После того, что я прочла в нем, всё кажется мне таким ничтожным и мелким, что я не могу теперь думать ни о чем, кроме как о Вашем героическом отношении к своей болезни.

Как хорошо, что Вы любите музыку: она сможет быть для Вас поддержкой и утешением. Я всегда чувствовала, что небесные звуки земной музыки помогут нам растаять, раствориться и, может быть, даже испытывать при этом какое-то упоение. Ведь музыка есть обещание того блаженства, которое невозможно на земле.

Ваше новое стихотворение замечательно: в нем каждое слово служит для выражения чувств и мыслей последней важности. Ваши стихи в Антологии^[2] тоже останавливают на себе внимание правдивостью, точностью и поэтическим очарованием, и поэтому они так убедительны. Я уже некоторое время тому назад хотела написать Вам об этом, но просто не могла собраться.

К сожалению, Иваск выбрал из меня совсем не то, что я хотела – за исключением «Сирены», которую я сама ему послала^[3].

Не пренебрегайте никаким лечением!

Обнимаю Вас Ваша Анна П<рисманова>

1. Булич сообщила, что у нее обнаружен рак легких.

2. Речь идет об антологии На Западе, где Булич представлена тремя стихотворениями: «О графика, о музыка ветвей...» (С. 274), «Гельсингфорс на заре» (С. 275) и «Зеркальный вечер лежит на водах...» (С. 276).

3. Присманова представлена в антологии двумя стихотворениями: «Сестры» (С. 221–225) и «Сирена» (С. 226).

Париж

27-го июня <1954>^[1]

Дорогая Вера Сергеевна,

благодарю Вас за стихи четвертой книги: эти стихи действительно ветви чистого, строгого, благородного дерева^[2]! В этом отношении особенно показательны два первых стихотворения^[3] и последнее^[4], а также стихотворение «Замысел».

Мне показались очень интересными со стороны «архитектурной» и эмоциональной стихи: «Зеркальный вечер...», «О графика, о музыка ветвей...»^[5] и – «Войти в тот дом...»

Но ближе всего мне два маленьких стихотворения дневникового характера: «Живешь и копишь всякий сор» и особенно – «Страницу можно вырвать из тетради...»

Простите за краткую и неумелую критику и еще раз – спасибо за внимание!

С искренне дружескими чувствами

Анна Присманова

1. Год дописан карандашом, вероятно, самой Булич.

2. Присманова благодарила Булич за присланную ей автором книгу стихов «Ветви».

3. Два первых стихотворения: «Поэзия» (С. 5) и «Лиловеют прозрачные рощи...» (С. 6–7) (в связи со вторым см. прим. 10 к ее письму Булич № 1, от 10 марта 1949 г.).

4. Стихотворение «Спросят в конце дороги...» (С. 43).

5. Стихотворение «Ветви» (С. 16).

ПИСЬМА ГИНГЕРА К В.С. БУЛИЧ

1

февраль 1954

Дорогая Вера Сергеевна

Благодарю Вас за мужественное отношение к Вашей болезни. Я считаю Вас примером для себя и образцом. Я часто думал об этой

болезни, которая живет с кажущимся здоровым человеком и уже проецируется из будущего в настоящее («болезнь предвзятая»); я написал об этом стихотворение «Сестра» (Новоселье 39–41)^[1].

Если я могу чем-нибудь быть Вам полезен, пожалуйста, обращайтесь ко мне без стеснения. Ваши стихи хороши, и Вы можете быть уверены, что Присманова и я говорим это не потому, что Вы больны.

Опечатки в антологии в Ваших стихах относятся к таким, о каких французы говорят: «le lecteur aura corrigé de lui-même»^[2], – что мы и сделали задолго до получения Вашего письма. Несуразности Иваска меня не удивляют; я послал ему для выбора 9 послевоенных стихотворений, а он взял из них только «Весть», которое хуже многих других, да и то после долгих колебаний: сперва он хотел ограничиться «Жалобой и торжеством» (1922), которое было в антологии «Якорь», и «Факелом» (1939), которое было в антологии «Эстафета». Так что я лично совсем не доволен.

С братским чувством Александр Гингер
Посылаю Вам наши фотографии.

1. Вошло в *B* и *C*.

2. le lecteur aura corrigé de lui-même – читатель исправит сам (*фр.*).

2

февраль 1954

Дорогая Вера Сергеевна

Если для Вас это не слишком утомительно, то:

после Вашей книги, вышедшей в 1947 году^[1], у Вас, вероятно, накопилось немало стихотворений. Пошлите их С. Маковскому

S. Makovsky, 14 rue de Tilsitt, Paris 8

и их напечатают в виде книги в серии «Рифма». Это книги по 48 страниц. Маковский хотел бы, чтобы было приблизительно по 4 четверостишия на страницу, не больше; значит, с титульным листом и пр<очим> должно выйти на эти 3 печатных листа около 600 строк. Если Вы пришлете их в рукописном виде, их здесь перепишут на машинке, перед тем как отдать в типографию. Потом тут сделают первую корректуру, а вторую Вам пошлют*^[2].

Свящ<енник> Г. Сериков и его жена, которые живут в том же доме, что и мы, Вам кланяются^[3].

* Если у Вас будут затруднения или сомнения в смысле отбора и распределения Вашего материала и т.д. и если Вы думаете, что мы с Присмановой могли бы быть Вам полезны в этом отношении, то, пожалуйста, не стесняйтесь пользоваться нашими услугами, это было бы для нас только радостно.

Ваш Гингер А.

1. Т.е. сборника стихов «Бурелом».

2. Сноска внутри письма принадлежит Гингеру.

3. Георгий (Георгий Сергеевич) Сериков (1902–1991), протоиерей, пианист, композитор, общественный и культурный деятель; его жена – Зинаида Григорьевна Серикова (урожд. Светловская; 1906–1974), медицинская сестра, переводчица, корректор, общественный деятель.

3

11 III 1954

Дорогая Вера Сергеевна

Ничего не выкидывайте и пошлите всё сразу Маковскому. Я с ним говорил. Можно будет сделать книгу толще, например 56 стр<аниц>^[1]. Напоминаю адрес Маковского: Сергей Константинович

Maковский
14 rue de Tilsitt
Paris 8

Неизменно

Гингер А.

1. «Ветви» имеют «Рифменный» стандарт – 46 страниц.

Дорогая Вера Сергеевна

Маковский хочет без переводов^[1], он говорит, что так самостоятельное и цельнее для книги. Несмотря на наши с ним нелады (он не хочет выпускать меня в серии «Рифма», которую он редактирует, потому что я отказался выкинуть одно стихотворение, которое его раздражает), он поручил мне заниматься Вашей книгой. Она уже в типографии. Ваша рукопись на машинке сделана отлично. Я переправил «дышет» на «дышит» и поставил тире:

Всё нужно преодолевать – и даже^[2]...

Прилагаю мой графический прообраз Вашей книги (48 стр.)^[3]. Стихотворения, имеющие не более 5 строф, идут на одну страницу, в том числе и последнее (из 5 пятистиший)^[4]. Немногочисленные перестановки в Вашем порядке стихотворений объясняются тем, что все длинные стихотворения кончаются в моей верстке на правой нечетной странице, чтобы не надо было перелистывать. Если стихотворение занимает 2 страницы, то <...>^[5], если 3, то <...>^[6]. Когда я выправлю первую корректуру, я сразу пошлю Вам оттиски сверстанных полос на проверку. Типография другая, не та, где раньше печатались книги «Рифмы»^[7], гораздо лучше. Здесь монотип (а там линотип), так что если надо что-нибудь изменить, не надо перебирать всю строку. Шрифт чуть-чуть покрупнее. Обложки у «Рифмы» все однообразные и единообразные типографские; какого цвета Вы хотите? Типограф обещает, что в апреле выйдет^[8]. Я уничтожаю у обложки отогнутые края – это было в последних сборниках «Рифмы», они мешают. Забыл спросить у Маковского, сколько экземпляров Вам полагается лично. Они выпускают каждую книжку вообще всего 200 экз<емпляров>. Хотите ли Вы, чтобы обложка была с рамкой, т.е. <...>^[9] или без? Хотите ли Вы, чтобы буквы на обложке были черные или другого цвета?

Готовый к услюгам (не знаю, как сказать лучше)

Гингер А.

Хотите ли Вы, чтобы «Четвертая книга стихов» было и на обложке и на титульном листе или только на титуле (3-я страница), а на обложке «Стихи»^[10]?

И сброшюрована книга будет в этой типографии (Березняк)^[11] лучше, чем в той.

Другими выпусками «Рифмы» – кроме Вас – я не занимаюсь.

1. По-видимому, Булич предложила первоначально, кроме стихов, свои переводы финских поэтов.

2. Из стихотворения «Во сне я часто поднимаюсь в гору...» (С. 32).

3. К письму приложен лист, разграфленный на пронумерованные квадраты-«страницы», в каждый из которых вписано название стихотворения.

4. Имеется в виду «Спросят в конце дороги...» (С. 43).

5. Гингер графически показывает размещение стихотворения на двух страницах – нечетной и четной.

6. На гингеровском рисунке изображены три страницы – нечетная, четная и вновь нечетная.

7. До этого книги «Рифмы» печатались в типографии S.N.I.E., 32, rue de Ménilmontant (Paris, XX-e).

8. Печатание книги было завершено 15 апреля 1954 г.

9. Далее следует рисунок обррамленной обложки с названием книги:

Вера Булич

Ветви

Чет<вертая> к<нига> ст<ихов>

Рифма

Париж

10. Булич выбрала второй вариант: Четвертая книга стихов значится только на титуле, а на обложке: Стихи.

11. Владелец типографии; располагалась по адресу: 12, rue Lagrange (Paris, V-e).

Дорогая Вера Сергеевна

Вы говорите: «Очень прошу»... , точно я вправе делать по-своему! Я могу только предлагать на Ваше усмотрение. Раз для Вас необходимо переставить, значит, так и будет.

Цвет и краски – я Вам напишу о возможности или пришлю образчики, если будут, после того как побываю в типографии, чтобы

взять первую корректуру (меня, вероятно, вызовут на днях). Это ведь другая типография!

Мне тоже больше нравится без рамки.

Спущенную строку я заметил, вероятно, и наборщик, очень образованный армянин, сам это сделает, не то я бы отметил при правке корректуры.

Я думаю, что «Спросят в конце дороги» будет занимать нормальное место, если уменьшить пробелы между строками; в противном случае (Вы ведь сами увидите, я Вам пошлю) есть много возможностей, напр<имер>, поместить «Жизнь продолжается» на 42–43 (2 строфы – 2 со спущ<енной строкой>), «Спросят» на 44–45, содержание на 47 (на одной стран<ице>) и т.п.; но, вероятно, первый план лучше^[1]. Вы потом скажете. Я предлагаю сделать «Того же автора» *внизу стр<аницы>* 2^[2], как мы сделали с С. Прегель в ее книге «Берега»^[3].

Неизменно Гингер А.

1. В конечном счете последнее стихотворение книги, «Спросят в конце дороги...», было расположено по первоначальному плану Гингера на одной странице (С. 43), оборотная, 44-я страница – чистая, а оглавление заняло 45-ю и 46-ю страницы; стихотворение «Жизнь продолжается» помещено на 42-й странице.

2. Под страницей 2 имеется в виду оборот обложки, где указаны книги «того же автора»:

Сказки. Кн. I и II. Изд. Издательской Комиссии. Белград 1931

Маятник. Первая книга стихов. Гельсингфорс 1934

Пленный ветер. Вторая книга стихов. Таллин 1938

Бурелом. Третья книга стихов. Гельсингфорс 1947

3. Сборник стихов С.Ю. Прегель «Берега» вышел под эгидой издательства «Новоселье» (Париж, 1953); Гингер выполнял те же корректорско-редакторские функции, что и в случае с Булич.

6

<до 5 апреля 1954>^[1]

Дорогая Вера Сергеевна

Я думаю, что «Скажут <sic> в к<онце> дороги» не будет слишком загромоздительно на одной стр<анице>^[2]: «В ресторане» (на двух стр<аницах>) тоже 5 пятистиший, но зато есть заголовок^[3].

Я уже сделал первую корректуру. Посылаю несколько образчиков обложки (не качества, а только цвета), просто чтобы Вы могли подумать, но имейте в виду, что тут нет ничего ограничительного, Вы только должны сказать: «Я хочу обложку приблизительно такого-то цвета», – и мы найдем нечто вроде. Насчет цветных букв на обложке (если не хотеть, чтобы все были черные), то у «Рифмы» такое заведение, что цветным делается название (т.е. в данном случае «Ветви») и «Рифма» (внизу), а имя автора, «стихи» и Париж – черным^[4].

Когда Вы получите от меня оттиски, не стесняйтесь указывать на всё, что кажется Вам сомнительным, а мы с типографом посмотрим, как можно сделать, чтобы удовлетворить Ваши пожелания.

У каждого наборщика свои привычки. Этот ставит ё в словах «всё, в нём» (очевидно, чтобы не смешивать со «все, нем»), но ставит е в словах «свое, своим». Я этому не препятствовал.

Цитата из Гершельмана несколько отличается от текста антологии Иваска, я оставил, как у Вас^[5].

В понедельник 5-го я отношу правленную первую корректуру в типографию с подробными пометками насчет верстки. Я вижу, что типография не надула и действительно всё сделала добросовестно. Вторая книга Присмановой «Близнецы» печаталась в этой же типографии^[6]. Кстати, Присманова посылает Вам сердечный привет.

1. Датируется по контексту.
2. См. прим. 1 в предыд. письме.
3. Стихотворение «В ресторане» расположено на 22-й и 23-й страницах.
4. Все буквы на обложке были набраны черным шрифтом.
5. К стихотворению «Памяти друга» (С. 40) Булич взяла в качестве эпиграфа четверостишие из стихотворения К. Гершельмана «Удалось однажды родиться...», включенное в антологию На Западе (С. 277):

Это всё? – Конечно, до гроба.
Это жизнь? – А что же? – она.
– Значит, эта лишь так, для пробы,
Значит, будет еще одна.

См. также п. № 8, от апреля 1954 г.

Карл Карлович Гершельман (1899–1951), русский поэт, художник, эссеист. До II-й мировой войны жил в Эстонии, после нее – в баварском городке Эйхштадте. Его письма к Булич 1938–1939 гг. см.: Переписка К.К. Гершель-

мана и В.С. Булич / Вступ. заметка, публ. и коммент. С.Г. Исакова // *Studia Slavica Finlandensia*. Т. XI. Helsinki, 1994. P. 189–210.

6. *Присманова Анна*. Близнецы. Париж: Объединение русских писателей во Франции, 1946.

7

<апрель 1954>^[1]

Скажите, не хотите ли Вы, чтобы не отступать от принципа чет-нечет, сделать, напр<имер>, так:

В ресторане 22–23

Правда 24–25

Живешь и копишь 26

Памяти сестры 27–29^[2]

Ответьте сразу. Вы сами видите, что я уделяю Вашей книге точь-в-точь столько же внимательности, сколько уделял бы своей; конечно, чтобы всё было сделано очень хорошо – надо было бы иметь неограниченные возможности, в смысле бумаги, шрифтов, формата, обложки и т.п.; а у нас есть рамки «Рифмы» – правда, не так уж безумно тесные!

<на полях первой страницы:>

«Правда» должна быть перед «Памяти <сестры>», но должна ли быть непосредственно перед?

1. Дата вписана карандашом, вероятно, рукой Булич.

2. Булич приняла предложение Гингера.

8

апрель 1954

Дорогая Вера Сергеевна

Спасибо за аккуратность. Последнюю корректуру я в свое время не делал, зная, что Вы сами будете читать. Две из Ваших поправок я не внес и не думаю, чтобы Вы рассердились: 1) Что же ты в жизни нашла? – я не хочу уничтожить это тире, т<ак> к<ак> таким образом гораздо яснее, что тут именно вопрос кончился и начинает говорить

автор. Неужели Вы будете недовольны? Имейте в виду, что каждый автор обязан несколько считаться с корректором^[1]... 2) Войти в тот дом, которого уж нет, – я умышленно уничтожил еще в Вашем оригинале эту запятую, т<ак> к<ак> это просто неправильно, она должна быть после скобок, а никак не до; спросите любого специалиста^[2].

Цитату из Г<ершельмана> я делаю, как Вы хотите (я же сам Вам на это указал), хотя не считаю это важным; но опять-таки я не могу считаться с безграмотными (не Вашими, конечно!) знаками препинания (Пушкина давно зарезали!..): между разными голосами я оставляю тире, значит, будет так:

Это всё? – Конечно, до гроба. –
Это жизнь? – А что же, она. –
Значит, эта лишь так, для пробы,
Значит, будет еще одна^[3].

Вы ведь сами понимаете, что так, как у Вас было раньше: <<>А что же, она<>> – гораздо лучше, чем: <<>А что же? – она<>>. – Ведь это просто безнадежное утверждение без вопроса и с небольшой паузой, достаточно передаваемой запятой... Если Вы считаете, что я упрямый дурак, можете это прямо написать, я ни капли не обижусь (тем более, что это почти правда).

Письмо с обложкой получил. Этот образчик и Ваши поправки посылаю типографу, и теперь ему остается только ждать указания С.К. Маковского, чтобы печатать; думаю – на днях. В Вашей книге много хорошего. Тот знак, когда надо выбросить букву – *deleatur* – «да будет стерто» – изображается <...>^[4], но – вероятно, потому, что он похож на русскую букву я – в России его обычно заменяют пробочником: <...>^[5]

Спасибо, что внимательно читали. И простите, что я не абсолютно на 100% сделал по Вашим указаниям.

С совершенной искренностью

Гингер А.

1. Булич принял это корректорское предложение к следующему месту из стихотворения «Спросят в конце дороги...»:

Спросят в конце дороги:
– Что же ты в жизни нашла? –

В быстрой пытливой тревоге
Переберу все дела,
Пересмотрю все итоги.

2. Имеется в виду начало стихотворения «Войти в тот дом, которого уж нет...»:

Войти в тот дом, которого уж нет
(Восходят в пустоту крыльца ступени).

В рукописи Булич, судя по всему, запятая стояла после «нет».

3. Речь идет об эпитафии к стихотворению «Памяти друга», см. прим. 5 к п. № 6.

4. Изображен корректорский знак «отменить».

5. Изображен знак «отменить», принятый у российских корректоров.

9

Дорогая Вера Сергеевна

Что Вы выдумали?! Прилагаю предварительные оттиски, которые по профессиональной привычке сохранил. Я бы не пропустил «поростут».

<далее следует приклеенная к письму взятая уже из типографского набора часть стихотворения «Из мира смутных сновидений...» (С. 15):>

Он тает, синью окруженный,
Обломок бледно-золотой,
И лиловатые колонны
Над крышей строит дым витой.

И ты уносишь в день рабочий
Все эти чистые тона
И хрупкое наследье ночи –
Осколки матовые сна.

Они бесследно канут в память.
Забвеньем порастут глухим.
Но временами будут ранить
Неясным острием своим.

Пока опять волна с разбега
Со дна не выплеснет на свет
Те звезды снившегося неба,
Которых на надземном нет.

Перемешав цвета и тени,
Два разных неба вместе слив,
Тебе несет в дрожащей пене
Виденья новые прилив.

1948

Насчет тире: терпеть не могу тире! Но тогда надо кавычки или какую-нибудь другую организацию... В диалогах ведь обыкновенно прямая речь заканчивает абзац, чем и объясняется отсутствие тире; а в стихах как раз надо. А Вы, лицемерная поэтесса, небось, ставите – розовые облака^[1] –

См. на обороте

Мне только что пришло в голову – как это ни парадоксально! – что у Вас в рукописи-то и было поростут, и это я лично именно и переделал на порастут!!

Прилагаю Ваш оригинал.

<на первой странице:>

Работаю 5 дней в неделю, зато по 10 час<ов> в день. Очень доволен, но не могу знать, надолго ли эта работа.

Постоянно

Гингер А.

Пишу в ожидании начальства в типографии (другой), куда меня вызвали для какой-то работы. В «Автобусе» я уничтожил запятую между чистыми и нечистыми^[2], так как это *и* имеет объединительное значение, как, напр<имер>, «он любит и бедных и богатых». В названии города «Таллин» («того же автора») я оставил одно *н*, как в советских учебниках^[3].

У них тут заболел постоянный корректор, и они взяли меня совсем официально на службу. Но это не задержит Вашу книгу. Меня знают во всех типографиях, где печатаются русские книги (их добрая

дюжина в Париже). Извините, что хвастаюсь! Впрочем, там, где меня наняли* [4], я должен корректировать на всех языках, в том числе и на таких, которых я уже вовсе не понимаю, вроде индокитайского! Но всё же я доволен, я долго был без постоянной работы...

* Где печаталась книга Прегель «Берега» [5].

Итак, Вы скоро получите вторую корректуру, отправьте ее мне обратно, как только Вы всё просмóтрите. Когда именно я получу эти оттиски из типографии – не знаю, надеюсь на днях.

Ваш Гингер А.

Присманова радуется, что скоро выйдет Ваша книга.

Если Вам какой из образчиков приблизительно подойдет, пришлите его обратно, когда будете посылать оттиски.

1. Речь идет о стихотворении «Летний вечер в городе...» (С. 41):

Летний вечер в городе,
когда закат заслонен домами.
в комнате – душные сумерки,
а в небе – розовые облака.

О как прекрасен вечер в полях
на широкой открытой земле!..

2. Имеется в виду следующее место из стихотворения «В автобусе» (С. 37):

...поплыл тяжелый автобус-ковчег,
вместив в себя и чистых и нечистых.

3. См. прим. 2 к п. № 5, от 29 марта 1954 г.

4. Сноска внутри письма принадлежит Гингеру.

5. Книга стихов С. Прегель «Берега» (см. прим. 3 к п. № 5, от 29 марта 1954 г.) печаталась в типографии S.E.T. (18, Faubourg du Temple, Paris, XI-е).

10^[1]

Дорогая Вера Сергеевна

Оттиски на тонкой-претонкой бумаге просто для почтового удобства.

Зная Вашу нелюбовь к опечаткам, я уверен, что Вы будете читать внимательно. Потом сразу отошлите мне, и мы сразу напечатаем.

Цвет обложки и букв?

Ваш

Гингер А.

1. Написано на почтовом бланке Postes, télégraphes et telephones (Boulevard Brune, 103, Paris, XIV-e). Гингер писал это письмо, отправляя 2-ю корректуру Булич.

11

Дорогая Вера Сергеевна

Согласно латинскому гекзаметру

Сделал всё я, что мог, пусть сделает лучше, кто может.

Однако я совсем не доволен: прежний Березняк погиб во время германской оккупации, теперешний хозяин, его младший брат, мало понимает в типографском деле; армянин, на которого можно было положиться, недавно ушел... Выход Вашей книги как раз совпал с моей работой (я кончаю в 7 ч<асов> веч<ера>), от одной типографии до другой час езды^[1]. Так что я не мог стоять у них над душой и смотреть, как каждый лист выходит из машины. Поэтому есть недочеты: одни буквы чернее, другие светлее; и их типографское свинство дошло даже до того, что на некоторых страницах в некоторых экземплярах встречаются марашки, т.е. пятнышки от небуквенных типографских элементов*^[2]... И т.д. и т.п. Я это предвидел и телефонировал заранее хозяину, чтобы он следил, и написал 3 письма с угрозами, мольбами и проклятиями, но он полагается на свой неопытный (в данный момент) персонал... Зато бумага значительно лучше, чем в других выпусках «Рифмы». Прямо хорошая бумага. В конце концов (и скрепя сердце) будем себе говорить, что недочеты придают книжке жизнь, а то было

бы чересчур сухо... Брошюровщик тоже другой и тоже дрянной. Будем себе говорить...

* В «нашей» типографии (см. конверт) этого не было.

С братским приветом

Гингер А.

<на первой странице, «вверх ногами», рядом с обращением:>
Цитата из Гершельмана наоборот чудно выглядит^[3].

1. Ср. в письме Присмановой И. Чиннову от 4 мая 1954 г.:

У нас есть кое-какие новости. Первая: Саша получил работу корректора в типографии Резникова, где печатаются русские и иностранные тексты. Он ринулся в работу с остервенением: уезжает из дому в 7 утра, возвращается в 8 вечера (Письма запрещенных людей: 296).

Речь идет о типографии поэта, журналиста и издательского работника Даниила Георгиевича Резникова (1904–1970), мужа Н.В. Резниковой, см. о ней прим. 7 к письму Б. Божнева Гингеру и Присмановой № 15 от 28 Fructidor'a <1951>.

2. Сноска внутри письма принадлежит Гингеру.
3. См. прим. 5 к п. № 6 и прим. 3 к п. № 8.

12

Дорогая Вера Сергеевна

Пишу на своей работе (в обоих смыслах). К сожалению, не имею права исправлять стиль и пунктуацию подлинника (отчеты Организации Объединенных Наций). Я отравился свинцовой типографской пылью и был болен 3 дня и похудел за эти 3 дня на 5 кило; но потом я скоро поправился.

Выход Вашей книги как раз совпал с моей регулярной работой. Если бы не это, то в Вашей книге несомненно не было бы разных (в общем, некрупных) недочетов. Как появились обложки с рамкой – для меня совершеннейшая загадка^[1]; в той типографии (чтоб ей треснуть!) было записано, что автор предпочитает без рамки. Как это выглядит – я еще не видел. У меня было несколько экземпляров

для подарков, я дал один живущему в нашем доме о. Серикову^[2]. Ему так понравилась книга, что он потом купил сам 2 экземпляра, чтобы подарить кому-то.

По поводу Вашей фразы о предполагавшемся печатании Ваших стихов «после смерти» я не могу не позволить себе сказать, что Вы не должны об этом говорить, не будучи ни монахиней, ни (вероятно) святой; и что Вы умрете тогда, когда на свете никто не будет знать о Вас и о Ваших стихах, то есть никогда.

Ваш Гингер А.

* Это звездочка, которую я ставлю на читаной корректуре.

1. Вероятно, речь идет о части тиража.

2. См. прим. 3 к п. № 2 от февраля 1954 г.

13

27 I<sic>^[1] 1954

Дорогая Вера Сергеевна

Ваши книги с надписями для А. Присмановой и для меня были нами получены в свое время и доставили нам большое удовольствие. Конечно, было с нашей стороны чрезвычайно невежливо не поблагодарить Вас сразу. Но Присманова болезненно тяжела на эпистолярный подъем, а я так хорошо знаю Вашу книгу еще с того времени, как она готовилась к печати, что мне просто как-то не пришло в голову сообщить Вам, что Ваша книга получена. Вы не должны на нас за это сердиться. Присманова напишет Вам от себя отдельно. Мы не читали других рецензий о Вас (которые, вероятно, были), но последнее время вообще мы не читали ни одного русского журнала и ни одной газеты. Мое собственное отношение к Вашим стихам очень положительное, и я их хвалю всякий раз, как заходит о них речь. Я Вам советую послать в подарок книгу с надписью в библиотеку Школы Восточных языков, где колоссальный русский отдел (около 100 каталогов!)

Bibliothèque de l'École
Des Langues Orientales Vivantes
2 rue de Lille
Paris 7^[2]

Что касается моего здоровья, которым Вы любезно интересуетесь, то – вероятно, от многочасовой напряженной работы – у меня сделалось повышенное давление (20 – 12) и, кроме того, расширение аорты; впрочем, я от всего этого не страдаю... Я постоянный и, так сказать, официальный (со специальными свидетельствами и пр.) «donneur de sang» (донор) и получаю повестки раз в 3 месяца: каждый раз у меня берут ½ литра крови (таких «специалистов» в Париже тысяч 15) для переливания крови; до сих пор мое обычное давление было 16 – 9 (довольно нормальное)... Я думаю, это пройдет, если я буду больше спать, а то я встаю каждый день аккуратно в 6, а ложусь ужасно поздно, часа в 2. Так нельзя.

У меня лично еще есть несколько экземпляров «Ветвей» для подарков лицам, которые заслуживают такого приятного подарка.

С самыми дружескими чувствами

Гингер А.

<внизу страницы «вверх ногами»:>

Эти корректурные листки из знакомой Вам книги надорваны тем, кто верстал, в знак того, что всё в порядке^[3].

1. Письмо, вероятно, написано в июне; Гингер ошибся и не дописал римскую цифру пять (V) перед I.

2. Ср. в его очерке «Русский язык и литература во Франции» (печатается в настоящем издании):

русский отдел библиотеки Школы Восточных Языков чрезвычайно богат – одних русских каталогов там несколько десятков.

3. Гингер использовал для письма обратную, чистую, сторону корректуры сборника стихов Булич.

И.А. Бунин Письмо Гингера

Об отношениях И.А. Бунина с Гингером и Присмановой известно немного.

В комментариях к стихотворению «Всею душой полюбила душа моя...» (*Жит*) уже отмечался тот факт, что Бунин негативно отреагировал на № 12/13 журнала СП за 1926 г. в целом и, в частности, на гингеровский текст, там опубликованный.

В послевоенное время отношение Бунина к семье Гингеров было, судя по всему, добрым и дружественным: во вступительной статье говорилось, что *Альбом* Гингеров ознаменован бунинским присутствием. Не исключено, что Бунин бывал в их доме, по крайней мере, фраза Гингера из публикуемого ниже письма – «Вы не можете себе представить, какое удовольствие Вы доставили нам с Присмановой, сказав о Московском Художественном Театре...», – должно быть, указывает на устную беседу.

Ценность публикуемого письма заключается в том, что Гингер обратил внимание своего маститого адресата на ошибку, допущенную тем в пересказе горьковской «Песни о Соколе». В свое время, публикуя в парижской «Иллюстрированной России», еще при жизни Горького, воспоминания о нем, Бунин писал:

О Горьком, как это ни удивительно, до сих пор никто не имеет точного представления. Сказочна вообще судьба этого человека. Вот уже целых 35 лет мировой славы, совершенно беспримерной по незаслуженности, основанной на безмерно счастливом для ее носителя стечении не только политических, но и весьма многих других обстоятельств, – например полной неосведомленности публики в его биографии. Конечно, талант, но вот до сих пор не нашлось никого, кто сказал бы наконец здраво и смело о том, как «высоко в горы вполз уж и лег там», а затем, ничуть не будучи от природы смертоносным гадом, все-таки ухитрился насмерть ужалить за что-то сокола, тоже почему-то очутившегося в этих горах¹...

Горький, который этот текст читал, по воспоминаниям И. Груздева,

¹ Бунин И.А. Записная книжка // Иллюстрированная Россия. 1930. № 23, 31 мая. С. 1.

ничего не ответил на это злобное выступление своего бывшего соратника по «Знанию», хотя изобличить инсинуацию было проще простого. Видимо, сохранилось уважение к прошлым заслугам Бунина-писателя¹.

Готовя во второй половине 40-х гг. книгу воспоминаний, Бунин включил в нее и очерк о Горьком, соединив для этой цели воедино упомянутый и еще один, «Горький», написанный как отклик на смерть писателя в июне 1936 г. и напечатанный в той же «Иллюстрированной России»².

Невозможно с точностью установить, какова была предыстория публикуемого письма Гингера Бунину: похоже, сам «мэтр» обратился к всезнающему Гингеру с просьбой просмотреть рукопись будущих «Воспоминаний» (или какой-то их фрагмент) – иначе трудно объяснить причину, вызвавшую это письмо. Как бы то ни было, сделанное Гингером замечание Бунин учел, и в тексте воспоминаний это место выглядит следующим образом:

Конечно, талант, но вот до сих пор не нашлось никого, кто сказал бы наконец здраво и смело о том, что такое и какого рода этот талант, создавший, например, такую вещь, как «Песня о соколе», – песня о том, как совершенно неизвестно зачем «высоко в горы вполз уж и лег там», а к нему прилетел какой-то ужасно гордый сокол³.

Письмо печатается по автографу из Архива И.А. и В.Н. Буниных в Leeds Russian Archive, Brotherton Library (University of Leeds). MS. 1066/2784.

24 X 1948

Многоуважаемый и дорогой Иван Алексеевич!

Беру на себя смелость высказать Вам одно соображение, в надежде, что оно может Вам пригодиться на случай, если Ваши воспоминания появятся в печати.

¹ Груздев И. Мои встречи и переписка с А.М. Горьким // Звезда. 1961. № 1. С. 173.

² Иллюстрированная Россия. 1936. № 11, 7 марта. С. 2–3.

³ Бунин И.А. Воспоминания. Париж: Возрождение, 1950. С. 119.

Если память мне не изменяет, у Горького уж не ужалил сокола, а просто попробовал полететь, и у него ничего не вышло или что-то в этом роде; что же касается ужаления, то это у Полонского в стихотворении «Орел и змея»:

Он сквозь гром слышит речи змеиные.
Вдруг змея его в сердце ужалила^[1].

Иван Алексеевич! Вы не можете себе представить, какое удовольствие Вы доставили нам с Присмановой, сказав о Московском Художественном Театре то самое, что мы всегда робко утверждали и за что претерпевали нарекания от театралов; по крайней мере, теперь у нас есть, на кого опереться!

Сердечный привет Вере Николаевне.

С совершенным почтением, готовый к услугам
Гингер А.

1. Гингер в точности (хотя и с неполным синтаксическим подобием подлиннику) цитирует стихотворение Я. Полонского «Орел и змея» (1866).

В.В. Вейdle
Письмо Гингеру

Свидетельств о связях и контактах – человеческих и творческих – историка искусства, искусствоведа, литературного критика и поэта Владимира Васильевиче Вейdle (1895–1979) с Гингером и Присмановой, на которые можно было бы указать как на «тесные» и «содержательные», сохранилось не много. Среди них, например, рецензия Вейdle на сборник Присмановой «Тень и тело»¹. Публикуемое письмо связано с выходом в свет гингеровской книги стихов С и благодарностью за присланный автором подарочный экземпляр.

Письмо публикуется по автографу, хранящемуся в University of Illinois Archives (Urbana-Champaign). Ms. 15/35/56 Sophie Pregel and Vadim Rudnev Coll. Box 1.

Париж, 15 VIII <19>65

Дорогой Александр Самсонович,

спасибо Вам за «Сердце». Дружески гляжу на необыкновенно хорошо удавшийся Ваш портрет. Дружески читаю Ваши стихи – не могу отделить удовольствия, которое они мне доставляют от приязни, которую внушают или укрепляют. Во всяком случае, мне кажется, что выбор Вы произвели очень хорошо. Некоторые стихотворения я помнил, другие прочел впервые. Как хорош «Угол»!

Тем, которым было худо,
стало просто и светло –

это я к Вам применяю в надежде моей и вере, что Вам станет лучше.

Сердечно Ваш

В. Вейdle

¹ СЗ. 1937. № 63. С. 408–409.

М.В. Вишняк ПИСЬМА ГИНГЕРА

Все пять писем Гингера публицисту, историку, редактору, видному деятелю партии эсеров Марку Вениаминовичу Вишняку (1883–1975) адресованы как служебному лицу: в роли одного из редакторов СЗ (в первом письме) и как секретарю редакции РЗ – в остальных случаях.

Особенный интерес, как кажется, представляют письма весны 1939 г., связанные с публикацией в РЗ (№ 16, апр. С. 59–61) одного из самых известных гингеровских стихотворений, «Эстафетный бег являет взорам...», которое в дальнейшем получит название «Факел» (вошло в *B* и *C*). В одном из этих писем (№ 3) мы узнаем любопытный факт, что «Эстафетный бег...» Гингер читал М. Цветаевой и, судя по всему, получил от нее ободряющее одобрение.

Кроме того, замечателен момент саморефлексии над текстом этого стихотворения, вскрывающий вариативность интерпретации авторского замысла: предполагаемый самим поэтом драматизм «эстафетного бега» и, в то же время, незаметная на первый взгляд, но подразумеваемая семантическая связь выбранного обращения «другой» с «идеей дружбы».

Возможно, что по предложению Вишняка Гингер переслал экземпляр книги в РЗ, где в июньском выпуске журнала появилась на нее рецензия С. Осокина (В. Андреева), см. комментарии к *ЖуТ*.

Первое письмо, печатается по автографу, хранящемуся в Leeds Russian Archive, Brotherton Library (University of Leeds). MS. 1500/4, четыре других – в Hoover Institution Archives. Stanford, California. M. Vishniak Coll. Box 3. Folder 54.

Публикация подготовлена в соавторстве с А. Устиновым.

1

28–11–<19>33

Многоуважаемый Марк Вениаминович,

я получил уже много дней назад гонорар и очень благодарю Вас за внимание^[1]. Но представьте, «авторского экземпляра» всё нет^[2].

Так я и не видел до сих пор, даже издали, «Современных записок». А там много интересного (независимо от стихов!). Сжальтесь над провинциалом.

...В глуши что делать в эту пору?
Гулять? Деревня той порой
Невольно докучает взору
Однообразной наготой. («Евгений Онегин»)

С совершенным почтением. Готовый к услугам

Александр Гингер

Ginger. *Serquigny* (Eure)^[3]

1. В 53-й книжке СЗ за 1933 г., увидевшей свет в первой декаде октября 1933 г., были опубликованы два стихотворения Гингера – «Сырая мать... Ее нельзя любить...» и «Ослиная в руке Самсона челюсть...».

2. Подчеркивание сделано предположительно рукой М. Вишняка.

3. Во вступительной статье к собранию сочинений Присмановой Р. Couvée пишет, что в *Serquigny* Гингер и Присманова жили с 1929 по 1932 г. (*Присманова Анна. Собрание сочинений / Edited and with an Introduction and Notes by Petra Couvée. The Hague: Leuxenhoff Publishing, 1990. P. XV*). Данное письмо позволяет «продлить» срок их пребывания там, по крайней мере, до конца 1933 г.

2

<1939>^[1]

Многоуважаемый Марк Вениаминович

У Вас имеется в «Русских Записках» мое стихотворение^[2]. Если оно будет напечатано, то у меня к Вам следующая просьба: если можно посмотреть корректуру, то не откажите написать мне по адресу моей службы:

Ginger, 67 rue de Prony Société des Terres Rares Paris 17-e
если же нельзя, то не будете ли Вы любезны сделать следующую перемену: в четверостишии, которое начинается: Нет: другой, сосредоточь... ..написать *второй* вместо *другой*^[3].

Заранее благодарный
и готовый к услугам

Александр Гингер

1. Год определяется по контексту.
2. Речь идет о стихотворении «Эстафетный бег являет взорам...», впоследствии ставшем «Факелом».
3. Гингер ведет речь о следующей строфе (в конечном счете он признал эту замену излишней, см. п. № 4):

Нет: другой, сосредоточь вниманье,
твердый светоч ловко получи,
таинство сверши перениманья...
Замолчи, о муза, замолчи!

3

<март 1939>^[1]

Многоуважаемый Марк Вениаминович

Я верну корректуру сегодня вечером, после того как у себя дома посмотрю в словаре Даля и т.п. Я вижу, что у Вас вызывает сомнение «четырёхчленных»; я думаю, что это можно оставить, т<ак> к<ак> в зависимости от эпохи, применения и т<ак> д<алее>, уже употреблялось, например, «четырёхзначный», «четырёхзначный», «четырёхзначный». «Четырёхчленных» для меня было бы нехорошо; можно или «четырёхчленных», или «четырёхчленных». Посмотрю в словарях^[2].

Кроме того, я вижу вопросительный знак около другого четверостишия. Не могу знать, к чему он относится, но предполагаю, что к слову «ворóтимся» (в землю мы воротимся домой). Я заранее уже думал, что это (немного «реурле»^[3]) выражение (вместо «вернемся», напр<имер>) может вызвать сомнения; но в данном случае это как раз очень для меня подошло (гораздо сильнее, чем, напр<имер>, «отправимся домой»); тут получается картина гостей, разъезжающихся после праздника по домам (на подводах! – нечто деревенско-патриархальное, как я хотел): кроме того, Марина Цветаева мне сказала, чтобы я непременно оставил так.

Раз Вы оказались таким милым и любезным, что сразу мне ответили, то я позволю себе еще немного Вас эксплуатировать (но понятно, только если это не сопряжено с беспокойством): не могли ли бы Вы прислать мне оттиск (на любой бумаге) этого стихотворения; я думаю, что для типографии это не затруднительно. Вот почему: на днях выходит моя книга^[4] (это стихотворение в нее уже не попадет), и

я начинаю собирать материал для следующей (лет через 20!), и очень приятно иметь всё в типографском виде.

Бесконечно благодарный, искренне извиняющийся за беспокойство и пришлющий (это причастие будущего времени, которое никто не употребляет, кроме Гоголя) корректуру сегодня вечером

Александр Гингер

<на первой странице над обращением:>

Мой домашний адрес:

Ginger

4, rue Thureau-Dangin Paris (XV)

1. Датировка определяется по контексту.
2. Речь идет о строфе, которая в окончательном виде выглядела так (вместо первоначального «четыречленных» Гингер остановился на «четверочленных», см. след. письмо):

На местах законно неизменных,
на песках дорожки круговой,
бегуны команд четверочленных
думают о славе групповой.

3. «реuple» – здесь: просторечное (*фр.*).
4. Речь идет о сборнике стихов *ЖуТ*.

4

<март-апрель 1939>^[1]

Многоуважаемый Марк Вениаминович

Спасибо за любезность. Решил сделать «четверочленных» (хотя, по Далю, можно четыре –... везде, где четырех –...). Но, пожалуй, «четверочленных» подходит лучше всего. Решил оставить «другой» (а не «второй»): ведь это может быть и третий, и четвертый – и даже скорее четвертый, потому что третья передача в «course de relais» – эстафетном беге – может быть самой трагической! Кроме того, слово «другой» возвращает нас к идее дружбы (...«дружные дела»)^[2].

Искренне готовый к услугам

Александр Гингер

1. Датировка определяется по контексту.
2. Из строфы:

И когда по звуку пистолета
выпущена первая стрела –
в кулаке зажата эстафета,
плотный пламень, дружные дела.

5

<1939 июнь?>^[1]

Дорогой Марк Вениаминович!

Опять я Вам надоедаю! Однако, зная Ваше ангельское терпение, я надеюсь, что Вы будете не очень сердиться.

Критик «Бодрости» Елита-Вильчковский^[2] получил июньскую книжку «Русских Записок» и очень благодарен; майская книжка у него была; не могли ли бы Вы послать ему для отзыва Февраль, Март и Апрель, которых он не видел^[3]? Если бы Вы могли это сделать, я лично был бы Вам очень признателен, и Вы прямо оказали бы мне услугу.

Присманова посылает Вам искренний привет.

Готовый к услугам Александр Гингер

1. Примерная датировка определяется по контексту.

2. Кирилл Сергеевич Елита-Вильчковский (1904–1960), литературный критик, журналист, один из лидеров движения младороссов; вел литературно-критический отдел в еженедельнике (потом двухнедельнике) «Бодрость». См. его рецензию на *ЖиТ* в «Бодрости» (1939. № 230, 18 июня. С. 3).

3. Отзыв Елиты-Вильчковского на изданный в мае 1939 г. № 17 РЗ появился в № 230 «Бодрости» (18 июня 1939 г. С. 3) в сборной рецензии «В мире книг» вместе с отзывами на роман «Зеркало» И. Одоевцевой и книгу *ЖиТ* Гингера. Рецензия открывалась следующим пассажем:

«Русские Записки» мне перестали присылать для отзыва. Следовало бы, может быть, обидеться и, отвечая на санкции санкциями, ничего о них не писать. Но, сказать по правде, я испытываю мало желания вступать с «Русскими Записками» в некую мелочную войну, и поскольку майский номер «Русских Записок» попал в мои руки, скажу о нем несколько слов.

Откликнулся Елита-Вильчковский и на июньский № 18 выпуск РЗ (Бодрость. 1939. № 236, 30 июля. С. 3) в двучастной рецензии «Заметки о книгах», где также написал о книге Амари (М. Цетлина) «Кровь на снегу», озаглавив свой отклик «Стихи о декабристах» и оттолкнувшись от сборника Гингера:

Вслед за стихами Гингера – в той же серии «Русские поэты» – вышла книжечка Амари «Кровь на снегу». Лучше было бы, впрочем, ей выйти не теперь, а лет двадцать или двадцать пять тому назад. Тогда она воспринималась бы по-иному, и то, что сегодня режет ухо, вызывало бы, может быть, восторги.

Р.Н. Гринберг ПИСЬМА ГИНГЕРУ И ПРИСМАНОВОЙ

Редактор и издатель Роман Николаевич Гринберг (1893–1969) родился в семье московского купца Николая Абрамовича Гринберга (1866–1919, умер в большевистской тюрьме), друга детства философа Л.И. Шестова (Шварцмана)¹. В 1915 г. поступил на историко-филологический факультет Московского университета. В эти и последующие годы жизни в России был близко знаком с футуристами – Р. Якобсоном, Д. Бурлюком, В. Маяковским, В. Хлебниковым (в результате проводившейся в советские годы политики «уплотнения» в квартиру Гринбергов в Водопьяном переулке, 3 были подселены Брики и Маяковский; как Гринберг сообщал в письме В.Ф. Маркову от 21 февраля 1953 г., в 1922 г. в этой же квартире жил Хлебников). После революции занял непримиримую антибольшевистскую позицию, за что был арестован и провел некоторое время на Лубянке, где на практике познакомился с понятием «красного террора». Фигурирующий во многих источниках, включая справочные издания, 1918 г. как время эмиграции Гринберга на Запад² является ошибочным, см. в письме Л. Брик О. Брику и В. Маяковскому от начала января 1922 г., где Гринберг упоминается как сосед по той самой «уплотненной» коммунальной квартире, которая была помянута выше:

Вы конечно понимаете, что, несмотря на то, что я очень радуюсь что вы так веселитесь – вам перед моим приездом придется открыть все окна и произвести дезинфекцию. Такие микробы как Боба и дамы

¹ О Л. Шестове см. мемуарный очерк Р.Н. Гринберга «Неправда разума: К годовщине смерти Льва Шестова (НЖ. 1958. № 54. С. 248–256).

² См.: *Вильданова Р.И., Кудрявцев В.Б., Лаппо-Данилевский К.Ю.* Краткий биографический словарь русского зарубежья // Глеб Струве. Русская литература в изгнании. Париж: YMCA-Press; М.: Русский путь, 1996. С. 303; *Незабытые могилы: Российское зарубежье: некрологи 1917–1997: В 6-ти томах. Т. 2 / Сост. В.Н. Чуваков. М.: РГБ, 1999. С. 235; Адамович Георгий.* Письма Роману Гринбергу / Публ. Вадима и Веры Крейд // НЖ. 2000. № 218. С. 141; *Ходасевич Владислав.* Камер-фурьерский журнал / Вступ. ст., подг. текста, указатели О.Р. Демидовой <М.:> Эллис Лак, 2002. С. 397; *Российское зарубежье во Франции 1919–2000: Биографический словарь: В 3-х томах. Т. 1 / Под общ. ред. Л. Мнухина <et al.>. М.: Наука; Дом-музей М. Цветаевой, 2008. С. 429 и др.*

типа Юлии Григорьевны, так же, как и клопы в стенах – должны быть радикально истреблены¹.

О деталях бегства Гринберга из России надежных свидетельств не сохранилось. Известно, что в первой половине 20-х гг. он обитал в Германии, а во второй – в Италии, после чего перебрался в Париж².

II-я мировая война вынудила Гринберга, как и многих других русских эмигрантов, покинуть Францию и переселиться в США. Давая представление о его политической идентификации, крайне важной для эмигрантов, В.С. Варшавский в письме к Р.С. Чеквер от 18 февраля 1950 г. (по почтовому штемпелю) писал о нем как о бывшем парижанине, близком к «Социалистическому вестнику» (основанный Л. Мартовым (Ю.О. Цедербаумом) центральный орган Российской социал-демократической рабочей партии (меньшевиков); выходил в 1921–1965 гг.) и Лиге³ (имеется в виду Лига борьбы за народную свободу – демократическая организация, созданная русскими эмигрантами в Нью-Йорке в 1948 г., целью которой являлась «борьба против коммунистической диктатуры во имя установления в России свободного, подлинно демократического строя»; ее членами являлся по существу весь актив «Социалистического вестника»: Р. Абрамович, Д. Далин, Б. Двинов, Ю. Деннике, Б. Николаевский и др.).

В 1953–1954 гг. Гринберг редактировал (вместе с В.Л. Пастуховым) первые 3 номера журнала Оп. Позднее основал собственное детище – альманах «Воздушные пути» (1960–1967), который сам редактировал и издавал. Обладая тонким вкусом, широкой литературной эрудицией и организаторским талантом, он сумел придать и

¹ *Янгфельдт Бенгт*. Любовь это сердце всего: В.В. Маяковский и Л.Ю. Брик: Переписка 1915–1930. М.: Книга, 1991. С. 90.

² См. в «Камер-фурьерском журнале» В. Ходасевича (по указателю) или в некрологе Гринберга, написанном Г. Адамовичем:

С покойным Романом Николаевичем Гринбергом связывала меня долгая дружба, начавшаяся давно, еще в «монпарнасский» период нашей эмигрантской литературы. Да и не я один тогда с ним дружил и рад был с ним и с Софией Михайловной, его женой, встречаться. Были бесконечные ночные разговоры за чашкой «кафе-крема» или за стаканом вина; были споры, литературные пререкания, проекты, планы, и хотя тогда время это вряд ли кому-нибудь из нас казалось прекрасным, хотя трудно было бы тогда поверить, что о встречах этих мы будем вспоминать как о дорогом прошлом, теперь чувство возникает именно такое (*Адамович Г.* Памяти ушедших. Р.Н. Гринберг // РМ. 1970. № 2774. 22 января. С. 11).

³ Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Rare Book and Manuscript Library, Columbia University (New York). Coll. Chekver. Box 3.

тому и другому предприятиям подлинную социальную значимость и культурную ценность.

Деля свое время и жизненную энергию между биржей и литературой, Гринберг и там и там добился осязаемых результатов: благодаря деловым способностям был он человек состоятельный, а по эмигрантским меркам – так и просто богатый, ср. в письме Г. Адамовича И. Одоевцевой от 27 июня 1957 г., после встречи с приехавшими провести время во Франции Гринбергами:

Относительно кружения в сливках света, Вас интересующих, могу сообщить немного: видел Гингеров, Прегельшу, Лиду <Червинскую>, – всё то же. Видел еще американцев – Гринбергов, Женю Клебанову. Гринберги спрашивали о Вас, они приехали со своим автомобилем и собираются разъезжать по Франции!¹

Еще одной страстью Романа Николаевича было библиофильство и коллекционирование предметов старины, в чем он также много преуспел. Об антикварных пристрастиях Гринберга свидетельствует, например, его переписка с А.П. Струве, также известным собирателем антиквариата, отложившаяся в его бумагах, хранящихся в архиве Library of Congress (Washington); см. еще косвенное свидетельство этому в письме А. Бахраха Г. Струве от 14 декабря 1983 г.:

Меня удивило, что Геренрот пишет статьи. Я с ним несколько лет тому назад познакомился у нашего с ним общего приятеля Гринберга из «Вьей Русси», и меня даже покорила его «почтительность». Я знал, что он тогда работал в конторе НРС, но о его писаниях не имел понятия. <...> От Гринберга знал, что он коллекционер чего-то русского, забыл чего, не то эмалей, не то монет, но чего-то в этом роде, словом, чего-то драгоценного, и чуть ли не в последнюю встречу с оным Гринбергом – за неделю до его смерти – он мне рассказывал, что у Геренрота взломщики утащили чуть ли не самое в его собрании ценное².

О библиотеке Гринберга см., например, в письме к нему В. Набокова от 18 марта 1954 г.³

¹ Если чудо возможно за границей: 507.

² Hoover Institution Archives, Stanford University (Stanford, California, USA). G. Struve Coll. Box 75. Folder 14.

³ Друзья, бабочки и монстры: Из переписки Владимира и Веры Набоковых с Романом Гринбергом (1943–1967) / Вступ. ст., публ. и коммент. Р. Янгирова // Диаспора: Новые материалы <Вып. I>. Париж; СПб.: Athenaeum–Феникс, 2001. С. 512.

Несмотря на то, что о Гринберге начали писать не сегодня, многое в его биографии остается малопроясненным, а то и вовсе неясным¹. Среди многого другого, почти ничего неизвестно о контактах Гингера и Присмановой с Гринбергом в парижскую бытность последнего; скорее всего, эти контакты, если они вообще существовали, не выходили за рамки рядового и маргинального знакомства (недаром Гингер даже не знал или не помнил отчества Гринберга, см. п. № 2). Небезынтересен, между прочим, тот факт (хотя и не имеющий прямого отношения к связи биографий Гингера и Гринберга), что двоюродной сестрой Гринберга была Мери Александровна Блюменталь, которая в 1945 г. станет женой М. Талова, одного из членов «Палаты поэтов». В 1922 г.

¹ В кругу наиболее референтных работ, служащих главными источниками биографических сведений о Гринберге см. некрологи, написанные А. Седых (НРС. 1969. № 21746, 27 дек. С. 3) и Г. Адамовичем (РМ. 1970. № 2774, 22 янв. С. 11); опирающаяся на них статья Л. Дымерской-Цигельман «Альманах “Воздушные пути” и его издатель-редактор Роман Гринберг» (Евреи в культуре Русского Зарубежья: Статьи, публикации, мемуары и эссе. Т. 5 / Сост. и изд. М. Пархомовский. Иерусалим, 1996. С. 135–152) ничего принципиально нового к известным биографическим сведениям о Гринберге не прибавляет. Наиболее полную биографическую информацию о нем содержат работы Р. Янгирова, см.: Роман Гринберг и Роман Якобсон: Материалы к истории взаимоотношений / Вступ. ст., публ. и прим. Р. Янгирова // Роман Якобсон: Тексты, документы, исследования / Отв. ред-ры Х. Баран, С.М. Гиндин. М.: РГГУ, 1999. С. 201–212; «Дребезжание моих ржавых струн...»: Из переписки Владимира и Веры Набоковых и Романа Гринберга (1940–1967) / Публ., предисл. и комм. Р. Янгирова // In memotiam: Исторический сборник памяти А.И. Добкина. СПб.; Париж: Феникс–Atheneum, 2000. С. 345–397; Друзья, бабочки и монстры: Из переписки Владимира и Веры Набоковых с Романом Гринбергом (1943–1967) / Вступ. ст., публ. и коммент. Р. Янгирова // Диаспора: Новые материалы <Вып. I>. Париж; СПб.: Athenaеum–Феникс, 2001. С. 477–556; *Янгиров Рашит*. К истории «встречи двух эмиграций»: Документ из архива Р.Н. Гринберга // Canadian-American Slavic Studies. 2003. Vol. 37. No 1–2. P. 121–131; см. также: «...Поговорить с Вами долго и длинно и даже посплетничать...»: Переписка Г.В. Адамовича с Р.Н. Гринбергом (1953–1967) // Если чудо вообще возможно за границей: 355–422 (впервые: Литературоведческий журнал. 2003. № 17. С. 97–181; 10 писем Г. Адамовича, включенные в данную публикацию, были опубликованы раньше, см.: *Адамович Георгий*. Письма Роману Гринбергу / Публ. Вадима и Веры Крейд // НЖ. 2000. № 218. С. 141–151); *Гринберг Роман*. Вечер поэзии Набокова глазами современника / Вступл., публ. и коммент. Ю. Левинга // Октябрь. 2007. № 7. С. 185–190; «Мы служим не партиям, не государствам, а человеку»: Из истории журнала «Опыты» и альманаха «Воздушные пути» / Публ., вступ. ст. и прим. В. Хазана // Toronto Slavic Quarterly. № 40 (электронный ресурс: <http://www.utoronto.ca/tsq/29/hazan29.shtml>); *Хазан Владимир*. «Семь лет»: история издания: Переписка В.С. Варшавского с Р.Н. Гринбергом // НЖ. 2010. № 258. С. 177–224.

Талов вернулся в советскую Россию из Франции, когда будущий издатель «Воздушных путей» как раз намеревался оттуда бежать.

Отчасти потому, что, будучи редактором и издателем, он вел деловую переписку с авторами, отчасти потому, что вообще отличался аккуратностью в делах, Гринберг, печатая свои письма на машинке, как правило, оставлял у себя 2-й экземпляр. Поэтому в его личном архиве представлены письма в обе стороны – не только ему, но и от него. Это позволяет восстановить гринберговские эпистолярные диалоги с большим количеством авторов в достаточно целостном и обоюдонаправленном виде.

Переписка Гринберга с Гингером и Присмановой публикуется по автографам, хранящимся в Library of Congress (Washington). Manuscript Division, The Records of «Vozdushnye puti». R. Greenberg Coll. Box 1¹.

1

17.4

<19>53

Многоуважаемые Анна Семеновна и Александр Самсонович,

Пишу Вам обоим вместе, потому что я хочу Вам сказать одно и то же. Я до сих пор не знаю, почему Вас нет в числе наших сотрудников^[1]? Вопрос странный, Вы скажете. Верно. Одно время, в самом начале, Ю.П. Иваск писал мне из Бостона, что вот-вот Гингер «пришлет», и ничего не приходило. Об Анне Семеновне никогда ничего не было слышно. С № 1 мы очень спешили. В конце концов «набилося» столько материалу, что я, один из двух на обороте упомянутых редакторов, перестал беспокоиться о новых сотрудниках, положившись на тех, кто явился в числе первых.

Но вот теперь, через несколько дней, выходит то, что на обороте, и мы стали собирать № 2, предположенный для осени э<того> г<ода>. Журнал в наших условиях требует невероятное время, и потому писать Вам о том, что случится осенью, не преждевременно, поверьте

¹ Первоначально опубликованы в: «Мы служим не партиям, не государствам, а человеку»: Из истории журнала «Опыт» и альманаха «Воздушные пути» / Публ., вступ. ст. и прим. В. Хазана // Toronto Slavic Quarterly. № 40 (электронный ресурс: <http://www.utoronto.ca/tsq/29/hazan29.shtml>).

на слово. Скажите нам, хотите ли участвовать Вашими стихами, прозой, статьями <?> Повторяю – Ваше участие нам ценно. Отпишите, пожалуйста.

Искренне уважающий Вас <Гринберг>

1. Т.е. сотрудников журнала Оп. Спустя две недели после этого письма, 2 мая 1953 г., Г. Адамович вопрошал Гингера:

Послали ли Вы что-нибудь в «Опыты»? Они жаждут утонченной парижской литературы, чтобы показать местным остолопам, как пишут люди высшего круга (Письма Адамовича: 265).

2

1953

Дорогой коллега.

Отвечаю Вам сразу. Давным-давно уже я послал Иваску для Вас и стихи, и прозу. Вернее, на его предложение я ответил, что он может передать Вам два стихотворения, которые никогда и нигде не были напечатаны, ни в книгах, ни в журналах, и которые у него находятся среди того, что было ему послано для антологии^[1]. Эти стихи называются «Шар» и «Утро». Попросите их у Иваска, и если они Вам подойдут оба, то я Вас прошу не печатать их вместе, а напечатать одно в одном №, другое < – > в другом (следующем или нет, мне всё равно). Если подойдет одно, то всё ясно; если ни одно – тоже. Ужасно хотелось бы иметь возможность править корректуру. Я профессиональный корректор (я корректировал, напр<имер> Сказки Кодрянской^[2]) и раз-навсегда решил ничего не давать в те органы, которые не могут посылать мне корректуру (я возвращаю ее в тот же день)^[3]. Что касается прозы, то я написал Иваску, что единственная проза, которая у меня имеется, это фрагменты из записок Агнии Нагаго – это мой псевдоним, записки написаны от лица женщины и должны печататься под ее фамилией (ее зовут Агния Нагаго, она родилась в 1916 г.) без указания, что действительный автор это я. Я послал Иваску фрагмент под названием Воспоминание; я лично считаю эту вещь очень удачной и могу сказать, что если Воспоминание не подходит, то и другие мои прозаические вещи не подойдут. Возможно, что Ю.П. Иваск счел мои

вещи неподходящими и потому их Вам не отправил (повторяю, они у него были уже тогда, когда материал для первого № Опытов еще только начинал собираться); возможно, что он Вам это не передал по другой причине. Так или иначе, я ничего не имею против, чтобы Вы взяли у него стихи «Шар» и «Утро» и прозу «Воспоминание» (если бы Воспоминание подошло, я мог бы послать другие фрагменты из записок Агнии Нагаго)^[4]. Если же у Иваска этих всех вещей уже нет, то сообщите мне, и я их снова перепишу и пошлю Вам. Во всяком случае, буду Вам очень признателен, если Вы мне сразу напишете, как это всё получилось.

Не знаю Вашего отчества. Ожидаю ответа.

С искренним почтением, Гингер А.

<Далее следует ответ Присмановой, отпечатанный на машинке:>

Здравствуйте! Ваше письмо меня обрадовало.

В апреле я послала Ю.П. Иваску одно свое стихотворение, которое он обещал представить лично Вам и Вашему соредктору. Так что Вам еще предстоит это «удовольствие» в мае, когда Иваск будет в Нью-Йорке. Что касается прозы, то я пишу ее не по-русски, а по-французски. Это коротенькие рассказы^[5].

Надеемся получить скоро Ваш ответ на наш ответ!

Будьте здоровы. Шлю привет Вам и Вашей жене^[6].

Анна Присманова

P.S. Мое стихотворение называется «Туман»^[7].

1. Речь идет об антологии На Западе, в которой Гингер представлен тремя стихотворениями («Жалоба и торжество», «Факел» и «Весть»), а Присманова – двумя («Сестры» и «Сирена»). Из писем обоим В. Булич (Присмановой – № 3, от 8 февраля 1954 г. и Гингера – № 1, от февраля 1954 г.) известно, что стихов, которые они послали Иваску для антологии, было больше.

2. См. вступительную статью (с. 9, прим. 4).

3. В том числе по этой причине – непредставленной ему корректуры, уже после того как Гринберг покинул Оп, у Гингера возникли трения с редактировавшим их Ю. Иваском. См. в письме Г. Адамовича Ю. Иваску от 22 апреля 1955 г.:

Гингер что-то скулил о корректуре: без нее ни на что не согласен, а кроме того, с Вами еще в чем-то разошелся. <...> Гингер, впрочем, ничем не обижен, а просто капризничает (Сто писем Георгия Адамовича к Юрию Иваску (1935–1961) / Предисл., публ. и коммент. Н.А. Богомолова // Диаспора: Новые материалы <Вып.> V. Париж; СПб.: Atheneum–Феникс, 2003. С. 449).

В письме от 30 апреля 1955 г. Адамович увещевал самого «капризничаящего» Гингера:

Иваск мне все пишет о том, что «Гингер ставит ультиматумы» (это – *entre nous*, не для того, чтобы ему об этом писать). Отчего Вы его притесняете и тираните? Он – мимоза и требует обращения нежного (Письма Адамовича: 274).

4. Стихотворение «Шар» было напечатано в 6-й книжке Оп за 1956 г. (С. 3) (там же стихотворение «Вода» Присмановой. С. 4; автографы обоих стихотворений сохранились в архиве Гринберга); «Борьба за тепло» Агнии Нагаго (авторское название – «Воспоминание»), включенное в настоящее издание, опубликована в 9-й книжке Оп за 1958 г. (С. 86–91); в той же книжке напечатаны четыре стихотворения Присмановой (С. 32–34): «Две у людей, а у зверей четыре...», «Существуя без гроша...», «Ступая по земле довольно твердо...» и «Воспоминанья и мечты...», а раньше, в 7-й книжке, ее стихотворение «Простота» (С. 6).

5. О французских рассказах Присмановой см. прим. 12 к письму Божнева № 17, от 2 декабря <1951>.

6. Софья Михайловна Кадинская (1902–1980), художница, жена Гринберга (с 1926); автор обложки первых трех номеров Оп (с № 4 – обложка А.Н. Прегель). Обложка Кадинской была встречена с восторгом: «Обложка прелестная...» – писал В. Набоков Гринбергу 31 мая 1953 г. («Дребезжание моих ржавых струн...»: Из переписки Владимира и Веры Набоковых и Романа Гринберга (1940–1967) / Публ., предисл. и комм. Р. Янгирова // *In memoriam*: Исторический сборник памяти А.И. Добкина. СПб.; Париж: Феникс–Atheneum, 2000. С. 385); см. реакцию Г. Адамовича на изменение, вместе со сменой редактора, обложки журнала (письмо Ю. Иваску от 2 мая 1955 г.):

Кстати, о «впечатлении»: очень мне не нравится обложка. Та, прежняя, «работы С.М. Гринберг» была лучше, хотя Оцуп и обвинял художницу в воровстве. Но я понимаю, что раз «работы А.Н. Прегель» – спорить не приходится (Сто писем Георгия Адамовича к Юрию Иваску (1935–1961) / Предисл., публ. и комм. Н.А. Богомолова // Диаспора: Новые материалы <Вып.> V. Париж; СПб.: Atheneum–Феникс, 2003. С. 455).

В годы своей жизни в Париже входила, по всей видимости, в Общество друзей русской книги, см.: Временник Общества друзей русской книги. III. Париж, 1932. С. 177; Там же. IV. Париж, 1938. С. 290.

6. Стихотворение «Туман» напечатано во 2-й книжке Оп за 1953 г. (С. 21).

3

5.5 <19>53

Дорогой коллега, Александр Самсонович, справедливо: я забыл, что читал несколько месяцев тому назад присланные Иваском записку, всего одну, Агнии Нагаго и два В<аших> стихотворения. Записка, может, потому, что она была вырвана из контекста целого, фрагментарно, так сказать, оставалась для нас совершенно темна. Нужно ли редакторам понимать или нет смысл печатаемого? Иваск нам ничего не объяснил: начало ли это или конец. Но эта сравнительно не такая пожилая Агния, говорящая отрывистые заумные слова, нам кажется привлекательной. Может, она удостоит более откровенного знакомства и пришлет еще один или два отрывка с объяснением, кто и что к чему относится.

Стихи мы отложили печатаньем и хотим просить Вас прислать нам еще несколько пьес для лучшего выбора.

Привет, Анна Семеновна! – мы ждем приезда Ю<рия> П<авловича> И<васка>. Ваш «Туман» будет прочтен нами разборчиво и с любовью – не беспокойтесь! Софья Михайловна, моя жена, благодарит Вас за поклон и шлет Вам обоим сердечный привет.

У нас дождливая и холодная весна. А у Вас? Будьте веселы.

Остаюсь преданный Вам

<Р. Гринберг>

4

1953

Дорогой Роман Николаевич.

Я имею обыкновение отвечать на письма без всякого промедления, что и делаю сейчас.

Спасибо за быстрый ответ. Дело автора – послать свою вещь, а дело редактора – ее принять. Или не принять. Так что наши совести чисты, и Ваша, и моя. Ю. Иваск, со своей стороны, вовремя переслал, стало быть, всё в порядке.

Теперь исчерпывающие объяснения. Сперва о стихах.

Я пишу вообще очень мало; во всяком случае у мен<я> нет, не было и (вероятно) не будет стихов лучшего качества, чем «Утро» и «Шар». Если они не подходят, то их не напечатают; если да, то да. (Повторяю, если подходят оба, то их следует печатать не вместе, а по одному – в разных номерах.) Я нахожу естественным, что мои стихи одним нравятся, другим < – > нет. Меня больше заботит, чтобы была корректура – если печатают. Это относится и к прозе!

О моей прозе. Иваск и не мог бы ничего особенного разъяснить. Представьте себе род дневника: Агния Нагаго говорит о своих воспоминаниях, соображениях и впечатлениях; это не роман, так что нет никакого начала и конца, а есть куски дневника, каждый из которых является как бы самостоятельным рассказом. С моей точки зрения, мое «Воспоминание» совершенно законченное и самодовлеющее целое. Я считаю, что такая миниатюра и не нуждается ни в каких объяснениях, всё в ней просто и ясно.

Вообще же я не предполагаю посылать большое количество вещей на выбор, а каждый раз, после того как что-нибудь напечатано, я посылаю следующее и т.д. Но я не вижу ничего странного в том, что мои два стихотворения не были признаны достойными фигурировать рядом со стихами 13 авторов, помещенными в № 1^[1]...

Погода у нас хорошая.

С искренними чувствами,

Гингер А.

1. В № 1 Оп, кроме опубликованных Ю. Терапиано двух стихотворений О. Мандельштама, «Язык бульжника мне голубя понятней...» и «Рояль» («Как парламент, жующий фронду...»), были представлены следующие поэты: И. Буркин, Г. Иванов, Ю. Иваск, Дм. Кленовский, С. Маковский, В. Набоков, И. Одоевцева, В. Смоленский, Г. Струве, Ю. Терапиано, Л. Червинская и И. Чиннов.

Вудсток, 16 авг<уста> 1954 г.

Я всё же раздобыл Ваш парижский адрес, Александр Самсонович, и пишу Вам туда, не очень полагаясь на то, что типография Вам перешлет мое первое письмо к Вам обоим, т.е. к супругам Гингерам. Я писал в нем, что составляю сейчас наш четвертый № «Опытов» и что мне необходимы ваши (Присмановой и Гингера) стихи. Тут же прибавлю, что корректуру держать Вы будете сами. Сборник № 4 будет небольшой, вроде тетрадки. Выйдет он осенью, и потому нужно торопиться^[1].

Вот мой дерев<енский> адрес до первого сентября^[2]:
Всего хорошего.

Преданный Вам

<Р. Гринберг>

1. Стихи Гингера и Присмановой в № 4 Оп не появлялись, см. след. письмо.

2. По-видимому, адрес был вписан на первом экземпляре от руки.

16-ое окт<ября> 1954 г.

Дорогие Анна Семеновна и Александр Самсонович,

Я вышел из состава редакции журнала «Опыты» и потому с большим сожалением возвращаю Вам те 2 стихотворения, которые были предложены для четвертого №. Мой уход из редакции – личное дело. Не хотел продолжать на условиях издателя. Перипетии не интересны. Журнал же будет продолжен. Я не в курсе. Будущий редактор, несомненно, с Вами спишется.

Мне грустно расставаться с Вами при таких условиях, но надеюсь на лучшие времена.

Всего самого хорошего Вам обоим и Вашей семье^[1].

Ваш

<Р. Гринберг>

1. Спустя менее недели Г. Адамович писал Ю. Иваску, заступившему на место главного редактора Оп:

Я Вам писал, что никого в Париже по совести «рекомендовать» не могу. А потом вспомнил – Гингер. <...> какое-то недоразумение было у Гингера с Гринбергом.

Он – очень ценный человек. Правда, в довольно узкой области: в формальном чувстве поэзии и стихов. Но в этом смысле мало кого можно рядом с ним и назвать. Да и сам он поэт подлинный, хотя и какой-то умышленно «бескрылый».

Я думаю, что бы он Вам ни прислал, было бы интересно (Сто писем Георгия Адамовича к Юрию Иваску (1935–1961) / Предисл., публ. и коммент. Н.А. Богомолова // Диаспора: Новые материалы <Вып.> V. Париж; СПб.: Athenaeum–Феникс, 2003. С. 429).

Б.К. и В.А. Зайцевы
ПЕРЕПИСКА С ГИНГЕРОМ И ПРИСМАНОВОЙ

Два письма писателя Бориса Константиновича Зайцева (1881–1972) и его жены Веры Алексеевны (урожд. Орешникова, в 1-м браке Смирнова; 1878–1965) Присмановой и Гингеру и одно ответное письмо Гингера Зайцеву на выраженное тем соболезнование по поводу смерти Присмановой не содержат какой-то особенно неожиданной историко-литературной информации. Однако они органически дополняют выстраиваемый в настоящем издании «исторический контекст» биографии Гингера (и Присмановой) и шире – общий «континуум» истории русской эмигрантской литературы в послевоенную эпоху.

Письма публикуются по автографам, хранящимся: письмо Б.К. Зайцева Присмановой – в РГАЛИ (Ф. 1623. Оп. 2. Ед. хр. 5а. Л. 1–1 об); В.А. Зайцевой Гингеру – в University of Illinois Archives (Urbana-Champaign). Ms. 15/35/56 Sophie Pregel and Vadim Rudnev Coll. Box 1; письмо Гингера Зайцевым – в Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Rare Book and Manuscript Library, Columbia University (New York). Ms. Zaitsev Coll. Box 1.

1

13.3 <19>47

Многоуважаемая Анна Семеновна, я давно и с удовольствием прочел Вашу книжку – очень своеобразную (и не лишённую причудливости, но органической)^[1]. А вот только сейчас собрался поблагодарить Вас и пожелать и Вам и «Близнецам» Вашим всяческого успеха.

Извините меня. Вы меня мало знаете, так вот я и поверю Вам: я отдаленный, но всё же родственник Обломова. Нельзя сказать, чтобы покойник особенно торопился в жизни. Так и я живу «в наш атомный век».

Привет Вам и Вашему мужу.

Ваш Бор. Зайцев

1. Речь идет о сборнике стихов Присмановой «Близнецы» (Париж: Объединение русских писателей во Франции, 1946).

Милый Александр Самсонович!

Б<орис> К<онстантинович Зайцев> просил написать Вам, что у него есть деньги за билеты (только что получил)^[2].

Заходите в любой день, кроме воскресенья, в 2 часа. Мы всегда в это время дома. Привет от нас обоих Anne Семеновне.

Всего доброго

Вера Зайцева

1. Написано на carte-postale; датируется по почтовому штемпелю.

2. Речь, по всей видимости, идет о деньгах, вырученных за билеты на литературном вечере Присмановой, состоявшемся 22 мая 1948 г., см. прим. 7 к письму Божнева Присмановой (№ 7, от 15 мая 1948) и его же п. № 8, где он резонирует на слова Присмановой об успешно проведенном вечере.

Дорогой Борис Константинович.
С Новым годом!

Спасибо за письма. Письмо с откликом на «Веру»^[2] пришло в день смерти Присмановой. Оно лежало нераспечатанное рядом с ней на столе. Я вернулся вечером с работы, взял это письмо и ушел в кухню, чтобы ее не будить. Там я долго сидел, ел и только часа через два понял...

Она была человек гораздо лучше и значительнее, чем Вы можете думать^[3]. Я не верю, что так называемая смерть могла нас разлучить, я хочу верить, что мы еще можем помочь друг другу. А кто думает, что ничего нет, я их не осуждаю, им еще хуже. Кто не думает каждый день о победе духа над веществом, тем я не завидую. Кто «не любит попов», это гордыня: я недостаточно силен, чтобы обходиться без помощи посредников, и я не стыжусь в этом признаться.

Я никогда не был хорошим мужем, но я любил мою жену, она занимала огромное место в моей жизни, и она это знала. А если не знала, то теперь знает. Вечная память!

Сердечный привет Вере Алексеевне.

Ваш Гингер А.

1. Опубликовано в статье А. Чагина «“Насквозь мужественный мир” Александра Гингера» (1995), см.: *Чагин А.И.* Пути и лица: О русской литературе XX века. М.: ИМЛИ РАН, 2008. С. 372.

2. Стихотворная повесть Присмановой «Вера», посвященная Вере Фигнер, вышла в свет отдельным изданием в 1960 г. в парижском издательстве «Рифма» (см. к этому прим. 3 к письму Б. Божнева № 8, от 15 июня <1948>).

3. Ср. в письме Гингера Н.В. и И.В. Кодрянским, № 6:

...никто из пишущих не знает, что она <Присманова> была гораздо лучше и значительнее, чем они думают.

Б.Г. Закович
ПИСЬМА ГИНГЕРУ И ПРИСМАНОВОЙ

Поэт Борис Григорьевич Закович (1907–1995) посвятил своему старшему современнику Гингеру, с которым был связан длительными и тесными дружескими узами, стихотворение «Мы играли в карты до утра...»:

А. Гингеру

Мы играли в карты до утра,
Даже ничего не проиграли,
Только постарели да устали,
Только поумнели со вчера.

И никто не видел, как домой
Мы дошли пустынной слободой,
Примирайся с усталостью, с зимой
И с давно проигранной судьбой.

И как долго, долго на рассвет,
Расставаясь, молча, мы глядели,
Точно жизни не было и нет,
Точно жизнь пустой минутный бред
Перед сном, нас ждущим в самом деле¹.

А в *Альбоме* отметилась следующим текстом:

Мы верим тьме, что в ней – начало света,
Мы любим свет, где есть начала тьмы.
Но что есть свет и что есть сумрак, мы
Не обречем у времени ответа.

Быть может, свет и сумрак есть одно
Нам зримого невидимое дно?..
Ответа нет... Покуда длится время,
Нам чуждо духов огненное племя².

¹ Закович Борис. Дождь идет над Сеной. Париж: Альбатрос, 1984. С. 29.

² Вошло в его сборник «Дождь идет над Сеной», с посвящением Б. Поплавскому (С. 21).

Два его публикуемых ниже письма (второе, по существу, фривольная дружеская записка, подписанная, кроме Заковича, поэтом Ю. Одарченко) расширяют круг гингеровской «своры» еще на одно имя.

Первое письмо печатается по автографу, хранящемуся в ОР РГБ. Ф. 218. Карг. 1315. Ед. хр. 2. Л. 1–1 об; второе – по автографу, хранящемуся в University of Illinois Archives (Urbana-Champaign). Ms. 15/35/56 Sophie Pregel and Vadim Rudnev Coll. Box 1.

1

Lundi 24.II <19>36

Дорогие Аня и Шура.

Пишу Вам по поручению Миры Бальмонт^[1], у которой пребываю, и по собственному наитию (ибо поступил по-хамски). Она больна: у нее был автомобильный «аксидан», и она просит вас извинить ее, что завтра она не может вас у себя принять.

По случаю «аксидана» я и зашел к ней вместо того, чтобы зайти к вам, как было обещано. У Миры Константиновны, кроме всего, еще неприятность (и вообще все беды): завтра, вопреки нездоровью, ей придется покинуть ее жилище. И так и она, и я – ее гость, извиняемся одинаково.

Вы, Аня, не станете слишком на меня сердиться, если должок мой я Вам принесу лишь в будущий понедельник? Впрочем, если Шуру встречу в четверг, в четверг должок и отдам.

Примите привет от друга и поклонника милой четы поэтов Заковича.

Поклон от Миры Бальмонт.

<Внутри письма приписка художника А. Головина с нарисованным человечком:>

Сердечный привет. Дай Бог вам вечного здоровьица. Алекс<андр> Головин^[2]

1. Поэтесса Мирра Константиновна Бальмонт (в 1-м браке Бойченко; во 2-м – Аутин; 1907– 1970), дочь К.Д. Бальмонта и Е.К. Цветковской-Бальмонт.

В частном письме к составителю настоящего издания М. Карский вспоминал, что однажды (речь идет о 40-х гг.), когда в гостях у его родителей, Сергея и Иды Карских, находились Гингеры, к ним в дом пожаловала Мирра Бальмонт, уже под хмельком. На ее просьбу одолжить ей немного денег Присманова велела Гингеру пожертвовать для «дочери великого Бальмонта» часть его недавнего карточного выигрыша.

2. Александр Сергеевич Головин (1904–1958), скульптор, художник; первый муж поэтессы А.С. Головиной (урожд. Штейгер).

2

21.IV.1949^[1]

Среди скотов, увы, здесь нету
Того, кто создал Эстафету^{[2]!}

Ю. Одарченко^[3] – Б. Закович

1. Написано из французского городка Rozoy-en-Brie (S.-et-M.) на *carte postale* с изображением пасущегося коровьего стада; датируется по почтовому штемпелю.

2. Т.е. Гингера, автора стихотворения «Факел», откуда взято название антологии Эстафета.

3. Юрий (Георгий) Павлович Одарченко (1903–1960), поэт, прозаик, литературный критик, художник-дизайнер, график. В *Альбоме* фигурирует своим стихотворением «Мальчик катит по дорожке...» из книги стихов «Денек» (Париж, 1949; впервые: НЖ. 1948. № 19. С. 136, под названием «Ex libris»):

Мальчик катит по дорожке
Легкое серсо.
В беленьких чулочках ножки,
Легкое серсо.
Солнце сквозь листву густую
Золотит песок
И бросает тень большую
Кто-то на песок.
Мальчик смотрит улыбаясь:
Ворон на суку,
А под ним висит, качаясь,
Кто-то на суку.

Г.В. Иванов ПИСЬМА ГИНГЕРУ И ПРИСМАНОВОЙ

Публикуемые ниже два письма поэта, прозаика, литературного критика, мемуариста Георгия Владимировича Иванова (1894–1958) представляют собой сохранившийся фрагмент его переписки с Гингером и Присмановой. Каждое из этих писем превосходно отражает две грани литературного быта Иванова в послевоенный период: литературную и собственно бытовую.

Г. Иванов и И. Одоевцева были близки Гингеру и Присмановой, хотя, если исключить подходящий на мистификацию рассказ Одоевцевой об их прощании в доме Гингеров с возвращавшейся в июне 1939 г. в Москву М. Цветаевой и мотив «Гингер и Присманова» в письмах Г. Иванова к Р. Гулю (о том и другом см. во вступительной статье), документальных подтверждений этой близости фактически не сохранилось. Тем более значимым представляется уважительное обращение к Гингеру – не только как к мэтру, но главное – как к «человеку, на которого можно положиться».

Первое письмо Иванова относится ко времени его послевоенного сотрудничества с газетой «Советский патриот». Биографы Иванова испытывают некоторое смущение (приписываемое их герою) в необходимости комментировать этот фрагмент его биографии:

В 1945–1946 годах Георгий Иванов в парижском «Советском патриоте» <...> появилось несколько его стихотворений. Политического характера они не носили и вообще в просоветском издании смотрелись достаточно странно: «Пройдет сорок четвертый год, / И год двухтысячный пройдет. / И будет так же мир убог, / И будет ведать только Бог / Всего неведомую цель...» И т.д. Но всё же¹...

Однако участие Иванова в «Советском патриоте» было достаточно полноценным: он выступил по крайней мере в трех выпусках газеты, напечатав общим числом восемь стихотворений². И насколько

¹ *Арьев Андрей*. Жизнь Георгия Иванова. Документальное повествование. СПб.: Журнал «Звезда», 2009. С. 144.

² Установленные публикации Иванова в «Советском патриоте» за 1945 г.: № 34, 16 июня. С. 2: «Всё неизменно, и всё изменилось...», «Образ полусотворенный...», «Каждой ночью грозы...», «С бесчеловечной судьбой...»; № 39, 20 июля. С. 2:

можно судить по характеру его требований к переписке рукописей и условиям печати стихотворений, относился к их появлению на страницах «Советского патриота» не менее серьезно, чем к прочим своим публикациям.

Объяснения, если они и требуются в данном случае, находятся в общем состоянии неопределенности русской литературной ситуации в послевоенном Париже, «столице мира», по определению самого Иванова. Это ощущение примирения и согласия – едва ли не главная черта первых послевоенных лет – если не исключило, то по крайней мере отодвинуло на задний план любые формы противостояния групп и кругов русской эмиграции¹. Но помимо общего zeitgeist'a для сотрудничества Иванова в «Советском патриоте» была и личная причина: возможность вернуться в литературную жизнь, прервать свое неучастие в ней, напомнить о себе и своем творчестве спустя 8 лет, прошедших со времени его предыдущей публикации.

К своему письму Иванов прилагает «3 стишка», передоверяя их Гингеру, как и многие современники, рассчитывая на его корректорскую точность и грамматическую выверенность, известную всему русскому литературному Парижу. Неслучайно Борис Божнев величал Гингера «Далем грамматики», а Алексей Ремизов вручил ему титул «грамматик-дидакал» в своем Обезвельволпале². Эти стихотворения в «Советском патриоте» не появились, но первое из них было напечатано в «Русском сборнике», который готовился к изданию весной 1946 г.

В конце письма Иванов выражает надежду на возвращение в Париж, вспоминая в связи с этим «среды» Присмановой и Гингера, возобновленные в 1945 г. и ставшие одним из достопримечательных проявлений мирной, нормализующейся послевоенной жизни. «Среды» периодически возникают то в письмах, то в воспоминаниях об

«Как туман на рассвете – чужая душа...», «Поговори со мной о пустяках...», «Пройдет сорок четвертый год...»; № 78, 19 апр. С. 3: «На грани таянья и льда...».

¹ Как замечает О. Коростелев: «Уже совсем скоро жизнь вновь разведет их по разные стороны баррикад, но пока это чем-то напоминает берлинскую ситуацию начала двадцатых, когда ничего еще не определилось и оставалось ощущение единой, общей жизни» (*Коростелев О.А. Лирический театр Антонина Ладинского // Ладинский Антонин. Собрание стихотворений / Сост., пред. и прим. О.А. Коростелева. М.: Русский путь, 2008. С. 16).*

² Подробнее об этом см. во вступительной статье.

этом времени. Так, Г. Адамович в своем ностальгическом послании Присмановой из Манчестера спрашивает:

Как Ваши среды? Я пользуюсь воскресеньем и всё сегодняшнее утро читал книгу Шаршуна. Читали ли Вы и, если да, что Вы о ней думаете?¹

Со «средами» Присмановой-Гингера связано и следующее «бытовое» письмо Иванова, повествующее о случившемся в доме Гингеров инциденте (или, скорее, выражающее покаяние в связи с ним). В этой связи необходимо упомянуть стихотворение Иванова «Где-то белые медведи...» из «дадаистского» (по определению Ю. Терапиано²) цикла «Rayon de Rayonne», вписанное в гингеровский *Альбом* и почти не отличающееся от вошедшего в «Портрет без сходства» варианта³. Дата записи в *Альбоме* отсутствует, но, очевидно, она относится к 1947–1948 гг., когда Иванов и Одоевцева стали «самыми верными посетителями» гингеровско-присмановских «сред».

В письме к Р. Гулю, тогдашнему главному редактору НЖ, Иванов 14 февраля 1957 г. писал:

Вообще они оба, Гингер и Присманова, заслуживают, чтобы их печатали в единственном порядочном журнале эмиграции <т.е. в НЖ>. Пишу не по дружбе: даже не поблагодарил еще Гингера за его книгу <В>, и они, м<ожет> б<ыть>, думают, что я их не ценю. А я очень ценю и есть за что⁴.

Второе из писем Иванова большей частью уже было приведено в книге А. Арьева «Жизнь Георгия Иванова: Документальное пове-

¹ Письма Адамовича: 263.

² Если чудо вообще возможно за границей: 251 (письмо Ю.К. Терапиано к В.Ф. Маркову от 7 апреля 1955 г.). Год спустя (18 апреля 1956 г.) Иванов обмолвился в письме к В. Маркову: «Район де районн – нечто вроде дыр бул шыр-убешщур на французский лад» (Georgij Ivanov, Irina Odojevceva. Briefe an Vladimir Markov: 1955–1958. Mit Einleitung hrsg. von Hans Rothe. (Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte). Köln; Weimar; Wien: Bohlau, 1994. S. 26).

³ Отмечено в кн.: *Иванов Георгий*. Стихотворения / Вступ. ст., подг. текста, состав. примеч. А.Ю. Арьева (Новая Библиотека поэта). СПб.: Академический проект, 2005. С. 624.

⁴ Георгий Иванов – Ирина Одоевцева – Роман Гуль: Тройственный союз: (Переписка 1953–1958 годов) / Публ., сост., коммент. А.Ю. Арьева и С. Гуаньелли. СПб.: Петрополис, 2010. С. 437.

ствование» (СПб.: Звезда, 2009. С. 148–149), здесь оно приводится целиком. Письма печатаются по автографам, хранящимся в University of Illinois Archives (Urbana-Champaign). Ms. 15/35/56 Sophie Pregel and Vadim Rudnev Coll. Box 1.

Публикация подготовлена совместно с А. Устиновым.

1

<начало 1946 г.>^[1]

Villa Turquoise
Av. Ed<ouard> VII
Biarritz (B<as>-Pyr<énées>)

Cher Maitre,

Во-первых, шлем оба Вам с Анной Семеновной самый нежный привет.

Во-вторых – как Вы человек, на которого можно положиться – прошу исполнить просьбы:

сказать 1) Руманову^[2] – 2) – Бахраху^[3] – обоим, получили ли они мои письма, почему не отвечают и пусть ответят *сейчас же*.

Вспоминаем часто Ваши среды и как только приедем в Париж – станем опять их самыми верными посетителями.

Ответьте мне – что сказали эти господа Р<уманов> и Б<ахрах> и что нового в столице мира и в Сов<етском> Патриоте.

Ваш очень преданный

Георгий Иванов

ГЕОРГИЙ ИВАНОВ

1.

Он спал, и Офелия снилась ему
В болотных огнях, в подвенечном дыму.
Она музыкальной спиралью плыла,
Как сон, отражали ее зеркала,
Как нимб окружали ее светляки,
Как лес вырастали за ней васильки.

...Как просто страдать. Можно душу отдать
И все-таки сна не уметь передать.
И зная, что гибель стоит за плечом,
Мечтать ни о ком, грустить ни о чем ^[4].

2.

Ты протягиваешь руку –
Вот она, твоя рука.
За свиданье, за разлуку,
За мгновенье, за века.

Нас никто не пожалеет,
А себя жалеть смешно.
Звезды гаснут, день белеет
Сквозь закрытое окно.

Распах<н>и его пошире
Или шторы опусти:
За свиданье в этом мире
Или вечное прости.

3.

Уплывает в море рыбачий челнок,
Разбивается пена у ног.

Зеленая ветка в закатном огне
Качнула доверчиво мне.

И птица запела о чем-то своем,
О чем и мы, под сурдинку, поем,
Когда грустить устаем:

О том, что счастье длится века,
И только жизнь коротка,
И мы напрасно тоскуем о том,
О чем забудем потом ^[5].

Г. Иванов

В погашение аванса прилагаю 3 стишка. Не разъединять, ничего не менять. Отдельно печатать нельзя. Ради Бога, проверьте переписку *Вы лично* ^[6].

Прошу соблюдать мою разбивку. В прошлый раз изгадили мне все стихи, всё сбив.

1. Письмо написано на двух бланках «Villa Parnasse. Anglet (В. Р.)», название пансиона в обоих случаях перечеркнуто. Датируется по контексту.

2. Об А.В. Руманове см. в коммент. к стихотворению Гингера «Акро-терцины».

Приведем соответствующий фрагмент из последней по времени биографии Иванова:

Всё же смущен он этим неожиданным сотрудничеством (предложенным ему секретарем редакции газеты, старинным, еще по Петербургу, знакомым А.В. Румановым), надо полагать, был. О чем свидетельствует стихотворение «Ветер тише, дождик глуше...». 16 июня 1945 года, в день появления своих первых, прерывающих восьмилетнее неучастие в литературной жизни, стихов в «Советском патриоте», Георгий Иванов вписывает в альбом жены Руманова такую строфу:

В самом деле, что я трушу –
Хуже страха вещи нет.
Ну и потерю душу,
Ну и не увижу свет.

Неизвестно, было ли уже стихотворение написано целиком или поэт начал его сочинение с этой, последней строфы, настроение Георгия Иванова тех дней передано здесь весьма выразительно (*Арьев Андрей*. Жизнь Георгия Иванова: Документальное повествование. СПб.: Журнал «Звезда», 2009. С. 144).

Отзыв о Руманове Иванова вспоминал К. Померанцев:

Познакомил меня с ним Георгий Иванов, сказав о нем приблизительно, что он – образец того, что «было самым лучшим и самым худшим в русской интеллигенции», – точно я его слов, конечно, не помню по причине моего первородного греха: никогда не записывать того, что мне приходилось слышать от замечательнейших людей, с которыми посчастливилось встречаться (Померанцев: 119).

3. Об А.В. Бахрахе см. выше – А.В. Бахрах. Письмо Гингеру. В эти годы активно печатался в «Советском патриоте» (и его предшественнике – «Русском патриоте»), а также в других парижских изданиях: РН, ЧС. Его знакомство с Ивановым случилось в Берлине, скорее всего, осенью 1922 г. (обычно указывается весна 1923 г.). Бахрах оставил многократно перепечатывавшиеся и упоминаемые воспоминания об Иванове.

4. Стихотворение напечатано в «Русском сборнике» (Кн. 1. Париж, 1946. С. 139), вошло в «Портрет без сходства» (Париж: Рифма, 1950) с вариацией

последней строки: «Грустить ни о ком, мечтать ни о чем». См. подробнее: *Иванов Георгий*. Стихотворения. С. 612–613.

5. Стихотворение опубликовано В. Крейдом (Звезда. 1993. № 1. С. 120) с ошибкой в прочтении ст. 3–4, исправленной в книжном издании: *Иванов Георгий*. Стихотворения. С. 452, 705.

6. Первая приписка приводится целиком А. Арьевым в комментарии, см: *Иванов Георгий*. Стихотворения. С. 613.

2

<май 1948>^[1]

Дорогие Присманова и Гингер,

Я ничего не помню, но от Одоевцевой знаю, что безобразно хамил, особенно милой душе Анне Семеновне, которую так же люблю и уважаю, как чту ее замечательный поэтический дар.

Кстати, Одоевцевой я, по-видимому, тоже, заодно, нахамил. Если бы мне попался папа римский, я бы нахамил и ему. Я был пьян с утра, и сладкое вино Кирилла^[2] прикончило меня. Ни Вы, ни кто другой для меня не существовали, такие, как Вы есть. Я вступил в драку с воображаемым неприятелем и старался цапнуть за икру кого попало. Это оттого, что мне грустно и тошно, и Вы, дорогие мои друзья, можете меня извинить.

Целую ручки А<нны> С<еменовны> и Гингера в бывшие баки^[3].
Покорно прошу прийти на мой вечер^[4].

Ваш всегда

Георгий Иванов

<нарисован кот с галстуком-бабочкой, стоящий на задних лапах и разведший передние лапы в стороны. Рядом в прямоугольнике написано:> Виноват!

1. Датируется по контексту.

2. Кирилл Дмитриевич Померанцев (1906–1991), поэт и журналист, написал воспоминания об Иванове и Гингере, которые включил как отдельные главы в свою книгу «Сквозь смерть».

3. В связи с «бывшими баками» Гингера см. приводившееся во вступительной статье воспоминание М. Веги о появлении супругов на вечере,

посвященном Пушкину (Париж, зима 1937), с небезымитационным, по-видимому, намерением разыграть костюмированный маскарад «Пушкин и Наталья Гончарова».

4. Речь идет о вечере Г. Иванова, состоявшемся 16 мая 1948 г. в зале Русской консерватории (Хроника 1(5): 260).

С.О. Карский ПИСЬМА ГИНГЕРА

Живописец, график, книжный иллюстратор, автор коллажей Ида Григорьевна (урожд. Шрайбман; 1905–1990) и художник, журналист и переводчик Сергей Осипович (1902–1950) Карские, о которых уже упоминалось во вступительной статье, были ближайшими друзьями Гингера и Присмановой. Иде Карской принадлежит портрет Присмановой (1935, см. т. 1, с. 65 наст. изд.). Вместе с Карскими в гингеровско-присмановский дружеский круг входила младшая сестра Иды Григорьевны, Д.Г. Шрайбман, «муза» Б. Поплавского и жена Н.Д. Татищева (о ней см. ниже: Н.Д. Татищев. Письма Гингеру)¹.

Об Иде Карской, крупном французском живописце, ныне широко известно; гораздо меньше освещена жизнь и деятельность – творческая и общественная – ее супруга С.О. Карского (Карфункеля-Карского). Родившийся в Бирске (Уфимская губерния), в семье ссыльного революционера, покончившего жизнь самоубийством в 1911 г., Сергей ко времени поворотных событий в России оказался на Дальнем Востоке, где входил в редколлегию литературно-художественного и политического ежемесячника «Отблески» (орган Никольск-Уссурийского ученического кружка «Самообразования и развития»)². В № 1 «Отблесков» сообщалось, что в

Историко-Политической секции <кружка> прочитано до сих пор два доклада С. Карского: «Об исторической науке»³ и «О событиях в Петрограде». В первом автор дает основные понятия об исторических науках, об историческом процессе и прогрессе, затем делает обзор исторических теорий, объясняет новейшую науку и, наконец, приводит исторические примеры. Во втором он описывает создавшуюся за последнее время политическую и экономическую обстановку, объясняет психологию Петроградского восстания и раскрывает перспективы России этими событиями, причем выводит последствия победы – а) большевиков,

¹ О сестрах Шрайбман, Поплавском, Татищеве, Гингере и др., о сложнейших человеческих и творческих связях и переплетениях между ними см. в кн.: *Вишневецкий А.Г.* Перехваченные письма: Роман-коллаж. 2-е изд., с измен. и доб. М.: ОГИ, 2008.

² Кроме него, в редколлегию входили А.П. Богородицкая и К.Л. Козьмин. Известно о выходе, по крайней мере, 2-х номеров журнала – за ноябрь и декабрь 1917 г.

³ По-видимому, основное содержание этого доклада изложено в «Беседах о политике» С. Карского, напечатанных в № 2 «Отблесков» (1917, 20 дек. С. 3–4).

б) умеренных социалистов и с) кадетов. В заключении он приветствует победу Керенского. После чтения этого доклада произошли прения, в которых участвовали: С. Карский, К. Козьмин, А. Зонненблик и Е. Цивилев¹.

После того как в России разразилась кровавая гражданская распря, Карский кружным путем, через Китай, добрался до Франции и в самом начале 20-х гг. поселился в Париже, где примкнул к движению творческой эмигрантской молодежи, для которой искусство явилось не только и не столько художественным запечатлением исторического опыта, сколько формой революционно-эстетического эксперимента. К. Терешкович свидетельствует о том, что Карский был одним из основателей литературной группы «Гатарapak», едва ли не первой попытки молодых поэтов и художников-эмигрантов отыскать некую объединяющую их форму организации (о том, что первая буква его фамилии завершает название этой группы, образованной от первых букв фамилий ее основателей, см. в воспоминаниях К. Терешковича, Приложение I).

Со временем, однако, связи Карского с русской эмиграцией стали ослабевать. Вернувшись после освобождения Франции в Париж, он оставил живопись и полностью ушел во французскую журналистику. Однако, несмотря на то, что его участие в жизни русской эмигрантской общины почти сходит на нет, он старался, чем мог, помогать крупнейшим писателям-эмигрантам, в частности А.М. Ремизову, см. в «Мышкиной дудочке»:

С.О. Карский и не раз водил меня в «Отель Масса», во французский союз писателей. Но там в конце концов ответили, что помочь мне не могут, помогают только французам, а что не печатают меня потому, верно, что я устарел, и тут уж никто и никак не поможет (*Ремизов А.М. Собрание сочинений. Т. 10. М.: Русская книга, 2003. С. 142.*)

Свидетельством близости Карского с Ремизовым во 2-й половине 40-х гг. являются два письма последнего – от 24 февраля 1947 г. и 30 марта 1948 г. (во 2-м он обращается к Иде Григорьевне также) и записка или инскрипт (от 12 марта 1946 г.), сохранившиеся в семейном архиве Карских.

Некролог Карского, написанный А. Бахрахом (подписан инициалами А.Б.), см.: Нов. 1950. № 42–44. С. 228.

¹ Отблески. 1917. № 1, 10 нояб. С. 15.

1-е из публикуемых писем Гингера Карскому отправлено из Serquigny, где его автор служил бухгалтером в химической компании. 2-е, 3-е и 4-е, приходящиеся на октябрь 1939 г., были адресованы Карскому, призванному в то время во французскую армию и находившемуся в военных казармах Bernard в небольшом городке Dôle (департамент Jura) в восточной части Франции. Гингер писал их по-французски, подчиняясь требованиям военной цензуры (перевод на русский язык осуществлен составителем); все три написаны на почтовых карточках и на всех в качестве обратного адреса указан 16 Square Alboni (Paris XVI-е): Гингер жил в это время у матери, т.к. Присманова с детьми (об этом речь идет в п. № 2) находилась в деревне Fournols (провинция Auvergne), откуда, в частности, отправлено ее письмо В. Корвин-Пиотровскому (№ 4, от 5 ноября 1939 г.).

Письма печатаются по автографам, хранящимся в семейном архиве Карских (Paris).

1

<ноябрь 1932 г.>^[1]

Cher Ami

Эстонка обещала со своей стороны прислать, если кто будет, но не знаю, есть ли надежда. Боюсь, Присманова переутомляется. Нам весьма трудно платить больше. По-нашему, 250 фр<анков> плюс еда и помещение с отоплением и пр., это около 700?! А у нас тут самые дивные работницы специалистки зарабатывают 500–600. И ведь есть фам де менаж^[2] и нет стирки^[3]!

Не знаю, на какой форме остановиться^[4]:

М – Магистрат-«collier»^[5] (оно же Ибсен^[6]) или же

В – Волк (морской).

Прилагаю 10 фр<анков> за портрет. Остается 90^[7].

Б.Б.^[8]

Гингер

P.S. Je fries naturellement^[9].

Открытка производит потрясающее впечатление.

<далее следуют приписки на полях; две из них относятся к рисунку:>

М более благородно
В более мужественно

Формулу «почтенный шейх» оставляю пока в стороне

3 X 3 ^[10]

29-го ноября Васе исполнилось 7 лет.

1. Датируется по уминанию в письме дня рождения Васи Гингера, родившегося в 1925 г.

2. *femme de ménage* – домработница (*фр.*).

3. Речь, по всей видимости, идет о поиске прислуги.

4. Имеются в виду четыре рисунка-авторпортрета Гингера, сделанные в этом письме, см. с. 204 наст. тома; 1-й и 3-й обозначены буквой М, 2-й и 4-й – В, т.е. бородку, опущенную в это время, в первом случае он называет «магистерской», во втором – «морского волка».

5. *collier* – короткая бородка, обрамляющая лицо от виска до виска (*фр.*).

6. Такую бородку носил норвежский драматург, поэт и публицист Генрик (Хенрик) Юхан Ибсен (Henrik Johan Ibsen; 1828–1906).

7. Неизвестно, о каком портрете ведет речь Гингер.

8. Что означает здесь Б.Б., осталось невыясненным.

9. *Je fries naturellement* – Я курчавлюсь натурально (*фр.*).

10. К чему относится это арифметическое действие, разгадать не удалось.

2

4 Octo<bre> <1939> ^[1]

Дорогой Серж

Видел вчера вечером Иду, она в прекрасной форме, на щиколотке легкая повязка, ходит она без палочки, скоро не останется никаких следов. Ребенок выглядит нормально. Он в полном порядке. Почему бы им не отправиться в Оверни, тем более что другая настаивает ^[2]. Адрес: Mme G<inger>, *Fournols* Puy de Dôme. Пожалуйста, напиши. Эта деревня достаточно приличная, много коров (которые дают молоко), высота 1000 метров. Жизнь менее дорогая, чем в Париже. Там

есть место^[3]. Кроме того, я считаю, что Jurassiens^[4] как раз были эвакуированы туда (или, скорее, выше^[5]) со стороны Ambert^[6]. Это земля Henri Pourrat^[7]. Fournols находится в двадцати километрах от Ambert, из Ambert в Fournols ходит автобус.

Я еще не прошел призывную комиссию, это может произойти сегодня, или завтра, или через месяц. Секрет счастья: ничего не ждать с нетерпением (мудрость индуизма!). Ты можешь написать моей жене, по-русски, конечно. На этом прощаюсь, и всем *удачи*.

Твой Гингер А.

Я очень хорошо знаю Dôle, действие романов Marcel Aymé^[8] происходит очень часто в этом регионе. Чудный край!

1. Год указывается по почтовому штемпелю.
2. Во французском подлиннике сказано: «l'autre insiste»; имеется в виду Присманова.
3. У Гингера вместо place («плас») – место – написано plache («плаш»): по всей вероятности, в подражание местному диалекту.
4. Жители Jura, департамента, где служил Карский.
5. Игра слов: la bas – там, туда, но bas – низко.
6. Город в провинции Оверни.
7. Анри Пурра (1887–1959), французский писатель и этнолог, собиратель фольклора Оверни, уроженец Амбера.
8. Марсель Эме (1902–1967), французский прозаик, драматург.

Дорогой Серж

Пока ты не пошел на фронт, я не проявляю к тебе жалости. Я задаю себя вопрос: обзавелся ли ты вшами, потому как у меня они когда-то были. Что касается того, что ты мне говорил по поводу задней части бутика, я провел безостановочно 36 часов у Бена^[1]. Результат плохой (это между нами). На данный момент меня всё еще не вызвали в призывную комиссию, поэтому не нужно покупать теплых кальсон. Роман Marcel Aimé <sic>, действие которого происходит

в районе Dôle, называется «La Table aux crevés»^[2]. Замечательная вещь. Ида чувствует себя хорошо, я увижу ее через несколько дней, Maurice со своей полячкой – тоже (все в Montrouge^[3]). Пишу своей жене, ты знаешь, что она испытывает к тебе добрые чувства. Я тебе скоро напишу.

Твой Шура

1. Бен (наст. имя и фам. Бенцион Соломонович Рабинович; 1905–1989), живописец.

2. Роман М. Эме «La Table aux crevés» («Стол для умерших») увидел свет в 1929 г.

3. Карские жили в то время в парижском пригороде Montrouge, по адресу: 16, av. Jean-Jaures.

4

28 Oct<obre> <19>39

Дорогой Серж

Становится почти невозможно организовать покер более или менее нормальный.

Иных уж нет, а те далече,
Как Сади некогда сказал^[1].

Я перевожу для цензуры:

Certains ne sont plus, et d'autres sont loin –
Comme jadis a dit Saadi.

Заметь, какую замечательную какофонию создает вторая строка в моем переводе^[2]. Несколько дней назад мы должны были встретиться с Maurice у вас в Montrouge, но они не пришли, я не знаю, почему; однако (?) я нашел Cécile и ее пьяницу-мужа. Они были оба в восторге от твоей саламандры^[3]. У них нет отопления (его также надо уметь установить). Я читаю «Смерть в кредит»^[4], там имеются хорошие пассажи, но стилистически это шероховатого – никто никогда не поймет, с чем это едят!? К чему эти бесчисленные восклицательные знаки и

почему врач должен использовать просторечный язык^[5]? Но надо признать, что есть вещи, от которых сжимается сердце.

Хорошего тебе здоровья.

Г<ингер> А.

20 таких карт стоят 20 су^[6].

Жена Кнута^[7] пришла в Табас специально, чтобы меня пригласить к ним, там будет польский поэт Тувим, очень известный^[8]. Надо будет пойти посмотреть, на что он похож; хотя литература и я... Моя жена мне пишет, что там $t^{\circ} = -2$. Серж учится хорошо в школе; это любопытно, как все Сержи всегда хорошо учатся!

В надежде в скором времени получить от тебя новости.

1. Из романа «Евгений Онегин» Пушкина (гл. VIII, строфа 51).

2. Гингер имеет в виду аллитерацию, возникающую при чтении второй строки.

3. Речь идет о печке, называвшейся «Salamandre», которую топили каменным углем.

4. «Смерть в кредит» («Mort à crédit», 1936) – роман французского писателя Луи-Фердинанда Селина (Louis-Ferdinand Céline; наст. фам. Дестуш [Destouches]; 1894–1961).

5. Л.-Ф. Селин был по специальности врачом.

6. Речь идет о почтовых карточках, на которых, как было сказано выше, написаны письма Гингера к Карскому.

7. Ариадна Александровна Скрябина (после перехода в еврейство: Сарра Фиксман, или Сарра Кнут; 1905–1944), поэтесса, деятель движения Сопротивления во Франции в годы II-й мировой войны; дочь композитора А.Н. Скрябина; жена Д. Кнута (см. о нем ниже – Письма Д. Кнута Гингеру).

8. Юлиан Тувим (Julian Tuwim; 1894–1953), польский поэт, прозаик и переводчик. После начала II-й мировой войны бежал из Польши и до оккупации немцами Франции жил в Париже. Поддерживал близкие отношения с Д. Кнутом и А. Скрябиной и был свидетелем при их официальной регистрации как супругов (см. об этом в письме А. Скрябиной к Е. Киришнер от 2 апреля 1940 г. в Кнут II: 204).

Д.И. Кленовский

ПИСЬМА ПРИСМАНОВОЙ И ГИНГЕРУ

Два письма, адресованные Присмановой эмигрантом второй волны Дмитрием Иосифовичем Кленовским (наст. фам. Крачковский; 1893–1976), «последним царскоселом», как его принято величать¹, жившим в то время в баварской деревушке Зурберг возле города Траунштейна, знаменательны тем, что обнаруживают связь и взаимосимпатию, существовавшую между двумя этими поэтами². Разумеется, на основании двух сохранившихся писем трудно, да и вряд ли возможно установить какие-либо точки их творческого соприкосновения, однако само по себе выявление обоюдного интереса корреспондентов друг к другу, пусть и сводящегося всего лишь к книжному обмену и отраженному в них эпистолярному эпизоду (который, если судить по письмам Кленовского другим адресатам, был несколько более обширным и протяженным³), в каком-то смысле тоже немаловажно и небезынтересно.

Публикуемое вместе с посланиями Кленовского Присмановой его благодарственное письмо Гингеру связано с получением от того дарственного экземпляра *B*⁴.

¹ См. о нем: *Коростелева А.Е.* О вечной тайне бытия // Дмитрий Кленовский. Полное собрание стихотворений. М.: Водолей, 2011. С. 560–589.

² В письме В.Ф. Маркову от 4 марта 1955 г. Кленовский писал:

Из «парижан», вернее «французов», я больше других, как это ни странно, ценю Присманову (читали ли Вы ее «Соль» и «Близнецов»?). Над ней принято смеяться, а между тем она, на мой взгляд, наиболее индивидуальный и сильный из современных поэтов (Если чудо вообще возможно за границей: 132).

Ср. в другом его письме, от 2 июля 1961 г., тому же корреспонденту – о покойной Присмановой:

А вот с Присмановой, которую я ценю куда выше и Чиннова и Одоевцевой, не то получилось: ни одна литературно-критическая фея не подошла к ее могиле и не произнесла достойного надгробного слова; приходится радоваться, что хоть младшая ее сестра по перу Таубер высказалась на страницах № 64 «Нов<ого> жур<нала>». А как будто Присманова заслужила лучшие похороны (Если чудо вообще возможно за границей: 194).

³ См., например, в его письмах В.Ф. Маркову от 5 января и 10 февраля 1956 г. и 12 мая 1959 г. (Если чудо вообще возможно за границей: 141, 143, 173)

⁴ Известно еще одно письмо Д. Кленовского Гингеру – в связи с его последним сборником, *C*; опубликовано в кн.: *Дальние берега: Портреты писателей эмиграции / Сост., автор предисл. и коммент. В. Крейд.* М.: Республика, 1994. С. 376.

Письма печатаются по автографам, хранящимся в University of Illinois Archives (Urbana-Champaign). Ms. 15/35/56 Sophie Pregel and Vadim Rudnev Coll. Box 1.

Публикация подготовлена в соавторстве с А. Устиновым.

ПИСЬМА К ПРИСМАНОВОЙ

1

Дорогой поэт с душой, настроенной на имя Анны^[1], а на какое отчество – неизвестно, почему и не могу начать письмо так, как это принято!

Ваш отклик на мою книгу меня порадовал^[2]. Послал ее Вам потому, что *очень* ценю и люблю Вас, как поэта. Кровеносные (а, следовательно, и стихоносные) вены Ваши перебегают в потустороннее, как ни у кого другого, Вы вся – на стыке двух миров (так я, по крайней мере, Вас ощущаю) – это мне как раз и дорого!

«Близнецов» – имею (Вы любезно прислали их мне «в ответ» на мой «След жизни» в 1950 г.^[3]) и нередко в них заглядываю. А вот «Соли» – нет, и буду Вам за нее, если пришлете, очень признателен^[4]. Ведь я здесь, в глуши, изголодался по хорошим книгам.

Вы просите написать о себе. Я весь – в моих стихах, а остальное, в сущности, неинтересно. Живу в баварской деревушке с лучшим моим другом – женой^[5]. Живем, конечно, трудно, а хуже всего, что болеем, хотя не так еще стары, и болеем не на шутку; из-за этого и за океан уехать не можем.

Есть у меня к Вам просьба: не сможете ли Вы раздобыть и прислать мне № Рус<ской> Мысли от 16 июля, где напечатана статья Яблоновского обо мне^[6]? Был бы очень Вам благодарен за эту милую услугу.

Искренне преданный Вам.

Д. Кленовский
(Дмитрий Иосифович)

16.8.<19>52

1. В двух стихотворениях Присмановой из сборника «Близнецы», который она, как явствует из письма далее, в свое время прислала Кленовскому,

обыгрывается ее имя: «Анна» («Не верь тому, что тайной связи нет...»), «Песок» («Бьет к берегу соленая вода...»).

2. Речь идет о сборнике стихов Кленовского «Навстречу небу» (Франкфурт-на-Майне: Иверни, 1952).

3. Сборник стихов Кленовского «След жизни» вышел в Германии в издательстве «Сполохи» (предисл. Н. Берберовой).

4. Речь идет о третьей книге Присмановой «Соль» (1949).

5. Маргарита Денисовна Гутман, вторая жена Кленовского.

6. Речь идет о статье С. Яблоновского (см. о нем прим. 4 к письму № 19 Б. Божнева Гингеру) «О большом поэте» (РМ. 1952. № 467, 16 июля. С. 5).

2

Дорогая Анна Семеновна!

Простите, что не поблагодарил Вас сразу за Вашу «Соль» – сильно болел, только сегодня поднялся. И за газету со статьей Яблоновского – спасибо!

Частенько заглядываю в обе Ваши книжки – люблю Ваши стихи!

Только что получил от Т.И. Пантелеймоновой^[1] грустное известие о смерти Тэффи^[2]. В лице Н<адежды> А<лександровны> я потерял большого и верного друга моих стихов – через них мы и познакомились в 1950 г., и с тех пор завязалась наша дружеская переписка^[3]. Терять вот таких литературных друзей, которым ты был дорог своим творчеством, – особенно горько.

Привет В<ашему> супругу. Желаю здоровья, сил, новых творческих удач!

Д. Кленовский

12.10.<19>52

1. Тамара Ивановна Пантелеймонова (урожд. Кристин; 1900–1979), жена Б.Г. Пантелеймонова, см. о нем: Б.Г. Пантелеймонов. Письма Гингеру.

2. Тэффи не стало 6 октября 1952 г.

3. Ср. в его письме В.Ф. Маркову от 17 июля 1954 г.:

Насчет Тэффи А<дамович> вспоминает правильно <имеется в виду статья Г. Адамовича «Новые голоса» (НРС. 1954. № 15380, 6 июня. С. 8)>. Она чрезвычайно любила мои стихи, и на этой почве и произошло наше знакомство.

На своей подаренной мне книге она написала: «самому любимому поэту моих последних лет» (Если чудо вообще возможно за границей: 115).

ПИСЬМО ГИНГЕРУ

16.12 <19>56

Глубокоуважаемый Александр Самсонович!

Получил только что Вашу «Весть». Сердечное спасибо! Смогу теперь познакомиться с Вами как с поэтом.

Чрезвычайно оригинальна Ваша надпись на книге! Почему бы, действительно, поэтам не переписываться сборниками!?. Решил было ответить Вам на моем пятом^[1], но слишком долго пришлось бы Вам ждать. Посылаю поэтому уже сейчас мой автограф, но без фотокарточки – ее у меня нет^[2]...

Привет Анне Присмановой!

Жму руку.

Д. Кленовский

1. Имеется в виду пятый сборник стихов Кленовского, «Прикосновение», который вышел время спустя (Мюнхен, 1959).

2. Возможно, именно поэтому – из-за отсутствия фотокарточки – автограф Кленовского не был включен в гингеровский *Альбом*.

Д. Кнут ПИСЬМА ГИНГЕРУ

О дружеских отношениях, сложившихся у Гингера с одним из участников «своры», Довидом Кнутом (наст. имя и фам. Давид Миронович Фиксман; 1900–1955), а также об их поэтическом диалоге накоплены некоторые исследовательские данные¹. Неотмеченным ранее оказался тот факт, что Кнут явился одним из участников гингеровского *Альбома*, куда дал четверостишие из своего стихотворения «Хайфа»:

...И прославляют труд – перо, лопата, заступ...
А пот души, как пот лица солен.
Но там, где сеян хлеб – цветы Экклезиаста,
Твой мудрый сад, безумный Соломон.

(Из стихотворения «Хайфа»)

Довид Кнут

Париж, июль, <1>948

Несмотря на то, что приводимая далее подборка писем Кнута Гингеру уже была ранее опубликована², ее републикация выглядит более чем уместной в настоящем издании.

Основная часть писем связана с изданием книги Кнута «Избранные стихи» (Париж, 1949), которую корректировал Гингер, и он же, за определенное вознаграждение, осуществлял надзор за ее печатанием в типографии.

Исключая 1-е письмо, остальные относятся к послевоенной поре, когда осенью 1948 г. Кнут вместе с молодой актрисой Виргинией Шаровской (1929), ставшей в скором времени его женой, совершил путешествие в Израиль, а через год, в сентябре 1949 г., переехал туда на постоянное жительство.

¹ См.: *Хазан Владимир*. Довид Кнут: Судьба и творчество. Lyon: Centre d'Études Slaves André Lironde Université Jean-Moulin, 2000 (по указателю); *Его же*. Вокруг Александра Гингера и Довида Кнута (Три архивные заметки о русской парижской поэзии) // *Vademecum: К 65-летию Лазаря Флейшмана* / Сост. и ред. А. Устинова. М.: Водолей, 2010. С. 530–559.

² См.: Кнут II: 346–357.

Письма публикуются по автографам, хранящимся в University of Illinois Archives (Urbana-Champaign). Ms. 15/35/56 Sophie Pregel and Vadim Rudnev Coll. Box 1.

1

Париж, 19/11 <19>32

Дорогой Шура,

Позорная история:

14-го я уже был в Париже с деньгами en question^[1].

Но вечером пошел играть в карты – конечно, с твердым решением играть только на свои – и втянулся, и проиграл и предназначенные тебе 200 фр<анков>.

Мне очень тяжело, что я так поступил – да еще по отношению к тебе!

Потерпи, пожалуйста, надеюсь скоро выслать тебе эти деньги – мне обещали службу в декабре^[2].

Прошу никому не рассказывать обо всем этом.

Когда напишешь, сообщи о здоровье всех.

Твой, очень преданный провинившийся

Д<овид>

1. en question – здесь: этими самими, требуемыми (*фр.*).

2. Кнут, вероятно, имеет в виду службу в качестве велосипедиста-рассыльного в депо немецкой фирмы, о чем он сообщал 5 января 1933 г. в письме к З. Шаховской, см.: *Шаховская З.А.* В поисках Набокова. Отражения. М.: Книга, 1991. С. 165.

2^[1]

Monsieur A. Ginger

4, rue Thureau-Dangin, Paris, XV

France

16.9 <19>48^[2]

Дорогой Шура,

Снесись с Шемом (Alexandre Chem, Château d’Ucel, Ardèche)^[3], чтоб узнать, когда ты придешь в действие.

Типограф: Danzig (это фамилия), 26, r<ue> France-Bourgeois, Paris.
Phone Arc 20-56.

Скажи Шему, что деньги за пробную страницу книги даст Даниэль Fixman^[4].

Мой адрес в Палестине: chez Mme Eva Kirscher^[5], 70 Keren-Kayemeth, Tel Aviv, Israel.

Спасибо за помощь. Венеция, действительно, необычайно красивый город. Привет тебе и жене.

Д<овид> К<нут>

1. Осенью 1948 г. Д. Кнут и его будущая жена Виргиния Шаровская совершили путешествие в Эрец-Исраэль. Это послание, написанное на почтовой открытке, было отправлено из Венеции (Венеция на открытке и изображена).

2. Датируется по почтовому штемпелю.

3. Александр Павлович Шем (наст. фам. Шеметов; 1898–1981), художник-карикатурист, график, книжный иллюстратор, литератор, издательский работник. Редактировал (вместе с Д. Кобяковым) сатирический журнал «Ухват», см. прим. 5 к письму Б. Божнева Гингеру (№ 1); позднее сотрудничал с возродившимся в Париже журналом «Сатирикон». С 1933 г. заведовал отделом графики в рекламном журнале компании Air France. После войны сотрудник издательства «Flammarion». Среди рисунков А. Шема – многочисленные шаржи на известных эмигрантских писателях и иллюстрации к книгам (напр., ему принадлежит обложка книги М. Осоргина «Вещи человека. Портрет матери. Дневник отца» (Париж: Родник, 1929)).

4. Сын Кнута от первого брака.

5. Ева Яковлевна Кишнер (урожд. Циринская; 1913–2006), врач-психолог, см. о ней: Кнут I, II (по указателю).

3

Monsieur A. Ginger

Tel Aviv

4, r<ue> Thureau-Dangin, Paris, XV

5.11 <19>48

Дорогой Шура,

пользуюсь отъездом знакомой дамы, пишу тебе наспех сие письмо, которое дойдет до тебя быстрее обычного.

Горестно удивлен, что ты мне ничего не писал о книге. Что с нею? Начали ли ее печатать?

Ты мне окажешь необычайную услугу, взявшись серьезно за дело.

Вот мое предложение, если дело еще не начато:

1) Достань у Шема окончательный образец *mise en pages* ^[1].

2) Закажи немедленно г. Данцигу печатание книги.

3) Если последнему нужен задаток, обратись, от моего имени, к г. Jacques Jefroykin, «Océania» 4, rue Castellane, Anj 16–33 ^[2] и попроси послать типографу нужную сумму. Постарайся, чтоб она была как можно скромнее.

4) Спроси у Шапиро, 278 Bd. Raspail (14-е), готовы ли иллюстрации ^[3]?

Кроме пожизненной благодарности, ты от меня получишь гораздо большую денежную компенсацию за труды, чем условленная сумма.

Напиши мне, пожалуйста, немедленно.

Мой временный адрес: Chez Breslavski 13, Boulevard Ben-Zion, Tel Aviv ^[4].

Через несколько недель возвращаюсь в Париж.

Сердечный привет тебе и Анне Семеновне. По приезде расскажу много интересного об этой интересной стране.

Преданный тебе

Довид

1. *mise en pages* – верстка (*фр.*).

2. Яков (Юлий) Ефройкин (1911–?), еврейский общественный деятель, сын известного сиониста, публициста и переводчика Израэля Ефройкина (1884–1954). Окончил юридический факультет Сорбонны. В 1937–1940 гг. – президент Всемирной ассоциации еврейской молодежи. В годы II-й мировой войны возглавлял французское отделение американо-еврейской благотворительной организации American Joint Distribution Committee (под эгидой Joint руководил спасением еврейских детей от депортации в Германию), участник движения Сопротивления (впоследствии награжден медалью и Крестом Сопротивления). Упоминается в книге Кнута об организации еврейского Сопротивления во Франции «Contribution à l'histoire de la Résistance Juive en France 1940–1944» (Paris, 1947; по указателю). С 1945 г. директор агентства путешествий «Océania».

3. «Избранные стихотворения» Кнута иллюстрированы четырьмя литографиями художника Якова Шапиро (см. прим. 11 к письму Б. Божнева Гингерам № 24). Кнут поддерживал с Шапиро дружеские отношения; кисти последнего принадлежат портреты самого Кнута, его второй жены

А.А. Скрыбиной-Кнут и упоминавшейся в предыдущем письме Е.Я. Кишнер (частный архив).

4. Моше Бреславский (Браславский, Бар-Села) – родственник В. Шаровской.

4

<январь, февраль 1949>^[1]

Дорогой Шура,

Недавно вернулись из страны Израильской. К сожалению, свалился (легкое воспаление легкого). Приподнявшись, берусь за книжку. Согласен ли ты по-прежнему править корректуру? Как пишется об'явление/объявление? по новой орфографии? Как поживает Присманова, дети, праотец их Шура,

Счастлив ли ты?

Немедленно (пожалуйста) ответь насчет об' или объявления (типограф ждет ответа).

Сердечно твоей.

Д<овид>

Кланяйся дружески А<нне> С<еменовне>.

Лучше позвони мне – предупредительно утром – Molitor 51–38, чтоб дать ответ.

1. Датируется по контексту.

5

D. Knout,
6, rue Bartholdi
Bologne (Seine)

Le 12.8 <19>49

Дорогой Шура,

получил – с удовольствием – деньги, несмотря на твою психопатологию^[1].

Оболенскому вышло книгу, чувствительный к 1) твоей просьбе, к 2) доброму отношению и к 3) качеству его стихов^[2].

Кстати, как – по-русски – *confraternel hommage*? Единственное, что мне приходит в голову: «с товарищеским чувством». Переводчик я, по-видимому, неблестящий.

Мне всё не удастся выбраться к вам.

Недели через три надеюсь обратиться в Израиль.

Адреса моих безумных платных читателей никуда, вижу, не годятся.

Вот они:

1. Jacques Jefroykin, 4, rue Castellane^[3]

2. Maguidovitch^[4]

3. I. Schneersohn, 10 rue Marbeuf^[5]

4. Gluckley D.^[6]

5. Alperine^[7]

6. B. Pregel^[8]

7. Benenson^[9]

8. Mme Dobry^[10]

9. Шульман^[11]

10. A. Rubinstein^[12]

11. Mme Kodriansky^[13]

12. Mr Cantor^[14]

13. Mr Pavlovski^[15]

14. Mme Konus (Конюс)^[16]

Это, увы, всё. Но Д.Л. Гликберг^[17], по старой дружбе, «распространил» немало книг: в Париже, в Нью-Йорке и в Лондоне.

Кроме того, другой приятель тоже разместил несколько книг в Америке. Мораль: из «тысячных» экземпляр<ов> остался десяток. Остальные, к сожалению, меньше соблазняют любителей.

Рассказав тебе всю правду, сразу почувствовал облегчение совести: давно собирался ответить тебе по этому поводу (насчет распространения книги), но – психопатологически рассуждая – не спешил, видя, что толку из этого выйдет мало. Всё же, обещав доложить обо всем, чувствовал себя... должником (как бы).

Сердечный привет вам обоим от нас обоих.

Виргиния чувствительна к вашему славянскому шарму.

Ваш Д<овид> К<нут>

1. Книга Кнута распространялась по предварительной подписке; так же будет распространяться и итоговый сборник стихов Гингера С, см. об этом в его письмах к С.Ю. Прегель.

2. О Н.Н. Оболенском см. в его письмах Гингеру и Присмановой.

3. См. прим. 2 к п. № 3, от 5 ноября 1948 г.

4. По всей видимости, Мария Григорьевна Маги (Магидович, урожд. Ставицкая; 1895–1979), общественный деятель; вице-президент Очага для евреев-беженцев.

5. Исаак Шнеерсон (1879–1969), предприниматель, еврейский общественный деятель. Один из вице-председателей Еврейского общества трудовой помощи в Париже (с 1921). После II-й мировой войны возглавлял Centre de documentation juive contemporaine (Центр документации современного еврейства). Главный редактор журнала «Le Monde Juif». Ему принадлежит предисловие к упоминавшейся книге Кнута «Contribution à l'histoire de la Résistance juive en France».

6. Неустановленное лицо.

7. См. прим. 6 к письму Б. Божнева Гингеру № 25, от 16 июня <1953>.

8. Борис Юльевич Прегель (1893–1976), предприниматель, ученый-физик, общественный деятель, историк науки, композитор (брат С.Ю. Прегель и муж художницы А.Н. Прегель). Масон. См. о нем: *Серков А.И.* Русское масонство. 1731–2000: Энциклопедический словарь. М.: РОССПЭН, 2001. С. 666; Из переписки В.А. Залкина с Б.Ю. и А.Н. Прегелями / Вступ. ст., публ. и коммент. В. Хазана // Вестник Еврейского университета (М.; Иерусалим). 2004. № 9 (27). С. 369–370.

9. Возможно, Абрам Самойлович Бененсон, представитель Русского Красного Креста, см.: *Gorboff Marina.* La Russie fantôme: L'Émigration russe de 1920 à 1950. Lausanne, 1995. P. 104; упоминание о нем см. в письме В.Н. Буниной к М.С. Цетлиной от 25 июля 1945 г. (Новое о Буниных / Публ. Н. Винокур // Минувшее: Исторический альманах <Вып.> 8. М.: Феникс, 1992. С. 303). Однако не исключено, что имеется в виду кто-то из супругов (или оба сразу) Бененсон – финансист и общественный деятель Леопольд Моисеевич (1888–1954) и Александра Карловна (1901–1979).

10. Любовь Германовна Добрая (урожд. Барац; 1873–1955), общественный деятель, жена промышленника Абрама Юрьевича (Уриевича) Доброго (?–1936). Однако, возможно, Кнут имеет в виду его сестру, Дору Юрьевну (Уриевну) Добрую. А.Ю. и Д.Ю. Добрые были известны в эмиграции своей благотворительной деятельностью, см. как пример их упоминание в «Мышиной дудочке» А.М. Ремизова.

11. Неустановленное лицо.

12. Артур Рубинштейн (1887–1982), пианист, музыкально-общественный деятель.

13. О Н.В. Кодрянской см. в письмах Гингера к ней.

14. По-видимому, поэт и литературный критик Михаил Львович Кантор (1884–1970). В библиотеке Stanford University хранится несколько книг стихов Гингера, подаренных Кантору со следующими инскриптами:

– на *П*

Михаилу Львовичу Кантору, Александр Гингер. Париж, 1936.

Нас поджидает счастье за углом,
Туда бы нам, как пчелам на пыльцу.
Не можем знать, что обманувши дом,
Мы встретились бы с ним лицом к лицу¹.

– на *ЖиТ*

Михаилу Львовичу
Кантору
с признательностью
Александр Гингер

– на *В*

Михаилу Львовичу
Кантору
с уважением
автор

– на *С*

Михаилу Львовичу
Кантору
с глубоким уважением

15. Михаил Наумович Павловский (?–1963), предприниматель, издатель, меценат. См. о нем: *Вишняк М.* Годы эмиграции. 1919–1969. Париж; Нью-Йорк: Воспоминания. Stanford, 1970. С. 113–115.

¹ Цит. по: *Zalewski Wojciech.* Russian Poetry Collections at Stanford University Libraries // Stanford Slavic Studies. 1987. Vol. 1. P. 385; этот экземпляр был представлен на выставке в Green Library of the Stanford University, октябрь 1988 – январь 1989 г. (Poetry and Revolution in Russia 1905–1930: An Exhibition of Books and Manuscripts / Prepared by Lazar Fleishman. Stanford: Stanford University Libraries, 1989. P. 60).

16. Татьяна Сергеевна Конюс (1907–1961), пианист, музыкальный педагог, общественный деятель; дочь композитора С.В. Рахманинова, жена математика Б.Ю. Конюса.

17. Даниил Львович Гликберг (1881–1952)¹, журналист, общественный деятель, библиофил, член Общества Друзей русской книги, см.: Временник Общества Друзей русской книги. IV. Париж, 1938. С. 290. Возглавлял в Париже Одесское землячество. Сохранился экземпляр сборника стихов Кнута «Насущная любовь», подаренный автором Гликбергу и его жене со следующей надписью: «Анне Степановне и Даниилу Львовичу Гликбергу – с благодарно-дружеским чувством от Д. Кнута. Париж, 5 марта, <19>38».

6

2.11 <19>49

Дорогой Шура,

Вчера получил книги Присмановой. Через несколько дней рассчитываю сдать свою книгу в два-три книжных магазина – обещаю, заодно, поместить и книги А<нны> С<еменовны>.

Чрезвычайно огорчен тем, что до сих пор не получил фотоснимков из Нац<иональной> Библиотеки. Мой приятель, наверное, сомневается в подлинности моего рассказа: я объяснил ему, что заказ сдал и что должно ждать, со дня на день, получения снимков.

Ради Бога, устрой так, чтоб снимки поскорее пришли. Интересно ли тебе выполнение – вообще – таких поручений за приличное вознаграждение?

Жизнь в стране Израиль очень трудная, но мы рады, что сюда приехали.

Сердечный привет вам обоим.

Д<овид> К<нут>

¹ Памяти Д.Л. Гликберга посвящено стихотворение Л. Червинской «На кладбище уже почти весна...» (*Червинская Лидия*. Двенадцать месяцев. Париж: Рифма, 1956. С. 25).

D. Knout
P.O.B. 18
Kiriati-Motzkin^[1]

6.10 <19>50

Дорогой Шура,

Просьба: попроси Софью Прегель^[2] послать мне ее журнал, если он еще выходит^[3].

Во всяком случае, пошли мне тот номер, в кот<ором> помещена рецензия о моей книге^[4].

Если ты читаешь периодически русск<ую> газету, пошли мне неск<олько> прочитанных канаров^[5].

Покончив с деловой частью письма, хотел бы узнать: как ты живешь, чем промышляешь, пишешь ли, что Присманова, русская литература за границей и т.д.

Мы с Лией (бывш<ая> Виргиния, отрекшаяся от паспортного имени) уже изрядно болтаем на иврите. Полгода мы поработали в киб<б>уце^[6]. Она скоро начнет играть в «Габиме»^[7]. Жизнь тут трудная, но интересная. Через год надеемся приехать на месяца два в Париж^[8]. Привезу тебе марок. (Надеюсь, ты получил от Вейншала^[9] небольшую коллекцию таковых^[10]? Жаль, что ты ему ничем не помог в Париже^[11].)

Сердечный привет вам обоим от нашей двойки.

Жду ответа.

Привет товарищам-литераторам.

Д<овид>

P.S. Стихи тут, как во всем мире, не продаются, особенно – не-ивритские. На днях зайду (во второй раз) в тель-авивский магазин, которому я доверил душу и тело Присмановой, не говоря уже о драгоценной щепоти «Noël»^[12].

1. Письмо написано из израильского городка Кирият-Моткин (неподалеку от Хайфы), где Кнут и Виргиния (ставшая к тому времени Леей [Лией]), изучали иврит.

2. См. о ней в переписке Гингера и С.Ю. Прегель.

3. Речь идет о журнале Нов.

4. Имеется в виду рецензия А. Бахраха «Семеро в поисках своего “я”»

(Нов. 1950. № 42/44), в которой рассматривались сборники стихов эмигрантских поэтов последних лет, в том числе «Избранные стихи» Кнута (С. 215–216).

5. От canard – печатный листок с новостями, газета (*фр.*).

6. По приезду Кнута поселились в кибуце Афиким вблизи озера Киннерет.

7. Габима – первый профессиональный еврейский театр на иврите, возникший в 1917 г. по инициативе актера и режиссера Н.Д. Цемаха как театральная студия, в судьбе которой большую роль сыграл Е.Б. Вахтангов. Официальным днем открытия считается 8 октября 1918 г., когда состоялся «Вечер студийных работ» (одноактные пьесы «Старшая сестра» Ш. Аша, «Пожар» И.Л. Переца, «Солнце! Солнце!» И. Каценельсона, «Напасть» И.Д. Берковича) в постановке Вахтангова. Наиболее широкую известность приобрел спектакль «Диббук» по пьесе С. Ан-ского. В 1926 г. театр отправился на гастроли в Европу и США, откуда в советскую Россию больше не вернулся. В результате раскола труппы часть актеров осталась в Америке, другая – отправилась в Палестину, где на ее основе в 1931 г. возник театр Габима, существующий по сей день. Лея Кнут, блестяще овладевшая ивритом, в скором времени стала актрисой этого театра.

8. Кнута посетили Париж ранней весной 1954 г.

9. Яков Владимирович Вейншал (1892–1981), врач, писатель, публицист, общественный деятель, один из лидеров партии ревизионистов в Эрец-Исраэль. См. его воспоминания (и сопровождающую их биографическую справку): *Вейншал Яков*. Воспоминания / Публ. В. Хазана // Диаспора: Новые материалы. Вып. 4. СПб.: Феникс, 2002. С. 7–71. О связи Вейншала с русской эмигрантской литературой см.: Два письма А.П. Ладинского Я.В. Вейншалу // *Хазан Владимир*. Особенный еврейско-русский воздух: К проблематике и поэтике русско-еврейского литературного диалога в XX веке. Иерусалим; М.: Гешарим – Мосты культуры, 2001. С. 295–299.

10. Будучи с детства страстным филателистом, Я. Вейншал собрал огромную коллекцию марок. В своих воспоминаниях он пишет, что в зрелые годы марки помогли ему преодолеть глубокий жизненный кризис (в 1929 г. он потерял горячо любимую красавицу-жену):

Я, конечно, коллекционировал почтовые марки, откуда до сих пор мои познания в прикладной географии и даже в некоторых исторических датах. Уже взрослым человеком, попав в полосу душевного кризиса, я вдруг снова начал собирать марки с тем же детским энтузиазмом. Это было бегство в детство, желание начать старт с начала, какой-то примитивный способ самолечения, в силу одного инстинкта, без всякого домашнего лечебного справочника. Кризис прошел, и старые марки мои были мне больше не нужны (*Вейншал Яков*. Воспоминания. С. 24).

11. О поездке Вейншала в Париж и, по всей видимости, несостоявшемся его знакомстве с Буниными см.: Кнут II: 341–344.

12. В этих строчках скрыт каламбур: «доверил душу и тело Присмановой», т.е. сборник ее стихов «Тень и тело» (Париж, 1937); «...не говоря уже о драгоценной щепоти “Noël”», т.е. сборник «Соль» («драгоценная щепоть»); при этом стихи Присмановой определяются как нозли – по аналогии с жанром французской народной песенной поэзии, в которой пародируется рождественская идиллия (Noël – рождество), см., например, идеальный пример для такого рода параллели – ее короткую поэму «Сестры», вошедшую в сборник «Соль».

Н.В. Кодрянская ПИСЬМА ГИНГЕРА

Детская писательница, историк литературы, мемуарист Наталья Владимировна Кодрянская (урожд. фон Гернгросс; 1901–1983) является заметной фигурой в истории русской эмиграции – и как литератор, и как меценат («благодетельница»): за счет своего состоятельного мужа, Исаака Вениаминовича Кодрянского (1894–1980), представителя фирмы лампочек «Tungsten», она располагала возможностью помогать русским писателям, оказавшимся в изгнании: И.А. и В.Н. Буниным¹, А.М. Ремизову и др. Трудно сказать, когда Гингер познакомился с четой Кодрянских – знал ли он их еще по довоенному Парижу, откуда в начале II-й мировой войны они переселились в США, или знакомство состоялось уже после того, как после войны, в 1950 г., они приезжали в Париж и подолгу жили там (останавливались по адресу: 39 bis, Avenue Paul Doumer, Paris, XVI-e, а затем приобрели дом в Эланкуре, вблизи Парижа)².

Из публикуемых ниже писем с очевидностью вытекает, что супруги Кодрянские в трудное послевоенное время поддерживали Гингеров материально. Кроме того, документально подтверждается тот факт, что Гингер корректировал книги Кодрянской.

Письма публикуются по автографам, хранящимся в Leeds Russian Archive, Brotherton Library (University of Leeds). MS. 1408.

1^[1]

2.IV <19>53^[2]

Дорогая Наталья Владимировна

Получил продолжение Вашей книги, которое кончается стр. 157. Первый пакет я уже читал^[3]. Надеемся, что Вы скоро поправитесь.

Искренне Ваш Гингер

¹ См.: *Кодрянская Н.В.* Встречи с Буниным // Литературное наследство. Т. 84: Иван Бунин <В 2-х книгах>. Т. 2. М.: Наука, 1973. С. 348; Устами Буниных: Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: В 3-х томах. Т. 3 / Под ред. Милицы Грин. Frankfurt/Main: Посев, 1982. С. 199, 205, 207.

² В любом случае знакомство произошло до 1950 г.: имя Гингера как корректора «Сказок» Н. Кодрянской (Париж, 1950) названо в письме к ней А. Ремизова от 6 августа 1949 г. (*Кодрянская Наталья.* Ремизов в своих письменах. Париж, 1977. С. 131).

1. Написано на почтовой открытке.
2. Датируется по почтовому штемпелю.
3. Речь идет о рукописи книги Кодрянской «Глобусный человечек» (Париж, 1954; илл. Ф. Рожанковского), которую корректировал Гингер.

2^[1]

<1954>^[2]

Дорогая Наталья Владимировна

Спасибо за денежный подарок, который я получил через Софью Юльевну <Прегель>^[3]. Всё, что Вы велели – мы сделали, хотя, как Вам известно, я лично со многим не согласен. Теперь пусть кому полагается позаботятся насчет титульного листа и пр<очего>, мы с Софьей Юльевной ничего этого не видели. Сердечный привет от Присмановой и от всех знакомых.

Ваш Гингер А.

1. Написано на почтовой открытке.
2. Год указывается по почтовому штемпелю.
3. Т.е. оплату за корректорскую работу. «Глобусный человечек» Кодрянской вышел в начале 1954 г.

3

Дорогая Наталья Владимировна, благодарим Вас и Вашего супруга за поздравительные карточки^[1]. Насчет рукописи не беспокойтесь, чем медленнее, тем лучше, торопиться некуда. Прежде чем послать Софье Юльевне, лучше читайте и перечитывайте много раз сами и со знакомыми, чтобы потом у Вас не было недоразумений и угрызений совести. Это уж такая писательская судьба, что приходится портить себе кровь. Я лично предпочел бы, чтобы работа делалась при Вас, чтобы в каждом сомнительном случае можно было сразу непосредственно снестись с Вами^[2]. Имя и отчество Захарина Семен Борисович^[3].

С нашими наилучшими пожеланиями.

Ваш Гингер А.
и Анна

1. В бумагах Н. Кодрянской сохранилось также гингеровское поздравление Исаака Вениаминовича с днем рождения, отправленное, согласно почтовому штемпелю, 29 октября 1961 г. (Leeds Russian Archive (University of Leeds). MS. 1408).

2. По-видимому, речь идет о рукописи книги Кодрянской «Алексей Ремизов» (Париж, 1959), которую должен был корректировать Гингер.

3. Семен (Соломон) Борисович Захарин (Захарьин; 1892–1959), печатник (с 1957 г. технический управляющий парижской типографией «Этуаль»), масон.

4

Дорогая Наталья Владимировна

Меня встретил тот наборщик (Александр Николаевич Ивженко), который набирал Вашу книгу про Ремизова^[1]. Он огорчен, что не имеет Вашей книги с собственноручной надписью.

Ваш Гингер А.

A. Ivjenko
30, rue Edouard-Vaillant
Chatenuy-Malabry
(Seine)^[2]

1. См. прим. 2 к предыд. п.

2. Рукой Кодрянской написано: «Послать книгу о Ремизове».

5^[1]

Дорогая Благодетельница

Всё, што (это по-сербски) надо – вскопано. Надеемся, што Вы нас навестите. Если предупредите, то мы будем на 100%, а если не успеете предупредить, то всего 85%, так как мы можем быть ушодцы в соседний городок. Как Вы сделали с буквой И?

Этот шикарный пляж находится на нашем острове.

Готовый к услугам

Гингер А.

1. Написано на почтовой открытке, изображающей пляж на острове Médan.

6

1961

Дорогие Наталья Владимировна и Исак Веньяминович

С Новым годом! Спасибо за вырезку из «Нового русского слова» со статьей Ю. Марголина^[1]. Если вам еще попадетсЯ что-нибудь про Присманову, пришлите мне, пожалуйста, или дайте знать. Впрочем, я уверен, что никто из пишущих не знает, что она была гораздо лучше и значительнее, чем они думают^[2]. От этого удара я не оправился и даже не думаю, что когда-нибудь оправлюсь – настолько она была частью моего существа. В смысле, так сказать, вещественном ни у меня, ни моих сыновей нет никаких затруднений, но в смысле духовном – это полное потрясенье.

Надеюсь, до скорого свиданья.

И еще раз спасибо.

Готовый к услугам Гингер А.

1. Речь идет о статье Ю. Марголина «Анна Присманова» (НРС. 1960. № 17450, 18 дек. С. 6).

2. О том же Гингер писал Б. Зайцеву, письмо № 3.

7^[1]

2 сентября 1963^[2]

Дорогие Наталья Владимировна и Исаак Веньяминович

Я вернусь в Париж в четверг и, может быть, не успею вовремя вам позвонить, поэтому я пишу с Острова. Если вы хотите (если вы еще не приобрели телевизор) посмотреть игру Intervilles^[3], как в прошлый раз (на этот раз, кажется, Donai против St.-Malo^[4]), то приходите в четверг к 8 часам. Но не будет никакого угощения, т<ак> к<ак> я только-только вернусь с чемоданом!

Ваш Гингер А.

1. Написано на почтовой открытке, изображающей лагерь nudистов в Villennes, где у Гингеров был летний домик (см. об этом во вступительной статье). На обороте открытки, в типографском тексте – Villennes (S.-et-O.) Le Camp des Nudistes – слово «Nudistes» рукой Гингера обведено и сопровождается как бы предваряющими реакцию адресатов вопросительным и восклицательным знаками. См. также п. № 5.

2. Дата устанавливается по почтовому штемпелю.

3. Появившееся в 1962 г. телевизионное шоу: игра-соревнование между двумя городами, представляющими разные страны.

4. Donai, St.-Malo – города соответственно в Португалии и Франции.

8

<апрель 1965>^[1]

Дорогие Наталья Владимировна и Исаак Веньяминович

Я остаюсь в госпитале весь апрель и часть мая. Если у Вас будет случай меня проведать, я буду очень благодарен. Приносить ничего не надо. Хорошо было бы, если бы Вы могли привезти Адамовича.

Прием от 1 ½ до 3 ½.

Читал 3 статьи о «Золотом даре»: Терапиано, Адамовича и Крымова^[2].

Ваш Гингер

1. Датируется по контексту. См. упоминание этого послания в письме Гингера к С. Прегель (№ 6).

2. Речь идет о книге детских сказок Кодрянской «Золотой дар» (Париж, 1964; илл. Ю. Анненкова), на которую рецензиями отозвались: Ю. Терапиано (РМ. 1964. № 2248, 26 дек. С. 6–7), Г. Адамович (НРС. 1965. № 18941, 17 янв. С. 8), относительно В.П. Крымова Гингер, по-видимому, ошибается, путая его с Я.Н. Горбовым (Воз-2. 1965. № 163. С. 146–148).

В.Л. Корвин-Пиотровский ПИСЬМА ГИНГЕРА И ПРИСМАНОВОЙ

Во вступительной статье уже отмечалась тесная связь Гингера и Присмановой с поэтом Владимиром Львовичем Корвин-Пиотровским (в довоенный период Пиотровский; 1891–1966)¹, их совместное участие в группе «формистов» – литературном объединении, лишенном ясной и твердой творческой программы и организационных основ. Несмотря, однако, на известную зыбкость этого образования, дружба Гингеров с самим В.Л. Корвин-Пиотровским и его семьей – женой Ниной Алексеевной Каплун (1906–1975) и сыном Андреем – была подлинной и действительной, и публикуемые ниже письма наглядно свидетельствуют об этом.

Корвин-Пиотровские появились в Париже накануне II-й мировой войны, перебравшись туда из Берлина. В годы оккупации Франции Владимир Львович участвовал в движении Сопротивления, за что был награжден французской медалью Освобождения².

В начале 1961 г. семья Корвин-Пиотровских переехала в Лос-Анджелес.

Корвин-Пиотровский посвятил Присмановой стихотворение «Играл оркестр в общественном саду...» (1943), а она ему, в свою очередь, стихотворение «Сирена» (сб. Близнецы, 1946). Гингер упоминается в поэме Корвин-Пиотровского «Золотой песок» (1956), гл. IX.

¹ Наиболее обширный и подробный биографический очерк о В.Л. Корвин-Пиотровском см.: *Венцлова Томас*. О жизни и творчестве Владимира Корвин-Пиотровского // Корвин-Пиотровский Вл. Поздний гость. М.: Водолей, 2012. С. 584–609.

² См.: РН. 1948, 4 июня. Хотя Ю. Терапиано, Корвин-Пиотровского не любивший, писал после его смерти В. Маркову (20 апреля 1966 г.), резонируя на некрологическую статью Г. Струве (Дневник читателя: Памяти В.Л. Корвин-Пиотровского // РМ. 1966, 11 июня), квалифицируя ее как «очень объективную»:

Там только одна ошибка, – замечал он: – никаким «резистантом» (участником «Сопротивления») он не был, а просидел несколько дней в тюрьме по чернорыночному делу и вскоре был освобожден немцами. К<орвин->П<иотровский> после ухода немцев всем рассказывал, как он сидел за resistance и чуть не был расстрелян.

Я ему поверил и в статье о его книге стихов написал об этом <Терапиано Ю. Новые книги // РМ. 1960. № 1525, 14 мая. С. 6–7>. Но председатель «Общества русских резистантов» сообщил тогда мне, как на самом деле было (Если чудо вообще возможно за границей: 351).

Письма публикуются по автографам, хранящимся в Beinecke Rare and Manuscript Library (Yale University). Vladimir Korvin-Piotrovskii Papers. Gen MSS 598. Box. 1. Folder 42.

1

Письмо Присмановой^[1]

13/8? ^[2] <1939> ^[3]

Дорогие друзья, я вас не забыла. На другой же день после приезда я рыскала по соседним деревням – в поисках соснового леса для вас, чтоб поселить вас поближе к себе, но, к сожалению, безуспешно!.. Хвойных лесов здесь нет как нет, хотя вам, может быть, понравился бы чисто деревенский пейзаж на высоком берегу против нас... Не знаю, нашли ли вы уже что-нибудь в других местах – здесь (кроме как на самом острове) мебелированных помещений уже не осталось, можно поселиться только в отелях. О ценах на пансион и полупансион напишу карандашом в конце письма. Справлюсь о них сегодня же, прежде чем опустить письмо у вокзала. Мы ездим туда через день по очереди за покупками. Устроились в общем лучше, чем я думала. За 50 франков приобрели маленькую и старенькую, но всё же плиту. Суем в нее всё, что попало, причем топливо собираем тут же на острове, в зарослях. Приезжайте к нам, увидите всё на месте. Я мечтаю о вашем приезде, могла бы устроить вас у себя *на два-три дня*, но придется вам привезти с собою два пакета – постельный (две подушечки, два теплых одеяла и две больших простыни) и съестной (какую-нибудь крупу, макароны, сахар и немного масла или хотя бы жировых тикетов^[4]). Всё остальное можно купить здесь, на другом берегу. К сожалению, погода весьма негостеприимна – дождь и ветер каждый день! При первых лучах солнца Саша бежит на крышу – для солнечных ванн – а Сережа на «стад»^[5] – для прыжков и бега. Мы с Васей относимся к погоде равнодушнее – он всё норовит читать, а я писать... Написала стихотворение в 12 строф, с повествовательным сюжетом, – о сердце. Начинается так: «Я вырезала сердце из картона и сей картон повесила на торг. В душе моей имеется два тона, два жарких тона – жалость и восторг»^[6]. Очень хотела бы посоветоваться о некоторых местах с Вами, Володя. Если Вы с семьей никуда не выбрались из Парижа, навестите нас непременно, и чем скорее, тем

лучше, в первый же теплый день... Если хотите, известите меня о приезде, я могла бы встретить вас на вокзале. Поездов в «Вилен» очень мало: один утром (в 8 с половиной), другой днем (в 1 с половиной) и два или 3 вечером, из них первый в без пяти 6. Думаю, что и для вас и для нас больше всего подходит дневной. От вокзала до переправы на остров минут 20 или 25 ходьбы. Весь проезд (вместе с метро и лодкой) около 30 франков на человека – в оба конца. За ребенка проезд в лодке бесплатный. На острове сейчас довольно мало народу, но у мальчиков все-таки есть партнеры для игр и спорта. (Вася тщетно пытается поймать хоть какую-нибудь рыбешку, но есть приходится покупную соленую сардинку.) Я здесь почти ни с кем не встречаюсь, хотя со многими островитянами знакома. Ближайшие наши соседи русские – молодая наседочка с тремя цыплятами, очаровательными девчонками, и ее мамаша – портниха. Их домик – деревянная коробочка, а наш кирпичная, но в каждом два отделения! Надеюсь, вы вполне уже устроились на новой квартире^[7]. Как здоровье Андрюши^[8]? Мы будем, может быть, в конце этой недели в Париже и тогда, конечно, зайдем к вам. На всякий случай сообщаю вам письменно наш адрес, он весьма прост: Villennes-s/Seine Île de Médan (Seine et Oise)^[9]. От нас недалеко, на другом берегу, старинный замок, владенье Метерлинка, а на самом острове был раньше охотничий домик Золя, так что, как видите, эти места давно уже нравились «литературе».

Передайте от меня привет Ладинскому^[10]. Будьте здоровы. Целую вас и Андрюшу.

Ваша Аня

Вилен, 13-ое августа

Комната в отеле (с 2 кроватями) 35 фр<анков> в сутки без пансиона^[11].

Пока я писала вам это письмо, я решила поехать в субботу по разным делам в город и повидать вас лично (если вы еще никуда не двинулись), но на всякий случай посылаю письмо.

1. Отпечатано на машинке. Как уже было сказано во вступительной статье, на денежную компенсацию, полученную от автобусной компании в результате произошедшего дорожного происшествия, Гингеры приобрели домик на острове de Médan, откуда написано это письмо.

2. Дата со знаком вопроса проставлена от руки, по-видимому, получателями письма.

3. Год определяется по контексту.

4. Карточка на приобретение растительных жиров.
5. Stade – стадион, место для спортивных состязаний (*фр.*).
6. Эти строчки послужили подспорьем для завершения главки «Сердечные болезни» в лирической повести «Вера»: «Но и тебя (через житейский торг) / ведут две силы: жалость и восторг». Кроме того, соединением «жалости» и «восторга» отмечено стихотворение поэтессы «Сияние», посвященное памяти Р. Блох и включенное в книгу «Близнецы»:

Но след сияния живуч всегда
(лучи луны сияют и над моргом),
И в нас блестит, как некая руда,
соединенье жалости с восторгом.

Судьба этого стихотворения довольно причудлива: Присманова прибавила приведенную строфу, отбросив две другие, к уже существовавшему стихотворению «Кто просит нас влезать в глаза слепых?..», напечатанному в составе цикла «Пепел» еще до начала II-й мировой войны (и, соответственно, гибели Р. Блох) в журнале РЗ (1939. № 14, февр. С. 73–74). Следует при этом отметить, что данная контаминация, возможно, возникла под непосредственным гингеровским влиянием – его давним стихотворением «Жалоба и торжество» (1922), вошедшим в *П* и давшим впоследствии название третьему сборнику стихов *ЖиТ*.

7. Речь идет об устройстве Корвин-Пиотровских, покинувших Берлин, в Париже; первоначально они поселились в квартире по адресу: 7, Av. Général Laperrine (Paris, XII-e), впоследствии переехали на другую: 40, rue St. Lambert (Paris XV-e).

8. Речь идет о единственном сыне Корвин-Пиотровских Андрее (1935), в будущем Андре де Корвин, проф. математики в Хьюстоне.

9. Адрес вписан от руки: машинка Гингера-Присмановой имела только русский шрифт, см. также комментарий к рассказу-сценарию «Зиу-Зин» (Приложение II).

10. См. о нем прим. 9 к письму Б. Божнева Гингеру № 24, от 14 мая <1953>.

11. Эта приписка, как и было обещано, сделана от руки.

2

Письмо Гингера

Милая хозяйка

Мое письмо Вашему мужу было уже отправлено, когда я получил Ваше любезное приглашение. Спасибо, непременно приду, а если что-нибудь непредвиденное помешает, то предупрежу.

Хорошо было бы, если бы Ваш муж написал моей жене, как только сможет. Ей в глуши приятно получать письма.

Ваш Гингер А.

3

Письмо Присмановой^[1]

В. ПИОТРОВСКОМУ

Четверг, 11-го окт<ября>

Милый Володя, чувствую, что не скоро раскачаюсь на настоящее большое письмо Вам и Нине, но хочу все-таки с оказией подать Вам признак жизни... Дело в том, что горная улица (всё местечко состоит, в общем, из одной длинной и узкой улицы) невероятно шумная, несмотря на абсолютно нежилой вид домов (где все окна наглухо закрыты ставнями, а в постоянно раскрытой двери висят непроницаемые занавески). С утра до глубокой ночи всё лето на этой дороге галдеж, перекрикивань, руготня, бляенье коз, кудахтанье и кваканье, так что сосредоточить мысли и что-либо делать довольно трудно – ни глубоких дворов, ни садиков и в помине нет, и вообще зелени кот наплакал в этой деревушке. Но окрестности осенью такие картинные, что если б я была художником, я увезла бы отсюда кучу холстов... Впрочем я все это время мало гуляла, а больше сидела за письменным и кухонным столом и, несмотря на неподходящую обстановку, занималась приготовлением то пищи духовной (для других, но является вопрос – для кого?), то материальной – для собственной персоны! «Результатами» этих разносторонних трудов я в общем довольна и заранее жду с интересом мнения четы Корвин-Пиотровских (*по коей заметно соскучилась*). Вопросов никаких не задаю – скоро рассчитываю быть у вас или видеть вас обоих у себя. Не сердитесь на меня за долгое молчание, я не писала никому, кроме Саши <Гингера> и «детей»... До свидания.

Аня

1. Отпечатано на машинке.

5-ое ноября <19>39

Милый Владимир Львович,

Вспомните поговорку «лежачего не бьют» и примените ее, пожалуйста, ко мне: я как раз в лежачем положении. Пишу Вам хоть и на машинке, но в постели. У меня уже второй (за короткое время) бронхит. Здешние места необычайно приветливы к обитателям и суровы по климату^[2]. Но самое плохое то, что каждый день другое время года! На прошлой неделе была зима – еловые леса, деревни и дороги покрыты были снегом. (Снег здесь не хлопьями, а в виде частых белых брызг.) Снежный пейзаж меня очаровал – я не видела его 15 лет! Я несколько часов подряд была «на снеге» и «под снегом» и в результате, конечно, заболела. Теперь лежу в клетушке, размерами два метра на два, но с окном, откуда вижу луга и цепь холмов на горизонте.

9-ое ноября, четверг

Пишу через четыре дня, уже за столиком. (Вернее, это не стол, а крытая клеенкой доска, прибитая к стене.) Мне очень трудно Вам писать – я чувствую, что между нами нет контакта – Вы, вероятно, очень дурного мнения обо мне – за то, что я так долго Вам не отвечала! Но поймите, мне страшно трудно себя заставить сесть за письмо, и *это вовсе не невнимание к корреспонденту*, причина этого гораздо глубже – она уходит в область психопатологии. Мне кажется всегда, что я пишу не так, и главное, не то, что нужно, и это отсекает все мои стремленья. Особенно в такое время, как сейчас: ведь я не чувствую себя на высоте событий, я даже здесь не чувствую самих событий, и, значит, писать могла бы только о себе, но «я» без поэтического напряженья и без «Любви» холодное пустое место.

13-ое, понедельник

Передо мной через дорогу шагают гуси и коровы (беру их «рифмы» на подмогу). Надеюсь, Вы мой друг, здоровы и можете писать стихи, каких, увы, дела плохи. Иль, может быть, вернее плохи? На что найдете рифму сам – внимая «горним» голосам... Я их в горах совсем

не слышу. Снег тихо падает на крышу и, кроя дом мой покрывалом, концы все путает с началом. Я не могу писать стихов в деревне, где так много снега, что, на полозья встав, телега скользит, как в той рябой стране, что необъятна по длине, что непонятна по решеньям и *прет*^[3] к добру – не прегрешеньям...

Пока я Вам пишу, в духовке низенькой железной печки впервые в жизни у меня готовится «жаркое». На днях я приготовила «песочный торт». Жалею, что не могу Вас угостить плодами моих теперешних, столь необычных для меня незнаний! Я нарочно сдвигаю себя с «рельс поэтических» (имея в виду, конечно, стихи серьезные, а не такие пустяки, как те, что выше) на разные житейские занятия – для рук, а не для головы, которая, увы^[4], нуждается в покое. Я именно для этого осталась в горной деревушке и – для здоровья Васи^[5], который слишком утомляется в школе и должен, по-моему, всю зиму отдыхать. Дети, конечно, были в восторге от катанья на салазках. Но, к сожалению, снег уже сошел...

Сейчас восьмой час вечера. Сережа^[6] учит все уроки вслух (он ходит в школу, Вася <--> нет) и страшно мне мешает писать письмо. Вчера они играли в шахматы и вспоминали Вас. Мы все сидим в большой, но низкой комнате, которая нам служит кухней, детской и столовой. Моя же комнатка как бы отросток этой – она похожа на каюту. Особенно во время ветра, а ветры здесь как в океане по ночам!

Спасибо за стихи, но я уже их знала, по крайней мере то, где «эхо»: *его я даже знала наизусть*^[7]. Будьте здоровы. Жду от Вас письма^[8] и отнесусь к нему с большим вниманьем.

Как прежде помнящая Вас

А<нна> П<рисманова>

1. Письмо отпечатано на машинке.
2. Присманова в это время жила с детьми в деревне Фурноль (Fournols) в провинции Оверни (Auvergne) в центральной части Франции.
3. Это слово отмечено на полях знаком вопроса.
4. Слово «увы» дописано от руки.
5. Речь идет о старшем сыне Гингера и Присмановой Василии (Basile).
6. Младший сын – Сергей (Serge).
7. По всей вероятности, Корвин-Пиотровский прислал Присмановой свои новые стихи, и среди них «Звезда скатилась на прощанье...» (написано в Париже в 1939), в первой строфе которого появляется «эхо»:

Звезда скатилась на прощанье,
Твой взор зажегся и погас, –
Лишь эхо слушает молчанье,
Соединяющее нас...

Это единственное стихотворение, которое отвечает «требуемым условиям»: недавно написанное и с «эхом», хотя сам по себе образ «эха» относится в поэзии Корвин-Пиотровского к сквозным, многократно повторяющимся.

8. Дальше дописано от руки.

5

Письмо Гингера

5/II/1940

Cher Ami

Привет супруге^[1].

Я получил от Присмановой 4 новых стихотворения, которые значительно интереснее «Писем из Оверни»^[2]. Я их тебе пошлю, когда перепишу.

Когда 8-го января я вернулся из Оверни, я привез оттуда от Присмановой три колбасы для ее приятелей, одна из этих колбас предназначалась для Пиотровских. Я был уверен, что она уже давно вами съедена, но на днях узнал, что Ставровы^[3] ее вам не передали, так как просто ее от меня не получили. Выходит, что я, по всей вероятности, забыл ее тогда в Селекте^[4] на столе, или на стуле, или на диване, и, значит, ее кто-нибудь стащил, или еще что-нибудь в этом роде, чего я не могу сообразить.

Бесполезно ломать голову, моя совесть чиста. Колбасу вы получите, но с опозданием; но получите рано или поздно!

Я посылаю Присмановой два последних № «<<Бодрости>>»^[5]. Раньше мы получали № Бодрости по почте, но теперь нет, вероятно, в связи с изменением формата и цены. У меня не было первого литературного № с твоими стихами^[6], хорошо было бы, если бы ты его послал мне <:> 16 Square Alboni Paris 16 или Присмановой Madame Ginger Fournols (Puy de Dôme).

Я написал небольшое стихотворение, которое пошлю тебе для «<<Бодрости>>» с двумя оговорками:

1) я его не пошлю, если получу от Присмановой мнение, что оно определенно не годится

2) если она этого не напишет, то ты сам должен будешь решить, не является ли оно неподходящим формально или идеологически, и в этом случае ты не давай его в <<Бодрость>>, имея заранее в виду, что мое авторское самолюбие не будет затронуто ни в какой степени.

Я пишу потому, что не видел ни тебя, ни твоей супруги в «Селекте» все разы, что я там бывал последнее время.

Для конца – формула наших римских предков:

Если вы здоровы – хорошо; я же здоров^[7].

Твой Гингер А.

1. Упоминание о Н.А. Каплун см. во вступительной заметке.

2. Имеется в виду стихотворение Присмановой «Из “Писем из Оверни”», напечатанное за несколько дней до этого письма (Бодрость! 1940. № 258, 1 февр. С. 3) с посвящением А<лександр> Г<ингер>:

Ветер бьет на чердаке дверьми.
Горбя спину, бродит кот увечный,
Люди в поле сделались зверьми,
Звери в доме стали человечны.

Взятые войной из разных мест,
На морозе дружно спят солдаты.
В снежных розах спит ажурный крест,
Нет на нем ни имени, ни даты.

Снег летит на стертый пьедестал,
У деревьев утром облик древний.
Если б этот снег не перестал,
Стали бы сугробами деревни.

Снег мостом спускается на рвы,
На ветвях лежит он облаками,
Звездами – вокруг нашей головы.
Звезды те мы трогаем руками.

Снег летает. Тает в небе дым.
Над пекарней дым встает высоко.
Сверху хлеб стал от муки седым,
Но внутри него – немало сока.

Ночью месяц вносит серебро
В стекла церкви, в самый центр селенья.
Придает небесное добро
Зданиям налет переселенья.

С некоторыми изменениями, без предпоследней строфы, под названием «Снег» и датировкой 1942 включено в сборник стихов Присмановой «Близнецы».

3. Поэт, прозаик, переводчик, мемуарист Перикл Ставрович Ставров (1895–1955) и его жена художница-декоратор Марина Ивановна Ставрова. Ставров присутствует в *Альбоме* Гингеров первой строфой своего двустрофного стихотворения «Еще луна, синева и снег...» (Ночью. Париж: Объединение Писателей и Поэтов, 1937. С. 5):

Еще луна, синева и снег
На большом перекрестке пустынных дорог,
Еще слова сказал человек,
Слова, что раньше сказать не мог¹.

4. «Le Select» — парижское кафе (99, Boulevard de Montparnasse), одно из традиционных мест встреч русских эмигрантов.

5. «Бодрость!» – еженедельная (выходила по воскресеньям), позднее двухнедельная газета, орган младороссов; 1934–1940. Гингер, по всей видимости, говорит о №№ 257 и 258 «Бодрости!», соответственно от 14 января и 1 февраля 1940 г.

6. Корвин-Пиотровский напечатал в «Бодрости!» несколько своих стихотворений: «Дождь, дождь и дождь. И ночь. В окно...» (1939. № 256, 31 дек.; вероятно, именно о нем пишет Гингер как об отсутствующем у него), «Бродяга праздный на мосту...» (1940. № 257, 14 янв.) и «Покрыта лужица ледком...» (1940. № 259, 10 февр.).

7. si vales bene est, ego valeo (если вы здоровы – хорошо, я тоже здоров) – стандартная эпистолярная формула в Древнем Риме.

¹ 2-строфа:

Еще, как вчера настигла беда,
В стеклянное небо упирался дымок,
Еще, как вчера, никто, никогда
Огромного неба вместить не мог.

<февраль 1940>^[1]

Cher Ami

Привет супруге.

Посылаю стихотворение, которое, очень вероятно, не годится для печати. Присмановой оно очень не нравится, но я тебе его все-таки посылаю, так как те места, которые мне не нравятся, ей нравятся, и наоборот.

Пользуюсь случаем (будучи уверен, что ты не подумаешь, что это неискренне), чтобы сказать, что «Дождь, дождь и дождь» отличная вещь^[2]. Это даже почти «метать бисер» – кто из читателей оценит?! «Твои ладони мимо, мимо»^[3] тоже хорошо, но первое значительнее.

Если ты будешь мне писать, то пиши по адресу моей службы

Ginger

S<ociété> T<erres> R<ares>

67 rue de Prony

Paris 17

Всего лучшего.

А. Гингер

Через несколько дней пошлю тебе четыре новых стихотворения Присмановой. Ее адрес: Madame Ginger Fournols (Puy de Dôme).

1. Датируется предположительно по контексту.

2. См. прим. 6 к предыд. п. Очевидно, в ответ на слова Гингера об отсутствии у него соответствующего номера «Бодрости» Корвин-Пиотровский прислал ему стихотворение «Дождь, дождь и дождь...».

3. Заключительная строка из стихотворения Корвин-Пиотровского «Бродяга праздный на мосту...», см. прим. 6 к предыд. п.

Письмо Присмановой

Вечер, 7-го сентября <1940>^[1]

Дорогие Володя и Нина, поговорим прежде всего о том, что нас больше всего интересует – о музыке. Первые дни мне очень скучно было без рояля, но сегодня, совершенно случайно, я набрела на домик, откуда доносились звуки серьезной музыки. Хозяйка сказала мне (потому что я вошла к ней, не удержавшись от соблазна!), что я могу приходить хотя бы ежедневно и играть с ней в 4 руки. Я, конечно, воспользуюсь этим приглашением. Надеюсь, что концерты, которые вы посещаете, вас вполне удовлетворяют. Вчера я была в соседнем городе Beauvais, это в 15 километрах от здешней деревни. Поехала я туда за чернилами, а заодно осмотреть город. Увидела почти сплошные развалины – город сильно пострадал в начале этой войны. Почти все магазины помещаются теперь в бараках, так что центральная площадь и прилегающие к ней улицы напоминают ярмарку. На днях там была опять бомбардировка. Здесь вообще почти каждый день «alerte»^[2], и однажды даже в сад пансиона упали куски пулеметной ленты с неразорвавшимися снарядами. Это было при мне, но, к счастью, во время обеда, так что все священнодействовали в столовой... Пожалуйста, напишите мне как можно скорее и по возможности подробнее о себе. Мне интересно всё, что вас касается. Надеюсь, всё у вас в порядке. Письмо это закончу на днях, когда расскажу обо всем.

8-ое сент<ября>, среда

Дорогие друзья, постараюсь дать вам представление о том, где и как я теперь живу.

Заходящее багровое солнце висело над зелеными болотами, когда по пыльному шоссе, пересекаемому тощими козами, я шла со станции в деревню. Чахлые домики в виде бараков тянулись за шеренгой тучных яблонь. Огромные черные галки гуляли по голым полям. Две понурых особы встретили меня у высокой ограды запущенного сада и повели в пансион – долгий и низкий флигель (с часовней в одном конце и столовой с лепными Мадоннами в другом), весь набитый особами женского пола всех возрастов. С директрисой – тусклой и кругленькой, но весьма сухой и острой старой девой – я вошла в за-

росший плющом домик привратника, в белую от извести каморку под лестницей. Я увидела узкое окошко под самым потолком, пятна сырости в каменном полу, ряды вешалок вдоль стен и единственное яркое пятно – пунцовое стеганое одеяло на кровати. Эта келья с толстой трубой в углу потолка (от находящейся наверху уборной) должна была служить мне комнатой. Всю ночь мне на голову сыпалась штукатурка с потолка и грохотали в верхнем дортуаре кровати «колониальных» (т.е. отправленных с заводов и бюро в летнюю колонию), католически настроенных девиц. На другой же день я ушла из этого монастыря и поселилась на свой счет – в большой залитой солнцем комнате, перед которой в зеленом дворе клумба с персиковыми деревьями. Хозяйева очень милые, но хворые люди: она – разбита подагрой, он – скручен грыжей. По утрам я ем у них свою кашу, а обедать и ужинать хожу в пансион, т.е. в вышеописанное благочестивое foyer^[3]. Вот вам для примера несколько меню:

в 12 ½ дня

огуречный салат, макароны, сыр и яблоки или (на другой день) – баранья косточка с фасолью, салат и сладкая молочная мука.

в 7 ½ вечера:

горячая вода от овощей, называемая супом, вареный картофель и сладкий творог или: кусочек солонины, та же вода из-под овощей, вареный салат с соусом и два персика. Суп подается в мисках, овощи – в больших блюдах, и каждый берет их сколько хочет, обычно по два раза. В общем едой я вполне довольна, но я ведь не очень требовательна в этом смысле. Для меня главное, чтоб всё было приготовлено без моего в этом участия... Что касается продуктов вообще, то в здешней деревне абсолютно ничего нельзя достать, кроме, пожалуй, молока, да и то с трудом. Мне удалось иметь около литра в день, но я всё же жду, что мне под каким-либо предлогом скоро откажут. Я спросила в пансионе, сколько надо платить за ребенка – оказывается, столько же, т.е. 38 fr<sup>50 c^{entimes} в день. Это, собственно говоря, не пансион, а полублаготворительное и притом ярко католическое учреждение, где к иностранцам относятся довольно скептически. За столом, конечно, ни слова о происходящих событиях. Каждый, вернее, каждая, деловито и быстро вытирает тарелку хлебом (хлеб и сахар свои) и, попивая воду, изящно отставляет мизинец. За нашим столом 16 человек, но молчание почти могильное, и я, конечно, не решаюсь его прервать. Не думаю, чтоб такая обстановка вам понравилась, тем

более что местность здесь невероятно сырая – еще из окна поезда я заметила белые волокна тумана над травой. Оказывается, весь этот участок департамента болотистый.

11-ое сент<ября>, суббота

Хотела закончить и отправить вам письмо уже третьего дня, но у меня не нашлось конверта, и нигде его нельзя было достать. Пришлось в конце концов обратиться за конвертом к музыкальной даме, которая постоянно пишет своему сыну в Германию. Не думайте, что я забыла вас и потому до сих пор не писала. Я вспоминаю вас постоянно и хотела бы, чтоб вам было хорошо. Я очень рада, что Вы, Володя, раскачались купить мне карандаши – я постараюсь когда-нибудь отплатить Вам таким же вниманием. Будьте здоровы. Целую вас всех. Пишите.

1. Год определяется по контексту. В начале войны Присманова отправилась из Парижа в городок Verthescourt (департамент Oise, провинция Picardy) на севере Франции.

2. сигнал тревоги (*фр.*).

3. пансион, общежитие (*фр.*).

8

Письмо Присмановой^[1]

Четверг, 25-го ноября <1948>^[2]

Дорогие друзья, хочу поделиться с вами некоторыми «пиренейскими» впечатлениями...

Комната у меня большая, в два окна, к сожалению, довольно холодная. Напротив (через коридор) дортуар, где как раз теперь одна из обитательниц играет на гармонике. Я люблю этот род музыки – гармонику – она «принижает» и утешает! (что весьма не вредно для нас). Согласны ли Вы со мною, Володя? Я помню наш последний, совсем не кухонный разговор в кухне... Хотелось бы поговорить с Вами еще на эту и на другие подобные темы... Здесь, конечно, побеседовать не с кем. Все проявляют ко мне максимум внимания (может быть, потому, что я единственная иностранка!), но у меня в ответ самый минимум интереса. Конечно, я стараюсь скрывать это и даже иногда развлекаю

«больных» разбором характера по фотографиям и почерку. Это умение всех страшно поражает...

Большинство «клиентов» молодые девицы, живущие здесь по несколько месяцев – для починки и укрепления легких. Дом и образ жизни в «доме» вполне для этого приспособлены. Всё чисто и благоустроено, имеются даже две ванных комнаты... А вместе с тем по чердакам бегают крысы и грохотом своим будят иногда «больных» по ночам. И кухня – мрачное помещение с решетками на окнах! Кормят прилично и сытно, к обеду огромные эскалопы или бифштексы. (Но за ужином ни мяса, ни рыбы, одни только овощи, суп и сладкое.) Я, безусловно, от этой еды пополнила бы, если бы не какое-то недомогание – среднее между гриппом и глубоким бронхитом, от которого я с самого приезда не могу отделаться. По вечерам у меня повышенная температура, днем я чувствую себя неплохо и даже ежедневно гуляю, осматриваю окрестности. Здесь какие-то удивительно тонкие и длинные деревья (вероятно, тополи). Ветки их, голые и гибкие, напоминают собою прутья... А рядом кое-где пальмы и мелкие апельсины (при ближайшем рассмотрении это оказались какие-то другие плоды!..) В нашем парке широкие усыпанные листьями лужайки, на них – в солнечную погоду пестрые шезлонги с «больными». Послеобеденный отдых обязателен, и до звонка (вернее, до колокола) никто не имеет права двинуться с места. По вечерам свет надо тушить в 10 ½.

За дисциплиной, и за всем в доме, следит директриса, приземистая едкая старая дева, и ее племянница, красивая рослая брюнетка. Она пользуется авторитетом, пожалуй, не меньшим, чем тетка... Она бы Вам понравилась, Володя!

Саша <Гингер> написал мне, что Ваш доклад о Ходасевиче был очень содержателен и интересен^[3]. Как жаль, что мне не пришлось быть на этом вечере. Но к Вашему «личному» вечеру, надеюсь, буду уже в Париже^[4].

Главное наше развлечение здесь – получать утреннюю почту. Я из-за почтальона бываю на террасе уже в 10 час<ов> утра. Надеюсь, он доставит мне на будущей неделе письмо *от вас обоих*, милые мои друзья! Как здоровье Андрея^[5]? Собираетесь ли вы к нему на Рождество? Что нового у вас?

Нога у меня уже прошла, и я пошла, как прежде... Вчера, гуляя по дорогам, набрела на маисовое поле, где в хрустящей соломе работала черномазая румынская баба. Итак, кроме меня, здесь еще одна

иностранка!.. На здешних частоколах нередко опрокинутые глиняные горшки из-под молока. При каждой деревушке из десятка домов обязательно каменная серая церковь с острой главою и круглым задом... У подножия гор кретины пасут коров и овец... Над могилками, на полуразрушенных крестах – стеклярусные цветы аметистового цвета... В лавках продаются открытки, отпечатанные, кажется, в начале века...

Будьте здоровы, дорогие Нина и Володя. Вспоминайте меня иногда.

Ваша Аня

<на полях первой страницы:> Мой адрес: Maison de Ste Marie, Siradan (H-tes Pyrénées)

1. Отпечатано на машинке.
2. Год определяется по контексту.
3. Речь идет о вечере, состоявшемся 20 ноября 1948 г. и посвященном памяти русских поэтов: о своих встречах с А. Блоком вспоминал Н. Оцуп, об О. Мандельштаме рассказывал С. Маковский, Н. Татищев – о Б. Поплавском, А. Ладинский – о М. Кузмине; Корвин-Пиотровский выступил с воспоминаниями о В. Ходасевиче (Хроника 1(5): 278).
4. Литературный вечер Корвин-Пиотровского состоялся 18 декабря 1948 г.
5. См. прим. 8 к п. № 1, от 13 августа 1939 г.

9

Письмо Гингера

22 декабря 1948^[1]

Дорогой Володя

Под влиянием твоего и Ани <Присмановой> просвещенного мнения я изменил последнюю строфу следующим образом, каковой – если с какой-нибудь стороны может быть и не совершенен – во всяком случае, не выпадает из данного тембра:

Дела, отчаянья и розни
бесспоротно отмети;

ревнуй о том, чтоб к смерти поздней
с бесстрашным сердцем подойти ^[2].

Привет Нине.

С благодарностью.

Александр Гингер

1. Датируется по почтовому штемпелю на конверте.
2. Речь идет о заключительной строфе из стихотворения «Зрение», вошедшего в сборник *В* (С. 32–33).

10

Письмо Присмановой ^[1]

Воскресенье

5 Juillet 1953

Дорогие друзья, не ругайте меня: я всё это время чувствовала такую усталость, именно не слабость, а усталость, что целый месяц мне пришлось провести в почти полной физической и психической бездеятельности! Правда, за это время я нагуляла – вернее, належала 2 кило, но на мне это еще не видно. Володя перед моим отъездом просил меня (дал мне строгий наказ) пополнеть, «чтоб было за что подержаться», как он выразился... Думаю, что будет! Во всяком случае, начало положено. (К сожалению, пока – только сзади!)

Но довольно дурачиться, перехожу к серьезному – к экзаменам Андрея. Ну что, «как он, как они»? Надеюсь, всё в этой области протекает (или, может быть, уже протекло) блестяще?! Известите меня, пожалуйста, сразу обо всем! Мой адрес на весь июль:

Mme Ginger, chez Mr Boutique (Gustave)

Rue du Port

Laruns (B.P.)

Странно, почему в горной деревне rue du Port, однако это так. На этой улице несколько человек с фамилией «Boutique», поэтому лучше писать *rénom* ^[2] – Gustave.

Жена этого, уже пожилого Gustave, очаровательная испанка с поэтическим именем «Illuminata». Она такая симпатичная и так ко мне относится, что я в нее влюбилась.

Бедняжка! принимает меня за коренную парижанку и говорит, что теперь она «видит» (вернее, «слышит»), что парижане гораздо лучше, красивее и изящнее говорят по-французски, чем обитатели Низких Пиренеев. Это – на основании *моего* произношения. Поистине – *ou aiga tout vu* ^[3]! Эта испанка, кстати, первоклассная портниха (родом из Сарагосы), готовит мне молочную «кашку» по утрам и вечерам, а днем я хожу обедать в ресторан: одну неделю в коммерческий (на допотопных листках которого вам пишу), а другую – в эльзасский.

Опять странность: эльзасский ресторан у подножия Пиренеев! Сейчас сижу за железным столиком перед мраморным тротуаром. На короткий миг выглянуло солнце, и баск с пунцовой розой в зубах, проходя, сказал мне в виде любезности что-то по поводу того, кому я пишу. Кстати, знаете ли вы, как женский род слова «баск»? Я не знаю. Хотела бы знать также, уезжаете ли вы оба куда-нибудь на *vacances* ^[4] и, если да, то когда. Благодарю вас за хлебосольство по отношению к Саше <Гингеру> и *целую вас*.

Ваша Аня

<На первой странице, перед обращением:> P.S. Буду с нетерпением ждать от вас письма. Напишите подробно обо всем и обо всех.

Понедельник, 6-го

В виду того, что я долго не писала вам, я решила удлинить это письмо. Продолжаю его уже в своей комнате под журчание дождя и горных ручьев. Погода всё время сырая и туманная, так что я не могу, как следует, прогреться и продолжаю кашлять, хотя все-таки немного меньше, чем раньше.

Комната у меня с широким окном над аспидными крышами, по которым бегают кошки. Пришлось огородиться от них металлической решеткой, которую Сережа набил на деревянную раму. Так что я, как узница, за сеткой! Но передо мной дивный и широкий пейзаж: горы, ущелья, луга, поля, деревца и деревушки... Сережа и Аннет ^[5] приезжают ко мне по пятницам, когда у Сережи свободный день. Всё остальное время он страшно занят. Я провела у них 2 дня и видела, что его разрывают на части.

Теперь – окончательно кончаю.

Ваша А<ня>

1. Написано на почтовой бумаге Hôtel du commerce. Café – Restaurant. Vve Casassus&Fils, Laruns (В.Р.). Присманова в это время отдыхала в курортном городке Ларунс во французских Пиренеях.

2. prénom – имя (*фр.*).

3. on aura tout vu – дальше некуда! (*фр.*).

4. vacances – отпуск, каникулы (*фр.*).

5. Жена Сергея, невестка Гингеров.

11

Письмо Присмановой^[1]

13/9^[2] <1953>^[3]

Дорогие друзья, ваша карточка, сообщающая о втором вашем творении, Création, о вашем «деле», доставила мне большое удовольствие. Что касается его наименования, то я предполагаю, что вы имели в виду соединение в нем двух слов: Cor – охотничий рог (а не мозоль!)^[4] и вино – Vin, что придает мощный и какой-то даже «средневековый» характер всему^[5]...

Надеюсь, вы оба хорошо поправились и с новой энергией принялись за свое дело. Вы все-таки молодцы (простите за фамильярность!), вы отлично поставили его. К тому же вам, вероятно, повезло... Жалею, что вас нет со мною – с вами обоими мне всегда весело и приятно! Особенно мне нужно было ваше присутствие в августе. В той деревне, где я была тогда, я была так одинока, что даже скучала, чего обычно со мною не бывает^[6]... Но я чувствовала такую усталость, что не только писать, а даже читать не могла – меня сразу начинало клонить ко сну. Должно быть, я здорово переутомилась за эту зиму, и это сказалось, когда я стала отдыхать. (Это ведь всегда так бывает, напр<имер>, во время долгого пути!) Прибавила я в весе очень мало – может быть, кило 2. Не знаю, удастся ли нагулять еще...

Деревня, где я нахожусь сейчас, мне была уже знакома – я была в этих местах уже 10 лет тому назад, и у меня сохранились очень милые отношения со многими «домами». Обитатели их чрезвычайно просты, приветливы и гостеприимны. Погода, к счастью, хорошая – горы вокруг кажутся золотыми на фоне бледно-голубого неба... Два года назад я была на той же высоте (альтитюд)^[7], но там небо было сапфировое.

Население говорит по-эльзасски, т.е. в некотором роде по-немецки, что довольно приятно для разнообразия. Я написала здесь несколько немецких стихотворений. Но они настолько примитивны (во всех отношениях), что я едва ли решусь вам их прочесть.

Из всего Эльзаса (поскольку <sic> удалось его видеть) мне больше всего понравился город Кольмар. настолько, что я даже охотно поселилась бы в нем надолго, – если б только в нем была хоть маленькая русская колония и главное – несколько милых мне русских семейств! Этот город напоминает мне отчасти город Ригу, который дорог мне по воспоминаниям детства^[8]... Кстати, если прочесть слово «город» наоборот, то получится именно «дорог».

На этом кончаю письмо: я должна успеть еще написать Саше – скоро придет почтальон забрать всю отельную почту. Обо всем остальном расскажу при личном свидании – вероятно, после 20 сентября.

Целую вас нежно.

Искренне ваша Аня

12-ое сентября, пятница

Сейчас из страшной дали – за 7 километров отсюда – доносится колокольный звон, что очень приятно в тихий теплый день, на горном фоне...

Еще раз целую.

Листья на деревьях уже кое-где золотые и начинают опадать, что, конечно, менее приятно. Но в этом, как вы знаете, своя прелесть. Недаром мы с Вами, Володя, любим осень. С удовольствием думаю о новых стихах, которые Вы мне в Париже прочтете.

Еще раз целую, на этот раз уже специально Вас.

1. Отпечатано на машинке.
2. Как и в предыдущем письме, дата со знаком вопроса проставлена от руки.
3. Год определяется по контексту.
4. Французское слово *сог* может означать 'охотничий рог' и 'мозоль'.
5. Таким не лишенным ехидства образом Присманова откликнулась на то, что Корвин-Пиотровский решил объявить себя представителем древнего римского рода. Ср. в ее более позднем письме И. Чиннову, от 23 декабря 1956 г., где она величает Корвин-Пиотровских «семьей де Корвэн» (Письма запрещенных людей: 303). Возможное скрытое упоминание «рыцарского» происхождения, которое Корвин-Пиотровский всячески популяризировал,

содержит двестише из посвященного ему стихотворения Присмановой «Сирена»:

Так рыцари в крестовый шли поход,
Напутствуемые церковным звоном.

См. в воспоминаниях Ю. Терапиано, который, не скупясь на убийственную иронию и язвительность, писал о претенденте на древнюю родовитость:

Начав подписываться после войны «своей полной», как он говорил, «фамилией Корвин-Пиотровский» и надев на руку гербовый перстень, он всюду и всем с гордостью рассказывал историю своего рода, ведущего начало от римского полководца, а затем от венгерских королей, и писал о себе:

...Потомок славы европейской
Венгерских и иных корон...

хотя «слава» и «корона» потомства иметь не могут.

Когда С.Ю. Прегель перевела из Нью-Йорка в Париж свой журнал «Новоселье», на банкете, устроенном в честь «Новоселья», я оказался за столом рядом с Корвин-Пиотровским, которого знал мало. В течение всего обеда Пиотровский услаждал меня разговорами о своем происхождении и заставлял несколько раз разглядывать его «римский герб», пока, чтобы осадить его, я не сказал, что у римлян гербов вообще не было.

В этом стремлении поэта – в наше время, после всех потрясений и крушения всего – утешать себя аристократическим происхождением было что-то детское и даже жалкое (*Терапиано Юрий*. Литературная жизнь русского Парижа за полвека (1924–1974): Эссе, воспоминания, статьи. Париж; Нью-Йорк: Альбатрос – Третья волна, 1987. С. 239).

«Пикировка» между Терапиано и Корвин-Пиотровским на этом не завершилась. Последний, задетый рецензией Терапиано на свои рассказы, помещенные в 4-й книжке Мс за 1960 г. (С. 48–58), ответил ему в резкой форме, заметив, что Терапиано обучали русскому языку в Тифлисе (*Корвин-Пиотровский Вл.* Ответ Ю.К. Терапиано // РМ. 1960. № 1570, 27 авг. С. 7). На это Терапиано отреагировал объяснением своего «фамильного происхождения»:

Нет, я не обучался в Тифлисе, в котором, к сожалению, мне так и не пришлось побывать.

Вл. Корвин-Пиотровский имеет в виду, вероятно, мою фамилию.

Она – греческого, а не кавказского происхождения. «Терапия» – около Константинополя (*Терапиано Ю.* Вынужденный ответ // РМ. 1960. № 1570, 27 авг. С. 7).

6. См. предыд. письмо.
7. altitude (*фр.*) – высота (над уровнем моря).
8. Родившаяся в Либаве (Лиепая), Присманова часть детства провела в Риге.

12

Письмо Присмановой^[1]

б/д^[2]

Дорогие друзья, перед отъездом я была в таком состоянии духа и тела, что даже позвонить по телеф<ону> мне было трудно! К тому же было бесконечно много возни с квартирой... Сейчас, после 12 дней полного отдыха, начинаю чуть-чуть приходить в себя. Пансион довольно приличный и весьма недорогой. Пляж Опалового побережья с песчаными дюнами, только сосен нет и, к сожалению, нет солнца. Вместо него дождь и ветер... Но первые дни Саша загорал в обществе белокуро-шоколадных ундин. Вася <Гингер> уехал 22-го. Успел ли он вам позвонить? Как ваше здоровье и что нового вообще? Ответьте непременно на это письмецо. Взываю к Вам, Нина!

Дайте прочесть открытку Лидии Румановой^[3].

Обнимаю вас всех.

Ваша А<ня>

До 5-го авг<уста>: Ginger, Pension Duminel, rue Alphonse Deroussen

1. Написано на почтовой открытке с изображением Fort Mahon (местности на севере Франции, с песчаным пляжем на побережье Ла Манша), где Гингеры отдыхали в это время.

2. Открытка, по всей видимости, относится к концу июля 1957 г.

3. О Л.Е. Румановой см. комментарий к «Акротерцинам» в разделе Поэзия. Из неопубликованного, см. также «Акростих» («Листок альбомный ждал, а муза всё молчала...») (там же).

Beaufort sur Doron

Среда, 23-го июля <1958>^[1]

Дорогие друзья, не сердитесь за долгое молчание! Оно отчасти объясняется плохим самочувствием, отчасти невозможностью сконцентрировать мысли... Всю первую неделю я страдала расстройством кишечника, и это меня, конечно, сильно ослабило, поистине меня слабило и ослабило! Теперь эта напасть как будто прошла. Зато наступили холода и дожди, так что почти нельзя выходить. Я сижу сейчас с двумя белыми кофтами (вязаными) и с двумя синими руками (из собственной кожи). Саша, в ожидании звонка к ужину, лежит на кровати, укрытый одеялом и пледом. Только что, несмотря на мои протесты, купил в сувенирной лавке трубку, хотя в Париже у него их минимум 4. Перед нашим окном, которое и днем и ночью открыто, – огород, окруженный бурьяном, полуразбитый сарай и зеленый горный склон с еловым лесом. Налево заколоченный розовый дом какого-то парижского доктора, направо, в отдалении, плоское кладбище, одной из стен которого служит кинематограф!!

Хозяйка < – > очаровательная старушка: личико ее – печеное коричневое яблоко с вонзенными в него белыми искусственными зубами. Она в высшей степени внимательна ко мне и готовит для меня почти всё отдельно^[2]. Возможно, что я даже немного прибавила в весе, может быть, 1 фунт, точно не знаю, так как не помню, как была одета, когда взвешивалась в первый раз. Саша просит передать всем вам привет, я целую всех мысленно и *благодарю Нину* за то, что она аккуратно сдержала обещание и быстро написала! Давать наш здешний адрес теперь уже не стоит: мы через 4 дня уезжаем и проведем конец месяца в Париже, до переезда на остров^[3]. Ниночка, буду с нетерпением ждать ответного письма на *Thureau-Dangin*, 4^[4]. Мы уедем оттуда, вероятно, 31 июля. Меня очень интересует знать подробно *всё*, что касается вашей деревенской жизни, вашего здоровья и настроения! Вася <Гингер> проведет, вероятно, свои каникулы (август) в Италии. На случай, если Вы не успеете ответить в Париж, даю наш адр<ес> на острове: Ginger, «Île Platais». Villennes-sur-Seine (S. et O.)^[5].

1. Год приписан, по всей видимости, рукой получателей.
2. Взятое в скобки слово «режимно» зачеркнуто.
3. Об острове de Médan, куда Гингеры отправлялись почти каждое лето, см. во вступительной статье и во многих письмах Гингера и Присмановой, включенных в настоящее издание, в частности, тем же Корвин-Пиотровским, п. № 1, от 13 августа <1939>.
4. Парижский адрес Гингеров.
5. Île de Platais – другое название île de Médan.

14

Письмо Гингера^[1]

17 мая 1961^[2]

Дорогие Нина Алексеевна и Володя

Спасибо за память. Что касается меня, то моя «перемена» настолько значительна, что меня как бы больше вовсе и нет^{[3]!} «Случай тоже уж не новый» (Некрасов)^[4]: Будда говорит, что есть три бича – старость, болезнь и смерть!..

Надеемся, что у вас всё благополучно. Привет от Васи.

Ваш Г<ингер>

1. Написано на почтовой открытке с изображением парижской церкви Saint Antoine de Padoue.
2. Датируется по почтовому штемпелю.
3. В этих словах отразился кризис, наступивший в жизни Гингера после смерти Присмановой, которой не стало 4 ноября 1960 г.
4. Из стихотворения Н.А. Некрасова «Школьник» (1856).

15

Письмо от Гингера

Дорогой Володя

Отвечаю по порядку на все твои вопросы. Поживаю средне. Работаю по-прежнему (нерегулярно) корректором. Вижу тех же, что и раньше (кто не умер). Играю в покер с теми же. Результаты пере-

менные. Ты говоришь, что калифорнийские девицы не обращают на тебя внимания^[1], я могу сказать то же применительно к парижским девицам и мне. О смерти Божнева я ничего ни от кого не слышал^[2]. Его первая книга Борьба за несуществование <sic> 1925, вторая Фонтан 1927, потом: Silentium sociologicum 1936, Альфы с пеною омеги 1936, Утешенность разрушения 1939, Оратория для дождя, мужского голоса и тумана 1948, Колокольный звон над «Царство Божие внутри нас» 1948, Фуга светлых снегов 1948, Утро после чтения «Братьев Карамазовых» 1948, Элегия эллическая 1949, Уход солдат на русско-японскую войну 1949, Высоко белеющие строки и свист площади 1949, Чтоб дольше сна продлилось пробужденье 1959^[3]. Критика о нем говорила, но что, когда и где, я не помню. Его стихи печатались в разных изданиях и в антологиях <:> Якорь и На Западе^[4]. Я предполагаю, что у него было еще много ненапечатанного.

Я лично никому ничего не пишу и никого не поздравляю с праздниками, чем объясняется неполучение вами от меня писем, но я очень признателен, что вы не забываете, и посылаю искренний привет Нине Алексеевне и Андрею и естественно отцу семейства.

Твой А. Гингер

1. Как было сказано во вступительной заметке, в начале 1961 г. Корвин-Пиотровские перебрались в Лос-Анджелес.

2. Вероятно, Корвин-Пиотровский реагировал на какой-то ложный слух о смерти Божнева, распространившийся за океаном: тот жил в это время в Марселе (умер 24 декабря 1969 г.).

3. За некоторым исключением, Гингер перечисляет почти все многочисленные поэтические сборники Божнева, каковые, по всей видимости, подаренные автором, имелись в его домашней библиотеке (1-е изд. «Элегии эллической» увидело свет в 1940 г., Гингер упоминает 2-е изд. 1949 г.).

4. В Якоре Божнев был представлен 4-мя стихотворениями: «Ночь – женщина, мужчина – день...», «Не трогайте мои весы...», «Сокрыта звучная струна...» и «Струя прохладная поет...» (С. 90–91), а в На Западе – двумя: «Я был в тот день исполнен всякой скверны...» и «Да, червь, что точит наши силы...» (С. 105).

Б. Котляр ПИСЬМА ПРИСМАНОВОЙ И ГИНГЕРУ

О художнике Б. Котляре (1909 – после 1997), авторе публикуемых ниже писем, сохранилась крайне скудная информация. Известно, что он издавна входил в дружеский круг Гингера и Присмановой (см. в публикуемом ниже его письме Гингеру № 2: «У меня впечатление – как будто мы вернулись <на> тридцать лет назад – к молодости нашей дружбы...»), всецело разделял гингеровскую страсть к покеру и был неизменным участником карточных баталий «за столом бессонным»¹, которые после II-й мировой войны нередко проходили в доме матери А. Бахраха Раисы Григорьевны Дижур (Dijour), см. принадлежащую ему карикатуру на с. 203 данного тома².

Из письма уехавшей в Советский Союз Н. Столяровой к И. Карской в Париж (от 6 августа 1935 г.) мы узнаем о том, что у Котляра в середине 30-х гг., по всей видимости, появилось намерение покинуть Францию и вернуться на родину. «Как Котляр, – спрашивала Столярова подругу, – не собрался еще?»³ В конце концов Котляр от этого решения удержался и остался в эмиграции.

В своих письмах к Гингеру Г. Адамович несколько раз упоминает имя Котляра (всегда – по фамилии), в том числе и в связи с произошедшим между ним и Г. Раевским (Оцупом)⁴ столкновением, о ко-

¹ Из письма Б. Божнева Гингеру № 24, от 14 мая <1953>.

² По-видимому, именно Раиса Григорьевна, имевшая пса, получила в устах Гингера прозвище «собачья старуха», см. в нескольких фактически непрокомментированных публикатором письмах Г. Адамовича Гингеру – от 22 сентября и 27 ноября 1955 г. (Письма Адамовича: 275, 279). Карикатура впервые опубликована А. Устиновым на 1-ой странице обложки альманаха «From the Other Shore: Russian Writers Abroad Past and Present» (2003. Vol. 3).

³ «М<жду> пр<очим>, Ида, – писала далее Столярова, – какие здесь есть чудные музеи. Один из моих любимых – Музей западных искусств – большие коллекции Пикассо, Гогена, Ван Гога, Матисса, Ренуар'а. Я прямо опешила, когда увидела. Данная коллекция, кажется, Морозовская». И, сокрушаясь оттого, что творческая профессия перестала быть в Советском Союзе редкостью, добавляла: «Художники здесь у нас пользуются особым почетом (как, увы, и писатели). Мои портреты шагают сотнями по улице (чудно видеть на каждом шагу свои глаза, губы, руки...), и потому, кроме некот<орых> чудачков, вероятно, не придется позировать (помните?)» (Семейный архив Карских, Paris).

⁴ См. прим. 8 к письму Б. Божнева Гингеру № 24, от 14 мая <1953>.

тором идет речь в двух из публикуемых ниже писем. Столкновение произошло в доме Дижур и, судя по всему, во время карточной игры или, по крайней мере, на ее фоне. Кстати сказать, фраза из письма Адамовича Гингеру от 2 декабря 1951 г. позволяет думать, что сам этот скандал относится к концу 1951 г. Перечисляя возможных партнеров для очередной встречи за карточным столом, Адамович пишет:

Кого еще позвать? Раевский, к сожалению, невозможен¹.

И в следующем письме ему же, от 26 января 1952 г., уже из Манчестера, интересуясь актуальными парижскими новостями, включающими состояние поэзии и покера, а также состав карточных игроков (и главное – подысканной ему, неизменному участнику ночных покерных бдений, заменой), поминает Котляра:

Как и что в Париже? Как поэзия, как покер? Кем заменили меня у Раисы Григ<орьевны>? С одним Котляром скучно и невыгодно².

Из его письма от 4 декабря 1957 г. всё тому же Гингеру вытекает, что годы спустя инцидент между Котляром и Раевским, возможно, был улажен:

Надеюсь, Раевский с Котляром помирились, и комплект <игроков> можно собрать полный³.

А в письме от 22 мая 1963 г., прося Гингера, сообщить ему адрес Котляра, он замечает, что

это обидчивое полу-фюмье просило «прислать весточку»⁴.

Отраженные в двух публикуемых ниже письмах черты эмигрантского быта послевоенной эпохи, не лишённые, нужно сказать, некоторых пикантных подробностей, представляют несомненный интерес

¹ Письма Адамовича: 261.

² Там же.

³ Там же. С. 290.

⁴ Там же. С. 311. По-видимому, Котляр отличался обостренной обидчивостью или более того – «конфликтогенностью»: 1-е из публикуемых далее его писем к Гингеру указывает на то, что между ними тоже произошел какой-то разлад.

как правдивое и неотретушированное свидетельство об окружении Гингера и о нем самом.

Письма публикуются по автографам, хранящимся в University of Illinois Archives (Urbana-Champaign). Ms. 15/35/56 Sophie Pregel and Vadim Rudnev Coll. Box 1.

Публикация подготовлена в соавторстве с А. Устиновым.

ПИСЬМО К ПРИСМАНОВОЙ

Дорогая Анничка <sic>,

Посылаю вам копию письма, которое я послал Раевскому. Вы можете показать его Адамовичу и М^{me} Dijour, т<ак> к<ак> Раевский им хвастаться не будет.

В<аш> Котляр

<ПИСЬМО КОТЛЯРА К РАЕВСКОМУ>

Малоуважаемый Раевский,

Я не хотел устраивать скандал у М^{me} Dijour – но хочу тем не менее сказать вам, что я о вас думаю. Я самый честный человек, который когда-либо оказывал вам честь садиться с вами за один стол. Я смутно подозревал, что вы грязная личность. Я знал, что вы бездарный поэт. Я знал, что вы дурак (но это все знают!), но я не подозревал, что вы способный на гнусную клевету. Теперь я знаю, что вы на всё способны... Бог, который правду видит – накажет вас за вашу подлость. Ваша гнусная ложь не принесет вам счастья. Нет большей мерзости, нет большего греха, чем оклеветать глубоко честного человека. Вы самый грязный отец семейства, которого я знаю. Посылаю вам мое глубокое презрение.

ПИСЬМА ГИНГЕРУ

1

Дорогой →

Пользуясь указанием звезд^[1], я предлагаю тебе выкурить трубку мира. Так как я не чувствую никакой вины перед собой – и так как я считаю дружбу самой большой ценностью в жизни – я предлагаю тебе сказать, в чем ты меня упрекаешь, и установить нормальные, сердечные отношения. Я был у Раисы Григорьевны <Дижур>, и она меня очень мило приняла. Не думай, что я собираюсь играть. При одном виде Раевского – я способен вырвать на стол.

Не сердись на счет того, что «ты любишь деньги». В этом есть доля правды – но мне достаточно вспомнить твое всегдашнее внимание к моему сыну, чтобы знать, что ты способен на красивые жесты. Целуй Анну и скажи ей, что она не сдержала слова (она обещала по-телефонировать перед отъездом).

Надеюсь скоро получить ответ.

Будьте здоровы и счастливы.

Преданный Вам Котляр

1. Этот текст шел после вырезанного и наклеенного на лист, на котором написано письмо, газетного заголовка «L'horoscope quotidien: Taureau» – «Гороскоп на день: Телец» (*фр.*).

2

1 августа <19>57

Дорогой Шура,

Ты не можешь себе представить, как я был рад твоей открытке. У меня впечатление – как будто мы вернулись <на> тридцать лет назад – к молодости нашей дружбы – когда всё было так просто, хорошо и без «nuages»^[1].

Мы говорили о тебе с Раисой Григорьевной <Дижур> – и что ее <более> всего приятнейше поражает в твоих бесчисленных контрастах – это то, что «ты, который так любишь играть – бросаешь всё, чтобы выв<е>зти <sic> собаку погулять!»

Она перед этим преклоняется и не может себе объяснить, где ты берешь в себе столько самообладания. Я ей на это сказал – что ты ^[2] Immuable–impenetrable ^{[3]!}

Сфинксу приписывают всевозможные чувства – хорошие и плохие – а он остается immuable – impenetrable. Еще раз спасибо за открытку. Желаю вам провести хорошие vacances.

Целуй Анню <sic> и скажи ей, что я простил.

Буду рад вас скоро увидеть. С Гофф миниатюр<ами> я знаком ^[4].
Посылаю карикатуру, которая вас, быть может, развеселит ^[5].

Преданный Вам Котляр

1. nuages – облако (фр.), т.е. безоблачно.
2. После этих слов проведена стрелка к нарисованному сфинксу.
3. Immuable – неизменный, незабываемый; impenetrable – непроницаемый (фр.).

4. По всей видимости, имеются в виду две книги французского медиевиста Жака Ле Гоффа (Jacques Le Goff; 1924) «Marchands et banquiers au Moyen Âge» (1957), «Les Intellectuels au Moyen Âge», вышедшие в 1957 г. в парижском издательстве Le Seuil и ставшие научной сенсацией того времени: в них были представлены многочисленные иллюстрации средневековой миниатюрной живописи.

5. Речь идет о карикатуре на Дижур, о которой говорилось во вступительной заметке.

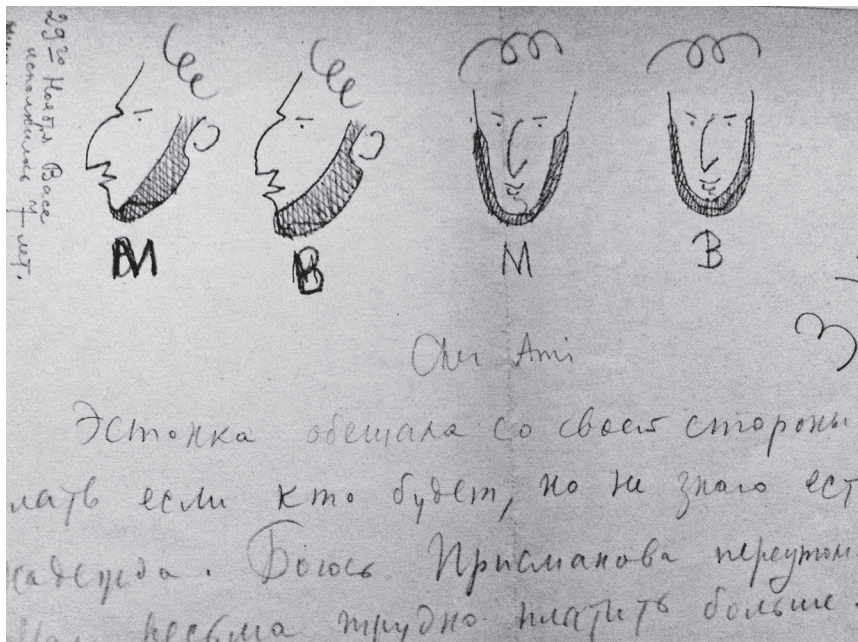
Обложка сборника стихов
А. Гингера «Преданность»
(Париж, 1925)
работы В. Барта

АЛЕКСАНДР ГИНГЕР

Автопортреты Гингера
из его письма С. Карскому
(ноябрь 1932)

ПРЕДАННОСТЬ

Art poetique

Александр Самсонович
Гингеру

Поэзия ты разве развлечение:
Тывлечение, отвлечение ты.
Безмысленное горькое реченье
Письмо луны средь полной темноты.

Он совершен твой фокус незаметный
И часть летит сквозь мокрые леса
Стен Филомелы глас зари ответный
Что повелит камешки сердца

Седалище земного Аполлона
Душа почит в холодном шествии
В огромном галстук, в парах одоколоне,
С утеронны месяцем на каменном лице.

Но вот летят над подлеском идеи
Он слушает с прищуренным лицом.
Как режиссер что говорит с борщом
Закуривает он кредиткой денег.

Слегка идет почесывая бланк,
На половину спит в иллюзионе,
Где Чарли Чаплин и Дуглас Фербанкс
В экране белом ходят как в хитоне.

Заходит в писатьер, в публичный сад.
Ползет вперед, котом спешит назад
И наконец вытаскивает фишку
Все падают и набивают шишку

И падают пальто их благородья...

С немытыми ногами слон в хитоне
Он смутно движется к жилищу Гесперид
Запугиваясь в фалдах, в смехе тонет
Являя задом безотрадный вид:

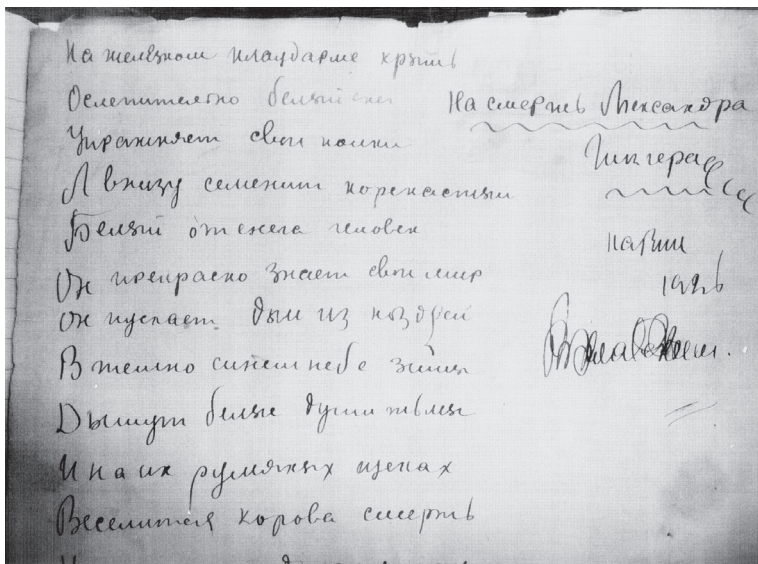
Изнанкой вверх усталый идет
Извержен смуть от музыки отвержен
Он хмуро ест различные супы
Он спит лицом в холодный суп повержен
Средь мелких звезд различной красоты.

P.S. Зубило Русскую литературу
Забавно потыкало никогда
не читала, как бы пробала
вспомнилась пень градь Белия
вспомнилась Ано вполонимши
старые стихи "кажель"
и переубеждаю и сроботилих иривитомил вилия и Диле

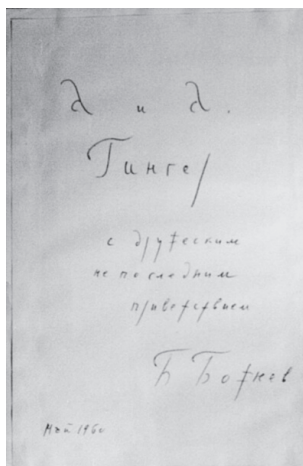
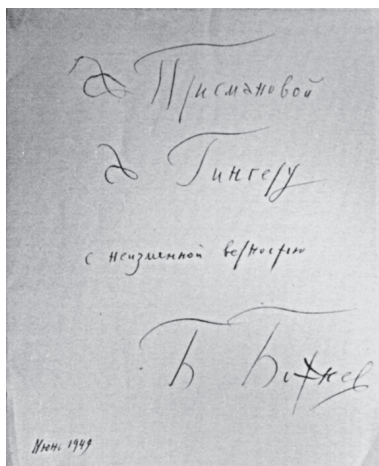
1925 - 1931

P.S. - Диле. Рубоник поклама ил
"убилеция Ано вротко"

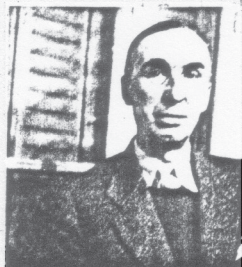
Машинописный автограф стихотворения Б. Поплавского «Art poetique», посвященного Гингеру

Автограф стихотворения Поплавского «На железном плацдарме крыш...»
 (На полях рукой Поплавского написано:
 «На смерть Александра Гингера Париж 1926»)

Инскрипты на книгах, подаренных Б. Божневым Гингеру и Присмановой
 (Хранятся в Liberal Arts and Sciences Russian and East European Center,
 University of Illinois Archives (Urbana-Champaign).
 Ms. 15/35/56 Sophie Pregel and Vadim Rudnev Coll.)

Где то бывае медведи
ка такомъ же бѣломъ лѣду
Повторяютъ "буки-вѣди"
Принимае за лѣду.

Где то рыскае верблюди
ка оранжовой пеккѣ
Опасаютъ просуду,
напѣвае "бре-ке-ке".

1. Все всегда когда то шло,
Времѣ лучше ползеѣ.
Мнѣ ^{шесте} ~~четырехомъ~~ когда
книги не пречеѣѣ.

Георгий
Ивановъ

Страница из Альбома Гингера: стихотворение Г. Иванова
«Где-то белые медведи...»

С.К. Маковский ПЕРЕПИСКА С ГИНГЕРОМ

Поэт, литературный и художественный критик, издатель, искусствовед, мемуарист, создатель и редактор знаменитого журнала «Аполлон», Сергей Константинович Маковский (1877–1962) попал в эмиграцию, имея за спиной богатое прошлое одного из известнейших деятелей культуры Серебряного века. Подводя своеобразный итог деятельности Маковского в парижском изгнании и связывая его имя с организацией издательства «Рифма», А. Бахрах писал, вспоминая «отца “Аполлона”»:

...в тяжелых условиях эмиграции Маковскому удалось нечто едва ли мыслимое. Он нашел меценатку, влюбленную в молодую поэзию, и с ее помощью основал небольшое издательство, выпустившее в послевоенные годы – шутка сказать! – несколько десятков сборничков зарубежных поэтов. Конечно, их удельный вес был не всегда однозначен, но не будь энергии Маковского, вероятно, большинство стихов целого ряда талантливых поэтов до скончания века пролежало бы в их письменных столах, если таковые у них только были¹.

Под «меценаткой, влюбленной в молодую поэзию», имелась в виду жившая в США Р.С. Чеквер, сама поэтесса, на деньги которой (точнее, на деньги ее мужа, предпринимателя и общественного деятеля Льва Иосифовича Чеквера) в Париже было создано издательство «Рифма»². Главным редактором стал С.К. Маковский, секретарем – А.М. Элькан³.

¹ Бахрах Александр. Отец «Аполлона» // РМ. 1979. № 3243, 15 февр. С. 11.

² В своих воспоминаниях К. Померанцев пишет:

Один из моих знакомых Л.И. Чеквер и его жена поэтесса Ирина Яссен предложили мне издавать сборники русских поэтов-эмигрантов. У Чеквера была в Нью-Йорке какая-то бухгалтерская контора, дававшая ему довольно приличный заработок, и жена уговорила его пожертвовать необходимую сумму долларов на издание поэтических сборников. Л<ев> И<осифович> с радостью согласился, и издание было поручено мне.

Но я быстро сообразил, что было бы смешно, чтобы сборники издавал я, когда в Париже находится Маковский, больше чем профессионал такого дела.

Так родилась «Рифма» <...> (Померанцев: 77).

³ См. о ней прим. 2 к письму Гингера Андреевым.

Публикуемые ниже письма Гингера С.К. Маковскому представляют интерес прежде всего с точки зрения возникшего в их отношениях инцидента, связанного с включением в книгу стихов *В*, готовившуюся к выходу в издательстве «Рифма», сонета «Лоно». Этот эпизод, помимо сугубо исторической фактурности, служит самой, как кажется, известной и красочной иллюстрацией к упрямому неповиновению и несговорчивости Гингера и как человека, и как поэта. Вспыхнувший между ним и редактором «Рифмы» С.К. Маковским конфликт закончился в следующем.

Сонет «Лоно» («Просительной не простираю длани...») поначалу увидел свет в первом сборнике Гингера *СВ* и был хорошо известен, по крайней мере в окружении автора, в первые эмигрантские годы (см. приводившийся во вступительной статье рассказ Г. Издебской о выступлениях Гингера с этими стихами в «Гатарапаке»)¹. Спустя более тридцати лет поэт пожелал включить его в *В*. Редактируя этот сборник, Маковский в категорической форме потребовал снять режущее слух слово «мечт» в заключительном трехстишии, изменить последнюю строку предпоследнего трехстишия «Трепещет сердце, предвкушеньем радо», доказывая автору, что нельзя радоваться чему-то, а можно лишь чему-то, т.е. вместо использованного Гингером творительного падежа необходим в данном случае дательный. Но главное раздражение Маковского вызвал архаизм «матерное лоно» в значении «материнское». Из-за всего этого между ним и Гингером разгорелся спор.

Современник рассказывает об этих событиях следующим образом, хотя и ошибается, приписывая истории счастливый для Гингера финал:

В рукописи сборника стихов, который должен был выйти в издательстве «Рифма», руководимом бывшим редактором знаменитого «Аполлона» С.К. Маковским, находилось одно стихотворение, «Лоно», с такой строкой: «вернулся скуден к матерному лону». Маковский счел слово «матерному» недопустимым для стихотворения. Гингер, ссылаясь на «Даля» и на «Грота», настаивал и не сдавался. Тогда С<ергей> К<онстантинович> отправил ряду литераторов (Зайцеву, Ремизову, Адамовичу, Георгию Иванову, Смоленскому и кому-то еще) циркулярное письмо (не называя, конечно, автора) с просьбой высказаться о тяжбе. Определенно положительно высказался только Ремизов, Адамович

¹ Автограф сонета см.: т. 1, с. 225 настоящего издания.

колебался, всё же остальные были на стороне Маковского, который всё же покорился (думаю, из-за «языкового авторитета» Ремизова), и слово «матерное», в смысле родного, материнского, получило право гражданства в «Рифме»¹.

«Лоно» вовсе не было включено в *B*, но сама эта история растянулась на несколько лет.

В письме от 6 мая 1953 г. Адамович оповещал Гингера об обращении к нему, Адамовичу, редактора «Рифмы»:

От Маковского я получил третьего дня Ваш сонет и тут же вернул его ему с резолюцией. Смысл ее был в том, что 1) «матернее» – чисто русское слово, у Даля подтвержденное пословицей о «матернем сердце»² 2) «мечт» – по Ушакову не употребительно, но мнение Ушакова произвольно и никаких незыблемых законов на этот счет нет и быть не может. Я указал Маковскому на «мачт» и «почт», но жалею об этом. Он может возразить, что «мачта» и «почта» сохраняют в именит<ельном> падеже множеств<енного> числа ударение на первом слоге, вследствие чего «мачт» и «почт» меньше режет слух. Но «черта», например, множ<ественное> число «черты, черт»... почему же возражать против «мечт»? Я лично не употребил бы этого слова, но не вижу возражений. Главное же, и это я написал Маковскому: всё это вопросы *стиля*, а стиль Вашего сонета требует таких изысков и вольностей. Стиль выдержан, а грамматика тут ни при чем³.

И далее, соглашаясь с Маковским в связи с его замечанием по поводу строчки «Трепещет сердце, предвкушеньем радо», Адамович писал:

¹ Померанцев: 58. По утверждению Ю. Терапиано, Маковский ограничился А. Ремизовым и Г. Адамовичем (*Терапиано Юрий*. Литературная жизнь русского Парижа за полвека (1924–1974): Эссе, воспоминания, статьи. Париж; Нью-Йорк: Изд-во Альбатрос – Третья волна, 1987. С. 229).

² Несколько раньше, в письме от 9 октября 1952 г., подтрунивая над Гингером, Адамович писал ему:

Честное слово, собираюсь писать Вам каждый день, чувства к Вам питаю самые матернии, а собраться всё не могу (Письма Адамовича: 264).

Годы спустя, в некрологе Гингера, Адамович в связи с «матерним лоном» писал:

Эпитет, выбранный Гингером, устарел, вышел из употребления, и лично меня он коробил не грубостью, нет, а некоторой манерностью (*Адамович Георгий*. Об Александре Гингере // Мс. 1966. № 12. С. 267).

³ Письма Адамовича: 266.

Каюсь, я не заметил «предвкушеньем», приняв его за «предвкушеньям» – дат<ельный> пад<еж> множ<ественного> числа. Тут, пожалуй, Маковский прав, и Ваша ссылка (в письме), что если можно быть обрадованным чем-либо, то можно и радоваться чем-либо, меня не убедила. «Обрадован» – пассивная, страдательная форма, где подразумевается то, что вызвало радость (лицо, поступок, известие и т.д.), откуда творительный падеж «чем, кем это сделано?» «Рад» – форма иная, где радость есть мое, мной достигнутое или найденное состояние, без указания, что кто-то или что-то меня в него ввергли. Впрочем, je n’insiste pas¹, и хотя грамматика против Вас, но грамматика – особенно русская – требует форточка, откуда шел бы свежий воздух. Во всяком случае, я Маковскому о «предвкушеньи» не упоминал².

Как бы то ни было, Адамович, у которого Гингер и Присманова вызывали безусловную человеческую и творческую симпатию и который относился к ним как к своим друзьям³, давал автору «Лона» вполне разумный совет уступить Маковскому:

Не капризничайте, что без означенного «Сонета» сборник Вам не нужен и не желателен. Вы правы упорствовать, он неправ – и не квалифицирован – возражать, но если бы действительно надо было обойтись без сонета, всё же сборник стоит такой жертвы. Вы – украшение нашей поэзии, и Ваш сборник будет ее торжеством и праздником. Не стоит из

¹ не стану настаивать (*фр.*).

² Письма Адамовича: 266–267.

³ 22 октября 1954 г. Адамович писал Ю. Иваску:

О Гингере хочу Вам сказать следующее. Он хотел, чтобы его сборник был издан «Рифмой», Маковский взял, повертел, понюхал – и решил, что стихи малограмотные. Между тем, в одной строчке Гингера больше умения, своеобразия и ума, чем во всем, что сам Маковский когда-либо сочинил! Это произвело в Париже некоторый шум, отчасти даже возмущение (не везде) (Сто писем Георгия Адамовича к Юрию Иваску (1935–1961) / Предисл., публ. и коммент. Н.А. Богомолова // Диаспора: Новые материалы <Вып.> V. Париж; СПб.: Athenaem–Феникс, 2003. С. 429).

Впоследствии Ю. Иваск перенесет похвалу Адамовича Гингеру в свою «Похвалу российской поэзии»:

Русский Монпарнас в Париже относился к Александру Гингеру и Анне Присмановой благодушно, но всё же их не принимал всерьез. Но в их патетике, смешанной с комизмом, во всех их нелепицах куда больше поэзии, чем во многих очень «средних», дюжинных стихах поэтов, писавших неплохо, но очень уж аккуратно-меланхолично, как того требовала Парижская нота (НЖ. 1986. № 162. С. 116).

пустяков упускать случай его выпустить, как граф Шамбор с флагом. <...> «Сонет» очень мил, но не такой уж бессмертный шедевр, чтобы из-за него умирать¹.

Однако Гингер «закапризничал» и не уступал, и эта дискуссия приобрела достаточно затяжной характер. 28 марта 1955 г. Адамович ему писал:

Всё хочу Вас спросить – и забыл об этом, когда был в Париже: видели ли Вы в предпоследнем номере «Нов<ого> Журнала» цитату из Макса Волошина:

И матерные органы Европы...

Я Волошина не особенно уважаю, но для Маковского, кажется, это великий мэтр и авторитет. Что же он думает об этих строчках?²

Автор «Лона» в конце концов уступил: *В* вышла без этого сонета, вызвавшего его полемику с редактором «Рифмы». Однако за свою несговорчивость он заплатил высокую цену: сборник пролежал без движения четыре года и увидел свет лишь в 1957 г. (хотя в одном из писем Гингер, как можно думать, вполне искренно, говорит о том, что не особенно гонится «за появлением этих стихов в печати» и не

¹ Письма Адамовича: 267.

² Там же. С. 276. Сообщаемый Адамовичем факт основан на недоразумении: в «предыдущем», т.е. № 39 НЖ, увидевшем свет в декабре 1954 г., действительно имелась подборка волошинских стихов, предназначавшихся для книги «Пламена» («Война и революция»), много лет пролежавших в архиве А.К. Шервашидзе и напечатанных со вступительной заметкой самого Маковского (С. 133–142). Однако стихотворения «Европа» (1918), откуда Адамович приводит цитату, среди них нет. В. Крейд, опубликовавший письма Адамовича к Гингеру, отсутствие этого стихотворения в подборке не оговаривает. «Европа» Волошина была в эмиграции хорошо известна: СЗ напечатали это стихотворение в № 4 за 1921 г. Очевидно, ошибка Адамовича возникла из-за того, что во время беглого просмотра НЖ ему бросилась в глаза строфа из стихотворения «Русская революция», где используется та же рифма «Европы–тропы» (С. 136):

Не нам ли суждено изжить
Последние судьбы Европы,
Чтобы собой предотвратить
Ее погибельные тропы.

Ср. в волошинской «Европе»: «Сюда ведут страстных желаний тропы, / Здесь матерные органы Европы».

слишком волнуется относительно того, увидит ли сборник свет когда-нибудь вообще). Редактировавший, по просьбе Маковского, рукопись сборника В. Булич «Ветви», Гингер, как мы помним, писал автору 24 марта 1954 г. (п. № 4):

Дорогая Вера Сергеевна.

Маковский хочет без переводов, он говорит, что так самостоятельнее и цельнее для книги. Несмотря на наши с ним нелады (он не хочет выпускать меня в серии «Рифма», которую он редактирует, потому что я отказался выкинуть одно стихотворение, которое его раздражает), он поручил мне заниматься Вашей книгой.

Интересно, что ни в начале инцидента, ни потом, в его продолжении, Гингер никак не проявил вполне, казалось бы, объяснимых в данной ситуации негативных чувств к Маковскому, сохранил с ним ровные отношения и, более того, писал тому в почтовой открытке, датированной 8 июня 1953 г.:

Сонет нас вовсе не разделяет: я никогда не считал, что то, что я пишу, безусловно и должно нравиться и что меня обязаны печатать. Кроме того, я нахожу себя очень интересным в роли непризнанного гения.

И даже на советы привлеченных Маковским для разрешения спора «арбитров», типа «продолжать учиться», которые могли бы другого вывести из себя, Гингер отвечает вполне невозмутимо: «За совет продолжать учиться – спасибо, так и делаю...»

Если вдуматься в суть этого инцидента, за гингеровским поведением откроется не только неумолимое упрямство, но и, по существу, глубокая философская уравновешенность, нежелание добиваться своих интересов штурмом, а на этом фоне – глубокая верность собственным принципам, о чем, очерчивая его нравственный облик, писал в своих воспоминаниях А. Бахрах:

Чтобы поглубже окунуться в ту атмосферу, которая когда-то была для меня привычной и в которой большую роль играло его общество, чтобы мысленно восстановить его голос, свойственную ему гнусавость, особенно им подчеркиваемую, когда он читал стихи, я разложил перед собой веером четыре его стихотворных сборничка, пятый у меня не

сохранился. Один из них озаглавлен «Свора верных», другой «Преданность». Заглавия подлинно многоговорящи, потому что верность, преданность, непоколебимая лояльность были наиболее характерными его чертами. Но преданность и верность чему? Той внутренней этике, которую он раз-навсегда для себя выработал, не подвергая ее никаким приводящим политическим или иным ветрам¹.

Именно этими неотменимыми никакими внешними обстоятельствами этическими законами диктовались мировоззренческие и поведенческие черты Гингера, даже когда то и другое встречали непонимание окружающих. Характерно в этом отношении, что при публикации «скандального» сонета в сборнике *С* он не внял ни замечаниям Маковского, ни колебаниям Адамовича и, сделав в конце концов всё по-своему, остался верен первоначальному варианту.

Завершая описание этого характерного для Гингера отстаивания своего понимания образного языка и собственных принципов поэтики, следует сказать еще вот о чем. «Матернее лоно» (= «мать сыра земля») – не какой-то фрагментарный образ, а концептуальный лейтмотив, то и дело возникающий в его стихах. Ср., например, в стихотворении «Повесть»:

Потому что даже и в ненастье,
Даже в буре, даже и во мгле,
Я пылаю беспрестанной страстью
К дару, к дару, к радостной земле.

<...>

И тогда бы – верный сын вселенной –
Прославляя солнце и луну,
Встал бы я, как ныне вдохновенный,
И сказал бы: Дай к тебе прильну,

Грудь сырая! так люблю, богиня,
Так люблю я, так тебя люблю,
Что княгиня или герцогиня
Не могли сказать бы королю...

Таким образом, Гингер в споре с Маковским проявлял не некое твердокаменное упрямство, но фактически отстаивал свою поэти-

¹ Бахрах 1980: 140.

ческую правоту. При этом речь шла об образе, который не просто случайно сорвался с его пера, а был в высшей степени близок ему и сокровенен и к которому он пылал, как сам писал, «беспрестанной страстью».

В разных мемуарных свидетельствах и их позднейших (не свободных от искажений) перепевах называются разные участники «судейского арбитража», кого Маковский привлек для разрешения своего с Гингером спора. Публикуемые письма если не конкретизируют персональный состав судей, то по крайней мере указывают на их число – 13, которое не названо ни одним из мемуаристов, и тем самым придают этой истории неопровержимую силу документа¹. Узнаем мы также, что среди опрошенных были такие, кто признал сонет вполне пригодным для публикации или отметил как удачные отдельные его элементы. Наряду с этим, как явствует из ответов Гингера на мнения, собранные Маковским, помимо пресловутого «матерного лона», мелкие придирки распространялись и на другие образы стихотворения.

В *Альбоме* Гингеров Маковский представлен стихотворением «Погост»:

У часовни, вдоль ограды,
приютился небольшой погост,
зябко жмутся каменные гряды
плит забытых в человечесий рост.

Злые, добрые – все вместе.
Всё минулось. Высохли цветы,
над венками из травленой жести
покосились урны и кресты.

Тихо... Эту тишь и хрустом
суетных шагов не возмутишь.
Страшно от нее, темно и пусто,
мертвая не милостива тишь.

Тишь неплодная, чужая,
обездоленная навсегда –
дверь из вечности земного рая
приоткрытая туда, туда...

¹ Возможно, еще одним автором отзыва, откликнувшимся на просьбу Маковского, – помимо уже известных – был Э.М. Райс, см. прим. 6 к его письму Гингеру.

Тьма – всесущее зиянье –
не твоя, не Божья и ничья.
Не погост могильный, не молчанье,
а дыхание небытия.

Письма Гингера Маковскому публикуются по автографам, хранящимся в РГАЛИ (Ф. 2512. Оп. 1. Ед. хр. 190. Л. 1–8), письмо Маковского Гингеру – по автографу, хранящемуся в University of Illinois Archives (Urbana-Champaign). Ms. 15/35/56 Sophie Pregel and Vadim Rudnev Coll. Box 1.

ПИСЬМА ГИНГЕРА МАКОВСКОМУ

1
Л. 1

<по всей видимости, рукой С. Маковского: А.С. Гингер 25/IV
<19>51>

Дорогой Сергей Константинович

Спасибо за книгу «Круг и Тень»^[1]. Всё прочел и получил большое удовольствие. Не буду говорить, какие именно стихотворения мне понравились больше других, тогда пришлось бы самому себе (если не Вам) объяснять, чем одно лучше другого, а между тем в книге нет ничего пустого и незначительного. Скажу только, что «Юг» и при чтении глазами так же показался хорош, как тогда на слух. А также «Из окна вагона» – это очень интересно, эти крохотные метеоры, и вообще весьма «enlevé»^[2]. Кстати, возвращаясь к «Югу»: самый, так сказать, предлог этих стихов мне очень близок, солнце, оливы... Это прямо не относится к Вашим стихам, а так, в порядке воспоминания: один из самых счастливых моментов в моей жизни (это может даже показаться несерьезным) < – > это как в необыкновенно жаркий день в Ницце я пью на одном углу виноградный сок, который тут же выжимается из гроздьев, а солнце в это время печет (мою) голую спину. Это такое же сладострастье, как другое. Что касается сюиты

«Слова» – из того, что я называю «Стихи о стихах», то это всё очень задевает каждого стихотворца, а кроме того, я вполне могу понимать Вашу техническую работу, которую Вы тут проделали.

С чем и остаюсь

Готовый к услугам Гингер А.

1. Пятая книга стихов Маковского «Круг и тень» вышла в издательстве «Рифма» в 1951 г.

2. enlevé – исполненный вдохновения, смелости; охваченный порывом; блестяще выполненный (*фр.*).

2

Л. 3–4 об.

1953

Дорогой Сергей Константинович.

Не знаю, как и благодарить Вас за беспокойство. 13 отзывов – ценный психологический документ^[1]. Литературная и человеческая значимость – различного качества. Авторство отзывов мне неизвестно. Далее – краткие ответы каждому. В этих ответах нет ничего конфиденциального.

1. Наиболее абсурдный из отзывов <:> «Поставьте мягкий знак...» Что это значит? *p* перед *o* всегда твердо, а перед *e* – всегда мягко, так же как *д* твердо в слове *двор* и мягко в слове *две*. Не пишете же Вы *ь* в слове *вечерний*. За совет продолжать учиться – спасибо, так и делаю; только не тому русскому языку, который имеет в виду № 1.

2. Возражения веские. Для рапорта, протокола и пр. – целиком согласен, для стихов – не целиком. Ответ заодно всем: никак не возьму в толк, чем плохо «нежности гуляний»: ... тишайшим травам – нежности гуляний... значит: тишайшим травам, которые являются нежностью гуляний; а гуляний вместо прогулок, с моей точки зрения, допустимо. «Мечт» следует сопоставлять не с «мачт, почт», а с «черт».

3. Дело вкуса. Непристойная ассоциация у одних возникает, у других (в том числе и у меня) – нет. «Коленносклонный» я лично как раз считаю очень удачным. Повторяю: дело вкуса.

4. Вежды нельзя закрывать с точки зрения пуристов, но с этой же точки зрения нельзя, скажем, закрыть окно в вагоне железной дороги,

где окно (т.е. стекло) поднимается; я не сторонник такого пуризма. Почему «избегать надежды» нехорошо – не понимаю. Я рад чему-нибудь, да; но, например, «я радуюсь вашими радостями», отсюда недалеко до «я рад вашими радостями»; а «я рад вашими радостями» не то же по смыслу, что «я рад вашим радостям». «Желание удивить новизной» приписано мне ошибочно. Что значит «грубо образованные галлицизмы» – не знаю.

5. Спасибо за «умен и тонок». Не заслужил. Спасибо за «талантливый». Не заслужил (впрочем, не мне судить; если это правда, то тем лучше). Признанья вовсе и не требую, но категорически отрицаю, что мой способ поэтического выражения всего того, чем я жив, есть не что иное как игра в косноязычье и нарочитое нанизыванье чудачеств. А что стихи мои могут не нравиться и могут быть неудачными, с этим согласен.

6. Отзыв благожелательный, благодарю. Автор этого отзыва считает сонет приемлемым.

7. Откуда № 7 взял, что я считаю свои слова лучшими словами в лучшем порядке? Напротив, я считаю их странными словами в странном порядке и считаю, что это – прерогатива поэтического языка.

8. Очень дельно. Прошу Вас передать номеру 8 мою признательность (не знаю, кто это) и уважение.

9. Второй из опрошенных, считающий сонет вполне приемлемым.

10. Совершенно согласен относительно выкрутасов и т.д., и в эту «Весть» как раз не включил многого – из желанья избежать выкрутасов. Однако действительных или (преимущественно) кажущихся выкрутасов всё же немало, чем отчасти и объясняется тот факт, что я и не гонюсь за появлением этих стихов в печати. Но все же я думаю, что в этой книге, взятой как целое, есть не только «несозвучность моменту», но и другие – положительные – элементы.

11. «Матернему» значит принадлежащему матери. «Материнскому» значит свойственному матери. «Нежности», как я уже говорил, не множественное число и не родительный падеж, а дательный. Если дата может служить объяснением, то тем самым она может служить и оправданием, ибо «понять – простить»; впрочем, я принимаю на себя ответственность за этот сонет и не считаю его недостойным напечатания в настоящее время, поскольку вообще могут быть достойны напечатания мои стихи.

12. Ответ серьезный, отношение внимательное. Я сам рассматриваю «рбсы» как поэтическую условность; но, с моей точки зрения, эта условность гармонирует с тоном всего стихотворения. Очень доволен, что № 12 находит, что «предвкушеньем радо» – «смело и удачно». Очень, очень доволен.

13. Действительно, приведенные две строки носят антологически-лапидарный характер, и это правильно подмечено. Остальное в отзыве, так же, как у № 3, дело вкуса. «Упрямый педант» – мне понравилось, это даже остроумно.

Еще и еще раз благодарю Вас за то, что Вы не пощадили трудов и времени. Выйдет ли моя «Весть» когда-нибудь – не знаю и не волнуюсь из-за этого. Мое личное впечатление от 13 отзывов таково: многим не нравится, но каждому по-своему, что вполне естественно; стихи плохи, но не настолько, чтобы это препятствовало их обнародованию; те свойства моей музыки (выражаясь торжественно), которые неприятны некоторым из высказавшихся, наличествуют и во многих других из моих стихотворений. По всему этому я продолжаю думать, что у меня нет достаточных оснований для изъятия данного сонета из книги «Весть», одним из составных элементов которой он является, подобно тому как иногда мало удовлетворительный кусок картины является одним из необходимых составных элементов всей конструкции.

Готовый к услугам и искренне признательный А. Гингер

Надеюсь, что Вы не откажете подарить мне Вашу новую книгу и книгу Иваска^[2].

1. Как уже было сказано во вступительной заметке, Маковский для разрешения спора с Гингером, связанного с сонетом «Лоно», привлек в качестве третейских судей представительное «жюри» из 13 человек.

2. Речь идет о сборниках стихов, вышедших в 1953 г. в издательстве «Рифма»: «На пути земном» Маковского и «Царская осень» Ю. Иваска.

8.6.1953^[1]

Дорогой Сергей Константинович.

Спасибо за книгу^[2]. Как-нибудь при встрече скажу, что мне особенно понравилось. Еще не всё прочел, кое-что уже знал. Я думаю, что плохого нет. Сонет нас вовсе не разделяет: я никогда не считал, что то, что я пишу, безусловно и должно нравиться и что меня обязаны печатать. Кроме того, я нахожу себя очень интересным в роли непризнанного гения. Присманова уехала надолго в Пиренеи^[3] и еще не успела видеть Вашу книгу.

Искренне Ваш

Гингер А.

1. Датируется по почтовому штемпелю.
2. См. прим. 2 к предыд. п.
3. См. письмо Присмановой Корвин-Пиотровским (№ 10, от 5 июля 1953 г.), написанное из Ларунса во французских Пиренеях.

<8^[1]> III 1955

Дорогой Сергей Константинович.

Если книга Червинской выйдет, то ни Вам, ни мне не придется заботиться об ее техническом оформлении^[2]: Червинская чрезвычайно сведуща в типографском и издательском деле, она занималась этим профессионально, да и сейчас ей поручено выпускать одну книгу стихов (чужих!). К тому же она лично знакома с Березняком^[3].

Что касается размера и содержания книги, то, конечно, ей будет очень интересно поговорить обо всем лично с Вами, как только Вы вернетесь.

В ожидании приятной встречи с Вами и в надежде, что Ваше здоровье совершенно поправится,

Присманова и я просим Вас принять уверение в наших искренних чувствах

Гингер А.

1. Датируется по почтовому штемпелю.

2. Речь идет о сборнике стихов поэтессы Лидии Давыдовны Червинской (1906/1907–1988) «Двенадцать месяцев» (Париж: Рифма, 1956); в этом сборнике имеются поэтические посвящения Присмановой («Я сохраняю в письменном столе...» С. 49) и Гингеру («Темный август. Солнца нет следа...» С. 51).

3. О типографии Березняка см. прим. 11 к письму Гингера В. Булич (№ 4, от 24 марта 1954 г.). Второй сборник Л. Червинской, «Рассветы» (1937), вышел в этой типографии.

5

Л. 6

Дек<абрь> 1955^[1]

Дорогой Сергей Константинович,
с Новым Годом!

Книга Р.С. Чеквер совсем готова, включая и те изменения, которые она внесла. Можно печатать в любой момент. Конечно, желательно, чтобы Вы или я присутствовали; впрочем, Березняк обещал предупредить. Теперь мое дело закончено, и это уж Вы сами должны распоряжаться^[2].

С искренним приветом

Гингер А.

1. Написано на почтовой открытке, датированной 30 декабря 1955 г.

2. Гингер корректировал и готовил к печати четвертую книгу стихов Р. Чеквер (И. Яссен) «Память сердца», вышедшую в издательстве «Рифма» в 1956 г., см. письмо Гингера Р. Чеквер от 3 февраля 1955 г. (№ 16).

Янв<арь> 1956

Дорогой Сергей Константинович.

По просьбе Березняка посылаю Вам отписки книги Р.С. Чеквер, которые находились у меня. Они уже побывали у автора, чем объясняется то, что они сделаны на тонкой бумаге (для уменьшения почтовых расходов)^[1] и что на некоторых имеется пачкотня – т.к. Р<ахиль> С<амойловна> предполагала по наущению Слонима^[2] вставить кое-где запятые, которые она впоследствии сама уничтожила.

С моей точки зрения, книга готова для печати совершенно. Я лично больше не имею надобности ей заниматься, и теперь всё зависит от Вас. Я нахожу, что всё в порядке. Я сообщил Р.С. Чеквер, что моя работа закончена. Если будут еще какие-нибудь перемены, то я уж за них не принимаю на себя ответственность.

Надеюсь, что Вы при добром здравии

Готовый к услугам Гингер А.

1. Ср. письмо № 10 Гингера к В. Булич.

2. См. о нем прим. 11 к письму Б. Божнева Гингеру № 30, от 17 января 1957 г.

Дорогой Сергей Константинович.

Пока еще я не видел отписки, но Березняк говорит, что мне их дадут. Во всяком случае я со своей стороны передал ему то, что Вы пишете.

С искренним уважением

Гингер А.

1. Написано на почтовой открытке с неразличимой датировкой.

7/III <19>55

Hotel Belle Vue
Grasse (А.М.)

Дорогой Александр Самсонович,

Мне писала на днях А.М. Элькан, что Вы ее спрашивали относительно дальнейшей участи сборника Червинской в «Рифме»^[2]. Всё еще трудно мне ответить совсем определенно, хотя Терапиано и сообщил мне о согласии Чеквер на издание этой книжки. Жду подтверждение – в виде нужного количества франков для печати у Березняка. Но это еще не всё: как Вы знаете, у Червинской стихов не на 3 листа, а больше. Однако больше 48 стр<аниц> (со всеми белыми страницами) «Рифма» печатать не может. Следовательно. Предстоит еще автору сделать *выбор*. Я не берусь за это, хотя могу *посоветовать* непременно поместить ряд стихотворений (которые мне больше по душе).

Так вот: взялись ли бы Вы это дело уладить с Червинской и приглядеть за набором и печатью книги (по примеру книги Булич)? К сожалению, сам я не буду в состоянии заняться этим сборником до окончательной поправки моей и водворения в Париже... Пока это невозможно. Я приеду к началу будущей недели (с рукописью Червинской) и надеюсь увидеть Вас как-нибудь вечером, чтобы всё решить. А затем, – после совещания по «съезду русских писателей», на которое меня выписывают американцы «Института по изучению культуры в СССР», – я принужден буду вернуться опять в Грасс – на месяц-полтора, вероятно^[3].

Искренний привет мой Анне Семеновне.

Ваш преданный

С. Маковский

1. Именно на это письмо Маковского Гингер ответил 8 марта 1955 г., см. его письмо № 4.

2. См. прим. 2 к письму Гингера, указанному в предыд. примечании.

3. Ср. в письме Маковского к И. Чиннову, написанном двумя месяцами раньше, 4 января 1955 г.:

На днях я познакомился еще с двумя «американцами». Один из них – постоянный заведующий парижским отделением «Института по

изучению истории и культуры СССР». Другой – приезжий и, видимо, влиятельный, фамилия вроде Пэч. Оба произвели приятное впечатление. Оба затевают в Париже писательский съезд – в ответ на съезд писателей в СССР – через два месяца! К сожалению, я ничем почти помочь им не могу, так как уезжаю через неделю в Grasse месяца на два, чтобы окончательно выправить мое легкое (Письма запрещенных людей: 76; впервые: НЖ. 1989. № 177. С. 242).

В.А. Мамченко ПИСЬМА ГИНГЕРУ

Биография эмигрантского поэта, писавшего удивлявшие современников «странные» стихи, автора семи стихотворных сборников (все изданы в Париже): «Тяжелые птицы» (1936), «Звезды в аду» (1946), «В потоке света» (1949), «Земля и лира» (1951), «Певчий час» (1957), «Воспитание сердца» (1964), «Сон в холодном доме» (1975), – Виктора Андреевича Мамченко (1901–1982) не только не написана, но представляет собой, исключая отдельные, сравнительно небольшие фрагменты-«пятна», едва ли не полностью *terra incognita*¹. Между тем без участия этого, по словам В.С. Яновского, «хорошенького мальчика, с казацкой хитрецей»² трудно представить себе полноценную историю русской эмигрантской литературы или, по крайней мере, как выразился Г. Адамович, «парижского отрезка» таковой³, как ущербной оказалась бы картина развития русской поэтической мысли XX в., ее поисков и обретений, отсутствием в ней имя В. Мамченко⁴.

Два письма В. Мамченко Гингеру, которые публикуются ниже, разумеется, не претендуют на заполнение каких-то значительных

¹ Следует уточнить, что общее число стихотворных сборников Мамченко было восемь. В письме С.К. Маковскому от 1 апреля 1957 г. он, в связи со сборником «Певчий час», замечал, что

это не пятая <книга>, а шестая, первая была рукописная (РГАЛИ. Ф. 2512. Оп. 1. Ед. хр. 334. Л. 42).

² Яновский В.С. Поля Елисейские. СПб.: Пушкинский фонд, 1993. С. 97.

³ Г. А<дамович>. М.О. Цетлин // РН. 1945. № 29, 30 нояб. С. 7.

⁴ Резонируя на необычность поэтического языка и стиля Мамченко и не очень еще понимая, как с ним быть и что с ним делать, такой первоклассный и чуткий читатель, как А. Бем, писал, рецензируя его дебютный сборник стихов «Тяжелые птицы»:

Это «слишком невысказанная» книжка, и лучше бы ее вовсе не было. Было бы спокойнее, и всё стояло бы на своем месте. Вот именно – книжечка Мамченко что-то сдвинула со своего места, внесла какой-то беспорядок и приоткрыла какую-то бездну, куда заглядывать небезопасно. Да и сам он, очевидно, себе не дает ясного отчета в том, что он в глубинах своего творческого прозрения видит или, вернее, о чем он смутно догадывается. Найти слова и образы для этого особого мира, к которому он приобщен своим творческим видением, действительно, трудно может быть, и невозможно. Здесь путь косноязычия, вероятно, пока неизбежен. Во многом поэзия Мамченко близка по своим образам и способу их объединения бреду и сну (Бем А. О бессмыслице в поэзии // Меч. 1936. № 52, 25–27 дек.).

лакун в жизнеописаниях обоих, а лишь добавляют несколько новых штрихов к их портретам.

Мамченко представлен в *Альбоме* Гингеров следующим стихотворением:

Куда-то прочь ушли спокойные туманы,
И утро стало вновь среди росистых полей;
С дарами для земли, с дарами для людей
Текут, плывут лучи – златые караваны.

До корневой, живой и влажной глуби
Припали солнце, свет и жизни час большой –
Высокий час утра, с намеренной душой –
Как та душа, что рано много любит.

Что, человек, в тени прижался ты к стене! –
Беги, скорей беги с любовною подругой
До поля радости, труда, усталости упругой,
Чтоб счастьем прозвенеть вам в солнечном звене¹.

В Национальной библиотеке Израиля хранятся два сборника стихов Мамченко, преподнесенные Гингеру и Присмановой со следующими дарственными надписями:

– на сборнике «Звезды в аду»:

Большим и Дорогим Поэтам –
Анне Присмановой и
Александру Гингеру
от любящего их творческую душу –
Виктора Мамченко
Париж – 10/ X <19> 46 г.

– на сборнике «Певчий час»:

Дорогим Анне Присмановой
Александру Гингеру
с неизменным чувством дружбы
от автора
20/VI <19>57
Mendon

¹ Под названием «Утро» включено в его сборник стихов «В потоке света» (Париж, 1946–49. С. 6). В печатном тексте последняя строчка 2-й строфы: «Как та душа, в миру, что рано много любит».

Дорогой Александр,

Я рад Твоему сборнику стихов, очень рад^[1]! Именно потому, что я Твой «старый приятель», т.е. принимающий, при-ятель, ядуший Тебя... Издавна так; еще когда мальчишками по Парижу бегали, я знал, что Ты Поэт. А знать такое может только тот, кто при-ятельствуется – зубом, ухом или еще чем (умо-сердцем?). Всего сильнее, конечно, «Факел» и «Тибетская песня»! Очень сильно!

Ты сам, вероятно, понимаешь, почему я выделяю из всех Твоих стихов эти два: думаю, что и Ты их выделяешь.

«Газелла» – изрядная виртуозность мастера: такая работа, вероятно, вроде аскезы, ночное бдение монаха в церкви, – чтоб не сбежать на грех пустословия; такое стихотворение может быть упреком многим из нас, пишущим в трафаретной форме лживое, чего не испытывают.

А возмущен я вот чем: в Твоем сборнике – восемь (8!) чистейших страниц, на которых могли быть Твои стихи... Слава Богу – из Твоих стихов ничего подобного «Аполлону» не выкроишь^[2]! Так на кой черт такая «эстетика<>>?! Будь поэт в нормальных условиях, – и одно стихотворение (в четыре – две строчки!) может занять всю книгу (Китайцы, Японцы), но с Тобою такое делать – грех, потому что я предполагаю, что вина не Твоя на белых-пустых листах.

Редактор наш глухонемой: я рассчитал, что и для моего сборника не хватает трех стихотв<орений>; написал ему с предложением прислать на выбор недостающие; прошло больше месяца – «нет ответа, тишина»^[3]...

Обнимаю тебя крепко и спасибо!

Твой Виктор М<амченко>

1. Имеется в виду сборник стихов В.
2. За словами о «гардеробной выгоде» владыки и покровителя искусств Аполлона скрывается прозрачный намек на возглавлявшего издательство

«Рифма» С. Маковского, бывшего редактора журнала «Аполлон» в дореволюционной России. Мамченко, сборник стихов которого «Певчий час» лежал в это время без движения в издательстве «Рифма», не испытывал к его редактору особенно нежных чувств (см. в письме далее). Об отношениях Мамченко с Маковским и издании его сборника «Певчий час» см.: *Хазан В. «Искусство для меня не забава...»: Материалы к биографии В.А. Мамченко // Venok: Studia slavica Stefano Garzonio sexagenario oblata: In Honor of Stefano Garzonio / Ed. by G. Carpi, L. Fleishman, B. Sulpasso. Part II. Stanford, 2012 (Stanford Slavic Studies. Vol. 41).*

3. Цитата из стихотворения А. Блока «Шаги командора».

2

10/II <19>57

Дорогой Александр,

Ирина Александровна Грэм (Mrs. Irene Graham, 1711 Washington Str., San Francisco, California, U.S.A.)^[1] написала мне, что любит и помнит Тебя, что читала о Твоей книге («Весть») в «Н<овом> Р<усском> С<лове>»^[2], и спрашивает меня – помнишь ли ее.

Я предполагаю, что она *будет обрадована*, если Ты пошлешь ей свой сборник *с надписью*. Не подумай, что я хитрю с Тобой; пишу так, как есть: она Тебя любит как поэта.

Твой Виктор М<амченко>

Привет дорогой Присмановой!

P.S. О своем сборнике мне противно думать.

1. Ирина Александровна Грэм (1919–1996), писательница, либреттист.
2. Имеется в виду рецензия на В Ю. Терапиано (НРС. 1957. № 15919, 27 янв. С. 2, 8).

Н.С. Муравьев ПИСЬМА ГИНГЕРУ

Никита Сергеевич Муравьев (1904–1965) принадлежал к старинному дворянскому роду, из которого вышли несколько известных декабристов¹. Он родился в Москве в семье Сергея Владимировича Муравьева (1873–1914). Образование получил домашнее. Рано по-

¹ См. далее в п. № 7, от 3 октября 1950 г., где Муравьев пишет Гингеру:

<...> по игре случая оказалось, что я прочел одну за другой три книги о Декабристах, и это последнее обстоятельство, а также тот факт, что тема эта для меня дело почти семейное, вдохновило меня на то, чтобы написать ряд рифмованных строк, отчасти повествовательного и отчасти рассудительного порядка.

Декабристам посвящена его одноименная поэма (1950), в которой среди других героев декабрьского восстания упоминаются Муравьевы: Матвей, Сергей, Артамон и Никита (*Муравьев Никита*. Стихотворения 1940-х – начала 1960-х гг. (Париж – Рубежное). М.; Париж: «Mugmekia», 1993. С. 22–23):

Восстать черниговцы готовы.
Совет управы учрежден –
Бестужев-Рюмин, Муравьевы
(Матвей, Сергей и Артамон).

.....
Сергей упал. Пальба и стоны –
Восставшим пушка держит речь.
Взамен подмоги Артамона
Мортиры, порох и картечь.

* * *

Горячий вечер у Никиты –
Цитаты, даты, имена...
Со старых кресел деловитый
Спокойный взгляд Карамзина.

.....
Никита, бледный и суровый,
Закрыв рукой глаза и лоб.
Александрине Муравьевой
Бестужев молча тешет гроб...

Сам же автор поэмы именует себя в заключительной главке поэмы «отставшим потомком» декабристов (С. 25; вариация того же образа в последней строфе: «от-стальей в роду»), который «<...> поздно понял <...>, какой их <декабристов> ток томил / На подвиг, на борьбу, на муку, на терпенье...» (С. 26).

теряя родителей – сначала отца, а затем, летом 1917 г., мать¹, Никита Муравьев вместе со старшим братом, Владимиром (1902–1952), эвакуировался в 1920 г. с белой армией в Константинополь. Обучение, начатое на родине (Ялтинское коммерческое училище, Екатеринодарское реальное училище, школа сигнальщиков Черноморского флота), пришлось продолжать за границей – в русской константинопольской гимназии, вместе с ней некоторое время спустя он перебрался в Болгарию, в город Шумен. На стипендию, полученную от приезжавшего в Болгарию Т. Уиттмора, профессора-византолога и председателя созданного в США комитета помощи русским студентам, Муравьев отправился во Францию, где поступил в Институт химии и промышленной технологии Клермон-Ферранского университета. Затем учился на химическом факультете Тулузского университета, окончив который в 1929 г., он в течение почти 30 лет проработал в качестве инженера на заводе анилиновых красителей в Сен-Дени. Был членом масонской ложи².

Будучи человеком художественно одаренным, свою основную профессию химика он сочетал со страстной любовью к искусству – живописи и поэзии: неплохо рисовал³ и писал стихи. При этом, правда, относился скорее к типу «поэтов для себя», а не «для публики» – не потому, по-видимому, что более доверял «догунтенберговскому» слову, нежели печатному, а из-за строгого отношения к самому понятию «поэт», к которому причислял себя, как можно думать, с известной осторожностью. Не последнюю роль, наверное, играли и ограниченные возможности печатания стихов в эмигрантских изданиях, по

¹ Матерью Н.С. Муравьева была княжна Екатерина Владимировна Кекуатова. Ср. с кочующим из издания в издание неверным утверждением, будто бы его матерью была Любовь Александровна Островская (1874–1900), одна из дочерей драматурга А.Н. Островского, см.: *Серков А.И.* Русское масонство 1731–2000: Энциклопедический словарь. М.: РОССПЭН, 2001. С. 566; Гайто Газданов и «незамеченное поколение»: писатель на пересечении традиций и культур / Сост. Т.Н. Красавченко, М.А. Васильева, Ф.Х. Хадонова. М.: ИНИОН РАН; Б-ка-фонд «Русское Зарубежье», 2005. С. 322 (прим. 3, добавлено составителями издания); *Газданов Гайто.* Собрание сочинений: В 5-ти томах. Т. 5. М.: Эллис Лак, 2009. С. 31. На самом деле, Л.А. Островская являлась первой женой С.В. Муравьева, в их браке родилась сводная сестра Н.С. Муравьева Екатерина.

² См.: *Серков А.И.* Русское масонство. 1731–2000 г.: Энциклопедический словарь. М.: РОССПЭН, 2001. С. 566.

³ Мемориальная выставка его графических работ состоялась в 1994 г. в Доме-музее Марины Цветаевой.

крайней мере, послевоенного времени (см. к этому письмо № 5 и соответствующее прим. – не прекрати нью-йорско-парижское Нов свое существование, возможно, стихи Муравьева в нем появились бы).

В 1954 г. Муравьев подал в советское посольство прошение о репатриации (советское гражданство было принято им раньше, в 1946 г., но болезнь затормозила процесс возвращения на родину), и в марте 1958 г. ему и его семье – жене Марии Михайловне (урожд. Родзянко; 1909–1982), внучке известного российского политического деятеля, и трем дочерям – было разрешено вернуться в СССР (сын Сергей вернулся годом раньше). Семье пришлось поселиться в г. Рубежном Луганской (в то время – Ворошиловградской) области, где Никита Сергеевич и умер¹.

Судя по публикуемым ниже письмам Муравьева к Гингеру, последний (наряду с Присмановой, которую он шуточно величает «тетей Критикой») выполнял для него роль поэтического судьи и советчика, чьему вкусу и опыту он доверял с безусловной верой и в чью доброжелательности ни на миг не сомневался. Неизвестно, были ли у Муравьева другие авторитетные эксперты, кому бы он еще столь регулярно показывал плоды своего стихотворчества, – не исключено, что таковые имелись (в письме № 10 от 12 мая 1952 г. появляется имя Г.В. Адамовича), но даже если это и так, Гингеры, по-видимому, принадлежали в его глазах к числу в особенности близких и избранных – наиболее чутких и понимающих читателей. И это признание за старшим товарищем со стороны Муравьева, поэта, не только не избалованного литературным вниманием, но и вообще мало кому известного, высокой роли компетентного ценителя и судьи

¹ См. о нем в написанных его сыном биографических очерках, сопровождающих публикацию его стихотворений и рассказов: Никита Муравьев (1904–1965). Из поэтического наследия / Публ. и предисл. С.Н. Муравьева // НЖ. 1991. № 184–185. С. 31–34; *Муравьев С.Н.* Об авторе // Никита Муравьев. Стихотворения 1940-х – начала 1960-х гг. (Париж – Рубежное). М.; Париж: «Мугтекия», 1993. С. V–X; *Его же.* Никита Муравьев и Гайто Газданов // Гайто Газданов и «незамеченное поколение»: писатель на пересечении традиций и культур / Сост. Т.Н. Красавченко, М.А. Васильева, Ф.Х. Хаданова. М.: ИНИОН РАН; Б-ка-фонд «Русское Зарубежье», 2005. С. 322–328; *Его же.* Апокалипсис Никиты Муравьева // Наше наследие. 2006. № 78. С. 100–102. См. еще переписку Муравьева с К.И. Чуковским: *Дардыкина Н.* «Плоды “Цветов зла” и добра» // Московский комсомолец. 1995. № 132, 15 июля. С. 3, а также письма к Муравьеву его близкого друга Г. Газданова и комментарии к ним: *Газданов Гайто.* Собрание сочинений: В 5-ти томах. Т. 5. М.: Эллис Лак, 2009. С. 24–35.

свидетельствует о том подлинном уважении, которым эмигрантская община платила Гингеру за неизменную честность, порядочность, зрелость и прямоту суждений. Как в несколько шутливой манере писал ему сам Муравьев (письмо № 9, от 25 ноября 1951 г.), извиняясь за то, что докучает своими стихотворными опытами: обращение с просьбой суда и оценки –

это знак доверия к Вашему вкусу, что, я надеюсь, служит Вам некоторым утешением.

Всё это, разумеется, вовсе не свидетельствует о том, что стихи Муравьева не вызывали у Гингера и Присмановой критической реакции, доказательством чему может служить отношение к поэме «Прохожий» – сомнение в том, будет ли она понятна читателю (письмо № 10, от 12 мая 1952 г.).

При жизни Муравьева появление его поэтических текстов в «большой печати» было крайне редким. Самый известный случай: два стихотворения – «Евклид» и «К высокому кресту зовет старинный звон», – включенные Ю. Иваском в антологию *На Западе: 184–185*¹.

Незадолго до смерти Муравьев приготовил несколько машинописных экземпляров своих стихов, написанных как во Франции, так и после возвращения в Советский Союз, собрав их в пять небольших циклов. В 1993 г. С.Н. Муравьев, сын поэта, издал поэтическое наследие отца отдельным сборником (см. прим. 5). Приносим глубокую благодарность С.Н. Муравьеву и за предоставленную возможность познакомиться с этим редким изданием, и за любезную помощь, оказанную при подготовке нижепубликуемых писем.

Письма Муравьева Гингеру охватывают период с 1948 по 1952 г. Печатаются по автографам, хранящимся в University of Illinois Archives (Urbana-Champaign). Ms. 15/35/56 Sophie Pregel and Vadim Rudnev Coll. Box 2.

¹ Помимо указанных в предыд. прим. посмертных публикаций стихов Муравьева, подготовленных его сыном, следует упомянуть их подборку, включенную в составленную Е.В. Витковским 4-х томную антологию поэзии русского зарубежья «Мы жили тогда на планете другой...» (М.: Московский рабочий, 1994. Т. 3. С. 84–88); еще 4 стихотворения поэта напечатаны в: *Муравьев Никита. Наши пагубные дни / Предисл. и публ. В. Леонидова // Новая Юность. 2001. № 5 (50).*

Дорогой Александр Самсонович,

Во исполнение обещанного, а также для Вашего личного и семейного развлечения посылаю Вам переписанными мои стихи^[1].

Расставьте в них, пожалуйста, знаки препинания по общепринятым, но для меня недоступным правилам русского синтаксиса. Было бы также хорошо поправить «вкравшиеся» орфографические ошибки.

И я и жена были рады Вашему вчерашнему посещению, и мы надеемся, что, вопреки традиции, Вы придете к нам в следующий раз не через год и не в единственном числе.

Жму Вашу руку.

Н. Муравьев

1. Приложение со стихами не сохранилось.

2

27 (кажется) июля 1948 г.
Soisy s/s Montmorency
20 av<enue> Lamartine^[1]

Дорогой Александр Самсонович,

Спасибо Вам за письмо и предложение о встрече.

Ввиду того, что я обременен семейством^[2], я предпочел бы видеть Вас у себя. Эту неделю и следующую я не работаю и сижу дома.

Приезжайте с женой и детьми (которые, кажется, перестали быть таковыми)^[3] к завтраку или после завтрака, или к чаю, или к обеду, или как хотите. Хоть в принципе мы никогда не выходим, тем не менее мне может случиться уехать в Париж, поэтому лучше предупредите письмом, и мы вас будем ждать. (Поезд с Gare de Nord – перерыв от 2-х до 5-ти; автобус 154 с Porte de Clignancourt.)

Ехать надо до *Enghien*, вылезти и спросить дорогу (если вам предложат пересечь на другой поезд, чтобы ехать в Soisy – поблагодарить и не послушаться).

Ваше альбомное дело от Вашего посещения выиграет не много^[4] – у меня есть всего два стихотворения <:> одно патриотическое (Россия... Мессия...), другое похоронное. Но вот я смогу Вам показать свои рисунки и вообще поговорим.

Всего Вам хорошего.

Привет жене.

Муравьев

P.S. Пневматички^[5] к нам не ходят. Телеграммы разносят по будням.

P.S.S. Чтобы упростить Вам дело в будущую пятницу, можете приехать без предупреждения (30-ое июля) – мы будем дома.

M<уравьев>

1. Муравьевы поселились в Soisy-sous-Montmorency, северном пригороде Парижа, в 1939 г.

2. К тому времени Муравьевы имели троих детей: сына Сергея (род. 1938) и двух дочерей – Елизавету (род. 1940) и Екатерину (род. 1944); четвертый ребенок, дочка Ольга, родилась в январе 1949 г.

3. О сыновьях Гингера и Присмановой см. во вступительной статье.

4. В *Альбоме* Гингеров Муравьев не представлен.

5. См. прим. 3 к письму Божнева Гингеру № 4, от 22 марта 1929 г.

3

13/VII – <19>49 г.

Дорогой Александр Самсонович,

Обращаюсь к Вам с небольшой просьбой, а именно – быть моим читателем. Иными словами, прошу Вас прочесть те стихи, которые я только что написал и посылаю Вам^[1].

Мне почему-то представляется, что Вы не в Париже и что письмо мое Вам перешлют куда-нибудь на морской берег. Тем легче Вам будет исполнить мою просьбу – впрочем, и письма скучно читать, а на берегу моря всегда скучно и приятно отвлечься от каникулярных обязанностей, как то купаться, гулять, восхищаться, чем принято, и т.д.

У нас всё благополучно. Двух старших детей отправляю 19-го сидеть под Гренобль. Сам с женой и двумя остальными девочками

(последняя тоже оказалась девочкой к моему изумлению и разочарованию)^[2] остаюсь здесь. Во второй половине августа беру отпуск, но боюсь, что по причинам финансового характера мне придется провести его дома в Soisy.

Жму Вашу руку и прошу передать привет жене.

Н. Муравьев

20 av<enue> Lamartine
Soisy s/s Montmorency
(S<eine> et O<ise>)

P.S.

Стихи мои, покуда я их писал, назывались «Каменщик», но, перечтя их потом, я увидел, что это не ясно. Можно, конечно, это название им сохранить для таинственности, но можно придумать что-либо другое.

1. Среди писем Муравьева к Гингеру имеется листок с двумя стихотворениями, о которых, судя по всему, и идет речь:

Деревья надо мной зеленый свод
Высоко подняли шуршащей сенью.
К моим ногам скатился зрелый плод.
Я трогаю его в недоуменьи.

Бежит вода. И шумная река
Тяжелой влаги мерное биенье
Доносит до меня издалека.
Я слушаю его в недоуменьи.

Но бе<г>лый ветерок в уснувший сад
Донес с низин тяжелый запах тленья.
И смерти я вдыхаю хладный смрад
В невольном страхе и недоуменьи.

Повсюду жизни бурное стремленье,
Но смерть и боль! Напрасно силюсь я,
Потерянный на грани сна и бденья,
Понять невнятный ропот бытия.

В упомянутом выше поэтическом сборнике Муравьева это стихотворение входит в цикл «Недоумение» и имеет еще одну, третью, строфу (С. 28):

Прошла высоко стайка легких туч.
Ночь наступает медленно тенью.
В вечерней мгле горит отсталый луч.
И я слежу за ним в недоуменье.

Второе стихотворение, очевидно, и есть то, которое первоначально называлось «Каменщик» (см. в письме далее):

Как рудокop, в пещере пробивая
Стальным резцом бока кремнистых скал,
Товарищу лопату уступает,
Не обрета сияющий металл –

Не так ли я, искатель смысла жадный,
На склоне дня, когда придет конец,
Сыновних глаз не оскорблю неправдой,
Но молчаливо уступлю резец.

2. См. прим. 2 к предыд. п.

4

17-е февраля 1950 г.
Soisy

Дорогой Александр Самсонович

По приговору врачей бросил работу и сижу (лежу и хожу) дома^[1].
Ежели у Вас есть время, возможность и желание – заехали бы как-
нибудь к нам с женой. Можно и без предупреждения, но лучше с.

Жму Вашу руку.

Н. Муравьев

1. По всей видимости, в это время у Муравьева обострился процесс туберкулеза, которым он заболел незадолго до окончания войны. Своей болезни он посвятил стихотворение «Благодарность», которое упомянуто в п. № 11 (*Муравьев Никита*. Стихотворения. С. 35):

Болезнь меня смиряет понемногу,
К настольной хине меду подмешав.
Давно бы нам на дружескую ногу,
Давно бы камфару – на брудершафт.

Домоустройству черная невзгода,
Давно бы, с Вами, нам пора – «на ты».
Вы – это легким меньше кислорода,
Вы – это сердцу меньше суеты.

Вы пульса приглушили колотушку,
Но, буйство тела по рукам связав,
Под звездами, на островке подушки
Расположили уши и глаза.

Как для иных мгновения коротки...
О лучший враг мой, о смертельный друг!
Благодарю Вас, тихая Чахотка,
За вечера, за музу, за досуг.

5

13-ое апреля <1950>^[1]

Дорогой Александр Самсонович,

К моему большому сожалению, из тридцати дней месяца апреля Вы выбрали единственный (23-ое), в который нас днем не будет дома.

Предполагая, что будние дни Вам не подходят (мне всё равно, я еще не работаю) и что <в> ближайшее воскресенье Вы заняты (иначе не выбрали бы 23-е), очень прошу Вас пожаловать к нам в последнее воскресенье месяца (имеется <в виду> 30-го). Будем ждать Вас в этот день к завтраку (последний поезд в 2 <часа>) или после, когда хотите, на «5 час<ов>», одного или лучше с супругой (на случай холода у нас есть печки). В случае согласия не утруждайте себя ответом, но в обратном, т.е. в случае невозможности ищите какой-либо другой день или вечер.

О стихах я не беспокоился, ибо слышал, что «Новоселье» переживает семейный кризис^[2]. В том случае, если редакторша оного собирается печатать только отрывок, как думала, – всё благополучно. В том же случае, если она почему-либо решила печатать стихи целиком – то я предпочел бы изменить две-три строки. Об это поговорим – время терпит^[3].

Жму Вашу руку.

Н. Муравьев

1. Год определяется по контексту.
2. Под «семейным кризисом» имеется в виду прекращение финансирования Нов предпринимателем и ученым Борисом Юльевичем Прегелем, братом редактировавшей журнал С.Ю. Прегель.
3. Как было сказано выше, во вступительной заметке, стихи Муравьева в Нов не появлялись.

6

10-ое июля 1950 г.

Дорогой Александр Самсонович,

Перепив вчера кофея (да простит мне Ваша супруга, ежели это анахронизм), не мог заснуть до света.

Лежа в кровати и продолжая думать о наших спорах, сочинил три шутки довольно мрачного содержания, которые посылаю Вам для развлечения.

Паскаль

В окошко месяц заглянул
И видит сквозь узор железный –
Паскаль отодвигает стул...
Но мир *уже* катился в бездну.

Посещение

«Вот небо, звезды, млечный путь –
Хозяин потчует несмело –
А вот душа, прошу взглянуть»...
Но гостье саван ближе к телу.

Поэт

«Для вас я дал моим стихам
Игру ума и тонкость глянца»...
Он сделал ручкой упырям
И на людей взглянул сквозь пальцы.

Вот. Засим, надеюсь, что Вы опять как-нибудь к нам заглянете с женой. После вашего отъезда мой медленный ум нашел множество возражений на утверждения, высказанные супругой Вашей о поэзии вообще и современной в частности. Буду рад вам их изложить, если посещение ваше не будет отложено на столь долгий срок, что я все их забуду.

Жму Вашу руку и благодарю еще раз за посещение и разговоры.

Н. Муравьев

7

3-е октября 1950 г.
Soisy

Дорогой Александр Самсонович,

Недели две тому назад я имел удовольствие разговаривать с Вашей консьержкой, которая осведомила меня о том, что ни Вас, ни супруги Вашей дома нет. По соседству зашел к Газданову^[1], подтвердившему мне сведения, данные Вашей консьержкой, и присовокупившему, что Вы находитесь на необитаемом (или почти) острове и наслаждаетесь там тихими радостями природы^[2]. Так, мне Вас повидать не удалось.

У меня всё по-прежнему, так <как> я всё еще нахожусь на положении больного, и хотя чувствую себя отлично – врачи стараются меня уверить в обратном. Так как я сижу дома и ничего не делаю, то безудержно пишу стихи. Это подтверждает (недавно мною прочитанное замечание по этому поводу в разговоре критика, читателя и писателя у Лермонтова)^[3]. С другой стороны, по игре случая оказалось, что я прочел одну за другой три книги о Декабристах, и это последнее обстоятельство, а также тот факт, что тема эта для меня дело почти семейное, вдохновило меня на то, чтобы написать ряд рифмованных строк, отчасти повествовательного и отчасти рассудительного порядка.

О качестве их я судить не берусь – это уже Ваше дело. Писал я их с увлечением и сравнительно очень быстро, но этим не оправдываюсь и принимаю на себя вину во всех ошибках и неудачах.

По создавшейся у меня привычке посылаю Вам несколько оных стихов в издании моей жены и, следовательно, написанных по старому (а иногда наполовину) правописанию.

Вот и всё. Желаю Вам всего <1 нрзб.>. Прошу передать мой сердечный привет жене Вашей, критику которой я выслушал бы с особым удовольствием.

Н. Муравьев

1. Дружба Муравьева с Г. Газдановым началась еще в юности, когда оба учились в Шуменской гимназии, см. ссылку на публикацию рассказов-писем Муравьева (*Муравьев С.Н.* Никита Муравьев и Гайто Газданов) и письма Газданова Муравьеву в прим. 5 к вступительной заметке.

2. Об острове de Médan на Сене, неподалеку от городка Villennes-sur-Seine, где у Гингеров был домик и где они обычно проводили летнее время, см. во вступительной статье и в целом ряде публикуемых в настоящем издании писем.

3. Ссылка на начало стихотворения Лермонтова «Журналист, читатель и писатель» (1840) (слова журналиста): «Я очень рад, что вы больны: / В заботах жизни, в шуме света / Теряет скоро ум поэта / Свои божественные сны». См. к этому стихотворению Муравьева «Благодарность», приведенное в прим. к п. № 4.

8

19ое октября 1950 г.
Soisy

Дорогой Александр Самсонович,

Просидел сегодня целый день один (жена с детьми уехала на крестины близнецов) и занялся исправлением Декабристов. Строф я никаких не выкинул по двум следующим причинам. Первая из них та, что отношение у меня к ним отцовское, и я не спартанец – мне жалко их даже самых хилых и кривостоящих. Вторая та – что они уже написаны и Вам посланы, дальнейшее же их исправление предназначается как бы для какого-то читателя; но за Уралом этот читатель есть мнимая величина^[1]. Тем не менее некоторые из отмеченных критикой недочетов я исправил.

Начнем от гробовой доски – пускай Бестужев тешет гроб *молча* (не петь же ему в самом деле при таком занятии). Соответствующая строка тогда становится:

Бестужев молча тешет гроб^[2].

Это слово – молча – так удобно, что я употребил его и в другом месте:

(Матвей Иваныч Муравьев-Апостол
не «ангелом» его в тот вечер увидал,
когда заздравного не поднял госта
и на пол молча выплеснул бокал.)^[3]

Слово – выплеснул – тоже уже было, но в другом стихе, и чорт с ним^[4].

Для уменьшения количества жидких элементов строку «Вдруг в сумраке ночном возник *поток* живой» прошу заменить не очень удачной, но пусть «И в воздухе возник воспоминаний рой»^[5].

Дальше в той же строфе идет снарядный призрак. Нет слова, которое лучше бы выражало мою мысль, чем «нарядный», но дабы избежать это звуковое недоразумение, замените его, пожалуйста, словом «пригожим» – это менее точно, но что поделать.

В следующей главе, кроме вышеупомянутого Апостола Матвея, была еще лишняя стопа «Скользит и прячется...». Поставьте, пожалуйста, вместо этого «Скользит, таясь...»^[6].

Дальше (минуя Бестужева, о котором уже говорилось) перехожу к Николаю. С удовольствием заменяю «буйную силу» «произволом». Строка становится – «И *произволу* ярости мятежной. Поставил...»^[7].

Этой заменой я вполне доволен. Хуже обстоит дело с «тугой жутью». После многих примерок я решил остановиться на слове – усердие: усердие скользящего узла^[8]... Мне это понятно – не знаю, как другим.

Наконец, недостаток одной строки в последней строфе заставляет меня придумать парижскому ветру какой-либо малолестный эпитет – останавливаюсь на слове хилый – парижский хилый ветер^[9]...

Вот и всё, что я сумел. Долго думал над смертельным Грибоедовым, но не могу же я написать, что он уехал в Персию, а его там убили – смертельный Иран – мне нужен. Нельзя ли между «смертельный» и Грибоедов поставить черточку, а недоумевающим объяснить, что здесь пропуск, подразумевается Пер<сия> <,> «русский писатель 19-го века, автор “Горя от ума”».

Может быть, можно?

Постараюсь забежать к Вам в среду. Жму Вашу руку.

Целую руку тети Критики.

Н. Муравьев

1. Вероятно, Урал ставится здесь в связь с параллелью сибирской каторги декабристов и парижской эмиграцией автора поэмы – параллелью, образно-метафорически реализуемой в самом тексте «Декабристов» (*Муравьев Никита*. Стихотворения. С. 19):

Париж, Париж, смотри, что с нами стало!
Ты взял меня и в рудниках своих
На тридцать лет оставил за Уралом,
Как Николай тогда оставил их.

2. См. соответствующее место в приведенном отрывке из поэмы «Декабристы» (прим. 1 к вступительной заметке).

3. Речь идет об Александре I. Впоследствии автор отказался от слова «молча», и в окончательном виде данная строфа выглядит так (*Муравьев Никита*. Стихотворения. С. 21):

(Не ангелом тебя Матвей Апостол
У Репнина в тот вечер увидал,
Когда заздравного не поднял тоста
И на пол выплеснул бокал.)

4. По-видимому, Муравьев имеет в виду 1-ю главку, в которой говорится о бегстве автора поэмы из России (С. 19):

Взбурлил поток живительный и шумный,
Взвился как смерч, пугая и губя.
И я позволил с легкостью безумной
В твой <Парижа> серый омут выплеснуть себя.

5. В окончательной редакции Муравьев отказался и от этого варианта (С. 20):

В тревожной мгле непрошеной толпой
Скользили призраки и пробегали тени,
И образ Истины суровой и нагой
С пригожим вымыслом не избегал смешенья.

6. Возможно, речь идет о следующей строфе (С. 20):

Каков ты, царь? Я издали не вижу.
Ты слишком мал иль чересчур велик.
В Санкт-Петербурге, в Вене ли, в Париже
Колелется неуловимый лик.

Судя по всему, в первоначальном варианте последняя строка выглядела так: «Скользит и прячется <предлагаемая замена: «скользит, таясь»> неуловимый лик».

7. Имеется в виду следующая строфа (С. 23) в главке, посвященной Николаю I (последняя строчка предыдущей строфы: «Быть может, царь виновен был не в том»):

Что бремя власти над громадой снежной
Не захотел сложить с высоких плеч
И произволу ярости мятежной
Поставил гранью ярость и картечь...

8. Речь идет о строфе, следующей за приведенной в предыд. прим. (С. 23):

Что по его немилости суровой
Усердие скользящего узла
В сырой утробе крепости Петровой
Восстановило равновесье зла...

9. Муравьев говорит о завершающей строфе всей поэмы (С. 26):

И эту жалобу отсталого в роду
Несет в пустую даль парижский хилый ветер
На горе гордости и сердцу на беду.
И новый страданный день встает в сыром рассвете.

10. Строфа, которой касается Муравьев (С. 22), –

Порядка славная победа.
Расправа. Казнь. Палач. Петля.
В Иран смертельный – Грибоедов
Спешит, дорогами пыли, –

в конечном счете избегла каких-либо излишних сопроводительных комментариев.

25 ноября 1951 г.
St. Denis

Дорогой Александр Самсонович,

Как это часто со мной бывает, скучая в лаборатории, начал в шутку писать всякую стихотворную чепуху. Потом увлекся собственным вымыслом и, воспользовавшись отъездом в отпуск моего прямого начальства, написал вещь, оказавшуюся столь длинной, что мне, правда, совестно просить Вас ее прочесть и сказать мне, чего она стоит.

Я бы предпочел пригласить Вас с Критикой к нам и прочесть ее вслух, но, читая ее своим домашним, убедился в том, что несмотря на крайнюю простоту и безыскусность стиха содержание ее не улавливается легко со слуха и слушатели мои по окончании чтения совсем не знают, что им сказать.

Поэтому я решился послать Вам рукопись, а ежели Вы захотите поговорить о ней подробнее – приходите как-нибудь к нам (назначьте любой вечер или даже день, потому что я в декабре в отпуску и не работаю), и мы потолкуем.

Возможно, что мой «Прохожий» не стоит и разговора – тогда напишите об этом два слова, чтобы не пришлось Вам из вежливости говорить неопределенности, но и в этом случае я рад буду вас (это множественное число) видеть у себя^[1].

Мне очень жаль, что Вы раз навсегда оказываетесь жертвой моей графомании, но это знак доверия к Вашему вкусу, что, я надеюсь, служит Вам некоторым утешением.

Жму Вашу руку.

Привет Критике

Н. Муравьев

20 av<enue> Lamartine
Soisy s/s Montmorency
(S<eine> et O<ise>)

1. Речь идет о неопубликованной эзотерической поэме Муравьева «Прохожий».

12ое мая 1952 г.
Суази

Дорогой Александр Самсонович,

Был весьма обрадован получением Вашего письма. Мне трудно было допустить, что галстуки Вас окончательно задушили^[1], поэтому ссылку Вашу на то, что Вам некогда прочесть «Прохожего» по причине увлечения производством, я принял за желание Ваше в вежливой форме отказаться от нелестных для меня суждений.

Обрадовался я и тому – таков мой эгоизм – что Вы стали безработным и, надеюсь, мы вскоре сможем встретиться.

К сожалению, «ни завтра, ни в среду» я у Вас быть не смогу.

Моя тихая чахотка опять заставила меня оставить интересную работу мою в химической лаборатории, и теперь я лежу (полулежу) дома и лечусь Ремифоном.

Поэтому, если у Вас есть такая возможность, я Вас очень попрошу заехать к нам в Суази с Критикой и критикой.

В принципе мы всегда дома, но по воскресеньям к нам заезжают гости, иногда отнюдь не склонные к литературным разговорам. В четверг дома дети, а иногда нет моей жены. Все остальные дни хороши. Можно к нам приехать к завтраку, к чаю, к обеду или к ужину. Можно не предупредить, но с риском остаться голодными. Не поленитесь и приезжайте. Погода будет хорошая.

Не могу воздержаться от того, чтобы не сказать несколько слов о Вашей критике «Прохожего». Ваше «основное возражение» – такие вещи не доходят до читателя. Видите ли, я не могу отказаться от того мнения, что поэзия и есть «мысли о жизни». Теперь, именно для того, чтобы эти мысли дошли до читателя, я употребил все мои старания и пошел на все уступки. Именно для него «j'ai mis de l'eau dans mon vin»^[2] – упростил и разжижил стихи, стремясь изгнать из них всякую сложность и «изысканность». Ради него не избегал и даже прибегал к общим местам.

Именно для того, чтобы читатель не прекратил бы чтения на первой странице, я прибег к архаической форме с действием, фабулой, монологами и диалогами. С той же целью трагическое смешано с шутивным – кто сейчас способен прочесть 70 страниц трагедии?

Со всем этим я отнюдь не требую, чтобы читатель усвоил какую-то доктрину; мне только хотелось ввести его в область некоторых вопросов и хотелось бы, чтобы вопросы эти (а не ответы) прозвучали бы для него убедительно.

Возможно, конечно, что того читателя, к которому я обращался, просто не существует в природе. Конечно, мнение Ваше или Адамовича о моих стихах для меня ценнее и интереснее мнения «читателя»; с Вашим мнением я буду считаться, исправляя написанное или снова взявшись за перо (*stylo à bille*)^[3], но важнейшим вопросом для меня всегда остается, существует ли такой таинственный читатель, который, прочтя «Прохожего» и не поняв, хорошо ли это или плохо написано, будет попросту взволнован рогами Гомеопата, пафосом Прохожего или песней Сони. Если да, то «Прохожий» хорош со всеми его недостатками; если нет, то он плох, потому что не достигает основной цели.

Надеюсь, что мы с Вами обо всем этом скоро поговорим.

Жена шлет привет и присоединяется к моим надеждам.

Н. Муравьев

1. Гингер в это время зарабатывал на пропитание тем, что мастерил галстуки, см. об этом во вступительной статье.

2. Букв.: «я разбавил вино водой» (*фр.*), т.е. пошел на уступку.

3. Шариковая ручка (*фр.*).

11

день был без числа
Soisy

Дорогой Александр Самсонович,

Собрался было зайти к Вам в очередную среду^[1], но не удалось, и не знаю, когда удастся – я начал работать и берегу себя – ложусь спать рано, сижу дома и т.п. (Курю все-таки.)

Посылаю Вам для развлечения Вашего личного и литературных Ваших посетителей три стихотворения.

Одно – переделка того высокопарного, за которое мне так сильно влетело от Критики (которой прошу передать мой поклон). Я сделал его еще высокопарнее, чем оно было. Второе, если можно так сказать,

низкопарное – обращение к моей болезни ^[2]. Третье – впечатление от моей недавней поездки в провинцию.

Всего Вам хорошего. Надеюсь как-нибудь с Вами встретиться.

Н. Муравьев

1. О «литературных средах» в доме Гингеров см. во вступительной статье.

2. Речь идет о стихотворении «Благодарность», см. прим. к п. № 4.

Н.Н. Оболенский ПИСЬМА ГИНГЕРУ И ПРИСМАНОВОЙ

Стихи и прозаические опыты князя Николая Николаевича Оболенского (1905–1993) относятся к числу малозаметных явлений эмигрантской литературы, но, как и многие другие персонажи, входившие в «гингеровский круг», без него трудно представить полноценную историю «русского Парижа», в особенности в послевоенное время. Родившийся в семье князей Н.Л. и Н.С. Оболенских¹, Н.Н. Оболенский свои детские годы провел в российской столице. После разразившейся в стране гражданской распри Оболенские – через Константинополь – эмигрировали во Францию. В Ницце Николай Николаевич окончил лицей, а затем элитную военную школу (*École spéciale militaire de Saint-Cyr*), готовящую кадры для французской армии и жандармерии, получив в 1925 г. чин подпоручика Иностранного легиона. Однако военная карьера оказалась ему не по душе, и в 1927 г. Оболенский окончил парижскую *École libre des sciences politiques* (Школу политических наук, предназначенную для обучения будущих дипломатов, государственных, политических и финансовых деятелей), после которой устроился на службу в страховую компанию. В годы II-й мировой войны вступил добровольцем в 21-й маршевый полк Иностранного легиона, был ранен и 8 месяцев провел в плену. После окончания войны за личное мужество был награжден Военным Крестом, позже, в 1965 г. – орденом Почетного легиона. Как поэт дебютировал в «Сборнике стихов поэтов “Объединения молодых деятелей русского искусства и науки”» (Париж, 1947. С. 37–40), несколько его стихотворений были включены в антологию Эстафета: 82–84 и напечатаны в журналах: Нов. 1950. № 42/43. С. 74–75², Воз-1. 1962. № 126; 1965. № 158³.

¹ Николай Леонидович Оболенский (1878–1960) после окончания юридического факультета Московского университета в 1901 г. служил в министерстве внутренних дел, был помощником Статс-секретаря Государственного совета; в годы I-й мировой войны возглавлял гражданскую канцелярию при штабе Верховного главнокомандующего вел. кн. Николая Николаевича; являлся членом Совета министерства внутренних дел; впоследствии губернатор ряда российских губерний – Курской, Харьковской, Ярославской. Наталья Степановна Оболенская (урожд. Соллогуб; 1881–1963).

² Там же появилось стихотворение Гингера «Зрение».

³ Утвеждение, будто бы Оболенский издал отдельные сборники своих стихов (см.: Российское зарубежье во Франции. 1919–2000: Биографический словарь <В 3-х

В *Альбоме* Гингеров Оболенский представлен следующим стихотворением:

Но уходит бесценное время,
Как из рук ускользает песок,
И нога опускается в стремя,
И теряется в мире челнок.

Только Ты, мое старое сердце,
Собираешь, ревниво храня,
Чтоб потом на нее опереться,
Радость мимоидущего дня.

Письма публикуются по автографам, хранящимся в University of Illinois Archives (Urbana-Champaign). Ms. 15/35/56 Sophie Pregel and Vadim Rudnev Coll. Box 3.

1

3/8/ <19>48

Дорогой Друг.

И.И. Тхоржевский^[1], которого я видел вчера, сказал мне, что имел короткое время «Эстафету» в руках, хвалил ее и хотел бы написать о ней статью^[2]. Спросил, есть ли она (Эстафета) у меня. Мне жаль было давать экземпляр с автографами^[3], и я обещал ему достать экземпляр. Т.к. к Каплану я собраться в ближайшие дни не могу^[4], да и не хочется тратить 200 f<rancs>, то (это ведь интересуется всех) нельзя ли было бы Вам нажать на редакторов и получить даровой экземпляр. Может быть, пока лучше особенно не распространяться, для каких целей.

Если да, то не откажите мне позвонить<:> Pigalle 84–70, дабы нам условиться, как Вы мне передадите возможно скорее книгу. Куй железо, пока горячо. Если нет, то тоже позвоните.

Дружески жму Вашу руку.

Поцелуйте ручку Вашей супруге.

Ваш

Н. Оболенский

31, rue Fresnel
Paris 16

томах> / Под общ. ред. Л. Мнухина <и др.> Т. 2. М.: Наука; Дом-музей М. Цветаевой, 2010. С. 324), не соответствует действительности.

1. Иван Иванович Тхоржевский (1878–1951), поэт, переводчик.
2. Рецензия И. Тхоржевского на Эстафету была напечатана в РМ (1948. № 75, 17 сент. С. 5).
3. См. фото этого экземпляра в кн.: *Герра Р.* «Когда мы в Россию вернемся...». СПб.: Росток, 2010. С. 253.
4. Михаил Семенович Каплан (1894–1979), книготорговец и издатель, владелец (с 1929) «Дома книги» (9, rue de l'Éperon, Paris, VI-e).

2

8/7/ <19>49

Милые Друзья.

Я очень жалел, что не смог воспользоваться милым приглашением Александра Самсоновича придти к Вам в среду, т<ак> к<ак> получил <за> несколько дней перед тем приглашение на вечер Смоленского^[1].

Что я искренне люблю Ваши стихи и дружески отношусь к Вам, Вы знаете, думаю, что Вы за мной признаете право интересоваться стихами и Смоленского с Одоевцевой и Ивановым. Не только думаю, впрочем, а твердо знаю.

Я нахожу необходимым существование людей, как я, слава Богу, достаточно независимое, чтобы позволить себе роскошь принимать у себя всех без исключения мне интересных или приятных людей и бывать у всегда желающих меня видеть, поскольку они мне приятны или интересны.

За эту независимость я готов заплатить чем угодно – хоть никогда более не печататься.

Всё это пишу с чувст<ом> воли que je prêche à des convertis^[2].

Уезжаю на 2 недели. В первых числах августа возвращаюсь и сижу, не двигаясь до конца сентября, когда опять уеду. Надеюсь повидать Вас.

Может быть, Александр Самсонович зайдет ко мне в Sohil или еще лучше позвонит мне Trineté 84–70, начиная с 2-го августа.

Целую ручку и жму руку.

Искренне и дружески

Н. Оболенский

Соль – замечательная^[3].

1. Речь идет о вечере стихов и прозы, который состоялся 6 июля 1949 г. в зале Русской консерватории и в котором, помимо В. Смоленского, приняли участие Г. Иванов, И. Одоевцева и К. Померанцев (Хроника 1(5): 322).

Владимир Алексеевич Смоленский (1901–1961), поэт, литературный критик. Оставил свой след в гингеровском Альбоме стихотворением «Поменьше слов, поменьше суеты...» (под названием «Осень» поэт включил его в сборник «Счастье», отдельным изданием не вышедший, а составивший раздел в «Собрании стихотворений» (Париж, 1957)):

Поменьше слов, поменьше суеты –
В лучах заката дни неслышно тают.
За окнами осенние цветы
Безмолвно и бесстрашно умирают.

И мертвый лист слетает, чуть шурша,
На золотом покрытую дорогу –
Как осень несказанно хороша,
Как смерть близка к бессмертию и Богу!

И жизнь твоя цвела как жизнь цветов,
И вот теперь она клонится долу,
К сырой земле, к Господнему престолу,
Окованному золотом листов.

1946

Влад. Смоленский

2. que je pêche à des convertis – которой я убеждаю отступников (*фр.*).
3. Имеется в виду третья книга стихов Присмановой «Соль» (Париж, 1949).

3

18/9/ <19>53

Милые Александр Самсонович и
Анна Семеновна.

Прилагаю при сем автограф Туроверова^[1]. Когда будете его благодарить, пошлите ему мою визитную карточку как доказательство, что Вы ни при чем.

Надеюсь, Вы оба благополучны и что лето прошло плодотворно для Ваших муз и здоровья.

Что сказать о себе. Работаю как вол и на службе и вне службы и совершенно не отдохнул за время отпуска, который вышел у меня неожиданно в сентябре. Пришлось срочно выехать к отцу, сломавшему себе ногу ^[2]. По счастью, дело обошлось без операции и гипса, но приходится неподвижно лежать 30 или 45 дней.

Надеюсь Вас увидеть осенью, а пока дружески целую ручку и жму руку.

Ваш

Н. Оболенский

1. Николай Николаевич Туроверов (1899–1972), поэт, прозаик, историк казачества, общественный деятель.

2. О Н.Л. Оболенском см. выше, во вступительной заметке.

4

15/ХП <19>56

Дорогой Александр Самсонович!

Сердечное спасибо за подарок ^[1]. Вы доставили мне *большую* радость, *во-первых*, стихами, которые я знаю, люблю и ценю искренне и давно! (На днях совершенно неожиданно для себя узнал, что друзья, у которых я обедал и чьей литературной осведомленности не предвидел, в курсе нашей современной поэзии. Особенно было мне приятно слышать их отзыв о Ваших стихах.) Во-вторых, Вашим дружеским вниманием. Мое отношение к Вашим стихам Вы знаете: люблю их классичность и современность и своевременность. Еще больше люблю их волевою героичность, их мудрость. Мало их. Сборник скуп. Пропало много свободной бумаги ^[2]. 12 стихотворений это большая скромность и большая скромность. Но за всё поклон! Всё же два вопроса, чтобы доказать, что я читал и перечитывал с вниманием. Среди полета и паденья *уравновешивая?* путь ^[3]. И второй <:> «неверующих или верующих». Эта «музыка» едва ли допустима в этом стихотворении из-за его серьезности и значительности. Впечатление, что спотыкаешься ^[4]. Не знаю, прав ли я.

Поцелуйте ручки Анне Семеновне. Не считайте меня никем иным, кроме как человеком, почти валящимся от чрезмерной усталости, держусь с трудом.

<на полях 1-й странички:>

Как вздохну, заявлю о своем существовании. Крепко и дружески
жму Вашу руку.

Искренне Ваш

Н. Оболенский

1. Речь идет о книге стихов Гингера В.
2. Ср. с аналогичными словами В. Мамченко в его письме Гингеру от 8 декабря 1956 г. (№ 1).
3. Из стихотворения «Зрение».
4. Имеется в виду следующая строфа из стихотворения «Утро»:

О счастье берущих и дающих,
тех кто опять не слеп, тех кто опять не глух,
неверующих или верующих;
о зрение и слух!

Ср. с тем, о чем писал Гингеру в связи с этим стихотворением Б. Божнев (письмо № 18, от 2 декабря <1951>), хотя и апеллировал к другому его фрагменту.

Б.Г. Пантелеймонов
ПИСЬМА ГИНГЕРУ

Имя Бориса Григорьевича Пантелеймонова (1888–1950) вспыхнуло на небосклоне эмигрантской словесности в послевоенный период, когда немолодому уже писателю-дебютанту, ученому-химику по основной профессии, оставалось жить совсем не долго. Поддержанный И. Буниным, А. Ремизовым, Тэффи, Г. Адамовичем, разглядевшими в нем крупный и своеобразный талант, Пантелеймонов во второй половине 40-х гг. издает книгу за книгой своих рассказов: «Зеленый шум» (1947), «Приключения дяди Володи» (1947), «Звериный знак» (1948), «Золотое число» (1949) – все изданы в Париже; «Последняя книга» вышла посмертно, в 1952 г., в нью-йоркском издательстве им. Чехова.

Письма публикуются по автографам, хранящимся в University of Illinois Archives (Urbana-Champaign). Ms. 15/35/56 Sophie Pregel and Vadim Rudnev Coll. Box 3.

1 ^[1]

2.II.1946

Многоуважаемый г. Гингер.

Поблагодарите Анну Семеновну за ответ. Что касается Вашей статьи, то пришлите, может быть, она нас и заинтересует^[2].

С уважением

Ваш <подпись>

1. Написано на именной почтовой бумаге:

B. Panteleymonoff de rechercher chimiques

Gérance de la société

Ortho

24, rue Pétreille

2. Речь, по всей видимости, идет о «Русском сборнике», который Пантелеймонов собирал в это время (вышел в парижском издательстве «Подорожник» в конце мая 1946 г.). «Ответ» Присмановой, который упоминается в письме, очевидно, связан с ее стихотворением «Азбука», напечатанным в «Русском сборнике» (С. 143–144). О какой статье Гингера говорится, неиз-

вестно: в «Русском сборнике» его имя не появлялось. Возможно, речь шла о какой-либо из двух статей, включенных в настоящее издание (см. раздел Проза. Рассказы, очерки, эссе): «Русский язык и литература во Франции» или «О разновидностях русского пятистопного ямба».

2

21 апреля <1>948^[1]

Дорогой поэт Гингер, Александр Самсонович.

К нашему вчерашнему разговору по телефону:

1) 2000 фр<анков>, которые Вы мне должны, прошу вручить, когда они у Вас будут, Вашей супруге, поэтессе Присмановой. *Сейчас же* скажите ей, что Вы продали в долг одному капиталисту билет за 2000 франков, и деньги обещаны тогда-то. Не говорите обо мне, т<ак> к<ак> она может обидеться, что ее коллега покупает билет на ее же вечер^[2]. Таким образом крайне неприятные денежные счета с Вами я считаю закрытыми.

2) По поводу статьи Тэффи^[3]. «Мне Ваша искренность мила»^[4] – право, отраднo, что Вы не таите, как другие, а прямо высказываете, как неприятно читать неумеренные похвалы. Всё это вполне естественно, и иначе быть не может. Но позвольте всё же заметить, раз Вы коснулись этого, следующее.

Когда Вы обвиняете в несправедливости кого-либо (за упоминание в статье Сартра), то нужно быть и самому справедливым. Перечтите и убедитесь, что никакого сравнения с Сартром там нет^[5]. Есть противопоставление не талантов, а характера писания. Далее – за автора несет ответственность и редакция. Она, следовательно, солидарна в оценке, если печатает статью. «Вина» Тэффи уменьшается еще тем, что ряд других лиц смели напечатать нечто подобное (прилагаю вкладыш в мою новую книгу – «Звериный знак»)^[6].

Вопрос о том, первый ли я «Талант» в 14 аррондисмане, конечно, чрезвычайно жгучий. По-моему, это так оставить нельзя. Необходимо объединиться и протестовать. Лучше всего не нападать прямо, а благородно вступить за честь других. Например, за Сартра (некоторых только это и задело) или, как сделали некоторые, расшифровать, почему и с какой целью Тэффи упомянула про гомосексуалистов^[7]. Так можно борьбу облагородить и приобрести сотрудников.

Но Вы, право, очень милы – я бы никогда не шел прямо, а са-
пой.

Ваш сердечно Пантелеймонов
Борис Пантелеймонов, из 14 аррондисмана

1. Письмо отпечатано на машинке.

2. О литературном вечере Присмановой см. прим. 2 к письму В.А. Зайце-
вой Гингеру (№ 2, от июня 1948 г.).

3. Речь идет о рецензии Тэффи «Зеленый шум» на одноименную книгу
повестей и рассказов Б. Пантелеймонова (Париж: Подорожник, 1947), на-
печатанную в Нов (1948. № 37/38. С. 138–142). Хвалебная рецензия на книгу
почти никому неведомого писателя вызвала неоднозначную реакцию в эми-
грантских литературных кругах. Судя по всему, Гингер, человек достаточно
прямой и независимый, самому Пантелеймонову («вчерашний разговор по
телефону») говорил что-то о неумеренных похвалах рецензента.

4. Слова Онегина, обращенные к Татьяне (А. Пушкин. Евгений Онегин,
гл. 4, строфа XII).

5. То место в статье Тэффи, о котором говорит Пантелеймонов, выглядит
следующим образом:

Закрываешь книгу – точно дохнул с зеленой горы вольного, душистого
лесного воздуха, и небо над тобой благостное, и даль ясна. И забываешь про
гниющую болотную трясину, где модно квакают «страшно талантливые Сартры»
и «ужасно умные» порнографы Миллеры (С. 142).

6. В стандартных изданиях книги рассказов Пантелеймонова «Звериный
знак» (Париж: Подорожник, 1948) такой вкладыш (вероятно, с похвальными
отзывами) отсутствует.

7. В рецензии, отмечая богатство языка Пантелеймонова, Тэффи пи-
сала:

Такой язык хорошо сочетается именно с «Зеленым шумом», с тайгой, с мед-
ведем, с дикообразным охотником, с ясными молодыми глазами. Какие-нибудь
переживания старого гомосексуалиста таким языком не расскажешь (С. 141).

С.Ю. Прегель ПЕРЕПИСКА С ГИНГЕРОМ

Ко многим другим заслугам поэтессы, прозаика, редактора, издателя, мемуариста, общественного деятеля Софии Юльевны Прегель (1897–1972), «директрисы эмигрантской литературы», по неувыдаемому определению Г. Адамовича, нужно прибавить еще одно: ей принадлежит заслуга сохранения архива Гингера и Присмановой, находящегося в настоящее время в Иллинойском университете, – именно из этого архива приводится основной массив писем, публикуемых в настоящем издании.

С. Прегель была настоящим «добрым ангелом» этой семьи – и при жизни обоих супругов, и когда одного из них, Присмановой, не стало. Так, именно она занималась устройством вечера памяти поэтессы, состоявшегося 16 декабря 1961 г. в РМОЗ (Русском музыкальном обществе за границей)¹. Сообщая о нем в письме к И. Чиннову, Гингер писал:

16 декабря в субботу в Р.М.О.З. вечер памяти Ани. Вход свободный и бесплатный. Я не пойду, потому что будет магнитофон с ее голосом. Впрочем, это была моя собственная идея, я думал, что это будет интересно для присутствующих, и сам это предложил. Но для меня это слишком огорчительно. Устройством вечера занимается С.Ю. Прегель, я не вмешиваюсь ни во что, кроме вот именно того, что посылаю моего сына с магнитофоном².

Переписка между Прегель и Гингером относится к тому времени в жизни последнего, когда ему оставалось жить считанные месяцы,

¹ Открывая вечер, вступительное слово произнес Г. Адамович (см.: *Адамович Георгий*. Анна Присманова: (Вступительное слово на собрании 16 декабря) // РМ. 1962. № 1796, 6 февр. С. 2); стихи Присмановой прочла М.А. Крыжановская, ее рассказ – Б. Рейн; С. Прегель выступила с воспоминаниями о поэтессе; на вечере звучала магнитофонная запись (в газетном отчете – «пластинка», что не верно) с чтением стихов самой Присмановой (Хроника 2(6): 469). Предваряющую вечер статью – «Поэзия Анны Присмановой: К предстоящему 16 декабря вечеру ее памяти» – написал К. Померанцев (РМ. 1961. № 1771, 9 дек. С. 7), которому принадлежала и одна из посвященных ей некрологических статей: *К. П.<омеранцев>*. Анна Присманова // РМ. 1960. № 1602, 10 нояб. С. 7.

² Письма запрещенных людей: 314.

и сосредоточена вокруг подготовки и издания итоговой поэтической книги *C*, в чем Прегель принимала самое живое и непосредственное участие, оказывая активную и бескорыстную помощь. Весной 1965 г. Гингер находился в больнице Saint-Joseph, из которой написаны многие его письма к Прегель. Необычные для него, человека в целом равнодушного к литературной славе, усилия увидеть книгу стихов напечатанной и тем самым, как сам он замечал, подвести итог своей 47-летней литературной деятельности совпали с кульминационным периодом его болезни, и эти два процесса – физического кризиса (почти несбиваемой высокой температуры, сердечной аритмии и пр.) и непреклонной творческой воли – создают тот неизмышленный и неразрубаемый узел жизненного драматизма, который оказался одновременно и реальным фоном, и неким символическим финалом гингеровского земного существования и как человека, и как поэта.

Письма Гингера к С.Ю. Прегель и ее письмо к нему публикуются по автографам, хранящимся в University of Illinois Archives (Urbana-Champaign). Ms. 15/35/56 Sophie Pregel and Vadim Rudnev Coll. Box 1.

ПИСЬМА ГИНГЕРА С.Ю. ПРЕГЕЛЬ

1 ^[1]

<1965, до 10 апреля> ^[2]

Дорогая София Юльевна

Пишу, чтобы использовать Ваш конверт, но думаю, что теперь уже начинается опасность, что следующее письмо может прибыть после Вашего отъезда. Все мои письма я писал по ночам. Последнюю ночь я не написал ни одного письма и много спал, но т^о утром все-таки была 37,9. Очевидно, это моя натура. Если не будет перемен в решении докторов (которые возможны), то 7, 8 или 9 <апреля? мая?> я вернусь домой. Мне предстоят 3 приятных дела (приятно даже 2-е): 1) заняться книгой, 2) пойти к зубнихе, 3) купить новые штаны. Вася и Фиалка ^[4] выяснили, что в Париже нет вольтеровских кресел, все раскуплены итальянцами. Они нашли нечто вроде на блошином рынке, Ф<иалка> обещала научно исследовать, нет ли клопов. Сережа и

Анна^[4] уезжают на 2 недели в Charente-Maritime^[5] с детьми (свои + вдовы убившегося).

Жена известного Jules Moch^[6] была до *coup de foudre*^[7], кончившегося браком, туберкулезной старой девой Eliane Bickert, писавшей докторскую диссертацию о Кузмине (она знает русский язык)^[8]. Я дал ей в свое время указания о переводах французских стихов Тредиаковского, сделанных (замечательно) Кузминым^[9]. Она прислала 2 подписки^[10]. Пока 77. Предполагаю дойти до 200. Насчет переплета, кажется, лучше отставить. Когда вы вернетесь, мы поместим в Русской мыс- <продолжение на 1-й странице над обращением, «вверх ногами» и словом «конец»: > ли объявление о предварительной подписке^[11]. Спасибо за всё.

Г<ингер>

1. Письмо написано из парижской больницы Saint-Joseph.
2. Время определяется по контексту.
3. Старший сын и его жена.
4. Младший сын и его жена.
5. Charente-Maritime – департамент на западном побережье Франции.
6. Jules Salvador Moch (1893–1985), французский политический и государственный деятель.
7. *coup de foudre* – любовь с первого взгляда (*фр.*).
8. Éliane Bickert (1920–1985), французский славист, специалист по истории русского символизма, А. Блоку, М. Кузмину, А. Ахматовой и др. Ее диссертация, посвященная творчеству танцовщицы О. Глебовой-Судейкиной (Olga Glébova-Soudeikina, *amis et inspiratrice des poètes*. Université de Lille III, 1972), переведена на русский язык и издана в виде книги: «Коломба десятих годов» (Париж; СПб., 1993). Была второй женой (1963–1985) Jules Moch. В подписном листе на С, который вел Гингер, имя E. Moch-Bickert появляется четыре раза (т.е. она подписалась на 4 экземпляра) – под №№ 76, 77, 356 и 357 (University of Illinois Archives (Urbana-Champaign). Ms. 15/35/56 Sophie Pregel and Vadim Rudnev Coll. Box 1).
9. М.А. Кузмину принадлежат переводы шестнадцати французских (и одного латинского) стихотворений, выполненные в 1932 г. и впервые включенные в кн.: *Тредиаковский. Стихотворения* / Под ред. А.С. Орлова; При участ. А.И. Малеина, П.Н. Беркова и Г.А. Гуковского; Вступ. ст. С.М. Бонди. Л., 1935. С. 295–306.
10. Речь идет о сборе средств по предварительной подписке на издание С.
11. Объявление о подписке, помещенное в РМ (1965. № 2293, 10 апр. С. 4), было следующего содержания:

Открыта предварительная подписка на книгу А. Гингер, –
Сердце, стихи 1917–1963.

Посылать подписную плату (5 фр<анков> = 500 старых)
в обыкновенном письме по
следующему адресу:

Ginger, 4, rue Thureau-Dangin, Paris 15-e

2

<1965, до 10 апреля>

Дорогая София Юлиевна

Это второе письмо на Малую Конюшенную^[1]. Так как я остаюсь в госпитале весь апрель (и часть мая), то я, по всей вероятности, успею подготовить всю книгу. Я всё подсчитал. Выходит 68 страниц, т.е. 4¼ печатных листа. Это достаточно толсто для 5 фр<анков>. Страшно сердит из-за подписки на некоторых знакомых, напр<имер>, на Адамовича, который из озорства не прислал, несмотря на мои увещевания; кроме того, он почему-то не подписал графа Рабино^[2]. Если граф не подпишется, моей ноги у него больше не будет. Также теряюсь в догадках, почему не прислал 5 фр<анков> Жаба^[3], которому я писал. Каждое утро умываюсь и бреюсь в 6 часов независимо от самочувствия и иду на рентгеновские лучи, чтобы не ожидать очереди. Настроение хорошее, но сердце упорно не желает принять нормальный ритм.

Ваш Г<ингер>

1. Прегель жила по адресу: 7, rue des Petites Écuries (Paris, X-e), т.е. в переводе русский язык – на улице Малых конюшен.

2. По всей видимости, речь идет об адвокате Якове Борисовиче Рабиновиче (1898–1964). См. о нем и предпринятой им акции дарения книг в Национальную библиотеку Израиля: Два фрагмента из истории русских масонов-эмигрантов в Париже / Публ. и коммент. В. Хазана // Евреи России – иммигранты Франции. М.; Париж; Иерусалим: Гешарим-Мосты культуры, 2000. С. 332–377. В листе подписчиков на С «Рабино» стоит под № 310.

3. Сергей Павлович Жаба (1894–1982), журналист, публицист, общественный деятель; муж поэтессы Т.А. Величковской (см. о ней прим. 3 к письму Гингера Андреевым). Жаба позднее сделал необходимый взнос: в листе подписчиков его фамилия стоит под № 246.

<1965, до 10 апреля>

Дорогая София Юлиевна

Я выйду из госпиталя во всяком случае не раньше первых чисел мая. Маньяк радиолог констатировал, что я люблю лучи и что я без переливания крови восстанавливаю разрушенные ими кровяные ша-рики: лучи разрушили миллион – я восстанавливаю миллион, они раз-рушили 2 миллиона – я восстанавливаю два. Напав на такую редкую птицу, радиолог назначил еще 20 сеансов (по воскресеньям отдых). Таким образом, подписка в госпитале продолжается, 154. Деньги да-ются на сохранение Васе. Я уже начал работать над книгой за большим столом, когда он свободен. Приготовил 20 страниц. Мне запрещают утомляться, т.к. пульс 120. Лишний месяц этого превосходного госпи-таля, где я всех люблю и где ко мне хорошо относятся, меня не пугает. Я не нуждаюсь ни в чем: мои сыновья, их жоны (я буду писать так и в книге, всё равно это будет скоро принято) и Франциска – которыми одарило меня Сердце мира (Сердце мира это так наз<ываемый> Бог, это выражение из моего стихотворения Сердце), исполняют все мои поручения. Такого счастливого отрезка моей кармической цепи в моей жизни еще не было. Я начинаю страдать комплексом Поликрата^[1]. Жду еще немало подписчиков от монпарнасцев, которые проявили большое внимание. Не приходите, если Вас это утомляет. Спасибо за всё, что Вы для меня делаете.

Ваш Г<ингер>

1. О Поликрате см. в комментариях к стихотворению «Перстень I» (*ЖуТ*). Этот мифологический образ, несомненно, посетил Гингера в связи с работой над *С*, куда вошли оба его «Перстня».

<1965, до 10 апреля>

Дорогая София Юлиевна

Хотя зная Вашу любезность, я предполагаю, что Вы еще зайдете в больницу, тем более, что меня выпустят только около 10 мая (если

выпустят), но я Вам уже сообщаю, что книгу я совершенно кончил (несмотря на т° 38,6), и Фиалка отнесет ее Березняку; т<ак> к<ак> я писал каллиграфически, может быть, удастся обойтись без машинки. Хороша эта книга или плоха, но в ней резюме моей литературы за 1917–1964 (47 лет).

Адамович озорник не подписался^[1]. Я хочу иметь Мишку Кантора, который ко мне хорошо относится^[2]. Озорник Адамович *не* подписал жидографа Рабино! Все Ваши дамы (Гликберг^[3], Кан<н>ак^[4], Бродская (кажется)^[5] и т.д.) подписались через Гранову^[6].

Ваш эгоист Г<ингер>

<на первой странице на полях:> Газданова^[7] подписала Мотылеву^[8], Давыдову^[9] и многих других.

Т<ак> к<ак> я отказался от переплета, я хотел бы хоть очень плотную обложку.

1. В листе подписчиков Г. Адамович стоит под № 156. Ср. в его письме Гингеру от 10 апреля 1965 г.:

Cher ami Александр Самсонович, при сем 500 fr<ancs>, Вами усиленно требуемые. Сегодня в «Р<усской> Мысли» объявление о подписке на Вашу книгу (Письма Адамовича: 317).

2. М.Л. Кантор (см. прим. 14 к письму Д. Кнута Гингеру № 5, от 12 августа 1949 г.) в листе подписчиков стоит под № 159. Ср. в том же письме, что цитировалось в предыдущем прим.:

«Мишка» <Кантор> собирается послать Вам свой взнос (Там же).

3. По всей вероятности, Анна Степановна Гликберг, вдова Д.Л. Гликберга, см. прим. 17 к письму Д. Кнута Гингеру № 5, от 12 августа 1949 г.

4. Евгения Осиповна Каннак (урожд. Залкинд; 1903–1986), прозаик, переводчик, мемуарист; автор посмертно изданной книги «Верность: Воспоминания, рассказы, очерки» (Paris: YMCA-Press, 1992). Представляя Каннак советскому литературоведу П.Л. Вячеславу, Прегель писала в письме к нему от 16 августа 1961 г.:

Это французенка русского происхождения, муж ее чистокровный бретонец, профессор германской литературы и автор недавно вышедшей книги о Нечаеве... (Тут сказалось влияние русской жены.) Сама Евгения Осиповна исключительно приятный человек. Ее квалификация: журналистка, писательница, *переводчица*. Я думаю, Вам будет интересно с ней познакомиться (*Прегель София*. Письма П.Л. Вячеславу / Публ. и прим. Н. Рубашевой // НЖ. 2000. № 219. С. 160).

5. Нина А. Бродская (урожд. Мансо; 1892–1972), художник-декоратор, поэтесса, автор сборника стихов «Напролет» (Париж: Рифма, 1968).

6. Екатерина (Катя) Федоровна Гранова (1895–1989), французская поэтесса, переводчица, владелица картинных галерей в Париже, Каннах и Онфлере. Составила и перевела на французский язык антологию русской поэзии (1961). Удостоена высшей награды Франции ордена Почетного легиона.

7. См. прим. 2 к письму А. Бахраха к Гингеру.

8. По всей вероятности, актриса Валентина Ивановна Мотылева (в браке Мотылева-Анненкова; 1893–1978), жена Ю.П. Анненкова (см. прим. 4 к п. 7).

9. По всей вероятности, певица и общественный деятель Ольга Яковлевна Давыдова (урожд. Миллер; 1899–1975).

5

<1965, после 10 апреля>

Дорогая София Юлиевна

Подписался А. Шик^[1]. Таким образом, объявление в Р<усской> мысли^[2] принесло мне Туроверова^[3] и Шика. Я (не знаю, с горечью или бэз – как говорит Г.В. Адамович, генеральский сынок^[4], вместо того, чтобы произносить «бес», как пролетарии) констатирую, что моя литературная известность (не говорю «слава») не настолько значительна, чтобы из каких-то толщ читательских масс (?) вынырнуло хоть одно незнакомое лицо, чтобы подписаться на мою новую книгу. Думаю, что с Н.Н. Евсеевым обстоит не так^[5]!

Значит, теперь у меня имеется 195 подписок, т.е. 97500 ф<ранков> (увы, старых!). Впрочем, денежный вопрос уже не представляет никаких трудностей. Теперь интересуюсь (конечно, только через Вас) долларами. Вы говорите: чем больше подписчиков, тем больше читателей. Но ведь если говорить действительно правду (как сказано в не вошедшем в эту книгу стихотворении про Гинемера «одинокая смелость моя»^[6]), то надо сознаться, что во всем мире эта книга интересует человек... 5! А то и меньше... Если бы Вас не было, никто не оказал бы мне такое содействие. Спасибо.

Г<ингер>.

1. Александр Адольфович Шик (1887–1968), юрист, литератор, журналист, переводчик, общественный деятель.

2. См. прим. 11 к п. № 1.
3. См. прим. 1 к письму Гингера Н.Н. Оболенскому № 3, от 18 сентября 1953 г.
4. Отец Адамовича – Виктор Михайлович (1839–1903), генерал-майор, начальник Московского военного госпиталя.
5. См. прим. 3 к письму В.И. Бологовского Гингеру. У Евсеева в это время выходила книга «Крылатый шум» (Париж: Изд. «Родимый край», 1965).
6. Из стихотворения Гингера «Имя» (В).

6

Дорогая София Юлиевна

По моим расчетам, Е. Таубер^[1] уже давным-давно написала Алексеевой^[2], чтобы та прислала 1\$ и сказала другим, но я пока еще ни от кого не получил. Заметьте, что мне деньги почти не нужны, это просто роскошь (впрочем, если что останется, это пойдет на книгу Присмановой)^[3]. Однако Америку я самым эгоистичным образом оставляю в Вашем ведении и ни одному американцу не напишу (хотя более чем прекрасно сознаю, что это бесстыдство).

Когда я получу корректурные оттиски, я думаю позволить себе просить Вас прочесть их со своей стороны независимо от меня (я надеюсь иметь 2 колоды). Но Вам надо будет принимать во внимание особенности орфографии и пунктуации: я взял заранее кое-что из того, что давно напрашивалось и что будет принято и официализовано в близком будущем (9/10 реформы я оставляю в стороне). Я пишу: пошол, лишон, заглушон, лжот, Аполон, Изабела, колонада, акуратный; вногу, попути, начто... Когда именно небезызвестная Фиалка отнесет книгу к Березняку^[4], я не знаю, вероятно, очень скоро. Если почему-либо Березняк не может взять эту работу, я ее отдам в Унион (Кодрянская), ибо я настаиваю на монолите^[5].

Чувствую себя превосходно, но икота будет у меня еще месяцы!

Признательный Г<ингер>

1. Екатерина Леонидовна Таубер (1903–1987), поэтесса, прозаик, литературный критик, переводчик; ей принадлежала статья, посвященная памяти Присмановой, «Розы или рожь» (НЖ. 1961. № 64. С. 151–158).

2. Лидия Алексеева (урожд. Лидия Алексеевна Девель; в браке Иванникова; 1909–1989), поэтесса, прозаик, переводчик, литературный критик, мемуарист; жена писателя М.Д. Иванникова (в 1937–1949). С 1949 г. жила в США. В Национальной библиотеке Израиля хранится экземпляр ее сборника стихов «В пути» (New York, 1959) со следующей дарственной надписью: «А.С. Присмановой и А.С. Гингеру привет из-за океана! Л. Алексеева. 29-I-<19>60».

3. Замысел об издании посмертно-итоговой книги стихов Присмановой осуществлен не был: у Гингера для этого просто не хватило жизненного времени.

4. См. прим. 11 к письму Гингера В. Булич № 4, от 24 марта 1954.

5. Имеется в виду парижская типография Union, в которой печатались книги Н. Кодрянской.

7

Дорогая София Юлиевна

Получил от Алексеевой-Иванниковой чек на \$20 и заказ на 20 экземпляров для нее, Анстей^[1], Елагина^[2] и др<угих>. Написал благодарственное письмо (так же, как и Кодрянской^[3] – насчет писем, особенно деловых, я чрезвычайно цивилизованный). Теперь стало 230 подписок. Можно считать, что предварительная подписка уже дала прекрасные результаты – благодаря Вашей активности и благодаря тому, что в первое время после открытия подписки я совсем не спал и писал по ночам душераздирающие письма, написал штук если не 100, то 80. Как теперь быть? Ведь логично, чтобы подписчики имели хоть какое-нибудь преимущество, поэтому, вероятно, следует, когда книга будет напечатана, поднять цену хотя бы до 6 ф<ранков>? Но не в магазинах, а у меня. Я недоумеваю, что Анненков^[4] и Жабы^[5] не подписались. Скоро можно будет дойти до 300.

С благодарностью Г<ингер>

1. Ольга Анстей (наст. имя и фам. Ольга Николаевна Штейнберг; 1912–1985), поэтесса и переводчица второй волны эмиграции; с 1950 г. жила в США; жена (с 1937 по 1948) И. Елагина.

2. Иван Елагин (наст. имя и фам. Зангвильд (Залик) Венедиктович Матвеев; 1918–1987), поэт второй волны эмиграции; с 1950 г. жил в США.

3. См. письмо Гингера Н.В. и И.В. Кодрянским № 8, от апреля 1965.

4. Юрий Павлович Анненков (1889–1974), живописец, график, прозаик (писал под псевдонимом Борис Темирязов), художник театра и кино, художественный и театральный критик, публицист, режиссер, мемуарист. 11 июня 1946 г. Гингер и Присманова проводили вместе с ним литературный вечер в помещении Союза советских патриотов (Хроника 1(5): 153).

5. См. прим. 3 к п. № 2; использована форма множ. числа – т.е. оба супруга: С.П. Жаба и Т.А. Величковская.

<апрель, май 1965>^[1]

Дорогая София Юлиевна, проект возвращения на квартиру 5 мая остается в силе^[2]. Только что получил подписку от Жабы, всего пока 246^[3]. Анненков не прислал^[4]. Зная Вашу бешеную энергию, надеюсь, что на вечере Померанца^[5] Вы будет<е> бросаться на людей как хищный зверь и подписывать. Кроме Вас, современники не имеют никакой энергии (или желания помочь), например, Крымовы^[6] не подписали абсолютно никого. Это довольно очень свинство с ихнего боку. Пока еще раз благодарю Вас за расходы, труды, волнения.

1. Датируется по контексту.

2. Т.е. возвращения из больницы.

3. Последним учтенным лицом в листе подписчиков (под №№ 372, 373, 374) являлся литературовед Б. Филлипов (Illinois Archives (Urbana-Champaign). Ms. 15/35/56 Sophie Pregel and Vadim Rudnev Coll. Box 1).

4. См. прим 4 к предыд. п.

5. Под «вечером Померанца» имеется в виду состоявшийся 7 мая 1965 г. литературный вечер, посвященный памяти Г. Иванова, В. Смоленского и Ю. Одарченко, доклад о которых сделал К. Померанцев, см.: РМ. 1965. 29 апреля, 19 июня.

6. Предприниматель, прозаик, журналист, издатель, мемуарист Владимир Пименович Крымов (1878–1968) и его жена Берта Владимировна (урожд. Ловянова; 1904–1982).

Дорогая София Юлиевна

Итак, провожаемый проклятиями радиолога и его ассистенток, я – в принципе – еду домой послезавтра, в среду, 5 мая. Дóма лечения не предвидится, кроме уколов каждые 10 дней. Думаю с некоторым ужасом о порядке, который я должен наводить после 3½ месяцев: книги, рукописи... кактус! Не знаю, сколько времени на это уйдет. Пока еще не имею ничего от Березняка, но Вася и Фиалка, вероятно, с ним в контакте (я их не видел уже 3 дня). Имеете ли Вы у себя книгу Шапиро La Ruche ^[2]? Мне пришло в голову, что хорошо бы иметь для книги бумагу, как у Шапиро. Как Вы думаете?

Имею температуру больше, чем раньше: систематически утром 38, вечером 39. Но мы думаем, что это работа рентгеновских лучей. Не имею представления, сколько времени (если не будет осложнений) я должен считать себя на положении больного, то есть не уставать (что почти невозможно из-за массы дел) и т.п. Вероятно, самочувствие покажет.

Если Вы заметите на вечере Померанца каких-нибудь благожелательных людей, скажите им, пожалуйста, чтобы они подписались – предварительно; потом надо будет поднять цену до 7 ф<ранков>.

С благодарностью за все (за самоотверженность и самозабвенность).

<на 1-й странице над обращением:> Подпись: Г<ингер>

1. Датируется по контексту.

2. Речь идет о книге Я. (Ж.) Шапиро «La Ruche» (Paris: Flammarion, 1960) – о знаменитой коммуне-общезитии художников в Париже; о Шапиро см. прим. 11 к письму Б. Божнева Гингеру № 24, от 14 мая <1953>.

Воскресенье.

Дорогая София Юлиевна

Сегодня почему-то t° 39,2, так что все сердятся. Надеюсь, она сама понизится, а то бы меня не выпустили – Фиалка вчера была в

типографии и говорила с сыном Березняка, который назвал ей предположительно такие цифры, что у нее дыханье сперло: не то 200000, не то 300000. Он сказал, что сделает смету на 300 экземпляров, на 350 и на 400. Он говорит, что цены очень вздорожали, особенно если работа тщательная. Хорошо, что я болен и не должен ходить в типографию и раздражаться. При таких ценах вообще трудно что-нибудь выпускать. Подождем окончательной сметы.

Ваш Г<ингер>

Письмо С.Ю. Прегель Гингеру

17 августа 1965

Дорогой друг,

Только что пришло письмо Сережи <Гингера>, написанное под Вашу диктовку.

Я рада и счастлива, что книга имеет столько откликов! Вейдле, например, почти никому не пишет^[1]. А Ек. Таубер – человек предельно искренний и честный, и я верю каждому ее слову^[2]. У Вас будет еще, я уверена, лавина писем... Если вопрос Нового Русского Слова Вас смущает, пошлите им несколько экз<емпляров> (4–5, не больше!). Я беру это на свою ответственность.

Приехали вчера вечером, но еще не видели врача. Он в полном расстройстве: спешно оперировали его жену.

Лечение начинается с завтрашнего дня, жалею, что Вы ушиблись, но будет зато, чем похвастать перед посетителями. Шлю Сереже и Françoise^[3] мой сердечный привет. А Вам желаю всего, всего хорошего и светлого.

Всегда Ваша

С<офия> П<регель>

1. См. письмо В.В. Вейдле Гингеру от 15 августа 1965 г. – в связи с выходом С.

2. О Е.Л. Таубер см. прим. 1 к п. № 6.

3. С. Прегель, судя по всему, ошибается в том, что письмо писал Сергей (Serge); по-видимому, он написано Василием (Basile); Françoise (или Фиалка, как ее называл Гингер) – жена Василия.

Э.М. Райс Письмо Гингеру

«Страстный, неутомимый человек, задорный спорщик, талантливый и парадоксальный литератор»¹, Эммануил Матусович Райс (1909–1981) относился, как писал о нем близко знавший его И. Чиннов, к числу чудаков, «мало кем признанных, но достойных внимания».

Выходец откуда-то из Буковины², – продолжает И. Чиннов, – он знал пятнадцать языков и был необыкновенно начитан. В молодости случилось ему записаться во французскую компартию, а в мое время ударился он в ультраортодоксальный иудаизм. Помню, как в столовке накрывал он плечи талесом, надевал ермолку и, раскачиваясь, бормотал что-то. Неожиданно стал он членом НТС. И странно было видеть его большой семитский нос среди русейших физиономий энтезовцев³.

Подчеркивая и написанную на лице Райса тысячелетнюю ветхозаветность («семитский нос»), и носимую в душе метафизику иудаизма, Ю. Иваск таким рисовал его портрет в своей поэме «Играющий человек», к которой, кстати, Райс написал краткую вступительную заметку:

Насчитываю тысячи отметин
Тысячелетий на его лице
Песчаном: явственно ветхозаветен
Сей иудей. О, как он об Отце
Тоскует, испивая едкий оцет,
Который бледная Европа цедит,
Песка и желчи, но и солнца цвет
Эммануила⁴.

В *Альбоме* Гингеров Райс, который писал стихи⁵, оставил следующий автограф (сохранены синтаксические особенности оригинала – почти полное отсутствие знаков препинания):

¹ *Филиппов Борис*. Памяти Эммануила Райса // НРС. 1981. № 25529, 7 июня. С. 5.

² Райс родился в г. Хотине (Северная Буковина; ныне входит в состав Украины).

³ *Чиннов И.В.* Собрание сочинений: В 2-х томах. Т. 2. М.: Согласие, 2002. С. 94.

⁴ *Иваск Юрий*. Играющий человек // Воз-2. 1973. № 240. С. 35.

⁵ См. в письме Г. Адамовича А. Бахраху от 1 сентября 1947 г.: «Сейчас я сижу (изучаю) над стихами Эм. Райса – нечто очень путаное и странное, скорей с прелестью, чем с талантом» (Письма Г.В. Адамовича А.В. Бахраху / Публ. Вадима и Веры Крейд // НЖ. 1999. № 216. С. 110).

Острые звезды плывут над бледнеющим миром.
Стекла реки. Равнодушное пенье случайно
Хриплого хора, где дети в фуфайках из шерсти
И на высоких регистрах святая Цецилия в белом
Никнет и стекла дрожат наполняясь органом.
Сумерки зимние, голос детей и молчанье
Робко они тишину нарушают густую
Дремлет она непробудной в сырости листьев
Только тоска и о прошлых годах сожаленье
И одиночество вечером в тяжком морозе
Красные зори и сырость провинции старой
Холод свинцовой рукой искушает забвением вечным
Синее небо вечерне свежо и глубоко
А за оконными стеклами жарко натоплены строгие печи
Патриархальный уют и печальное высокомерье.

Эммануил Райс

Париж

19/V <19>48

Публикуемое письмо Райса связано с преподнесенным ему Гингером сборником стихов *B*.

Письмо публикуется по автографу, хранящемуся в University of Illinois Archives (Urbana-Champaign). Ms. 15/35/56 Sophie Pregel and Vadim Rudnev Coll. Box 3.

Париж 3–1–<19>57

Дорогой Александр Самсонович.

Всё ожидал т<ак> наз<ываемого> «вдохновения», чтобы Вам о Вашей книжке написать, ибо она этого стоит, – жаль, что придется говорить о ней «кое-как», ибо утомление так и не дало мне нужной свежести. Но вот несколько замечаний, пришедших мне на ум, – надеюсь, что не все они окажутся для Вас уже не новыми. А при встрече (надеюсь у Вас как-нибудь побывать) – Вы мне скажете, прав я или нет.

1. Вот, мне кажется, Ваши качества: ум, серьезность, спокойствие, простота, своеобразие, смелость... Все говорят, что это «не

поэзия» – и, конечно, в ней почти ничего приятного – ни звонкости, ни зрительной красоты, ни магии (в том смысле, что напр<имер>, у Георгия Иванова или Поплавского)^[1] – Вы говорите именно то, что нужно, и только то, что нужно, не чтобы понравиться или приласкать, а потому что было, что сказать, и сказать стоило.

Еще Вас упрекают в словесных несуразностях: «умозрима»^[2], «свободоволен»^[3] и т.д. или «тайные бессонницы»^[4] («от кого тайные, от жены, от врача?») – острил вчера один коллега) или вообще ошибки: «лубóчный всадник»^[5]. С.К. Маковский находит^[6], что нельзя также «пехотинца *месяцего* грязь»^[7] или «*кровяная суета*»^[8]. Возможно – я русский язык знаю слабо и судить не берусь, пожалуй, что и на самом деле лучше было бы «суета крови»...

Но не в этом дело, а в полнейшем своеобразии Вашей словесной ткани. Вот «обгони стоячий дом»^[9] – это, по-моему, отнюдь не абсурдно, а если и абсурдно с точки зрения формальной логики, то это *поэтически* очень ценный и плодотворный абсурд, как и «косой ополченное» (вместо, м<ожет> б<ыть>, вооруженного) горе, «бес-телесное и костлявое» в одно и то же время^[10]. Мне лично эти и этому подобные обороты напоминают Марка Шагала, когда у него, напр<имер>, поставленная на крышу скамья одной стороной упирается в пустоту^[11].

Главной темой Вашей книжки мне показалась радость жизни и ужас перед смертью, утверждаемые Вами открыто, искренне, не только не стесняясь, а м<ожет> б<ыть>, даже сознательно, наперекор общепринятому лицемерию, твердящему о равнодушии к жизни и ее благам и о готовности к страданию и к смерти. А вот зажми этим господам палец дверью...

А Вы вот правильно говорите про «этот глупый, но приятный свет»^[12], который так жалко покинуть, что «перед этим жалким ужасом земным» «страха нам не победить»^[13]. И поэтому – как оригинально и подлинно, хотя и «не красиво»:

Седмижды на неделе воскресенный,
Благодари, благодари, благодари^[14]...

даже если «седмижды» и нельзя (в чем я не уверен). Зато – как великолепно: «воли вощенная нить»^[15].

Так что – будет ли Ваша книжка бессмертной – не знаю. Это зависит от направления, которое возьмет вкус к поэзии в будущем – а

это предвидеть невозможно. Но ее достоинства и «ни на кого непохожесть» (так ведь тоже выразиться нельзя!) так редки и велики, что может случиться, что именно она, Ваша «Весть», окажется бессмертной именно благодаря тому, что всех приводит в недоумение: «поэзия ли это?» Что касается трижды Гинемера^[16] – терпеть не могу всяких этих бензиннолетателей – предпочитаю им поэтов, едущих в метро и таскающихся пешком.

Сердечный привет Анне Семеновне и сыновьям Вашим и – всего наилучшего на новый 1957 год, если еще не поздно.

Очень Вас любящий и как человека и как поэта

Э. Райс

1. О «соотношении» Г. Иванова и Б. Поплавского см. в письме Райса В. Маркову от 11 января 1970 г.:

Поплавский для меня (но для меня одного) не хуже Георгия Иванова или же – сейчас за ним следом (Если чудо вообще возможно за границей: 671).

Райс был близко знаком и с тем и с другим; о Б. Поплавском см. его мемуарно-критический очерк, опубликованный в Гр (1979. № 114. С. 156–184).

2. Из стихотворения «Зрение».

3. Из стихотворения «Сестра».

4. Из стихотворения «Весть».

5. Из стихотворения «Имя».

6. Эта фраза наводит на мысль, что Э. Райс был среди 13 судей, к которым обратился С. Маковский за разрешением своего спора с Гингером по поводу сонета «Лоно», а также отмечал все сомнительные, на его взгляд, места в рукописи В (см. вступительную заметку к переписке Гингера с С. Маковским).

7. Из стихотворения «Имя».

8. Из стихотворения «Угол».

9. Там же.

10. Из стихотворения «Светит месяц».

11. Имеется в виду один из многочисленных вариантов картины М. Шагала «Скрипач на крыше»: скамья (табурет, стул) с восседающим на ней скрипачом только одной своей ножкой опирается о крышу, остальные как бы «висят» в пустоте. О Гингере как поэтическом двойнике М. Шагала, по воспоминаниям Н. Татищева, говорили друзья поэта, собравшиеся у его постели за месяц до смерти:

...мы говорили о том, что часто поэт встречается своих двойников в живописи и что художник, близкий к поэзии Гингера, это Шагал. Оба они воспринимают этот мир и нашу жизнь под солнцем как некую радостную и невинную игру. Эта земля и всё, что живет на ней – как райская забава добрых духов, порой озорных, но никогда не злобных. Во всяком случае не долго злящихся, отходчивых. Всё в этом искусстве настолько оригинально, что вряд ли кто-нибудь решится ему подражать или что появится школа Гингера или Шагала. И еще: оба с первых же шагов нашли себя, свой стиль, как играющие дети (*Татищев Николай*. Солнце и сердце: О стихах Александра Гингера // *Воз-2*. 1965. № 168. С. 114).

12. Из стихотворения «Факел».

13. Из стихотворения «Светит месяц».

14. Из стихотворения «Утро».

15. Из стихотворения «Имя».

16. Там же: финальная строчка представляет собой трижды повторенное имя французского летчика.

Б.А. Рейн
Письмо Гингеру

Белла Абрамовна Рейн (в браке Божерянова; 1897–1983), актриса, режиссер, театральный педагог, исполнительница старинных романсов. Эмигрировала из России в начале 20-х гг. В годы II-й мировой войны жила в США, после ее окончания вернулась в Париж, где руководила Театром жеста¹.

В публикуемом письме Рейн благодарит Гингера за присланную книгу стихов С.

Письмо публикуется по автографу, хранящемуся в University of Illinois Archives (Urbana-Champaign). Ms. 15/35/56 Sophie Pregel and Vadim Rudnev Coll. Box 1.

Дорогой Александр Самсонович,

большое спасибо за книжку. От всего сердца – особенно за «Сердце». К Вам не приходила – не хотела Вас беспокоить, но если позволите, то приду, чтобы лично Вас еще раз поблагодарить, – только как вернуться с «дачи».

С самым искренним приветом

Б. Рейн

11 авг<уста 1965>

¹ См. указание на ее участие с чтением рассказа в вечере памяти Присмановой, состоявшемся 16 декабря 1961 г. (прим. 1 к вступительной заметке к переписке Гингера с С. Прегель).

Е.Б. Сосинский Письмо Гингеру

Поэт Евгений Брониславович Сосинский (1892¹/1895²–1958), писавший стихи под псевдонимом Комаров³, старший брат известного прозаика и литературного критика В.Б. Сосинского, член ремизовского Обезвельволпала⁴, не оставил каких-то значительных следов в эмигрантской литературе, однако публикуемое ниже его письмо Гингеру интересно своей реакцией («выкриком», по определению самого автора) на гингеровское творчество довоенной эпохи. Оно лишний раз доказывает, что в «толщах читательских масс» (из письма Гингера С. Прегель, № 5) было немало не «немых индивидов» (Б. Пастернак), для которых его поэзия составляла важный пласт духовного существования.

Письмо публикуется по автографу, хранящемуся в University of Illinois Archives (Urbana-Champaign). Ms. 15/35/56 Sophie Pregel and Vadim Rudnev Coll. Box 3.

Paris, le 26/4 <19>31
5, Rue Barbes, Ivry s/S

Дорогой Гингер.

Ты доставил мне такое сильное удовольствие Твоим новым стихом (1928 г.?), напечатанном <sic> в сборнике «Молодых», что я считаю себя обязанным написать об этом Тебе и выразить и мой восторг и удивление Твоему таланту^[1]. Последние шесть строк это положительно откровение, – как Ты можешь так тонко понимать Россию:

¹ Российское зарубежье во Франции, 1919–2000: Биографический словарь: В 3-х томах. Т. 1 / Под общ. ред. Л. Мнухина <et al.> М.: Наука; Дом-Музей М. Цветаевой, 2008. С. 719.

² *Обатнина Е.Р.* Царь Асыка и его подданные: Обезьянья Великая и Вольная Палата А.М. Ремизова в лицах и документах. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2001. С. 360.

³ Этот псевдоним (и другой – «Дядя Комаров») придумал ему А.М. Ремизов (см.: *Сосинский В.Б.* Рассказы и публицистика. М.: Российский Архив, 2002. С. 96).

⁴ См. его упоминание в ремизовской «Мышкиной дудочке» (*Ремизов А.М.* Собрание сочинений. Т. 10. М.: Русская книга, 2003. С. 115).

Уплывает стадо переселов
На другую сторону Воды^[2].

Спасибо Тебе за то новое, что Ты прибавил к моим пониманиям
русской простой души.

Хорошо вообще всё стихотворение.

Стихотворение Анны Присмановой мне тоже очень понравилось.
О несчастливых всегда нужно писать^[3].

Так как это письмо только выкрик, то на этом и заканчиваю.

Жму руку, шлю приветы

Евгений Сосинский

1. Речь идет о стихотворении «Сколько б нам ни говорили худа...»
из двухчастного цикла «Star-Spangled», напечатанного в 5-м выпуске СсС
(С. 12–13).

2. Совершенно иначе, как неудачные, оценил данные строчки критик
П. Пильский, см. комментарий к этому стихотворению в настоящем изда-
нии (С).

3. В том же выпуске было напечатано стихотворение Присмановой
«Жизнь Фридерики Форст» (С. 25–27).

Е.Н. Старова
Письмо Гингеру

Кроме публикуемого письма, не сохранилось, как кажется, никаких свидетельств краткого знакомства («мы виделись только два раза») Гингера с известным общественным и церковным деятелем, бенефактором Екатериной Николаевной Старовой (1892–1984), являвшейся в течение многих десятилетий председателем Благотворительного комитета приходского совета русской православной церкви Знамени Божьей Матери в Париже.

Письмо публикуется по автографу, хранящемуся в University of Illinois Archives (Urbana-Champaign). Ms. 15/35/56 Sophie Pregel and Vadim Rudnev Coll. Box 1.

17.VIII <1965>

Дорогой друг!

Получила только что Ваше письмо. Послезавтра «Преображение»^[1], помолюсь о Вас! Как странно, мы виделись только два раза, а Вы ближе многих, которых знаешь годами.

Ношусь с Вашим сборником; стихи, которые мне больше всего нравятся, читала вслух моим белградским друзьям, которых встретила после долгих лет разлуки.

1-го сентября мы собираемся с Костей в Рим на две недели, а эти друзья будут жить в нашем доме. С ними останется и наша собака, белый шпиц Лашка.

Я была у сестры Прегель Клары Юльевны^[2], и она мне дала ее адрес, т<ак> ч<то> я ей тоже написала. Из Вашего письма мне не ясно, дома ли Вы или в клинике?

Очень поблагодарите Сергея Александровича^[3], что он мне за Вас написал.

Когда я уже послала письмо, меня озарило, что конец «Сердца» совершенно мне ясен – то же объяснение, что даете Вы: белоснежное, очищенное на свинцовом^[4]; насчет «роз» я не знаю символов иудаизма и мне некого спросить, но думаю, Вы правы^[5].

Вероятно, Вы всё же кое-что переделали в «Сердце». Не могли же Вы в 1937 г. писать о «сорокалетнем счастье» – «эти сорок счастливейших лет»^[6]. Я обожаю это стихотворение – оно большая духовная вершина!

Очень крепко, крепко жму руку

Ваша Е. Старова

1. Преображение Господне – описанное в евангелиях явление божественного величия Ииуса Христа во время его молитвы на горе Фавор (Тавор) в Галилее; празднуется 19 августа.

2. Клара Юльевна Прегель (?–1969), сестра С.Ю. Прегель.

3. Сын Гингера; по-видимому, письмо было написано под диктовку.

4. Имеется в виду заключительная строфа «Сердца»:

Потому что не скажется словом
безграничное поле любви:
снежным пламенем в небе свинцовом,
разложением в смертной крови.

5. Автор письма ведет речь о следующей строфе из «Сердца»:

О святая святых синагоги!
Если б я среди набожных рос,
я бывал бы в печальном чертоге
очистительно-жалобных роз.

Вряд ли, однако, Гингер разбирался в «символах иудаизма» лучше своего корреспондента: «очистительно-жалобные розы» носят здесь условно-поэтический характер без какой-либо специфической связи со «святая святых синагоги».

6. Гингер ничего в стихотворении не переделывал. Странно, почему автор письма, вопреки очевидности, решила, что в 1937 г., когда «Сердце» было создано (в этот год Гингеру как раз исполнилось 40 лет), поэт не мог писать о «сорокалетнем счастье».

Г.П. Струве ПЕРЕПИСКА С ГИНГЕРОМ

Историк литературы и литературный критик, поэт и журналист, редактор и переводчик, Глеб Петрович Струве (1898–1985), сын известного русского философа, историка, экономиста, публициста, политического и общественного деятеля П.Б. Струве (1870–1940), представлял в эмиграции, как и Гингер, поколение «детей», чье интеллектуальное возмужание совпало с кризисными годами революции и Гражданской войны и последовавшим за ними бегством из России. Окончив в 1921 г. Оксфордский университет, Г. Струве в течение десяти лет, живя в Праге, Берлине, а затем в Париже, трудился на литературной ниве как поэт, журналист и литературный критик. С 1932 г. он преподавал в School of Slavonic and East European Studies Лондонского университета, а с 1946 г., переехав в США, занял должность профессора русской литературы в университете Berkeley, читал лекции в других американских университетах.

Объять творческое, литературно-критическое и научное наследие Струве крайне непросто¹. Если же к этому прибавить, его деятельность в качестве публикатора, составителя и редактора целого ряда собраний сочинений русских поэтов, многие из которых у себя на родине находились под запретом, замалчивались или печатались в урезанном и препарированном виде, значение Струве, собирателя, хранителя и пропагандиста подлинных ценностей русской литературы, возрастает многократно. Благодаря его непосредственным стараниям корпус «тамиздатовской» литературы пополнился томами Б. Пастернака и О. Мандельштама, Н. Гумилева и А. Ахматовой, Н. Клюева и М. Цветаевой, Н. Заболоцкого и И. Бродского, выполненных с профессиональным тщанием, которое по тем временам (60-е–70-е гг.) вполне могло быть приравнено к научному подвигу.

Литературный дебют Струве состоялся в 1915 г. в специальном издании Выборгского коммерческого училища, где он учился, «Светлый луч: орган эстетической молодежи», в котором он поместил статью

¹ Известное представление о Струве как поэте, литературном критике и литературоведе дает библиография, собранная в кн. Людмилы А. Фостер «Библиография русской зарубежной литературы. 1918–1968» (Boston, 1970. Т. 2. С. 1032–1039).

о выставке футуристической живописи «Трамвай В», проходившей в то время в Петербурге¹.

В годы эмиграции Струве написаны десятки стихов, сотни статей, рецензий, очерков и критических обзоров. В свои берлинские годы он был членом кружка «Братство Круглого Стола», собиравшегося в его квартире на Байришештрасс, 9 (первое заседание состоялось 8 ноября 1922 г.)². Весной 1924 г. переехав в Париж, он входил в редакционный комитет газеты «Россия» и последовавшей за ней «Россия и славянство», редактором которой (1927–1928) был его отец. Еще до войны он написал свою первую книгу «Soviet Russian Literature» (London, 1935; расширенный вариант: «25 Years of Soviet Russian Literature» (1918–1943)), которая впоследствии многократно дополнялась и переиздавалась (наиболее полным вариантом является издание 1971 г. – «Russian Literature under Lenin and Stalin. 1917–1953»). Важное место в исследовательской библиотеке Серебряного века занимает его книга «О четырех поэтах: Блок, Сологуб, Гумилев, Мандельштам» (Лондон, 1981). Огромное влияние на изучение истории русской эмигрантской литературы оказала его книга «Русская литература в изгнании: опыт исторического обзора русской литературы», имевшая 3 издания: Нью-Йорк, 1956; Париж, 1984; Москва; Париж, 1996.

Неизвестно, когда произошло знакомство Струве и Гингера, – по всей очевидности, оно относится к первой половине 20-х гг., о чем свидетельствует публикуемое письмо последнего, найденное в коробке «General Correspondence» в обширном архиве Струве.

Касаясь в книге «Русская литература в изгнании: опыт исторического обзора русской литературы» Гингера и сопоставляя его с Г. Евангуловым, также издавшим сборник стихов в 1922 г., Струве писал, что если у Евангулова «закваска была акмеистская», то

Гингер следовал скорее более крайним образцам, но у него было больше своего, личного, хотя и косноязычного и порой отдававшего юродством. <...> Во второй книге Гингера </И> опять было своеобразие при многих раздражающих вывертах. Некоторые стихи его запомнились. <...> Юродствование осталось у Гингера и в зрелый период. Он мало на кого из своих предшественников и современников похож, его никак нельзя обвинить в подражании, и трудно сказать, кто оказал на него влияние.

¹ Струве Глеб. Мой литературный дебют // НРС. 1978. № 24558, 2 мая. С. 2.

² См.: Струве Глеб. Об одном берлинском литературном кружке // НРС. 1981. № 25631, 4 окт. С. 5.

При желании можно, пожалуй, найти отголоски Хлебникова. Гингер не предается, впрочем, словотворчеству, но он любит словесные выверты, некоторое насилие над языком, не только затрудненность его, но и нарочитую (как будто) безграмотность. Есть в его стихах что-то вымученное. <...> У Гингера едва ли найдется хоть одно цельное, чем-нибудь не испорченное стихотворение. Одно из лучших – «Факел», не вошедшее ни в одну из книг, но напечатанное в антологиях «Эстафета» и «На Западе».

Это писалось еще до того, как гингеровская *B* увидела свет. Получив ее от Гингера, Струве и адресует ему благодарственное письмо, приводимое ниже.

Первое письмо публикуется по автографу, хранящемуся в Hoover Institution Archives (Stanford University), G. Struve Coll., второе – по автографу, хранящемуся в University of Illinois Archives (Urbana-Champaign). Ms. 15/35/56 Sophie Pregel and Vadim Rudnev Coll. Box 3.

Письмо Гингера

15 июня 1925

Глеб Петрович

Позвольте поблагодарить Вас за отзыв о моей книге^[1]. Этот отзыв меня очень обрадовал. Прошу Вас принять искреннюю благодарность.

Будьте здоровы.

Готовый к услугам

Александр Гингер

Позволяю себе послать Вам на память экземпляр. (Кстати, страницы нумерованы не из оригинальности, а по типографскому недоразумению.)

1. Отзыв Г. Струве на *П* («Заметки о стихах: (Парижские и пражские “молодые”»)») был напечатан в газете «Россия и славянство» (1925. № 30, 22 июня. С. 4), см. вступительную заметку к комментариям *П*. Поскольку письмо написано раньше, чем отзыв появился в печати, нужно полагать, что Струве показывал его предварительно Гингеру.

Многоуважаемый
Александр Самсонович!

С Вашей стороны было очень мило прислать мне Вашу «Весть» – у меня теперь есть как будто все Ваши сборники.

В «Вести» мало стихотворений, но – хотя это, может быть, и банально и хотя я не хочу равнять Вас с Тютчевым, которого ставлю выше Лермонтова – она всё же напоминает слова Фета о Тютчеве, ибо «тяжелее» многих других изданий той же «Рифмы»^[2].

Многие из вошедших в книгу стихотворений я уже раньше знал, и они мне нравились. Из тех, которых не знал (может быть, как-нибудь пропустил в журналах), мне нравятся «Весть», «Угол», «Утро», «Сестра», «Зрение», «Имя» – не целиком.

Еще раз – спасибо.

Искренне Вас уважающий и преданный

Глеб Струве

P.S. Между прочим, у Вас не было брата или двоюродного брата Григория? У меня был товарищ по классу Гриша Гингер. Я давно утратил всякий след его (он, кажется, даже ушел до окончания училища), но с ним для меня связано начало моей литературной деятельности: мы с ним вместе в V классе переводили Alphonse Daudet^[3].

1. Написано на именной почтовой бумаге:

Gleb Struve
1154 Spruce Street
Berkeley 7, California

2. Цитата из стихотворения А. Фета «На книжке стихотворений Тютчева» (1883): «Вот эта книжка небольшая / Томов премногих тяжелых».

3. Альфонс Доде (1840–1897), французский прозаик и драматург.

М.В. Талов ПИСЬМА ГИНГЕРУ

Поэт, переводчик, мемуарист Марк Владимирович Талов (после принятия католичества: Марк-Мария-Людовик; 1892–1969) принадлежал к числу эмигрантов, которых принято называть «парижскими старожилками» (этот термин уже звучал во вступительной статье): будучи в 1913 г. призван на военную службу и не стерпев оскорбления унтер-офицера, он перешел границу и в конце года, без денег и документов, оказался в Париже.

О ранней поре эмигрантской поэзии, Палате поэтов, в которой Гингер познакомился с Таловым, о посвящении на сборнике стихов *СВ*, где среди других «товарищей по Палате Поэтов» – Г. Евангулова, В. Парнаха и С. Шаршуна – значится имя Талова, речь уже шла во вступительной статье¹. В упоминавшихся там же воспоминаниях Г. Издебской среди посетителей кафе «Хамелеон», где проходили заседания одного из самых ранних литературных объединений эмигрантских поэтов «Гатарапак», называется имя Талова, «чьи строки мне до сих пор запомнились: “Я, трубадур <в подлиннике: “менестрель”> России, Марк-Мария-Людовик Талов...” и еще: “Как хочется вдруг крикнуть в пустоту О женщинах, о голоде, о хлебе!” <в подлиннике: “Как мне хотелось бы вдруг крикнуть в пустоту / Об одиночестве, о женщинах, о хлебе!...”>»². Ей вторит А. Седых: в «Хамелеоне» выступал

...странный человек с чувственным ртом и безумными глазами, называвший себя Марк Мария Людовик Талов, – к своему имени он скромно прибавлял эпитет: «трубадур России»³.

Ср. также в мемуарах А. Бахраха, вспоминающего о

странноватом небольшом человечке с бегающими глазами, с необыкновенно длинной по тем временам гривой волос, пробивающихся из-под

¹ Отметим попутно автограф Талова на подаренном Гингеру сборнике стихов «Двойное бытие» (1922): «Дорогому Шуре <экстравагантный Талов изобразил букву Ш в виде лиры> Гингеру. Марк-Людовик Талов. Париж, III 23 1922» (экземпляр находится в Тургеневской библиотеке в Париже).

² Издебская Галина. «Гатарапак» // НРС. 1953. № 14863, 5 янв. С. 3.

³ Седых А. Далекие, близкие. 2-е изд. N.Y., 1962. С. 260.

широкополой шляпы, казавшейся каким-то подобием сомбреро. Я запомнил этот головной убор, потому что носил его Талов неспроста. В какой-то мере это было подчеркиванием своей необычной индивидуальности, а в то же время напоминанием об «испанизме», которым он всегда любил щегольнуть. Должен сознаться, что в те дни это, действительно, ошарашивало и притягивало к нему¹.

Несмотря на то, что имя Талова было известно французской читающей публике (он печатался в «Le Monde Nouveau» и «Montparnasse»), что его окружали выдающиеся деятели французской культуры и искусства (среди них Рене Гиль и Поль Фор, Жак Маритен и Макс Жакоб), и сам он был окружен их вниманием, несмотря на близость ко многим деятелям мирового художественного авангарда (его трижды писал «Моди» – Амедео Модильяни², Феликс Лебон давал деньги на издание книги его стихов, а обитатели знаменитого La Ruche – «колонии художников» – воспринимали его как «своего»), отношение к «менестрелю России» в эмигрантской среде и, возможно, даже внутри «своры» было неоднозначное. Тот очерк Кнута (называемый Таловым «пасквилом»), который он упоминает в письме Гингеру (№ 2, от 28 января 1964 г.), судя по всему, в известной степени выражал общее – небезнасмешливое – к нему отношение. Это касалось и пышно-высокопарной таловской поэзии, и сугубо обыденного, житейского поведения бедного и голодного, но гордого поэта, и разного рода забавных историй, с ним случавшихся, типа той, когда, приглашенный в дом к К. Бальмонту и попрошенный почитать стихи, он сел от смущения на раскаленную печку³. Да и впоследствии, в поздние эмигрантские времена, чудаковато-эйфорическая муза Талова вызывала сложные чувства у тех, кто его знал и помнил. Так, например, А. Бахрах писал о нем Г. Струве (26 апреля 1979 г.):

¹ *Бахрах Александр*. По памяти, по записям... II // НЖ. 1993. № 190–191. С. 341–342.

² О судьбе двух портретов см. прим. 31 к письму Талова С. Шаршуну (Приложение III, № 2, от 17 сентября 1964).

³ Об этом рассказано в мемуарах близко знавшего Талова по Парижу И. Эренбурга (*Эренбург Илья*. Собрание сочинений: В 8-ми томах. Т. 6. М.: Художественная литература, 1996. С. 437). Приведенная в воспоминаниях самого Талова, эта сцена в некоторых деталях разнится с эренбургским рассказом, см.: *Талов Марк*. Воспоминания. Стихи. Переводы. М.: МИК; Париж: Альбатрос, 2005. С. 26 (далее: *Талов Марк*. Воспоминания. Стихи. Переводы, с указанием через двоеточие страницы). См. также прим. 2 к п. № 1, от 21 ноября 1963 г.

...желая «почтить» память Талова, достал две его книги и не нахожу материала для цитирования, хоть бы строчку найти! А тоже был он не без «занятности»¹.

Справедливости ради нужно отметить, что первый изданный в эмиграции сборник стихов Талова – «Любовь и голод» (1920; на обложке – 1921)², посвященный его первой жене, Эрнестине Сигизмудовне Ловенгардт (1894–1944), – не став крупным событием в русской поэзии³, представляет несомненный интерес для истории литературы как таковой⁴. Касается это не столько собственно поэтического содержания, сколько его художественного оформления, так как в нем собраны рисунки и гравюры по дереву таких известных мастеров, друзей поэта, как Антонио Симонт (портрет Талова), Оттон ван Рейс, Адития Мария ван Рейс, Ортис де Зарате, Осип Цадкин (ему принад-

¹ Hoover Institution Archives. Stanford University. G. Struve Coll. Box 75. Folder 13. Через месяц в НРС были напечатаны воспоминания Бахраха о Талове «Поэт-расстрига» (1979, 27 мая).

² Это был второй сборник стихов Талова, первый – «Чаша вечерняя» (Одесса: Изд-во «Воспитание», 1912) – большой славы ему не принес и канул в неизбежное в таких случаях литературное небытие.

³ Несмотря на почти сплошь малосочувственную, а то и вовсе разносную критику «Любови и голода», одна из рецензий, тем не менее, завершалась не на вовсе безнадёжной ноте (Л. В.<альтер>):

Если я так подробно останавливаюсь на обильных дефектах книги г. Талова, то лишь потому, что сквозь все его трескучие словоизлияния вижу, тем не менее, наличность несомненного дарования. В этих стихах чувствуется иногда неподдельное, искреннее переживание, много настоящего прочувствованного страдания, недоплаканных слез. Но что вы тут поделаете, когда именуешься и Марком, и Марией, и Людовиком сразу и нужно еще к тому же выполнять обязанности российского трубадура: вот и приходится кривляться в угоду почтеннейшей публики.

Ах, г. Талов, именовали бы вы себя лучше по имени-отчеству, да меньше бы старались изумлять и поражать читателя! В душе у вас как будто бы цветет милый юный цветок. Не калечьте же его. Холите его бережно, любя. И будет радостно не вам одному (Общее дело. 1920. № 130, 22 нояб. С. 3).

См. еще оценку Талова М. Слонимом, выделявшим его среди поэтов-эмигрантов (Русская зарубежная книга. Ч. I: Библиографический указатель. Прага, 1924. С. 103), что вызвало негативную реакцию у рецензента этого издания, см.: *Бенедиктов М.* <М. Берхин>. Русская книга в эмиграции // ПН. 1924, 26 июня.

⁴ Более подробно о нем см.: *Хазан В.* О сборнике М. Талова «Любовь и голод» (Париж, 1920) // Русская поэзия: год 1920. Даугавпилс: Даугавпилсский педагогический университет, 2000. С. 87–97.

лежит обложка книги и фронтиспис ее последнего раздела, по имени которого, «Любовь и голод», она и названа)¹.

Последовавший за ним сборник стихов «Двойное бытие» (Париж, 1922) был уже лишен этой дорогостоящей оформительской роскоши.

Летом 1922 г. – через Берлин – Талов вернулся в советскую Россию². И хотя после отъезда его имя, по крайней мере, однажды

¹ Из справки, помещенной в конце книги, где сообщается, что «она была окончена печатанием в тысяча девятьсот двадцатом году, двадцать восьмой день августа, в городе Париже, на улице Mont-Cenis, номер 101 bis, в типографии г-на Цатурянца», и что она вышла тиражом в 210 экземпляров, мы, кроме того, узнаем, что в нее не вошли обещанный рисунок к тому времени уже покойного Модильяни (умер 24 января 1920 г.) и заставки Феликса-Джемса Лебона («Любовь и голод» посвящена этому художнику).

² 16 декабря 1922 г. датировано его письмо В. Брюсову из Одессы, сохранившееся в архиве последнего (ОР РГБ. Ф. 386. К. 104. Ед. хр. 28. Л. 2):

Глубокоуважаемый Валерий Яковлевич,

Очень, очень жалею, что нам не привелось больше встретиться и поговорить обо многом, что могло бы и Вас и меня заинтересовать.

Но, вероятно, Вы задаете себе вопрос: – кто Вам пишет?

Если Вы еще помните человека, приехавшего из Парижа в начале августа в Москву и привезшего Вам живой привет от Ренэ Гиля, то этот человек буду я, поэт, о котором Вы ничего не знаете, но который является автором трех книг стихов.

Пишу Вам затем, чтобы о себе напомнить и извиниться пред Вами в том, что не смог исполнить Вам данного обещания заглянуть к Вам. Масса экстренных дел, гвозди забот – и я должен был покинуть прекрасную Москву для «Одессы пыльной».

Уехал я в начале сентября и торчу здесь. В литературном отношении, равно как и в культурном, вообще: – застой. Это какой-то Занзибар! Здесь, именно, процветает «ташкентство». Меня тянет в Москву. Мне очень понравился Пастернак, о котором Вы мне говорили. Я приобрел его книжку: – «Сестра моя, жизнь». Что-то простое и вместе непонятное, но оставляющее «ансамбль». Есть реализация и это – главное. И затем, этот нервный ритм, это дребезжание строф – глубокий разлад с самим собою, страшная, порывистая нервность современной души. Да, в нем есть что-то большое и простое.

Я охотно с Вами поговорю на эту тему, если Вы этого захотите. Мне интересно было бы узнать, что нового в Москве. Буду Вам благодарен за пару строк, а когда приеду (я думаю двинуться отсюда весною), подробнее остановимся на всех волнующих вопросах.

Я Вам тогда сообщу или протелефонирую в самой Москве.

Примите, cher Maître, уверения в совершенном моем почтении.

Марк Талов

появилось в беженской печати (см. прим. 8 к п. № 2, от 28 января 1964 г.), все связи с эмиграцией были почти полностью прерваны. Оставаясь и в свой советский период, как он пишет Гингеру, «поэтом субъективного толка», Талов в условиях тотального господства политики и идеологии над искусством, подобно многим литераторам-современникам, избрал для себя «переводческую нишу», дабы не столь резко бросалось в глаза его, мягко говоря, несоответствие духу «мобилизованной и призванной» советской литературы¹. Как поэт-переводчик он был, по всей видимости, награжден медалью «За доблестный труд во время Великой Отечественной войны 1941–1945» (по крайней мере, его имя фигурирует среди сотрудников изд-ва «Советский писатель», представленных к этой награде)². Правда, в письме С. Шаршуну, с которым он стал переписываться в 60-е гг., в то же время, что и с Гингером (и при непосредственном гингеровском содействии), Талов, переставляя, как кажется, местами причину и следствие, объяснял отказ от собственного поэтического творчества занятиями переводческой деятельностью (см. Приложение III, письмо № 3, от 30 ноября 1964 г.), но это была скорее попытка – возможно, кстати сказать, вполне искренняя – убедить себя и собеседника в существовании «веских причин»...

В 1969 г. Талова не стало³.

Воспользовавшись в первой половине 60-х гг. «оттепельной» политической погодой, Талов первым обратился с письмом к Гингеру, получил ответ, и между ними завязалась переписка, представляющая известный интерес как своего рода постфактум к истории ранней русской поэзии в изгнании.

За интересом Талова, прошедшего эмиграцию, а затем прожившего в Советском Союзе практически в полном отрыве от того, что делалось в русской литературе «за бугром», стояла любопытная

P.S. Это письмо я отправил через любезное посредство одного моего знакомого, едущего в Москву. Он либо опустит письмо в Москве, либо Вам передаст его лично.

М<арк> Т<алов>

¹ Среди его эпизодических появлений в печати с собственными стихами см., например, привезенные из эмиграции «Парижские наброски» (Вечерние известия. 1923. № 42(94), 1 окт. С. 6); их фрагмент опубликован в кн.: *Талов М. Воспоминания. Стихи. Переводы*: 111.

² РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 795. Л. 4, 8, 30.

³ Биографический очерк Талова, его воспоминания, дневниковые записи, стихи, переводы см. в кн.: *Талов М. Воспоминания. Стихи. Переводы*.

проблема. Гораздо более привычной является «обратная» ситуация, когда эмигрант, покинувший родину, горит нетерпением узнать, что и как происходило там в его отсутствие. Талов являл собой иной, противоположный, тип – он был снедаем любопытством знать, как развивалась судьба литературы и ее творцов после его отъезда: то, что было привычным и азбучным для «в рассеянии сущих», составляло для него совершенно неведомый и незнакомый опыт. Более того, складывалась парадоксальная ситуация, когда, полагавший, что отъезд в родную страну плодотворно скажется на творческой карьере, он как оригинальный поэт, по существу, промолчал всю жизнь, а те, оставшиеся в изгнании, в разной мере, конечно, но почти все без исключения, реализовали свой художественный потенциал. В этом было какое-то странное нарушение внешней, видимой логики.

Приходится только выразить сожаление, что ответные письма Гингера Талову пропали из семейного архива еще в то время, когда была жива вдова последнего – Мери Александровна (урожд. Блюменталь; 1912–2008),¹ – наверняка они поведали бы немало важного и интересного о последних годах гингеровской жизни.

Письма печатаются по черновым автографам, хранящимся в ОРФ Государственного Литературного музея (Москва). Ф. 520. Оп. 1. Ед. хр. 111. Л. 1–5; Ед. хр. 112. Л. 1–4.

1

Гагра, 21 ноября 1963 г.

Дорогой Александр Самсонович,

Я случайно познакомился в Москве с Сосинскими^[1] на вечере поминальном у дочери Бальмонта^[2] 24 декабря прошлого года^[3]. Я задал ему вопрос о Вас: живы ли Вы, что делаете. Оказалось, что он не только располагал интересными сведениями о Вашем житье-бытье, но и любезно сообщил мне Ваш адрес, благодаря чему я и имею возможность нынче связаться с Вами. Я был бы рад – и даже весьма рад! – возобновлению с Вами приятельских отношений, но не

¹ Тот факт, что М.А. Блюменталь-Талова являлась двоюродной сестрой Р.Н. Гринберга, был отмечен во вступительной заметке к его письмам Гингеру и Присмановой.

знаю, как Вы будете реагировать на это. Если Вы сохранили память об одном из членов Палаты Поэтов, о Марке Владимировиче Талове, то знайте, что он тоже жив, и помнит о Вас, и сохранил Вашу первую книжечку стихов – «Свора верных», как и книгу Евангулова^[4]. Я имел удовольствие познакомиться с одним Вашим стихотворением, напечатанным в одном сборнике, изданном, кажется, до второй войны^[5]. Ознакомился с поэмами Божнева и весьма талантливой книжкой, кажется, Штейнгардта (?), умершего в Швейцарии^[6]. И это – всё. К сожалению, мы лишены возможности знать Ваши строки. Здесь несколько лет назад умер Валентин Яковлевич Парнах^[7]. Мы могли бы с Вами не только обмениваться нас интересующими новостями в области поэзии, но и некоторыми изданиями, но для этого надо сперва списаться. Я смог бы послать Вам и мои некоторые стихотворения, неопубликованные и никому неизвестные, если я Вас интересую как поэт. Я вообще очень обрадовался, что нашелся мой старый друг, которого я очень любил и продолжаю любить, как воспоминание о светлой и неповторимой молодости.

Вот пока всё, что я хотел довести до Вашего сведения. Сейчас, как видно из штампов на конверте, я нахожусь в Гагре, на берегу Черного моря, но постоянно живу в Москве, и если вздумаете мне написать, то пишите по моему московскому адресу, который я Вам тут же и сообщу: Russie или должно быть правильно – URSS, Союз Советских Социалистических Республик, Москва К-50, улица Горького, д, 24, кв. 14. Марку Владимировичу Талову. А в следующем году, если доживем, у меня будет новый адрес, который Вы своевременно узнаете. Итак, дорогой Александр Самсонович, или лучше – Шура (не обижайтесь? Но это не фамильярность, прошу поверить!) Желаю Вам от сердца всего доброго. Ваш Марк.

1. Прозаик, литературный критик, переводчик, журналист, художник Владимир (Бронислав-Владимир-Рейнгольд) Брониславович Сосинский-Семихат (1907–1987) и его жена – литератор, переводчица Ариадна Викторовна Сосинская (урожд. Чернова; 1908–1974); вернувшись из эмиграции в Советский Союз, Сосинские в 1960 г. окончательно поселились в Москве.

2. Переводчица, литератор Нина Константиновна Бруни (урожд. Бальмонт; 1900–1989), дочь К.Д. Бальмонта и Е.К. Андреевой, жена художника Льва Александровича Бруни (1894–1948) и мать художника Ивана Львовича Бруни (1920–1995). Знакомство с Ниной Константиновной у Талова было давнее, впервые он встретился с ней, как он вспоминал, в феврале 1914 г. в

Париже в доме ее отца, куда его привел П. Яшвили (именно там и произошел с ним упомянутый выше конфуз с печкой).

Меня и бывшего уже там Илью Эренбурга, – писал Талов, – усадили за особый «детский» столик вместе с дочкой Бальмонта – Нининой, а за длинным, ярко освещенным столом восседали Константин Дмитриевич с Екатериной Алексеевной <Андреевой> и их гости (*Талов М.* Воспоминания. Стихи. Переводы: 26, 206).

3. Поминальный вечер был, по всей вероятности, посвящен 20-летней годовщине со дня смерти К.Д. Бальмонта. Судя по всему, эти поминальные вечера, посвященные Бальмонту, были в доме Н.К. Бруни традицией, а вовсе не только данью «круглой» дате, ср. фразу Талова из п. № 3: «Здесь как-то на поминках Бальмонта, у дочери последнего, мы познакомились с Антонином Петровичем Ладинским. Умер он 4 июня 1961 года».

4. Речь идет о вышедшей в Париже в 1921 г. под эгидой Палаты поэтов книге стихов Г. Евангулова «Белый духан».

5. Талов подразумевает стихотворение Гингера «Манья преследования» из *ЖиТ*, см. след. письмо и соответствующее прим.

6. Имеется в виду поэт Анатолий Сергеевич Штейгер (1907–1944) и, очевидно, третий сборник его стихов «Неблагодарность» (Париж, 1936) (в следующем письме Талов говорит именно о том, что читал третью книгу его стихов).

7. В.Я. Парнаха не стало 29 января 1951 г.

2

Москва, вторник 28 января 1964 г.

Дорогой Александр Самсонович,

Ваш ответ я получил 12 января с<его> г<ода> и, как видите, только сегодня собрался написать Вам. С чего же начать? Я так обрадовался, получив Ваше письмо, что даже готов был написать оду в честь почтового ведомства: не чудо ли уже одно то, что, благодаря его посредству, люди, непреодолимо далекие друг от друга, могут связываться и беседовать друг с другом хотя в письменной форме? Ведь после сорокалетнего молчания мы заговорили и, кажется мне, я слышу Ваш голос! Однако это не помешало мне искренно опечалиться по поводу всех тех трагических событий в Вашей жизни, о которых Вы сообщаете предельно кратко, но тем не менее весьма выразительно – я

имею в виду и трагическую судьбу, постигшую Вашу мать^[1], которую я знал лично, и смерть Вашей жены, которую я имел возможность узнать как поэтессу, благодаря Сосинскому. Он дал мне прочитать ее сборник очень умных стихов, но зато о Ваших стихах я ровно ничего не знаю, если не считать «Свору верных», которую Вы советуете выбросить, но которую – за это простите меня – я не выброшу: я храню ее как память давнего прошлого, да и, кроме того, она мне не кажется такой отвратительной, так как в ней слышится пусть еще некрепкий, но всё же *свой* голос. А о Ваших новых книгах я узнал несколько лет тому, когда я прочитал в книге Глеба Струве (довольно-таки путаной!) страницы, посвященные «Палате Поэтов»^[2]. Там уделено внимание и Вам, и всем участникам «Палаты», но Ваших книг стихов я так и не видал, хотя знаю, что они были. Так, мне известно, что в 1925 году вышла вторая книга Ваших стихов, «Преданность», а в 1939 году, в серии «Русские поэты», Вы выпустили и третью книгу: «Жалоба и торжество». Я даже выписал себе две строфы из одного Вашего стихотворения («Мания преследования»), процитированного Глебом Струве:

Стихотворительное одержанье,
Язык богов, гармония комет!
Бессонный клин, сознательное ржанье
Моих разлук, моих плачевных смет.
О том, что знаю и чего не знаю,
Перо, тебе докладываю я.
С тобой теперь поминки начинаю
По злой тревоге моего житья.

Первая строка так живо напоминает по своей структуре одну мою строку:

Великолепная архитектура...

Что же касается Вашей четвертой книги, то я о ней ровно ничего не знаю. Будьте добры написать ее название – и когда, в каком издательстве она вышла. Струве особо отмечает Ваше стихотворение «Факел», не вошедшее ни в одну из книг, но напечатанное в антологиях «Эстафета» и «На Западе». Я был бы Вам весьма благодарен, если бы в следующем письме Вы дали себе труд переписать и послать его

мне. А вообще говоря, в вышеприведенных Ваших строфах я узнаю сознательно применявшееся мною употребление прозаизмов, чего я Вам в укор не ставлю. Было бы весьма интересно ознакомиться со всеми Вашими книгами, да и иметь их в моей библиотеке, но это мое пожелание вряд ли осуществимо: во-первых, располагаете ли Вы лишними экземплярами? А если и располагаете, то есть ли у Вас возможность послать их? Было бы досадно, если бы они по дороге исчезли!

Вы пишете, что в настоящее время Вы причастны к литературе скорее как корректор. Это звучит довольно меланхолично и не оправдывается ничем, потому что Вы опубликовали четыре книги стихов!

А вот мне не удалось опубликовать за сорок два года ни одной своей книги! Однако это мне не мешает иногда и теперь писать их, потому что не писать их невозможно! Пишу для себя, а история когда-нибудь разберется, почему именно так получилось.

Правду сказать, в прошлом году счастье мне несколько улыбнулось: когда я Вам писал первое письмо из Гагры, там я получил и первое признание. Оттуда 7 декабря прошлого года я поехал в Грузию, где совершенно неожиданно меня ожидал триумф (не ирония ли судьбы, это – на восьмом десятке лет!) Я выступил со своими стихами – первый раз официально! – в клубе Союза Писателей Грузии, и в прениях меня чересчур возвеличивали, назвали «поэтом Грузии». Несмотря на то, что я не печатаюсь, если не считать моих стихотворных переводов! Но о печати я не помышляю.

Я озабочен лишь тем, чтобы наиболее точно и полно отразить мою внутреннюю жизнь, из чего явствует, что я, как и сорок лет назад, остался поэтом субъективного толка. Этому принципу – принципу «субъективизма» в творчестве – я остаюсь верен до конца моей жизни, и ничто не может поколебать его.

Со стихами Евангулова я также не имел случая ознакомиться. Мне известно, что в 1925 году он выпустил в Париже вторую книгу стихов^[3], но я ее не видел и, следственно, не читал. Евангулов – поэт теплого колорита, каждая строка которого вобрала в себя солнце западной Грузии.

Больше повезло мне с книгами Бориса Божнева. Я прочитал пять или шесть сборников его стихов. Это несколько хаотический поэт, но не лишенный дарования. Иногда отдельные строфы его обширных

поэм производят потрясающее впечатление. Он интересен целыми ассоциациями образов, окруженных или прячущихся за покровом туманностей – всё это немного à la Достоевский: на волнах образов мысли то взлетают вверх, то опускаются в пучину, чтобы снова замаячить на горизонте. Жаль, что у меня нет его адреса точного, я бы ему написал о его поэмах, но если у Вас имеется его адрес, то Вы и сами сможете довести до его сведения мои раздумия о его музе.

Теперь о Борисе Юлиановиче Поплавском. К сожалению, мне его стихи неизвестны – лишь отдельные отрывки у меня переписаны. Они не дают мне права говорить о его творчестве. Но Илья Эренбург как-то в беседе со мною дал высокую оценку его творчеству. Хотелось бы, чтобы я пришел самостоятельно к такой оценке, но – увы! – нет у меня ни одной его книги. Жаль, что он трагически погиб!

Кого я очень полюбил, так это Штейгера, который рано умер в Швейцарии. Это был поэт глубоких чувств и раздумий, поэт непретенциозных форм, но своей простотой так и хватающий за душу. Вся его третья книга стихов, которую я читал, представляла собою исповедь глубоко меланхоличного человека, меланхоличного в силу своей обреченности. Это почти русский Верлэн, но гораздо проще. Его книга мне до того понравилась, что я даже не поленился и переписал ее для себя целиком. Но что досаднее всего – переписал, и через неделю-другую она потерялась.

А теперь немного и *pro domo sua*^[4]. Меня очень интересует один вопрос: с мая 1922 года, когда мы с Вами расстались, и до настоящих дней появилось ли в печати что-нибудь обо мне? Заметки ли – пусть курьезные или ругательские, сплетни ли, простые ли упоминания моего имени?

В 1928 году, например, один французский поэт, он же редактор журнала «Montparnasse», Géo Charles^[5], случайно встретившись со мною на улице в Москве, подарил мне экземпляр «Монпарнасса» <sic> № 50 за март 1928 года, в котором упоминается мое имя. Кроме того, он меня ошеломил известием, что в одном из номеров редактируемого им журнала (жаль, что я не догадался спросить его, в каком году это было) был помещен мой некролог с портретом^[6]!! А в 1929 году Илья Эренбург точно так же огорошил меня, сказав, что в Париже в некоторых газетах или журналах меня уже похоронили, напечатали чувствительные некрологи (??)^[7]. А еще раньше возвратившийся из Парижа Валентин Парнах рассказал мне, что некий студент (не то

Финкельштейн, не то Фиксман (?)) написал и опубликовал в одном из номеров «Последних Новостей» пасквиль на меня. Это будто бы случилось вскоре после моего отъезда из Парижа^[8]. За это, мол, Илья Зданевич, кажется, обещал «расквасить» ему морду, если он не откажется от публикаций своих гнусных воспоминаний, порочащих мое доброе имя. Вы понимаете, конечно, до чего мне было бы интересно прочитать все то, что имеет ко мне непосредственно отношение! Меня это интригует в сильнейшей степени. Но для этого надо было бы сходить и в Национальную библиотеку, и порыться в различных изданиях, и просто иметь для этого свободное время, и терпение, и простую охоту заняться этими раскопками. Кого же мне просить, как не Вас, мой добрый Александр Самсонович? Больше у меня никого в Париже не осталось, кто был бы в состоянии оказать мне услугу. А может быть, в одном из этих бесчисленных альманахов, выходивших в Париже или в других городах, появились какие-нибудь мои стихи?⁹ Могли ведь кое-то и перепечатать из двух моих книг стихов, вышедших в Париже в 1920–1922 годах? Однако я не хотел бы Вас затруднить какими-либо поручениями. Если Вы чувствуете, что не справитесь с такой задачей, то и не надо. В конце концов мною руководит в этом деле простое любопытство, и из-за него нечего ломать себе голову*.

В следующий раз, по получении Вашего ответа на настоящее письмо, я Вам пошлю несколько своих стихотворений и, если Вы не возражаете, то и свою фотокарточку, взамен которой и Вас я попрошу выслать мне свою.

Пока – все. Не унывайте и пишите стихи. Меня интересует, чем занимаетесь Ваши сыновья, где работают, счастливы ли? Сколько лет каждому из Ваших внуков? На старости лет семейное лоно – неповторимая отрада.

Преданный Вам

Марк Талов

!!Вставка!!

* Если Вас может интересовать вопрос, что я делал в России за последние, скажем, 25 лет, то ответ у меня один: я был причастен к литературе, скорее, как поэт-переводчик, так же, как и Вы, я получаю пенсию и довольно скромную.

1. О М.-Р. М. Гингер, см. во вступительной статье (с. 8, прим. 2).

2. Имеется в виду 1-е изд. книги Г.П. Струве «Русская литература в изгнании: Опыт исторического обзора зарубежной литературы» (Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1956).

3. Речь идет сборнике стихов «Золотой пепел» (Paris: Изд-во Д. Грединов, 1925). Талов ведет счет поэтическим книгам Евангулова «по Г. Струве», т.е. ориентируясь только на эмигрантские издания, в то время как, если иметь в виду его доэмигрантский период, их было значительно больше.

4. Pro domo sua (букв.) – «в защиту своего дома», т.е. о себе (*лат.*).

5. Жео Шарль (Géo Charles; 1892–1963), французский поэт, прозаик, один из редакторов журнала «Montparnasse» (1914–1930; другие редакторы – Поль Юссон (Paul Husson) и Марсель Сэ (Marseille Say)). См. об этом журнале и участии в нем Талова: *Морар А.* Валентин Парнах, Марк Талов и Сергей Шаршун: «Парижские старожилы» между Францией и Россией (1920–1923 гг.) // От Бунина до Пастернака: Русская литература в зарубежном восприятии: К юбилеям присуждения Нобелевской премии русским писателям: Международн. научн. конф., Москва, 16–19 ноября 2009. М.: Русский путь, 2011. С. 159–173.

6. О том же Талов писал С. Шаршуну в письме № 1, от 24 июля 1964 г., прося того разыскать этот номер журнала и переписать для него некролог (см. Приложение III).

7. Этот же рассказ Талов приводит в своих воспоминаниях:

Первая встреча с Ильей Эренбургом после моего возвращения случилась на Тверской улице в 1928 году. Узнав меня издали, он бросился ко мне, обнял, улыбается удивленно: «Вы разве живы?!» «Как видите». И он рассказал, что в Париже пошли слухи, будто меня большевики расстреляли. В некоторых изданиях даже некрологи были напечатаны. «Как только поеду в Париж, огорошу их известием, что вы живы!» – не переставал удивляться Илья Григорьевич (*Талов М.* Воспоминания. Стихи. Переводы: 73).

8. Крайне любопытно, что Талов говорит здесь о хорошо знакомом ему лице, не подозревая о своем с ним знакомстве. Речь идет о поэте Довиде Кнуте (настоящая фамилия которого была Фиксман), авторе статьи «Русский Монпарнас» (ПН. 1927. № 2444, 1 дек. С. 3), рассказывающей о ранних «героических временах молодой зарубежной поэзии». Помимо прочего, в ней говорилось о Талове, фамилия которого была сокращена до буквы Т., хотя его католическое имя Марк-Мария-Людовиг приводилось полностью, что делало совершенно прозрачной фигуру героя кнутовских воспоминаний.

Одной из наиболее колоритных фигур тогдашнего русского Монпарнаса, – повествовал Кнут, – был поэт Марк-Мария-Людовиг Т<алов>.

Это был глубоко-безнадежно провинциального вида человек, помещь этакого провинциального «собственного корреспондента» или актера-любителя

из Царевококшайска с театрально-аристократическим мэтром, каждый жест которого должен был свидетельствовать о неутраченном прирожденном благородстве – принц, который и в лохмотьях остается принцем!

Роста он был среднего, лицо у него было несколько скуластое, длинное, русые волосы спадали на засаленный, покрытый перхотью, воротник.

В правом глазу этого очень худо одетого человека строго поблескивал золотой монокль.

Держался он с большим апломбом и торжественностью, говорил и читал стихи напыщенным жирным и густым актерским голосом – à la Comédie Française – делал широкие плавные жесты, закидывал голову, наступая и отступая, выставляя попеременно вперед то одну, то другую ногу.

Жил он впроголодь, в нужде невообразимой (порою нуждаясь в спичке!), занимаясь, как и подобает поэту, только стихами и любовными делами...

И далее в таком же роде и тоне, описывая Талова, Кнут завершал свой очерк следующей фразой:

Уже лет пять, как он обретается где-то в России. О литературной деятельности его что-то совсем не слышно.

Приехав в 1949 г. в Израиль, Кнут начал публиковать в местной печати свои стихи в переводе на иврит. Одновременном с этим, так же на иврите, печатались его мемуарные зарисовки о деятелях русской литературы в эмиграции, с кем он провел бок о бок около 30 лет жизни в Париже. Таким образом, приведенный рассказ о Талове приобрел еще и ивритскую «двойчатку».

Наконец, уместно упомянуть о том, что фрагмент из кнотовского «мемория» «Русский Монпарнас» (без указания имени автора, замененного абстрактным «современник»), и именно тот, где рассказывается о «жившем в невообразимой нужде» Талове, был включен в статью Ю. Рогалья-Левицкого «Горе-авторы нашего зарубежья» (Воз-2. 1953. № 30, нояб.-дек. С. 175).

9. Зафиксирован лишь единственный случай появления стихов Талова в эмигрантских изданиях после его отъезда на родину. Так, в редактируемом А. Куприным журнале «Отечество» (изд. Н.Н. Набиркин) было напечатано его стихотворение «Сон» (1923. № 6 <b/c>):

Мне снились степи кочевые,
А в них – татарская орда.
Дрожали жены молодые,
В огне увидев города.

Взыграли коршуны на небе,
Кругом звенели стремена.

Опять, опять ужасный жребий
Приемлет нищая страна.

Шеломы и щиты блеснули.
На лицах стариков – испуг.
По всей Руси сермяжной в гуле
Червонный загулял петух.

Мне было душно и, смятенный,
Стонал я с Русью под доской;
Но вот когда, изнеможенный,
Я на татар взирал с тоской,

Когда я плакал от бессилья, –
Из слез моих, предсмертных слез,
Вдруг Образ встал, покрытый пылью:
– Терпи, не бойся!.. Я Христос!..

С некоторыми изменениями и датировкой 1915 включено в кн.: *Талов М.* Воспоминания. Стихи. Переводы: 89.

3

Копия письма А.С. Гингеру от субботы 28/III <19>64

Дорогой Александр Самсонович, Вашу открытку я получил 16 марта и задумался над поставленным Вами вопросом о способе доставки Вашей четвертой книги стихов. Для меня ясно, что если Ваши письма доходят до меня, то полной гарантии этого для книг я не допускаю. Так, например, один мой знакомый послал мне полное собрание произведений Ронсара тремя посылками, и надо же было, чтобы пропали наиболее ценные два его тома сонетов – «Les Amours»: стало быть, одна посылка в дороге пропала. А так как я слишком ценю книгу, которую Вы собираетесь мне послать, – чтобы Вы ее не потеряли зря, а я чтобы ее не лишился, – я обратился вчера с письмом к Вадиму Леонидовичу Андрееву, который, по словам Владимира Брониславовича <Сосинского>, собирается приехать в Москву в июне с<его> г<ода>. В этом письме я просил его об одолжении и привезти мне «Весть». Правда, он пребывает в Женеве, а Вы – в Париже, но при доброй воле Вас обоих препятствие вполне устранимо. Во всяком случае, только таким образом я мыслю себе разрешение вопроса. Жаль, что в письме к нему я позабыл указать Ваш адрес. Мне всё почему-то

казалось, что Вы, должно быть, имеете адрес Андреева, а он – Ваш, но уж теперь постараюсь исправить допущенную мною оплошность и позволю себе послать Вам его точный адрес:

Suisse, Genève, Monsieur V. Andreev,
3 rue Schaub

Нечего и говорить, как обрадует меня «Весть», когда я буду ее перелистывать. У Вас, дорогой друг мой, была вторая книга – «Преданность» и третья – «Жалоба и торжество». Если у Вас сохранились лишние экземпляры, то было бы как нельзя кстати получить и их, но для этого важно не только то, чтобы они сохранились, но и Ваше желание послать их, если бы они сохранились.

Посылаю в знак памяти Вам два моих стихотворения. Напишите, пожалуйста, со всей откровенностью Ваше мнение о них: оно мне интересно – будет узнать <sic>.

Что за антология была «Эстафета» и «На Западе»? Не можете ли Вы хотя бы перечислить состав их участников? Мне много хочется узнать, в частности, и о Борисе Поплавском, о котором здесь говорили, будто бы он покончил жизнь самоубийством. Он был талантливым и скромным юношей, когда я с Вами прощался. Кто был Ю.К. Терапиано? Здесь как-то на поминках Бальмонта, у дочери последнего, мы познакомились с Антонином Петровичем Ладинским. Умер он 4 июня 1961 года.

Дорогой Александр Самсонович, я сейчас вспомнил, как всей Палатой Поэтов мы приходили к Вам в гости неоднократно, Вы жили, кажется, на сквере Alboni (?)^[1]. Для меня это были голодные и все-таки беззаботные годы, полные истинной поэзии. Где теперь Терешкович? Помните его? Вспомнил вдруг странное сочетание «Гатарapak» – литературно-студенческий кружок^[2].

Знаете ли Вы, о чем я сейчас подумал? Как хорошо было бы, если бы все люди были хорошими людьми, готовыми открыть свое сердце друг для друга! Настанет ли пора, когда это желание мое осуществится?

Жду Вашего ответа на письмо. Желаю Вам долгих лет жизни в обществе Ваших внучат и счастья. Поцелуйте за меня Вашу крохотульку Наташу.

Ваш М<арк> Т<алов>

Послано: муки творчества «Это было в Лигрэ-Ривьере».

1. Талова память не подвела: мать Гингера (и он в свои первые годы жизни в Париже вместе с ней) проживала по адресу: 16, Square Alboni (Paris, XVI).

2. О Гатарапаке см. во вступительной заметке к воспоминаниям К. Терешковича о Гингере (Приложение I).

4

Копия письма Александру Гингеру,
посланного ему 18 июня 1964 г. (четверг)

Дорогой Александр Самсонович,

я умышленно задержал ответ на Вашу последнюю милую открытку, потому что я всё ждал от Вадима Леонидовича отклика на мое обращение, но оно так и осталось безответным, поэтому сомневаюсь, чтобы он обратился к Вам с письмом по интересующему меня вопросу. Больше не надеясь получить через него Ваши книги: вторую – «Преданность», третью – «Жалобу и торжество» и четвертую – «Весть», – обращаюсь к Вам с великой просьбой послать их мне по следующему адресу: USSR – Moscow, Москва – К 1, ул Горького, д. 8, кв. 48. Илье Григорьевичу Эренбургу. Он думает, что Ваши книги он получит. Его секретаршу – Наталью Ивановну Столярову – Вы, должно быть, тоже помните^[1]. К сожалению, не знаю, застанет ли Вас еще в Париже это письмо, но думаю, что Вам его перешлют.

Я просто удивляюсь Вам, Александр Самсонович: по всему видно, что поэзию Вы не разлюбили, что по-прежнему Вы ее верный паладин, однако никак в толк не возьму причину Вашей пассивности. Что заставило Вас бросить литературу? Или Вы платите дань какому-то фанатизму? Самые лучшие вещи пишутся в старости, после огромного житейского опыта. Преодолейте же свой сплин, возьмите в руки перо и дайте ему полную волю: оно приведет Вас в гавань творческих завершений. Неужели это невозможно?

Я ознакомился с двумя книгами Бориса Поплавского: 1) «Флаги» и вторая, вышедшая посмертно в 1936 году^[2]. «Флаги» – очень интересная книга. Я бы назвал Поплавского поэтом-импрессионистом. Мне понравились стихотворения, посвященные Марку Слониму и Сергею Шаршуну^[3]. Кстати, жив ли Шаршун? Ведь я с ним познакомился в одно и то же время, что и с Эренбургом – в декабре 1913

года! По счастью, я сохранил фотокарточку, на которой снят он со своей женой. Это – хорошая память. Если он жив, сообщите мне, пожалуйста, его адрес^[4]. Мне Эренбург говорил, что в прошлом году умер Ларионов^[5]. Был такой художник – Кремень^[6]. Слышали ли Вы о нем? Знаете ли его? Имеете ли его адрес? Если да, прошу послать мне его.

Итак, я жду присыла Ваших трех книг. Горю нетерпением перелистать Ваши книги: стихи ведь всегда говорят правду о поэте, создавшем их! А мне хочется проникнуться ими, понять, что волновало их автора. Это всегда интересно.

Нуждаетесь ли Вы в каких-нибудь книгах? Постараюсь послать Вам. Жму крепко руку.

Преданный Вам М<арк> Т<алов>

1. Наталья Ивановна Столярова (1912–1984), переводчица; дочь известной революционерки-террористки, члена партии эсеров-максималистов Н.С. Климовой и И.В. Столярова. Жила в Париже, где окончила Сорбонну. Входила в гингеровский круг, была невестой Б. Поплавского, адресатом его поэтических посвящений и прототипом главной героини романа «Домой с небес». В 1934 г. вернулась в СССР, в 1937 г. репрессирована. После освобождения и реабилитации (1956) являлась литературным секретарем И. Эренбурга.

2. Талов имеет в виду сборник стихов «В венке из воска», увидевший свет в 1938 г.

3. М. Слоному (см. прим. 11 к письму Б. Божнева Гингеру № 30, от 17 января 1957 г.) во «Флагах» (Париж, 1931) посвящено стихотворение «Жалость к Европе»; С. Шаршуну – стихотворение «Дон Кихот».

4. По-видимому, Гингер сообщил С. Шаршуну адрес Талова, и тот написал ему письмо (их переписка приведена в Приложении III).

5. Живописца, графика, сценографа Михаила Федоровича Ларионова (1881) не стало не «в прошлом году», а за три недели до написания данного письма – 10 мая 1964 г. Следует думать, что дошедшая до Талова весть о смерти художницы Натальи Сергеевны Гончаровой (1881), умершей в Париже 17 октября 1962 г., как бы трансформировалась в смерть ее супруга – М. Ларионова, см. к этому написанное чуть больше месяца спустя письмо Талова С. Шаршуну (№ 1, от 24 июля 1964 г.), где он говорит едва ли не об одновременной смерти обоих: «<...> а недавно узнал, что с год назад умерли Наталья Гончарова и Михаил Ларионов».

6. Павел (Пинхус) Кремень (1890–1981), живописец. В своих воспоминаниях Талов писал о нем:

После приезда из Турени я жил то у одного, то у другого художника. Как раз в это время, осенью 1915-го, я подружился с Кремнем и Сутиным. Кремль жил в «Улье». Он дал мне приют, затем я перебрался к Сутину (*Талов М.* Воспоминания. Стихи. Переводы: 41).

5

Копия письма Гингеру от 2.XII <19>64 г.

Дорогой Александр Самсонович, извините, пожалуйста, если, вопреки Вашей просьбе больше не писать Вам в этом году, я Вам все-таки решил написать^[1]. Во-первых, хочу поздравить с готовящейся женитьбой Вашего старшего сына, о чем меня оповестил Сергей Шаршун. Затем хочу поблагодарить за пересланную Вами статью, касающуюся меня. Вашу книжку «Весть» мне переслал И.Г. Эренбург, очень благодарю Вас. Книжка – весьма интересная. Узнаю ее почерк. Ее легко отличить от книг других поэтов по Вашей манере письма. Стихи глубокие и своеобразные. Свой словарь, которым отличалась уже первая книжка – «Свора верных». По всему видно, что Вы укротили Пегаса и крепко держите его за уздцы. Прекрасен «Факел», стихи его отточены –

Из груди до горла – сердца наше
радости решительным броском,
слез неупиваемая чаша –
из груди до горла, быстрый ком.

Тем, что глагол опущен, достигнута предельная выразительность.

Мне бы жить примерно, жить исправно,
Чтобы очень медленно стареть.

Век хочу исполнить Тицианов...

Это прекрасно и полно оптимизма в высшей степени.

Мне понравились еще – «Весть», «Имя» – «Не солдат, кто других убивает, но солдат, кто другими убит...», «Светит месяц», «Сестра» и, наконец, «Тибетская песня», песня самой мудрости.

Вы пишете лишь тогда, когда Вас к тому побуждает Муза, и это хорошо. В этом отношении я похож на Вас: пишу мало и редко, тог-

да, когда я не могу противиться и даю разразиться «быстрому кому в горле».

Я хотел бы ознакомиться с Вашими книгами – «Преданность» и «Жалоба и торжество». Если Вам не трудно, пошлите, пожалуйста, их мне по моему адресу.

Рад я тому, что Вы вышли здоровы и целы из-под скальпеля хирурга. Искренно желаю Вам прожить «Тицианов век». Посылаю Вам свою фотокарточку, взамен которой прошу и Вас послать мне Вашу. С Шаршуном я карточками уже обменялся, и мне приятно, что он у меня – в альбоме.

Между прочим, я написал письмо Кремню и Евангулову, но пока ответа нет^[2].

В конце года выйдет «День Поэзии», я жду, что там появится мое стихотворение. Если да, то pošлю Вам^[3].

Дружески жму руку Вам, Ваш сопалатник М<арк> Т<алов>

1. О реакции Талова на эту просьбу см. в его письме С. Шаршуноу № 3, от 30 ноября 1964 г. (Приложение III).

2. О том же Талов сообщил С. Шаршуноу в том же самом письме, которое упомянуто в предыд. прим.

3. В «Дне Поэзии-1964» (М.: Советский писатель, 1964. С. 60) было напечатано стихотворение М. Талова «Нико Пиросмани» (1963):

Рождались гении не по капризу
Судьбы и не по щучьему веленью.
Что, если б Слава получала визу
К художнику-творцу являться Ленью?
О нет! Прибавь ты к четверти таланта
Три четверти труда... Такого сплава
Достаточно, чтобы родить Атланта,
Чтоб увенчала живописца слава.
О ком я говорю? О Пиросмани!
Он вывески расписывал, малярил,
Писал картины допоздна в духане,
Пока последний рупь не разбазарил.

Я вижу пред собою Сакартвело.
Тут захмелевшие кинто. Ашуги.
Коней строптивых укрощают смело
Наездники лихие – князьи слуги.
Над пенистым потоком – мост упругий.
А медвежата! Подойдут вразвалку

И корчат уморительные хари,
Когда вожатый даст понюхать палку, –
И пир гремит под звуки сазандари.
Гостей обходит рог вина заветный,
И «мравалжамиер» в час предрассветный,
Теснясь глубоко в сердце человека,
Вдруг вылетает голосом дрожащим,
Пока пугливо в горы через чащи
Уходит лань, услышав дровосека...
То – Картли девятнадцатого века,
Которую оставил Пиросмани...
И он, всю веру вылил безотчетно
Пусть во встревоженное бегство лани,
Заставил полюбить свои полотна.

6

Копия письма Гингеру Москва,
Понедельник, 1 марта 1965 г.

Дорогой Александр Самсонович,

вот мы уж влезли в 1965 год, время не тянется, а можно сказать – летит на всех парах, время летит, и только наша косность не позволяет нам идти вровень с ним. Я по себе чувствую, что год от году становлюсь неповоротливее.

Получил три Ваших письма и только сегодня, чувствуя себя несколько лучше, засел за ответ. Прежде всего благодарю за фотокарточку, смотрю на нее и думаю: не будь у меня карточки, узнал ли бы я Вас, если бы мы случайно встретились? И отвечаю, да, узнал бы, до того Вы мало изменились. Что касается Ваших книг (имею в виду «Преданность» и «Жалоба и торжество»), мне было бы все-таки интересно ознакомиться с ними, но раз Вам это неприятно, то не настаиваю на присыле. Как бы то ни было, я получил полное представление о Вашем творчестве.

Скрывать не хочу, не обижайтесь: Ваши стихи мне нравятся несравненно больше, чем стихи Вашей покойной жены^[1]. Вы нравитесь мне своей непосредственностью, и то, что Вы своего пера не мучите, говорит как раз в Вашу пользу: «лучше меньше, да лучше» – этой мысли верна Ваша муза^[2]. В этом отношении я похож на Вас: пишу тогда, когда не писать невозможно.

Теперь о новой орфографии. Вопрос о ней у нас обсуждаться перестал, но у меня есть возражения против Ваших высказываний на суть реформы. Введение «йота» у нас невозможно, потому что если ввести, то наши гласные: *я, ю, ё* приобретут звучания, несвойственные русскому языку и больше свойственные украинскому. Йотированное звучание, например, в словах: «мясо», говядина», «бюро» и т.п. придется читать как украинские: *м'ясо, гов'ядина, бю'ро...* Во всяком случае, вопрос этот – очень сложный и для меня почти неразрешимый. Возможно, пришлось бы отказаться от кириллицы и перейти к латинской орфографии, но это – дорогостоящая ломка правописания. Что касается буквы «щ», то отчасти я с Вами согласен: ее с успехом может заменить сочетание из двух букв – *сч*, хотя русского звучания буквы *щ* это сочетание не совсем передает.

Мне кажется, частично нашу орфографию могла бы спасти латинизация буквы эс – *S* с тем, чтобы *S* получило звучание буквы *Ц*, а *С* – буквы *Ч* (как у чехов). Это позволило бы отказаться от буквы *Ш* и *Щ*.

Буква *S* – русское *С*

Š – русское *Ш*

Ş – русское *Щ*

Но во что бы обошлось перепечатывание русских классиков по новой орфографии? Целесообразно ли это? На мой взгляд – нет.

Вот вкратце мои соображения насчет русской орфографии. Разрешите пожелать Вас доброго здоровья. Привет внучатам и внучке.

Ваш Марк Талов

1. Ср. с мнением Г. Адамовича, высказанном в письме к Ю. Иваску от 22 октября 1954 г.:

У него <Гингера> есть жена – Присманова (Вы, верно, знаете о них от Чиннова, их друга). Она – но это между нами, пожалуйста! – бледнее и как-то менее оригинальна, чем он, но в том же нео-третьяковском духе (Сто писем Георгия Адамовича к Юрию Иваску (1935–1961) / Предисл., публ. и коммент. Н.А. Богомолова // Диаспора: Новые материалы <Вып.> V. Париж; СПб.: Athenaeum–Феникс, 2003. С. 430).

2. Ту же мысль Талов высказывал в письме к С. Шаршуну № 2, от 17 сентября 1964 г.

Н.Д. Татищев ПИСЬМА ГИНГЕРУ

Поэт, прозаик, переводчик богослов и литературный критик Николай Дмитриевич Татищев (1896–1985) окончил императорский Александровский лицей (1917)¹, служил в лейб-гвардии Конном полку (дослужился до чина штаб-ротмистра). Участвовал в I-й мировой войне. В эмиграции был ближайшим другом Б. Поплавского, а после его смерти стал душеприказчиком и хранителем архива поэта. Масон². Несколько раз был женат: 2-я жена – Дина Григорьевна Шрайбман (1906–1940), которой посвящены многие стихотворения Б. Поплавского и которая, как считается, послужила прототипом Терезы в романе «Аполлон Безобразов»³.

Перу Татищева, помимо многочисленных печатных материалов в русской эмигрантской прессе, принадлежат две книги воспоминаний и литературных очерков⁴.

Являвшийся другом Гингера и Присмановой на протяжении многих лет, Татищев был одним из посетителей и участников «сред» в их доме. 3 июля 1948 г. он вписал в *Альбом* стихотворение «Странствующий монах»:

¹ Императорский Александровский Лицей: Памятная книжка лицейстов. Neuilly-sur-Seine: Объединение бывших воспитанников Императорского Александровского Лицея, 1961. С. 167.

² Серков А.И. Русское масонство. 1731–2000: Энциклопедический словарь. М.: РОССПЭН, 2001. С. 788.

³ На машинописном автографе своего стихотворения «Art poetique», посвященного Гингеру («Александру Самсоновичу Гингеру») и, видимо, отправленного ему в качестве письма, Поплавский приписал (University of Illinois Archives (Urbana-Champaign). Ms. 15/35/56 Sophie Pregel and Vadim Rudnev Coll.; см. фото автографа этого стихотворения на с. 205 настоящего тома):

P.S. Зубрю русскую литературу
Забавно потому что никогда
не читал, насчет провала
смирился Очень рад был
встретить Аню <Присманову> вспомнились старые стихи и дни какие-то <?>
Препровождаю с сердечным приветом своим и Дины
P.P.S. Дина кроме поклона еще «целует Аню крепко»

⁴ См.: Татищев Николай. Письмо в Россию: Воспоминания. Литературные очерки. Париж: YMCA-Press, 1972; *Его же*. В дальнюю дорогу. Кн. 2. Париж: YMCA-Press, 1973.

О, недоразуменье
(Вздыхает человек) < – >
На полунощном бденьи
Дремать который век!

Потом идти дорогой,
Которой нет конца,
Смотреть на небо строго
И не видать лица.

Кусты в снегах одеты,
Заране видят сны
Оранжевого лета
И розовой весны.

Но гулками шагами
Проходит человек
С туманными глазами
Долиной мертвых рек.

У городской заставы
В вечерней тишине
Павлины величаво
Гуляли по стене.

Голодная волчица,
Горбясь от груза дня,
Навстречу волочитя,
Оскалясь на меня.

Вчера был мор в селеньи,
Пока я спал в лесу.
И, человек последний,
Я тоже груз несу.

А луч кончины света
Уже грозит копьём,
И отражает Лета
Архангела с конем.

Поэзии Гингера посвящен некрологический очерк Татищева «Солнце и сердце»¹; «стоическую поэзию А.С. Гингера» он упоминает в статье «Среди книг»².

В семейном архиве Татищевых хранится дарственный экземпляр лирической повести Присмановой «Вера» с автографом автора: «Николаю Дмитриевичу Татищеву с искренним приветом. Анна П<рисманова>».

Письма публикуются по автографам, хранящимся в University of Illinois Archives (Urbana-Champaign). Ms. 15/35/56 Sophie Pregel and Vadim Rudnev Coll. Box 3.

1

14/ I – <19>49

Дорогой Александр Самсонович,

Вчера я забыл (у Румановых)^[1] Ваше стихотворение, сегодня утром вспомнил его наизусть (это случается иногда) и потому поясняю то, что не ясно сказал: вторую строфу, мне кажется, было бы еще интереснее читать так:

На склоне зрелости срединной
годов утраченных не жаль.
Очам назначен опыт длинный:
слабее вблизи, сильнее вдаль^[2].

И (т.к. слово очи уже появлялось, а прилагательное в «зрении сердечном» не так заметно, чтобы потом говорить о «бесстрашном сердце») – не выиграла ли бы 5-я строфа в таком виде:

Дела отчаянья и розни
бесповоротно отмети;
ревнуй о том, чтоб к смерти скорой
с бесстрашным оком подойти^[3].

¹ *Татищев Николай*. Солнце и сердце: О стихах Александра Гингера // Воз-2. 1965. № 168. С. 114–120.

² Оп. 1956. Кн. 6. С. 70.

Может быть, даже с «раскрытым оком» – с незавязанными глазами, как хотят быть раскрыты храбрые люди.

А впрочем, конечно, Вам виднее. Но стихотворение «Зрение» – одно из Ваших лучших по своей сдержанной страстности. А что, кроме страстности, интересно в жизни и в стихах?

Крепко жму Вашу руку. Привет А. Присмановой

Искренне Ваш Н. Татищев

1. Об А.В. и Л.Е. Румановых см. в комментарии к «Акротерцинам».

2. Речь идет о 2-й строфе из стихотворения Гингера «Зрение»; в печатном варианте, впервые появившемся в Нов (1950. № 42–44. С. 89) и затем включенном в В, она выглядела так:

На склоне зрелости срединной
годов утраченных не жаль.
Назначен глазу опыт длинный:
Слабее вблизи, сильнее вдаль.

3. У Гингера в окончательном варианте:

Дела отчаянья и розни
бесповоротно отмети;
ревнуй о том, чтоб к смерти поздней
с бесстрашным сердцем подойти

2

7/II – <19>49

Дорогой Александр Самсонович,

Перед тем как прийти на Ваше чтение^[1], я, ожидая Марию Романовну^[2] в кафе, прочел следующее определение англ<ийского> критика Matthew Arnold^[3], что такое поэзия: «настоящая поэзия это такой способ говорить о вещах, который возбуждает в нас чувство некоей странной теплоты, интимности, полноты и новизны этих вещей, а также нашего отношения к ним».

Если это так, то, напр<имер>, «холодный мерзавец» не может писать хороших стихов не потому, что он мерзавец, а потому, что холодный. Теплый мерзавец может. Так же и у Пушкина: «не подражателям холодным, не переводчикам голодным...<>»^[4]. Да и так

известно, что те поэты, которые оставляют нас холодными – плохие поэты.

Агния Геннадиевна никого холодным не оставляет – Мария Романовна к ней тоже почувствовала прилив симпатии, и мы хотим поговорить с Вами об этой даме, почему и думаем воспользоваться Вашим приглашением и быть у Вас в среду, 9-го, после 9 часов вечера.

Жаль, кстати, что на Вашем чтении не было С.И. Шаршуна.

Крепко жму Вашу руку, привет Анне Семеновне.

Искренне преданный Н. Татищев

1. Невозможно установить, что именно читал Гингер, однако по тому, что далее автор письма упоминает Агнию Геннадиевну, которая «никого холодным не оставляет» (т.е. Агнию Нагаго – псевдоним Гингера), можно заключить, что хозяин (речь идет об очередной гингеровской литературной «среде») предложил своим слушателям чтение какого-то прозаического текста.

2. Мария Романовна Граевская, возлюбленная Татищева (кончила жизнь самоубийством в 1960).

3. Мэтью Арнолд (1822–1888), английский поэт, культуролог, литературовед, литературный критик.

4. Из стихотворения Пушкина «О, муза пламенной сатиры!..» (1824).

3

10.XI. <19>50^[1]

Дорогой Александр Самсонович, Маруся^[2] и я очень жалеем, что не повезли вчера Анну Семеновну и Вас – это вышло по вине г-жи Бродской^[3], которая, улучив момент, захватила место, хотя никто ее не приглашал. Этот маневр делается не в первый раз. В будущем Вы лучше идите, не отставая от нас, всем видом и походкой показывая, что место занято!

Я не мог вчера «говорить», потому что всё сказать нельзя, а ½ сказать – значило бы запутать и исказить. Адамович невольно запутал дело (и хорошо), сказав, что Пушкин не религиозен! (Конец стихотворения «Чудный сон мне Бог послал»: «Путник, ляжешь на ночлеге, в пристань, плаватель, войдешь; отрешись волов от плуга на последней борозде»^[4] – но не в этом дело). Религиозное противоположно церковному. Религиозное – связь с Богом и с миром, т.е. со всем человечеством; церковь – связь с частью человечества. Поэты

и художники в огромном большинстве относятся к типу церковных, т.к. принадлежат (в начале ради школы, потом по привычке) к определенной группе. Чем лучше они совершенствуются, тем скучнее и ненужнее их стихи и картины, это трагедия большинства. Ходасевич это чувствовал, грустил об этом, поэтому в его поэзию проник живой дух. Но Пиотровский, напр<имер>, понятия об этом не имеет. Из тех, кто занимался искусством, но прорвал саван церковности, я знал Поплавского и Мамченко. Но чаще религиозных людей встречал среди обывателей или «беспартийных большевиков» вроде А.В. Руманова, которые с подозрительностью косились на «занятия искусством». Мандельштам относится к типу религиозного, а Сологуб – церковного. Религиозный всегда, рано или поздно, дойдет до людей, поэтому Мандельштама читают не 50 человек (другая ошибка Г.В. Адамовича), а много больше, и в России и здесь.

Как Адамович, со своим умом, не понимает начала религиозности? Он на границе этого понимания. Вы могли бы ему подсказать. Вчера в зале было человек 5–10 религиозного типа, я ощущал, как они вздрогнули от удивления, услышав, что Пушкин был не религиозен. Как же тогда он мог писать хорошие стихи <?>

До свидания, привет от Маруси, которая меня просила написать Вам об этом.

Привет Анне Семеновне
Жму руку

Николай Татищев

1. Похоже, что в письме обсуждается литературный вечер «Сумерки Блока», прошедший накануне, 9 ноября, в рамках Объединения русских писателей и поэтов (вечер состоялся в зале Русской консерватории им. С.В. Рахманинова, 26, avenue de New York, Paris XVI-e).

2. См. прим. 2 к предыд. п.

3. См. прим. 5 к письму Гингера С. Прегель № 4.

4. Из незавершенного стихотворения Пушкина «Родриг» (1835); в оригинале:

Путник – ляжешь на ночлеге,
В гавань, плаватель, войдешь.
Бедный пахарь утомленный,
Отрешишь волов от плуга
На последней борозде.

Татищев приводит это стихотворение, или, как он называет, «строфы Пушкина к стихотворению “Родриг”», в своем эссе «На последней борозде» (*Татищев Николай*. Письмо в Россию. Париж: YMCA-Press, 1972. С. 49–50).

4

25. II. <19>53

Diesel, Autony (т.е. моя работа)

Дорогой Александр Самсонович,

Ваше стихотворение^[1] – которое является как бы предсмертной молитвой, откуда изъято всё мутное, вся земная накипь, заставляет вспомнить следующий текст из *Imitation*: «На двух крылах поднимается душа к Богу: одно из них – чистота, другое – простота: чистота сердца (намерения) и простота ума (выражения): и одно не бывает без другого»^[2].

Я тоже написал недавно перевод с англ<ийского> из Элиота^[3]. Перевод текстуальный. Церковь, о коей идет речь в этом «романе» с ней Гиппопотам, не столько *Ecclesia Romana*^[4] (хотя это написано в эпоху обращения его в католичество в 1925)^[5], сколько живая женщина.

Гиппопотам

Гиппопотам, огромный зад,
Стоит горою на болоте.
На вид громада из громад,
Он всё ж из крови и из плоти.

Не так могуч гиппопотам,
Хоть с ним бороться уж куда мне!
Могуч и прочен только храм,
Который утвержден на камне.

Насторожившись, зверь идет
И кружит в поисках за пищей,
А церковь, не шатаясь, ждет
И всех своих она отыщет.

Он ядовитые плоды
Глокает в тростниковой гнили,
Для церкви ж райские сады
И хлеб, и виноград взрастили.

Он спит весь день, а после в лес
Выходит ночью на охоту,
А церковь – чудо из чудес –
И спит, и кормит сквозь дремоту.

Я видел, как гиппопотам,
Покинув этот край печали,
Легко поднялся к облакам,
Взяв арфу и обув сандали.

Хор ангелов осанну пел
И повторял, что зло забыто.
Гиппопотам в лазурь глядел,
Навек прощенный и омытый.

Весь в белом, в Божьем алтаре
Гиппопотам поет и скачет,
А церковь, в старом стихаре,
От радости в притворе плачет.

До свидания, крепко жму руку, привет Анне Семеновне, и от Маруси.

Ваш Н. Татищев

1. По всей вероятности, речь идет о «Тибетской песне».

2. Имеется в виду знаменитый трактат «De Imitatione Christi» («Подражание Христу»; написан не позднее 1427 г.), предполагаемым автором которого считается немецкий католический монах и священник Фома Кемпийский (Thomas von Kempen; ок. 1379–1471).

3. Томас Стернс Элиот (Thomas Stearns Eliot; 1888–1965), американско-английский поэт, драматург, литературный критик.

4. Ecclesia (Catholica) Romana – римская католическая церковь.

5. Стихотворение «The Hippopotamus», которое перевел Татищев, Элиот написал раньше 1927 г. – времени своего официального перехода в англиканскую церковь; оно вошло в сборник его стихов 1920 г., см.: *Eliot T.S. Poems*. New York: Alfred A. Knopf, 1920.

Tatischeff
 15, av. P. Brossolette
 Plessis-Robinson (Seine)

15.VI. <19>55

Дорогой Александр Самсонович

Мы хотели зайти к вам сегодня вечером, но Маруся устала, и потому отложили до следующей среды. Напишите мне, s.v.p.^[1], в Париже ли вы или уехали на остров^[2] и продолжают ли ваши среды, т.е. можно ли прийти 22/VI к 9 часам.

Мы хотим вас видеть и, кроме того, я хочу посоветоваться с вами относительно некоторых переводов с китайского, какими я сейчас занят. Они почти все относятся к династии Танг (8 в. по Р<ождеству> Х<ристову>), т.е. к расцвету классицизма (Ли-По, Ту-Фу и др.). Но вот одно стихотворение более позднего времени (16-й в.).

Поэт и Гость

Я сижу, молчаливый, перед вами.
 Что мне делать? Сижу и ни слова.
 Я уж больше не приветливый хозяин.
 Надо говорить, но что придумать?
 Блеск ушел куда-то, и тем лучше.
 Откровенность?.. Надо что-то больше. [это точный перевод,
 Каждый думает свое, забыв про друга. но сомнительное место]
 Что дурного в том для нас обоих?..

Или вот еще, это из Ли-По, который умер в 762 г.

Вор и Пьяница

Моя ладья плыла из рая,
 На флейте чудный был узор,
 Но мне твердят: – Ты жил играя!
 Кто не работает, тот вор.

Вино смывало грусть напева,
 Но я скажу – хоть стыдно мне –

Как вечером кричала дева:
«Ты вечно пьян! Всегда во сне!»³

Итак, надеюсь, до свидания через неделю.
Шлем привет все – Анне Семеновне.
Искренне ваш

Ник. Татищев

1. См. прим. 13 к письму Б. Божнева Гингеру № 17, от 2 декабря <1951>.

2. Об острове Médan, где Гингеры имели домик, см. во вступительной статье и многочисленные упоминания в письмах, публикуемых в настоящем издании.

3. Татищев много лет занимался переводами китайских лириков и почитал Ли-По (Ли Бо) одним из величайших поэтов в истории человечества. Об очаровании Ли-По русской эмигрантской поэзией, об его устойчивом присутствии в ней и даже о возможности рассмотрения этого присутствия как своеобразного «эмигрантского топоса» см.: *Хазан Владимир*. О некоторых особенностях эмигрантских топосов (К постановке вопроса) // *Humanitāro zinātņu vēstnesis (Daugavpils universitāte)*. 2003. № 3. С. 40–42.

6

Tatischeff, 15, av. P. Brossolette, Plessis-Robinson (Seine)

23/6 – <19>55

Дорогой Александр Самсонович!

Хочу Вам предложить заняться со мной одной работой. Дело вот в чем. Я иногда пишу сценарии для кинематографа. Мне заказали написать (по-французски) сценарий об одном художнике, который недавно умер и которым сейчас интересуются в Америке. Я представил проект, который был одобрен. Дело это интересное. Далеко не все сценарии, которые я до сих пор предлагал, были приняты к постановке, но эта работа никогда не остается бесплодной. Иногда мои проекты берут (за плату) для архива. А если и это не получается, всё же я всякий раз обогащаюсь известным опытом. Всё это, конечно, «великая тайна» (синема, как война, требует тайны. Никто не знает,

что я этим занимаюсь)^[1]. Если Вас это заинтересует, назначьте мне, if you please, день и час свидания, и я всё подробно объясню.

Помните у Грибоедова: «Да, водевиль есть вещь, а прочее всё гниль»^[2]. Замените слово «водевиль» словом «синема», и вы поймете, что я хочу сказать.

Прилагаю письмо с «китайцами» для Лидии Давыдовны^[3].

Искренне Ваш

Николай Татищев

1. По сообщению сына, Б.Н. Татищева, деятельность отца на сценарно-кинематографическом поприще была эпизодической и не принесла каких-то ощутимых результатов. По всей видимости, и предлагаемый в письме проект не имел какого-то продолжения. Впрочем, возможным отголоском, указывающим на увлечение этим предприятием, явился написанный, скорее всего, Присмановой рассказ-сценарий «Зиу-Зин. Мадагаскарские духи» (см. Приложение II).

2. Реплика Репетилова из комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» (действ. 4, явл. 6).

3. Очевидно, речь идет о поэтессе Лидии Давыдовне Червинской, см. прим. 2 к письму Гингера С. Маковскому № 4, от 8 марта 1955 г.

7

28/6 – <19>55

Дорогой Александр Самсонович и Анна Семеновна,

Я прочел все 5 вещей Азова и нашел их интересными, он не дилетант этого дела, т.е. знал ремесло^[1]. Для начала повезу на будущей неделе Mme Jean-Bernard 2 сценария: «La Chambre à cent portes»^[2] (roman policier^[3], калькированный по «Преступлению и наказанию», самый интересный из всех) и «Скетч», «Précis de Nuptiologie»^[4], очень сценический court métrage^[5]. Постараюсь убедить, что это очень стоящие <sic> «синопсисы»^[6].

Относительно «вольности в ударениях» в стихах, напр<имер>, в Вашем «Доверии»: «умершая рано» – мне кажется, Вам не следует беспокоиться, потому что если это не вполне общепринято, то такая перестановка не вульгарна. Бывают и вульгарные перестановки в ударениях, но Вы настолько овладели мастерством, что не рискуете

попасться. Вот два примера вульгарной вольности: у Червинской есть слово «жестокó» (в 1936 г.) и у Поплавского «танцовщи́цами» (1928)^[7]. В общем, правил нет, и инстинкт подсказывает, что можно. Латинские классики в своих гекзаметрах, заимствованных от греков, сплошь в неправильных ударениях, напр<имер>, из Овидия: «Regio <sic> solis erát»^[8], что не вульгарно, но если б оказалось наоборот: Regio erat solís – было бы ужасно. По-русски: «Царство солнца было́» – плохо, почти хуже, чем «жестокó», а «Было царство солнца́» – было бы ужасно, невероятный кошмар. В моем случае не трудно переставить слова: «Пóднял я тогда при всем народе» – но не следует еще между прочим потому, что когда вещь читать, то «пóднял» можно спутать с «пóнял», а поднял не спутаешь с вульгарным поня́л. Но эти тонкости сейчас в Париже мало кто различит. Но очень прошу Вас, всякий раз, когда Вы заметите у меня что-нибудь сомнительное в смысле ударений и в другом, обращать мое внимание. Меня Ваше «у́мерла» никогда не задевало – ни раньше, ни после того, как Вы сказали об этом, наоборот, это стало нравиться, тем более, что тут у́ не столько ударный слог, сколько долгий, чем дает всей строке неожиданную красоту (и чего нет ни в «жестокó», ни в «танцовщи́цах», где не может быть речи о долготе, и, значит, автор привык только так произносить эти слова).

Привет.

Николай Татищев

P.S. Тут я нашел еще 2 стихотворения вечного Ли-По:

Встреча на дороге

Среди цветущих яблонь я ехал на коне
И вижу, колымага навстречу едет мне.
Кнутом, как бы случайно, я тронул колесо,
Раздвинулись завесы, мелькнуло вдруг лицо,
И прежде чем исчезнуть средь шелковых завес,
Девичий глаз веселый мне указал на лес
И башню с острой крышей и как бы дал понять:
«Вон там мое жилище! Вон там меня искать».

Ночной танец

Луна сияла
Всю ночь в окне.

Си-Че плясала
При луне.
Самой ей странны
Те танцы были:
Движенья плавны,
Но без силы.
Она не скоро
Руками водит,
Как бы опоры
Не находит.
И удивляясь
В изнеможенье
Тому, как вялы
Ее движенья.
И вдруг, смеясь,
Остановилась
И о кровать
Облокотилась.

1. Владимир Александрович Азов (наст. фам. Ашкинази (Ашкенази); 1873–1948), писатель-сатирик, журналист, переводчик. Вероятно, речь идет о каких-то киносценариях, оставшихся после смерти Азова, который интересовался *cinema* (в ПН, в которой он сотрудничал в 20–30-е гг., его обзоры появлялись в рубрике «Театр и синема», позднее – «Неделя синема», еще позднее – «Синема – Кино»).

2. «La Chambre à cent portes» – «Комната со ста дверьми» (*фр.*).
3. roman policier – полицейский роман, детектив (*фр.*).
4. «Précis de Nuptiologie» – «Краткий курс науки о брачной жизни» (*фр.*).
5. court métrage – короткометражка (*фр.*).
6. От synopsis – сценарий, либретто (*фр.*).
7. В стихотворении «Diabolique» (из сб. Флаги):

Хохотали люди у колонны,
Где луна стояла в позе странной.
Вечер остро пах одеколоном,
Танцовщицами и рестораном.

8. Regia Solis erat <sublimibus alta columnis> – Солнца высокий дворец <подымался на стройных колоннах> (начало 2-й книги «Метаморфоз» Овидия, пер. С.В. Шервинского).

Дорогой Александр Самсонович, вчера я вернулся от Mme Jeag-Bernard, где читал 2 вещи Азова, но, к сожалению, попал не удачно: было много гостей, хозяйка устала, в общем, успех был незначительный. Она сказала, что всё это старо, что сейчас ищут нечто совсем никогда не бывшее (но в области любовно-полицейской интриги), что-нибудь вроде романа в колонии прокаженных... Попытаюсь еще, а пока пошлю для ознакомления следующие китайские переводы.

Цветы забвения

Осень гонит белые тучи.
 Гуси летят по небесным дорогам.
 Лотос и роза, склонившись, уснули.
 Как отыскать мне ту, что живет в моем сердце?
 Дом твой на том берегу. Отвяжу эту лодку.
 Волны шумят, берег далекий в тумане.
 Волны пытаюсь веслом одолеть, как землю лопатой.
 Песню потом начинаю, но не радостно пенье.
 Сила и радость ушли...
 О любовь! Годы тебя не смогли победить. Помогите мне!
 Но мне страшно, один я, вокруг водяная пустыня.
 Чей это старческий лик отразили глубокие воды?

Император У-Ти, дин<астия> Хан,
 около 140 л<ет> до Р<ождества> Х<ристов>

Это до классицизма, но уже цитируется как преддверье его. Ибо, несмотря на важность размера, тут и 12 строк и соблюдено (может быть, впервые) золотое пейзажное правило, а именно: при описании пейзажа надо идти сверху вниз и потом в глубину (воды), а не наоборот и не попеременно, «то здесь, то там», что вызывает у слушателей «мотание головы».

Почти никто из европейских поэтов не знал об этом правиле. Пушкин инстинктивно догадался (см. его «Кавказ», «Кавказ подо мною, один в вышине» и т.д.).

Старый мандарин и его гарем (Стихотворение послеклассическое,
реализм вместо эмоциональности)

Жена:

Кубок вина, на тарелке пирог.
Мы не пускаем чужих на порог.
В городе знают, что мой мандарин
Верный супруг и святой семьянин.

Куртизанка:

Кубок вина, на тарелке гусыня,
Есть еще фрукты в плетеной корзине.
Если жена не желает рожать,
Муж с куртизанкой уходит гулять.

Служанка:

Кубок вина, на тарелке варенье.
Будет у нас в эту ночь развлечение,
Будет хозяин смеяться и петь...
Лучшая пища – служанкина снедь.

Мандарин:

Кубок пустой, на тарелке лягушка.
Тише, уймись, седые старушки...
Полно смеяться над старым, больным.
Нашу стряпню мы уступим другим.

Сао-Нан, дин<астия> Минг (XV в.)

До свидания, сердечный привет Вам с семейством от всех нас.
Николай Татищев

N. Tatischeff
15, av. P. Brossolette,
Plessis-Robinson (Seine)

<конец ноября –
начало декабря 1955>^[1]

Дорогой Александр Самсонович,

Пишу по просьбе Н.А. Оцуа. Он хочет – в связи с 20-летием закрытия «Чисел»^[2] – сделать сообщение в интимном кругу на тему о переменах, происшедших за последние 20 лет во всем вообще и в поэзии в частности. Он хотел бы говорить об этом у вас, в одну из сред, и чтобы кое-кто из сотрудников «Чисел» присутствовал – скажем, говорит он, Шаршун, семья Величковских^[3], Л. Червинская, еще кто-то (но не Маковский, они в ссоре). Если вы согласны и соберете нескольких слушателей (много не надо), будьте добры мне написать заблаговременно о дне, когда это чтение может состояться, я же предупрежу Николая Авдеевича (с'est très compliqué^[4], но что делать) – ибо хоть тема ему близка и недавно разработана, однако он хотел бы еще раз всё пересмотреть и наметить так дней за 5. Одновременно, м<ожет> б<ыть>, вы сообщите мне, кто будет на этом заседании Организатора Центрального Управления Поэзии (это акростишие)^[5].

Так или иначе перед Оцупом все почти виноваты: его «Дневник» вовсе не так плох (то, что по нем можно гадать – признак глубины. Гадать можно по Корану, но нельзя по Larouss'и (хотя в Larouss'е тем еще больше, чем в «Дневнике в стихах»)<>^[6].

Засим до свидания, надеюсь, до скорого. Маруся и я шлем привет вам с обители.

Искренне ваш

Николай Татищев

P.S. Я уже запечатал конверт, когда пришло в голову погадать по «Дневнику в стихах» о том, что такое Оцуп. Открываю на стр. 190 и читаю (даю слово, что это правда):

..... он князьям
Не уступит. Если бы не вещей
Смысл его служения, пропасть
Бы ему: он слишком любит власть.

Продолжаю гадание. Что такое я сам? Открываю на 255:

Жил я лучшими, но грех везде.

Всё это очень таинственно (мне часто кажется, что многие мои знакомые – святые).

Трепещу и гадаю в последний раз: что такое русские поэты в Париже? Ответ, стр. 201:

Ten green bottles... are hanging on the wall^[7]...

Непонятно, хоть что-то есть. Стало не по себе и прекращаю игру. (Это не значит, что 10 поэтов алкоголики, но скорее, что они пребывают где-то между землей и небом – эмигранты.)

Н<иколай> Т<атищев>

1. Примерная датировка определяется по контексту.
2. Последний, 10-й, номер редактируемых Н. Оцупом Ч вышел в июне 1934 г.
3. Т.е. Т. Величковская и С. Жаба, см. прим. 3 к письму Гингера Андреевым и прим. 3 к письму Гингера С. Прегель № 2.
4. *c'est très compliqué* – это очень сложно (*фр.*).
5. Одна из шуточных «расшифровок» фамилии Оцуп; согласно другой, принадлежавшей А. Блоку, фамилия Оцуп «означала» Общество Целесообразного Употребления Пищи (*Чуковский Николай*. Литературные воспоминания. М.: Советский писатель, 1989. С. 32).
6. Речь идет о книге Н.А. Оцупа «Дневник в стихах 1935–1950» (Париж, 1950), гигантском тексте в 12.000 стихов (366 страниц), которому уже после смерти автора А. Бахрах давал следующую характеристику:

Этот капитальный поэтический труд Оцупа, на который он потратил столько усилий, оказался полной цветущих и живописных оазисов многостраничной пустыней, – но все-таки пустыней, – и отыскать эти оазисы, проникнуть в них у читателей нет времени (*Бахрах А. О Николае Оцупе // Мс. 1962. № 9. С. 207*).

7. Ten green bottles... are hanging on the wall – Десять зеленых бутылок... висят на стене (*англ.*) – популярная детская песенка «The Green Bottles», которую поют от скуки.

8/12 – <19>55

Дорогой Александр Самсонович, отвечаю на Ваши 3 вопроса:

1) Оцуп хочет всех (кроме Маковского).

2) лучше сделать это 21/ХII, т.е. не откладывая, Оцуп полон энергии (Диана уехала на неск<олько> месяцев в Италию^[1]), и, мне думается, не лишено возможности, что он не ограничится одной беседой, а изыщет возможность выпустить «очередной №» своих «Чисел» – в виде альманаха^[2].

3) Адамовича – да, конечно, пригласить^[3].

Буду ждать вашего подтверждения относительно дня собрания. Если это будет через среду, приглашу Оцупа днем ко мне в Robinson^[4], и отсюда мы с ним поедem к вам на автомобиле.

Я давно не встречался с Оцупом и заметил в нем нервность, некоторую манию преследования, он говорил о «заговоре молчания» против его книги (т.е. почему никто не напечатал о «Дневнике» ни единой рецензии, хотя все написали ему хвалебные письма)^[5]. Я постарался сыграть в миротворца – сказал ему, напр<имер>, что по его книге гадают, что, с точки зрения оккультиста, является высшей похвалой, существует очень мало книг, по коим можно гадать. На его вопрос, почему я ничего не написал о его книге, сымпровизировал такое объяснение, которое близко к истине:

1) Он выставляет живого человека (Диану) в ореоле святости. Каждый имеет право, и это похвально, видеть в своем ближнем святость. Но пока этот ближний пребывает на земле, об этом нельзя говорить и тем более писать – дабы не повредить означенному человеку и не ввести в соблазн всех остальных. 2) Т.к. я более богослов, чем литературный критик, я не смог бы, пиша о «Дневнике», обойти молчанием этот центральный для меня пункт и почему принужден был воздержаться от всяких высказываний, даже устных.

Говорю об этом подробно потому, что, может быть, Оцуп и вам задаст вдруг этот вопрос: почему не высказались письменно, раз так хвалите в письме (или взвoет: «вы, как поэт, не можете не видеть значительности книги, почему же вошли в заговор молчания?»).

«Марию Григорьевну» зовут на самом деле Мария Романовна^[6]. Она шлет вам сердечный привет, как и я, и ждем подтверждения относительно 21-го.

Искренне ваш

Николай Татищев

1. Диана Александровна Карэн (Каренн; наст. имя и фам. Леокадия Рабинович; 1888–1968), актриса и литератор; жена Н.А. Оцупа.

2. Этот план осуществлен не был.

3. Г. Адамович, который лишь накануне приехал из Манчестера в Париж, присутствовал на этом вечере, о чем известно из его писем И. Одоевцевой. 18 декабря 1955 г. он сообщал:

Приехал я сюда вчера, еще никого не видел. Но нашел письмо от Гингера с приглашением к ним в среду, где Оцуп у них собирается делать доклад о поэзии! По-моему, он чувствует, что впал в ничтожество, и хочет опять доминировать, не так, так иначе (Если чудо вообще возможно за границей: 480).

В письме от 20 января 1956 г. тому же адресату он не очень лестно отзывался о докладе и о самом докладчике:

Из литературных событий был доклад Оцупа у Гингеров: высокопарная чепуха, со ссылками ежеминутно на Пушкина и Гумилева, двух главных мэтров, а смысл тот, что с тех пор, как погибли «Числа», погибла и русская литература. Будет повторение публичное, в Консерватории, но т.к. Оцупу дали понять (Гингеры), что слишком всё бессвязно, он будто бы всё «переработает». Он лыс, как колено, благосклонно-важен и элегантно мил (Там же. С. 483).

«Повторение публичное» состоялось в Русской Консерватории 4 февраля 1956 г. Доклад Оцупа носил название «Попытка обоснования нового литературного направления в свете французской и русской литературы» (вступительное слово сделал Татищев); среди других (Э. Райс, Д.М. Шаховской, профессор Школы Восточных языков И.Г. Трен, учащийся Московского университета Мартинез) в прениях принял участие и Гингер (Хроника 2(6): 111). По этому поводу Адамович писал А. Бахраху на следующий день после лекции, уже из Манчестера:

Ну, вот – литература. Вчера Оцуп в Париже читал лекцию о «новом литер<атурном> направлении», им созданном. Очень жалею, что не присутствовал: истинных развлечений в нашей жизни не столь много! (Письма Георгия Адамовича А.В. Бахраху 1954–1956 / Публ. Веры Крейд // НЖ. 2001. № 224. С. 87).

А еще время спустя, в письме к Гингеру от 28 февраля 1956 г., вновь с ироническим сочувствием возвращался к первому выступлению Оцупа – в гингеровском доме:

Со всех сторон получаю описание оцуповского бедлама и выражаю поэтому Вам сочувствие. Говорят, он с Вами был тем более непристоен, что Вы потратились на три бутылки красного вина для репетиции вечера в Вашем доме! Но он не в себе, и нечего с него и спрашивать (Письма Адамовича: 280).

4. Татищев жил в городке Le Plessis-Robinson, южном пригороде Парижа.

5. Большого воодушевления выход грандиозного оцуповского «Дневника в стихах» в рядах критиков не вызвал. Одна из редких рецензий, за подписью П. Тверской, появилась в Гр (1951. № 11. С. 179–180). 20 сентября 1951 г. Оцуп благодарил Ю. Иваска, обещавшего отозваться на «Дневник» в НЖ:

Благодарю Вас за предложение писать о «Дневнике» для «Нового Журнала». Благодарю за взвешенные слова. Если ни Вы, ни большинство других наиболее известных в эмиграции поэтов не ошибаетесь, – мне остается только пожалеть, что средний читатель почти ничего не знает о моем «Дневнике в стихах» (The Beinecke Rare Book and Manuscript Library (Yale University). Coll. GEN MSS 93. Box 1. Folder 28).

Отзыв Иваска на оцуповский «Дневник» появился в 28-й книжке НЖ за 1951 г.

Монументальность этого дневника в стихах (366 стр.!), – писал рецензент, – скорее вызывает страх... Мы отвыкли от такого количества стихов. Но этот страх следует преодолеть и книгу прочесть (С. 324).

И все-таки Иваск не квалифицировал «Дневник» как большую удачу. Отзыв завершился так:

Несравненно больше удач у Оцуа в его прежних небольших лирических вещах. Однако этот его том стихов останется памятником своего времени (Там же).

Отвечая Иваску и благодаря за эту рецензию, Оцуп писал (1 октября 1952 г.):

...я прочитал Вашу рецензию о «Дневнике» в горячке экзаменов. Сейчас имел случай получить книгу «Нового Журнала» и прочел ее спокойно.

Конечно, благодарю. Но почему Вы ни словом не заикнулись о своих беседах с Федотовым. Помню, что я этого ждал, подготовленный Вашим письмом (The Beinecke Rare Book and Manuscript Library (Yale University). Coll. GEN MSS 93. Box 1. Folder 28).

6. По-видимому, Гингер ошибся и назвал в письме к Татищеву Марию Романовну Граевскую (см. прим. 2 к п. № 2, от 7 февраля 1949 г.) Марией Григорьевной.

12/12 – <19>56

Дорогой Александр Самсонович, очень благодарен за «Жалобу и Торжество». Да, вы прошли большой путь с 30-х годов.

Вы цитируете в предыдущем письме: «Сырая мать. Ее нельзя любить, Любовь такая сердцу не под силу»^[1].

Мне кажется, ваш духовный путь идет от благоговения перед теллургическими божествами (Кибелла, Прозерпина, Сырая мать)^[2]. Дар благоговения был вам дан, но вы искали, перед чем склонить колена. Теперь ваша молитва, мне кажется, обращена к Психее – к общечеловеческому духу. Сырая мать и Психея похожи, но они не одно и то же. Переход от одной к другой происходит часто мулятивно – когда «и читать и писать трудно». Так было у Толстого в конце 70–80 гг., когда с трудом писалась «Анна Каренина» и Толстой острил: «Скоро дело делается, но не скоро сказка сказывается»^[3]. У Поплавского это происходило в период «Флагов», и он точно, на своем языке, определял это: «О, Приснодева, простите мне: я встретил Еву в чужой стране. Слепил прохожих зеленый газ – была похожа она на вас»^[4].

Дело в том, что теллургическое братство всё же не суть весь земной шар, который остается астрономической абстракцией, а скорее место рождения поэта и его младенчества. Так, Маяковский (уже не говоря про Есенина) до конца пребывали в теллургизме, и всё, что они писали – гимны их земле. Конечно, с благоговения перед древней матерью землю низкого необходимо начать – Шиллер: «Чтоб от низости душою мог подняться человек, с древней матерью-землею он вступил в союз навеки»^[5]. Но есть еще одно высшее посвящение.

Вообще же для меня высшая поэзия в молитвенном благоговении. Образцом высочайшей поэзии навсегда останутся Псалмы, авторы коих, кстати, не знали теллургических божеств (говорю авторы, потому что очевидно, что, напр<имер>, созвучный вам 22 псалом (в рус<ской> нумерации) написан другим почерком, чем De Profundis: «Из глубины я воззвал в ночи пред Тобой: пусть дойдет до Тебя молитва моя»)^[6]. В еврейской поэзии молитвенных стихов не так много. У греков – гимны Пиндара^[7]. У немцев – Гёльдерлин^[8], который считал себя учеником Пиндара. У нас (в широком смысле) все хорошие стихотворения, особенно когда они *не* являлись переделкой Св<ятого> Писания или псалмов (Ломоносов, Державин, неудач-

ное: «Отцы пустынники» Пушкина, но зато удачный его «Пророк» или малоубедительное «Землетрясение» Языкова, которое Гоголь (в «Переписке с друзьями») признал лучшим стих<отворением> на рус<ском> языке^[9]. У китайцев – Ли-По. Вот, в заключение, одно из его стих<отворений>, много раз переводившееся в Европе (знаю 4 разных перевода). Это доброкачественный, но не лучший образец Ли-По.

Луна и Тень

Я был один, но пиrowала
Со мной луна и тень моя.
Луна спокойно наблюдала,
А тень всё делала, как я.

Я стал плясать, и тень носилась,
Изображала каждый шаг:
Кивала, прыгала, кривилась,
Всё повторяя, хоть не так.

Но вот, качнула головою
Луна средь туч, и я сказал:
Мы дружно веселились трое,
Пусть тень и я допьют бокал.

Друзья, закончим пиrowанье,
Всем на покой пора идти.
Теперь до скорого свиданья
В Долине Млечного Пути.

До свиданья, хочу почитать вам и Анне Семеновне мои новые переводы китайцев и французов.

Привет обоим вам.

Ник. Татищев

1. Начало стихотворения, вошедшего в *ЖуТ*.
2. Теллургический – земной, относящийся к земле (от *лат. tellus (telluris)* – земля).
3. Не совсем точно. Эта фраза из письма Л. Толстого издателю А.Ф. Марксу от 6 октября 1899 г. сказана в связи с романом «Воскресение»:

Я не переставая работаю и спешу, сколько могу и сколько позволяет мне мое слабое нынешний год здоровье. Пословица говорит: скоро сказка сказывается, а не скоро дело делается, а я говорю: скоро дело делается, а не скоро сказка сказывается (*Толстой Л.Н.* Собрание сочинений: В 20-ти томах. Т. 18. М.: Художественная литература, 1965. С. 263).

4. Из стихотворения Б. Поплавского «Артуру Рембо».

5. Из баллады Ф. Шиллера «Элевзинский праздник» (в пер. В. Жуковского); в оригинале: «Чтоб из низости душою...»

6. De profundis – «Из глубин, из бездны» (название и начало католической покаянной молитвы, опирающейся на 130 (в русской традиции 129) псалом.

7. Пиндар (522/518–448/438 до н.э.), древнегреческий лирик.

8. Иоганн Христиан Фридрих Гёльдерлин (Johann Christian Friedrich Hölderlin; 1770–1843), немецкий поэт.

9. Имеется в виду XV глава из «Выбранных мест из переписки с друзьями» (1847) Гоголя, содержащая два письма к Н.М. Языкову от 2 и 26 декабря 1844 г., в которых он восхищается его стихотворением «Землетрясение» (1844).

З.С. Троцкая-Зильберквейт Письмо ГИНГЕРУ

Поэтесса Зинаида Самеевна Троцкая-Зильберквейт (1902–1968) родилась в Вильно, училась в Петрограде. С 1921 по 1933 г. жила в Германии, затем, после прихода к власти нацистов, переселилась в Париж, а оттуда – в США. Автор трех сборников стихов: «Безголосые песни» (Берлин, 1928), «Отголоски» (Нью-Йорк, 1944), «Вполголоса» (Париж: Рифма, 1961).

Письмо, написанное в связи с выходом *С*, публикуется по автографу, хранящемуся в University of Illinois Archives (Urbana-Champaign). Ms. 15/35/56 Sophie Pregel and Vadim Rudnev Coll. Box 1.

Нью-Йорк
20 VIII <19>65

Многоуважаемый
Александр Самсонович,

Большое спасибо за присылку Вашей книги.

С большим интересом прочла Ваши глубоко продуманные, волнующие стихи.

Вместе с Вами хочется сказать:

Мы прокричим, но не услышат.
Не вспыхнут и не возгорят,
Ответный писем не напишут
И с нами не заговорят^[1].

Позвольте же – с этим дружеским приветом – послать Вам несколько строк «ответного письма».

Зинаида Троцкая-Зильберквейт

1. Из стихотворения «Весть».

Ю.П. Трубецкой Письмо Гингеру

Эмигрант «второй волны» Юрий Павлович Трубецкой (наст. фам. Нольден-Меньшиков; 1898–1974) вошел в историю литературы русского зарубежья как явление пусть не крупное и ярко-самобытное, но всё же обладающее своим определенным местом и значением. Два его поэтических сборника, изданные в Париже (оба в издательстве «Рифма») – «Двойник» (1954) и «Терновник» (1962), а до этого – «Петербургские строфы», увидевшие свет в «дипишном» издательстве Е.В. Зеленского (1946), бесчисленное, поистине с трудом поддающееся учету количество стихов, печатавшихся едва ли не во всех периодических эмигрантских изданиях послевоенного времени, в особенности в РМ и НРС, а также сотни статей критического и мемуарного толка и даже несколько романов создали ему имя одного из весьма популярных авторов литературы в изгнании.

Небесталанный Трубецкой, возможно, так и остался бы одним из представителей многочисленного эмигрантского литературного цеха – поэтом, прозаиком, отчасти литературным критиком и эссеистом, – не хуже, а в чем-то, несомненно, лучше других, не примесь он с неумемной и безостановочной настойчивостью изобретать собственную творческую биографию. Страдавший острейшей формой мифомании, Трубецкой окружил себя русской литературой не как неким духовным пленом и контекстом, а как вполне реальной жизненной средой, в которой он якобы реально существовал или, по крайней мере, раз от разу присутствовал, пусть в роли скромного и незаметного, но всё же неизменного участника. Появлявшийся в собственных воспоминаниях то здесь, то там, с легкостью заводивший знакомства и связи, он не обошел, как кажется, ни одну из первых литературных величин и, если верить всему, о чем рассказывал в своих феерически рискованных очерках, был обласкан всеми. В Пантеоне российской словесности XX в. вроде бы не осталось ни одного сколько-нибудь заметного имени, с кем, по опубликованным им «мемуарным» признаниям, не сводила бы его судьба, кого бы он не знал лично и конфиденциально, с кем не завязал бы приятельских отношений, дружбы или знакомства или хотя бы раз в жизни не встретился бы, не перекинулся бы словечком, кто бы не оценил его поэтический

талант – с почти обязательной выдачей пусть скромного, но всё же аванса, в устах крупных художников превращавшегося в неразменную золотую монету. Среди тех, в чьем окружении, по прихотливой фантазии Трубецкого, он вращался, были А. Ахматова и В. Брюсов, А. Белый и А. Блок (с которым, по его утверждению, он состоял в дальнем родстве), Н. Гумилев и «гумилията», С. Есенин, М. Кузмин и О. Мандельштам; в «Привале комедиантов» он якобы встречался и беседовал с В. Маяковским; Вл. Ходасевич представлял его И. Бунину; по Петрограду, как он утверждал, Трубецкой хорошо знал Г. Иванова, И. Одоевцеву, Г. Адамовича и Н. Оцуца; частенько зааживал в Дом искусств, приятельствовал с Вс. Рождественским, был близок к кружку «Звучащая раковина», к К. Вагинову и Н. Тихонову, водил знакомство с А. Тиняковым; позднее, в зрелую советскую эпоху, если ему верить, общался с Э. Багрицким и Б. Пильняком; в заключении (в 1931 г. Нольден был арестован и 10 лет провел в лагерях) встречался с П. Романовым и Захаровым-Мэнским. . . Перечень русских писателей, причисляемых Трубецким к своим друзьям, приятелям или знакомым, кто, однако, нигде, никогда и ни по какому поводу даже не упомянул его имени, пусть хотя бы в перечислительном ряду или в каком-то ином «беглом» качестве и контексте – как статиста, случайного гостя, промелькнувшей фигуры, «одного из многих» (этот странный «заговор молчания» сам по себе способен вызвать законное подозрение в недостоверности его бесчисленных «свидетельств» и «воспоминаний»), можно продолжать и продолжать.

Безусловно, к Трубецкому можно было бы отнести как к *persona non grata* русской литературы, всегда более всего ценившей в творце искренность и отсутствие фальши, и не рассматривать ни его мемуарное сочинительство, ни эпистолярный архив как источники сколько-нибудь достоверной информации, если бы не то сдерживающее и весьма амбивалентное обстоятельство, что, очевидно, не всё вышедшее из-под его пера однозначно представляет собой беззастенчивый обман. Являясь по большому счету уникальным историко-литературным казусом, Трубецкой в то же время – за дымовой завесой своих головокружительных фантазий и откровенной хлестаковщины – подчас сообщает о чем-то таком, чему он, по всей вероятности, действительно был живым свидетелем или о чем мог получить сведения из надежного источника. Если к этому прибавить, что он, как следует думать, по-настоящему любил литературу

(отсюда, кстати сказать, и то нежелание мириться с литературными задворками и жребием второстепенного литератора, которыми ему пришлось довольствоваться в реальной жизни), был человеком начитанным, обладал хорошим вкусом, способностью критического суждения и прочими вполне позитивными творческими качествами, парадоксально-драматический накал его личности, пребывающей почти на грани социально-клинического гротеска, достигнет подлинного апогея¹.

Очного знакомства ни с Гингером, ни с Присмановой Трубецкой, живший в Германии и, насколько известно, ни разу из нее не выезжавший, не имел. Единственное обнаруженное его письмо к Гингеру касается сборника стихов последнего С.

Письмо публикуется по автографу, хранящемуся в University of Illinois Archives (Urbana-Champaign). Ms. 15/35/56 Sophie Pregel and Vadim Rudnev Coll. Box 1.

14.8 <19>65

Многоуважаемый Александр Самсонович,

София Юльевна <Прегель> прислала мне Вашу книгу «Сердце». Я поблагодарил ее. Теперь должен поблагодарить Вас. Когда-то, неск<олько> лет тому назад, я писал о Вашей предыдущей книге в Нов<ом> Журнале^[1]. Теперь у меня связь с Р. Гулем подорвалась^[2]. Но я буду писать либо в Н<овое> Р<усское> Сл<ово>, либо в канадском «Современнике»^[3].

Ваши стихи всегда мне нравятся – пристальное, проникновенное мастерство.

¹ См.: Хазан В. «Но разве это было всё на самом деле?» (Комментарий к одной литературно-биографической мистификации) // *A Century's Perspective: Essays on Russian Literature in Honor of Olga Raevsky-Hughes and Robert P. Hughes*. Stanford, 2006. С. 466–489; *Его же*. Под знаком сна и сказки, или документ в роли антидокумента (о литературных мистификациях писателя-эмигранта «второй волны» Ю.П. Трубецкого) // *Studia Rossica XIX: Dzienniki, notatniki, listy pisarzy rosyjskich*. Warszawa, 2007. С. 489–503; «Вы... занимаете в моем пантеоне одно из главенствующих мест»: Письма Ю.П. Трубецкого И.А. и В.Н. Буниным (1948–1961) / Вступ. ст. В. Хазана; Публ. В. Хазана и Р. Дэвиса // И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. II. М.: Русский путь, 2010. С. 225–266.

Я всё время болею, неприятно, глупо. Еще глупее то, что сижу в «дыре». В Америку было собрался, но потом спохватился: а что я там буду делать без англ<ийского> языка.

Желаю Вам всего самого лучшего. Главное – бодрость духа. Жму руку.

Юр. Трубецкой
(Юр<ий> Павл<ович>)

1. Речь идет о рецензии Ю. Трубецкого на сборник стихов Гингера *В*, напечатанной в НЖ (1957. № 50. С. 286), см. выдержки из нее в настоящем издании – во вступительной заметке к комментарию *В*.

2. Роман Борисович Гуль (1896–1986), прозаик, публицист, литературный критик, мемуарист, общественный деятель; с 1959 г. член редколлегии НЖ, в 1966–1986 – главный редактор журнала

3. Ни в одном, ни в другом издании рецензии Трубецкого на *С* не появлялись.

Б.А. Филиппов Письмо Гингеру

Историк литературы, литературный критик, поэт, прозаик, публицист Борис Андреевич Филиппов (наст. фам. Филистинский; 1905–1991) принадлежал к эмигрантам «второй волны». Подвергшийся на родине репрессиям (первый раз арестован в 1927 г. за участие в религиозно-философском кружке С.А. Аскольдова (Алексеева), вторично – в 1936 г. по обвинению в контрреволюционной деятельности¹: срок отбывал в Ухто-Печерских лагерях, затем был выслан в Новгород²; освобожден в 1941 г. с поражением в правах). Живя в оккупированных Новгороде и Пскове, активно сотрудничал с немцами³, в том числе в поднацистской русской печати. В 1944 г. проживал в Риге, являлся зам. гл. редактора газеты «За родину». В конце войны попал в Германию, где служил в отделе восточной прессы при министерстве народного просвещения (там же женился на поэтессе И. Бушман; впоследствии – на поэтессе О. Анстей). В 1950 г. поселился в США. Был сотрудником радиостанции «Голос Америки», преподавал русскую литературу в американских университетах. Автор большого количества сборников стихов и прозы, критических статей, составитель и редактор собрания сочинений и отдельных книг русских поэтов и прозаиков и автор предисловий к ним (А. Ахматовой, М. Волошина, Н. Гумилева, Н. Заболоцкого, Е. Замятина, Н. Клюева, О. Мандельштама, Б. Пастернака, О. Форш, М. Шкапской и др.).

Письмо публикуется по автографу, хранящемуся в University of Illinois Archives (Urbana-Champaign). Ms. 15/35/56 Sophie Pregel and Vadim Rudnev Coll. Box 1.

¹ См. его воспоминания о Ленинградской пересылочной тюрьме: РМ. 1976. № 3085, 8 янв. С. 5.

² В Новгороде поддерживал дружеские отношения с сестрами З.Н. Гиппиус – Татьяной (1877–1960) и Натальей (1880–1963), см.: *Филиппов Борис*. Сестры Гиппиус // НРС. 1981. № 25559, 12 июля. С. 5, 7.

³ См.: *Ковалев Б.Н.* Нацистская оккупация и коллаборационизм в России 1941–1944. М.: Изд-во Транзиткнига, 2004. С. 212–122, 342–346, 378.

28 августа 1965^[1]

Дорогой Александр Самсонович!

Спасибо за присылку книги Ваших стихов (да еще в трех экземплярах). Получил вчера, а сегодня, прочитав многое не один раз, пишу Вам.

Мне дорого Ваше свободное, интимное, я бы сказал, общение с языком. Так получается более непосредственно, многое усматривается по-новому, отпадают наскучившие обороты. Хорошо и введение славянизмов и архаизмов. А сочетание архаизмов с удачно включенными прозаизмами и канцеляризмами очень обостряет и расцветчивает текст, расцветчивает и создает нужную атмосферу:

И в коридорчике вагонном
целуя^[2] губы, руки жмя
всё унывала пред прогоном:
скажи, ты не забудешь мя? –

свисток безапелляционный,
путь полотняный и песок.
Тоски последней станционной
засыпаны и ток и сок^[3].

Хороши такие строки, как: «для кого поселянка румяная исходила парным молоком»^[4]; «сочно всходит семя иммигрантов»^[5]; «всходила скользкая луна, вода ползла по гладким стеклам»^[6] – и многие другие.

Я не хочу сказать, что меня задели отдельные строки, а не стихи в целом: просто я перечисляю то, что сразу запало в душу. И мне хочется сказать Вам, что Ваша поэтическая свобода, Ваше своеобразие, непохожесть на других, Ваша, наконец, неприглаженность (терпеть не могу безличных и гладких стихов большинства зарубежных!) – мне очень по душе.

Еще раз – спасибо за «Сердце».

Посылаю Вам небольшую книжку своих рассказов^[7].

Привет и самые, самые лучшие пожелания!

Ваш всегда Борис Филиппов

1. Письмо отпечатано на машинке. Гингер прочитать его уже не мог: оно написано в день его смерти.
2. В оригинале: «лобзая».
3. Из стихотворения «Песок».
4. Из стихотворения «Маяк».
5. Из стихотворения «Корабли».
6. Из стихотворения «Тишина».
7. По-видимому, речь идет о книжке рассказов «Кочевья» (Вашингтон, 1964).

Р.С. Чеквер

ПИСЬМА ГИНГЕРА И ПРИСМАНОВОЙ

Имя поэтессы и общественного деятеля Рахили (Рахели) Самойловны Чеквер (лит. псевд. Ирина Яссен; 1893–1957) вошло в историю русской зарубежной литературы не только благодаря четырем книгам ее стихов («Земной плен» (Нью-Йорк, 1944), «Дальний путь» (Нью-Йорк, 1946), «Лазурное око» (Париж, 1950) и «Память сердца» (Париж, 1956)), но и как щедрого мецената, инвестора, организатора издательства «Рифма», возникшего в Париже летом 1949 г., в котором увидели свет многочисленные сборники стихов поэтов-эмигрантов.

Для Гингера и Присмановой дружба с Р.С. Чеквер была ознаменована еще и трогательной заботой об их быте: экономическая жизнь в послевоенной Франции оказалась весьма непростой, и люди, подобные Гингерам, не обеспеченные постоянным доходом, испытывали острую нужду в самых элементарных вещах. Щедрая заокеанская помощь в виде вещевых посылок приходилась в этом отношении как никогда кстати. По заведенному в те годы обычаю, Чеквер присылала или привозила из США, когда прилетала в Европу, не новые, но вполне еще крепкие и ноские вещи, которые принимались от нее с искренней благодарностью. С не меньшей благодарностью воспринимались разного рода знаки внимания и проявление моральной поддержки.

В публикуемых ниже письмах немного собственно литературной информации, – в большинстве своем в них поднимаются бытовые, житейские темы, но даже и в таком виде они представляют несомненный интерес, поскольку отражают состояние послевоенного мира русской эмиграции. С точки зрения собственно литературной эти письма связаны с историей издательства «Рифма», которое, как уже говорилось, было основано на деньги семьи Чеквер. Имеет смысл выделить в этой связи письмо Гингера, в котором он отклоняет ее предложение привлечь его, по всей видимости, к работе издательства. Другая небезынтесная историко-литературная сторона публикуемых писем – обсуждение возможности издания в «Рифме» книги стихов Осипа Мандельштама. Это обсуждение носило самый общий и предварительный характер и не только не дошло до реализации, но даже до сколько-нибудь серьезных начинаний, однако сам по себе интерес,

который эмиграция проявляла к творчеству крупнейшего русского поэта XX в., представляется крайне любопытным¹.

Письма публикуются по автографам, хранящимся в Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Rare Book and Manuscript Library, Columbia University (New York). Ms. Checkver Coll.

1

Ginger

4 rue Thureau-Dangin, Paris (15)

23 I 1949

Многоуважаемая Госпожа Checkver.

Спешу уведомить Вас, что получил 22 января Вашу посылку, отправленную 19-го ноября. Прошу Вас принять самую искреннюю благодарность, как от меня, так и от моей жены и сыновей. Нам в Париже вещи теперь еще гораздо нужнее, чем пищевые продукты. На покупку костюма и ботинок, например, нужно затратить средний двухмесячный заработок, так что это фактически совершенно недоступно.

Готовый к услугам

Александр Гингер

2

25 ноября 1949

Дорогая Рахиль Самойловна.

Ваши пять репродукций получились в полной сохранности, и мы рассматривали их с большим удовольствием.

За Ваши подарки мне даже как-то неловко Вас благодарить, настолько я их ни с какой стороны не заслужил. Единственное, что

¹ В связи с темой «О. Мандельштам и русская эмигрантская литература» см.: *Хазан Владимир*. Расстояние разлуки: Осип Мандельштам и литература русской эмиграции // Вопросы литературы. 2011. № 3. С. 363–387; «Мы служим не партиям, не государствам, а человеку»: Из истории журнала «Опыт» и альманаха «Воздушные пути» / Публ., вступ. ст. и прим. В. Хазана // Toronto Slavic Quarterly. № 40 (электронный ресурс: <http://www.utoronto.ca/tsq/29/hazan29.shtml>).

позволяет мне принимать их без особого стыда, это мое убеждение, что добрые дела хороши прежде всего для того, кто их делает, а затем хороши вообще, независимо от того, на кого они направлены.

Это соображение несколько ограничивает мои угрызания совести при мысли, что Вы неоднократно делали мне подарки и никогда не имели ничего взамен.

Впрочем, это не освобождает Вас от обещания прислать для моего альбома Вашу фотокарточку (как говорят в СССР) и стихи ^[1]!

С чем и остаюсь
готовый к услугам
Ваш

Гингер

Привет Вашему мужу

Ginger
4 rue Thureau-Dangin, Paris 15

<далее следует письмо Присмановой, отпечатанное на машинке:>

Дорогая Рахиль Самойловна,

Вы пишете, что не можете забыть нас обоих... Но у нас гораздо больше оснований помнить о Вас. Вы относитесь к числу тех, при мысли о которых хочется стать добрее и чистосердечней – чтобы говорить на общем с ними языке. Но Вы не только говорите. Вы – делаете, а это чрезвычайно ценное явление для нашей «мутной» и поэтому «мутной» эпохи!

Благодарю Вас за то, что Вы сделали для нас.

Будьте здоровы и верьте искренности моих чувств к Вам.

Привет Вашему мужу ^[2].

Ваша

Анна П<рисманова>

1. Фотография и стихи Чеквер в гингеровском *Альбоме* отсутствуют. Согласно почтовой карточке от 5 декабря 1949 г. (см. ниже), свои фотографии Чеквер прислала, но стихи, судя по всему, отправлены не были.

2. См. о нем во вступительной заметке к переписке Гингера с С.К. Мавковским.

30 ноября <1949?>

Дорогая Рахиль Самойловна.

Я со своей стороны постарался узнать относительно страховки посылок, и мне сказали в двух организациях, которые часто получают визы из Америки, что вещи всегда посылаются незастрахованными. На новых вещах отправитель прицепляет ярлык с указанием, что вещь была в чистке.

Таким образом, если Вы посылаете вещи в Париж, то Вам остается только посылать их просто или же с оказией. Те места, где я справлялся, тоже получают через J.G. Parcels^[1]. Во всяком случае, не портите себе кровь из-за этого.

С благодарностью за Ваши беспокойства,
готовый к услугам

Гингер А.

Сердечный привет от Ани.

1. JG Parcels – известная международная фирма почтово-транспортных услуг.

5 декабря 1949^[1]

Дорогая Рахиль Самойловна.

Еще раз благодарим Вас за репродукции. Кстати, получили и Ваши фотографии, одну из которых я наклею в альбом, когда получу стихи. Получили также Ваше письмо с извещением, что Вы послали нам посылку. За это мы тоже заранее искренне благодарим. Присманова крайне тронута Вашим вниманием. Посылаем привет Вашему супругу.

Гингер

1. Написано на почтовой карточке. Датируется по почтовому штемпелю.

26 дек<абря> 1949

Дорогая Рахиль Самойловна.

Получили репродукции Metropolitan N<ew York'a?> и очень благодарим. Теперь у нас благодаря Вам уже целая картинная галерея!

Заранее благодарю за стихи, извещу Вас отдельно об их получении.

Сердечный привет Вашему мужу.
Искренне признательный

Гингер А.

26-го декабря <19>49 г.^[1]

Дорогая Рахиль Самойловна,

Меня огорчило Ваше сообщение о том, что Вы были больны. Надеюсь, однако, что теперь Вы вполне поправились и сможете встретить Новый год «в полной форме» (как говорят французы) и «в добром настроении».

Мы не знаем еще, где будем 31-го вечером: у мадам Эль-Кан^[2] или у так называемых «молодых»^[3]. Но где бы мы ни были, мы поднимем стакан за Вас, за человека, который является, по-моему, живым символом сердечной чистоты и отзывчивости. В смысле смелого и активного проведения в жизнь этих принципов мы все могли бы у Вас поучиться!

Будьте здоровы и верьте искренности моих слов.

Целую Вас. Шлю привет Вашему мужу. ПОЗДРАВЛЯЮ ОБОИХ С НОВЫМ ГОДОМ.

Анна П<рисманова>

1. Письмо отпечатано на машинке.

2. Присманова так передает фамилию А.М. Элькан; см. о ней прим. 2 к письму Гингера Андреевым

3. Ср. с фразой Гингера из его письма В. Андрееву, датированного тем же 26 декабря 1949 г.:

Мы еще не знаем, где будем встречать Новый Год, есть 2 возможности: у М-те Элькан или с компанией Величковской у Андреева.

7

<б/д>

Дорогая Рахиль Самойловна.

По всей вероятности, письмо Ани (в ответ на Ваши вопросы) разминулось с Вашим последним письмом. Таким образом, Вы уже знаете, что Ваши предположения относительно каких-то обид не соответствуют действительности.

Билет Ваш мы получили, равно как и посылку, и за все очень благодарим. Пальто я ношу, и все находят, что оно мне очень идет. Другие вещи тоже очень приятны и полезны. Шапочку мы подарим знакомому мальчику.

Я еще не выздоровел, но теперь уже лучше. Вообще, ишиас долгая болезнь, нередко длится месяца два.

Позволю себе вернуться к вопросу об обидах, хотя и подозреваю, что Вы неисправимы. Все же я считаю своей обязанностью поделиться с Вами плодами моего житейского опыта. Никогда не думайте, что кто-нибудь на Вас в обиде, пока сам этот человек Вам этого не сказал. Никогда не пытайтесь выяснять отношения ни письменно, ни устно. Если же вышло так, что Вы действительно кого-нибудь обидели, то молитесь о том, чтобы Бог позволил Вам не повторять такую ошибку; что же касается уже происшедшего случая, то немедленно прекратите всякую заботу об этом деле и предоставьте высшим силам уладить это обстоятельство, то есть утешить обиженного – а сами Вы не должны больше этим заниматься никоим образом. Все эти соображения не имеют никакого отношения к Ане и ко мне, как Вы теперь сами знаете, но я пользуюсь случаем, чтобы принести Вам пользу для другого раза по мере моих сил.

С искренней признательностью

Гингер А.

10 февр<аля> 1950

Дорогая Рахиль Самойловна.

Я думаю, что самый подходящий человек для корреспонденций, и притом имеющий большой опыт в этом деле, это Бахрах (Александр Васильевич)^[1]

Monsieur A. Bacherac
9 rue de Varize Paris 16

Конечно, Вы или Ваши друзья должны сами с ним списаться о том, что именно нужно, и как, и вообще.

Мой ишиас более или менее проходит; теперь я хожу почти прямо. Я никак его не лечил. Очень хорошее средство, говорят, это гладить горячим утюгом (конечно, через толстую подкладку), но вначале Аня как-то боялась, а теперь уже не стоит. Что же касается химических лекарств вроде впрыскиваний, то я не отрицаю их воздействия, но отношусь к ним с суевренным ужасом, как и вообще ко всяким пилюлям. Уже лет 30 или больше как я не проглотил ни одного аспирина или пирамидона. Очень хорошее лечение при всех болезнях – ничего не есть... но я страшный обжора!

Привет от Ани Вам и супругу.

Ваш Гингер

То, что Вы называете моей философией, есть только результат моего житейского опыта!

Еще раз благодарим Вас за доброе отношение. Вы улучшаете Вашу карму!

1. Александр Васильевич Бахрах (1902–1985), литературный критик, мемуарист. Оставил о Гингере краткие воспоминания «“Наш общий друг”» (Бахрах 1980: 140–145), многократно цитируемые в настоящем издании.

Апрель 1950

Дорогая Рахиль Самойловна.

Прежде всего благодарим Вас за репродукции, которые имеют для нас очень большое значение. Надеемся, что Вы поправились. Теперь я

отвечаю на Ваши вопросы. Старший сын работает в качестве инженера и получает 29 тысяч в месяц^[1]. Я лично не имею постоянной работы и подрабатываю корректурой, но это не регулярный заработок, так что я получал пособие для безработных, но с тех пор как мой старший сын зарабатывает, меня лишили этого пособия под предлогом, что человек моложе 25 лет обязан отдавать целиком свой заработок для семьи. Кроме того, учреждение, выдающее пособия безработным писателям, тоже прекратило свои выдачи под этим же предлогом! Доволен ли он своей работой, этого никто не знает, так как он никогда ничего не говорит. Младший сын занимается в провинции (в Нормандии) воспитанием малолетних преступников, он имеет еду и помещение и очень маленькое вознаграждение, которое принужден целиком откладывать в предвидении своей свадьбы этим летом^[2]. Ишиас постепенно проходит. Плакать я не плакал, но стонать стонал!

Ваш Гингер

Это письмо уходит позже, чем я предполагал, потому что Аня никак не может сразу собраться приписать, и мне приходится ее ждать.

<далее следует приписка Присмановой, отпечатанная на машинке:>

Дорогая Рахиль Самойловна, меня страшно трогает Ваше внимание ко мне и к моим стихам. То, что Вы читали их и думали обо мне во время своей болезни, очень для меня лестно, но я, право, этого не заслуживаю^[3]... Надеюсь, Вы теперь чувствуете себя уже вполне хорошо. Мы часто говорим о Вас с Чинновым. Он уже сдал свой материал Маковскому^[4]. Я написала за эту зиму не очень много стихов, но зато родила два маленьких рассказа – один перед Вашим отъездом, другой теперь. Первый называется «О городе и огороде»^[5], второй – «Начало карьеры».

Будьте здоровы, милая Рахиль Самойловна. Целую Вас

Анна П<рисманова>

1. Речь идет о старшем сыне Василии (Basile).

2. Второй сын, Сергей (Serge), специалист по гештальтпсихологии и гештальттерапии.

3. В издательстве «Рифма» была опубликована лирическая повесть Присмановой «Вера», однако случилось это уже после смерти Чеквер, в 1960 г.

4. Сборник Игоря Владимировича Чиннова (1909–1996) «Монолог» вышел в издательстве «Рифма» в 1950 г.

5. Опубликовано посмертно в Мс (1966. № 12. С. 39–42).

Дорогая Рахиль Самойловна.

Спешу исполнить Вашу просьбу и прилагаю Ваше письмо.

Я не вижу ничего оскорбительного в том, чтобы называть благодетелем человека, который дал мне сухарей; я продолжаю считать, что если человек бескорыстно оказывает мне услугу, то это мой благодетель, или филантроп, или меценат.

Относительно того, что поэзия и хлеб не в одной плоскости, то с этим я опять-таки не согласен. Это субъективно, и для меня лично все явления бытия в одной плоскости. Вы говорите, что нельзя ставить вопрос о выборе между сборником стихов и его стоимостью наличными, я же, напротив, думаю, что такая постановка вопроса вполне законна.

Я никогда не позволял себе утверждать, что выражения Терапиано < – > чепуха или что он рисуется, и не сомневаюсь в его благородстве, мне только кажется ошибочным его подход к делу. Тот же факт, что его жена больна туберкулезом и что он сам больной человек, не имеет, по-моему, никакого отношения к вопросам, связанным с Вашими издательскими начинаниями^[1].

Вы говорите, что если что-нибудь и сделали, то для Присмановой, а не для меня, но на это следует возразить, что все, что делается для жены, делается тем самым и для мужа, кроме, конечно, тех случаев, когда супруги разошлись и не встречаются друг с другом. Конечно, это мое личное мнение, которое ни для кого не обязательно.

Напоминаем Вам, что Вы непременно должны написать стихи в альбом и дать фотографию, не забудьте сообщить нам, когда Вы снова к нам пожалуете.

Для того, чтобы не возвращаться к Вашим издательским планам, пользуюсь случаем, чтобы Вам сообщить, что я обдумал это, поскольку это могло касаться моего участия, и решил, что я не могу быть

Вам полезным. Я ни в каком случае не вижу для себя возможности заниматься этим в какой бы то ни было степени, особенно принимая во внимание, что инициатор, т.е. Вы, будет далеко. Кроме того, если я правильно понял, в первую очередь будут выпущены книги людей, отвечающих за себя и даже желающих осуществлять эту ответственность, которые сами будут заниматься типографскими и тому подобными хлопотами. Я заранее отказываюсь брать это на себя, независимо от размеров вознаграждения, на которое мог бы рассчитывать.

Еще раз напоминаем Вам о том, что мы ждем Вашего извещения о визите.

Присманова посылает Вам искренний привет.

Готовый к услугам (вообще, но не в том, что касается издательских планов)

Гингер А.

1. Юрий Константинович Терапиано (1892–1980), поэт, литературный критик, историк религии, мемуарист; его жена Ирина Николаевна (урожд. Новоселова; 1890–1973), секретарь масонской ложи Аврора.

Дорогая Рахиль Самойловна.

Мы уезжаем на каникулы и вернемся только в начале сентября; мы еще не знаем, куда поедem, возможно, что к морю довольно далеко; так что мы не можем, к сожалению, Вас видеть, когда Вы приедете. Надеемся видеть Вас в сентябре. Если, как это видно из Вашего любезного письма, Вы имеете для нас вещи, то не откажите оставить их у Софьи Юльевны Прегель.

С искренней признательностью

Гингер

Если мы будем под Парижем, то мы дадим Вам знать заранее, и в этом случае мы могли бы быть у Вас 20-го; если же мы Вас не предупредим, значит, мы уехали далеко.

Аня посылает Вам сердечный привет.

Дорогая Рахиль Самойловна.

Все Ваши вещи нам вполне подошли и очень нам понравились, и я лично все время ими пользуюсь. Мы очень Вам признательны и имеем, как говорится, соединение приятного с полезным.

Аня нездорова и потому напишет в другой раз.

Ни в одном из Ваших писем Вы не писали ничего о Вашем издательстве «Рифма», и я совершенно оценил Вашу деликатность и тактичность. Однако я слышал, что другие в переписке с Вами ссылались на нас, то есть на Присманову или на меня или на «Гингеров». Во избежание недоразумений прошу верить, что как я, так и Присманова (с ведома которой я это пишу) мы нейтральны окончательно и абсолютно во всему, что касается персонального состава авторов, порядка их издания, частоты выпуска книг и т.п. Все слухи о другом нашем отношении, каковы бы они ни были и от кого бы они ни исходили, не могут соответствовать действительности.

Дальше я пишу только лично за себя. Конечно, у каждого могут быть свои предпочтения. Мое предпочтение, вероятно, настолько расходится с нормальной издательской программой «Рифмы», что я это пишу, чтобы поделиться с Вами, и это ни Вас, ни меня ни к чему не обязывает.

Из всего, что намечалось или могло намечаться, меня интересует исключительно издание стихов Осипа Мандельштама, при соблюдении следующих условий:

1) Напечатать полностью все стихотворное наследие, то есть «Камень», «Tristia» (обе эти книги редки в продаже) и то невошедшее в эти книги, что имеется у некоторых лиц на руках;

2) Печатать каждое стихотворение отдельно, то есть, чтобы ни в каком случае не было одно под другим (как, например, в книге Георгия Иванова^[1]), а каждое должно начинаться на своей странице;

3) При проверке текста люди, которые будут этим заниматься, должны войти в контакт с Георгием Ивановым, невзирая на те или другие личные отношения, так как Г. Иванов может быть полезен для разных случаев, где стихи О. Мандельштама были искажены в печати (я сам знаю кое-какие такие случаи, где участие Г. Иванова было бы полезно).

Такая книга, вероятно, относится к разряду мечтаний, она была бы довольно толстая (кстати, даже и шрифт серии «Рифма» кажется мне мало подходящим для этой потенциальной книги).

Еще раз благодарный

Гингер А.

Аня надеется, что Вы получили ее большое письмо недели 3 назад.

1. Имеется в виду сборник стихов Г. Иванова «Портрет без сходства» (Париж: Рифма, 1950).

13

18 VIII 1950

Дорогая Рахиль Самойловна.

Не знаю, как Вас благодарить за то, что Вы так любезно обратились ко мне. Но меня нет в Париже, я здесь проездом на один день и опять буду в провинции до октября. А потом по приезде в Париж я буду все время занят приисканием постоянной работы и тому подобными неприятными делами.

Я думаю, что Чиннов, который остается в Париже, охотно сделал бы для Вас все необходимое. Я не вижу вокруг себя никого более подходящего, чем Чиннов, который, насколько мне известно, аккуратный и, несомненно, постарается сделать все, как можно лучше. Но это уж, конечно, зависит от Вас – обратиться к нему (или нет) и подробно объяснить, в чем дело. Что касается в частности корректуры, то и тут Чиннов кажется вполне компетентным.

Я пишу Вам это письмо в Париже, куда приехал буквально на несколько часов, беру его с собой в провинцию и пошлю уже оттуда 23-го или 24-го, чтобы Вы получили ответ от меня, как предполагали, после Вашего возвращения. Не подумайте, что я не хочу ничего для Вас делать из-за предвзятого нежелания, а просто так выходит. Надеюсь все-таки когда-нибудь оказать Вам какую-нибудь услугу.

Аня на даче.

С искренним приветом и уважением

Ваш Гингер А.

Дорогая Рахиль Самойловна.

Спасибо, что не забываете. Фотографии получил и премного благодарен, фотографии всегда доставляют удовольствие. Как только получим посылку, дадим Вам знать. У нас все благополучно. Один сын на военной службе. Я немного помогаю знакомым, которые делают галстуки, так что небольшой заработок имеется, но очень маленький и неизвестно, на сколько времени.

Я не уверен, что помню все, что я в свое время написал Вам по поводу возможного издания О. Мандельштама. Во всяком случае, я высказал следующие соображения:

Если выпустить стихи О. Мандельштама, то никак нельзя ограничиться маленькой книжкой, так как желательно было бы собрать в одной книге все его поэтическое наследие (сравнительно небольшое). В печати имеются 2 книги: «Камень» и «Tristia». Их можно перепечатать, но в них много ошибок. Кое-какие из этих ошибок могли бы быть исправлены по указаниям Георгия Иванова, с которым следовало бы поговорить относительно текста. Книгу следует пополнить стихами, напечатанными после упомянутых двух книг в разных журналах и ненапечатанными, но существующими в списках, о каковых стихах следует запросить Адамовича и Терапиано.

Печатать стихи О. Мандельштама следует не тесно, а чтобы каждое стихотворение начиналось на своей странице и чтобы на каждой странице было не очень много, скажем, 4 четверостишия. Буквы я лично предпочел бы более красивые, чем в сборниках «Рифма», и во всяком случае крупнее и шире. Все вышеизложенное – мое личное предположение, и никого ни к чему не обязывает. Необходимо посоветоваться с компетентными людьми, но не знаю, с кем, пока мне приходит в голову только Г. Иванов. Может быть, М. Кантор^[1]?

Еще раз спасибо за все.

Аня посылает Вам искренний привет.

Гингер А.

1. О М. Канторе см. прим. 14 к письму Д. Кнута Гингеру № 5, от 12 августа 1949 г.

<10 февраля 1952>

Дорогая Рахиль Самойловна.

Это письмо будет написано не мной, а эта моя приписка, т.е. надписка для того, чтобы поблагодарить Вас за фотографии, которые я рассматривал с большим интересом. Фотография – капитальное завоевание прогресса!

Начинается далее настоящее письмо, и уже тоже не без завоевания техники, а именно на пишущей машинке.

С признательностью Гингер А.

<далее письмо Примановой, отпечатанное на машинке:>

Дорогая Рахиль Самойловна,

благодарим Вас за отзывчивость. Вы спрашиваете о нашей «финансовой катастрофе». Она не имеет в себе ничего трагического в чисто материальном отношении, так как наш сын Вася зарабатывает достаточно, чтобы мы все могли прокормиться. Именно на этом основании Сашу и лишили шомажа^[1]: если один из членов семьи (в три человека) зарабатывает больше 35 тыс<яч> франков в месяц, другие члены не имеют права на пособие для безработных. Таким образом главная неприятность состоит в том, что мы принуждены (надеюсь, временно!) жить целиком за счет нашего сына, который, впрочем, лично ничуть не протестует.

Что касается критики, то Гингер постепенно заразил меня своим «философским» отношением к этому вопросу, и меня теперь это уже совершенно не волнует. Но, конечно, если Рубисова напишет обо мне статью, я ей буду очень благодарна и с интересом прочту^[2].

Надеюсь, что вы чувствуете себя хорошо и физически и морально. Пожалуйста, передайте привет всем общим знакомым, и первым делом Вашему мужу.

Ваша А. П<рисманова>

Париж, 10-го февраля <19>52 г.

1. Шомаж (chômeage, *фр.*) – здесь: пособие.

2. Речь, судя по всему, идет о статье поэта, прозаика, художника, искусствоведа Елены Федоровны Рубисовой (урожд. Гейтман; 1897–1988) «Свобода и формализм» (НРС. 1952. № 14576. № 23 марта. С. 3, 5), посвященной формотворческим находкам в стихах поэтов-эмигрантов. Поэзия Присмановой упоминалась в статье наряду с именами В. Андреева, В. Мамченко, В. Сирина-Набокова, Ю. Терапиано, С. Прегель, В. Корвина-Пиотровского, И. Яссен (Р. Чеквер) и Е. Щербакова.

16

<3 февраля>^[1] 1955

Дорогая Рахиль Самойловна.

Насчет того, сколько страниц печатать, С<офья> Ю<льевна Прегель> вполне в этом компетентна, и Вы можете с ней это обсудить. Я не хочу брать на себя ответственность в этом смысле. Что же касается корректуры, то я могу это сделать на следующих основаниях:

1) Мне дают весь материал, перепечатанный на пишущей машинке; 2) Мне его дают, прежде чем он поступит в типографию; 3) Я не меняю ничего, кроме орфографических ошибок и других недочетов, не имеющих отношения к тексту. Я бы у Вас попросил за такую работу 15 долларов за 48 стр<аниц> и 20 долларов за 64 стр. Но это в том случае, если мне не надо заниматься версткой, т.е. распределять стихи по страницам, и если в Вашем оригинале будет заранее указано, что идет на каждую страницу; Вы сами должны это тщательно продумать. В противном случае, т.е. если бы я должен был заниматься версткой, я бы попросил гораздо дороже, и это было бы сделано, может быть, не так, как Вам желательно. Я в Вашем распоряжении^[2].

Аня посылает Вас искренний привет.

Ваш Гингер А.

1. 3 февраля – согласно почтовому штемпелю.

2. Речь идет о готовящемся к печати в издательстве «Рифма» сборнике стихов самой Чеквер «Память сердца», см. письма Гингера С. Маковскому – № 5 (декабрь 1955 г.) и № 6 (январь 1956 г.). Сборник вышел в 1956 г.

И.В. Чиннов ПИСЬМА ГИНГЕРА

Поэт, прозаик, литературный критик, переводчик, мемуарист Игорь Владимирович Чиннов (1909–1996), несмотря на значительную разность в возрасте, состоял с Гингером и Присмановой в дружеских отношениях. Их знакомство приходится на послевоенную пору, когда Чиннов, после всех пережитых в военные годы пертурбаций, оказался в Париже. Между ним и четой Гингеров сразу установилась взаимная симпатия, ничем, как кажется, в дальнейшем ненарушимая. В гингеровский *Альбом* Чиннов вписал стихотворение «Он тоже один исходил...» (назвав его «Орфеем»; в дальнейшем, печатая, его, он название снял). Несмотря на то, что стихотворение это известно¹, имеет смысл его привести, поскольку речь идет о первоначальном замысле, несколько отличающемся от окончательной редакции, включая появившуюся в печатном варианте заключительную, четвертую, строфу:

Орфей

Он тоже один исходил
Глухие, туманные дали.
Но если он их разбудил...
Но если они отвечали...

Но если, меж тех же полей,
В такой же тоске промедленья,
Быть может, услышал Орфей
Ответное дальнее пенье...

Но я не умею хотеть,
Чтоб так же скала раскололась,
Чтоб мог до меня долететь
Далекий таинственный голос.

Игорь Чиннов

29.3 <19>48

¹ Первоначально опубликовано в Нов (1949. № 39–41. С. 110), после чего включено в сборник стихов И. Чиннова «Монолог» (Париж: Рифма, 1950).

В комментарии к «Перстню I» (*ЖуТ*) уже отмечалось, что Чиннов обыграл гингеровский эксцентризизм в посвященном другу и старшему коллеге по творческому цеху стихотворении «Лошади впадают в Каспийское море»¹.

Письма Чиннова к Гингеру и Присмановой, по всей вероятности, не сохранились. Письма Гингера и Присмановой к Чиннову частично опубликованы О.Ф. Кузнецовой в кн.: Письма запрещенных людей: 295–316². Нижепубликуемая подборка включает в себя письма, не вошедшие в эту книгу.

Письма публикуются по автографам, хранящимся в Кабинете архивных фондов эмигрантской литературы им. И.В. Чиннова ОР ИМЛИ РАН. Ф. 614.

Составитель приносит благодарность О.Ф. Кузнецовой, оказавшей неоценимую помощь в работе с архивной коллекцией Чиннова.

1

Дорогой Игорь

Адрес Ильиной 26 av. De Touville (7)^[1].

Насчет бумаг в табуретке*^[2] я ничего не знаю, у нас есть одна такая табуретка, не знаю твоя или нет, но в ней нет ни одной бумаги. Что касается чемодана, то я нашел в погребке чемодан, имеющий следующий вид^[3], но я в нем нашел только пальто с меховым воротником, три фуфайки и шарф, но никаких документов.

Желаю доброго здоровья и всего лучшего.

Твой Гингер А.

* Этого пакета я не заметил в свое время абсолютно.

1. О какой Ильиной идет речь, установить не удалось.

2. Сноска внутри письма принадлежит Гингеру.

3. Далее следует рисунок, изображающий чемодан: вдоль плоской поверхности проведены две линии, к которым дано гингеровское пояснение: «деревянные палочки».

¹ Об этом стихотворении Чиннов вспоминал в беседе с М. Шраером, см.: *Шраер Максим Д.* «Игрушка»: записки об Игоре Чиннове // Дружба народов. 1999. № 11. С. 219.

² Письмо Гингера Чиннову о смерти Присмановой приведено также в кн.: *Чиннов И.В.* Собрание сочинений: В 2-х томах. Т. 2. М.: Согласие, 2002. С. 265.

Дорогой Игорь!

Получили аккуратно и с благодарностью деньги 2 раза: 1500 и 1700. Однако следует нам еще с тебя востребовать 500 фр<анков>, ибо общая сумма с начаями [3], такси* [4] и пр. составляет 3.700** [5] – на обороте.

На несколько дней уезжаем из Париж<a>, вернемся около 10 мая, впоследствии чего я, по всей вероятности, куплю для тебя protégé-bas [6] (на сумму, имеющую быть высланной тобой и полученной нами, плюс вышеупомянутые 500 фр<анков>).

Мое отношение к персонализму [7] сводится к тому, что Оцуп на своем докладе меня выругал, а за что именно – я не знаю; спрашивал у многих, но никто не мог или не хотел мне объяснить [8]. Так дело и осталось невыясненным. Других отношений к персонализму и с персонализмом не имею.

Имею вторую внучку, рекомую Катерина. От тех же самых родителей [9].

В издательстве Рифма имеет вскорости выйти книга Червинской «Двенадцать месяцев»; потом может выйти моя книга, если планы не переменятся [10].

Привет всем от всех.

Твой

Гингер А.

1. Месяц устанавливается по упоминанию в самом письме.
2. Письмо написано в Мюнхен, где Чиннов в это время работал на радиостанции «Освобождение».
3. От выражения – «дать на чай».
4. Сноска внутри письма принадлежит Гингеру – над обращением написано: «Не было возможности воспользоваться Васиной машиной».
5. Сноска внутри письма принадлежит Гингеру – на обороте написано: «Одна эстонка помогала мне укладывать вещи (но не носить), за что и ей было уплачено 400 фр<анков> – каковые входящие в общую сумму 3.700.
6. protégé-bas – короткий носок, надеваемый на чулок (*фр.*). О купленном и посланном Чиннову, но недооплаченном им protégé-bas Гингер упоминает в приписке к присмановскому письму к нему от 23 декабря 1956 г.:

Ты пишешь «прилагаю дополнительно на “protégé-bas”», однако в конверте этого приложения нами не обнаружено. Таким образом, пока продолжаю иметь в твоём распоряжении 200 франков. А. Г<ингер> (Письма запрещенных людей: 304).

7. В это время Н. Оцуп активно продвигал свою идею персонализма в литературе, придавая ей значение едва ли не новой теории, способной претендовать на философское объяснение послевоенной культуры. В основе оцуповской концепции персонализма лежала индивидуализация художественного сознания и духовной жизни творца. Судя по письму Ю. Иваску, написанному незадолго до смерти, он подготовил на эту тему целую книгу (The Beinecke Rare Book and Manuscript Library (Yale University). Coll. GEN MSS 93. Box 1. Folder 28). Доклад Оцупа о персонализме (см. след. прим.) – в форме статьи «Персонализация как явление литературы» – был напечатан в Гр (1956. № 32. 187–198); впоследствии она вошла в сборник «Литературные очерки» (Париж, 1961. С. 127–149), подготовленный и изданный вдовой после его смерти.

8. Речь идет о докладе Н. Оцупа, который он сделал 21 декабря 1955 г. в доме Гингеров, см. в этой связи письма Н. Татищева Гингеру № 9, от конца ноября – начала декабря 1955 г. и № 10, от 8 декабря 1955 г. (в особенности прим. 3 ко второму письму).

9. Имеется в виду появление на свет второй дочери Serge, младшего сына Гингера.

10. О том, как выходил в издательстве «Рифма» сборник стихов В см. во вступительной заметке к переписке Гингера и С. Маковского.

3

<1961>^[1]

Дорогой Игорь

Поздравляю с книгой^[2]. Кое-что мне уже было известно, конечно. Все очень хорошо – и внешность и внутренность. Уверен, что будут прекрасные отзывы! Спасибо, что не забываешь.

О себе могу только сказать, что настроение делается не лучше, а все хуже и хуже. Но никто не может мне помочь, так что я и не имею никаких претензий.

Будь здоров.

Твой

Гингер А.

1. Год определяется по контексту: письмо написано в то время, когда Гингер тяжело переживал смерть Присмановой.

2. Гингер благодарит Чиннова за присланный сборник стихов «Линии» (Париж: Рифма, 1960).

ПРИЛОЖЕНИЕ I

1

«СИНТЕЗ СТОИКА И НИГИЛИСТА»

Д. КНУТ ГИНГЕРУ И О ГИНГЕРЕ

Акrostих Кнута

При публикации писем Д. Кнута Гингеру уже шла речь об отношениях между ними. Однако эта тема оказалась бы представленной в настоящем издании не полно без упоминания: а) стихотворных посвящений, которыми поэты обменялись между собой, и б) кнотовского краткого мемуара о Гингере.

В первом сборнике Гингера, *СВ*, Кнут запечатлен в «Акrostихе» («Прилежный стих разделен и согласен...»; 1920), первые буквы которого складываются в посвящение ПОЭТУ ФИКСМАНУ.

Еще недавно представление о диалоге этих поэтов данным стихотворением и ограничивалось. Однако найденный несколько лет назад в израильском архиве Кнута – среди многочисленных неопубликованных материалов – то ли его ответ Гингеру, то ли, напротив, текст, предшествовавший «Акrostиху», в своем роде восстанавливает недостающий элемент их поэтического диалога. Во внешнем плане посвящения мало связаны между собой и «тематически» почти автономны. Но, с одной стороны, посвящение-акrostих Кнута, как кажется, учитывалось Гингером в дальнейшей поэтической работе, а с другой (и это главное), обнаруженный текст свидетельствует о том, что далеко не все еще факты из истории литературы «младоэмигрантов», или, как самоопределил свою генерацию писатель В. Варшавский, «незамеченного поколения», известны исследователям.

Основная цель гингеровского «Акrostиха» – передать особенности поэтического «пейзажа» Кнута, его стилевые доминанты, характерный стиховой почерк, технику слово- и звукоscеплений адресата. Стихотворение воспринимается как проявление игрового дискурса, оказавшегося присущим молодой эмигрантской поэзии, возможно даже, как своего рода демонстрация «состязательных», «турнирных» практик и в любом случае – как свидетельство диа-

логических коммуникаций между поэтами. Мы имеем здесь дело с малоизученным вербально-интеракционным пластом в поэзии «незамеченных», в котором крайне интересно то, как выведена сама фигура корреспондента (его имя, черты внешности, какие-то узнаваемые персонально-человеческие и творческие качества, свойства, признаки и пр.) и предельно заострена именно коммуникационная риторика (прямые обращения, разговорная интонация, использование приватно-фамильярной стилистики и пр.). Акrostих Кнута, заглавные буквы которого складываются в посвящение – ПОЭТУ ШУРЕ ГИНГЕРУ, органично вписывается в эту конвенциональную поэтику дружеской «своры»:

Порой ночной зерно произрастет,
Остудит ветер тающую мглу,
Электрошок, похожий на иглу,
Тебя всего мучительно прошьет.
Утроенную мощь приобретет
Шумящий вихрь, сдвигающий скалу...
Узнаешь, мот, хулу как похвалу –
Расплаты горькой запоздалый счет.

Ехидный лирик, держишь ты ланцет
Гораздо лучше, чем собака след.

И если ты решил кого пронзить –
Не лучше ли использовать, как встарь,
Греко-гиппократический словарь? –
Евонных клятв вовеки не забыть.

Рассветных ж зорь природные дары
Укрой от поэтической игры.

Во вступительной статье уже говорилось о том, что по приезде в Париж Гингер избрал для себя медицинскую специальность, но вскоре изменил решение посвятить себя профессии врача. Сам Кнут, учившийся в начале 20-х на химическом факультете Канского (Саен) университета, приобрел специальность инженера-химика. Приведенный акrostих рожден, как можно думать, шутливым намерением удержать приятеля от «стихотворительного одержанья» и решения отказаться от медицинской карьеры в угоду трудному и торному пути поэта.

Если исходить из иронического пафоса кнотовского посвящения, который сводится к совету не менять белый халат на поэтическое стило, то первый сегмент текста (восемь стихов), завершающийся суровым и вещим предупреждением – «Узнаешь, мот, хулу как похвалу – / Расплаты горькой запоздалый счет», – представляет собой попытку передать мистическое таинство творческого акта. И далее следует собственно «уговаривательная» часть: поскольку начинающий поэт («ехидный лирик») держит ланцет «гораздо лучше, чем собака след», – стоит ли испытывать непредсказуемую судьбу и менять синицу-ланцет в руках на жаворонка-поэзию в небе? Разумеется, пожелания эти высказаны в форме, облаченной в стиховую ткань дружеской шутки, и менее всего претендуют на буквальное восприятие и «руководство к действию».

Между тем образная стихия поэтического слова, желал того автор или нет, придавала его иронии вполне «серьезный», «деятельный» характер. Серьезный и деятельный в том смысле, что открывала возможность вплетать в шутивное посвящение разнообразные литературные контексты. Операционный ланцет – хирургическое орудие, в иной своей ипостаси напоминающее меч «шестикрылого серафима» из пушкинского «Пророка», придавал поэтическому творчеству разительные черты «медицинской» аналогии. Этой аналогией, в частности, время спустя, воспользуется Г. Адамович, который в стихотворении «“О, сердце разрывается на части”...» создаст такой образ:

И, наклоняясь с усмешкой над поэтом,
Ему хирург неведомый тогда
Разрежет грудь усталую ланцетом
И вместо сердца даст осколок льда¹.

Не исключено, что сам Кнут, говоря о ланцете, намекал на «Триолеты» М. Талова из его первого сборника стихов, «Чаша вечерняя», вышедшего в Одессе в 1912 г., за год до бегства автора из России во Францию. В одной из строф этих самых «Триолет», которые Кнуту могли быть известны от самого Талова, ланцет фигурирует в «хирургическом» контексте любви и поэзии:

Любовь пронзит меня ланцетом.
Я перед ней паду рабом

¹ СЗ. 1927. № 32. С. 145.

И встречу я ее с приветом.
Любовь пронзит меня ланцетом,
И стану я ее поэтом,
Кумиром, богом и жрецом.
Любовь пронзит меня ланцетом.
Я перед ней паду рабом.

В несколько и, что называется, по заслугам куражливой рецензии на этот сборник киевский критик Л. Войтоловский, определяя содержание «Чаши вечерней» как «гладкие, бесцветные и абсолютно нейтральные строки» и предупреждая, что «над ними можно проделывать какие угодно акробатические метрические эксперименты», один из таких экспериментов взял да и проделал. Приведя из сборника процитированную строфу, он не без остроумия («но что потеряют эти стихи в обратной перестановке») предложил такой «альтернативный» вариант:

Ланцет пронзит меня любовью.
Я перед ним паду рабом
И истеку я алой кровью.
Ланцет пронзит меня любовью,
И стану я его свекровью,
Кумиром, богом и жрецом.
Ланцет пронзит меня любовью.
Я перед ним паду рабом¹.

Вряд ли выросший в Кишиневе Кнут имел какое-либо представление о пародийной реакции, которую в свое время вызвали у киевского критика эти строки, но общее среди своих сверстников и современников – небезнасмешливое – отношение к Талову он, как думается, разделял сполна².

¹ Л. В<ойтоловский>. Парнасские трофеи // Киевская мысль. 1912. № 224. 14 августа. С. 2.

В своих стихах г. Талов, – не без издевки замечал этот критик, – много печалится о ноктюрнах, о певичих скрипках, о грустных цитрах, – отчего бы ему совсем не посвятить себя музыке? Может быть, он гораздо более композитор, чем поэт? Во всяком случае, в этой области – при его усидчивости – он имеет все шансы сделаться если не творцом, то по крайней мере директором музыкальной школы. А на поэтическом поприще с такими приторными стихами, боюсь, он наживет себе одни неприятности. (Там же.)

² См. об этом во вступительной заметке к письмам Талова к Гингеру и прим. 8 к п. № 2, от 28 января 1964 г.

Если Кнут действительно скрыто апеллировал в своем акростихе к Талову, то в этом, по-видимому, заключался полушутливый намек на образ полуголодного поэта, пронзенного ланцетом-любовью или каким-то еще острым неземным чувством. Безусловно, в самом этом образе для Кнута-поэта ничего комического не было, но, как можно полагать, его наряду с Гингером (и со всеми их сверстниками) не столько забавляла, сколько серьезно угнетала фальшивая и деланная риторика. Саркастический настрой, который в особенности ощутимый выход получил у Кнута в сборнике «Сатир» (1929)¹, проявился в посвящении-акростихе Гингеру с нескрываемой силой. В самом определении адресата как «ехидного лирика», т.е. не воротящего носа с нелепым и неестественным пафосом – «à la Comédie Française» – от сарказма, а напротив, ценящего его как одно из острейших поэтических орудий, Кнут допускает возможность двойного чтения своей иронической проповеди как фактически «текста наоборот» – внутренне отстаивающего именно те ценности, которые он внешне вроде бы отвергает.

По всей видимости, на основе этой конвенциональной поэтики «незамеченных», формировавшейся в ранние годы эмиграции, могут быть прочитаны плоды их более позднего творчества. Задействованный в кнотовском посвящении механизм двойной игры – одновременного ироничного и безыроничного взгляда на вещи, внешней травести и скрытого лиризма – проявляется и в стихах самого Гингера. Нередко примеряемые им на себе самоуничижительные маски есть не что иное, как прием буффонады, шутовского балагана, в связи с которым проницательный К. Мочульский писал о смирении пуще гордости, когда

под брезгливой гримасой пряталась неистовая жажда и чисто романтические страсти².

Не исключено, что использование самим Гингером образа «ланцета» в анаграмматически насыщенном «Сонете VI» (1924), вошедшем в *II*, находится в тесных взаимокорреспондирующих отношениях с акростихом Кнута (кроме того, «хитер хирург» во второй строке про-сится в параллель «ехидному лирику» из кнотовского посвящения):

¹ Об этом сборнике см.: *Хазан Владимир*. «Могучая директива природы». Три этюда об эротических текстах и подтекстах // *Дискурсы телесности и эротизма в литературе и культуре: Эпоха модернизма*. М.: Ладомир, 2008. С. 195–201, 214–218.

² *Мочульский Константин*. Молодые поэты // ПН. 1929. № 3004. 13 июня. С. 2.

Прочтите. Стол (что толку!) стонет мною.
Стоит (старайсь!) стар, хмур, хитер хирург.
На мне нема ни польт, ни плотных бурк.
Пространно: пот под простыней одною.

Лежу и жулю: еле боль – но ною.
Кобыла как была без сивк и бурк –
Сих слуг сохи и плуга – без каурк,
Так, рана, ты так рано, ба! без гною.

О Изабелла! Кой облезлый кий
Той койки ўже, что как лыжа (ski)?
Да, стало тихо. Операционный

Мигнул – я мнил – скальпель или ланцет.
Миг вдумчив. Нож мил репарационный.
Зе у французов зед, у немцев цет.

Среди других литературных ассоциаций кнотовского акростиха, актуальных и потенциальных (гипотетических), нельзя не отметить проникшее в молодую эмигрантскую поэзию словечко «мот», восходящее к эпатажному «Нате!» (1913) В. Маяковского, одного из главарей русского литературного авангарда («...я – бесценных слов транжир и мот»), служившее, по-видимому, одним из конвенциональных эквивалентов понятию «поэт» в среде молодых эмигрантских литераторов¹. Употребление его Кнудом по отношению к Гингеру еще можно было бы расценить как случайное, не появивсь оно также и у Поплавского², и именно в семантически аналогичном контексте – в обращенном к тому же Гингеру стихотворении «Прекрасно сочиняешь, Александр...»: «Поэзии блистательные моты»³.

Очень похоже, что другой текст Поплавского, посвященный Гингеру, «Art poetique» («Поэзия, ты разве развлеченье?...») (причем само название адресата по полной выкладке – *Александру Самсоновичу*

¹ О поэтико-каламбурной игре русского «мот» и французского «mot» («слово») см.: *Амелин Г., Мордерер В.* Письма о русской поэзии. М.: Знак, 2009. С. 303–342.

² Который не только присутствовал на выступлениях Маяковского в Берлине, но и сделал его карандашный набросок, см.: *Menegaldo H. Boris Poplavski: Rencontres à Montparnasse (1922–1935) // Pleine Marge (Paris). 2001. № 33. Juin. P. 123–124.*

³ Ср. еще в «Вечернем благовесте» Поплавского явный отзвук Маяковского: «Мне хочется простого, как мычанья...».

*Гингеру*¹ – придает шутовскому куражу форму внешней серьезности, даже некоторой деланной официозной суровости²), подхватывает то ли кнутовский поэтический сарказм, то ли – при более тщательном анализе – проповедь поколенческих «символов веры»:

Поэзия, ты разве развлеченье?
Ты вовлеченье, отвлеченье ты.
Бессмысленное горькое реченье,
Письмо луны средь полной тьмы.

Бездумная и беспутная «поэтическая игра», которая, по Кнуту, едва ли соединима с миром первозданной природной подлинности и сосредоточенного творческого транса, сильно напоминает «развлеченье» Поплавского, кому также не по душе превращение истинного творчества в беззаботную игру. Вместе с тем – и в этом противоречии всецело выразался авангардный дух «младоэмигрантов» – игровое начало было в высшей степени присуще их художественному дискурсу, по крайней мере, в ту пору, когда они были молодыми реально, а не по терминологической инерции. Именно экспериментально-игровое поведение зачастую выражает душу и суть их поэтического новаторства. В этом отношении обмен акростихами Кнута и Гингера может быть воспринят как ироническое подражание известным «образцам». Из прецедентов, относительно близких к ним по времени и обладавших

¹ См. фото машинописного автографа этого стихотворения на с. 205.

² Близкие друзья, включая Поплавского, обыкновенно звали Гингера Шура – именно так называет его Кнут в акростихе, ср. в дневниковой записи Поплавского от 2 января 1928 г.:

На Новый год я заметил, один сказал Шуре, что сидел направо: «За твое семейство!», потом он сказал: «Выпьем за некоторую Шапиро!» и пожал мне руку выше кисти (единственная ласка от Гингера за всю жизнь)» (*Поплавский, Неизданное*. С. 132).

Ср. еще в письме М. Талова Гингеру № 1, от 21 ноября 1963 г.:

Итак, дорогой Александр Самсонович, или лучше – Шура (не обижаешься? Но это не фамильярность, прошу поверить!)

На фоне по-приятельски звучащего «Шуры» строго-официальный «Александр» в упомянутых стихах Поплавского задает тексту иную интонационную семантику, – разумеется, смехо-игровую. В «Разговоре автора с самим собой» (1924) Гингер, работавший в той же поэтике, что и Поплавский, обыгрывает разные стилистические регистры своего имени, обращаясь сначала к себе «по-поплавски» как к Александру, а затем предлагает покликать Шуру.

весом авторитетности, можно упомянуть хотя бы взаимоотношения акростихов М. Кузмина В. Брюсову и обратно: первый – в виде посвящения повести «Подвиги Великого Александра» (Весы. 1909. № 1. С. 19) и ответ в следующем номере журнала (С. 16).

Даже если не настаивать на прочтении кнута-гингеровского диалога посредством стихотворных посвящений как обязательно построенном на интертекстуально-цитатном фоне мэтров-предшественников, всё-таки не лишено смысла обратить внимание на тот, возможно, не случайный факт, что в кнотовском акростихе встречаются некоторые образные элементы, соотносимые с сонетом-акростихом Кузмина. Ср.: «Валы стремят свой яростный прибой, / А скалы всё стоят неколебимо» (Кузмин) – «Утроенную мощь приобретет / Шумящий вихрь, сдвигающий скалу...» (Кнут); «Разящий меч готов на грозный бой» (Кузмин) – «И если ты решил кого пронзить» (Кнут); постановка обращения не в пре-, а в постпозицию: «Юродствуй, раб, позоря Букефала!» – «Узнаешь, мот, хулу как похвалу» (Кнут).

Александр Гингер
<ФРАГМЕНТ ИЗ ОЧЕРКА «ПЕРВЫЕ ВСТРЕЧИ,
ИЛИ ТРИ РУССКО-ЕВРЕЙСКИХ ПОЭТА»¹>

Среди поэтов, с которыми мне суждено было сойтись в Париже, одним из первых оказался петербуржец Александр Гингер. Как в поэзии, так и в жизни Гингер воплощал своеобразный синтез стоика и нигилиста. Существовая в заброшенном мире, Гингер – в отношении всех человеческих ценностей, жизненных путей и инициатив – установил для себя в качестве закона превыше всего ставить силу духа и веселье. Как человек последовательный, он придерживался тех же убеждений в собственном творчестве и бытии.

Расскажу здесь об одном случае. Гингер был в числе тех евреев, что остались в оккупированном немцами Париже. Следуя своей философии фатализма, поэт решил не скрываться, в то время как, например, журналист Петр Рысс опасался даже своих французских соседей и три года не выходил за порог комнаты^[1], а известный художник Бен добровольно просидел в сыром подвале^[2]. Гингер, несмотря на семитскую внешность, безбоязненно разгуливал в самом центре Парижа. И вот однажды, в метро, он услышал, как двое немецких солдат беседуют между собой по-русски. Он тут же ввязался в разговор. Выяснилось, что «немецкие солдаты» на самом-то деле власовцы. Это происходило во время облав на евреев, когда поездка еврея в метро была связана со смертельной опасностью. В конце концов один из власовцев спросил его:

– А кто ты, собственно, по национальности? Наверное, армянин.

– Еврей, – не моргнув глазом, ответил Гингер.

«Немцы» на мгновение остолбенели, но, быстро придя в себя, залились хохотом от удачной шутки.

– Будь ты евреем, неужто бы ты признался в этом нам?

– А что здесь такого? Я и в самом деле еврей, – безмятежно произнес Гингер, помахал на прощание рукой и преспокойно вышел из вагона.

¹ Первоначально очерк «Первые встречи, или Три русско-еврейских поэта» был опубликован на иврите в израильской газете «Haaretz» (1953. 17 августа); в переводе на русский язык вошел в кн.: Кнут I: 265–271. Двумя другими героями очерка, кроме Гингера, являются Марк-Мария Людовик Т<ало>в и Валентин Парнах.

Поэзия Гингера – аскетичная и эпикурейская одновременно. Поэт любит героев, атлетов, летчиков, картежников. Он ведь и сам азартный игрок и даже сочинил несколько стихотворений, прославляющих карточную игру, предпочитая эту страсть женщинам и вину:

Разврат обезволашивает темя
И крайне ослабляет мышцы ног^[3]...

Будучи по своей сути человеком высокой и всесторонней культуры, Гингер склонен разыгрывать простодушие и в поэзии, и в повседневной жизни. Поэтому каждое соприкосновение с ним и его творчеством приправлено таким нигилистическим юмором, хотя и архаический синтаксис, отмеченный печатью некоторой грубоватости, и украшения, замаскированные стилем, и едва ощутимая ирония – все это растворено в любви и трепетном отношении к живым существам. Никогда не отрекаясь от еврейства, Гингер тем не менее даже словом не обмолвился о нем в своих стихах.

Для ревнителей отношений между евреями и неевреями могу сказать, что два сына поэта (от еврейки-полукровки) женаты на француженках – не только потому, что они выглядят как французы, но и потому что являются французами русского происхождения. <...>

1. Петр Яковлевич Рысс (1879–1949), журналист, общественный деятель. Н. Берберова в книге воспоминаний приводит свою дневниковую запись времени войны (октябрь 1943 г.):

П. Я. Рысс <...> приходит и говорит, что принужден был уехать от жены из Аньера (француженка, на которой он женился после смерти Марии Абрамовны <в 1925>: она грозила, что донесет на него, что он не регистрировался как еврей. Он ушел в чем был и поселился в районе Сен-Жермен, в комнате на шестом этаже. Боится, что без зимнего пальто ему зиму не пережить. Н.В. М<акеев, муж Берберовой> дает ему свое старое (очень теплое, но довольно поношенное) пальто, и он уходит. Говорит, что целыми днями решает крестословицы и учит испанский язык, чтобы убить время (*Берберова Н.Н.* Курсив мой. М.: Согласие, 1996. С. 494).

2. См. прим. 1 к письму Гингера С. Карскому № 3, от 12 октября 1939 г.

3. Из стихотворения Гингера «Amours» (1922).

**«ГИНГЕР ИГРАЛ В МОЕЙ ЖИЗНИ
РОЛЬ БРАТА И ДРУГА»
К. ТЕРЕШКОВИЧ О ГИНГЕРЕ¹**

С «французским художником русского происхождения» Константином Андреевичем Терешковичем (1902–1978)² Гингера сближали дружеские отношения. Свидетельством их давнего знакомства, с одной стороны, является портрет Гингера кисти Терешковича 1921 г. (воспроизведен в настоящем издании, т. 1, с. 65)³, а с другой – посвященное художнику гингеровское стихотворение «Голубеет небесный свод...» (1920), вошедшее в *СВ*.

О том, что среда молодых русских поэтов наполовину состояла из живописцев, писал И. Зданевич, вспоминая Б. Поплавского и перечисляя близкие ему имена: Гингера, Свечникова <sic>, Божнева⁴.

Характеризуя Терешковича, когда его уже не было в живых, Н. Резникова в письме к вдове Божнева, Э. Каминер-Божневой, от 6 июня 1980 г., вспоминала:

Константин Терешкович. Очень талантливый, признанный художник. Продавался. Выставлял. Усвоил технику под влиянием импрессионистов (Renoir). Женился на красивой, молодой и богатой француженке (дочь антиквара). Имел от нее двух дочерей. Очень разбогател. Имел скаковых лошадей. Брал призы⁵. По этому своему положению удалился

¹ Воспоминания К. Терешковича о Гингере впервые опубликованы в: *Хазан Владимир*. Вокруг Александра Гингера и Довида Кнута (Три архивные заметки о русской парижской поэзии) // *Vademecum: К 65-летию Лазаря Флейшмана*. М.: Водолей, 2010. С. 539–546.

² К. Терешкович был не только живописцем, как обычно принято думать, но и театральным художником: так, например, он оформил вместе с Е. Лурье (декорации, костюмы) балет Л. Мясина «Choreartium» (1933) на музыку 4-й симфонии Брамса.

³ В воспоминаниях И. Карской говорится о том, что Х. Сутин писал портрет Гингера (*Карская Ида*. Из бесед с В.П. Чинаевым // *Studies in Modern Russian and Polish Culture and Bibliography: Essays in Honor of Wojciech Zalewski* / Ed. by L. Fleishman. Stanford, 1999. С. 230). Такой портрет, как кажется, неизвестен; возможно, мемуарист путает его именно с портретом Гингера работы Терешковича.

⁴ *Зданевич Илья*. Борис Поплавский // *Поплавский Борис*. Покушение с негодными средствами. Неизвестные стихотворения. Письма к И.М. Зданевичу / Сост. и предисл. Р. Гейро. М.: Гилея; Дюссельдорф: Голубой всадник, 1997. С. 113.

⁵ Об увлечении Терешковича лошадиными скачками см. прим. 11 к письму Божнева Гингеру (№ 29, от 18 июня 1955 г.).

от прежних друзей. Был вообще скуп. Не думаю, чтобы поддерживал кого-нибудь. Был несмотря на всё – добрым мальым. Когда-то прошел тернистый путь художника. Неск<олько> лет тому назад мы опять встретились, стали изредка встречаться, потом он заболел (склероз) и умер (в начале 70-х годов). Б<орис> Б<ожнев> рассказывал, что у него была картина Терешковича – *корова*. Я не видела. Где она? Он был сын доктора мед<ицины> (Москва). Остались дочери – не замужем. Он постоянно их изображал в живописи, надев на них шляпки под Renoir’a, вместе с собачкой пуделем...

Никого из прежних друзей, общих – теперь нету. Всё поколение исчезло¹...

Поскольку историю исчезнувшего эмигрантского поколения приходится восстанавливать буквально по крупицам, не следует пренебрегать никакими «мелочами» типа, скажем, почтовой открытки Терешковича, адресованной Гингеру в Серкиньи (Нормандия) и сохранившейся в архиве последнего (на почтовом штемпеле дату разобрать не удалось)²:

Привет из Бретани

Костя Т<ерешкович>

Мысленно мы с Вами

Левка³

В том же архиве, что и публикуемый ниже мемуар Терешковича, имеется его недатированное письмо Гингеру, написанное из городка Port Manech в бретанской провинции Finistère:

Дорогой Шура,

Спасибо за сведения. Напишу Туроверову и Семенчикову <sic>⁴.

¹ Цит. по: *Устинов Андрей, Поливанов Константин*. На грани: Борис Божнев в 1930-е годы // *From the Other Shore* (Toronto). 2002. Vol. 2. С. 31.

² Открытка с надписью *Joyeux Noël* (Радостного Рождества) изображает молодого человека с букетом цветов; рукой отправителя на лицевой стороне сделана шутливая приписка: (pas urgent) s<’il> v<ous> p<laît> petite intesse – (срочно), пожалуйста, малой скоростью (*фр.*).

³ University of Illinois Archives (Urbana Champaign). Ms. 15/35/56 Sophie Pregel and Vadim Rudnev Coll. Box 1.

⁴ О Н. Туроверове см. прим. 1 к письму Н. Оболенского Гингеру № 3, от 18 сентября 1953 г. Александр Ксенофонович Семенченков (?–1972), казачий общественный деятель; собиратель предметов культуры казачьей старины, искусствовед.

Мне как раз сейчас нужно узнать, что это за полупогончики, которые пошел Николай I-ый, получается интересная рифма.

Спросить у Семенчикова
если он знает
какие полупогончики
Николай одевает.

Привет тебе и твоей жене.

Костя

<Внутри письма набросок портрета царя Николая I; на полях приписка:>

Если у тебя есть какие-нибудь русские газеты за последние недели, пришли. Спасибо.

К<остя>¹

После смерти Гингера Терешкович написал о нем краткие воспоминания, с которыми он должен был выступать на вечере памяти Гингера, но не выступал, – воспоминания зачитал Г. Адамович, см. в письме Г. Адамовича А. Бахраху от 29 ноября 1966 г.:

Газданов мне только что сказал, что, по Вашему мнению, Терешкович участвовать в вечере Гингера не станет. Он мне утром звонил, что посылает мне текст своей allocution² (хотя и с сомнениями, всё ли в ней хорошо)³.

Пожалуй, в особенности ценное в воспоминаниях Терешковича то, что автор сообщает весьма примечательный факт о происхождении названия одного из первых творческих объединений эмигрантов в Париже – «Гатаратак», в которое входил Гингер.

Это достаточно «темное» название заставляло исследователей для его расшифровки выдвигать лишь гипотетические догадки. Так, составитель настоящего издания более десяти лет назад, ломая голову над данной криптограммой, предположил, что она сложилась из

¹ ОР РГБ. Ф. 218. Карт. 1315. Ед. хр. 5.

² allocution – краткая речь (*фр.*).

³ Письма Георгия Адамовича А.В. Бахраху (1966–1968) / Публ. Веры Крейд // НЖ. 2002. № 228. С. 158.

первых букв фамилий А. Гингера (Г), М. Талова (Т), трех первых букв фамилии В. Парнаха, если их прочитать наоборот (РАП) и Д. Кнута (К)¹.

По мнению Р. Гейро, основателем Гатарапака был В. Познер².

Время спустя Л. Ливак, отмечая этимологическую неясность этого слова, писал о том, что оно, скорее всего,

было придумано по модели «Дада», т.е. с педагогической целью – поразить аудиторию отсутствием немедленно очевидного смысла, что, в свою очередь, вело к множеству интерпретаций и активному участию аудитории в освоении эстетики движения³.

По предположению А. Устинова,

название группы было составлено из первых букв фамилий Гингер–Талов–Ромов–Парнах–Кнут (ГаТаРаПаК), а буква «а» была использована не только в качестве разделителя между согласными, но по аналогии с названием направления, на которое ориентировалось общество: *dada*⁴.

Представляется, что ни одно из объяснений не является до конца верным. Послушаем «отцов-основателей» «Гатарапака». О том, что само это слово представляет собой акроним, образованный в результате сложения первых букв пятерых его основателей, было известно и раньше. Об этом, в частности, писал Кнут в воспоминаниях «Опыт “Гатарапака”», опубликованных после переезда в Израиль в местной печати⁵. Однако фамилии данной пятерки Кнут утаил. М. Талов,

¹ Кнут I: 379; то же: *Хазан Владимир*. Довид Кнут: Судьба и творчество. Lyon: Centre d'Études Slaves André Lironde; Université Jean-Moulin, 2000. С. 15. В подготовленной для берлинской «Новой русской книги», однако неопубликованной автобиографической справке Кнут писал, что был избран вице-председателем «Гатарапака» (*Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О.* Русский Берлин 1921–1923: По материалам архива Б.И. Николаевского в Гуверовском институте. Paris: YMCA-Press, 1983. С. 315).

² *Gayraud Régis*. К типологии поэзии первой русской эмиграции. Поэтика промежуточности в произведениях некоторых молодых поэтов русской эмиграции в Париже // *Revue des Études Slaves*. 1998. Т. 70. № 1. Р. 186.

³ *Ливак Леонид*. «Героические времена молодой зарубежной поэзии»: Литературный авангард русского Парижа (1920–1926) // *Диаспора: Новые материалы*. Т. 7. Париж; СПб.: Athenaicum–Феникс, 2005. С. 145.

⁴ *Устинов Андрей*. Борис Божнев до «Борьбы за несуществование» // *Vademecum: К 65-летию Лазаря Флейшмана*. М.: Водолей, 2010. С. 287, п. 8.

⁵ «Опыт “Гатарапака”» был напечатан на иврите в газете «Haaretz» (1953. 10 июля).

который в опубликованных мемуарах, напротив, имена привел, назвал, однако, только троих из пяти да и с В. Парнахом, по-видимому, напутал:

В первой половине 1921 года в кафе «Хамелеон» стал собираться кружок молодых русских поэтов. Название его «Гатарапак» составлено было из имен основателей (Гингер А., Талов, Парнах)¹.

Любопытно, что тот же Талов в неопубликованном дневнике за 1966 г. (запись от 26 июля 1966 г.) «вывел» себя за пределы участников «Гатарапака» и в «освободившуюся» клетку-букву «Т» подставил К. Терешковича. Сама эта запись возникла у него при чтении книги А. Седых «Далекие, близкие» (N.Y., 1962), в последней главе которой – «Монпарнасские тени» – упоминается «Гатарапак».

Странное с первого взгляда название, – записывает Талов, – однако ничего странного в нем нет. Это, если считать по слогам, первые, инициальные буквы фамилий лиц, основавших свой кружок, в основном – студентов, покинувших со своими родителями Россию, кажется, в 1919 или в 1920 годах.

И далее автор дневника дает расшифровку этого «странного названия»:

Гингер=Га; Терешкович=Та; Раскин=Ра; Поплавский=П; Цвибак = последние две буквы завершают название кружка = Ак. Вот и получается Гатарапак².

Автор публикуемых ниже воспоминаний расходится с приводимой дневниковой версией только в одном имени – вместо Цвибака-Седых он называет С. Карского: Гингер, Терешкович, Раскин³, Поплавский

¹ Талов М. Воспоминания. Стихи. Переводы / Сост. и коммент. М.А. Таловой, Т.М. Таловой, А.Д. Чулковой. М.: МИК; Париж: Альбатрос, 2005. С. 60 (далее: *Талов Марк*. Воспоминания. Стихи. Переводы, с указанием через двоеточие страницы).

² ОРФ ГЛМ. Ф. 520. Оп. 1. Ед. хр. 88. Л. 30 об.–31.

³ Об Исааке Ильиче Раскине известно крайне мало. Хотя бы для первоначального заполнения биографической лакуны упомянем три автографа на подаренных ему книгах. Один принадлежит М. Талову и сделан на сборнике его стихов «Любовь и голод» (Париж, 1921): «Дорогому Исаку Ильичу Раскину с чувством искренней симпатии. Марк-Людвик Талов. Париж. 1-ое января 1922», два других – поэту

и Карский. Похоже, что в сравнении с таловским свидетельством Терешковича является более аутентичным.

Особенную ценность небольшой мемуар Терешковича приобретает в связи с тем, что он придает давно установленным фактам некую дополнительную стройность и авторитет очевидца. В первую очередь это касается С.О. Карского (с(см. о нем во вступительной заметке к письмам к нему Гингера). И раньше было известно, что Карский посещал «Гатарапак», см., например, дневниковые записи Б. Поплавского – от 23 июня 1921 г.:

С Карским в «Гатарапак»¹.

Или от 19 июля 1921 г.:

Рисовал Фиксмана... Пришел Гингер, показал стихи; раскритиковал... Я немного рассердился. Терешкович и Карский².

Однако из воспоминаний Терешковича мы, сверх того, узнаем, что Карский был одним из основателей этого литературно-художественного содружества, завершающей буквой в причудливом названии которого стала начальная буква его фамилии.

Автограф воспоминаний хранится в ОР РГБ. Ф. 754. Карт. 2. Ед. хр. 15. Л. 7–8 (текст несет на себе следы правки, осуществленной Г. Адамовичем).

<ВОСПОМИНАНИЯ ТЕРЕШКОВИЧА О ГИНГЕРЕ>

Гингер был моим первым парижским другом. Наша дружба продолжалась до его смерти, без единого пятна. Мы познакомились в конце 20 года в студенческой столовой. (Он – медик, я – архитектор.) Его мало интересовала медицина, меня так же мало интересовала

А.Я. Браславскому (псевд. А. Булкин) на одинаково названных книгах его «Стихотворений» (Париж, 1926 и 1929): «Исаку Ильичу Раскину в память давнего знакомства. Автор. Париж 29.11.32» и «Исаку Ильичу Раскину от Автора на память о старом знакомстве. Paris, 29.10.32» (все три дарственных экземпляра хранятся в Тургеневской библиотеке, Париж).

¹ Поплавский, Неизданное: 132.

² Там же.

архитектура, но нас обоих устраивали дешевые обеды в столовой для студентов¹.

Гингер в то время жил с матерью^[1] в сравнительно буржуазных условиях, но предпочитал полуголодную богему и беспокойную, почти истерическую атмосферу Монпарнаса благопристойной атмосфере Пасси.

Мы оба дружили с Поплавским, который в то время занимался живописью (я встречался с ним в одной из свободных академий Монпарнаса) и только начинал писать. Я находил даже самые ранние стихи Поплавского гораздо интереснее его живописи и был, вероятно, виновником того, что <он> живопись бросил и занялся литературой^[2].

В <19>21 году мы создали литературно-художественный кружок, который назвали Гатарапак: первые буквы наших фамилий < – > Гингер, Терешкович, Раскин (наш меценат), Поплавский и Карский (художник, поэт, впоследствии прекрасный журналист, вместе с Альбером Камю участвовавший в подпольной газете «Комба»). Мы собирались раз в неделю в кафе «Ля Болэ» около площади Сен-Мишель. К нам присоединились Свешников, Божнев (которого Гингер очень ценил), Талов, Парнок <sic>, Довид Кнут и другие.

Бесконечные разговоры об искусстве принимали иногда довольно свирепый характер и часто кончались почти драками. Гингер в ссорах и драках участия не принимал, но любил их провоцировать.

В <19>23 году Гатарапак потерял свой интимный характер, появилось много новых поэтов, многие приехали из Берлина, собрания устраивались в больших помещениях. Появилось много публики, объявления в газетах, и так Гатарапак постепенно исчез.

¹ По всей видимости, именно эта столовая была запечатлена на фотографии, которую много лет спустя показывал Терешкович А. Седых:

С фотографии глянули на меня лица двух мальчиков, нам обоим было по 18 лет. Боже, сколько у меня было тогда волос, какая пышная шевелюра! Фотография была снята в русской студенческой столовой на рю де Валанс. Мы с Костей сидели за борщом, а позади стояли повар и подавальщица Анна Марковна, женщина с лицом расплывшей Юоны, питавшая женскую слабость к представителям артистической богемы и подкладывавшая нам на тарелку побольше каши... Борщ, котлеты с картофельным пюре и чай стоили 2 франка 10 центов, но и это временами было для нас недоступно, и тогда мы получали в студенческой организации бесплатные талоны на обед. Костя еще помнил голод, который он пережил в России, и неизменно съедал две тарелки борща (*Седых Андрей*. Терешкович // НРС. 1972. № 22664. 2 июля. С. 2).

В Гингере меня всегда удивляло, что он никогда не высказывал своего мнения до конца и в самый серьезный момент переводил разговор на мелочи. Разговор о Мандельштаме, о Боратынском или каком-нибудь другом поэте – из тех, которые меня интересовали, – он сводил на восхваление какого-нибудь особенного голландского табака или говорил о том, как удачно он подстриг сегодня свои усики. Забота Гингера о своей внешности озадачивала не меня одного. Вероятно, было в этом что-то похожее на желание замаскировать свою застенчивость.

В первые годы нашего знакомства Шура очень любил Вяч. Иванова, принес мне однажды сборник его стихов, который я одолел с большим трудом, что очень его разочаровало. Я также не разделял его восхищения Гумилевым, экзотизм и театральный героизм которого меня никогда не трогали. Я больше увлекался Пастернаком, Мандельштамом, Ахматовой, и почти все мои друзья-художники – Пуни, Воловик, Пикельный^[3] и другие – разделяли мое мнение. Через несколько лет Гингер вдруг нашел какое-то замечательное стихотворение – скорей несколько строчек – у Сирина-Набокова.

Он очень настаивал, чтобы я познакомился с Газдановым и Одарченко. Наши литературные споры почти всегда прекращались за биллиардным столом. Среди нас Шура был единственным обладателем собственного кия, который он носил под мышкой в футляре. Другими видами спорта он интересовался только теоретически. Мои атлетические подвиги внушали ему большое уважение, он советовал избегать лишних усилий и как-то прислал мне открытку, которая начиналась стихами:

Любовь обезволасывает темя
И крайне ослабляет мышцы ног...^[4]

Гингер обожал покер^[5]. Уже за несколько часов до игры он был в трансе. Несмотря на напускное олимпийское спокойствие, каждая сдача карт была для него событием. Лицо его выражало блаженство, как будто он слушал какую-то небесную симфонию. Он аккуратно записывал свои выигрыши и проигрыши в специальную записную книжку, подводя итоги в конце года^[6]. Несмотря на его желание казаться благоразумным, в нем и в его стихах сквозил тот мистический пыл, который чувствуется у больших поэтов.

Мы неизбежно мечены, поэты,
Холмом Венеры и холмом Луны^[7]...

Мне ужасно трудно было написать эти несколько слов, приблизительно так же трудно было бы Г.В. Адамовичу написать его портрет. Гингер играл в моей жизни роль брата и друга, и наши первые встречи были основой всех наших будущих усилий в творчестве. Часто я задавал себе вопрос, что в его поведении и в его поэзии было надуманным, что было искренним. Но несмотря ни на что, я очень любил его поэзию и его самого.

К<онстантин> Т<ерешкович>

1. О матери Гингера М.-Р. М. Гингер (урожд. Блюменфельд) см. во вступительной статье, с. 8, прим. 2.

2. Вспоминая о Терешковиче, Поплавском и о себе в раннюю эпоху эмиграции, А. Седых писал:

В это время мы жили в довольно убогом отеле на улице Гоблен. Проточной воды в отеле не было, и у каждого в комнате стояла большая фаянсовая чашка и кувшин с водой; при помощи этого кувшина мы совершали свои поверхностные омовения. Терешкович, Борис Поплавский и я жили в соседних комнатах, жили весело, шумно и временами довольно беспутно (*Седых Андрей*. Терешкович // НРС. 1972. № 22664. 2 июля. С. 2).

3. О Р. Пикельном и И. Пуни см. прим. 12 и 19 к письму Б. Божнева Гингеру № 24 от 14 мая 1953 г. Лазарь Воловик (1902–1977), живописец, художник театра.

4. Из посвященного Б. Божневу стихотворения Гингера «Amours» (1922); в оригинале:

Разврат обезволашивает темя
И крайне ослабляет мышцы ног.

5. Терешкович, по крайней мере в какой-то период, входил в гингеровский постоянный круг покеристов, см. в письме Б. Божнева Гингеру № 24, в котором он спрашивает:

Терешкович <> – играет ли еще с Вами за тем же столом или совсем загородился <?>

См. также далее, в воспоминаниях Г. Газданова о Гингере, который называет Терешковича среди его постоянных карточных партнеров.

6. Ср. со свидетельством другого современника, которое уже приводилось во вступительной статье:

...он вел строгую «бухгалтерию», подытоживая к концу года результаты, которые колебались какими-то десятками франков (Померанцев: 58).

7. Из стихотворения Гингера «Хиромантия» (1923), посвященного Б. Поплавскому.

3
Г. ГАЗДАНОВ
ПАМЯТИ ГИНГЕРА

В бумагах С.Ю. Прегель (University of Illinois Archives (Urbana-Champaign). Ms. 15/35/56 Sophie Pregel and Vadim Rudnev Coll. Box 1) сохранился неподписанный рукописный текст воспоминаний о Гингере, принадлежащий, без сомнения, одному из его близких друзей, писателю Гайто Газданову¹. Атрибутирование данного текста Газданову опирается как на его содержание, так и на авторский почерк. Известно, что 2 декабря 1966 г., по инициативе С. Прегель, состоялся вечер памяти Гингера, на котором выступила сама София Юльевна, Г. Адамович, К. Померанцев, Ю. Терапиано и А. Юлиус; кроме того, Адамович зачитал воспоминания К. Терешковича (см. выше). Тексты Адамовича, Померанцева и Терапиано, легшие, по всей видимости, в основу их выступлений (или, по крайней мере, совпадающие с ними), опубликованы². «Мемуар» Терешковича, относительно недавно обнаруженный и опубликованный, включен в настоящее издание. О присутствии на вечере Газданова (или, во всяком случае, о чтении им своих мемуаров о Гингере) сведения отсутствуют, хотя его некрологический очерк «Памяти Александра Гингера» был, как известно, опубликован в НЖ (1966. № 82. С. 126–132).

Новонайденный текст Газданова указывает на то, что наряду с подготовленным для печати он – то ли по просьбе С. Прегель, то ли по собственной инициативе – написал еще один, который полностью отличается от опубликованного. Впрочем, возможно, что этот текст представлял собой первоначальную редакцию опубликованного. В любом случае, к нему должно отнестись и как к новому слову о Гингере, и как к неизвестному документу из литературно-мемуарного наследия Газданова. В определенном смысле печатающиеся ниже воспоминания представляют даже больший интерес, чем те, что из-

¹ Помимо многих других известных и отмеченных моментов их близкой дружбы, см. в очерке Гингера (Агнии Нагаго) «Цыганский романс», включенном в настоящее издание.

² См.: *Адамович Георгий*. Об Александре Гингере // Мс. 1966. № 12. С. 266–268; *Померанцев*: 53–60; *Терапиано Юрий*. Александр Гингер // Юрий Терапиано. Литературная жизнь русского Парижа за полвека (1924–1974): Эссе, воспоминания, статьи. Париж; Нью-Йорк: Альбатрос–Третья волна, 1987. С. 227–231.

вестны: портрет Гингера в том, например, фрагменте, где речь идет о его качествах азартного игрока, теряющего во время игры чувство реальности и подчиняющегося неподвластной разуму стихии чувств, представлен с необычной заостренностью и откровенностью, – не исключено, что именно данное обстоятельство заставило Газданова в печатной версии отказаться от этого живописного описания (там, кстати, тоже присутствует бильярдная, но совершенно в других временных и жизненных обстоятельствах – в годы немецкой оккупации Парижа), «заменив» его более «приличествующей» некрологическому жанру гингеровской фразой, не несущей на себе столь сложного хитросплетения игорных страстей: «– Я, вероятно, мог бы проиграть состояние, – говорил он <Гингер>. – Но это остается в сослагательном наклонении, потому что у меня его никогда не было»¹.

Небезынтересно отметить, что бильярдная образность, которой Гингер отдает дань в некоторых своих стихах (см. об этом в коммент. к «Сонету VI», II), была не чужда и Газданову, см., к примеру, в рассказе «Бунт» (из «Рассказов о свободном времени», 1927):

Но Россия остановилась, и годы, как шары, упали в лузы, в пропасти прошлого, в концы жизни².

* * *

Есть люди, которые как будто несут в себе свою собственную смерть, не непременно больные или страдающие, но которые кажутся обреченными, жизнь которых действительно похожа на временное пребывание в нашем мире, люди хрупкие, неуступчивые, с постоянным выражением неуверенности в глазах: сегодня я жив, но кто знает, что будет завтра? Такой была в частности жена Гингера, Анна Присманова. Но есть другие, которые кажутся несокрушимыми, которых не могут сломать, казалось бы, никакие испытания, у них ясные глаза, уверенные движения, в которых чувствуется жизненная сила, – люди, по отношению к которым слово «смерть» звучит как-то нелепо, к которым оно кажется неприменимым, и одним из таких людей был Гингер.

¹ Газданов: 130.

² Газданов Г. Собрание сочинений: В 3-х томах. Т. 3. М.: Согласие, 1996. С. 36. Ср. в стихотворении Б. Поплавского «Астральный мир» (1927): «Вот земля провалилась в чернильную лузу» (БП-I: 88).

Поэтому трудно избавиться от мысли, что в его смерти было что-то чудовищно несправедливое, что это была какая-то ошибка, что этого не могло быть. И с этим нельзя примириться – вопреки очевидности, вопреки беспощадному диагнозу болезни, которая его погубила, вопреки фактам. Кроме того, в конце концов, к большинству людей мы равнодушны или почти равнодушны. С их смертью мы заранее готовы примириться, и это с нашей стороны не требует особенных усилий. Но уход Гингера из жизни был для его друзей чем-то вроде незаслуженной катастрофы, которая носит личный характер, так, точно каждый из них потерял часть самого себя – ту часть, которая принадлежала Гингеру и которую он унес с собой. Легко писать и легко говорить о человеке, которого не стало, которого мы знали, но с которым нас не связывало крепкое и трудно определяемое чувство, гораздо более сложное, чем так называемая дружба, – чувство, над которым время не властно. Но о людях, которые прочно вошли в нашу жизнь и отсутствие которых сразу делает нас беднее, чем мы были раньше, – о таких людях говорить и писать труднее всего. Никакая философия тут помочь не может, никакие слова и никакие соединения слов. Всё, что мы так хорошо знаем, «люди смертны, Кай < – > человек, стало быть, Кай смертен» – «ибо земля еси и в землю отыдеши» – все эти неопровержимые истины перестают быть убедительными тогда, когда речь идет о таких людях, как Гингер. Я знаю, что он сказал бы, если бы он слышал эти слова – вы основываете ваше суждение на том, что вы считаете исключениями, это прежде всего логическая ошибка. И кроме того, из этого правила исключений нет. Но рассуждения неважны, как неважна философия, опыт, знание того, что иначе быть не может, важно, что произошло нечто непоправимое, чего мы не можем ни понять чувством, ни забыть. Что остается? Остаются воспоминания о Гингере, каким он был, каким я его знал в течение всех этих долгих лет – и каким он возникает в моей памяти из того небытия, которое его никогда не пугало, но о котором он часто думал.

Не говори как все: одной не миновать,
Двум не бывать. Не две – неисчислимо много.
Отряд живых смертей с тобой шагает в ногу.
Забудь. Не вызывай. Страшись именовать.

Ты знаешь, мы в бреду и всё туман и страх^[1]...

Гингер был не таким, каким он казался многим – странно и нелепо одетым человеком, писавшим стихи, непохожие на стихи других поэтов. Он был умным и сложным человеком, который понял очень много вещей, который очень много знал и редко ошибался в своих суждениях. Я познакомился с ним очень давно – это было, по-моему, в <19>27-ом году. В <С>оюзе писателей и поэтов, на rue Denfert-Rochereau, я читал один из своих первых рассказов, который кончался очень пышной фразой дурного вкуса^[2]. После вечера мы сидели – мои друзья и я – на террасе одного из ближайших кафе. И вот, возникая из уличной темноты, к нам подошел очень хорошо одетый человек, остановился возле нашего столика и сказал мне:

– Я только что слушал Ваше чтение. Вам не кажется, что последняя фраза у Вас написана как бы под занавес? Вы считаете, что это правильно? – Нет, я в этом не уверен. – А, это хорошо. Но Вы меня не знаете. Моя фамилия Гингер. Я по профессии поэт, если это можно назвать профессией.

Потом мы с Гингером встречались часто. Он меня спросил, играю ли я на бильярде. Я ответил, что играю, но плохо. «Ах, это меня очень устраивает, – сказал он, – это прекрасное совпадение: я тоже играю, и тоже плохо». В бильярдной он предложил мне играть на деньги. Денег у меня было мало, так же, как у него, но мне было неловко отказываться. Когда я проиграл первую партию, Гингер сказал: «<В>от, какой Вы неосторожный, Вы мне должны уже пять франков. Но, может быть, Вы еще отыграетесь <>>». Он играл гораздо лучше меня, но был чрезвычайно впечатлителен, очень волновался, и когда мне удавалось сделать известное количество очков, он впадал в отчаяние и начинал делать промахи. Он проиграл вторую партию, потом третью, и кончилось это для него катастрофой: он проиграл в общем сто франков, сумму по тем временам крупную – и для него, и для меня. Мне было очень неприятно, я знал, что у него с деньгами было туго, и предложил ему отложить расчет до следующей игры – может быть, тогда Вы меня обыграете, – сказал я. «Нет, – сказал Гингер, – я считаю, что это долг чести и не могу уклониться от уплаты. Вот я плачу Вам три франка и таким образом буду Вам должен ровно девяносто семь <>>». Я вздохнул с облегчением. Я его тогда недостаточно знал. Потом я понял, что денежные ставки для Гингера это была необходимая абстракция. Он входил в свою роль игрока, который крупно рискует, который может проиграть состояние и который, в свою очередь, может довести своего

партнера до разорения, даже до воображаемого самоубийства – я не могу заплатить то, что я считаю долгом чести, и этого позора я не могу перенести. Передайте мои извинения Гингеру, моему партнеру. Я поступаю так, как поступил бы он, если бы он оказался в моем положении. В смерти моей прошу никого не винить. Это, конечно, была чистейшая метафизика, но Гингеру она была необходима. Поэтому он волновался, и потому он проигрывал. Один из наших общих товарищей мне сказал как-то:

– Ты понимаешь, Гингер настоящий игрок, а ты бревно. Тебе совершенно всё равно, выиграешь ли ты или проиграешь, потому что у тебя убогая фантазия. А перед ним сверкают воображаемые миллионы – как же тут не волноваться? Поэтому ты выигрываешь, хотя он играет лучше тебя.

Там же, в бильярдной, произошел такой случай. Мы играли с Гингером, и после его удара все три шара стали вплотную у разных бортов на большом расстоянии один от другого. Я смотрел на них и не знал, как играть. Вдруг за моей спиной чей-то голос сказал: – *A quoi pensez vous, jeune homme?* (О чем Вы думаете, молодой человек?) – *Je pense a l'impossibilité de faire un point* (Я думаю о невозможности сделать очко), – сказал я. – *Mais c'est très facile*^[3], – сказал этот человек. Это был мужчина лет сорока, очень приличного вида. – *Si votre partenaire le permet, je pourrais peut-être le faire pour vous*^[4]. – *Je vous en prie, maître*^[5], – сказал Гингер. Человек этот взял мой кий и, не целясь, сделал удар: шары долго катались по бильярду, потом сошлись вместе и остановились. – *Vous voyez, c'était simple*^[6], – сказал он и ушел. Я помолчал и сказал Гингеру: – Какой замечательный удар. – Ах, – сказал Гингер, – Вы меня утомляете. Это *Mortier*, чемпион Европы^[7].

– Гингер, приходите в пятницу вечером. – В пятницу? Вы не знаете, что это невозможно. – Нет, не знаю, почему? – В пятницу я играю в карты.

Он играл действительно каждую пятницу в покер, не помню именно с какими партнерами, кажется, Терешкович, Воловик, еще кто-то.

Разговоры о литературе. – Конечно, каждый человек имеет право писать. Но огромное большинство людей не должны были бы пользоваться этим правом. – Кого Вы имеете в виду? – Ах, Сидорова, Петрова, Васильева, Крестовоздвиженского.

Но своих современников, поэтов, он всегда жалел и очень редко отзывался о них отрицательно. Когда как-то Ладинский читал у Гингера свои стихи, Присманова после этого сказала Ладинскому: <<По моему, это очень плохое стихотворение>>. Ладинский смертельно обиделся и ушел. Гингер сказал: <<Н>ельзя так критиковать. Надо сказать: стихотворение прекрасное, но <...>>

– Гингер, что вы думаете о De<s>bordes-Valmore^[8]? – Очень жалобная дама, но несомненно способная. Я предпочитаю Каролину Павлову^[9].

– Когда человек бывает глуп не так, как другие, а по-своему, его называют поэтом или писателем оригинальным и глупости его как-то не замечают. Такие случаи в истории литературы бывали.

– В<ы> любите Гумилева? Нет? А я люблю. Мне нравится тип такого бойкого унтер-офицера, который пишет стихи^[10].

– Приходил наш знакомый – дальше имя поэта. – Читал стихи. – Хорошие? – Ну, Вы же знаете, это всегда то же самое: я смотрю, скажем, в окно, вижу небо и на нем звезды и думаю, что вот, через некоторое время я умру, а звезды по-прежнему будут светить. Всё это совершенно правильно, к сожалению, это мы уже слышали раньше, и в частности царь Соломон это выражал более убедительно.

Несколько раз случалось так, что я приходил к Гингеру и заставлял его перед зеркалом, он долго рассматривал свое лицо. – Гингер, Вы страдаете нарциссизмом. Неужели Вам приятно смотреть на себя в зеркало <?> – Ах, я знаю, – говорил Гингер, Вы скажете, что я некрасив. А это неправда, я нахожу, что недурен собой, и Вы просто мне завидуете.

Но за этой шуткой было другое. Я себе это представлял так: он смотрел в зеркало и постепенно оттуда возникал другой Гингер, такой, каким он хотел бы быть – воин и атлет. Это был, так сказать, его второй облик. И я думаю, что именно таким он казался самому себе и таким он действительно был – игрок, атлет и воин. Во всяком случае, страха он не знал – мы в этом убедились во время войны и оккупации. К этому следует прибавить, что он был буддистом – и таким он ушел из жизни, этот человек, которого многие знали, но которого далеко не все, мне кажется, поняли и оценили до конца.

1. Первое и начальная строчка четвертого четверостиший из стихотворения Гингера «Сестра».

2. По всей видимости, Газданов имеет в виду литературный вечер Союза молодых поэтов и писателей, состоявшийся 2 ноября 1927 г., где он читал рассказ «Общество восьмерки пик» (Союз действительно располагался на 79, rue Denfert-Rochereau, однако данный вечер проходил в помещении клуба ОРОВУЗ – Объединения русских, окончивших высшие учебные заведения, находившегося на 77, rue Pigalle, Paris IX-e).

3. Mais c'est très facile – Это очень легко (*фр.*).

4. Si votre partenaire le permet, je routrais peut-être le faire pour vous – Если ваш партнер позволит, я, возможно, мог бы сделать это для вас (*фр.*).

5. Je vous en prie maître – Прошу вас (сделайте одолжение), мэтр (*фр.*).

6. Vous voyez, c'était simple – Вот видите, как просто (*фр.*).

7. Речь идет об Альфреде Мортье, известном французском бильярдисте, победителе многочисленных международных турниров, считавшемся даже чемпионом мира.

8. Марселина Деборд-Вальмор (Марселина Фелисите Жозефина Деборд; 1786–1859), французская поэтесса.

9. Каролина Карловна Павлова (урожденная Яниш; 1807–1893), русская поэтесса.

10. Ср. в печатной версии (Газданов: 130):

– Многие не ценят Гумилева, – сказал он как-то. – А у него есть неплохие строчки. Вы помните?

И в заплеванных тавернах
С поздней ночи до утра
Мечут ряд колод неверных
Завитые шулера.

«УКУСЫ СВОРЫ ВЕРНЫХ»

СТИХОТВОРНЫЕ ПАРОДИИ НА ГИНГЕРА И ПРИСМАНОВУ

Как всякая заметная творческая фигура Гингер не мог не быть представлен в стихотворно-посвятительном жанре эмигрантских поэтов. Из числа поэтических посвящений ему, будь то известные стихи Б. Поплавского, Присмановой или Л. Червинской¹, антологии, пожалуй, не приготовить, но дюжина, а то и побольше, текстов, учитывая еще и упоминательные (типа «Прогулки с Поплавским» В. Андреева² или «Парижской ноты» В. Дукельского³), без сомнения, соберется. Не избежал Гингер (наряду с Присмановой) и внимания пародистов.

ДВЕ ПАРОДИИ С. ЛУЦКОГО НА ГИНГЕРА

Семен (Шмиель) Абрамович Луцкий (1891–1977) принадлежит к тем не очень крупным деятелям русской литературы, о ком обычно, если вспоминают, то делают это во множественном, а не в единственном числе, в обобщенной, а не в персональной форме. Отпущенного ему творческого дара не достало для того, чтобы создать свой, неповторимо-своеобразный художественный мир, но вместе с тем, когда вчитываешься в его стихи – а за свою 86-летнюю жизнь он написал их немало⁴, – некоторые в особенности удачные куски,

¹ В последнем случае см. прим. 2 к письму Гингера С. Маковскому от 8 марта 1955 г.

² См. вступительную статью, с. 12, прим. 3.

³ См. его «Парижскую ноту» (1961) в кн.: *Дукельский Владимир*. Послания. Мюнхен, 1962. С. 59:

Но похлебка похвал –
Несъедобный трофей!
Для кормежки друзьям миннезингерам
Бог иль дьявол послал
Кружку пива в кафе,
За беседой с Поплавским иль Гингером.

⁴ Две книги стихов, изданные в Париже, – «Служение» (1929) и «Одиночество» (1974), – не дают сколько-нибудь полного представления о количестве и поэтическом разнообразии написанного Луцким. В каком-то смысле это компенсирует

строфы, строчки, образы останавливают внимание неподдельным чувством, пронзительной остротой и пусть небольшим, но несомненным талантом автора.

После окончания в 1909 г. с золотой медалью одесского Коммерческого училища им. Николая I Луцкий из-за действовавшей в России «процентной нормы», не позволявшей ему как еврею получить высшее образование, отправляется за границу – сначала в Бельгию, в Льежский университет (1909–1913), а затем переезжает во Францию, где продолжает обучение в Гренобльском электротехническом институте¹. Окончив его в 1915 г. и получив диплом инженера-электрика, он, после годовой стажировки, в течение 42 лет, до выхода в отставку 1 января 1958 г., проработал во французской электромеханической промышленности, причем 32 из них в фирме Alsthom. Одаренный от природы разнообразными талантами, Луцкий проявил себя как незаурядный инженер, автор ряда статей, опубликованных во французских научных журналах, и двух капитальных трудов по электромеханике: «Calcul Pratique des Machines Électriques à Courant Continu» (Paris, 1963) и «Calcul Pratique des Alternateurs et des Moteurs Asynchrones» (Paris, 1969). На протяжении многих лет он преподавал в парижском l'Institut Supérieur des Travaux Publics. Живя в мире своих профессиональных проблем и интересов, он воспринимал себя в первую очередь как «технар», что, однако, не мешало ему «параллельному» существованию в русском литературном Париже.

Наиболее продуктивный период литературно-общественной деятельности Луцкого пришелся на вторую половину 20-х гг. В конце

книга, в которую вошли многие стихи из архива поэта, а также его очерковая проза и письма: *Луцкий Семен. Сочинения / Подг. текста, сост., вступ. ст. и коммент. В. Хазана. Stanford, 2002 (Stanford Slavic Studies. Vol. 23); см. также: Бэнишу-Луцкая Ада. Служение и Одиночество (Поэт Семен Луцкий) // Евреи в культуре Русского Зарубежья: Статьи, публикации, мемуары и эссе. Т. IV / Сост. и изд. М. Пархомовский. Иерусалим, 1995. С. 262–272; Из творческого наследия Семена Абрамовича Луцкого / Публ., вступл. и прим. О. Ласунского // Евреи в культуре Русского Зарубежья: Статьи, публикации, мемуары и эссе. Т. V / Сост. и изд. М. Пархомовский. Иерусалим, 1996. С. 77–86; Хазан В. Два фрагмента из истории русских масонов-эмигрантов в Париже // Евреи России – иммигранты Франции. М.; Иерусалим: Гешарим–Мосты культуры, 2000. С. 307–331.*

¹ Ср. с неверным утверждением Ю. Терапиано о том, что Луцкий якобы еще в Одессе «получил среднее и высшее образование, стал инженером-электриком и выехал за границу после революции» (*Терапиано Ю. Памяти С.А. Луцкого // РМ. 1977. № 3172. 6 октября. С. 10.*)

1924 г. возник Союз молодых русских писателей и поэтов в Париже, членом которого он становится, а с 10 октября 1926 г. входит в состав Правления. Луцкий регулярно принимает участие в организуемых Союзом творческих вечерах (как правило, они проходили в помещении, арендованном Союзом на 79, rue Denfert-Rochereau). Посещает он в это время и салон Мережковских, см., например, запись в камер-фурьерском журнале В. Ходасевича (по всей видимости, перечисляемая группа встретилась в кафе des Jourelless и оттуда направилась к Мережковским):

4 <апреля 1926>, воскр<есенье>, катол<ическая> Пасха. Обедать в рест<оран> (Куки). В кафе (Терапиано). К Мережковским (Терапиано, Г. Иванов, Одоевц<ева>, Луцкий, <М.О.> Цетлин, Г. Оцуп, Бахтин, Адамович). / Терапиано, Кнут, Бахрах¹.

Когда весной 1928 г., по инициативе М. Слонима, возникло «свободное литературное объединение» «Кочевье», собиравшееся в таверне «Dumesnil» на Монпарнасе (73, bd du Montparnasse), Луцкий примкнул к нему и первые два года посещал его заседания. На заседании «Кочевья» 20 февраля 1930 г. разбирались его книга стихов «Служение»², а 27 марта 1930 г. в устном журнале звучали сочиненные им дружеские пародии, о чем сообщало Воз-1 (1930. № 1757. 25 марта. С. 5). В газете не говорилось, что в точности читал Луцкий на этом вечере, но скорей всего речь шла о стихотворных пародиях на поэтов-эмигрантов, его современников: А. Браславского («Подражание Браславскому») и Гингера («Что кии в Токио в загоне» и «Плыви, как ломкий сук по речке»), сохранившиеся в архиве Луцкого³.

Вот пародии на Гингера:

¹ *Ходасевич Вл.* Камер-фурьерский журнал / Вступ. ст., подг. текста, указатели О.Р. Демидовой. М.: Эллис Лак, 2000. С. 84.

² См.: «Сегодня, в 9 ч. веч<ера> на бульв<аре> С<ен> Жермен, ном<ер> 184, состоится беседа, посвященная недавно вышедшей книге стихотворений Семена Луцкого “Служение”. Вступительное слово скажет Вадим Андреев. После доклада и чтения стихов автором – прения, в которых примут участие А. Ладинский, Б. Поплавский, М. Слоним, Б. Сосинский и др.» (ПН. 1930. № 3256. 20 февраля. С. 3), ср.: Воз-1. 1930. № 1724. 20 февраля. С. 5.

³ Впервые опубликовано в кн.: *Луцкий Семен.* Сочинения. С. 174–176.

* * *

Что кии в Токио в загоне,
Грущу об этом также не...
– Дианы рог на небосклоне
Совет меня к иной войне.

Пусть европейские народы
И азиатские шумят –
Ведь кислым молоком свободы
Не мало вскормлено телят.

А я, как вкусную окрошку,
Люблю многоцветистый мир,
Влюблен в печеную картошку
И уважаю рыбий жир.

А впрочем, всё на эту тему
Веков известно испокон.
Кончаю длинную поэму,
Прощай, Гаврила. Я уж сонн.

27/1 / <19>30

* * *

Пльиви, как ломкий сук по речке,
Первостепенная тоска,
Пылай, душа, в телесной печке,
Придурковата и хлестка...

Вышеизложенное, право,
Не худо было б объяснить,
Но я слюнявою забавой
Тебя не в духе огорчить...

Уж не тебе ль? Уж не тебя ли?..
Уже без нужды? Ты ж не уж –
Ты спишь на жутком одеяле,
Не раздеваясь, жалкий муж...

Как лошадь завтракает в стойле
И ужинает тоже там,
Так свой кусок жуешь ты. Свой ли?
По неприсутственным местам.

А я под знаком Аполлона
Влачу торжественную лень.
Мя не прельщает Лиза-Монна,
Зря улыбается, как пень...

Обе пародии примыкают к тому времени, когда окружение Гингера кипело от возмущения по поводу его участия в «листовках» Шаршуна и не скрывало своего отношения к этому, см. приписку Луцкого на письме Божнева (№ 1):

Дорогой Алекс<андр> Самс<онович>,
Всецело присоединяюсь к справедливому возмущению Б<ориса>
Б<ожнева>.
Как это Вы могли... С. Луцкий.

Луцкий удачно схватывает в обеих пародиях гингеровскую поэтическую форму: обилие аллитераций, анаграмматизм, инверсионный синтаксис, специфическую лексику... Пародии строятся как «сборная цитата» поэтических образов Гингера – практически каждый их элемент рассчитан на связь с текстом-оригиналом и его пересмеивание. По-видимому, помимо внятных текстовых деталей, которые связывают пародируемый источник с пародией, в последней присутствует некий внетекстовой («герметический») и потому уже с трудом поддающийся (или не поддающийся вовсе) расшифровке смысловой пласт, синтезированный из разговоров Луцкого с Гингером (или бесед в дружеском сообществе), высказываний последнего, внятных лишь кругу посвященных и за давностью времени и/или по причинам «конвенциональной закрытости» утерянных (так, практически остается туманным значение образов предпоследней строфы

во 2-й пародии или ее заключительного двустушия, не находящихся прямого соответствия в гингеровских стихах)¹.

Дальнейший комментарий строится следующим образом: набранная курсивом строка – из пародии Луцкого, после чего приводится пародируемый фрагмент и/или объяснительная ремарка:

1-я пародия

Что кии в Токио в загоне... – О Изабелла! Кой облезлый кий, / Той койки уже, что как лыжа (ski)? (Сонет VI). Луцкий, следуя манере Гингера, пародически сливает в одно слово «той койки» и образует «Токио».

Грущу об этом также не... – Ведь разливы Пановой свирели / Раздаются в рощах больше не... (Чувство).

Дианы рог на небосклоне... то же во 2-й пародии: *А я под знаком Аполлона* – стихотворение «Молочная дорога».

А я, как вкусную крошку... – Печальна ежедневная крошка / Из пресных слов и неудачных доль (Amours).

многоцветистый мир... – прилагательное построено на гингеровский лад, со «сдвигом» – против привычного «многоцветный».

И уважаю рыбий жир – Думаю начать для здоровья принимать рыбий жир (Автобиография).

Кончаю длинную поэму... – Я теперь кончаю повесть эту (Повесть).

Прощай, Гаврила. Я уж сонн – Крути, Гаврила! Нам пора (Песок); И в сны я впал..., Я днем дремлю и ночью вижу сны, Я буду спать, доколе спать дано (Спокойствие); Щит единственный – крепкие сны (Молочная дорога). Само грамматически несообразное слово «сонн» как бы взято из гингеровского поэтического словаря.

2-я пародия

...Придурковата и хлестка... – Мой <стих> растрепанный, придурковатый / И испуганный – противен он (Повесть).

Вышеизложенное, право, Не худо было б объяснить... – На всем вышеизложенном, однако, / Ни капли не настаиваю я (Пять стоп)².

¹ То же, забегая вперед, в какой-то степени можно сказать и о концовке пародии на Присманову, приводимой далее.

² Луцкий цитировал это широко ходовое в эмигрантском литературном Париже двустушие Гингера в письме В. Андрееву от 5 июля 1973 г. в связи со своим стихотворением «И всё-таки! А почему – не знаю...» (*Луцкий Семен. Сочинения. С. 338*).

Но я слюнявою забавой / Тебя не в духе огорчить... – Затягиваются слюнявой тиной, / Ей обволакиваются они («Под одиночественной паутиной...»). Имплицируемый здесь «онанистический грех» («слюнявая забава») находит продолжение во втором двустишии следующей строфы: Ты спишь на жутком одеяле, / Не раздеваясь, жалкий муж...

Уж не тебе ль? Уж не тебя ли?.. / Уже без нужды? Ты ж не уж – И огонь, но уж не отраженный (Молочная дорога), То – соленый. А сам уж и не помнишь (Разговор автора с самим собой), И, может быть, уж не очнется он (Надежда).

Влачу торжественную лень – Святая лень роскошно расцвела (Спокойствие).

Мя не прельщает Лиза-Монна – Скажи, ты не забудешь мя? (Песок).

ДВЕ ПАРОДИИ Д. КОБЯКОВА НА ГИНГЕРА И ПРИСМАНОВУ

Авторство обеих печатающихся ниже пародий носит анонимный характер. Однако с известной долей вероятности можно утверждать, что автором одной и второй является Д.Ю. Кобяков, редактор еженедельника ЧС¹, где они и были напечатаны с разницей в одну неделю: на Гингера – «Ко Пелагее» (1945. № 19. 7 июля. С. 2), на Присманову – «Взморье» (№ 20. 14 июля. С. 2)².

1-я пародия

Ко Пелагее

Отсекая мечтой лапидарной
У доящих матрех веера
Повторяю душой благодарной:
Галиера. Галиера. Галиера.

1945

Ведаю подпиской в «Патриоте»
Я от двух часов и до шести, –

¹ См. о нем прим. 5 к письму Б. Божнева Гингеру № 1.

² Еще через неделю (№ 21 от 21 июля) в ЧС появится также анонимная пародия на Д. Кнута (подписана Аврум Хлыст), автором которой, похоже, был всё тот же Д. Кобяков (ее перепечатку см.: Кнут II: 535).

В телоутомляющей работе,
– Друг Лебядкин, нам не по пути.

Всё трудясь, мечтаю о «фуле» я,
Чтоб побить противников весьма,
И хожу, хирея, Пелагея,
Часто самообманывающийся.

Любо мне, когда кричит алектор,
– Аще речь пустые словеса –
Ан, гугнивый верности инспектор
Вдруг зашел на две седьмых часа.

И воззвах Меркурий префектуры:
«Рыбий жир ты пьешь ли больше не?
Али убоялся ты цензуры,
Что не пишешь, старче, во “Слоне”?»

Антиох Зингер

Июль 1947

Датировка под текстом (июль 1947) является ошибочной или относится к общему сатирическому авторскому замыслу.

Название пародии корреспондирует с «Пелагеей» Гингера. «Матрехи» из эпитафии восходят к его стихотворению «Amours»: «Итак, любовь к вину – порок нестройный, / Еще опаснее – любовь матрех», а трехразовый повтор «Галиера. Галиера. Галиера» (по всей видимости, имеется в виду известная во Франции герцогская фамилия)¹ – воспроизводит трижды скандированного Гинемера в концовке стихотворения «Имя», незадолго до того, 26 мая, появившегося в газете «Советский патриот».

С названия этой газеты пародия и начинается – «Ведаю подпиской в “Патриоте”...». Капитан Лебядкин, представляющий в пародии роман Достоевского «Бесы» и символизирующий образ стихотворца-юродивого, т.е. фактически тот самый авторский тип, который Гингер, в особенности ранний, нередко намеренно, утверждал и культивировал в сознании читателей-

¹ Одна из известных представительниц этой фамилии – «матреха с веером» – Мари Бриньоль-Саль де Феррари, герцогиня де Гальера, завещала подарить свой великолепный парижский дворец Французской республике (ныне в нем размещен Музей моды).

современников, упомянут, однако, внутри реминисценции одного из самых «мужественных» и «безюродствующих» его поэтических текстов – стихотворения «Факел» (1-я строфа):

Эстафетный бег являет взорам
зрелище, которому найти
невозможно равного; с которым,
муза, не тебе ли по пути?

Карточный «фул» (*full* – «полная рука», *фр.*), мечта любого покериста, когда сама удача заботится об игроке, «чтоб побить противников весьма», напоминает о Гингере, страстном любителе битв за «зеленым столом». А следующая строфа совершает прыжок к его стихотворению «Утренняя прогулка», где на фоне русской архаической лексики – «Ты отправишься аможе аще», на которую в пародии и нацелено «Аще речь пустые словеса», – разгуливает греческий алектор (петух). Правда, «лектор» и «коллектор», рифмующиеся с ним в источнике (один обычным образом – во 2-й строфе, другой посредством внутренней рифмы – в 4-й), заменяются «инспектором», но чтобы сохранить именно гингеровский *couleur locale*, «инспектора» в пародии сопровождают два слова, безошибочно и узнаваемо взятые из «поэтического хозяйства» пародируемого источника: эпитет «гугнивый» – из «И как бы немо иль гугниво...» и «верность» – из одноименного стихотворения. Содержащуюся в той же строфе просторечную частицу/союз «ан», служащую для усиления противопоставления, Гингер, в отличие от Б. Поплавского, у которого она представлена широко и обильно, не использовал, зато последняя строчка – «Вдруг зашел на две седьмых часа», – кажется, метит в стихотворение «Голова моя поднята к небу...»:

Мне бы лиру, хоть арфу мне бы,
Мне певцом бы на треть часа.

Излишне объяснять пародический эффект древнеславянского «возвах» («воззвал»), характеризующего – на гингеровский лад – способ говорения «Меркурия префектуры» (который, конечно, «перемигивается» с «Меркурием быстроглазым» из «Хиромантии»), как нет необходимости возвращаться к тому, что уже отмечалось выше, в пародии Луцкого, в связи с «рыбьим жиром» и постпозицией отрицательной частицы «не», долженствующей по всем законам русской речи предшествовать слову, к какому она относится, а не стоять за ним.

Заключительный упрек – «Али убоялся ты цензуры, / Что не пишешь, старче, во “Слоне”?», – усиливая прозвучавшее выше утверждение о том, что автором пародии является редактор ЧС, может быть соотнесен со следующим местом из «Записной книжки»-2 Агнии Нагаго-Гингера: «...редактор

“Честного Слона” встречает меня в вагоне подземной железной дороги; он ужасно настойчив...».

Наконец пародическое имя – Антиох Зингер – прозрачно намекает на близкого сердцу Гингера-«Зингера» Антиоха Дмитриевича Кантемира, о котором он вспоминает в эссе «О разновидностях русского пятистопного ямба»¹.

2-я пародия

Взморье

Земли коса углом вдается в море.
Туземка носит косы набекрень,
Не зря сквозит в ее раскосом взоре
Многоугольная, почти коровья лень.

Трехтрубный угольщик заходит косо в бухту;
Косой Касьян косит косой траву –
В изнеможении тяжелый якорь рухнул,
Зигзагом чайки реют наяву.

От стройных рей идет азот с Азова.
Спи, Лермонтов! Тамань недалеко.
Производительница молока – корова
Вниз едет добродушно и легко.

Часы бегут. Вот угольки из мрака
Мигают нам, как жар на кочерге.
Ах, лишь для Вас, для Вас и Пастернака
Стою, как аист, на одной ноге.

Инна Тристанова

Сиваш. 19...

Как и «Ко Пелагее», «Взморье» представляет пародический конгломерат, состоящий из отзвуков на стихи Присмановой. Название включает обоб-

¹ Да и Присманова тоже не прошла мимо этой значительной фигуры в русской истории вообще и литературы в частности, см. начинающееся с ловкой анаграммы ее стихотворение «На канте мира муза Кантемира / Петровский желчью защищала бот» (СППК-1: 6).

щенный образ разнообразных «морских» и «портово-береговых» мотивов поэтессы, связанных с местом ее рождения – Прибалтикой (в основном эти стихи объединены в цикл «Песок», вошедший в сборник «Близнецы», 1946). Правда, пародист, стремясь не столько к «правде факта», сколько к смеховому сдвигу, выбирает для пародируемого автора совершенно иную географию, переносясь с «родственного» ей Балтийского моря на юг – к морям Азовскому и Черному: отсюда возникает Сиваш и упоминание о Тамани, другим своим боком, «литературным», связанной с Лермонтовым (о чем ниже).

Стихи Присмановой, ставшие элементами пародии Кобякова, вошли как в первый сборник поэтессы «Тень и тело» (Париж, 1937), так и во второй, «Близнецы», который хотя и увидел свет в 1946 г., т.е. уже после того как пародия была опубликована, но, во-первых, были известны ее автору по периодической печати, а во-вторых, будучи близок к Гингерам, он мог читать их в рукописи еще до издания.

Начало пародии, где омонимия косы как а) части суши вдающейся в море, б) женской прически и в) сельскохозяйственного инструмента, на которую – по однокоренному созвучию – нанизываются «раскосый взор» и «косой Касьян», обязано, как видно, стихотворению Присмановой «Треугольник», где

Обычно угловат над морем мыс,
кончается углом рисунок лодок,
краеугольна печь рыбацких мыз,
и треугольны головы селедок.

«Треугольник» Присмановой, с одной стороны, развивается в «многоугольную, почти коровью лень», а с другой – подсказывает «трехтрубного угольщика», *косо* заходящего в бухту. В бухте же – под прицел пародиста попадают чайки, что «реют наяву» «зигзагом», и по его воле повторяют полет присмановских чаек, которые,

снизив треугольник крыл,
зигзагами предсказывали воду.

«Идет азот с Азова» – изобретение Кобякова, основанное на эффектной аллитерации, но основа у него присмановская, позаимствованная из стихотворения «Не ощущая собственного груза...» (1932), в котором

Когда тяжелый воздух вдохновенья
рассеивается. Идет азот.

Забегая вперед, следует заметить, что в качестве концовки пародии – *аист, стоящий на одной ноге*, – использован образ из того же стихотворения:

Не ощущая собственного груза,
сон ходит в семиверстном сапоге.
А день, неотвратимая обуза,
как аист на одной стоит ноге.

Ср. еще в ее стихотворении «Пепел» (1939):

Столовый стол дал сладость берега,
а письменный дает немного перцу.
Перо мое, как аиста нога,
уже почти совсем прижата к сердцу¹.

И «Спи, Лермонтов!», возвращаясь к предпоследнему четверостишию, тоже прямая цитата, но из другого стихотворения Присмановой – «Найдя мешок нездешнего добра...» (1936):

Вот облако у горного горба
остановилось греть кривую спину...
Спи, Лермонтов! Скрипучая арба
везет тебя, могучего, в ложбину.

Вообще, совсем не исключено, что кобяковская затея с географическим перелетом с балтийского побережья в южные края продиктована прежде всего «необходимостью» установить соседство пародируемого автора с тем лермонтовским ареалом, который органичен для целого «куста» присмановских стихотворений, связанных с Лермонтовым, и именно с его «южной» биографией, «южными» топосами, темами и образами: «Недолговечна полная луна...» (1933), «Дорога» (1936), упомянутым ««Найдя мешок нездешнего добра...»».

Незабытая пародистом «коровья лень» из первого четверостишия перекликается с коровой – «производительницей молока», что в точности воссоздает оригинальный присмановский образ из стихотворения «Пламя» (1933):

Но, вставши от ночного столбняка,
производительница молока –
корова издает свое мычанье².

Почти невозможно с определенностью сказать, кому адресовано «Вы» из заключительного четверостишия. По законам формальной логики – Лермон-

¹ Образ, который Ю. Иваск определил как одну из *незамеченных* Присмановой *ее милых нелепостей* (*Иваск Юрий. Похвала российской поэзии // НЖ. 1986. № 162. С. 115*).

² Ср. в письме Б. Божнева Присмановой и Гингеру № 11, от 17 сентября 1948 г., в котором, возможно, содержался намек на тот же образ.

тову, о котором перед этим шла речь. Вместе с тем это может быть и какой-то другой поэтический авторитет (или непоэтический¹), а если вспомнить, что мы имеем дело с пародией, в которой действуют совершенно иные законы, зачастую абсолютно алогичные, то гадательный реестр может быть значительно расширен и в него способен попасть, например, супруг Присмановой, к которому, как было всем известно, включая, разумеется, и Кобякова, она обращалась на «вы» (см. об этом во вступительной статье).

Имя Пастернака в данном контексте тоже вызывает некоторое недоумение: то, что Пастернак являлся для Присмановой наиболее фаворитным поэтом, не воспринимается как очевидный факт. В отличие, кстати сказать, от автора пародии, который одно из своих стихотворений, «Путешествие», открывавшее его давний сборник «Горечь», написал «под Пастернака»:

Каким просторам открывал?
Где намечают поцелуем?
И карты – эти два крыла –
Какими ветрами надуем?

Дорожку в снеге проторил
Губами, картами, в карете –
Какими воплями горилл
На острове нас ветер встретит?

Летим – тем лучше – губ и глаз –
Багаж (как поцелуй) уложен.
О Денди, Леди, Джим! Каркас
Английских полюсов не сложен!²

За это стихотворение Кобякову, как известно, когда-то сильно досталось от В. Набокова, Пастернака недолголюбивавшего и в отзыве на сборники эмигрантского поэта, «Горечь» и «Керамика» (1925), эту свою нелюбовь выплеснувшего:

Есть в России довольно даровитый поэт Пастернак. Стих у него выпуклый, зобастый, таращащий глаза, словно его муза страдает базедовой болезнью. Он без ума от громоздких образов, звучных, но буквальных рифм, рококущих размеров. Синтаксис у него какой-то развратный. Чем-то напоминает он Бенедиктова. Вот точно так же темно и пышно Бенедиктов писал о женском телосложении, о чаше неба, об амазонке.

Восхищаться Пастернаком мудрено: плоховато он знает русский язык, неумело выражает свою мысль, а вовсе не глубиной и сложностью

¹ В одном из своих стихотворений, «Луна», Присманова обращается на «Вы» (и именно с большой буквы) к этому небесному светилу.

² *Кобяков Дмитрий*. Горечь. Paris: Птицелов, 1927. С. 3.

самой мысли объясняется непонятность многих его стихов. Не одно его стихотворение вызывает у читателя восклицание: «Экая, ей-Богу, чепуха!»¹

И далее следовал суровый разбор кобяковского стихового подражания...

Как бы то ни было, однако, – даже если последнее четверостишие носит «самопортретную» цель или, во всяком случае, остается не до конца прозрачным, следует сказать, что в целом пародия Кобякова производит впечатление достаточно острого сатирического текста, в котором собраны и удачно подчеркнуты узнаваемые черты присмановской поэзии...

¹ *Набоков В.В.* Собрание сочинений: В 5-ти томах. Т. 2. СПб.: Симпозиум, 1999. С. 638.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

ЗИУ-ЗИН МАДАГАСКАРСКИЕ ДУХИ

Рассказ или материал к сценарию (а возможно, то и другое вместе) «Зиу-Зин. Мадагаскарские духи» отпечатан на обратной стороне рукописи Гингера «О разновидностях русского пятистопного ямба» (или, наоборот, для гингеровского рукописного текста использована обратная, чистовая, сторона машинописи). Не исключено, что этот литературный опыт, представляющий попытку киносценария в жанре детектива, был как-то связан с предложением Н. Татищева (см. письмо № 6, от 23 июня 1955 г., а также его письма №№ 7 и 8, соответственно от 28 июня и 8 июля 1955 г.) участвовать в кинематографическом проекте. Насколько известно, из этого предприятия ничего не вышло, и впервые публикуемый ниже рассказ-сценарий «Зиу-Зин. Мадагаскарские духи» (или, если быть более точным, изложение его интриги) остался невостребованным. Данный вариант, сохранившийся в бумагах Гингера-Присмановой, несет на себе следы карандашной правки, сделанной рукой последней (в большинстве случаев эта правка в дальнейшем оговаривается: зачеркнутые слова, помеченные соответствующим порядковым номером и *, восстановлены в примечаниях). Скорей всего, данное обстоятельство должно указывать на ее авторство, однако тот факт, что текст не подписан, создает некоторую амбивалентность ситуации и лишает нас абсолютной уверенности в ее бесспорной однозначности. В любом случае, совершенно ясно, что «Зиу-Зин» принадлежит одному из супругов, и невольные сомнения на счет того, кому именно, делают оправданным его включение в настоящее издание.

Публикуется по авторской черновой (машинописной) рукописи, хранящейся в University of Illinois Archives (Urbana-Champaign). Ms. 15/35/56 Sophie Pregel and Vadim Rudnev Coll. Box 2.

В комнате большого богатого отеля в Монте-Карло. В нарядной постели спящая молодая американская актриса. Светает. В широкую

щель под дверью просовывается белый конверт^[1*]. Это анонимное письмо с требованием большой суммы денег и с угрозой смерти в случае невыполнения предложения до 12 часов ночи.

Актриса мало обращает внимания на вымогательство. Она проводит день как обычно. Шофер, плотный итальянец с красивым, но не симпатичным лицом, везет ее в казино. Там она встречается с некоторыми завсегдатаями игорного стола, между прочим, с молодым взбалмошным студентом-медиком, приехавшим недавно в Париж, и с пожилым профессором энтомологии, который занимается, в частности, исследованием жизни^[2*] ночных бабочек. Из шутливового разговора выясняется, что он относит к ним и тех молодых женщин, которых видит по ночам за рулеткой. Сам он не играет, но проводит^[3*] каждый вечер^[4*] в казино.

В отеле^[5*] молоденький, но чрезвычайно развязный грум, который увлекается наркотиками и изыскивает средства для покупки их.

Под вечер американке становится всё же не по себе, она звонит в комиссариат, сообщает о письме, и ей присылают двух полицейских в штатском. Собираясь домой, она прощается за руку с посетителями казино, с которыми завязала более прочное знакомство^[6*].

Войдя к себе в комнату, она распахивает окно и вдыхает запах цветущих за окном деревьев. Заодно ее интригует запах, которым пропитана ее собственная рука – это совершенно незнакомые ей духи. Она ложится и спит с руками, лежащими поверх одеяла.

За дверью, в коридоре, устраиваются на ночь сыщики, которым грум приносит два удобных кресла. Наступает рассвет. В комнате, на ночном столике, движется на часах стрелка: 8, 9, 10, 11 часов. Из комнаты никто не звонит и не выходит. Камеристка актрисы начинает волноваться. Полицейские давно встали, и в конце концов дверь взламывают и входят в комнату. На постели лежит мертвая актриса, без всяких следов преступления.

Доктор исследует кровь и приходит к заключению, что она умерла от отравления ядом^[7*] минерального происхождения. Судебный следователь опрашивает студента, с которым она накануне танцевала, грума, шофера такси и профессора как свидетеля, неоднократно ее видевшего.

Через несколько недель в другом отеле Монте-Карло поселяется богатая пожилая голландка, женщина толстая и украшенная многочисленными драгоценностями. Она пользуется для своих разездов тем

же шофером^[8*], явно приударяющим во время уединенных прогулок за скучающей и немолодой богачихой. Он показывает ей живописные окрестности города. Мы видим слегка юмористическую идиллию по дороге в Эз^[9] (nid d'aigle)^[10].

Они спускаются обратно к оставленному на дороге автомобилю и находят в нем анонимное письмо того же содержания, что и предыдущее. В нем точно указано место, куда надо отнести пакет с деньгами – это по дороге на Тюрби^[11], после первого верстового столба, первая тропинка налево. Там, в 20-ти шагах, большой плоский камень – на него и надо положить конверт.

Голландка страшно взволнована, так как она наслышалась уже о недавнем преступлении. Ей дают детектива, весьма уверенного молодого человека. Он фабрикует фальшивый пакет с деньгами, который голландка собственноручно кладет на назначенное место. Два полицейских следят за всем происходящим, скрываясь за выступом придорожной скалы. Голландка успокоена и идет в казино.

Между тем профессор гуляет по дороге и ловит сачком бабочек. Одна из них садится на злополучный камень, и он прихватывает ее сачком, зацепив заодно и конверт. Детектив выходит из засады, раздосадованный на неловкого профессора, которому тут же всё объясняют, и все вместе едут в отель, где остановилась голландка.

Здесь теперь служит грум из отеля, в котором недавно произошло убийство... Он нюхает кокаин и беседует за углом дома с какими-то подозрительными личностями.

Перед нами проходят несколько сцен из жизни шофера-жиголо в домашнем быту. Он живет с некоей продавщицей писчебумажного^[12*] магазина. Она во время одной из обычных домашних сцен требует у него денег на всякого рода хозяйственные нужды.

^[13*] Голландка играет на рулетке^[14*] рядом со студентом-медиком, которому чрезвычайно не везет, и уже давно. Проиграв^[15*] последние имеющиеся у него деньги, он заходит в писчебумажный магазин, покупает писчую бумагу и конверты, сталкивается при выходе из лавки с профессором и идет к себе в номер в небогатой гостинице. Здесь он пишет на машинке письмо, но всё время недоволен, рвет и бросает бумагу. Наконец, одно из писем перечитывает и вкладывает в конверт.

Это^[16*] письмо к его невесте, оставшейся в Париже. Он сообщает ей, что проиграл все свои деньги и деньги отца, но что у него есть

еще одна последняя ставка, на которую он рассчитывает... Затем он идет в аптеку и просит яду, но ему отказывают.

В той же аптеке незадолго перед тем профессор покупает средство для умерщвления бабочек. Здесь все встречают его как знакомого шутивыми восклицаниями: «А, вуалья л'ассасен, ки аррив...»^[17] и т.д.

Сразу после того, как открылся трюк с фальшивым пакетом денег, детективы, а с ними заодно и профессор, невольно помешавший им своим сачком^[18*], едут в отель предупредить голландку о грозящей ей опасности, ибо денег к назначенному часу на камне не может оказаться.

Все поднимаются на лифте^[19*] к голландке, которая только что пришла из казино и, узнав о неудаче, судорожно начинает укладываться. Комиссар обещает прислать ей полицейский автомобиль и спускается с профессором вниз.

Вслед за ними становится в лифт голландка с вещами. Перед ней у дверей лифта, лицом к лестнице, заслоняя собою голландку, стоит помогавший ей с вещами грум. Вдруг она вскрикивает и падает за смертью. Когда внизу открывают лифт, она оказывается уже мертва. Находящийся тут же детектив арестовывает грума, шофера, профессора и студента. По вскрытии оказывается, что голландка тоже умерла от яда минеральн<ого> происхождения: отравление могло произойти от укола или от отравленной конфеты...

Между тем невеста читает в Париже письмо студента. Возмущенная его содержанием, она решает сразу поехать в Монте-Карло, чтобы постараться успокоить своего неуравновешенного жениха. Она, к своему удивлению, застает его арестованным и в состоянии почти полной прострации. Он совершенно не в силах сказать что-либо в свою защиту или привести необходимые алиби.

Невеста идет к судебному следователю и изо всех сил старается доказать его непричастность к убийству. Пока она сидит у следователя, к нему звонят по телефону, и после этого звонка следователь уже с уверенностью арестовывает студента, а всех остальных обвиняемых выпускает. Он получил, очевидно, по телефону окончательное доказательство его вины.

Тогда невеста, решившись на очень сложный и трудный шаг, просит следователя об отсрочке дела на 2 недели. Он соглашается. Она едет в Ниццу, приобретает там всё на первый взгляд необходимое, чтобы быть похожей на богатую женщину, возвращается в Монте-

Карло и поселяется в отель, где жила несколько недель тому назад американская актриса. Она ведет образ жизни богатой клиентки и старается, оставаясь вне подозрений, выяснить мельчайшие подробности первого убийства, прилагая все усилия к тому, чтобы лично встретаться со всеми подозреваемыми по этому делу лицами.

Камеристка американки сообщила ей, что от ее госпожи, когда она лежала в постели уже мертвая, пахло какими-то совершенно неизвестными ей духами. Странный запах был и в лифте, после того как в нем умерла голландка. Опрошенный в свое время специалист сказал, что это довольно известные мадагаскарские духи, приготовленные из цветов одного совершенно безвредного куста. Она покупает в аптеке эти духи.

Между тем анонимные письма продолжают приходить в отель к богатым клиентам, и все, напуганные двумя предыдущими убийствами, покорно исполняют все указания, платя деньги^[20*]. Но публика в отелях и в казино всё редет. Остается только несколько человек завсегдатаев и между ними старый профессор. Кстати, он однажды приглашает молодую девушку к себе, чтобы показать ей свою маленькую домашнюю лабораторию, где он с помощью всевозможных мельчайших инструментов производит операции над насекомыми. Он старый холостяк и уже давно живет в аннексе отеля во дворе.

Однажды в казино она роняет нечаянно из сумочки вторичное напоминание отельной дирекции о неплатеже по счетам. Из этого выясняется, что она не только не богата, а наоборот^[21*], почти без средств. В казино она тоже уже почти не играет...

На следующий день, после того как она себя выдала, ей подсовывает кто-то рано утром анонимное письмо под дверь. Но в этом письме убийца не просит у нее денег, а просто предупреждает, что ее убьют, если она сегодня же не уедет из этого отеля и из Монте-Карло вообще. Она считает, что идти к следователю бесполезно, но решает на собственный страх и риск остаться храбро на своем посту.

Вечером она и еще несколько человек выходят из зала казино на террасу: игра на редкость вялая. Решают сыграть от нечего делать в бридж и приглашают четвертым партнером профессора-энтомолога. Часов около 12 ночи все расходятся, прощаясь друг с другом за руку.

Она возвращается в отель с тем же шофером, который возил двух убитых иностранок. Ее встречает в холле всё тот же грум... Она всё

думает об американке, ей кажется, что это не чужая для нее женщина, а она сама. Происходит несколько сцен такого раздвоения. Она тоже, войдя в комнату, распахивает окно в сад и нюхает свою руку, но запах не исчезает. Она всё погружена в думы.

Как из тумана, перед нею встают отрывочные сцены, предшествовавшие тому убийству: раскрытое окно, за ним цветущий куст мадагаскарского растения... Вдруг ей кажется, что в комнату вошла ее смерть. Она вздрагивает и быстро зажигает электричество. В ту же минуту мы видим, как мимо светящейся в центре лампочки пролетает крупный комар. Она тушит свет и ложится. Но окружавшие ее образы, возникая из тумана, конкретизируются.

Опять перед ней возникает мадагаскарский куст в крупных и красивых цветах. Ей кажется, что к кусту этому летят комары. Она отстраняет от себя мысли о комарах, но ей представляется в этот миг лаборатория профессора, его крошечные щипчики, его садистическое лицо при производстве операций над насекомыми. Она представляет себе, как он ловко вводит в комара капельку яду.

Она закрывает окно и решает во что бы то ни стало поймать находящегося в комнате комара. Она берет флакон с купленными ею недавно мадагаскарскими духами Зиу-Зин, льет несколько капель их на мраморный умывальный столик и видит, как к этой капле сразу летит комар и присасывается к ней. Она в ту же секунду накрывает комара стаканом.

Вызывает следователя и комиссара. Те приходят. Дело уже перед рассветом. Они посылают отельную прислугу к профессору, будят его и вызывают в комнату невесты студента. Он притворяется, что решительно ничего не понимает и разыгрывает возмущение. Потом он видит под стаканом комара, и ему становится ясно, что он разоблачен. Тогда он сам принимает несколько капель своего страшного яда.

1*. После этого следовала зачеркнутая фраза: «Актриса просыпается и видит лежащий на полу конверт».

2*. и нравы.

3*. тем не менее

4*. несколько часов

5*. имеется

6*. Со студентом она, между прочим, танцует. Стоит май месяц. Актриса

7*. не органич<еского>, а

- 8*. имеющим тип жиголо¹ и
9. Эз – курортная деревушка на Лазурном берегу, неподалеку от Ниццы.
10. ...nid d'aigle – орлиное гнездо (*фр.*).
11. Тюрби – горная деревушка в окрестностях Монте-Карло.
- 12*. Первоначально было: модного
- 13*. Сразу после обеда
- 14*. у стола
- 15*. почти
- 16*. оказывается
17. «А, вуаля л'ассасен, ки аррив...» («Ah voilà, l'assassin qui arrive...») – А вот и убийца идет... (*фр.*) (пишущая машинка Гингеров не имела французского шрифта).
- 18*. для бабочек
- 19*. наверх
- 20*. как дань
- 21*. живет

¹ Жиголо (gigolo) – мужчина-проститутка, альфонс или любовник богатой дамы (*фр.*); в данном случае, скорей всего, имеется в виду последнее значение.

ПРИЛОЖЕНИЕ III

ИЗБРАННАЯ ПЕРЕПИСКА МЕЖДУ М.В. ТАЛОВЫМ И С.И. ШАРШУНОМ

Письма М. Талова С. Шаршуну (точнее, их копии, оставшиеся в личном архиве автора) и несколько ответных (к сожалению, полный корпус писем Шаршуна в таловском собрании, переданном семьей в ОРФ ГЛИМ, отсутствует) настолько органично примыкают к его письмам Гингеру и в определенном смысле образуют с ними единое эпистолярное целое, которому в духе А. Дюма можно было бы присвоить название «Сорок лет спустя», что их включение в настоящее издание выглядит более чем уместным и оправданным. Более того, Гингер был первым парижским корреспондентом Талова, с которого, начиная с середины 60-х гг., по существу, и открылась таловская эпистолярная (и не только эпистолярная: с Шаршуну он встречался, когда тот приезжал в Москву) сессия с «парижскими товарищами» его эмигрантской молодости: письма В. Андрееву, Г. Евангулову, П. Кремню, Я. Шапиро и др. Остается лишь сожалеть, что ответные письма парижан Талову, с кем он начал переписываться в «оттепельные» времена, – не только Гингера и Шаршуна, но и других, – аккуратно исчезли из семейного архива.

«Сопалатник» Гингера и Талова, Шаршун является одной из ключевых фигур русского авангардного искусства в эмиграции, без которой невозможно в полной мере представить себе ни его историю, ни место в духовной жизни русского зарубежья, ни – шире – вклад в копилку европейской культуры XX в.

Судя по всему, именно Гингер сообщил Шаршуну, что им интересуется старый товарищ, с которым они познакомились полвека назад (см. прим. 4 к письму Талова Гингеру № 4, от 18 июня 1964 г.), после чего Талов и получил от Шаршуна письмо, послужившее началом их переписки (оно – среди других – отсутствует в таловском архиве). А спустя некоторое время, когда Шаршун посетил СССР, они, как было сказано, встретились¹.

¹ Свидетельством чему является их совместная фотография, опубликованная в кн.: Талов М. Воспоминания. Стихи. Переводы; последняя вклейка.

Письма Талова (копии/вторые экземпляры) к Шаршуну печатаются по автографам, хранящимся в ОРФ ГЛМ. Ф. 520. Оп. 1. Ед. хр. 152–156; письма Шаршуна Талову – по автографам из того же архивохранилища (Ед. хр. 264, 265).

Талов – Шаршуну

1

Копия письма С. Шаршуну
Пятница, 24 июля 1964
Москва

Дорогой Сергей, –

(к сожалению, Ваше отчество либо я забыл, либо, вернее всего, и прежде не знал, так как в Париже по отчеству не величают. Но я хотел бы Вас просто называть Сергеем, как и то чтобы Вы меня просто называли Марком) очень благодарю Вас за то, что, узнав о моем существовании, хоть и через сорок два года после моего отъезда, а всё же написали мне простое, сердечное письмо, доставившее мне много радости, потому что таким образом мы вновь обрели друг друга. Истинная дружба никогда не умирает. Я всегда вспоминаю Вас и Вашу жену, глядя на фотокарточку, которую берегу. Так как эту карточку Вы потеряли, то я просил мою дочь^[1] переснять ее. Она мне обещала заняться этим в ближайшее время, и я смогу ее Вам послать, а сейчас, прочитав, что у Вас нет моей карточки, я понял, что Вы не прочь ее получить, и потому решил послать Вам мою в «обществе» нашего любимейшего песика «Фимки», – прошу любить и жаловать!

Дорогой Сергей, Вы мне не пишете о Вашей подруге жизни, и я, с другой стороны, не осмелился бы расспрашивать Вас о ней, если бы мы не были связаны давней дружбой (ведь мы с Вами познакомились еще до первой мировой войны в Париже, вероятнее всего, в начале 1914 года!) – жива ли она, здорова ли?

Шаршун несколько раз посещал СССР: о первой его поездке в начале 60-х гг. см. в письме Талова № 1, от 24 июля 1964 г.: «И как жаль, что, побывав в Москве, Вы не догадались или не попытались найти меня»; вторично он приехал летом 1965 г., см. таловское письмо к нему № 7, от 23 августа 1965 г.

До чего же мы были оторваны друг от друга, если через полтора десятилетия после смерти Валентина Парнаха Вы спрашиваете о нем^[2]! И как мы были наивны и глуповаты, что не догадались в свое время, как в декабре прошлого года мне в Тифлисе говорил Ладо Гудиашвили^[3], сняться всей группой со всеми членами Палаты Поэтов! Как было бы теперь приятно поглядеть на такой снимок, если бы он у нас был! Но молодость не задумывается о будущем. И как жаль, что, побывав в Москве, Вы не догадались или не попытались найти меня. Вот то-то была бы встреча!

В общем-то, я вижу, Палата Поэтов, за исключением Парнаха, вся еще жива: и Евангулов жив, и Божнев!

То, что Вы сообщаете о Максе Жакобе, меня заинтересовало. Я, конечно, знал о постигшей его участи, но не знал, что он умер от воспаления легких. Я думал, что нацисты его удушили в газовой камере^[4]. Я с ним очень дружил. Знаю я и о печальном конце Сутина^[5], а недавно узнал, что с год назад умерли Наталья Гончарова и Михаил Ларионов^[6]. Мне очень хотелось бы раздобыть в издании Skira – Сутина и Модильяни^[7], но как это можно сделать и чем расплатиться^[8]? Разве что книгами поэтов-классиков или современных – изданными в Советском Союзе?

Что Илья Зданевич^[9]? Жив ли? Если жив, если помнит меня, то прошу передать ему привет. Здесь, в Москве, я знаком с его братом художником^[10]. Знаете ли Осипа Цадкина^[11], а также неразлучного друга Сутина – Кремня^[12]? Существует ли поэзия в Париже и кто из поэтов наиболее интересен? Какие художники более позднего поколения выдвинулись за последние годы? Можете ли сообщить мне и адрес Евангулова? Ну, хватит, а то я Вас своими вопросами заманил в такие лабиринты, откуда не скоро вырвешься.

Мне хотелось бы очень много узнать 1) о Вас. Что Вы пишете, что опубликовали? Можно ли получить некоторые репродукции Ваших картин? Образцы Вашей литературной работы? 2) О себе. До меня дошли, например, сведения, что в журнале «Montparnasse» и в других изданиях был напечатан мой некролог. Известно ли Вам что-нибудь подобное? Если да, то как бы раздобыть эти материалы, переписать их и послать мне? В этом Вам, может быть, мог бы помочь Géo Charles, который был редактором «Монпарнасса» <sic> в 1928 году^[13]. Если, конечно, он еще жив. И, вообще, что обо мне писали после моего отъезда?

В конце письма меня несколько озадачила приписка к адресу: *Ren. 16–55*. Что это означает? Надо ли было мне его дать на конверте, другими словами, не условный ли это термин, понятный для почтового ведомства Франции? Интересна и Ваша подпись, завиток, который не что иное как Ваш автопортрет. У меня еще хранятся письма Макса Жакоба ко мне, отличающиеся также оригинальной подписью. Как никак, я думаю, что наша переписка на этом не оборвется.

Обнимаю Вас по-братски,
Ваш

Марк Талов

1. Дочь Талова Татьяна Марковна (1941–2001) после окончания московского Текстильного института работала как инженер-механик.

2. См. прим. 7 к письму Талова Гингеру № 1, от 21 ноября 1963 г.

3. Ладо (Владимир) Давидович Гудиашвили (1896–1980), живописец, график и художник-монументалист. С 1919 г. жил в Париже, где был теснейшим образом связан с лидерами мирового художественного авангарда, один из членов гингеровской «своры». Оставил воспоминания об этом времени – фрагменты на русском языке, под названием «В Париже», публиковались в журнале «Литературная Грузия» (1979. № 9. С. 137–152; № 10. С. 136–150). В 1925 г. вернулся на родину, в Грузию. В архиве Талова в ОРФ ГЛМ отложилась их переписка: копии писем Талова к Гудиашвили – Ф. 520. Оп. 1. Ед. хр. 113, письма Гудиашвили к Талову – Там же. Ед. хр. 190.

4. Макс Жакоб (Max Jacob; 1876–1944), французский поэт и художник. В годы оккупации Парижа как еврей (хотя еще в 1915 г. Жакоб принял католичество) и гомосексуалист был арестован – сначала заключен в тюрьму в Орлеане, а затем отправлен в лагерь Дранси, где и скончался от воспаления легких. Талов посвятил М. Жакобу стихотворение «Бред» (1922). Его воспоминания и упоминания о Жакобе см. в кн.: *Талов М.* Воспоминания. Стихи. Переводы (по указателю). Письмо Жакоба Талову от 19 сентября 1920 г. см. в ОРФ ГЛМ. Ф. 520. Оп. 1. Ед. хр. 194.

5. Хаим (Соломонович) Сутин (1893–1943), живописец. С 1913 г. жил в Париже. В годы оккупации скрывался у близких друзей в деревне неподалеку от города Шинона. Из-за острого приступа желудочной язвы был вынужден вернуться в Париж и пройти операцию, которая завершилась летальным исходом. Сутин написал портрет Талова, см.: *Талов М.* Воспоминания. Стихи. Переводы: 48, а также ниже – в пп. № 2 и 4 соответственно от 17 сентября 1964 г. и 5 апреля 1965 г., см. еще в письме Талова к П. Кремню (прим. 2 к п. № 3, от 30 ноября 1964 г.). Талов запечатлел образ Сутина в стихотворении «Рембрандт двадцатого века» (1968). В набросках автобиографических рассказов Талов вспоминал о том, как в годы своего парижского бездомья

он какое-то время жил в комнате Сутина, одновременно служившей тому художественной мастерской (ОРФ ГЛМ. Ф. 520. Оп. 1. Ед. хр. 28. Л. 9–14).

6. См. прим. 5 к письму Талова Гингеру (№ 4, от 18 июня 1964 г.).

7. О дружбе Талова с выдающимся итальянским живописцем и скульптором Амедео Клементе Модильяни (1884–1920) см. в его воспоминаниях: *Талов М.* Воспоминания. Стихи. Переводы: 53–58; см. также прим. 31 к след. письму.

8. Швейцарское книжное издательство, основанное в 1928 г. Альбертом Скира в Лозанне (через некоторое время главный офис был перемещен в Женеву), специализирующееся на выпуске богато иллюстрированных шедевров мировой литературы, книг по искусству, художественных альбомов, выставочных каталогов и пр. Возможно, Талов имел в виду следующие книги, вышедшие в этом издательстве: *Cogniat Raymond*. Soutine: Trésors de la peinture. Genève: Skira, 1952 и *Roy Claude*. Modigliani. Genève: Skira, 1958.

9. См. комментарии к стихотворению Гингера «Чувство» (II).

10. Кирилл Михайлович Зданевич (1892–1969), живописец, график, художник книги; старший брат И.М. Зданевича. В 1949 г. был репрессирован. После освобождения из лагеря в 1957 г. жил в Москве, где соседствовал с Таловым домами (знакомы они были издавна, еще по Парижу). В ОРФ ГЛМ хранится их переписка 60-х гг.: Ф. 520. Оп. 1. Ед. хр. 116 – письма Талова Зданевичу; Ф. 520. Оп. 1. Ед. хр. 199–202 – письма Зданевича Талову. Стихотворение «Нико Пиросмани» (приведено в прим. 3 к письму Талова Гингеру № 5, от 2 декабря 1964 г.), уже после его публикации, приобрело посвящение: «Кириллу Зданевичу, открывателю гения грузинского народа» (*Талов М.* Воспоминания. Стихи. Переводы: 173). В связи с этим Талов писал Зданевичу 24 июля 1968 г. (Л. 3):

Очень хочется Вас видеть, но в ожидании нашего свидания я решил посвятить Вам написанное мною в 1963 году стихотворение «Нико Пиросмани». Вас это, конечно, не удивит, потому что это стихотворение может быть посвящено исключительно одному человеку в Советском Союзе, и этот человек – Вы. Пошлю его Вам и прошу принять его со всем сердцем, как и я его посылаю.

11. Осип Цадкин (Иосель Аронович Цадкин; 1890–1967), скульптор. Родившийся в России, с юности жил за границей; с 1909 г. – в Париже, где подружился с Таловым (принимал участие в оформлении его книги стихов «Любовь и голод», 1920).

12. См. прим. 6 к письму Талова Гингеру № 4, от 18 июня 1964 г.

13. См. прим. 5 к письму Талова Гингеру № 2, от 28 января 1964 г.

Копия письма Сергею Шаршуну
Четверг, 17 сентября 1964. Москва

Дорогой Сергей, я получил Ваше письмо с добрую неделю тому назад, но не ответил сразу, дожидаясь фотокопии подаренной мне в 1922 году Вашей карточки. Посылаю ее Вам вместе с фотокарточкой маленькой группы, снятой в Париже тоже незадолго до моего отъезда в Берлин. Крайний справа это – я, и таким, вероятно, Вы меня тотчас же вспомните^[1].

Что и говорить, вероятно, в не меньшей степени, чем Вы, я был огорошен и взволнован каждой строкой Вашего письма. Великолепен и счастливо Вами найден верный образ «заравнивающегося рва разлуки!»

При встрече с Андре Бретоном^[2] прошу передать ему, что я его помню, вот только помнит ли он меня? Во всяком случае, в 1922 году он преподнес мне с великолепной надписью экземпляр книги «Les Champs Magnifiques» (или Magnetiques??), написанной им в соавторстве с Филиппом Супо^[3]. А познакомил нас не то добрый Макс Жакоб, не то – Guy Charles Cros^[4], теперь я уже не помню. Эту книгу я бережно храню. Мне кажется, что Бретон куда значительнее Арагона (которого я не очень ценю)^[5]! Он глубже и Тристана Тцара^[6].

Гудиашвили – молодец. Он вырос в очень крупного мастера, интересна роспись церкви св. Георгия, к сожалению – незаконченная им: он расписал лишь одну фреску. Я видел ее: с ее образов воеет языческая радость^[7]. В его своеобразных картинах ярко проступают национальные мотивы и черты прелестной Грузии. Я был сильно потрясен его картиной в Тбилисском музее искусств: – «Смертью Пиросмани»^[8]! Характерны некоторые его гуаши из жизни парижской богемы. Он мне подарил много фотоснимков со своих картин и одну картинку в подлиннике.

За обещание послать мне монографии Сутина и Модильяни я Вам безгранично благодарен: наберусь терпения, буду богомольно ждать обещанного. Взамен я Вам пошлю ожидающийся во второй половине октября сборник, выходящий раз в году «День поэзии». Он обещает быть интересным неизданными произведениями Пастернака, Асеева (умер в этом году)^[9] и других^[10]. Жду адресов Кремня и Жео Шарля, которым я хочу написать, напомнить о себе.

С Ладинским, незадолго до его смерти, я познакомился на поминках у дочери Бальмонта – Нины Константиновны Бруни^[11]. Он показался мне интересным человеком, но его поэзии я не читал, ни Кнута, ни Смоленского^[12], Одарченко^[13], <Юрия> Мандельштама^[14], да и вообще, никого не знаю, за редким исключением. К великому сожалению, по мудрому решению библейского царя (похоже на то!) тело нашей Поэзии разрублено было надвое^[15], и обе его части живут самостоятельными жизнями, ничего не ведая друг о друге, а жаль! Я немного знаю поэтов, читал две книги стихов Бориса Поплавского, Бориса Божнева, Вадима Андреева, Мамченко (бездарь отчаянная!) и других. Из этого стихотворного потока выделяются две-три фигуры: Поплавский; очень силен рано умерший в Швейцарии поэт Штейгер^[16]. К сожалению, у меня нет его посмертной книги, изданной издательством «Рифма»^[17]; Терапиано, со стихами которого я имел случай ознакомиться. Но он меня удивил одним стихотворением из Стефана Малларме, которое он назвал переводом, тогда как это просто плод досужей его фантазии^[18]. По некоторым образам можно догадаться, что он *хотел* перевести «Окна», но только у него перевод не вышел. Однако оригинальные стихи Терапиано не лишены некоторого очарования.

Назад тому месяца полтора я получил «Весть» Гингера, которую я прочитал не отвываясь: она захватила меня своим очень глубоким содержанием и сдержанным, но волнующим чувством. Хорош и сочен у него язык, точны образы. Однако столь неожиданному развитию его поэзии начало положено, как это ни может показаться парадоксальным, именно его первой книжкой «Свора Верных», которую советовал мне разорвать! Правда, я не читал его других двух книг, но угадываю существующую преемственную связь мыслей между всеми ними. К форме стихов Гингер теперь относится гораздо строже, да и стихом стал владеть мастерски. Он мне кажется куда интереснее его покойной жены, стихов весьма «деланных» и даже сделанных с некоторой долей «лукавого мудрствования», исключаяющего, на мой взгляд, то, что является основой поэзии – искреннее чувство^[19].

Ваши произведения, вышедшие после книжки «La foule immobile»^[20], до меня не дошли. Я бы хотел Вас поближе узнать, хотя Вы являетесь представителем абстракционизма, к адептам которого я причислить себя не смею, но я не отрицаю права абстракционистов на свои позиции в искусстве. Если у Вас имеются репродукции, либо

фотоснимки Ваших «абстрактных» картин, ради бога пошлите мне: не только я, но и моя дочь интересуется ими, а если не возражаете, я ознакомил бы с ними и скульптора Чайкова, которого, может быть, Вы помните^[21]? Кстати, в начале этого года издательство Calmann-Lévy^[22] обрушило на меня (как снег на голову) огромную монографию, посвященную творчеству Хуана Миро или Мирэ^(??)^[23], я уже не помню: книга – на московской квартире, а я живу на даче, и поэтому проверить не могу^[24]. Но с чего это издательство послало мне целый фолиант, решительно ума не приложу. Как бы то ни было, дочь моя не могла оторваться от репродукций его картин. Меня интересуют и Ваши литературные работы, в том числе и личный журнал. Уверен, что так или иначе, Вы сможете препоручить кому-нибудь передачу мне и статьи Адамовича^[25]? Из Парижа я вывез рисунок Осипа Цадкина, композицию Кислинга^[26], Сюрважа^[27], Rouau<l>t-сына^[28], две картины miss Нины Hamnett^[29], картину Завадо^[30]; к сожалению, два моих портрета, нарисованных Амадеем <sic> Модильяни, я по нужде перед возвращением на родину продал (какая глупость!) за 50 франков! Счастье еще, что этот знакомый мой, Виктор Linton, купивший у меня их, подарил мне снимки с этих портретов^[31]. Между прочим, в свое время с меня писали портреты маслом Сутин и Эмиль Бернар^[32], но где эти работы находятся, не знаю. У меня нет и снимков с них. Очень буду благодарен Вам за адрес Géó Charles и Кремня. Я собираюсь им писать.

Теперь о себе. Тут в двух словах не передашь. Потребуется целый том, чтобы описать свое житье-бытье. Вкратце сообщу, что по приезде в Советский Союз целых десять лет я потерял на газетной работе (работа чисто техническая, выпускающий!), которую оставил в 1934 году. Оставив ее, я посвятил себя делу перевода поэтов-классиков и современных на русский язык. Иногда, когда это становилось непреодолимой потребностью, равной потребности *жить*, я писал стихи для себя. Своих стихов не печатал. Этот «великий пост» длился ровно сорок два года, и лишь в прошлом году, в ноябре и в декабре, решился выступить публично с чтением моих стихов сперва в Доме Творчества в Гагры <sic>, а затем – в клубе Союза Писателей Грузии. Успех был ошеломляющий, меня объявили и «большим» поэтом, и большим мастером, и даже – поэтом Грузии^[33]! Некоторые наши поэты, заинтересовавшись моими стихами, предпринимают меры к изданию небольшой книжки. Как обстоят дела в настоящее время, не знаю. Я удовлетворен самим процессом творчества, а выйдут ли

мои произведения из печати или не выйдут – это для меня вопрос второстепенный. Я отстранил от себя всякие заботы об их издании. Если же паче чаяния книжка выйдет, то непременно пошлю ее Вам и Гингеру^[34]. В следующем письме я коснусь подробнее некоторых черт из моей биографии, – если это Вас занимает.

Вот пока всё. С нетерпением буду ожидать Вашей очередной весточки. Сердечно благодарю Вас за присыл Ваших двух фото. Это очень хорошая память, и я их буду хранить. Желаю Вам доброго здоровья. Обнимаю Вас крепко,

Преданный Вам М<арк> Т<алов>

1. Возможно, имеется в виду фотография, приведенная в кн.: *Талов Марк. Воспоминания. Стихи. Переводы* (фотоклейка: на вечеринке у шведского художника Кельгора, Париж, 14 июня 1969 г.).

2. Андре Бретон (André Breton; 1896–1966), французский поэт, теоретик сюрреализма.

3. Книга Бретона «Les Champs Magnétiques» (1919), написанная в соавторстве с французским поэтом и прозаиком Филиппом Супо (1897–1990), представляет собой опыт автоматического письма – ключевого творческого метода сюрреалистического искусства.

4. Гюи Шарль Кро (Guy Charles Cros; 1879–1956), французский поэт и переводчик.

5. Луи Арагон (Louis Aragon, наст. фам. Луи-Мари Андриё, Louis-Marie Andrieux; 1897–1982), французский поэт и прозаик; начинал свой творческий путь как сюрреалист. Талов был лично знаком с ним, см. след. письмо. Позднее между ними возникла кратковременная переписка: 8 марта 1967 г. датировано письмо Арагона к Талову (ОРФ ГЛМ. Ф. 520. Оп. 1. Ед. хр. 163, см. об этом в п. № 17, от 18 апреля 1967 г.), на которое Талов ответил в тот же день, отправив четыре своих стихотворения; 2-е его письмо к Арагону датировано 27 сентября 1967 г. (ОРФ ГЛМ. Ф. 520. Оп. 1. Ед. хр. 98). В черновой тетради Талова «Прозаические отрывки, заметки, мысли, отдельные образы и стихотворения» (Там же. Ед. хр. 41) имеется «*Наметка письма Луи Арагону, приуроченно к 70-летию его рождения* (3 октября 1967 г.)», представляющая собой, по-видимому, подготовительный, допереводной текст поздравительного письма:

Monsieur Louis Aragon
5, Rue Faubourg Poissonnière
Paris (IX-e) France

Когда я был юношей, дорогой Луи Арагон, старики моего нынешнего возраста казались мне людьми, растерявшими человеческие чувства, ископае-

мыми мумиями, по горло погруженными в денежные дела. Я спрашивал себя: неужели эти жалкие существа могли когда-нибудь полюбить женщину, увлечься чем-нибудь?

Однако, дожив до преклонного возраста, я с удивлением ловлю в своей душе дрожание струн, воспроизводящих чистые песни юности... Я продолжаю жить и любить жизнь и вижу, что старые узы, соединявшие нас в далеком прошлом, они столь же нерасторжимы в наши дни, как тогда.

Позвольте же мне, дорогой друг моей молодости, мне, нашедшему в себе истинную душу и других людей пожилого возраста, с последними самовозгорающимися лучами моей любви к Вам, поздравить Вас с днем Вашего рождения и пожелать Вам еще долгих лет пламенного творчества, из чего соткана жизнь каждого литератора. Обнимаю и целую Вас, Арагон,

М<арк> Т<алов>

Москва, 14 июля 1967 г. Пятница, 11 часов 45 минут ночи

6. Тристан Тцара (Tristan Tzara, наст. имя и фам. Сами (Самуэль) Розеншток, Samuel Rosenstock; 1896–1963), французский (румынско-еврейского происхождения) поэт; основатель и теоретик дадаизма; в дальнейшем примкнул к сюрреализму.

7. Церковь св. Георгия (иначе: церковь Кашвети) – православный храм в центре Тбилиси (построена в начале XX в., проект арх. Л. Бильфельда). Л. Гудиашвили работал над фреской, о которой пишет Талов, в 1947 г.

8. Свою знаменитую картину «Смерть Пиросмани», посвященную выдающемуся грузинскому художнику-самоучке Нико Пиросмани (Пиросманашвили; Пиросманишвили; 1862–1918) Гудиашвили написал в 1946 г.; см. упоминавшееся выше (прим. 10 к предыд. письму) и приводившееся в прим. 3 к письму Талова Гингеру № 5, от 2 декабря 1964 г. стихотворение Талова «Нико Пиросмани». Самому Л. Гудиашвили Талов писал в связи с этой картиной (12 марта 1964 г.):

Я не могу не упомянуть об особом удовольствии, которое я получил, глядя на репродукцию твоей весьма убедительной композиции «Пиросмани». Она мне особенно близка своей необычайной выразительностью к достоверности образа грузинской богемы. Каждым штрихом она мне напоминает мое собственное прошлое в Париже, когда я, бывало, вот так же сижу на бульварной скамье, голодный, одинокий, и много счастливых людей проходят мимо меня, но никому из них нет никакого дела до одинокого и голодающего человека, может быть, задумавшегося о бесполезности жизни, а может быть – о новом творческом замысле или давно миновавших беззаботных годах отрочества... Кто знает?

Видишь, какие раздумья навеяла на меня эта глубоко содержательная композиция, достойная – я не боюсь это утверждать – лучших мастеров прошлого, достойная кисти Мурильо. Над нею слышатся трагические звуки пятой симфонии Бетховена. Мне кажется, эту гуашь я не видал в Музее, да и у тебя в мастерской тоже как будто не заметил. Кто же – счастливый собственник этой композиции? Ему можно позавидовать, а я рад тому, что отныне являюсь обла-

дателем ее репродукции (цит. по кн.: Ладо Гудиашвили: Книга воспоминаний. Статьи. Из переписки. Современники о художнике / Сост., примеч., лит. ред. Л.Ш. Чачуа. М.: Советский художник, 1987. С. 210–211).

9. Советский поэт Николай Николаевич Асеев умер не «в этом году», т.е. не в 1964, а более чем на год раньше – 16 июля 1963. Сам же Талов, отправляя 7 ноября 1963 г. его вдове копию письма, которым Асеев в 1943 г. поддержал перед Правлением СП СССР прием Талова в члены Союза писателей, писал ей (ОРФ ГЛМ. Ф. 520. Оп. 1. Ел. хр. 99):

Уважаемая Оксана Михайловна,

Посылаю Вам копию того письма ныне покойного мужа Вашего, – Николая Николаевича, которое я получил в середине июня 1943 года из Ваших рук. Это письмо предназначалось для Правления Союза Советских писателей, на заседании которого рассматривался вопрос о приеме меня в члены СПП. Однако в предыдущие месяцы <sic> меня до того обезволили нетоварищеские махинации члена приемной комиссии – Митрофанова, что я тогда твердо решил задержать это письмо у себя, не дать ему хода, и таким образом махнул рукою на дело моего вступления в Союз.

Тем не менее на ближайшем заседании членов Правления товарищ Асеев, без моего ведома и в моем отсутствии, поднял вопрос о моей кандидатуре и, как мне тогда передавали некоторые товарищи, горячо отстаивал мои интересы. Вы, конечно, можете понять, насколько я, изверившийся в том, что когда-либо буду принят в Союз несмотря на рекомендации столь маститых литераторов наших, как Илья Григорьевич Эренбург и Борис Викторович Томашевский, был благодарен Николаю Николаевичу за его столь плодотворное заступничество. <...>

10. В том числе самого Талова (стихотворение «Нико Пиросмани»).

11. О том же Талов сообщал Гингеру в письме № 3, от 28 марта 1964 г. В письме к собиравшей сведения об Ант. Ладинском П.Л. Вайншенкер от 24 марта 1967 г. он писал (ОРФ ГЛМ. Ф. 520. Оп. 1. Ед. хр. 107):

К сожалению, ничего стоящего внимания не могу Вам сообщить касательно Антонина Петровича Ладинского. В Париже я с ним не был знаком, очевидно, по той причине, что покинул Францию в начале мая 1922 года, – то есть до его прибытия. Встретился же с ним в Москве единственный раз: это было на одном из декабрьских вечеров у Нины Константиновны <Бруни>. Помню, он тогда говорил мне, что имел случай читать мои стихи (две книги) у Константина Дмитриевича Бальмонта на его парижской квартире. Я же книг Антонина Петровича не читал, т<ак> к<ак> не хожу ни в библиотеки, ни в читальни. Не знаю я и его стихов, о чем искренне сожалею. Мне и хотелось бы ознакомиться с ними, но не знаю, как их раздобыть. Вот, пожалуй, всё, что я могу сообщить относительно поэта Ладинского.

12. См. прим. 1 к письму Н. Оболенского Гингеру и Присмановой № 2, от 8 июля 1949 г.

13. См. прим. 3 к письму Б. Заковича Гингеру № 2, от 21 апреля 1949 г.

14. Юрий Владимирович Мандельштам (1908–1943, погиб в немецком концлагере), поэт, литературный критик, переводчик.

15. Речь о Соломоновом суде, описанном в 3 Цар. 3: 16–28.

16. Ср. в письмах Талова Гингеру № 1, от 21 ноября 1963 г. (прим. 6) и № 2, от 28 января 1964 г.

17. Имеется в виду сборник стихов А. Штейгера « $2 \times 2 = 4$: Стихи 1926–1939» (Париж: Рифма, 1950).

18. Речь идет о стихотворении Ю. Терапиано «Чахотка ныне гения удел!..», которое как перевод из С. Малларме он включил в несколько своих сборников: «На ветру» (Париж, 1938. С. 37–38), «Избранные стихи» (Вашингтон, 1963. С. 52–53); скорей всего, в последнем сборнике Талов и прочитал его. Как он сообщает Шаршуна в след. письме, из его собственных переводов полного Малларме напечатан был лишь перевод именно этого стихотворения – «Окна».

19. В форме менее жесткого приговора Талов проводил сравнение между супругами в письме к самому Гингеру (№ 6, от 1 марта 1965 г.).

20. Имеется в виду дадаистическая поэма Шаршуна «*La foule immobile: roême. Avec dessins de l'auteur*» (Paris, 1921), вышедшая в 1966 г. 2-м изданием, присланным автором Талову, см. п. № 16, от 17 февраля 1967 г.

21. Иосиф Моисеевич Чайков (1888–1979), скульптор. С 1910 по 1913 г. жил в Париже, учился в Высшей школе декоративного искусства у Н. Аронсона, затем в Высшей школе изящных искусств, жил в знаменитой колонии художников *La Ruche*, был завсегдатаем «Ротонды» – неизменное место встреч художественной богемы, где с ним и познакомился Талов, см.: *Талов М. Воспоминания. Стихи. Переводы*: 21. В 1914 г. вернулся в Россию.

Вероятно, получив ответ Шаршуна на это письмо, Талов 3 ноября 1964 г. записал в дневнике:

Затем я позвонил Чайкову, передал ему привет Шаршуна, которого он не мог припомнить. Говорили о Цадкине. Я обещал принести ему увеличенные фотоснимки с портретов Сутина, Кремня и его самого. Условились свидеться в первую субботу после праздников, т.е. 14 ноября (ОРФ ГЛМ. Ф. 520. Оп. 1. Ед. хр. 87).

22. Calmann-Lévy – одно из старейших парижских книжных издательств (основано в 1836 г.), специализирующихся на литературе массового спроса (31, rue de Fleurus, Paris VI-e).

23. Хуан (Хоан, Жоан) Миро и Ферра (Joan Miró i Ferrà; 1893–1983), испанский живописец, скульптор и график сюрреалистического направления.

24. По всей вероятности, имеется в виду следующая книга: *Miró Joan. L'Oeuvre Gravé. Paris: Calmann-Lévy, 1958.*

25. Трудно сказать, о какой именно статье Г. Адамовича здесь говорится. Возможно, имеется какая-то из его статей о Шаршуне, которых у Адамовича было несколько: о романе «Долголиков» (прочитанном в рукописи – в ПН. 1929. № 3011. 20 июня. С. 3; напечатанном в отрывках – ПН. 1933. № 4481. 29 июня. С. 4; еще о «Долголикове» – ПН. 1934. № 5005. 6 декабря С. 3), о романе «Путь правый» (об отрывках, напечатанных в Ч (1931. № 4. С. 100–121), – ПН. 1931. № 3614. 13 февраля. С. 5; о полном тексте романа – ПН. 1934. № 4795. 10 мая. С. 2), о романе «Заячье сердце» (ПН. 1937. № 6011. 9 сентября. С. 3); Шаршун упомянут в обзоре Адамовича К-1, где был напечатан его рассказ «Вожирар» (ПН. 1937. № 6088. 25 ноября. С. 3).

26. Моисей Кислинг (1891–1953), французский художник, выходец из Польши. После обучения живописи в Кракове в 1910 г. поселился в Париже, где вошел в круг живописцев т.н. «парижской школы». В своих воспоминаниях Талов, среди другого, рассказывал о скандале, устроенном Модильяни и Кислингом в «Ротонде», см.: *Талов М. Воспоминания. Стихи. Переводы: 84–87;* этот же скандал описан им в стихотворении «Кутеж». (Там же. С. 178–179.)

27. Леопольд Сюрваж (Léopold Survage, наст. имя Леопольд-Фридерик Леопольдович Штюрцваге, Leopold Friedrich Sturzwage; 1879–1968), французский художник финско-датского происхождения; родился в Москве в семье хозяина фабрики роялей Леопольда Штюрцваге. В 1909 г. покинул Россию и уехал в Париж, где вошел в круг художников «парижской школы».

28. Жорж Анри Руо (Georges Henri Rouault; 1871–1958), французский живописец и график. Не совсем понятно, почему Талов именует его «сыном»: отец Жоржа Анри, Александр Руо, хотя и не чуждался искусства, но был не художником, а мастером-краснодеревщиком (работал в мастерской известного композитора и мастера клавишных инструментов Игнаса Жозефа Плейела).

29. Нина Хамнет (Nina Hamnett; 1890–1956), уэльская художница и писательница; с 1910–1914 гг. жила в Париже, где училась живописи у русской художницы М. Васильевой (1884–1957).

30. Завадо (наст. имя и фам. Jan Waclaw Zawadowski; 1891–1982), польский живописец. С 1912 г. жил во Франции – в Париже, позднее – в Aix-en-Provence.

31. Ср. в воспоминаниях Талова:

За два месяца до своей смерти он <Модильяни> вдруг пригласил меня к своему столу в «Ротонде», чтобы рисовать мой портрет. Я ему позировал около часа. Был он трезв. Портрет этот он подписал: «Талову. Модильяни. IX. 1919». В декабре 1919 года, т.е. за месяц до смерти, еще раз рисовал меня, тоже в «Ротонде».

Эти два портрета выпросил у меня весной 1922 года, накануне моего отъезда на родину, завсегдагой «Ротонды» канадец Виктор Линтон. Конечно, деньги мне перед отъездом были очень нужны. Линтон же говорил, что хочет получить эти портреты на память обо мне. Как же я был глуп, не подумав, что на память достаточно фотокарточки! Я уступил просьбам Линтона, получив за оба подлинника 50 франков. Счастье еще, что Линтон сделал фотографии этих портретов и отдал их мне. О судьбе подлинников я ничего не знаю. Напрасно по прошествии многих лет я пытался через друзей, живущих во Франции, разыскать Линтона. Мне неизвестно, были ли опубликованы где-либо эти портреты. Уже в Москве, просматривая книгу Артура Пфанстиля «Dessins de Modigliani», Mermod, 1958, я узнал себя в портрете неизвестного молодого человека. Этот, предположительно третий портрет, выполнен в 1916 году (*Талов М.* Воспоминания. Стихи. Переводы: 54–55).

О том, в каком углу «Ротонды» Модильяни писал его, Талов сообщал в письме к Л. Гудиашвили от 12 марта 1964 г., другой фрагмент из которого приводился выше, см. прим. 8:

...мне кажется, что фотоснимки с двух моих портретов работы Модильяни тебя могут заинтересовать. Я тебе и посылаю их. Я помню, на каком месте сидел Модильяни, когда рисовал меня в «Ротонде». Если представить себе, чтоходишь в Ротонду не с главного входа, не с бульвара Монпарнас, а со стороны, где всегда со свистом вырывались пары благоуханного кофе, с той стороны, где находилась касса и разные «рулетки», откуда с блюдами вихрем проносились гарсоны, с правой стороны от этого узкого прохода за первым же столиком мы сидели с Модильяни. Это случилось за несколько месяцев до смерти его и жены – Жанны Эбютерн (цит. по кн.: Ладо Гудиашвили: Книга воспоминаний. Статьи. Из переписки. Современники о художнике. С. 211).

Фотографии обоих портретов Талова работы Модильяни, написанных в ноябре и декабре 1919 г., воспроизведены в кн.: *Талов Марк.* Воспоминания. Стихи. Переводы (фотоклейка); одного из них – в кн.: *Виленкин В.Я.* Амедео Модильяни. М.: Республика, 1996. С. 88 (1-е изд. – 1970).

32. Эмиль Бернар (Émile Bernard; 1868–1941), французский художник-неоимпрессионист.

33. Об этом своем публичном триумфе Талов писал также Гингеру в письме № 2, от 28 января 1964 г.

34. См. об этом прим. 3 к п. № 20, от 23 сентября 1967 г.

Копия письма Сергею Шаршуну от 30 ноября <19>64 г.
Понедельник

Дорогой Сергей,

наконец-то улучил день, чтобы ответить на Ваше письмо от 26 октября. Прошло больше месяца, черепаха и та проползла бы за это время до Парижа, а я сижу и думаю. Правда, я успел написать Евангулову^[1] и Кремню^[2], дожидаюсь ответов, но что-то не пишут. А вообще-то я как-то стал малопоговорлив. Я объясняю их молчание тем, что Евангулов после паралича не совсем еще оправился, однако не сомневаюсь, что мое письмо должно было произвести на него эффект разорвавшейся бомбы. Что же до Кремня, возможно, что его нет в Париже. Вы пишете, что встретили Гингера в метро, очевидно, это было в октябре, а мне он в начале июля предложил больше не писать ему в этом году, т.к. уезжает и, как он выражается, «писем пересылать мне не будут». Неужели же как только человек переступает порог старости, на него непременно находит какая-то блажь? Однако я вспоминаю, что будучи молодым, он также не совсем был свободен от некоторых странностей. Тем не менее я ему напишу – *et de tunc encre qu'a vous*^[3]! – ведь он всё же послал мне свою четвертую книжку – «Весть». Надо же его поблагодарить. А что до того, что он перестал писать стихи «десятки лет назад», то и это меня не удивляет: в этом отношении мы с ним совершенно сходимся, я тоже не пишу годами, но разница между нами всё-таки есть: мне мешает писать собственные стихи моя переводческая работа. Кстати, знаете ли Вы, дорогой друг мой, что я перевел собрание стихотворений Стефана Малларме. Это – мой литературный подвиг: на это я ухлопал семнадцать лет своей жизни, переводить начал еще в Париже в 1919 году, часто я навещал Ренэ Гиля^[4], который мне разъяснял некоторые непонятные места. Когда я уезжал, Ренэ Гиль даже просил меня передать устный привет Валерию Брюсову, что я и сделал осенью 1922 года^[5]. Переводил я Малларме для собственного удовольствия, однако опубликовать мой капитальный труд мне до сих пор не удалось, хотя работа в основном была завершена в 1935 году. Лишь одно стихотворение «Окна» было напечатано в следующей книге: *Валерий Брюсов. Избранные стихи*. Москва, «Academia», 1933. Увидело оно свет в

примечании к статье «Поэзия Валерия Брюсова» на 22-й странице книги. Надо сказать, что публикация этой книги сорвалась дважды: первый раз ее приняла в план издания «Academia» в 1936 году, но это издательство перестало существовать. Второй раз ее чуть было не издал Гослитиздат в 1941 году, она получила две одобрительные рецензии, однако вспыхнувшая война помешала осуществить издание. Так и лежит эта книга в рукописях, в ящике моего письменного стола, и я по ней время от времени служу панихиду. Почему же я Вам это сообщаю? Потому что думаю, что Вас безусловно заинтересует эта новость: ведь говорят же: «il faut être bien armé pour traduire des Mallarmé»^[6] и – «Маллармэ? Да его надо сперва перевести на французский язык!»

Относительно монографии Сутина и Модильяни, что же, я запасся терпением: когда представится Вам возможность, тогда и пошлете.

Книга, которую я собираюсь Вам послать – я имею в виду «День поэзии на 1964 год» – еще не вышла. Она ожидалась в конце октября, но ее отодвинули на конец года: как только выйдет – pošлю Вам. Правда, может быть, я вышло ее в январе, т<ак> к<ак> с конца декабря я выеду в Дом Творчества, где останусь до середины января наступающего года.

Мне кажется, что Вы ошиблись: на групповом снимке на приеме Жоржа Дюамеля, состоявшемся в Москве, Вы меня видеть не могли, т<ак> к<ак> на этом приеме я не присутствовал. М<ожет> б<ыть>, Вы приняли кого-нибудь другого за меня^[7]? К сожалению, этого номера газеты или журнала – «La nouvelle littérature» я не видел, неужели же у меня есть двойник? В Москве я встретился только с Charles Vildrac^[8] и Jean-Richard Block^[9], а также с Поль Элюаром^[10] и Арагоном^[11]. Посылаю Вам образцы моих стихотворений 1) <<Последняя минута расставанья>>, написанная в Париже в июле 1921 года. 2) «Ясновидение» (написано в Москве 22 VII 1942 г. и 3) «Анри Руссо» (написано в Гаграх 25–26 XI 1963 г.), напишите, что Вы думаете о них. Мне будет интересно узнать Ваше мнение, хотя они могут Вам показаться «академическими» (??). Я хотел бы получить и все Ваши книги и комплект Вашей газеты, а также каталоги Ваших выставок, равно как и фотоснимки (репродукции) Ваших картин. Жаль, что нет монографии Ваших произведений (les Beaux-Arts), а то попросил и ее. Ваш привет я передал Чайкову^[12]. Он долго припоминал и, наконец, по Вашей фотографии узнал Вас и кланяется Вам. Мое жизнеописание

откладываю до следующего раза, это ведь не так просто: многое позабыто, все события из моей жизни надобно вспомнить, а жизнь моя полна была разных событий, не очень радостных, не очень печальных. Самое великое чудо это то, что я связался со своими друзьями и соплеменниками через 42 года.

Обнимаю Вас крепко,

Ваш брат по Палате

1. Талов имеет в виду свое письмо к Евангулову от 14 ноября 1964 г. (приводится по копии, сохранившейся в его архиве, ОРФ ГЛМ. Ф. 520. Оп. 1. Ед. хр. 115):

Дорогой Георгий, к Вам обращается Ваш бывший «сопалатник», некий Марк Талов, а Ваш адрес сообщил ему наш общий друг Сергей Шаршун. Спился я и с Гингером. Нечего и говорить, до чего меня обрадовала весть о том, что к «двум сопалатникам» я теперь получил возможность прибавить и третьего – Вас, а четвертый, я, Талов, «воскресе из мертвых». Кроме шуток, дорогой Георгий, «потомок дальнего предка Евангула», я определенно хотел бы узнать о Вас несколько подробнее того, что сказано в Истории зарубежной литературы: продолжаете ли Вы писать колоритные стихи, полные ароматного солнца и душистого сока виноградных гроздьев? У меня хранится книга стихов «Белый Духан», изданная в 1921 году в Париже. В теплой подписи Вы пожелали мне, чтобы Любовь пожрала Голод¹. С тех пор прошло 42 года. Однако Вашему доброму пожеланию не суждено было сбыться, а получилось совсем иное – Голод пожрал Любовь, выражаясь фигурально. Вернувшись в Советский Союз, я женился на любимой девушке, которая умерла 10 января 1943 года голодной смертью. Это были суровые, военные годы! Затем я вторично женился в августе 1945 года. Нас трое – я, жена и дочь. А в прошлом году, 7 декабря (вот новость № 2!), я, отдыхая в многогорбном Тбилиси, увиделся с Ладом Гудиашвили. Мы с ним смеялись сквозь слезы, вспоминая Париж и глубоко сожалея, что были настолько неразумны, что не догадались сняться всем содружеством «Палаты Поэтов»! Сколько приятно было бы взглянуть теперь на нас, тогдашних, как бы со стороны! Но молодость никогда не задумывается о своем будущем и не думает, что наступит такое время, когда она захочет заглянуть в колодезь своего прошлого! Однако, может быть, еще не поздно и теперь обменяться нашими фото и таким образом восполнить сей досадный пробел?

Всё было бы очень хорошо, если бы только не Ваша болезнь, о которой мне уже писал Шаршун. Следует надеяться, что Ваш организм преодолеет ее и Вы еще напишете не одно прекрасное стихотворение!

Буду рад, если Вы откликнетесь на мое письмо. Ваш брат названный М<a>рк Т<aлов>.

Вот мой адрес: (следует адрес).

¹ См. к этому прим. 3 к п. 15, от 27 января 1967 г.

P.S. Жив еще пятый «сопалатник» Борис Борисович Божнев, но я с ним не списался, потому что у меня нет его адреса. Остальные два – Парнах и Струве – умерли.

М<арк> Т<алов>

Судя по тому, что Талов в последующие годы неоднократно писал Шаршуну о том, что Евангулов ему не ответил, тот или не получал этого письма вовсе, или отвечать не пожелал.

2. Получив адрес П. Кремня от Шаршуна (Талов просил об этом Гингера, см. его письмо к нему № 4, от 18 июня 1964 г., но, возможно, адреса Кремня у Гингера не оказалось), Талов 16 ноября 1964 г. писал ему (приводится по копии, сохранившейся в ОРФ ГЛМ. Ф. 520. Оп. 1. Ед. хр. 125):

Бесконечно милый мой Кремень, ты наверно удивисься, получив мое письмо, тем более что нас разделяет сорок два года, канувшие в вечность, с тех пор, как мы расстались. Я тебя часто вспоминаю: то представляю себе, как мы с тобой ходим по бульвару Монпарнасса <sic> и в два голоса воспроизводим удивительно-трогательное *allegretto* из седьмой симфонии Бетховена, то вижу *La Ruche*, твою мастерскую, в которой я ночевал, а от тебя перешел на жительство к Сутину на Фальгьер.

Помню, как мы втроем сидели за чашечками *café-sgème* в Ротонде – ведь мы были неразлучными: ты, я и Сутин!

Вспомнил и решил написать тебе коротенькую весточку, чтобы ты знал, что я тебя не забыл и продолжаю любить, как прежде. Адрес твой мне сообщил Сергей Шаршун. Я помню, как ты писал мой портрет, как писал его и Сутин, и я теперь весьма сожалею, что даже не попросил у вас снимков с моих портретов: это всё-таки было бы хорошей памятью о тех годах. Я даже не знаю, существуют ли они еще или они пропали навсегда. Из всех парижских товарищей у меня остался только Чайков и Эренбург, а в Тифлисе – Ладо Гудиашвили. Все другие мои товарищи трагически погибли. Напиши мне, как ты себя чувствуешь, что пишешь? Живы ли Инденбаум и Эпштейн? Пишу и вдруг вспомнил, как тебе захотелось, чтобы я заменил Зборовского и ходил продавать картины твои, Завадовского, *miss* Нины Hamnett и других товарищей. Я и взялся, но из этой затеи у меня ничего не вышло. Знаешь, мне Чайков показал книгу воспоминаний художника Шапиро. Я дал переснять некоторые фотоснимки и посылаю тебе твой портрет, портреты Сутина и Чайкова, а также репродукции твоей одной картины и мою фотокарточку. В этой книге я прочитал, что Шапиро ссылается на книгу Анри Рамэ в той части, где он касается меня. Вышла ли книга Анри Рамэ? Мне очень хотелось бы получить книгу Рамэ, как и книгу Шапиро об обитателях *La Ruche*, как это сделать? Если есть монография о твоём творчестве, мне и ее хотелось бы получить, если же нет таковой, то, может быть, у тебя имеются репродукции твоих картин? Если тебе не жалко, пошли их мне. Я хотел бы иметь представление об эволюции твоего творчества. И во всяком случае, я думаю, что ты не оставишь без ответа мне это письмо. Крепко по-братски обнимаю тебя, твой истинный друг

М<арк> Т<алов>

Мой адрес:

<далее в беловом варианте письма следовал адрес Талова>

P.S. Может быть, тебе известен адрес Анри Рамэ? Я бы лично ему написал просьбу о высылке мне его книги?

M<арк> T<алов>

Никаких других следов переписки с Кремнем в архиве Талова не сохранилось, из чего можно сделать вывод, что таковая, по-видимому, не возникла.

3. et de meme encrè qu'a vous – и теми же самыми чернилами, что и вам (*фр.*).

4. Рене Гиль (René Ghil, наст. фам. Гильберт, Ghilbert; 1862–1925), французский поэт и теоретик поэзии, ученик С. Малларме.

5. Не совсем осенью, см. письмо Талова В. Брюсову от 16 декабря 1922 г., приведенное в примечании к вступительной заметке к таловским письмам Гингеру, с. 286 настоящего тома.

6. il faut être bien armé pour traduire des Mallarmé – он должен быть хорошо подготовлен (досл.: вооружен) переводить Малларме (*фр.*).

7. Жорж Дюамель (Georges Duhamel; 1884–1966), французский писатель, поэт, драматург, литературный критик; лауреат Гонкуровской премии (1918), член Французской академии (1935). Посетил СССР в 1927 г., итогом этой поездки стала его книга «Le Voyage de Moscou» (1927).

8. Шарль Вильдрак (Charles Vildrac, наст. фам. Мессаже, Messenger; 1882–1971), французский поэт. Посетил Москву в 1928 г.

9. Жан-Ришар Блок (Jean-Richard Bloch; 1884–1947), французский писатель, драматург, общественный и театральный деятель. Впервые посетил Москву в августе 1934 г. как участник I-го Всесоюзного съезда советских писателей.

10. Поль Элюар (Paul Éluard, наст. имя и фам. Эжен Эмиль Поль Грендель, Eugène Émile Paul Grindel; 1895–1952), французский поэт. В феврале 1952 г. побывал в Москве, где представлял французскую культуру на юбилее В. Гюго.

11. См. прим. 5 к предыд. письму. Впервые Л. Арагон посетил СССР в августе 1932 г.

12. См. прим. 21 к предыд. письму.

Копия письма Сергею Шаршуну
Москва, 5 апреля, 1965. Понедельник

Дорогой Сергей,

Слишком много времени прошло с тех пор, как я получил Ваше последнее письмо, датированное 26 октября прошлого года. Чувствую угрызения совести оттого, что Вам давно уже не ответил, как это следовало сделать^[1]. Затем я получил invitation au vernissage^[2] и каталог Вашей выставки^[3], получил и «Долголикова»^[4] и не знаю, что же со мною случилось, как оглушенная рыба не могу сосредоточиться, чтобы хотя бы послать Вам горячую благодарность за посланное Вами. Прошу не сердиться на меня: что легко сделать, будучи молодым, к старости кажется чуть ли не Сизифовым трудом. Старости, дорогой друг мой, негде приткнуться, чтобы приблизить к себе чернильницу и взять перо в руку. Как Вы себя чувствуете?

Знаете, я написал и Кремню^[5], и Евангулову^[6], однако ни тот, ни другой мне не ответили. Получили ли Вы «День поэзии» на 1964 г.? Я Вам его послал в конце прошлого года.

А теперь перехожу к вопросам творчества. Прежде всего – о репродукциях на Вашем каталоге. Вследствие однотонности печати они не дают возможности судить в полную меру о Ваших композициях на музыкальные сюжеты, потому что сама музыка это градация цветов, гамма тонов и полутонов, которая в живописи должна найти свои соответствия. Очень жаль: мне представляется, что Ваши картины должны быть безусловно интересными и впечатляющими, интересными именно в том, как абстракционисту представляются в образах музыкальные опусы, которые сами по себе абстракционны par excellence^[7]. Ведь музыка, как и математика, есть чистейшая абстракция. Вспомним пушкинское – «музыку я разъял, как труп» или «гармонию я алгеброй проверил <sic>»...^[8] И мы не покажемся чудными, если оглянемся на творчество восхитительного «образиста»... Имею в виду Чурляниса^[9], провидевшего космическую беспредельность миров зримых и незримых сквозь *озера музыки*. Мне кажется, благодаря Вам я начинаю входить в новый мир звуков, увиденных мною через призму Ваших восприятий. Конечно, было бы хорошо иметь у себя хотя бы одну Вашу композицию, чтобы вжиться в Ваш

мир, но – увьи! – я не представляю себе, как можно было бы воплотить эту мою мечту, ставшую страстной...

О «Долголикове» я напишу в следующий раз подробно, однако тут же вкратце хочется высказаться по поводу одной главы (собственно – новеллы) – «В лугах»^[10]. Это – поэзия музыки, бессознательное восприятие когда-то виденного и оставившего туманную гравюру в глубинах детской души. Здесь Вы достигли редкого мастерства в умении выразить самую сущность детских претворений действительности – в фантазии... Эта моя мысль хорошо и довольно точно определяется формулировкой Федора Сологуба: «беру кусок жизни, бедной и грубой, и творю из нее сладостную легенду, ибо я – поэт»^[11]. Сейчас я ограничусь сказанным здесь, но к Вашей книге я еще вернусь...

Кстати, Вы послали мне книгу, которую, судя по надписи, собирались послать поэтессе Вере^[12]. Вероятно, Вы перепутали экземпляры. Бывают такие казусы. В наши годы они извинительны. Во всяком случае, душевно благодарю за книгу.

Чтобы не забыть: здесь, в Москве, я имел случай ознакомиться с книгой, меня особенно интересующей: это монография о Сутине. Автор ее Marcellin Castaing. Издательство: Silvana editoriale d'arte. Milano^[13]. Почему я вспомнил имя автора? Дело в том, что жена его была в большой дружбе с Сутиным^[14]. Ей известна судьба всех картин Сутина, она – единственная, кто знает, где и какое его полотно в настоящее время находится, а так как в году 1918 Сутин написал мой портрет, то, может быть, она могла бы назвать место нахождения этого моего портрета, если он уцелел вообще. И вот у меня возник вопрос: не слышали ли Вы что-нибудь о Castaing'ах (муже и жене)? По всей видимости, они – парижане. Не можете ли узнать и сообщить мне их адрес? Возможно, M-me Castaing удовлетворила бы мое далеко не праздное любопытство. А может быть, сняла бы и даже послала бы фотоснимок этого портрета?

Встречаетесь ли Вы с Henry Ramey^[15]? Вышла ли его книга воспоминаний, в которой упомянут и я? Если увидите его, передайте ему привет и мое пожелание получить экземпляр его книги. О том, что он собирается издать книгу воспоминаний, я узнал из книги Шапиро об обитателях *La Ruche*^[16].

Посылаю Вам некоторые материалы о нашем друге Ладо Гудиашвили, народном художнике Грузии, ставшем лауреатом <премии>

имени Шота Руставели^[17]. Думаю, что Вас это заинтересует. Возможно, осенью навещу его. У меня висит на стене подаренная им мне акварель. Пошлите мне те Ваши книжки, которых у меня нет, и комплект Вашей газеты.

Желаю Вам хорошего самочувствия, здоровья, бодрости.

Ваш М<арк> Т<алов>

1. Талов, вероятно, забыл, что ответил на письмо Шаршуна от 26 октября 1964 г., см. предыд. письмо.

2. invitation au vernissage – приглашение на вернисаж (выставку) (*фр.*).

3. Имеется в виду персональная выставка Шаршуна в Сент-Этьене (ноябрь–декабрь 1964). 4 декабря 1964 г. датирована дневниковая запись Талова (ОРФ ГЛМ. Ф. 520. Оп. 1. Ед. хр. 87. Л. 7):

Получил по почте два каталога выставок Сергея Шаршуна. Меня заинтересовали музыкальные истоки его творчества.

«Музыкальность» живописного искусства Шаршуна (его «белые симфонии») отмечали практически все, кто когда-либо брался писать о нем как о художнике, см., например, авторитетное суждение Ю. Анненкова:

Почти все картины Шаршуна монохромны или, вернее, однотонны и покрыты очень ритмически расположенными, слегка рельефными линиями и черточками, которые, действительно, создают впечатление музыкальной точности и динамичности (*Анненков Ю.* Художественные выставки // РМ. 1971. № 2842. 13 мая. С. 9).

Ср. некоторые другие обзоры о выставках его картин и отзывы о них: *А. Ш<ик>*. По выставкам // РМ. 1958. № 1309. 27 декабря. С. 5; *Рубисова Е.* «Белые гармонии»: О выставке С. Шаршуна в Париже // НРС. 1974. № 10019. 5 апреля. С. 3; *Одоевцева Ирина.* О Сергее Шаршуне // РМ. 1974. № 2999. 16 мая. С. 8 и др.

4. Речь идет о книге Шаршуна «Долголиков» (Париж: Вопрос, 1961). Дарственная надпись Шаршуна на обложке воспроизведена в кн.: *Талов Марк.* Воспоминания. Стихи. Переводы (фотовклейка):

Дорогому Марку Талову, монпарнасу, сподвижнику по «Палате поэтов». Шаршун. 4 XII <19>64

5. См. прим. 2 к предыд. письму.

6. См. прим. 1 к предыд. письму.

7. *par excellence* – исключительно (*фр.*).

8. Слова Сальери из пушкинской «маленькой трагедии» «Моцарт и Сальери» (1831). В оригинале: «Поверил / Я алгеброй гармонию».

9. Микалоюс Константинас Чюрлёнис (также «русифицированная» форма: Николай Константинович Чурлянис, лит.: Mikalojus Konstantinas Čiurlionis; польск.: Mikołaj Konstanty Czurlanis; 1875–1911), литовский художник и композитор.

10. 2-я главка «Долголикова» (С. 15–17).

11. Начало романа-трилогии Ф. Сологуба «Творимая легенда» (в первонач. публ. 1-я часть романа «Навыи чары», 1906): «Капли крови», «Королева Ортруда» и «Дым и пепел».

12. Возможно, речь идет о жившей в Советском Союзе сестре Шаршуна художнице и скульпторе Вере Ивановне Шаршун-Померанцевой (1899–1978), которая была замужем за живописцем, скульптором и архитектором Константином Иннокентьевичем Померанцевым (1884–1945). В дальнейших письмах Талова к Шаршуну, когда он с ней познакомился и подружился, Вера Ивановна упоминается довольно часто; в архиве Талова отложились ее письма к нему (ОРФ ГЛМ. Ф. 520. Оп. 1. Ед. хр. 232, 233). Правда, о поэтических опытах Шаршун-Померанцевой ничего неизвестно, но обращение к «поэтессе Вере» в устах ее брата могло носить какой-то переносный смысл или обладать понятным обоим конвенционально-семейным значением.

13. Речь идет о кн.: *Castaing Marcellin e Leymarie Jean. Soutine. Milano: Silvana editoriale d'arte, 1963*. Возможно, Талов не знал о ее французском источнике: *Castaing Marcellin et Leymarie Jean. Soutine. Paris: La Bibliotheque des arts, 1963*.

14. В 1927 г. Marcellin Castaing и его жена, Madeleine (1894–1992), собиратели антиквариата, живописи и известные французские благотворители, предложили Х. Сутину, переживавшему в то время глубокий душевный кризис, свой дом неподалеку от Chartre. Перу художника принадлежит знаменитый портрет Mme M. Castaing (1928).

15. Анри Раме (1890–1978), французский живописец. В архиве Талова (ОРФ ГЛМ) отложилась его переписка с А. Раме: копии его писем – Ф. 520. Оп. 1. Ед. хр. 137, письма Раме к нему – Там же. Ед. хр. 242.

16. См. прим. 11 к письму Б. Божнева Гингерам № 24, от 15 мая 1953 г. В архиве Талова в ОРФ ГЛМ (Ф. 520. Оп. 1. Ед. хр. 151) имеются несколько копий его писем к Я. Шапиро; к сожалению, ответные письма, исключая лишь одно (Ед. хр. 263), отсутствуют.

17. См. прим. 3 к п. № 1, от 24 июля 1964 г.

Копия письма Сергею Шаршуну
Москва, понедельник, 31 мая 1965

Дорогой Сергей,

дней 10 тому, как я получил Вашу посылку – журнал по садоводству и номер «Мари-Клэр», который мою жену и дочь привел в восхищение^[1]. Однако мне непонятно, что Вас толкнуло послать мне их? Получив это, я подумал, что Вы, должно быть, рассердились на меня за тот альбом «болгарское искусство», которое <sic> я Вам послал, но поверьте, что меня ввел в заблуждение первый его лист. Если бы я более детально ознакомился с этим альбомом – и в магазине, то я, конечно, его не купил бы. Я сдуру решил, что должно быть это – собрание старинных икон, и, можно сказать, купил кота в мешке, и тут же, выйдя из магазина, весьма довольный, отправился на почту и послал его. До того, что, вернувшись домой, я послал дочь за вторым экземпляром, когда же она принесла то<го?>же ж кота в мешке, не дав себе труда на месте пересмотреть его до того как приобрести, – когда мы стали рассматривать его, то мне стало не по себе: ведь это не произведение искусства (если не считать первых двух листов и пяти-шести других), а серия безотрадных, бесчувственных фотографий. Таким образом, дорогой Сергей, я Вас обидел, совершенно того не желая, но прошу

pas mal у penser^[2],

ведь мы с Вами старые друзья. Не сомневаюсь, что Вы примете к сведению мое глубокое раскаяние в содеянном.

Почему Вы умолкли? Я Вам послал письмо, в котором вскользь упомянул про Долголикова, но от Вас ответа не получил, просил *Ваших* журналов, но и их Вы не шлете. Или мои письма до Вас не дошли? Иль, может быть, хуже того, Вы себя плохо чувствуете и потому не пишете?

Жду, дорогой друг мой, ответа.

Крепко жму руку.

Ваш М<арк> Т<алов>

1. Имеется в виду издававшийся во Франции ежемесячный женский журнал Marie Claire.

2. pas mal у penser – не думать ничего плохого (*фр.*).

Копия письма С. Шаршуну
от среды, 16 июня 1965

Дорогой Сергей, получил я Ваше заказное письмо, за которое благодарю Вас. Вы развеяли мое недоумение, теперь оно объясняется как нельзя лучше. Жаль, конечно, двух недошедших писем, включая два номера дневника и две маленькие книги: хотя книги Вам вернули, но я-то их не получил.

Я очень обрадовался сообщению о Вашем возможном приезде 27–28 июня, о нем Вы сможете по прибытии сообщить моей дочери – Тане Таловой – по телефону К9–98–10. Это – наш телефон на улице Горького. Дочь сможет помочь Вам добраться до меня. Мы-то живем на даче.

Думаю, что Вы привезете и книжки и все номера дневника.

У меня к Вам особая просьба: если Вам не в тягость, если средства Вам позволяют, то очень прошу привезти мне Полное собрание сочинений Стефана Малларме в одном томе (издание NRF – Плейяды)^[1]. Мне оно крайне необходимо с примечаниями и вариантами.

В простом издании Garnier fr<eres>:

1. Saint-Amant – Œuvres poétiques (1 vol.)^[2]

2. Tristan l’Hermite – (1 vol.)^[3]

Конечно, желательно было бы и Поля Верлэна (том *прозы*) тоже в издании Плейяд NRF, но не осмеливаюсь злоупотреблять Вашей добротой. Вот и всё. Приедете – сочтемся. Оплачу книгами советских поэтов.

Итак, дорогой Сергей, до встречи. Благодарю за вид площади Tertres^[4], где я Вас познакомил с Максом Жакобом в оны годы.

Обнимаю Вас

М<арк> Т<алов>

P.S. Если видите Гингера – прошу, передайте ему привет.

М<арк> Т<алов>

1. Речь идет об одном из стереотипных переизданий (в том числе и в 1965 г.) книги: *Mallarmé Stéphane. Œuvres complètes / Texte établi et annoté par Henri Mondor et G. Jean-Aubry. Paris: Gallimard, 1945 (Bibliothèque de la Pléiade. V. 65).*

2. Марк-Антуан Жерар де Сен-Аман (Marc-Antoine Girard de Saint-Amant; 1591–1661), французский поэт.

3. Франсуа Тристан Л'Эрмит (François Tristan L'Hermite; 1601–1655), французский поэт и драматург.

4. Place des Tertres – площадь в районе Монмартра (XVIII-е); эпицентр художественной жизни довоенного Парижа.

7

Копия письма С. Шаршуну
от понедельника, 23 августа 1965

Дорогой, милый друг, получил твою открытку, доставившую мне упоительные минуты радости своей оборотной серией фотоснимков бульваров *Raspail*, *St Germain* и улицы *Vac*. Я узнал с первого взгляда архитектурную струну Распая, по правой стороне угадывал невидимый отэль Lutecia <sic>^[1], левая же сторона, кажется, зафиксировала угол, на котором когда-то располагалась «Ротонда». Эта архитектурная струна, сдается, таит в себе музыку и вот-вот она запоет, задрожит до последнего торжественного аккорда.

Ты сожалеешь, что не мог назначить мне последнее свидание! Я – тоже. Но и без него я благодарен судьбе, негаданно подарившей мне две встречи с тобою на склоне наших лет. Для такой радости стоило нам прожить в неведении друг о друге 43 года. В особенности радость моя велика тем, что нам удалось сняться^[2]. Когда получу карточки, буду часть их разглядывать и вспоминать пролетевшие мгновения счастья.

В душу мне запало твое тонкое определение моего самочувствия, моей жизни наотлет, полной неприкаянного одиночества и вместе с тем – счастья, что я *одинок на своей родине*, а не на чужбине.

Однако меня не покидает уверенность в том, что когда-нибудь какой-нибудь поздний историк докопается до моих произведений, отразивших горькие годы моего самоизгнания, моего самозабвения.

Если увидишь Гингера, передай ему мои пожелания – преодолеть свой недуг и вернуться в строй своих друзей, своей семьи...

Если увидишь Инденбаума^[3], скажи ему, что я помню его теплую привязанность ко мне в 1913–1914 году, что я хотел бы получить его фотокарточку. Скажи ему, что я был у Чайкова^[4] и нашел в альбоме

и его фотокарточку, и я живо вспомнил, как он меня угощал в кафе кофе с молоком и с круассанами.

Жена благодарит тебя за поклон и в ответ кланяется тебе.

Целую тебя и не говорю «прощай», а «до свидания».

Твой М<арк> Т<алов>

1. Отель «Lutetia» располагается по адресу: Bd. Raspail, 43–47 (VI-e).

2. См. прим. на с. 404 к вступительной заметке.

3. Лев (Леон) Инденбаум (1890? 1892?–1981), скульптор. В 1911 г. эмигрировал из России во Францию и поселился в Париже. Один из обитателей La Ruche.

4. См. прим. 21 к п. № 2, от 17 сентября 1964 г.

8

Копия письма С. Шаршуну

Москва, понедельник, 11 октября 1965 г.

Дорогой Сергей, я с головою ушел в срочную работу, которую завершил лишь вчера, поэтому прошу, извини долгое мое молчание. Искренно скорблю о смерти нашего друга Александра Самсоновича Гингера: а ведь всё, казалось, обстоит хорошо после перенесенных им операций! Жаль его внуков и внучек, жаль и его сыновей.

Что до фотографий, то мне до сих пор неизвестно – получились ли они. Зоя Константиновна, как сообщила мне Вера Ивановна^[1], обещала их напечатать в октябре, а сегодня уже 11-ое. Я и сам хотел бы, чтобы снимки получились удачные! Но боюсь, что не дождусь их, так как, по всей вероятности, 24 октября уезжаю в ялтинский Дом Творчества, где пробуду до 20 ноября, а там, может быть, вернусь в начале декабря с<его> г<ода>.

Прочитал я стихи Бориса Поплавского с большим интересом: он был своеобразный и глубоко талантливый поэт, жаль, что рано погиб. К сожалению, кроме его книги – «Дирижабль неизвестного направления» – у меня ничего нет^[2], но с не меньшим интересом я прочитал его первый сборник стихов – «Флаги» – которую <sic> мне одолжила Наталья Ивановна Столярова^[3]. Кстати, она выразила сожаление, что не могла с тобою встретиться, так как была в отъезде.

Меня интересуют французские поэты – Тулэ, Супервьель и Сен-Жон Перс^[4]: я о них не имею никакого понятия. Думаю, Тулэ

мне больше всех придется по душе, судя о том, что я слышал про его стихи.

Перехожу к одному молодому человеку, занимающемуся творчеством Велемира <sic> Хлебникова. Фамилия молодого человека – Парнис, Александр Ефимович. Живет он в Киеве, часто бывает в Москве. Его интересуется, не можешь ли ты подсказать людей, знавших Хлебникова и ныне живущих в Париже. Его интересуется и твоя статья, напечатанная в «Числах» № 6 за 1932 год – «Генезис последнего периода жизни Маяковского»^[5]. На тот случай, если бы тебе захотелось написать ему, сообщаю его адрес: URSS, Kiev. Киев–49. Улица Фучика, д. № 9, кв. 79, Александру Ефимовичу Парнису. Кроме того, он просит, чтобы ты ему сообщил адрес поэта Терапиано (тоже – киевлянина), он хотел бы написать ему^[6]. Кстати, может быть, и мне сообщишь адрес, имя и отчество Терапиано? Увидишь Инденбаума^[7], скажи ему, что я до сих пор помню его круассаны и кофе. Как ты себя чувствуешь после поездки? Над чем работаешь? А я отдался прозе, пишу воспоминания и убеждаюсь, что писать прозой гораздо труднее, чем стихами. Около двадцати стихотворений я передал Вере Ивановне <Шаршун-Померанцевой> для тебя: это был мой тебе подарок, да опоздал я с ними часов на десять – не застал тебя. Привет от Марии Александровны^[8]. Крепко обнимаю тебя, твой Марк.

1. См. прим. 12 к п. № 4, от 5 апреля 1965 г. Зоя Константиновна Винницкая (урожд. Померанцева; 1934–1992), дочь В.И. и К.И. Померанцевых.

2. Речь идет о подготовленном Н. Татищевым сборнике стихов Б. Поплавского «Дирижабль неизвестного направления» (Париж, 1965).

3. См. прим. 1 к письму Талова Гингеру № 4, от 18 июня 1964 г.

4. Имеются в виду французские поэты: Поль-Жан Туле (Paul-Jean Toulet; 1867–1920); Жюль Супервель (Jules Supervielle; 1884–1960) и Сен-Жон Перс (Saint-John Perse, наст. имя Алексис Леже или Сен-Леже, Alexis Saint-Leger; 1887–1975); последний – лауреат Нобелевской премии по литературе (1960 г.).

5. Аутентичное название статьи С. Шаршуна: «Генезис последнего периода жизни и творчества Маяковского».

6. Александр Ефимович Парнис (1938), литературовед, историк русского футуризма. Именно он связал Талова с К. Зданевичем: они, как было сказано выше (см. прим. 10 к п. 1, от 24 июля 1964 г.), жили в соседних домах. По словам А. Парниса, Шаршун отозвался на эту просьбу письмом (хотя хлебниковедов-парижан он не знал) и установил письменный контакт между ним и Ю. Терапиано. Талов познакомился с А.Е. Парнисом в доме Н.К. Бруни

на праздновании дня рождения Бальмонта 19 июня 1965 г. (день рождения Бальмонта, родившегося 15 июня, праздновался в тот год в субботу). На следующий день, 20 июня 1965 г., Талов записал в своем дневнике:

Вчера мы с Таней были на дне рождения Бальмонта. Там были все те же лица, включая племянницу Бориса Константиновича Зайцева. Его жена Ольга <sic> Алексеевна Зайцева умерла 11 мая... Читали книгу Зайцева (воспоминания о Бальмонте, Пастернаке). Там был некий Парнис, интересующийся Сергеем Шаршуном. Так как Шаршун прибывает 27 или 28 июня, я обещал Парнису поговорить с Шаршуном относительно присылки ему статьи, напечатанной в «Числах» № 6 (1932) «Генезис последнего периода жизни <и творчества> Маяковского». В особенности Парнис интересуется Хлебниковым, в этом году – 80-летие Хлебникова. Вечер прошел оживленно.

7. См. прим. 3 к предыд. письму.

8. Жена Талова, см. о ней во вступительной заметке к письмам Талова Гингеру.

Шаршун – Талову

9 (1)^[1]

Дорогой Марк,

Получил ли Ты – мою открытку, в которой я известил Тебя о смерти Гингера^[2]?

В связи с этим же событием – я повстречался с Инденбаумом^[3]. И т<ак> к<ак> у меня не было Твоего адреса, я вручил ему свой с тем, чтобы он прислал мне его, Инденбаума – адрес.

Увы, он до сих пор (почти 3 недели) этого не сделал.

Как Вы оба?

Я отдохнул.

Дружеский привет.

С. Шаршун

14 X <19>65

1. Написано на почтовой открытке с изображением Винсенского дворца (Vincennes (Seine). Le Château. Le Donjon (XIV-e)).

2. Письма Шаршуна и Талова разминулись: из предыдущего вытекает, что Талов вовремя прочел весть о смерти Гингера, но задержался с ответом.

3. См. прим. 3 к п. № 7, от 23 августа 1965 г.

Талов – Шаршуну

10

Копия ответа С. Шаршуну от 11 февраля 1966 г.
«Сосновый бор»

Дорогой Сергей,

с чего начать? Ну, конечно, с благодарности за добрые чувства к Марии Александровне и ко мне, но перед тем, как попасть в санаторий, – в котором не *только* и не *всем* позволено заниматься гимнастикой, в частности, мне на долю выпали только горькие микстуры, – и даже не разрешают в сильные морозы выходить в парк подышать свежим воздухом – выходить мне можно, когда морозы, температура не падает ниже 10% <sic>, после перенесенного инфаркта необходимо соблюдать осторожность, – так вот, повторяю, перед тем, как попасть в санаторий, внезапно, под Новый год (точнее – 31 декабря), из поликлиники меня не пустили домой, а отправили в Боткинскую больницу: заведующему терапевтическим отделом состояние моего сердца на основании показаний электрокардиограммы почему-то показалось «зловещим». Хорошо еще, что на этот раз я слег не надолго: меня выписали через 16 дней. В санаторий (подмосковный, называется «Сосновый бор») меня Мария Александровна отправила позавчера. Здесь пробуду по 6-е марта, если не случится ничего непредвиденного, а тогда придется остаться на второй срок – до 2 апреля. Думаю, что всё обойдется более или менее. Сейчас чувствую себя удовлетворительно.

Я получил письмо от Якова Шапира, вместе с письмом и его книгу «La Ruche» с трогательной надписью ^[1]. Впервые мне ее показал Чайков ^[2]. Удивительное дело, наряду с тем, что память моя сохранила многих монпарнасцев, таких, как Инденбаум, Мещанинов, Архипенко, Цадкин, Маревна, Эпштейн, Кремень и Сутин ^[3], я совершенно не помню ни Якова Шапира, ни Кикоина ^[4], хотя, по-видимому, я не мог их не знать, тем более что и мне дважды довелось быть жильцом «La Ruche»: в первый раз – накануне Первой мировой войны, когда я проживал у скульптора Charlier ^[5], и второй раз – в начале 1918 года, когда я целый месяц валялся на полу в атэлье Кременя, объедаемый кровожадными блохами.

Очевидно, без Твоего вмешательства я не получил бы книгу «La Ruche», разреши поблагодарить, что стал собственником ее. Она мне напомнила о многом из моего прошлого.

Я собираюсь написать Инденбауму, а возможно, и угрюмому Кремню: его молчание я объясняю тем, что он не получил моего письма.

Тебя просил поблагодарить Парнис, который был растроган Твоим письмом.

К воспоминаниям о Модильяни я так и не приступил в силу внезапной болезни, но надеюсь приступить по выздоровлении.

Хорошо, что Василий Александрович <Гингер> отдал долг памяти своего умершего отца и издал его книгу стихов «Сердце»^[6]. Я хотел бы ее получить, подумаю и напишу, как ты сможешь мне ее отправить.

Радует меня Твое отличное самочувствие, да продлится оно еще долгие годы, да сохранится на всю жизнь ясность мысли и работоспособность – претворение всего существа в творческие замыслы и свершения.

Вот пока всё. Мария Александровна просила благодарить Тебя за добрую память и кланяться. Спасибо за виды Парижа и приглашение на вернисаж, посетить который из-за дальности расстояния не имею возможности: я, понятно, шучу.

Вот пока всё. Обнимаю и целую Тебя.

М<арк> Т<алов>

1. См. прим. 11 к письму Б. Божнева Гингерам № 24, от 14 мая 1953 г. и прим. 16 к письму Талова Шаршуну № 4, от 5 апреля 1965 г.

2. См. прим. 21 к п. № 2, от 17 сентября 1964 г.

3. Перечислены живописцы и скульпторы, выходцы из Российской империи, обитатели парижской La Ruche: Оскар Самойлович Мещанинов (1884–1956); Александр Порфирьевич Архипенко (1887–1964); Маревна (наст. имя и фам. Мария Брониславовна Воробьева-Стебельская; 1892–1984); Анри Эпштейн (1891–1944); о Л. Инденбауме см. прим. 3 к п. № 7, от 23 августа 1965 г., об О. Цадкине см. прим. 11 к п. № 1, от 24 июля 1964 г.; о П. Кремне см. прим. 6 к письму Талова Гингеру № 4, от 18 июня 1964 г.; о Х. Сутине см. прим. 5 к письму Талова Шаршуну № 1, от 24 июля 1964 г.

4. Михаил (Мишель) Кикоин (Mikhail [Michel] Kikoïne; 1892–1968), французский художник «парижской школы», выходец из Белоруссии.

5. Гийом Шарлье (Guillaume Charlier; 1854–1925), бельгийский скульптор. Ср. в воспоминаниях Талова (описываемое время – июль 1914 г.): «Из отеля, так и не расплатившись, я переселился в пристанище художников La

Ruche («Улей») в пустовавшее ателье скульптора Шарлье. Даровое жильё с постелью на антресоли!» (*Талов Марк*. Воспоминания. Стихи. Переводы: 32). Эта комната запечатлена в его стихах «Улей» (1935–1951). Там же: 142:

Разбитые кресла и стулья.
Лишь глина и гипс в ателье.
В тоске выбегаю из «Улья»,
Из комнаты темной Шарлье

и «Ужин у Владимира Полисадова» (1952). Там же: 168:

Это он <Полисадов> меня устроил
У ваятеля Шарлье,
Но меня не успокоил
Угол в грязном ателье.

6. Сборник стихов Гингера С вышел еще при жизни поэта, см. об этом в комментариях к нему и в многочисленных письмах, включенных в настоящее издание, в особенности в письмах Гингера к С. Прегель.

11

Копия письма Сергую Шаршуну Понедельник, 28 марта 1966 г.

Дорогой Сергей, лечение мое завершилось, вот уже две недели я дома, чувствую себя сносно. Гимнастику не проделываю, болезнь меня сбила с панталыку. В моем теперешнем состоянии не могу, к величайшему моему сожалению, приняться за воспоминания о Модильяни и вообще – о художниках так называемой «парижской школы», несмотря на то, что я договорился с редакцией одного журнала о предоставлении ей моей рукописи.

Якова Шапиро я и в самом деле не видал, во всяком случае не помню, чтобы меня с ним кто-нибудь познакомил. Однако свою книгу он мне послал, и я с интересом ее читаю, потому что я тоже жил в «Улье» и даже посвятил этому два стихотворения^[1].

Вот что, милый мой, хочу Тебе сообщить: в Париж собирается приехать брат Ильи Зданевича – Кирилл Михайлович^[2]. Если он навестит Тебя, то Ты можешь передать ему книгу Гингера – «Сердце», а также книгу воспоминаний о «Палате Поэтов» Терапиано, если ее раздобыть у автора^[3]. Точно так же хотел бы я иметь посмертную

книжку Анатолия Штейгера – «Дважды два четыре», издана она была в Париже в 1950 году.

Марья Александровна благодарит Тебя за добрую о ней память.

Собираешься ли Ты снова в Москву? Наши две встречи теперь кажутся мне мифом. Хорошо, что мы снялись на память об этом.

Целую и обнимаю Тебя по испанскому обычаю, то есть похлопывая при этом по спине,

Твой Марк

P.S. Привет Тебе шлет Мария Александровна.

М<арк> Т<алов>

1. Одно из них – стихотворение «Улей» («На углах потолка – паутины...») – упомянуто в прим. 5 к предыд. письму.

2. См. прим. 10 к п. № 1, от 24 июля 1964 г.

3. Такой книги воспоминаний у Ю. Терапиано нет. Талов имеет в виду его книгу «Встречи» (Нью-Йорк: Изд. им. Чехова, 1953), в которой имеется глава «Кафе “Ла Болле”» (С. 100–103), см. след. письмо.

12

Копия письма Сергею Шаршуну

Москва, пятница, 27 мая 1966

Дорогой Сергей, последнее Твое письмо от 20 апреля с видом старого Монпарнасского вокзала мы получили ровно месяц тому назад – 25 апреля, и только сегодня засел за ответ – прости долгую задержку. Чувствую себя хорошо, а если получу квартиру, то буду чувствовать себя еще лучше, т<ак> к<ак> смогу приступить к воспоминаниям, а также к новым стихотворениям.

Что до Терапиано, то я имел в виду его книгу «Встречи» (о собраниях поэтов в кафе «Ла Боллэ», где-то в Латинском квартале^[1]). Мне сдается, что «Ла Боллэ» в какой-то степени – продолжение Палаты Поэтов, но, может быть, я ошибаюсь? Мне очень хочется иметь хорошую монографию о творчестве Сергея Шаршуна, но для этого надо, чтобы такая монография вышла в свет!

Меня страшно интересует *Паскин*^[2]! Я не имею никакого представления об этом художнике. Судя по тому, что я слышал о нем, он представляется весьма сильным художником. Интересны *Архипенко*,

Цадкин, Кремень, Кислинг, да всего иметь нельзя. Иметь бы Сутина в издании *Silvana editoriale d'arte*, автор монографии Marcellin Castaing, *Milano*^[3]. Но, вероятно, стоит эта книга *les yeux de la tête*^[3], как говорят французы! И Паскина!

Однако это всё – химеры. Доступнее будет – книги стихов Попплавского (кроме последней, которую Ты мне подарил в прошлом году^[4]); 2) «Встречи» Терапиано; «Сердце» – Гингера. «Дважды два четыре» – Штейгера. 3) *Francis Carco. De Montmartre au quartier Latin*^[5] и 4) *Хороший план Парижа*. А Марья Александровна хотела бы новый номер *Marie-Claire*^[6].

В своем письме Якову Шапиро, приславшему мне свою монографию «*La Ruche*», я высказал много просьб, боюсь – невыполнимых^[7]. Письмо написать и то собираешься целый месяц, когда состояние твое более или менее удовлетворительно.

Я рад Твоим успехам, выставкам Твоим, жаль, что у меня нет ни одной Твоей работы или репродукции *в цвете*, – неосуществимые мечты.

Мы ждем Тебя, поскорее приезжай. В этом году мы не на даче, а на улице Горького, д. 24, кв. 14.

Крепко обнимаю Тебя, Марья Александровна шлет самый сердечный привет, желаю крепкого здоровья.

М<арк> Т<алов>

1. Кафе «Ля Боле» («*La Volée*») располагалось по адресу: 25, rue de l'Hirondelle (Paris, V-e).

2. Жюль Паскин (Паскен, Пасхин, Jules Pascin, наст. имя и фам. Юлиус Мордехай Пинкас; 1885–1930), живописец и график болгарского происхождения, принадлежавший к «парижской школе» (с 1920 г. имел американское гражданство).

3. См. прим. 13 к п. № 4, от 5 апреля 1965 г.

4. *les yeux de la tête* – глаза на лоб лезут; *букв.:* глаза (лезут) из головы (*фр.*).

5. См. прим. 2 к п. № 8, от 11 октября 1965 г.

6. Имеется в виду знаменитая книга французского поэта, прозаика и журналиста François Carcopino-Tusoli (1886–1958) «*De Montmartre au quartier Latin*» (1926). Шаршун, по-видимому, выполнил эту просьбу – приобрел и прислал книгу, по крайней мере, она имелась в библиотеке Талова: см в дневниковой записи последнего от 7 сентября 1966 г., в которой сказано о том, что искусствовед В.Я. Виленкин просил одолжить ему эту книгу (ОРФ ГЛМ. Ф. 520. Оп. 1. Ед. хр. 88. Л. 41).

7. См. прим. 1 к п. № 5, от 31 мая 1965 г.

8. В дневниковой записи Талова от 5 мая 1966 г. основные из этих «невыполнимых просьб» конкретизированы:

Отправил, наконец, ответ Якову Шапиро, – через полтора месяца по получении его письма. Высказал я много просьб, из которых основные это: 1) чтобы он съездил в Suresnes к Виктору Линтону посмотреть – сохранились ли подлинники моих двух портретов, нарисованных Модильяни; 2) чтобы попытался в парижской Национальной библиотеке перелистать комплекты журнала «Montparnasse» за 1922–1928 года и если найдет некролог, переписал его и выслал мне. Всё, конечно, зависит от того, позволит ли ему состояние его здоровья выполнить просимое.

13

Копия письма Сергею Шаршуну
Среда, 22 VI 1966. Москва

Сердечный друг Сережа, Мария Александровна не находит слов для благодарности за номер журнала Мари-Клэр, а я – за действительно прекрасный план Парижа, которые Ты прислал. Это прекрасная память о Твоем великодушии. Великое спасибо от души. Я не знаю до сего времени, приедешь ли Ты в этом году в Москву и когда это может произойти – дело в том, что мы на этой квартире последние, можно сказать, недели. Новый же адрес мой (будущий!) мне и самому пока неизвестен, а хотелось бы горячо сжать Тебя и расцеловаться. Как только получу квартиру, сообщу Тебе немедленно новый адрес, а пока Ты можешь писать мне по старому, Тебе известному – на улице Горького. Поторопись известить меня, пожалуйста, о дальнейших Твоих планах. Мы любимся автолитографией Якова Шапиро, которую повесили на стене – «La Ruche»^[1]. Будь здоров и приезжай.

Твой Марк

1. Об автолитографии Я. Шапиро см. также в прим. 4 к п. № 15, от 27 января 1967 г.

14

Копия письма С. Шаршуну от среды 21 XII 1966

Дорогой Сергей, благодарю Тебя со всей сердечностью и за письмо и за очень интересную посылку: две части Пикассо и журнал

«Trico», шикарно напечатанный. И разреши мне поздравить Тебя с наступающим Новым 1967 годом и пожелать Тебе доброго здоровья и творческих удач! И правильно записать в своей книжке наш новый адрес, а то ведь Твое письмо долго кружилось, два раза возвращалось в наш дом, пока, наконец, с запозданием на несколько суток, не доставили его. А ошибся Ты только в квартире: номер не 24, как пишешь, а 27! Стало быть, Москва, Д-22, Малая Грузинская ул., д. 31, кв. 27. Марку Владимировичу Талову. Посылаю приготовленную до твоего отъезда программу Твоего выступления в Парижской Палате Поэтов, состоявшегося в среду 24 декабря 1921 года^[1]! Этот документ, я знаю, Тебе будет приятен. И на всякий случай посылаю пригласительный билет на мой творческий вечер в Москве 6 марта 1962 года в связи с семидесятилетием моего рождения: м<ожет> б<ыть>, Тебе это будет интересно? Дело в том, что наряду с переводами из Стефана Малларме, Камюэнса и Китса я *впервые* с тех пор, как вернулся на родину – через сорок лет! – отважился выступить и с собственными стихами и был ошеломлен шумливым успехом, сопровождавшим мое выступление. Затем уже я выступил в гагринском Доме Творчества (ноябрь 1963 года) и в Клубе Союза Писателей Грузии (20 декабря 1963 года) и летом 1964 года у Ильи Эренбурга. В настоящее время произошел какой-то сдвиг в отношении книги моих переводов С. Малларме, возможно, что она у нас выйдет из печати^[2].

Вот что я имею Тебе сообщить: мне заявил один литературовед, что, просматривая какую-то парижскую газету от 1958 года, он увидел издательскую рекламу, из которой явствовало, что моя книга стихов, вышедшая в Париже накануне моего отъезда в Берлин в мае 1922 года, *появилась в продаже* – в 1958 году! Привожу рекламу:

Талов М. Двойное бытие. – 1922. Ст<арая> орфография. 30 cent<s>. Les Éditeurs Réunis. Т<оварищест>во объединенных издатель. Каталог книг 1958. 29, Rue Saint-Didier, Paris, 16-е.

Ты понимаешь, конечно, сколь важно было бы для меня, если бы можно было раздобыть несколько экземпляров ее, не говоря уже о том, что я получил бы огромное удовольствие Тебе надписать один из экземпляров. У меня этой книги нет. Если только она дожила и до настоящего года, ее следует приобрести!

Итак, раз я уже дошел до желаемых книг, то хотел бы назвать сразу до двадцати изданий, которые мне нужны. Вот они. Начинаю со своей: 1. М. Талов. Двойное бытие.

2. *Ronsard*. – Les amours. – Garnier fr<uctis>. – 2 vol.
3. *Tristan l’Hermite*. – Les amours. – Garnier fr<uctis>. – 1 vol.^[3].
4. *Tallemant des Réaux*. – Les Historiettes. – Garnier fr<uctis>. – 8 vol.^[4].
5. *Soutine*. – Silvana editoriale d’arte.
6. *Pasquine*. – Безразлично какое издание^[5].
7. *Velasquez*. – Большое форматное издание Skira.
8. *Paul Verlaine*. – Prose. – B<ibliothèque de la Pléiade (NRF). – 1 vol.
9. *Paul Valéri <sic>*. – B<ibliothèque de la Pléiade (NRF). – 1 vol.
10. *Arthur Rimbaud*. – B<ibliothèque de la Pléiade (NRF). – 1 vol.
11. *Toulé*. – (?) – Есть ли этот поэт в продаже? (Toulet)^[6]?
12. *Francis Carco*. – De Montmartre au quartier latin^[7].

Не все, конечно, можно иметь, я только рассказываю те мечты dont je suis hante^[8]. Марья Александровна и Татьяна просят передать Тебе свою глубокую благодарность за Пикассо и «Trico». Их, как и меня, заинтересовали издания Hachette^[9], в особенности 3) Utrillo^[10]; 5) Modigliani; 6) Velasquez; 7) Renoir; 12) Braque^[11]; 14) Vlaminck^[12]; 24) Rouault^[13]; 15) Botticelli; 20) El Greco; и имеющий выйти 30) Sisley^[14].

Дорогой Сергей, если Тебе удастся приобрести «Двойное бытие», то сможешь ли его передать для меня Кириллу Михайловичу Зданевичу, который, я думаю, уже находится у своего брата Ильи или ожидается. Получаешь ли письма от Георгия Евангулова? Как его здоровье? Если переписываешься с ним, то узнай, получил ли он, по крайней мере, то мое письмо, которое я ему послал назад тому два года^[15]? Как прошла Твоя выставка в Париже? Выставлялся ли Ты в Италии и в Швейцарии? Кто такой Лифарь^[16]? Я о нем слышу первый раз. Благодарю за адрес Маритэна^[17]. То, что Тебе писала Вера Ивановна <Шаршун-Померанцева>, сущая правда. Именно на конечной остановке трамвая, в Новогирееве, со мной приключилось сильное головокружение. Теперь я себя чувствую лучше.

Верно, что я пригласил в гости Шапиро и его жену. Приглашаю и Тебя. Если увидишь Инденбаума, кланяйся ему. Скажи ему, что я себя считаю вечным его должником. Он был на редкость добр со мной, когда я в первый раз показался в Ротонде. Добрые деяния, по слову Вийона, никогда не забываются.

Шапиро меня крайне обрадовал: в парижской Национальной библиотеке он нашел материал обо мне – Silhouette Montparnassienne

с моим портретом, заказал снимок и послал мне. Об этой странице я не имел никакого понятия.

Прими крепкое рукопожатие. Кланяются Тебе Марья Александровна и Татьяна Марковна. Пиши, особенно ответом не задерживай.

М<арк> Т<алов>

P.S. Получили мы приглашение Нины Константиновны Бальмонт-Бруни придти вечером 23 декабря на поминки ее отца, умершего во Франции в 1942 году. Поэт он был изумительно-музыкальный^[18].

М<арк> Т<алов>

1. Талов ошибся: вечер Шаршуна под названием «Дада Лир Кан» состоялся в рамках Палаты поэтов (кафе Saméleon) не 24, а 21 декабря 1921 г., см.: Хроника 1: 55.

2. При жизни Талова такая книга так и не появилась; она была издана стараниями его родных значительно позднее: *Малларме Стефан. Собрание стихотворений / Сост. и послесл. М.А. и Т.М. Таловых. М.: Художественная литература, 1990.*

3. См. прим. 3 к п. № 6, от 16 июня 1965 г.

4. Жеден Таллеман, сьер де Рео (1619–1692), французский писатель, автор «Historiettes» – собрания коротких биографий.

5. См. прим. 2 к п. № 12, от 27 мая 1966 г.

6. См. прим. 4 к п. № 8, от 11 октября 1965 г.

7. См. прим. 6 к п. № 12, от 27 мая 1966 г.

8. don't j'e suis hante – что меня преследуют (*фр.*).

9. Nachette (Ашетт) – французское акционерное общество по изданию, распространению книг и периодической печати (возникло в Париже в 1919 г. на базе книгоиздательской и торговой фирмы Луиса Ашетта, основанной в 1826 г.).

10. Морис Утрилло (1883–1955), французский живописец-пейзажист.

11. Жорж Брак (1882–1963), французский художник, график, сценограф, скульптор и декоратор.

12. Морис де Вламинк (1876–1958), французский художник-фовист.

13. См. прим. 28 к п. № 2, от 17 сентября 1964 г.

14. Альфред Сислей (1839–1899), французский художник-импрессионист.

15. См. прим. 1 к п. № 3, от 30 ноября 1964 г.

16. Сергей Михайлович (Серж) Лифарь (1904–1986), танцовщик, хореограф, балетмейстер.

17. Жак Маритен (Jacques Maritain; 1882–1973), французский философ, теолог, основатель неотомизма. Талов был знаком с ним и писал о нем в своих воспоминаниях:

Много помогал мне профессор Жак Маритен, глава католической философской школы, служивший культу Фомы Аквинского, впоследствии посол Франции в Ватикане. Я бывал у него в Версале: мы беседовали, читали стихи. У Маритена было много знакомых среди людей достаточно богатых. Был среди его друзей поэт Жан Луане, который умел писать готическим шрифтом. Напишет два-три моих стихотворения готическими буквами, сделает заставки в том же стиле, и Маритен направляет меня к людям, которые интересуются такими рукописями. Платили за них много – 2-3 тысячи франков (*Талов Марк. Воспоминания. Стихи. Переводы: 51*).

См. также выдержки из писем Маритена Талову от 2 и 13 апреля 1922 г. и дарственную надпись, сделанную им на своей книге «Art et scolastique» (Paris, 1920), подаренной Талову (*Талов Марк. Воспоминания. Стихи. Переводы: 211–212*).

18. Касаясь контактов Бальмонта и Талова, следует, помимо известного конфуза с печкой (см. прим. к вступительной заметке к письмам Талова Гингеру на с. 284 настоящего тома и прим. 2 к письму Талова Гингеру № 1, от 21 ноября 1963 г.), упомянуть по крайней мере о двух письмах Бальмонта Талову (оба приведены в кн.: *Талов Марк. Воспоминания. Стихи. Переводы: 59–60, 61*): в первом, от 21 марта 1921 г. Бальмонт благодарит Талова за полученный от него «изысканный экземпляр» книги стихов «Любовь и голод» (Париж, 1920)¹, а во втором – «с удовольствием» отзываясь на предложение принять участие в замышлявшемся, но неосуществленном журнале «Палаты поэтов» (написано на *carte postale* с изображением St-Brévin-les-Pins – Shâteau de la Duchesse-Anne (Propriété et Œuvre du Maître Georges Barreau)).

См. также стихотворение Талова «Константину Бальмонту», включенное в его рукописный сборник «Камера причуд: 5-я книга лирики. 1920–1922» (Париж–Берлин) (ОРФ ГЛМ. Ф. 520. Оп. 1. Ед. хр. 21. Л. 16 об.–17 об.):

О добрый друг! Ты мне открыл дорогу,
Помог проникнуть мне в глубины духа,
Запечатлеть малейшие движенья
Души, погрязшей в омуте греха!

¹ В свою очередь Бальмонт подарил Талову сборник стихов «Дар земле» (Париж, 1921) с дарственной надписью: «Марку Владимировичу Талову с чувством искренней симпатии. К Бальмонт. 1921. 9 м<a>рт. Пасси» (обложка с автографом воспроизведена в кн.: *Талов Марк. Воспоминания. Стихи. Переводы (фотовклейка)*).

Она вся в мятеже и в схватках с жизнью.
Земная страсть земного человека
В ней победила святость францисканца.

Она еще горит! Она горит
Огнем неугасимым, в скорбных муках,
И страстно ей хотелось бы – не может
Сгореть в аду.
Что ж делать, чувства подавили волю.
На бурном море я пляшу, как пробка.
Хотел я всех любить до испугленья,
До саморастворения в любви,
И неожиданно стал ненавидеть.
Метался долго, корчился в жаровне
Всеразрушенья и пылал огнем
Святого гнева... Злое пепелище!..

Гоним я. Не за то ли, что не верил
Так, как хотелось бы врагам? Я был
Клеветниками проклят и, как Каин,
С печатью, выжженной на лбу, скитался
За то лишь, что прямым я был и скрытным,
Застенчивым, упорно-молчаливым,
И сам я создавал себе богов,
Которым неразумно поклонялся.
Любил туда ходить, куда хотел,
Не спрашивая у людей советов,
Не слушая их предостережений,
Насилье их решительно отвергнув
Над духом независимым моим,
И я жестоко ими был наказан:
Подкидывшем живу на белом свете
И ныне беден я.
Глаза ввалились. Выступают скулы.
И крик невразумительный пророка
Срывается невольно с языка.
Всё, что на мне:
Пиджак потертый, фетровая шляпа,
Рубашка, даже палочка и туфли –
Всё мне подарено, и ничего я
Не покупал.
Зияют дыры, как семь язв господних,
В изношенных штанах... Мне стыдно людям
Смотреть в глаза.

Сентябрь 1920

Копия письма Сергею Шаршуну от пятницы 27. I. <19>67

Дорогой Сергей, извини, пожалуйста, что послал чересчур длинный список книг – desiderata, из моего сознания, действительно, ускользнуло простое соображение, что удовлетворение пожеланий может потребовать с Твоей стороны усилий, плохо согласуемых с Твоими возможностями. Я и не настаиваю, да и смешно было бы настаивать, но что меня как автора по-настоящему волнует, – так это моя книжка стихов. Однако обращение мое к Кириллу Михайловичу <Зданевичу> ничего не даст: на мое письмо, посланное ему назад тому полтора месяца, ответа нет: должно быть, и мне остается приписывать его молчание нелюдимому характеру его брата^[1]. Стало быть, всю надежду обращаю на Тебя: ради бога, займись покупкой «Двойного бытия» с тем, чтобы и Тебе я мог послать надписанный экземпляр. А купленные экземпляры, если только Ты сам не собираешься в Советский Союз, пошли простой бандеролью не Кириллу Зданевичу (хотя лучше всего было бы ему), а весьма приятному молодому человеку, Жану Березнэ (Mr Jean Bérezné, 16, rue de la Glasière, Paris 13-e), собирающемуся в этом году посетить Москву. Одновременно пошли ему открытку (написанную, разумеется, по-французски), в которой объясни ему, для кого предназначаешь книги, и попроси его передать мне собственноручно^[2]. За этот Твой подвиг я буду душевно признателен Тебе. И больше мне ничего не надо, кроме того, что самому Тебе захочется послать нам (если это только не утомит Тебя!)

Спасибо за Твою готовность передать Евангулову мой запрос. Мне его искренно жаль. Напиши, какие книги он опубликовал после нашей разлуки в 1922 году^[3].

Что до книги Шапиро, то он поторопился поделиться своей радостью, т<ак> к<ак> в издательстве, куда ее послал Илья Сельвинский, она провалилась: он обратился не по адресу. Гораздо больше шансов было бы, если бы он обратился в издательство «Искусство», но всему, конечно, мешает его тяжелый недуг: Сельвинский никуда из своей дачи не выезжает, значит некому проталкивать книгу^[4].

Шлю привет всем моим доброжелателям. Видишь ли иногда Терешковича? Кстати, где он, что делает <?> Марья Александровна и Татьяна просят кланяться Тебе.

В курсе ли Ты стоимости некоторых первых изданий, как, например:

- 1) *Desbordes-Valmore*. Pauvre<s> fleurs^[5].
- 2) *Barbey Aureivelly*. – Les prophètes du passé^[6].
- 3) ----- “ ----- Diaboliques^[7].
- 4) *T. Gautier*. – Emaux et Camées^[8].
- 5) *Paul Verlaine*. – Bonheur^[9].
- 6) ----- “ ----- Amour^[10].
- 7) *Oscar Wilde*. – Salomé^[11]. И, наконец:
- 8) *Rojas*. – Celestina^[12].

Это между прочим. Если Тебе трудно, не узнавай.

Ну, прости!

Крепко жму руку. Твой М<арк> Т<алов>

1. В письме, написанном Таловым К.М. Зданевичу за три недели до этого, 2 января 1967 г., и адресованном во Францию, о его брате, Илье Зданевиче, говорилось (ОРФ ГЛМ. Ф. 520. Оп. 1. Ед. хр. 116):

Очень буду рад, если черкнете несколько слов о себе и об Илье Михайловиче, которому прошу передать самую лучшую память о нем как о человеке, полном благородных чувств. Он представляется моему воображению таким же, как он изображен в картине несравненного Пиросманишвили. Никогда не забуду то заступничество его, о котором мне поведал в 1928 году Парнах, его протест против гнусных инсинуаций по моему адресу некоего Фиксмана или Фуксмана (?). Этой его статьи в «Последних Новостях» я так и не читал. <...> Читаю воспоминания об Илье Михайловиче в книге, вышедшей в этом году, Виктора Шкловского¹. Много интересного.

О возмущившей Талова статье Д. Кнута-Фиксмана см. прим. 8 к его письму Гингеру № 2, от 28 января 1964 г.

2. Копия письма Талова Jean Bérezné и его подруге Silvia Gordon, датированная 12 декабря 1966 г., находится в ОРФ ГЛМ. Ф. 520. Оп. 1. Ед. хр. 102.

¹ Речь идет о вышедшей в 1966 г. 2-м изд. книге В. Шкловского «Жили-были», в которой описан ставший широко известным эпизод о том, как И. Зданевич явился на лекцию К. Чуковского о футуризме в Тенишевское училище с размалеванной щекой.

Полицейский пристав в хорошо сидящем мундире, наслаждаясь сочувствием публики, – вспоминал Шкловский, – вежливо выводил Зданевича, но тот, не стесняв крамольное изображение, выступил, доказывая, что накладывают же краску дамы на щеки, а он, Зданевич, считает ту раскраску академической и вводит новые методы украшения (*Шкловский Виктор*. Собрание сочинений: В 3-х томах. Т. 3. М.: Художественная литература, 1973. С. 102).

3. На своей книге «Белый духан» (Париж, 1921), преподнесенной Талову, Евангулов оставил следующую дарственную надпись (воспроизведена в кн.: *Талов Марк. Воспоминания. Стихи. Переводы (фотовклейка)*):

Марку-Людовику Талову, певцу двух стихий – Любви и Голода с пожеланием, чтобы Любовь пожрала Голод

Преданный

Автор

20 ноября 1922

Париж

Ср. в письме Талова Евангулову, в котором он напоминает об этой дарственной надписи: прим. 1 к п. № 3, от 30 ноября 1964 г.

4. Речь идет о том, что Я. Шапиро загорелся желанием издать свою книгу «La Ruche» в Советском Союзе на русском языке (из приводимого ниже таловского письма выясняется, что в оригинале она и была написана по-русски и затем переведена и издана по-французски). Поддержавший его Талов обратился за помощью к И.Л. Сельвинскому, который хорошо знал Шапиро и был когда-то в дружеских отношениях с ним. 4 июля 1966 г. Талов писал ему (ОРФ ГЛМ. Ф. 520. Оп. 1. Ед. хр. 139):

Уважаемый Илья Львович,

Знаете ли Вы, что очень талантливый художник, примыкающий к Парижской школе и Ваш друг Яков Шапиро, передал через посредство Марка Самойловича Лисянского в бытность его в Париже свою автолитографию в трех экземплярах, изображающую столь мне знакомую «La Ruche» («Улей») – уют художественной богемы, в котором в свое время обитали ныне знаменитые художники (мои товарищи), такие, как Осип Цадкин, Хаим Сутин, Модильяни и Блез Сандра, да и я? Эти три автолитографии предназначались <-> одна – для Лисянского, которого я просил навестить Вашего друга, другая – для Вас и третья – для меня. Правду сказать, Лисянский живет на даче, автолитография, переданная для Вас, у него, но он не находит времени вручить ее Вам. Художник за мольбертом, изображенный на автолитографии, живо напоминает Марка Шагалла <sic> (так мне кажется, но, правда, в последний раз я с ним встретился в Берлине в 1922 году, возможно, что я ошибаюсь, однако очень-очень похож, и я не удивлюсь, если мое предположение подтвердит Шапиро).

На это письмо Сельвинский отозвался почтовой открыткой (рукой Талова на ней написано: «Получено утром 11 июля 1966 г., в понедельник. М<арк> Т<алов>») (ОРФ ГЛМ. Ф. 520. Оп. 1. Ед. хр. 245):

Уважаемый Марк Талов!

Мне хотелось бы с Вами встретиться, поговорить о Якове Шапиро, но мое здоровье исключает возможность моего приезда в Москву. Если Вы настолько

окрепли после болезни, что можете пройти 1 ½ километра, я буду рад видеть Вас у себя в Переделкине <«городок писателей»>. – Уточнение Сельвинского. В.Х.> – 1 ½ это дорога от ст<станции> Переделкино до «городка».

Цвет<?>литографии от Лисянского я еще не получил.

Жму Вашу руку.

Илья Сельвинский

Получив эту открытку и передав ее текст в письме к Шапиро от 5 мая 1966 г., Талов несколько позднее, 11 июля 1966 г., сделал следующую запись в своем дневнике (ОРФ ГЛМ. Ф. 520. Оп. 1. Ед. хр. 88. Л. 27 об.):

Получил открытое письмо Сельвинского. Он приглашает меня к себе, если я себя хорошо чувствую. Хочет поговорить о Якове Шапиро. Поехать мне ничего не стоило бы, если бы не надо было пройти полтора километра от станции до его дачи и обратно, что мне категорически запрещено врачом. А он тоже прикован к «городку писателей» своей болезнью. Это значит, наше свидание состояться не может, к сожалению.

Видимо, убедившись в том, что встреча не состоится, Талов в письме к Сельвинскому от 27 июля 1966 г. придал делу достаточно драматический оттенок, представляя вполне материально обеспеченного Шапиро – как в былые времена – едва ли не голодающим французским художником:

Илья Львович, мне очень хотелось бы помочь Вашему другу, он написал по-русски замечательную книгу и издал ее во французском переводе – это о легендарных обитателях «La Ruche». Он просил меня, не смогу ли я устроить его книгу в советском издательстве «Искусство», но болезнь помешала мне исполнить данное обещание, и это теперь меня угнетает... Да и, кроме того, у меня нет связей, а жаль: книга его во многих отношениях могла бы заинтересовать советских людей: достаточно привести хотя бы такой упоминаемый Яковом факт, до сих пор никому неизвестный, – о посещении Лениным «La Ruche»!! Я понимаю, что и Вы больны, что Вам не менее трудно, чем мне, но, может быть, телефонными переговорами Вы могли бы добиться чего-нибудь в отношении книги Якова? Он тогда послал бы свою рукопись с новыми интереснейшими фотографиями, не включенными во французское издание. Как по-Вашему? Что можно для него сделать? Мне почему-то кажется, что у него какие-то стесненные обстоятельства, может быть, приходится и голодать?

Если Вам позволит Ваше самочувствие, я был бы доволен получить от Вас в ответ обнадеживающее письмо.

Книга Шапиро «La Ruche» в Советском Союзе не издавалась.

5. Речь идет о сборнике стихов «Pauvres fleurs» (1839) французской поэтессы Марселины Деборд-Вальмор, см. о ней прим. 8 к очерку Г. Газданова <«Памяти Гингера»>.

6. Книга публицистических эссе «Les prophètes du passé» (1851; в русском переводе: «Пророки былых времен») французского писателя и пу-

блициста Жюля Амеде Барбе д'Оревилли (Jules Amédée Barbey d'Aurevilly; 1808–1889).

7. Принадлежащие ему же «Diaboliques» («Дьявольские повести»; 1874).

8. «Emaux et Camées» («Эмали и камеи»; 1-е изд. 1852; последнее, наиболее полное – 1872) – поэтический сборник французского поэта и литературного критика Пьера Жюля Теофиля Готье (Pierre Jules Théophile Gautier; 1811–1872).

9. «Bonheur» («Счастье»; 1891) – сборник стихов французского поэта Поля Мари Верлена (Paul Marie Verlaine; 1844–1896).

10. Принадлежащий ему же сборник стихов «Amour» («Любовь»; 1888).

11. «Salomé» («Саломея») – драма английского (ирландского происхождения) писателя, драматурга, поэта, эссеиста Оскара Фингала О'Флаэрти Уиллса Уайльда (Oscar Fingal O'Flahertie Wills Wilde; 1854–1900).

12. Фернандо де Рохас (Fernando de Rojas, ок. 1473/1476–1541), испанский писатель, автор романа в форме драмы «Селестина» (1499).

16

Копия письма Сергею Шаршуну от 17. II. 1967

Дорогой Сергей, спасибо за присыл книжки «La Foule Immobile»^[1] и, конечно, за сообщение о распродаже моей книжки стихов, ошарашившее меня не меньше, чем Тебя – в пору хоть переиздать ее. Правду сказать, я получил бы большее удовольствие, если бы она оказалась еще на складе, но ничего не поделаешь. Отлично понимаю, что ее найти будет нелегко, разве что случайно она оказалась бы на прилавке одного из букинистических магазинов! Поэтому освобождаю Тебя от ненужных забот.

Из присланного Тобою номера Figaro Littéraire я узнал о смерти моего большого друга, французского поэта мощного лирического дыхания и человека чарующего обаяния, несравненной памяти Андре Бретона^[2]! Мир праху его! Я его любил за редкую его простоту и обходительность. Нашел я также в номере этой газеты стародавний снимок, в котором Ты фигурируешь наряду с Твоими соратниками по школе сюрреалистов – Андре Бретоном, Филиппом Суппо <sic>^[3] и Луи Арагоном. И я вспомнил 1920 год! Мы были полны задора и глупых надежд... Но, увы, прошлое всё более и более уходит от нас,

пока корабль жизни удаляется от берегов, и вот уже на наших глазах оно облачается в классические ризы...

Напиши мне, пожалуйста, кто делал доклад о поэзии Осипа Мандельштама на его вечере и как прошел этот вечер^[4]. Мое пожелание Тебе, – чтобы выставки Твоих картин – как в Италии, так и в Люксембурге – прошли с успехом! Не собираешься ли снова в Москву? Как досадно, что мы так мало встречались во время Твоего прошлогоднего посещения Советского Союза. И надо же было мне как раз в ту пору получить квартиру. Кстати, письма ко мне ты адресуешь правильно – дом 31, кв. 27, а вот присланные Тобой журналы – Paris-Match и трикотажные (за которые М<ария> А<лександровна> не знает, как благодарить) долго искали меня, прежде чем меня найти, и всё потому, что Ты их адресовал в квартиру 24! Запомни мой адрес: д. 31, кв. 27, Марку Талову. Увидишь Якова Шапиро, кланяйся ему. Привет Тебе от М<арии> А<лександровны> и Татьяны М<арковны>.

Обнимаю Тебя заочно М<арк> Т<алов>.

Умер Давид Бурлюк^[5]. Пиши чаще.

М<арк> Т<алов>

1. См. прим. 20 к п. № 2, от 17 сентября 1964 г.

2. См. прим. 2 к п. № 2, от 17 сентября 1964 г. Бретона не стало 28 сентября 1966 г.

3. Филипп Супо (Philippe Soupault; 1897–1990), французский писатель, поэт, литературный критик, один из основателей сюрреализма.

4. Речь идет о вечере памяти О. Мандельштама, проходившем 12 февраля 1967 г. (пред. – Б.К. Зайцев). Доклад о жизни и творчестве поэта сделал Н.А. Струве, прочитавший также его стихи; С.П. Жабa огласил статью А. Лурье о Мандельштаме (пер. с франц. Т. Величковской) и прочел стихотворение «На страшной высоте блуждающий огонь...» (Хроника 3(7): 132).

5. Поэта и художника футуриста Д.Д. Бурлюка (1882–1967) не стало 15 января.

17

Копия письма Сергею Шаршуну
от вторника 18. IV. 1967

Дорогой Сергей, спасибо за интересные журналы, мы их читали с захватывающим интересом. Вот мне уже стукнуло 75 лет! 14 марта (это день моего рождения) я получил поздравление из Парижа: от

Луи Арагона (представь себе!)^[1], от Якова Шапиро и одного моего дальнего родственника, приславшего мне три книги, в особенности хорош Марк Шагалл <sic>. Здесь, в клубе литераторов Союза советских писателей готовится вечер, посвященный моему творчеству. Если он состоится, я Тебе подробно опишу его. Как ты себя чувствуешь, старый друг мой (старый друг лучше многих десятерых!)? Почему так долго не пишешь? Я же не успеваю всем отвечать на поздравления, этим объясняется задержка моего ответа на письмо Веры Ивановны <Шаршун-Померанцевой>, но она пишет, что и с Тобой прервала связь.

Думаешь ли снова посетить нас? Если да, то это было бы очень хорошо, т<ак> к<ак> мы смогли бы дольше беседовать – о том, что в Париже. Ты так и не встретился со Зданевичем? Я получил от него письмо уже из Тбилиси, где у него масса дел. Когда вернется в Москву, не знает. Привет Тебе от Марии Александровны и Тани: они благодарят Тебя за внимание. Крепко обнимаю Тебя, Марк.

P.S. Состоится ли или состоялась ли Твоя выставка в Италии?

М<арк>

1. См. прим. 5 к п. № 2, от 17 сентября 1964 г.

18

Копия ответа Сергею Шаршуну
на письмо от 8 мая 1967 года

Москва 1. VI. <19>67. Четверг. Дорогой Сергей. Твое письмо застало меня в горизонтальном положении – с 11 мая по 29-ое вследствие приступов грудной жабы и впоследствии осложненных я соблюдал постельный режим, но теперь<,> слава богу <,> в течение девяти часов в сутки я соблюдаю предписанный мне домашний режим и нахожусь к великой моей радости в вертикальном положении: лежать без движения мне смертельно надоело. Теперь жду путевки в кардиологический санаторий, но пока что я – дома и счастлив, что перо послушно моей мысли. Счастлив еще и потому, что действительно *дома*, в нашей квартире, на четвертом этаже, которую Ты мог увидеть, но так и не увидел. У нас очень хорошо, много света и воздуха, а на балконе Мария Александровна даже развела целый сад!

Но вот я пишу и не уверен, получишь ли мое это письмо: ведь кажется Ты собирался в Венгрию или в Словакию?

Напрасно Ты себя обзываешь мизантропом, Ты, кажется, клеветешь на себя. Недавно, знаешь, я перерыл мою парижскую корреспонденцию давних времен и вдруг набрел на письмо Алексея Михайловича Ремизова, в котором он просит извинения за то, что не смог принять меня с Тобою в назначенный им день ^[1]! Он мне послал его в начале лета 1922 года в Берлине! Стало быть, оказывается я познакомил Тебя с Ремизовым? Хоть убей, не помню я сего.

Хоть Ты и пугаешь меня своей «мизантропией», тем не менее осмеливаюсь обратиться к Тебе с *величайшей просьбой*, связанной с определенной жертвой с Твоей стороны. Пишу безо всяких обиняков, поэтому и Тебя прошу попросту *отказать* мне в ней, если у Тебя нет возможности исполнить просьбу. Дело сводится к тому, что кое-кому в Париже я задолжал 48 франков. Если бы Ты смог послать ей почтовым переводом эту сумму денег, то я мог бы возместить истраченную Тобою сумму путем соответственной помощи от Твоего имени кому бы Ты сам пожелал: Вере Ивановне <Шаршун-Померанцевой> или кому-нибудь из Твоих родственников. Это мне было бы сделать *нетрудно*, и таким образом мы разочлись бы. На всякий случай вот адрес лица, которому я задолжал вышеозначенную сумму:

Mme Esther Leff, 46, av. Simon Bolivar 75. Paris 19-e.

Не обижайся за просьбу, высказанную таким откровенным образом.

Мне любопытно узнать, получил ли Евангулов мое письмо, посланное ему года три тому назад ^[2].

Мария Александровна посылает Тебе свои наилучшие пожелания. Татьяна (наша дочь) тоже. Она связала хорошую кофточку из шерсти для Марии Александровны по посланным Тобою журналам по вязанию. Спасибо Тебе. Обнимаю Тебя по-братски,

М<арк> Т<алов>

1. Текст письма Ремизова Талов приводит в п. № 26, от 3 февраля 1969 г. (см. ниже).

2. См. прим. 1 к п. № 3, от 30 ноября 1964 г.

Копия ответа Сергею Шаршуну
от четверга, 13 июля 1967 г.

Дорогой Сережа,

о Твоем последнем письме от 8 июня мне сообщила Марья Александровна. Я тогда находился в кардиологическом санатории^[1]. Получил же я письмо лишь во вторник 20 июня! Из санатория же я вернулся только в воскресенье 9 июля. Этим и объясняется столь долгое молчание.

Не нахожу слов для выражения чувств, вызванных Твоим великодушием. На днях посетил Веру Ивановну <Шаршун-Померанцеву> и исполню свой долг.

Пишу, но не совсем уверен – застанет ли Тебя это мое письмо в Париже.

Евангулова очень жаль^[2].

Все посланные журналы и газеты получил в полной сохранности. Благодарствуй!

Когда я находился в санатории, Марья Александровна в другом своем письме известила меня о неожиданной посылке из Парижа: это книга Жанны Модильяни – «Modigliani sans légende». Жанна Модильяни – дочь Амедео и Жанны Эбютерн^[3]. Книга снабжена весьма трогательной авторской надписью^[4].

Живет Жанна Модильяни в Париже с 1939 года, была партизанкой в годы нацистской оккупации, попала в тюрьму и сумела бежать оттуда. Ее биография полна необыкновенных приключений. Книга богата иллюстрациями (редчайшие фото и репродукции картин и рисунков).

Сейчас я чувствую себя значительно лучше. Получил я также письмо перед днем моего юбилея от Henry Ramey^[5]. Он писал, что послал мне каталог или монографию своего творчества, однако я его не получил. Я ему об этом написал, но ответа нет до сего дня. Если случайно увидишь его, передай, пожалуйста, что я беспокоюсь о них (то есть о нем и его жене). Может быть, он неправильно написал мой русский адрес, вследствие чего я не получил его письма, на этот случай посылаю совершенно готовый, переписанный на машинке адрес, который ему остается только приклеить на конверте. Пошли это ему по адресу:

Madame et Monsieur Henry Ramey
6, rue Desaix
Paris 15-e

Напиши им, что я всё еще собираюсь поздравить Жана Кассу с премией, полученной им в этом году^[6].

Вернувшийся из Парижа Кирилл Зданевич приходил к нам, когда я был в санатории, рассказывал, что в Париже меня многие помнят. Он подарил нашей дочери Татьяне свою картину – «Горные цепи Кавказа».

Почему ничего не пишешь о своем здоровье? Как Ты себя чувствуешь? Марья Александровна и Татьяна Тебя душевно приветствуют. По испанскому обычаю похлопываю Тебя дружески по спине. Привет всем помнящим меня.

Твой Марк

1. Место санатория – «Переделкино» – зачеркнуто.

2. По-видимому, Шаршун сообщил о тяжелом состоянии Евангулова; а в следующем письме – о его смерти.

3. Жанна Модильяни (Jeanne Modigliani; 1918–1984), дочь Амедео Модильяни и художницы Жанна Эбютерн (Jeanne Hébuterne; 1898–1920). После смерти отца (24 января 1920 г.) и последовавшего за ней самоубийства матери воспитывалась в доме сестры Амедео Маргериты, жившей во Флоренции. Автор биографической книги о своем отце, написанной в оригинале по-итальянски: «Modigliani sin la leyenda» (1958, «Модильяни без легенд»); в переводе на французский – «Modigliani sans légende» вышла в 1961 г.

4. Дарственная надпись была следующей: «Марку Талову со всем моим уважением и симпатией» (приведена в кн.: *Марк Талов*. Воспоминания. Стихи. Переводы: 216); далее в той же книге говорится:

Позднее с Ритой Райт-Ковалевой она передала и итальянское издание этой книги, написав ее: «Марку Талову с нежностью».

5. См. прим. 15 к п. 4, от 5 апреля 1965 г.

6. Жан Кассу (Jean Cassou; 1897–1986), французский писатель, поэт, издатель журналов «Les Lettres Parisiennes», «La Vie des Lettres»; в годы II-й Мировой войны участник движения Сопротивления, узник фашистских концлагерей. Письмо к Кассу Талов отправил 22 июля 1967 г., см. копию в его архиве (ОРФ ГЛМ. Ф. 520. Оп. 1. Ед. хр. 121).

Копия ответа Сергею Шаршуну
на его письмо от 16 августа

Суббота 23 IX 1967

Дорогой Сергей, получил Твое последнее письмо 16 августа с<его> г<ода>, сразу не ответил не по лености: жизнь завертела меня в своей карусели. Меня огорчила смерть Евангулова^[1], а ровно через месяц – 31 августа – не стало моего преданного друга Ильи Григорьевича Эренбурга. Только после его смерти я понял, кого лишился. На траурном митинге в Центральном Доме Литераторов я стоял в почетном карауле у гроба наряду со всеми, пожелавшими отдать последний долг прекрасному человеку и большому поэту. Для меня он сделал очень много, неоднократно в трудные минуты моей жизни приходил мне на помощь.

5 августа, за 11 дней до получения мною Твоего письма, пришла и посылка Раменя – каталог юбилейной выставки его картин^[2], но по скверным фото трудно судить о достоинствах того или иного живописца: следовало бы посмотреть полотна.

До получения Твоего письма мы с Марьей Александровной отправились к Вере Ивановне <Шаршун-Померанцевой>. Я вернул ей то, что Тебе был должен: раньше никак не мог в связи с некоторыми покупками первой необходимости. Тебе снова великое спасибо за оказанную мне услугу.

В последнюю неделю произошло знаменательное событие в моей жизни, исход которого для меня был совершенно неожиданным. Я отправился в издательство, чтобы потребовать возвращения моей папки с рукописями, предложенными мною *полтора года* назад! С тех пор я в издательство не показывал и носа и даже забыл о том, что у них находится моя папка, не предполагал, что в отношениях ко мне могли произойти огромные изменения. Директор издательства в присутствии заместителя главного редактора заверил меня, что *он очень хочет издать мою книгу стихов*, поэтому рукописей моих не возвращает, и высказал некоторые пожелания, которые я обещал исполнить. Это – единственное, выставленное им условие, по выполнению которого будет заключен последующий официальный издательский договор со мною. Значит, теперь можно сказать, что застарелые арктические

льды тронулись, наконец! Этим сдвигаю в особенности рада Марья Александровна. Когда выйдет книжка, вышлю Тебе^[3].

22 июля с<его> г<ода> я получил письмо от дочери Модильяни из о. Пантелерия (Италия). Она изучает русский язык, чтобы затем предпринять небольшую туристскую поездку в Москву, где надеется со мной завязать контакт. Она просит меня написать воспоминания о ее матери^[4].

Вчера ко мне пришел Кирилл Зданевич: 28 сего месяца он уезжает в Тбилиси, где ожидается вернисаж выставки его картин.

Если Ты в Париже, напиши, какие новости в мире искусства.

Марья Александровна и Татьяна велели кланяться Тебе.

Жму руку.

М<арк> Т<алов>

1. Г. Евангулова не стало 31 июля в Гамбурге.

2. Дарственная надпись на каталоге воспроизведена в кн.: *Талов Марк. Воспоминания. Стихи. Переводы* (фотоклейка).

3. Книга стихов Талова, об издании которой он впервые упомянул в письме Шаршуну за три года до этого (см. п. № 2, от 17 сентября 1964 г.) из печати не выходила – советская издательская бюрократия сделала всё возможное, дабы воспрепятствовать ее появлению, хотя и при самом любезном отношении к автору и его детищу. Даже после смерти Талова оставалась какая-то надежда на ее издание, о чем его вдова, по-видимому, сообщала Шаршуну, который в ответном письме (от 14 декабря 1969 г.) писал (ОРФ ГЛМ. Ф. 520. Оп. 1. Ед. хр. 486. Л. 3 об.):

Будет очень хорошо, если книга Марка – будет напечатана.

Надеюсь, что Вы сможете мне ее послать.

(Какие трудные у нее роды).

4. Воспоминания Талова о Жанне Эбютерн см. в кн.: *Талов Марк. Воспоминания. Стихи. Переводы: 55–57*; в той же книге приведен написанный ею 1 октября 1919 г. портрет Талова (фотоклейка).

Копия ответа Сергею Шаршуну
на его письмо от 22 декабря 1967 года

Москва, понедельник, 8 января 1968

Дорогой Сергей, поздравительное письмо получили на тринадцатый день со дня его отправления из Парижа, но в этом факте нет ничего удивительного, т<ак> к<ак> праздничная почта всегда перегружена. Хотя и с опозданием просим принять и наши поздравления с Новым Годом, желаем Тебе прежней бодрости в течение еще долгих и долгих лет, а Мария Александровна и наша Татьяна очень благодарят за присыл всевозможных литературных, вязальных и модных журналов.

Надо сознаться, что и я эпистолий не люблю: они здорово отвлекают от дела, однако на письма отвечаю, но не в пример сыну Леонида Андреева: по совету покойного Гингера, я к нему обратился с письмом, на которое он так и не ответил^[1].

Ты просто молодчина: я не в силах был бы предпринимать столь дальние путешествия, как ты. Радуюсь Твоему успеху в Женеве. Что же до Твоего пожелания, чтобы «наступающий» год оказался несколько лучше «отступающего», то, сдастся мне, он таким для меня и обещает стать. Я скажу даже больше: перелом совершился уже 27 ноября прошлого года, когда в клубе писателей Творческое объединение поэтов устроило мое выступление и обсуждение стихов.

В конце же прошлого года, а именно – 29 декабря моя книга от директора издательства перешла в руки заведующего литературным отделом. Таким образом, началась «деловая» сторона прохожденья моих рукописей. Нынешней весной я, вероятно, сумею известить Тебя, когда следует ожидать появления моего сборника^[2]. Можешь не сомневаться, что его получишь, как и Луи Арагон, которому я намерен послать его, но мне не хотелось бы к нему обращаться по его служебному адресу, а домашнего не знаю. Сообщи мне его, прошу! О том же, что он вошел в число «Десяти гонкуровцев», я узнал из заметки в нашей «Литературной газете»^[3].

Встречаешь ли Шапиро? Он почему-то мне не пишет. Кто такой В.А. Злобин, смерть которого Ты возвещаешь? Я что-то не помню его^[4].

В Париже живет дочь Модильяни. Знаешь ли, что она написала великолепную документальную книгу об отце^[5]? Книгу она мне по-

слала, и я упивался ею буквально. В ней она объявляет Андре Сальмона в пристрастиях ко всевозможным эффектам, высосанным из пальца сестрой Модильяни^[6]. Всё, что он писал, не подтверждается реальными фактами. Постарайся раздобыть эту книгу и ознакомиться с нею.

Мною написаны новые три стихотворения: 1) Шторм; 2) Первое мирное лето и 3) лирический опус.

Собираешься ли в Москву, которая день ото дня всё наряднее и прекраснее?

Жму Тебя крепко на испанский манер. Мария Александровна и наша Татьяна приветствуют Тебя.

М<арк> Т<алов>

Жду ответа.

1. В бумагах Талова сохранилась копия этого письма, датированного 27 марта 1964 г. (ОРФ ГЛМ. Ф. 520. Оп. 1. Ед. хр. 96):

Уважаемый В<адим> Л<еонидович>,

К Вам, поэту, обращается неведомый Вам поэт, один из основателей Палаты Поэтов в Париже, выдумке которого принадлежит и самое название «Палата Поэтов», Марк Владимирович Талов, а что такое Палата Поэтов – Вам, вероятно, известно.

Благодаря любезности Владимира Брониславовича Сосинского, сообщившего мне Ваш адрес, я получил возможность обратиться к Вам непосредственно с просьбой – не отказать мне в Вашем содействии привезти четвертую книгу стихов – «Весть» – Александра Гингера, моего друга и поэта, который хочет мне ее выслать, да не знает, как это лучше сделать, чтобы вернее дошла до меня. Так как Вы собираетесь приехать в Советский Союз в июне месяце с<его> г<ода>, то мы сочли за лучшее решение – послать эту книгу мне через Ваше весьма обязывающее посредство.

Александра Самсоновича я предварю письмом, дабы он был в курсе моего нынешнего демарша, а впрочем, Вы с ним, кажется, и сами знакомы.

Вас, как поэта, я имел удовольствие узнать, когда прочитал Ваши книги стихов, одну же – в машинописи. Они отличаются своими высокими чувствами любви к нашей Родине. Буду рад получить их из Ваших рук (если только у Вас остались свободные экземпляры), а если Вы навесите меня, то я буду счастлив показать Вам письмо Вашего отца – кажется, неопубликованное, письмо, в котором он объясняет какой-то своей читательнице смысл своего рассказа – «Стена». У нас имеется и Ваша прекрасная книга «Детство», которую мы читали с захватывающим интересом.

Пользуюсь случаем, чтобы Вас попросить об одной услуге, если она для Вас не составит особенно большого труда – привезти мне следующую книгу:

Stéphane Mallarmé. – Les Œuvres Complètes. – Paris, NRF. Bibliothèque de la Pléiade.

Эта книга меня интересует научным подходом ее редактора, интересует же меня как переводчика полного собрания стихотворений Стефана Маллармэ, начатого мною еще в Париже при активном содействии моего друга – Ренэ Гиля и оконченного уже в Москве. Во время нашей личной встречи, я думаю, мы с Вами разочтемся.

Если вздумаете написать мне, я очень буду рад этому. Простите за беспокойство. Искренно уважающий Вас, М<арк> Т<алов>

(Ниже следует мой адрес)

2. См. прим. 3 к предыд. письму.

3. Гонкуровская премия (Prix Goncourt), учрежденная в 1896 г. и присуждаемая с 1902 г., является высшей литературной премией Франции (названа по имени французских писателей братьев Гонкуров – Эдмона Луи Антуана (1832–1896) и Жюль Альфреда Юо (1830–1869)). В 1967 г. Л. Арагон был удостоен чести стать членом Гонкуровской академии, в которую входят 10 самых известных литераторов Франции.

4. Владимир Ананьевич Злобин (1894–1967), поэт и критик, литературный секретарь и хранитель архива З. Гиппиус и Д. Мережковского.

5. См. прим. 3 к п. № 19, от 13 июля 1967 г.

6. Имеются в виду написанные в виде романа воспоминания близкого друга Модильяни французского поэта, прозаика и художественного критика Андре Сальмона (André Salmon; 1881–1969) «La vie passionnée de Modigliani» (Paris: Gérard&Cie, Verviers, 1957).

22

Копия письма Сергею Шаршуну от 10.III.1968

Дорогой Сергей, слишком долго я не отвечал Тебе, прости, пожалуйста: виною тому – плохое самочувствие. Но меня живо интересуют все Твои сообщения об интеллектуальной жизни Франции. Очень благодарю Тебя за адрес Луи Арагона.

Что до смерти Фужиты^[1], конечно, этой вестью я потрясен, но – странное предубеждение! – стоит умереть кому-нибудь из художников или поэтов, как Андре Сальмон тотчас же объявляет себя другом усопшего и даже его «оплакивает», хотя «оплакиваемого» им он и не знал как следует. Так оно было и после смерти Модильяни. Андре Сальмон мне всегда был антипатичен своим лицемерием и грубостью своих манер. У него какое-то «иезуитское» лицо.

В особенности я рад тому, что в пятом номере словацкого журнала «Мировой Литературы» Твоему творчеству посвящена статья

и приведены 11 репродукций, а также переводы из Твоих книг. Это, вероятно, тот самый номер журнала, про который мне писала Вера Ивановна <Шаршун-Померенцева>, однако ни я, ни она его не получили. А было бы весьма интересно, т<ак> к<ак> Мария Александровна по-словацки понимает и читает^[2].

Еще жаль, чрезвычайно жаль, что в нынешнем году Тебя в Москве не будет (об этом, согласно желанию, ничего не скажу Вере Ивановне), а иначе просил бы Тебя снестись с Эстер Leff, которая передала бы для меня необходимые в моей работе книги.

Не знаешь ли, каково теперь состояние здоровья Леопольда Сюрважа^[3]? Поправился ли он или ему хуже? Это тоже один из моих хороших друзей двадцатых годов.

Я только что узнал, что в 1953–55 годах вышли в Париже два тома писем Макса Жакоба: Max Jacob. Correspondance, t. 1–2. Paris, 1953–55. Я, конечно, хотел бы их получить, но, может быть, Ты раздобыл бы их и сначала перелистал: нет ли в его письмах периода 1917–1930 гг. где-нибудь упоминания моего имени. Если нет, то я мог бы и отказаться от этого издания, несмотря на интерес мой к нему.

Я думаю, какой из моих портретов дать в моей книге: работы Модильяни^[4] или Макса Жакоба.

Твои журналы по вязанию весьма пригодились: Таня связала себе кое-что. Мария Александровна посылает Тебе теплый привет. Обнимаю Тебя.

М<арк> Т<алов>

1. Цугухару Фудзита (также: Леонард Фужита, Léonard Foujita; 1886–1968), французский живописец и график, представитель «парижской школы» (уроженец Японии).

2. Речь идет о № 5-м словацкого журнала «Revue Svetorej Literatury» за 1967 г.

3. См. прим. 27 к п. № 2, от 17 сентября 1964 г.

4. См. прим. 31 к п. № 2, от 17 сентября 1964 г.

Дорогой Сережа, боюсь, что мое письмо Тебя уже не застанет в Ванвях^[1], а мне хотелось проверить одну из дошедших до меня

новостей, имеющих непосредственное отношение к Тебе. Один мой знакомый утверждал, что он читал Твою книгу воспоминаний... Что это за книга^[2]? Если только это не миф, то пошли ее, пожалуйста, и как можно скорее по следующему адресу: M-me Esther Leff, 46, av. Simon Bolivar, 75. Paris 19-e. Если захочешь, можешь ей позвонить вечером по телефону: 208-76-28. Предупреди ее, что она – для меня. Ей же можешь передать и «Revue Swetorej Literatury», если Ты располагаешь лишним экземпляром.

Относительно двухтомника писем Макса Жакоба, то пошли мне, если, разумеется, найдешь их по своем возвращении, лишь в случае, если найдешь в них что-нибудь обо мне. Век буду благодарить Тебя.

Что касается портрета для моей книги стихов, то Ты просто запомнил: мой портрет работы Сутина находится не у меня. Речь идет о выборе между моими портретами работы Макса Жакоба или Модильяни. Насколько мне известно, издательство склоняется в пользу работы Модильяни. Что до моей книги, то она всё еще находится в процессе становления на рельсы. Правда, рецензии уже получены. Всего их было три, две последние были блестящи! Это, конечно, является огромным плюсом, но это только начало. Если книга выйдет, то я ее вышлю Тебе.

О том, что Павел Вейсбрем умер три года назад в Ленинграде, я узнал лишь недавно и случайно^[3]. А вообще-то я и не подозревал о том, что он находится, можно сказать, – рядом с Москвой...

Спасибо за журналы от имени жены и дочери. Они не нарадуются, читая их. Шлют Тебе счастливого пути <sic>.

Крепко жму обе. Пиши.

М<арк> Т<алов>

1. Талов шутливо обыгрывает название парижского пригорода Ванв (Vanves), где жил Шаршун.

2. По-видимому, имеется в виду мемуарный очерк Шаршуна «Мое участие во французском дадаистическом движении», опубликованный в нью-йоркском альманахе «Воздушные пути» (1967. Кн. 5. С. 168–174).

3. См. о нем в комментарии к стихотворению Гингера «Преданность» (II).

Копия ответного письма Сергею Шаршуну
на его письмо, полученное 25 июля 1968 г.

М<осква>, понедельник, 12 августа 1968

Дорогой Сергей, благодарю Тебя за дружественные чувства ко мне, за поиски двухтомного собрания писем Макса Жакоба, за все проявления доброты, спасибо от всего сердца.

Что до хороших рецензий, этот этап давно уже остался позади. Во мне растет уверенность в том, что сборник моих стихотворений *выйдет*, и тогда – пришлю его непременно.

У нас лето в этом году тоже довольно прохладное: вещь небывалая, *в июле*, в Доме творчества было даже холодно, временами подтапливали.

Ты пишешь, что в Ванве воздух свежий, чистый. Я знаю и неоднократно бывал в парижских предместьях, некоторые из них располагают к творческой работе. Есть места очаровательные, но поверь, и в нашем Подмосковье не менее чудно работается: можешь себе представить, за месяц пребывания в Голицыне я написал около четырехсот стихотворных строк! Это – три стихотворения и первые две главы новой поэмы. Не было дня, чтобы я чего-нибудь не написал. Остается написать третью (она же последняя!) главу поэмы, озаглавленной: «Юлия, она же Примавера, и поэт-эмигрант». Вторую главу я включу в свой сборник стихов.

У твоей сестры я давненько не был. Ездить мне всё труднее и труднее, а тем более – переноситься из одного конца города в другой, однако надеюсь посетить ее до осени.

Жена и дочь наша душевно рады журналам, стоит им прибыть, как жену и дочь не оторвать от них. Дочь вяжет с большим мастерством, любит это дело. Они шлют Тебе душевный привет.

Жаль, что Твои работы я видел лишь в репродукциях, передающих лишь геометральные пропорции, соотношения же тонов репродукции, к сожалению, не передают, и поэтому лично я не могу себе составить четкое мнение о каком-либо произведении искусства (живописи).

Крепко жму руку. Твой М<арк> Т<алов>

P.S. Работаешь ли в области литературы?

М<арк> Т<алов>

Копия письма Сергею Шаршуну
Москва, среда, 4 декабря 1968

Дорогой Сергей,

извини, пожалуйста, мое долгое молчание, а между тем мои дамы очень благодарят за присыл модных журналов, в особенности рада Таня: она себе уже навязала кое-чего и одета по последней парижской моде. Не писал же я потому, что совершенно неожиданно ко мне обратилась Комиссия по литературному наследию Ильи Эренбурга с просьбой написать воспоминания о нем для готовящегося сборника его памяти. Представить рукопись я должен самое позднее в мае месяце будущего года, я весь ушел в работу. К тому времени, как Ты получишь сие послание, вероятно, разрешится и другое дело моей жизни: будет готов договор на издание книги стихов, выход которой проектируется на следующий, 1969 год. Как только выйдет она, не забуду выслать ее Тебе.

Мне Твоя сестра уже писала о выставке Твоих картин в Италии, что она отложена до весны будущего года. Очень жалко, что не смогу присутствовать на ее вернисаже.

Помнишь ли о двухтомнике писем Жакоба? Жив ли Инденбаум? Я потому о нем спрашиваю, что мне очень хочется и ему послать мою книгу, но у меня, правда, нет его адреса. Моей благодарности к нему за его поддержку в трудные годы моего парижского житья нет конца.

Сейчас в Париже находится дочь Бальмонта – Нина Константиновна Бруни. Она, вероятно, бывает у своей сводной сестры, тоже дочери Бальмонта^[1]. Постарайся с нею познакомиться. Увидишь, приветствуй от меня. Крепко обнимаю Тебя, М<арк> Т<алов>.

P.S. Можно ли еще приобрести нашумевший сборник стихов Жана Кассу^[2]?

М<арк> Т<алов>

1. См. прим. 1 к письму Б. Заковича Гингеру и Присмановой № 1, от 24 февраля 1936 г.

2. Судя по всему, Талов ведет речь о самой известной поэтической книге Ж. Кассу, написанной в годы Второй мировой войны и оккупации немцами Франции, – «Trente-trois sonnets composés au secret» (Paris: Éditions de Minuit, 1944).

26

Копия письма Сергею Шаршуну
Москва, п<о>н<е>д<ельник>, 3.II.1969

Спасибо, дорогой Сергей, за интересную видовую открытку – старую «Муфтарку»^[1]. Я смотрел на нее, и на меня хлынули воспоминания... Я припомнил, как однажды, когда я с Антоновым-Овсеенко^[2] проходил по ней, на нас вдруг набежала целая ватага парижских озорников. Они с товарища Антонова сорвали пенсне, и он, близорукий, в момент стал совершенно беспомощным. Мы их пристыдили, и они оставили нас. Грустное воспоминание!

В последнее время мы, к сожалению, стали реже писать друг другу. Правда, у меня есть оправдание: упорная работа над воспоминаниями, начатыми еще в ноябре прошлого года. Продвигаются они туго, а сдать я должен рукопись к началу мая. Вот еще новость: у нас к изданию готовится монография на русском языке о жизни и творчестве Модильяни. В книгу войдут мои воспоминания о нем и его жене, а также будут воспроизведены моих два портрета его работы^[3]. Ожидается еще радиопередача «Родина» для русских за границей. Завтра я выступлю между 11–12 ночи. Вторая передача будет состоять из моих стихов, точно еще не знаю, в какой день. Думаю – тоже в феврале. Когда узнаю, заблаговременно уведомя Тебя.

Посылаю Тебе копию письма ко мне Алексея Михайловича Ремизова от 9 июня 1922 года, на которое я случайно набрел, разбирая свой архив. Так как снимок не отчетлив, передаю его содержание:

«Дорогой Марк Владимирович! Не сердитесь на меня: я должен был уйти и *никак не мог Вас предупредить*. Письмо Ваше получено вечером вчера. Прошу Вас и С. Шаршуна в воскресенье в 6-ть вечера. Стихи Ваши получил, спасибо. Алексей Ремизов»^[4]. Думаю, письмо Тебя может заинтересовать, поэтому посылаю.

Дело с выходом моей книги подвигается медленно, но верно. Будет, кажется, называться: «Зимняя симфония». Жду ее не позже

1970 года. Только бы нам с Тобою дожидаться, а послать ее – непременно пошлю.

В прошлом году, находясь в Доме творчества в Голицыне, я внезапно здорово поработал: написал вторую песню поэмы «Юлия, она же Примавера, и эмигрант». Остается написать последнюю, третью песню. И, кроме того, два лирических стихотворения. Первое называется «Кутеж». Это – о тех днях начала 1914 года, которые Ты, должно быть, помнишь: как мы художники, поэты и композиторы, кутили в «Ротонде»^[5]. Второе – «Рембрандт двадцатого века» (это – о Сутине)^[6]. Вот Тебе новостей полное лукошко.

Будем ждать обещанных номеров «Литературных новостей» и модных журналов. Наталья Столярова^[7] была у нас вечером в четверг 30 января. Я не забыл кланяться ей от Твоего имени, она же взаимно приветствует Тебя. Оказывается, она была у Гингера в 1965 году незадолго до его смерти. Он лежал больной и шутил. Я передал Столяровой адрес и телефон Твоей сестры и племянницы^[8].

Зная, как Тебе это трудно, я боюсь просить об одолжении. Это – книга об Осипе Цадкине^[9] и... японский самоучитель на французском или английском языке... Ну, будет! Не утруждай себя покупками и посылкой книг. Тебе велели кланяться Мария Александровна и Татьяна. Они не находят слов для благодарности за дамские журналы.

Vale^[10]! М<арк> Т<алов>

P.S. В Париже три месяца была дочь Бальмонта, Нина Константиновна. Видал ли Ты ее? Она говорила, что у Алексея Петровича (?) Струве^[11] видала мою книгу – «Любовь и голод».

М<арк> Т<алов>

1. Rue Mouffetard – одна из старейших в Париже; расположена в центральной части города – в Латинском квартале; ее главной достопримечательностью является открытый рынок.

2. Владимир Александрович Антонов-Овсеенко (наст. фам. Овсеенко; 1883–1938, расстрелян), революционер, советский партийно-государственный и военный деятель; до 1914 г. – меньшевик, с 1917 г. – большевик. Воспоминания о нем см. в кн.: *Талов Марк*. Воспоминания. Стихи. Переводы: 41–44, 45–46, 66–69.

3. Речь идет о книге В.Я. Виленкина «Амедео Модильяни» (М.: Искусство, 1970).

4. Другие письма А.М. Ремизова к Талову и дарственные надписи на преподнесенных ему книгах см. в кн.: *Талов Марк*. Воспоминания. Стихи. Переводы (фотовклейки).

5. См.: *Талов Марк*. Воспоминания. Стихи. Переводы: 178–179.

6. См.: там же: 180–181.

7. См. прим. 1 к письму Талова Гингеру № 4, от 18 июня 1964 г.

8. Т.е. Веры Ивановны Шаршун-Померанцевой (см. прим. 12 к п. № 4, от 5 апреля 1965 г.) и Зои Константиновны Винницкой (см. прим. 1 к п. № 8, от 11 октября 1965 г.).

9. Трудно сказать, о какой именно книге спрашивает Талов – библиография о Цадкине к тому времени накопила уже несколько названий; возможно, речь идет об одной из увидевших свет незадолго до этого письма: *Buchanan D. Le monde secret de Zadkine* (Paris: Arted, 1966) или *Czwikliter C. Ossip Zadkine: Catalogue de l'œuvre gravée* (Paris, 1967). Шаршун выполнил просьбу Талова, см. след. письмо.

10. Vale – Привет (*лат.*).

11. Струве Алексей Петрович (1899–1976), библиограф-славист, антиквар; сын Петра Бернгардовича и брат Глеба Петровича Струве.

27

Копия ответа Сергею Шаршуну
на письмо от 26 февраля 1969 г.

Дорогой Сергей, не знаю, как благодарить Тебя за монографию и за синтаксис японского языка. Ты дал себе, казалось бы, непреодолимую задачу, много книжных магазинов обошел, прежде чем Тебе удалось найти синтаксис. Но тут же говоришь, что учебников на английском языке очень много. А ведь это именно то, что до зарезу нужно Танюше: именно учебник или, верно, хороший самоучитель японского языка на *английском* (для англичан). Мне, право, совестно просить Тебя, но если только Ты в силах послать мне такой учебник (желательно с пластинкой – для усвоения фонетики японской речи), нашей благодарности конца не было бы. Это было бы для Танюши настоящим праздником.

У меня пока ничего нового. Погружен в работу об Эренбурге, которую я должен сдать через полтора месяца. Поэтому откладываю свой визит к Вере Ивановне <Шаршун-Померанцевой>, чтобы исполнить Твое поручение – показать ей монографию Цадкина. Вот бы вышла монография Твоих работ – как хотелось бы мне ее получить!

От сердца желаю Тебе полного успеха в Италии. Когда ожидается вернисаж выставки Твоих работ? Интересно бы получить отзывы на нее итальянской прессы.

Как только выйдет что-нибудь (я жду в конце года появления книги о Модильяни на русском языке), непременно вышлю Тебе.

Литературных новостей я не получил, как и дамских журналов.

Твой М<арк> Т<алов>

P.S. Марья Александровна и Татьяна благодарят Тебя за доброту и посылают душевное слово.

М<арк> Т<алов>

Шаршун – Талову

28 (2)

Дорогой Марк,

по всегдашнему прости долгое молчание.

И Ты, и я – заняты.

(Надеюсь, что успеешь вовремя закончить воспоминания об Эренбурге).

Отправил Тебе – модные журналы. Но литературный журнал – «благополучно вернулся», со штемпелями «нарушен международный договор». (Очевидно, я плохо их запаковал.)

Что же касается учебников японского языка, то – я не совсем уверен, что сумею их отправить – до моего отъезда в Италию: я – простудился (легко, и теперь у меня – ревматизм).

Выставка откроется – 20 апреля, в *Бергамо*, а уеду я, вместе с картиноторговцем – 17, и у меня будет – много беготни здесь, в Париже.

Знаешь ли Ты А. Архипенко^[1]?

Сейчас открыта его выставка.

Маленькая монография о моей живописи – существует, но пришло – когда будет более полная.

Жду Твою книгу.

Всех обнимаю. Твой Шаршун

8.4.<19>69

1. См. прим. 3 к п. 10, от 11 февраля 1966 г.

29 (3)
Дорогой Марк,

Я уже писал Тебе, что – «Литературная газета» была мне – возвращена и что женские журналы – отправил.

Послал я Тебе сегодня и – учебник японского языка, грамматику (на английском языке) и русско-японский словарь (изданный в России... что я заметил – уже только принеся его домой).

Есть учебники – для учащихся в школах (с учителем).

Вышел учебник – в Японии... и идет сюда (когда-то будет?) (М<ожет> б<ыть> – в конце этого месяца, но я надеюсь быть к этому времени – в Италии).

Граммофонной пластинки – нет. (Есть – для китайского языка).

Успеешь ли – сдать статью о<б> Эренбурге вовремя?

У меня – был маленький грипп, но уже прошел. Стараюсь держаться так, чтобы – не расхвораться перед поездкой в Италию.

Выставка моя, в Бергамо – будет, вероятно, 20 апреля или м<ожет> б<ыть> – на несколько дней позже. Поеду, вероятно – 18... или на несколько дней позже. Точно, окончательно – все еще – не знаю.

Много времени, недель – я был занят избранным своих афоризмов, по-французски. По выходе из печати – постараюсь прислать.

Обнимаю Тебя, дамам привет.

15.4.<19>69

Шаршун

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН¹

- Абрамович Р.А. (наст. фам. Рейн)
II:121
- Авксентьев Н.Д. I:85*, 300
- Агафонов В.К. I:56
- Адамович В.М. II:264
- Адамович Г.В. I:5*, 10*, 18, 27, 36,
37, 44, 48, 49, 54, 56, 69, 75, 85,
86*, 232, 259, 262, 263*, 266-
274, 276, 277, 281*-283, 286,
287*, 298, 299; II:10-13, 15, 20,
29, 31, 33, 52, 89, 120*-123*,
125-127, 131, 140, 155, 173*,
199-201, 203, 209-212, 214,
225*, 231, 246, 254, 257, 260,
262-264, 269, 304, 309, 310,
322-324, 330, 348, 358, 368,
371, 374, 376, 385, 411, 416
- Азем Л. I:294
- Азов В.А. (наст. фам. Ашкинази
[Ашкенази]) II:315, 317, 318
- Александр Македонский (Алек-
сандр III Великий) (макед.
царь, создатель мировой дер-
жавы) II:363
- Александр I (русский император)
II:242
- Алексеева Л. (наст. фам. Л.А.
Девель; в замуж. Иванникова)
II:264, 265
- Альперин А.С. II:67, 68, 162
- Амелин Г.Г. II:361*
- Андерсен Г.Х. I:268, 299
- Андреев Вал.Л. (псевд. С. Осокин)
I:12*, 31, 58, 86*, 261, 264,
266*, 269, 278; II: 8-11, 19, 21,
32, 35, 40, 74, 75, 91, 114, 297-
299, 321, 340, 341, 350, 383,
385, 388, 404, 410, 456, 457
- Андреев Вал.Л. II:9, 11
- Андреев Л.Н. II:8, 456, 457
- Андреева О.В. (урожд. Чернова)
II:10, 11, 32, 40, 74, 75, 321,
340
- Анна Марковна (подавальщица в
парижской студенческой сто-
ловой) II:372
- Анненков Ю.П. (псевд. Б. Теми-
рязов) I:56; II:173*, 263, 265,
266, 425*
- Анненский И.Ф. I:258; II:89
- Ан-ский С. (наст. фам. С. Раппо-
порт) II:167

¹ Имя Александра Гингера, появляющееся в книге постоянно, в указатель не включено, как не включены имена библейских, мифологических, фольклорных и литературных персонажей (в то же время приводятся производные имена, типа: Тургеневская библиотека, улица Горького и подобн.). Звездочкой отмечены те страницы, на которых указываемое лицо выступает как автор, редактор, составитель, переводчик, публикатор, издатель, иллюстратор и пр. На страницах, выделенных курсивом, о данном лице сообщаются необходимые биографические сведения. В том случае, если указываемое лицо не идентифицировано, а также если не установлена его фамилия или инициалы совпадают с кем-либо другим, в скобках отмечен род его занятий или то, как оно связано с Гингером или др. лицами. Псевдонимы (или, наоборот, подлинные имена) приводятся, как правило, в том случае, если они упомянуты в тексте настоящего издания.

- Анстей О. (наст. имя и фам. О.Н. Штейнберг) II:265, 333
- Антонов-Овсенко В.А. (наст. фам. Овсенко) II:463, 464
- Аполлинер Г. I:24, 28, 67, 285
- Апостол М.И., см. Муравьев-Апостол М.И.
- Арагон Л. (наст. имя и фам. Л.-М. Андриё) I:54; II:409, 412, 413, 419, 422, 448, 450, 456, 458
- Аронсон Г.Я. I:63*, 288*, 298
- Аронсон Н.Л. II:415
- Архипенко А.П. II:433, 434, 436, 466
- Арьев А.Ю. I:12*; II:138*, 140*, 143*, 144*
- Асеев Н.Н. II:409, 414
- Асеева О.(К.) М. (урожд. Синякова) II:414
- Аскольдов С.А. (наст. фам. Алексеев) II:333
- Ахматова А.А. I:25, 201, 235, 295; II:259, 279, 330, 333, 373
- Аш Ш. II:167
- Бабка Л. I:82
- Багрицкий Э.Г. I:233, 234; II:330
- Баканова И.В. I:39*
- Бакст Л.С. I:48
- Балто (адресат книги Гингера «Преданность») I:243
- Бальмонт-Андреева Е.К. (урожд. Андреева) II:289, 290
- Бальмонт К.Д. I:28; II:76, 136, 284, 288-290, 298, 410, 414, 432, 441, 442, 462, 464
- Бальмонт М.К. (в 1-м браке Бойченко, во 2-м Аутин) II:136, 137, 462
- Баран Х. II:123*
- Баратынский (Боратынский) Е.А. I:24, 142, 209, 251, 261, 264, 271, 275, 281, 297; II:53, 373
- Барт В.С. I:243, 258; II:204
- Бахрах А.В. I:5, 17*, 27*, 37*, 39*, 40*, 48, 51*, 54, 57, 69, 84*, 232*, 263*, 271, 282*, 284, 286, 299; II:10-15, 17*, 31*, 122, 141, 143, 147, 166*, 199, 208*, 213, 214*, 263, 269, 283-285*, 321*, 323, 342, 368, 385
- Бахрах К.М. (урожд. Веннола) II:13, 15
- Бахтин Н.М. II:385
- Беленсон (Бейленсон) А.Э. (М.) I:252*
- Белинский В.Г. I:259
- Белый А. I:208, 216; II:21, 330
- Белякова И.Ю. I:39*
- Бем А.Л. I:39, 44; II:225*
- Бен (наст. имя и фам. Б.С. Рабинович) II:150, 151, 364
- Бенедиктов В.Г. I:24, 67; II:395
- Бененсон А.К. II:163
- Бененсон А.С. II:162, 163
- Бененсон Л.М. II:163
- Берберова Н.Н. I:30, 31, 45*, 54, 55*, 281; II:155, 365*
- Берг А.Э. I:40
- Березнэ Ж., см. Bérézne J.
- Березняк Л. (владелец парижской типографии до II-й мировой войны) II:106
- Березняк (владелец типографии, младший брат Л. Березняка) I:270; II:98, 220-223, 262, 264, 267
- Березняк (сын предыдущего Березняка) II:267
- Берков П.Н. II:259
- Беркович И.Д. II:167
- Бернар Э. II:411, 417
- Берхин М.Ю. (псевд. Бенедиктов) II:285*
- Бестужев Н.А. II:240, 241

- Бестужев-Рюмин М.П. II:229
Бегховен Л. ван II:413, 421
Бецкой И.И. II:77, 79
Бильфельд Л. II:413
Блок А.А. I:25, 96, 239, 241, 252, 253, 273; II:21, 189, 228, 259, 280, 310, 321, 330
Блох Р.Н. II:177
Блюм М. (Блонд) II:63, 65, 73
Блюменталь М.А., см. Талова М.А.
Блюменфельд М.М., см. Гингер М.-Р.М.
Боберман В.А. I:254
Бобринский П.А. I:264
Богарне Ж. II:68
Богомолов А.Е. I:53
Богомолов Н.А. I:8*, 14*, 37*, 56*, 259*, 277*; II:127*, 131*, 211*, 304*
Богородицкая А.П. II:146
Богословский А.Н. I:84*, 85*, 254
Бодлер Ш.-П. I:28, 70
Божнев Б.Б.(В.) I:6, 10, 13, 21, 25, 27, 28, 31, 34, 71, 75, 76, 78, 106, 238, 243, 244, 252, 256, 259, 260, 264, 266, 276, 278, 280, 283, 290, 295, 299; II:8, 16-85, 91, 107, 127, 133, 134, 139, 155, 159, 160, 163, 177, 198, 206, 222, 234, 253, 289, 292, 366, 367, 372, 374, 387, 394, 406, 410, 421, 426, 434
Божнева-Каминер Э.М., см. Каминер-Божнева Э.М.
Бойст П.К.В., см. Voiste P.C.V.
Бологовской (Бологовский) В.И. II:87, 88, 264
Бонди С.М. II:259
Боранецкий П.С. I:56
Борисова Н. II:64, 66
Боэций А.М.Т.С. I:25
Брайнер (Брейнер) С.Н. II:11
Брамс И. II:366
Браславский А.Я. (псевд. А. Булкин) II:22, 24, 371, 385
Бреславский (Браславский; Барсела) М. II:160, 161
Бретон А. II:409, 412, 448, 449
Брик Л.Ю. II:120, 121
Брик О.М. II:120
Бродская Н.А. (урожд. Мансо) II:262, 263, 309
Бродский Б.Я. I:57
Бродский Й.А. II:279
Бронте Ш. II:29
Бронте Эм. II:29
Бронте Энн II:29
Бруни И.Л. II:289
Бруни Л.А. II:289
Бруни Н.К. (урожд. Бальмонт) II:288-290, 298, 410, 414, 432, 441, 462, 464
Брюсов В.Я. I:28, 192, 207, 259, 273, 294, 297; II:21, 61, 62, 286, 330, 363, 418, 419, 422
Буайе П. I:203, 204, 295
Буало Л. I:294
Будда Шакьямуни I:25, 198; II:197
Булич В.С. I:9, 11, 13, 31, 277, 282, 290, 295; II:18, 35, 45, 89-109, 126, 213, 221-223, 265
Булич С.К. II:89, 91
Булкин А., см. Браславский А.Я.
Бунаков И.И., см. Фондаминский И.И.
Бунин И.А. I:23, 32*, 50, 54, 57, 69, 256, 265, 266; II:110-112, 168, 169, 254, 295, 330, 331
Булнина В.Н. (урожд. Муромцева) II:111, 112, 163, 168, 169, 331
Бурбоны (династия) II:59
Буркин И.А. II:129
Бурлюк Д.Д. II:120, 449
Буслакова Т.П. I:32*

- Буш В. II:12
 Бушман И.Н. (урожд. Сидорова-Евсеева) II:333
 Бэнишу-Луцкая А. II:384*
- Вагинов К.К. II:330
 Вайншенкер П.Л. II:414
 Валери А.П.Т.Ж. I:192, 293; II:25, 440*
 Вальтер Л. II:285
 Ван-Гог В.В. II:199
 Варенцова Е.М. I:82
 Варшавский В.С. I:51, 57; II:12, 121, 123, 356
 Васильева М.А. II:230*, 231*, 416
 Вахтангов Е.Б. II:167
 Вега М.Н. (урожд. Волынцева) I:28; II:144
 Вейдле В.В. I:6*; II:74, 113, 268
 Вейншал Я.В. I:21; II:166-168
 Вейсбрем П.К. (псевд. П. Куклима-ти) I:23, 104, 252, 460
 Величковская Т.А. (во 2-м замуж. Жабя) I:48*; II:9-11, 260, 266, 320, 321, 341, 449
 Веннола С.М. (урожд. Валин) II:13
 Веннола Ю.Х. II:13
 Венцлова Т. II:174*
 Верлен П.М. I:244; II:293, 428, 440*, 445*, 448
 Вийон Ф. (наст. фам. де Монкор-бье) II:440
 Виленкин В.Я. II:417*, 437, 464*
 Вильданова Р.И. I:29*; II:120*
 Винницкая З.К. (урожд. Померан-цева) II:430, 431, 464, 465
 Винокур Н.Г. I:33*, 49*; II:163*
 Витковский Е.В. I:28*, 45*, 55*; II:232*
 Вишневский А.Г. I:14-15*, 26*; II:146*
- Вишняк М.В. I:9, 10, 40, 57, 68, 85*, 278, 300; II:114-118, 164*
 Войтоловский Л.Н. II:359*
 Волин Б.М. (наст. имя и фам. И.Е. Фрадкин) I:30*
 Воловик Л.О. II:373, 374, 380
 Волошин М.А. II:212, 333
 Вольтер (Ф.-М. Аруэ) II:258
 Врон Р. II:16
 Вяземский П.А. I:211, 215, 217
 Вячеславов П.Л. II:262
- Габрилович Е.И. I:289*
 Газданов Г.И. I:7-8*, 19*, 20*, 26-27*, 29*, 46, 47*, 55, 84*, 195, 268*, 280, 283, 284*, 294; II:15, 230, 231*, 239, 240, 368, 373, 374, 376-382, 447
 Газданова Ф.Д. (урожд. Ламзаки; в 1-м браке Гавришева) II:15, 262
 Гамсун К. (наст. фам. Педерсен) I:172, 288
 Ганский Л.И. (наст. фам. Гатинский) I:257
 Гартунг М.А. (урожд. Пушкина) II:87
 Гафиз (Хафиз) I:278
 Гейне Х.И.Г. I:252
 Гейро Р. I:243*; II:366*, 369*
 Геренрот А.С. II:122
 Геродот I:267
 Герра Р. II:250*
 Герцен А.И. I:203, 296
 Гершельман К.К. II:100-101, 102, 107
 Гессен В.И. I:44*
 Гефтер А.А. I:50
 Гельдерлин И.Х.Ф. II:325, 327
 Гёте И.В. фон I:12
 Гиль Р. (наст. фам. Гилберт) II:284, 286, 418, 422, 458

- Гингер Аннет (Annette) (невестка Гингера, жена Сергея) II:191, 192, 259, 261
- Гингер В. (Basile) А. I:12, 21, 55, 56, 64, 83, 176, 177; II:10, 27, 62, 66, 149, 161, 172, 175, 176, 180, 195-197, 233, 234, 258, 261, 267, 268, 272, 294, 301, 337, 343, 349, 353, 365, 434
- Гингер Г. (однокашник Г.П. Струве по училищу) II:282
- Гингер К. (дочь С. Гингера, внучка Гингера и Присмановой) II:353, 354
- Гингер М.Г. I:6
- Гингер М.-Р.М. (урожд. Блюменфельд) I:8, 96, 176, 177, 240, 291; II:148, 291, 294, 299, 372, 374
- Гингер Самсон (Ш.) Г. I:6, 8
- Гингер Сергей (Serge) А. I:12, 56, 83, 176, 177; II:10, 27, 62, 152, 161, 172, 175, 180, 191, 192, 233, 234, 258, 261, 268, 272, 277, 278, 294, 337, 343, 354, 365
- Гингер Сергей Г. I:6
- Гингер Ф. II:258, 261, 262, 264, 267, 268
- Гиндин С.М. II:123*
- Гинемер Ж.М.Л.Ж. I:164, 231, 280; II:263, 272, 390
- Гиппиус З.Н. (псевд. А. Крайний) I:23-25, 30-32, 266, 281; II:333, 385, 458
- Гиппиус Н.Н. II:333
- Гиппиус Т.Н. II:333
- Гиппократ I:73, 259
- Гитри А. (Саша) (наст. имя Александр Жорж Пьер) II:66, 68
- Глебова-Судейкина О.А. II:259
- Гликберг А.С. II:165, 262
- Гликберг Д.Л. II:162, 165, 262
- Гоголь Н.В. I:68, 259; II:117, 326, 327
- Голенищев-Кутузов И.Н. I:53
- Голлербах Э.Ф. I:259
- Головин А.С. II:136, 137
- Головина А.С. (урожд. Штейгер) I:38, 41; II:137
- Гольц-Миллер И.И. I:207, 297
- Гомолицкий Л. I:35*, 253
- Гонкур Ж.А.Ю. II:458
- Гонкур Э.Л.А. II:458
- Гончарова Н.С. I:9; II:25, 26, 300, 406
- Гончарова-Пушкина Н.Н. I:28; II:26, 145
- Горбов Я.Н. II:173*
- Горлин М.Г. I:232, 233
- Горская А. (наст. фам. А.А. Гривцова; урожд. Подерни) I:60, 287
- Горький М. I:205; II:110-112, 289, 299, 428, 437, 438
- Граевская М.Р. II:308-310, 312, 313, 320, 322, 324
- Гранова Е.(К.) Ф. II:262, 263
- Грановский С.(Х.) II:19, 20
- Грачева А.М. II:78*
- Грединов Д. II:295
- Грибоедов А.С. II:241-243, 315
- Грин М. II:169
- Гринберг Н.А. II:120
- Гринберг Р.Н. I:10, 38, 298; II:12, 51, 120-131, 288
- Гринберг С.Ф. (урожд. Кадинская) II:121, 122, 127, 128
- Грот Я.К. II:209
- Груздев И.А. II:110, 111*
- Грэм И.А. II:228
- Гуаньелли С. I:12*; II:140
- Гудиашвили Л.(В.) Д. II:406, 407, 409, 413, 414, 417, 420, 421, 424

- Гуковский А.И. I:85*; II:259
 Гуль Р.Б. I:12; II:138, 140, 331, 332
 Гумилев Н.С. I:20, 24, 237, 265,
 273; II:89, 279, 280, 323, 330,
 333, 373, 381, 382
 Гутенберг И. II:230
 Гутман М.Д. II:155
 Гюго В.М. I:184; II:422
- Давид (царь Израиля) I:240
 Давыдова О.Я. (урожд. Миллер)
 II:262, 263
 Далин Д.Ю. (наст. фам. Левин)
 II:121
 Даль В.И. I:10; II:56, 116, 117, 139,
 209, 210
 Даманская А.Ф. (псевд. Мерич)
 I:56, 278*
 Данциг (типограф) II:159, 160
 Дардыкина Н. II:231*
 Двинов Б.Л. (наст. фам. Гуревич)
 II:121
 Деборд-Вальмор М., см. Desbordes-
 Valmore M.
 Деллюк Л. II:75
 Дельвиг А.А. II:63, 65
 Демидова О.Р. II:120*, 385*
 Деникина К.В. I:51*
 Денисьев А.П. I:288, 294
 Деннике Ю.П. II:121
 Державин К.Р. I:24, 74, 262, 273;
 II:325
 Дефо Д. I:294
 Дижур Р.Г. II:199, 200-203
 Диккенс Ч. I:233
 Дисская Н.А. (урожд. Жилинская)
 I:300
 Добкин А.И. II:127
 Добрая Д.Ю.(У.) II:162, 163
 Добрая Л.Г. (урожд. Барац) II:162,
 163
 Добролюбов Н.А. I:259
- Добрый А.Ю.(У.) II:163
 Домогацкая Е.М. I:32*
 Достоевский Ф.М. I:258; II:57, 293,
 390
 Доу Дж. II:77
 Дукельский В.А. II:65*, 383*
 Дымерская-Цигельман Л. II:123*
 Дэвис Р.Д. I:82; II:331*
 Дюамель Ж. II:419, 422
 Дюма А. II:404
 Дягилев С.П. II:22, 23
- Евангулов Г.С. I:8, 22-24*, 56, 236,
 237, 289; II:85-86, 280, 283,
 289, 290, 292, 295, 302, 404,
 406, 418, 420, 421, 423, 440,
 444, 446, 451-455
 Евклид II:232
 Евсеев Н.Н. II:87, 88, 263, 264
 Евтушенко Е.А. I:56
 Екатерина II II:79
 Елагин И. (наст. имя и фам. З.В.
 Матвеев) II:265
 Элита-Вильчковский К.С. I:72, 233,
 234*, 260; II:118, 119
 Есенин С.А. I:237, 261; II:325, 330
 Ефройкин И. II:160
 Ефрокин Я.(Ю.) II:160, 162
- Жаба С.П. II:260, 265, 266, 320,
 321, 449
 Жаккар Ж.-Ф. II:75*
 Жакоб М. II:284, 406, 407, 409,
 428, 459*-462
 Жарри А. II:74
 Жионо Ж., см. Giono J.
 Жуковский В.А. I:259, 267, 298;
 II:327
- Заболоцкий Н.А. II:279, 333
 Завадовский Ж. (Завадо), см.
 Zawadowski J.W.

- Завалишин В.К. I:51*
- Зайцев Б.К. I:17, 57, 67, 82; II:132, 133, 172, 209, 432, 449
- Зайцева В.А. (урожд. Орешникова; в 1-м браке Смирнова) II:132-134, 256, 432
- Зак Л.В. I:290
- Закович Б.Г. I:20, 57; II:33, 135-137, 415, 462
- Залкинд В.А. II:163
- Замятин Е.А. II:333
- Зарате О., де, см. Сарате О., де
- Захарин (Захарьин) С.Б. II:170, 171
- Захаров-Мэнский Н.Н. (наст. фам. Захаров) II:330
- Зборовский Л. II:421
- Зданевич И.М. (псевд. Ильязд) I:51*, 70, 124, 243, 255, 266, 296; II:27, 28, 294, 366*, 406, 408, 435, 440, 444, 445
- Зданевич К.М. I:243; II:406, 408, 431, 435, 440, 444, 445, 450, 453, 455
- Зеленский Е.В. II:329
- Зелинский Ф.(Т.) Ф. I:208, 297
- Злобин В.А. II:456, 458
- Зноско-Боровский Е.А. I:244*
- Зобнин Ю.В. I:33*, 44*
- Золя Э. II:176
- Зонненблик А. II:147
- Зуров Л.Ф. I:38, 39, 41, 42, 264
- Ибсен Г.(Х.) Ю. II:148, 149
- Иванов Вяч. И. I:272, 276; II:373
- Иванов Г.В. I:12, 56; II:33, 64, 73, 129, 138-145, 207, 209, 250, 251, 266, 271, 272, 330, 346-348, 385
- Иванова С.А. II:16*, 33*
- Иваск Т. I:34, 37
- Иваск Ю.П. I:14, 16, 34, 47, 67, 68*, 74, 81*, 84*, 274, 277, 278*, 293*; II:17*, 93, 95, 100, 124-129, 131, 207, 219, 232, 269*, 304, 324, 354, 394*
- Ивженко А.Н. II:171
- Игнатов М.И. I:194-196, 294
- Игнатъев И. (наст. фам. И.В. Казанский) I:259
- Издебская Г.С. (урожд. Гусарская) I:25-26*, 239*; II:23*, 209*, 283*
- Ильина (знакомая Гингера) II:352
- Ильязд, см. Зданевич И.М.
- Инденбаум Л. II:421, 429-434, 440, 462
- Исаков С.Г. II:101*
- Каган-Катунал О. I:111, 254
- Кадинская С.Ф., см. Гринберг С.Ф.
- Камбронн П.-Ж.-Э. II:73, 74
- Каминер-Божнева Э.М. I:13; II:24, 34-36, 75, 82, 366
- Камюэнс Л., де II:439
- Камю А. I:197, 295; II:372
- Каннак Е.О. (урожд. Залкинд) II:262
- Кантемир А.Д. I:210, 298; II:392
- Кантор М.Л. I:86*, 269; II:162, 164, 262, 348
- Каплун М.С. II:249, 250
- Каплун Н.А. (в замуж. Корвин-Пиотровская) I:18, 21; II:174, 177, 178, 181, 182, 184, 185, 188-190, 192, 193, 195-198, 220
- Карамзин Н.М. II:229
- Карлю Ж. I:294
- Карская И.Г. (урожд. Шрайбман) I:14, 26, 28, 47, 48*, 65, 66, 85; II:39, 137, 146, 147, 149, 151, 199, 366*
- Карский М. I:28, 47, 66, 82, 85, 279; II:39, 52, 137, 147-149, 151, 199

- Карский (Карфункель-Карский)
С.О. I:9, 14, 28, 66, 85, 279;
II:27, 39, 137, 146-152, 204,
370-372
- Карэн (Карен) Д.А. (наст. имя и
фам. Л. Рабинович) II:322,
323, 354
- Кассу Ж. II:453, 462, 463
- Катаев В.П. I:233
- Каценельсон И.Л.Б. (Л.И.) (лит.
псевд. Буки бен-Иогли) II:167
- Квятковский А.П. I:210, 298
- Кекуатова Е.В. II:230
- Кельгор (шведский художник)
II:412
- Кемецкий В.С., см. Свешников В.С.
- Керенский А.Ф. II:147
- Кибиров Т.Ю. I:56
- Кикоин М. II:433, 434
- Киплинг Р. I:294
- Кир Старший (основатель древне-
персидск. царства) I:264
- Кирова Д.(Е.) Н. II:87
- Кишнер Е.Я. (урожд. Цириная)
II:152, 159, 161
- Кислинг II:411, 416, 437
- Китс Дж. II:439
- Клебанова Е.М. II:122
- Кленовский Д.И. (наст. фам. Крач-
ковский) I:287; II:129, 153-156
- Климова Н.С. II:300
- Клоц Я. I:82
- Клюев Н.А. II:279, 333
- Кнорринг Н.Н. I:53, 59
- Кнут Д.М. (наст. фам. Фиксман)
I:8, 9, 20, 21, 23, 25, 30, 42,
45, 69, 76*, 77, 84*, 92-93,
239, 240, 242*, 247, 252*, 253,
256-259, 290; II:11, 32, 152,
157-168, 262, 284, 294-296,
356-363, 366, 369, 371, 372,
385, 389, 410, 445
- Кнут Л., см. Шаровская В.
- Кнут С. (Фиксман) (урожденная
А.А. Скрябина) II:152, 161
- Кобяков Д.Ю. I:57, 86*, 199; II:19,
20, 22, 25, 40, 159, 389-396
- Ковалев Б.Н. II:333*
- Кодрянская Н.В. (урожд. фон Герн-
гросс) I:9, 18; II:124, 162, 163,
169-173, 264, 265
- Кодрянский И.В. I:18; II:134, 169-
173, 265
- Кожвникова О.В. I:56, 59*, 286*
- Козьмин К.Л. II:146, 147
- Кокоринов А.Ф. II:77-79
- Колбасина-Чернова О.Е. II:10, 45
- Колумб Х. I:121
- Колчак А.В. I:300
- Кончаловская В.П. I:203, 295
- Конюс Б.Ю. II:165
- Конюс Т.С. II:162, 165
- Корвин А., де II:174, 176, 177, 188,
190, 198
- Корвин-Пиотровский В.Л. (Пио-
тровский) I:18, 21, 33, 40, 43,
44, 50, 55, 263, 277, 279, 282;
II:39, 148, 174-198, 220, 310,
350
- Коростелев О.А. I:82, 84*, 260*,
269*; II:139*
- Коростелева А.Е. II:153*
- Костоломов М.Н. II:13
- Котляр Б. I:64; II:64, 199-203
- Кочетов В.П. I:45*, 55*
- Красавченко Т.Н. II:230*, 231*
- Крез (царь Лидии) I:264
- Крейд В.В. I:5*, 54*, 271*, 286*,
299*; II:12*, 13*, 15*, 120*,
123*, 269*, 323*, 368*
- Крейд В.П. I:18*, 54*, 60*, 85*,
287*; II:12*, 13*, 32*, 33,
120*, 123*, 144*, 153*, 212*,
269*

- Кремень П. II:300-302, 404, 406, 409, 411, 415, 418, 421, 423, 433, 434, 437
- Крыжановская М.А. II:257
- Крылов И.А. II:82
- Крымов В.П. II:173, 266
- Крымова Б.В. (урожд. Ловянова) II:266
- Кряжева Е.Н. I:82
- Кубарев А.М. I:208, 297
- Кудрявцев В.Б. I:29*; II:120*
- Кузмин М.А. I:278; II:189, 259, 330, 363
- Кузнецова Г.Н. I:287
- Кузнецова Е.Х. II:78
- Кузнецова О.Ф. I:85*; II:14*, 352
- Куприн А.И. I:8; II:296
- Курбе Ж.Д.Г. II:22, 23
- Курдюмов М. (наст. имя М.А. Каллаш; урожд. Новикова) I:56
- Кусиков А.Б. I:55; II:63, 65
- Лабри Р. I:203-205, 295, 296
- Ладинский А.П. I:48*, 53, 55*-57, 73, 232, 259; II:33, 63, 65, 139, 167, 176, 189, 290, 298, 381, 385, 410, 414
- Ланской А.М. II:63, 66
- Лаппо-Данилевский К.Ю. I:29*; II:120*
- Ларионов М.Ф. II:300, 406
- Ласунский О.Г. II:384*
- Лебон Ф.-Дж. II:284, 286
- Левинг Ю. II:123*
- Левицкий Д.Г. II:78
- Левка (приятель Гингера) I:9; 367
- Ле Гофф Ж. II:203
- Ленин В.И. II:280, 447
- Леонидов В.В. II:232*
- Лермонтов М.Ю. I:258, 259; II:21, 65, 73, 74, 239, 240, 282, 392-395
- Ливак Л. I:243*; II:369*
- Лидарцева Н. II:75*
- Линдеберг Л.М. II:91, 92
- Линтон В., см. Linton V.
- Линч У. I:241
- Линч Ч. I:241
- Ли По (Ли Бо) II:313, 314, 316, 326
- Лисянский М.С. II:446, 447
- Лифарь С.М. II:440, 441
- Лихачев Д.С. I:256*
- Ловенгардт Э.С. II:285
- Ломоносов М.В. II:325
- Лондон Дж. I:237
- Лосская В.К. I:38*
- Лосский Н.О. I:56
- Луане Ж. II:442
- Лурье А.С. II:449
- Лурье В.И. I:237
- Лурье Е. II:366
- Лукка И.В. I:82
- Луцкий С.А. I:20*, 31, 58*, 253; II:19, 21, 22, 24, 32, 68, 383-389, 391
- Людовик XV (король Франции) II:35, 44, 48, 57, 59
- Маги (Магидович) М.Г. (урожд. Ставицкая) II:162, 163
- Магланович И. I:282
- Магоротто Л. I:269*
- Мазон А. I:203, 204, 295
- Макеев Н.В. II:365
- Маковский С.К. I:9, 18, 56, 239, 270; II:90, 95-97, 102, 129, 189, 208-225, 228, 271, 272, 315, 320, 322, 338, 343, 350, 354, 383
- Малеин А.И. II:259
- Малларме С. II:410, 415, 418, 419, 422, 428, 439, 441*, 457*, 458
- Мальбранш Н., см. Malebranche N.
- Мальмстад Дж. II:16

- Мамченко В.А. I:52, 53, 59, 60, 72, 276; II:225-228, 253, 310, 350, 410
- Мандельштам О.Э. I:15, 25; II:21, 68, 129, 189, 279, 280, 310, 330, 333, 336, 346, 348, 373, 449
- Мандельштам Ю.В. I:69*; II:90, 410, 415
- Марголин Ю.Б. I:13*; II:172
- Маревна (наст. имя и фам. М.Б. Воробьева-Стебельская) II:433, 434
- Маринетти Ф.Т. I:75
- Маритен Ж. II:284, 440, 442
- Марков А.П. I:56
- Марков В.Ф. I:284; II:16, 120, 140, 153, 174, 272
- Маркс А.Ф. II:326
- Мартинез (франц. славист) II:323
- Мартов Л. (наст. имя и фам. Ю.О. Цедербаум) II:121
- Матисс А. II:199
- Махоуркова Х. I:82
- Маяковский В.В. I:25, 73, 216, 243*; II:120, 121, 325, 330, 361, 431, 432
- Мейерхольд Вс.Э. I:242, 289
- Менегальдо Е. I:84*, 85*
- Мережковский Д.С. I:31, 32, 266, 281*; II:385, 458
- Метерлинк М.П.М.Б. I:198; II:176
- Мещанинов О.С. II:433, 434
- Миллер Г.В. II:256
- Милуков П.Н. II:20
- Мин(г) (китайская династия) II:319
- Миро и Ферра Х.(Ж.) II:411, 415, 416*
- Митрофанов А.Г. II:414
- Михайлов О.Н. I:32*
- Мишонц (Мишонз) Г. (наст. фам. Мишонзник) II:64, 66
- Мнухин Л.А. I:57*, 85*; II:120*, 249*, 275*
- Модильяни А.(И.) К. II:284, 286, 406, 408, 409, 411, 416, 417, 419, 434, 435, 438, 440, 446, 452, 453, 456-460, 463, 464, 466
- Модильяни Ж. II:452, 453, 455, 456
- Модильяни М. II:453, 457
- Мок-Бикер Э., см. Moch-Bickert E.
- Морар А. I:23*; II:295*
- Мордерер В.Я. II:361*
- Морозов С.Т. II:199
- Мортье А., см. Mortier A.
- Моршен Н.Н. (наст. фам. Марченко) I:264
- Мосешвили Г.И. I:45*, 55*
- Мотылева В.И. (в замуж. Мотылева-Анненкова) II:262, 263
- Мочульский К.В. I:77*, 248, 249*, 268*; II:360*
- Моцарт В.А. II:426
- Мунштейн Л.Г. (псевд. Lolo) II:22, 23
- Муравьев А.З. II:229
- Муравьев В.С. II:230
- Муравьев Н.С. I:11, 18; II:229-247
- Муравьев Н.М. II:229
- Муравьев С.В. II:229
- Муравьев С.Н. II:231*, 232, 234, 240*
- Муравьев-Апостол М.И. II: 229, 241, 242
- Муравьев-Апостол С.И. II: 229
- Муравьева А.Г. II:229
- Муравьева Екатерина Н. II:234, 240
- Муравьева Елизавета Н. II:234, 240
- Муравьева Е.С. II:230
- Муравьева М.М. (урожд. Родзянко) II:231, 233, 234, 240, 245, 246
- Муравьева О.Н. II:234, 235, 240
- Мурильо Б.Э. II:413
- Мясин Л.Ф. II:366

- Набиркин Н.Н. II:296
- Набоков В.В. (псевд. Сирин) I:17, 49, 257*, 263*; II:122, 123, 127, 129, 158, 350, 373, 395, 396*
- Набокова В.Е. (урожд. Слоним) II:122, 123, 127
- Надсон С.Я. II:77
- Наполеон I Бонапарт II:51, 68, 74
- Наполеон III Бонапарт (Шарль Луи Наполеон Бонапарт) II:51
- Некрасов Н.А. I:55; II:197
- Несмелов А. (наст. фам. А.И. Митропольский) I:264
- Неустроев Д.В. I:82
- Нечаев С.Г. II:262
- Николаевский Б.И. I:290; II:121, 369
- Николай II (русский император) II:241-243
- Николай I (русский император) II:368, 384
- Николай Николаевич (вел. кн.) II:248
- Ницше Ф.В. I:76
- Обатнин Г.В. I:82
- Обатнина Е.Р. I:9*; II:275*
- Оболенская Н.С. (урожд. Соллогуб) II:248
- Оболенский Н.Л. II:248, 252, 264, 367
- Оболенский Н.Н. I:275; II:161, 163, 248-253
- Овидий П.Н. II:316, 317
- Одарченко Ю.(Г.) П. I:253; II:78, 136, 137, 266, 373, 410
- Одоевцева И.В. I:12, 38, 39*, 51*, 53, 56, 270, 291*; II:64, 118, 122, 129, 138, 140, 144, 153, 250, 251, 323, 330, 385, 425*
- Ольга Николаевна (жена В.И. Бологовского) II:87, 88
- Орлов А.С. II:259*
- Осипова Н.О. II:26*
- Осоргин М.А. II:159
- Островская Л.А. II:230
- Островский А.Н. I:255; II:230
- Оцуп Г., см. Раевский Г.
- Оцуп Н.А. I:48, 86*, 232, 268, 288; II:33, 63, 64, 73, 127, 189, 320-324, 330, 353, 354
- Павлова К.К. (урожд. Яниш) II:381, 382
- Павловский М.Н. II:11, 162, 164
- Пантелеймонов Б.Г. I:296; II:155, 254-256
- Пантелеймонова Т.И. (урожд. Кристин) II:155
- Парнах В.Я. I:8, 22, 23, 175, 236, 241, 242*, 252, 257, 289, 290; II:283, 289, 290, 293, 295, 364, 369, 370, 372, 406, 421, 445
- Парнис А.Е. II:431, 432, 434
- Пархомовский М.А. II:123*, 384*
- Паскаль Б. I:259; II:25, 238
- Паскаль П. I:203, 204, 295
- Паскин (Паскен, Пасхин) Ж. (наст. имя и фам. Ю.М. Пинкас) II:436, 437, 440
- Пастернак Б.Л. I:15-16*, 23, 25, 48, 49, 261, 276; II:21, 275, 279, 286, 295, 333, 373, 392, 395, 409, 432
- Пастухов В.Л. II:121
- Пахмусс Т. I:281*; см. также Rasmuss T.
- Пенинский И.С. I:297
- Перельмутер В.Г. I:16*, 28*
- Перец И.Л. II:167
- Перс С.-Ж. (наст. имя А. Леже [Сен-Леже]) II:430, 431
- Петен А.Ф. I:28
- Петников Г.Н. I:276

- Петр I (русский император) II:243, 392
- Пикассо П. II:199, 438, 440
- Пикельный Р. II:63, 65, 73, 373, 374
- Пиленко А.А. I:56
- Пильняк Б.А. II:330
- Пильский П.М. I:288*; II:276
- Пиндар II:325, 327
- Пиотровский В.Л., см. Корвин-Пиотровский В.Л.
- Пиросмани Н. (наст. имя и фам. Н.А. Пиросманашвили [Пиросманишвили]) II:302, 303, 408, 409, 413, 414, 445
- Питоева (Коралли-Питоева) К.Н. II:86
- Плант Ж. II:59
- Платон I:295
- Плейел И.Ж. II:416
- Плотин I:25
- Погорельская Е.И. I:82
- Познер В.С. I:266; II:369
- Поливанов К.М. I:13*; II:16*, 23*, 27*, 29*, 35*, 367*
- Полисадов В.А. II:435
- Полонский Я.П. II:112
- Полторацкий Н.П. I:81*
- Польковская В.П. II:78*
- Поляк Г.Д. I:12*
- Померанцев К.Д. I:7*, 17*, 19-20*, 48*, 49*, 85*, 263, 282*, 287; II:143*, 144, 208*, 210*, 251, 257*, 266, 267, 375*, 376
- Померанцев К.И. II:426, 431
- Поплавский Б.Ю. I:6, 17, 24, 25, 29, 66, 70, 75, 76, 78*-80, 84*, 85*, 122, 199, 232, 237, 238, 241, 243, 254*-259, 265*-267*, 273, 276-278, 281, 285, 288, 290, 295, 296, 298, 299; II:21, 24, 26, 27, 32, 33, 74, 135, 146, 189, 205, 206, 271, 272, 293, 298-300, 305, 310, 316, 325, 327, 361, 362, 366, 370-372, 374, 375, 377, 383, 385, 391, 410, 430, 431, 437
- Прегель А.Н. (урожд. Авксентьева) II:127, 163
- Прегель Б.Ю. II:162, 163, 238
- Прегель К.Ю. II:277, 278
- Прегель С.Ю. I:9, 10, 18, 27, 36, 50*, 53, 59, 60, 76, 85*, 263, 269, 284, 286, 292, 293; II:10, 11, 65, 88, 99, 105, 122, 163, 166, 170, 173, 194, 237, 238, 257-268, 275, 277, 278, 321, 331, 345, 350, 351, 376, 435; см. также Pregel S.
- Присманова А.С. (собст. Присман) I:9-18, 20, 21, 28, 30, 32-34, 37-40, 42-50, 52-58, 62-65, 67, 69, 71, 75, 81-84, 133, 158, 176, 177, 198, 206, 254, 263, 266, 268-270, 276, 277, 280, 282, 283, 291, 296; II:8-10, 13, 14, 16-18, 20, 22, 27-35, 37-44, 46, 47, 50, 52, 55, 56, 58-66, 71, 73, 74, 77, 79-82, 84, 85, 89-96, 100, 101*, 105, 107, 108, 110, 112, 113, 115, 118, 123, 124, 126-128, 130, 132-141, 144, 146, 148-156, 159-161, 163, 165, 166, 168, 170, 172, 174-185, 187, 189-197, 199, 201-203, 206, 211, 220, 221, 223, 226, 228, 231-240, 242, 245, 246, 248-252, 254-257, 264-266, 272, 273, 276, 288, 291, 303-305, 307-310, 312, 314, 315, 323, 326, 331, 336-353, 355, 365, 377, 381, 383, 388, 389, 392-397, 410, 414, 415, 434, 462
- Прохницкая Н.(А.) М. (урожд. Козинцова) I:204, 296

- Пуни И.И. II:64, 66, 73, 373, 374
Пушкин А.С. I:28, 56, 81, 195, 206-211, 266, 272-274, 276, 282, 297, 298; II:11, 16, 21, 26, 31, 47, 86, 91, 102, 145, 152, 256, 308-311, 318, 323, 326, 358, 423, 426
Пфанстиль А., см. Pfannsteil А.
- Рабинович Я.Б. II:260, 262
Равницкий С.Г. II:11
Рагозина К.О. I:43*, 55*, 296*; II:35
Раевская-Хьюз О. I:290*; II:369*; см. также Raevsky-Hughes О.
Раевский Г. (наст. имя и фам. Г.А. Оцуп) I:22, 52; II:63, 64, 199-202, 385
Райс Э.М. I:276; II:215, 269-273, 323
Райт-Ковалева Р. (наст. имя и фам. Р.Я. Черномордик) II:453
Рамакришна Парамахамса (реформатор индуизма) I:283
Раме(й) А., см. Ramey Н.
Раскин И.И. II:370-372
Рафальский С.М. I:48
Рахманинов С.В. II:31, 165, 310
Реверди П. II:25, 26
Резвый В.А. I:82
Резников Д.Г. I:31; II:45, 107
Резникова Н.В.(М.) (урожд. Федорова; по приемн. отцу Чернова) I:13; II:44, 45, 57, 75, 107, 366
Рейзини Н.Г. I:12
Рейн Б.А. (в замуж. Божерянова) II:257, 273
Рейс А.М., ван II:285
Рейс О., ван II:285
Рембо А. II:327, 440*
Рембо Ж.-Н.-А. I:28, 75, 216; II:22
- Рембрандт Харменс Ван Рейн II:464
Ремизов А.М. I:9, 56; II:40, 45, 78, 139, 147*, 163, 169, 171, 209, 210, 254, 275, 451, 463, 465
Ренуар П.О., см. Renoir P.A.
Репнин-Волконский Н.Г. II:242
Рогалья (Рогаль)-Левицкий Ю.С. I:267*; II:296*
Родзянко М.В. II:231
Рожанковский Ф.С. I:9; 170*
Рождественский В.А. II:330
Розанов В.В. I:259*; II:19
Романов П.С. II:330
Ромов С.М. (наст. имя и фам. С.Д. Рофман) I:110, 253; II:369
Ронсар П., де II:297, 440*
Рослин А. II:77
Рубашева Н. II:262
Рубинштейн А. II:162, 163
Рубисова Е.Ф. (урожд. Гейтман) II:349, 350, 425*
Рудинский В.А. I:275, 276
Руднев В.В. I:85*, 300; см. также Rudnev V.
Руманов А.В. I:54, 56, 178, 290-292; II:141, 143, 307, 308, 310
Руманов Д.А. I:292*
Руманова Л.Е. (урожд. Цинн) I:54, 178, 291, 292; II:143, 195, 307, 308
Руссо А. II:419
Руставели Ш. II:425
Рысс Д. (в замуж. Боберман) I:118, 254
Рысс М.А. II:365
Рысс П.Я. II:364, 365
- Саади I:278; II:151
Саакянц А.А. I:40, 41*
Сальери А. II:426
Сальмон А. II:457, 458

- Самарин В.Д. I:51*
- Сандрар Б. II:446
- Сао Нан II:319
- Сараге О., де II:285
- Сартр Ж.-П. II:255, 256
- Свешников В.С. (псевд. Кемецкий)
I:25, 126, 256, 257, 265; II:366,
372
- Свифт Дж. I:294
- Св. Тереза (Лизья Тереза, монахиня, причисл. к лику святых)
I:45, 166, 281; II:61, 62
- Святополк-Мирский Д.П. II:26
- Северянин И. (наст. фам. И.В. Лотарев) I:264
- Седых А. (наст. имя и фам. Я.М. Цвибак) I:241*, II:75*, 123*, 283*, 370, 372*, 374*
- Селин Л.-Ф. (наст. фам. Дегуш)
II:152
- Сельвинский И.Л. II:444, 446, 447
- Семенченков А.К. II:367, 368
- Сенак И.-Б. II:34-36, 41
- Сервантес Сааведра М., де I:294
- Сериков Г. (Г.С.) II:96, 108
- Серков А.И. I:56*, II:163*, II:230*, 305*
- Сидерский (Свидерский) И.М.
II:85
- Сименон Ж.Ж. Кр., см. Simenon G.J.Ch.
- Симонов К.М. I:54, 55, 291
- Симонт А. II:285
- Скира А., см. Skira A.
- Скотт В. II:74
- Скрыпченко И.К. I:300
- Скрябин А.Н. II:152
- Скрябина А.А., см. Кнут С. II:161
- Слоним М.Л. I:24*, 52*, 265, 266*;
II:76, 78, 222, 285, 299, 300, 385
- Смоленский В.А. II:129, 209, 250,
251, 266, 410
- Сокальский П.П. I:297
- Сологуб Ф.К. II:21, 280, 310, 424,
426
- Соломон (царь Израиля) II:157,
381, 415
- Сорокин Г.Э. I:259
- Сосинская А.В. (урожд. Чернова)
II:289
- Сосинский В.(Б.-В.-Р.) Б.
(Сосинский-Семихат) I:6*,
12*, 13*, 27, 67*, 68*, 246, 265,
278*; II:9, 11, 21, 275, 288, 289,
297, 385, 457
- Сосинский Е.Б. (псевд. Комаров)
I:288; II:275, 276
- Софиев Ю.Б. I:53, 56, 59
- Ставров П.С. I:50, 57; II:181, 183
- Ставрова М.И. II:181, 183
- Сталин И.В. I:55; II:280
- Стамболи В.И. I:48
- Станюкович Н.В. I:264
- Старова Е.Н. II:277, 278
- Столяров И.В. II:300
- Столярова Н.И. I:254; II:199, 299,
300, 430, 464
- Стравинский И.Ф. II:22, 23
- Струве А.П. II:122, 464, 465
- Струве Г.П. I:29*, 51*, 54, 58, 69,
74*, 244, 249-251*, 264, 276;
II:120*, 122, 129, 174*, 279-
282, 284, 285, 291, 295*, 465
- Струве М.А. I:56, 236; II:421
- Струве Н.А. II:449
- Струве П.Б. II:279, 280, 465
- Ступницкий А.Ф. I:85*
- Стюарт М. I:38, 39, 41
- Сувчинский П.П. II:25, 26
- Супервель Ж. II:430, 431
- Супо Ф. II:409, 412, 448, 449
- Сутин Х. II:301, 366, 406-409, 411,
415, 419, 421, 424, 426, 433,
434, 437, 440, 446, 460, 464

- Сюрваж Л (наст. имя и фам. Л.-Ф.Л. Штюрцваге) II:411, 416, 459
- Талов М.В. (после перехода в католичество Марк-Мария-Людовик) I:8, 22, 23, 36, 37, 76, 236, 238, 240, 241, 276; II:65, 123, 124, 283-304, 358-360, 362, 364, 369, 370*-372, 404-467
- Талова М.А. (урожд. Блюменталь) II:123, 288, 370*, 420, 427, 430-434, 436-438, 440, 441, 444, 449-457, 459-462, 464, 466, 467
- Талова Т.М. II:370*, 405, 407, 411, 420, 427, 428, 432, 440, 441, 444, 449-451, 453, 455-457, 459-462, 464-467
- Тан(г) (китайская династия) II:313
- Татищев Б.Н. I:82; II:315
- Татищев Н.Д. I:18, 24*, 48, 54*, 75, 269*, 281*, 282, 295; II:146, 189, 272, 273*, 305-327, 354, 397, 431
- Таубер Е.Л. II:153, 264, 268
- Тверской П. II:324*
- Терапиано И.Н. (урожд. Новоселова) II:344, 345
- Терапиано Ю.К. I:19*, 25*-27*, 29*, 30, 32*-35*, 43*, 44, 50*, 51*, 53, 57, 60, 75*, 81*, 84*, 86*, 232*, 253*, 256*, 259, 270, 281*, 282*, 284-286; II:90-92, 129, 140, 173*, 174, 194*, 210*, 223, 228, 298, 344, 345, 348, 350, 376, 384*, 385, 410, 415, 431, 435-437
- Терентьев И.Г. I:71*
- Терешкович К.А. I:8, 9, 20, 22, 23, 26, 27, 48, 65, 92, 239; II:17, 45, 64, 73, 75, 147, 298, 299, 366-368, 370-374, 380, 444
- Тиняков А.И. II:330
- Тихонов Н.С. II:330
- Тициан В. I:162, 279; II:76-78, 301, 302
- Толстой А.Н. I:205
- Толстой Л.Н. I:258; II:57, 325-327*
- Толстой-Милославский Л.М. I:52
- Томашевский Б.В. II:414
- ТрEDIAKовский В.К. I:24, 249, 251; II:259, 304
- Трен И.Г. II:323
- Триоле Э. I:54
- Троцкая-Зильберквейт З.С. II:328
- Трубецкой Ю.П. (наст. фам. Нольден-Меньшиков) I:58, 276; II:329-332
- Тувим Ю. II:152
- Туле П.-Ж. 430, 431, 440, 441
- Тургенев И.С. I:9; II:283, 371
- Туроверов Н.Н. II:251, 252, 263, 367
- Ту Фу (Ду Фу) II:313
- Тучков А.А., 4-й II:77, 79
- Тхоржевский И.И. II:249, 250
- Тцара Т. (наст. имя и фам. С. Розеншток) II:409, 413
- Тэффи Н.А. I:50; II:155, 254-256
- Тюро-Данжен П. II:34-36, 72-74
- Тютчев Ф.И. I:24, 250, 272, 295; II:282
- Угримов А.И. I:56
- Уиттмор Т. II:230
- Ульянов Н.И. I:51*
- Устинов А.Б. I:13*, 30, 49, 82, 269*, 290*; II:16*, 18, 21*, 23*, 27*, 29*, 35*, 114, 141, 154, 157*, 199, 201, 367*, 369*
- У-Ти (У-ди) (китайский император) II:318
- Ушаков Д.Н. II:210

- Федоров М.В. I:9*-11*, 242
 Федоров М.С. II:10
 Федотов Г.П. II:324
 Феррари Л. II:59
 Феррари Гальера М.Б.-С., де II:390
 Фет А.А. I:200, 272, 294, 295; II:28
 Фигнер В.Н. I:268; II:31, 34, 35, 133, 343
 Фиксман Д.Д. II:159
 Фиксман Д.М., см. Кнут Д.М.
 Филиппов Б.А. (наст. фам. Филистинский) II:266, 269*, 333-335
 Флейшман Л.С. I:12*, 48*, 240, 290*; II:16*, 18, 21, 24*, 157, 164*, 228*, 366*, 369*
 Фома Аквинский II:442
 Фома Кемпийский II:312
 Фондаминский И.И. I:85*, 300
 Форп П. II:284
 Форш О.Д. (урожд. Комарова) II:333
 Форштетер М.А. I:9
 Фостер Л.А. II:279*
 Фохт В.Б. I:30
 Франциск Ассизский (Джованни ди Пьетро Бернардоне) I:25; II:63
 Фудзита Ц. (Л. Фужита) II:458, 459
 Фуко М. I:24, 299
 Фул (ассирийск. царь) I:264
 Фучик Ю. II:431
 Фушардьер Ж., де ла I:193, 294
 Хадонова Ф.Х. II:230*, 231*
 Хазан А.В. I:5
 Хазан В.И. I:20*, 38*, 51*, 58*, 84*, 238*-242*, 255*-257*, 289*, 290*; II:12*, 68*, 74*, 123*, 124*, 157*, 163*, 167*, 228*, 260*, 285*, 314*, 331*, 337*, 360*, 366*, 369*, 384*
 Хан(ь) (китайская династия) II:318
 Хлебников В.В. I:24, 72, 74, 262, 276; II:120, 281, 431, 432
 Ходасевич В.Ф. I:30, 31, 39, 210, 284; II:14, 21, 28, 29, 90, 120*, 121, 188, 189, 310, 330, 385*
 Хржановский А.Б. I:75*
 Хьюз Р.П. I:290*; II:369*; см. также Hughes R.P.
 Хямяляйнен Э. II:92*
 Цадкин О.А. II:285, 406, 408, 411, 415, 433, 434, 437, 446, 464, 465
 Царятурянц (владелец париж. типографии) II:286
 Цветаева М.И. I:25, 38-42, 261; II:25, 26, 114, 116, 138, 230, 249, 275, 279
 Цветковская-Бальмонт Е.К. II:136
 Цемах Н.Д. II:167
 Церетели А.А. II:87
 Цетлин М.О. (псевд. Амари) I:264, 267; II:90, 119, 225, 385
 Цетлина М.С. I:85*; II:163
 Цивилев Е. II:147
 Чагин А.И. I:17*, 33*, 82*; II:134*
 Чайков И.М. II:411, 415, 419, 421, 429, 433
 Чаплин Ч.С. I:100, 242
 Чачуа Л.Ш. II:414
 Чеботарева Т. I:82
 Чеквер Л.И. II:208, 336, 338-340, 349
 Чеквер Р.С. (псевд. И. Яссен) I:9, 11, 15, 16, 56, 86*; II:121, 208, 221-223, 336-350
 Червинская Л.Д. II:122, 129, 165*, 220, 221, 223, 315, 316, 320, 353, 383
 Чернов В.М. II:10, 45
 Чернова Н.М. I:53*, 59*
 Чехов А.П. I:200; II:72, 254, 295

- Чинаев В.П. I:48; II:366
 Чиннов И.В. I:17*, 18, 22*, 33, 34*,
 58, 67, 85, 232, 258, 268; II:13,
 14, 52, 66, 107, 129, 153, 193,
 223, 257, 269*, 304, 343, 344,
 347, 351-355
 Чуваков В.Н. II:120*
 Чуковский К.И. II:231, 445
 Чуковский Н.К. II:321*
 Чулкова А.Д. I:82; II:370*
 Чурлянис М.К. (Н.К. Чурленис)
 II:423, 426

 Шагал М.З. II:271-273, 446, 450
 Шамбор, де (наст. имя и фам. Анри
 Шарль д'Артуа) II:212
 Шапино Т.А. II:362
 Шапино Я.(Ж.) А. II:63, 65, 160,
 267, 404, 421, 424, 426, 433,
 435, 437, 438, 440, 444, 446,
 447, 449, 450, 456
 Шарлотта (учительница музыки)
 I:28
 Шарль Ж., см. Charles G.
 Шарлье Г., см. Charlier G.
 Шаровская В. (после переезда в Из-
 раиль: Лея [Лия]; в 1-м браке
 Кнут, во 2-м – Арав) II:157,
 159, 161, 162, 166, 167
 Шаршун В.И. (в замуж. Померан-
 цева) II:424, 426, 430, 431,
 440, 450, 452, 454, 459, 461,
 462, 464, 465
 Шаршун С.И. I:5*, 22*, 23, 31, 76,
 128, 201, 202, 236, 242, 258,
 260, 268, 269, 295, 299; II:19,
 20, 22, 23, 25-27, 63, 65, 140,
 283, 284, 287, 295, 299-302,
 304, 309, 320, 387, 404-467
 Шаховская З.А. (в замуж.
 Малевская-Малевиц) I:17*,
 39*, 41, 48, 49*; II:158*
 Шаховской Д.А. I:84*, 266
 Шаховской Д.М. II:323
 Шварц Е.Л. I:252*
 Ш. Дор. (адресат стих. Гингера
 «Просительной не простираю
 длани...») I:89
 Шевеленко И.Д. I:12*
 Шем А.П. (полная фам. Шеметов)
 II:20, 158-160
 Шервашидзе А.К. II:212
 Шервинский С.В. II:317
 Шестов Л.И. (наст. фам. Шварцман)
 II:120
 Шик А.А. II:263, 425*
 Шиллер И.К.Ф. фон I:12, 267;
 II:325, 327
 Шкапская М.М. (урожд. Андреев-
 ская) II:333
 Шкловский В.Б. I:5*; II:445*
 Шнеерсон И. II:162, 163
 Шраер М.Д. II:352*
 Шрайбман Д.Г. II:146, 305
 Шруба М. I:260*
 Штейгер А.С. II:289, 290, 293, 410,
 415, 436, 437
 Штейн Э. I:264
 Штюрцваге Л. II:416
 Шульман (один из подписчиков на
 книгу Д. Кнута «Избранные
 стихотворения») II:162

 Щербачев Е. I:48*; II:350
 Щипачев С.П. I:55

 Эбютерн Ж. II:417, 452, 453, 455,
 463
 Эйснер А.В. I:263
 Экк Н.В. I:291
 Элиот Т.С. I:68; II:311, 312
 Элькан А.М. (урожд. Абальман)
 I:48; II:9, 10, 208, 223, 340,
 341

- Элюар П. (наст. имя и фам. Э.Э.П. Грендель) II:419, 422
Эпштейн А. II:421, 433, 434
Эредиа Ж.-М., де II:22, 23
Эренбург И.Г. I:25, 54, 291; II:284*, 290, 293, 295, 299-301, 414, 421, 439, 453, 462, 465-467
Эткинд Е.Г. I:51*
Эфрон Г.С. (домашнее прозвище Мур) I:38, 41
Эфрон С.Я. II:26
- Юлиус А.М. I:23*; II:64, 66, 376
- Яблоновский А.А. I:290
Яблоновский С.В. (наст. фам. Потресов) II:55-57, 64, 73, 154, 155
Языков Н.М. II:326, 327
Якобсон Р.О. II:120, 123
Яковлева Е.П. I:82, 291, 292*
Янгиров Р.М. II:122*, 123*, 127*
Янгфельдт Б. II:121*
Яновский В.С. I:19*, 21*, 40*, 288*; II:225*
- Яссен И., см. Чеквер Р.С.
Яшвили П.Д. II:290
- Alice (жительница Мане) II:43
Aline (любовница Б. Божнева) II:58, 67
Alliota (знакомый Б. Божнева) II:58
Alperine A., см. Альперин А.С.
Arnold M. II:308, 309
Aumé M. II:150, 151
- Bakhmeteff B.A. II:56, 121, 132
Ballard J. II:62
Barbey d'Aureville J.A. II:445*, 448
Benenson A., см. Бененсон А.С.
Bérézne J. II:444, 445
Berezniak, см. Березняк
- Bloch J.-R. II:419, 422
Boiste P.C.V. I:106, 252
Botticelli S. II:440
Bourrelly (жительница Мане) II:48
Boutique G. II:190
Boutique I. II:190, 191
Braque G. II:440, 441
Breslavski M., см. Бреславский М.
Buchanan D. II:465*
Buffet B. II:62
- Calmann-Lévy (париж. книжн. изд-во) II:411, 415
Cambronne P.-J.-E., см. Камбронн Р.-Ж.-Е.
Cantor M., см. Кантор М.Л.
Carcopino-Tusoli F. II:437*, 440*
Castaing Madeleine II:424, 426
Castaing Marcellin II:424*, 426*, 437*
Cécile (знакомая Гингера) II:151
Chapin-Huntington W. I:234*
Charles G. II:293, 295, 406, 409, 411
Charlier G. II:433-435
Chave A. II:16
Chekver R., см. Чеквер Р.С.
Claveau A. II:58, 59
Clouzot H.-G. II:74, 75
Cogniat R. II:408*
Collié André I:28
Collié Andrée I:28
Couvée P. I:43*, 55*; II:52*, 115*
Crest J. II:48
Cros G.Ch. II:409, 412
Czwikliter C. II:465*
- Danzig, см. Данциг
Dassin J. II:75
Daudet A. II:282
Desbordes-Valmore M. II:381, 382, 445*, 447
Dijour R.G., см. Дижур Р.Г.

- Dobry, см. Добрая Д.Ю.(У.) или Добря Л.Г.
- Dufy R. II:93
- Elbert A. II:80
- Fixman D., см. Фиксман Д.Д.
- Fleishman L., см. Флейшман Л.С.
- Freiberger Sheikholeslami E. I:31*
- Garpi G. II:228*
- Garzonio S. II:228
- Gautier P.J.T. II:445*, 448
- Georgette (знакомая Б. Божнева) II:58, 62
- Gide A. II:43
- Ginger Basile, см. Гингер В. (Basile) А.
- Giono J. II:45, 46, 58-60, 62, 67
- Glad J. I:43*
- Gluckley D. II:162
- Gorboff M. II:163*
- Gordon M. I:289*
- Gordon S. II:445
- Greco E. II:440
- Hachette L.Ch.F. II:441
- Hamnett N. II:411, 416, 421
- Henry L. II:60, 61, 67, 84
- Hildegarde (любовница Б. Божнева) II:57
- Hitchcock A.J. II:74, 75
- Hughes R.P. II:331*; см. также Хьюз Р.П.
- Husson P. II:295
- Jean-Aubry G. II:428*
- Jean-Bernard II:315, 318
- Jefroykin Ja., см. Ефройкин Я.(Ю.)
- Khazan V., см.: Хазан В.И.
- Kirschner E., см. Киршнер Е.Я.
- Kodriansky N., Кодрянская Н.В.
- Konius T., см. Конюс Т.С.
- Koriakov M.M. I:52*
- Korvin-Piotrovskii V., см. Корвин-Пиотровский В.Л.
- Kotlar A. II:202
- Leff E. II:451, 459, 460
- Lenclos N., de (иначе: Ninon de l'Enclos или Ninon de Lanclos) II:30
- Lenin V.I., см. Ленин В.И.
- Leymarie J. II:426*
- L'Hermite F.T. II:428, 429, 440*
- Linton V. II:411, 417, 438
- Livak L. I:74*
- Lolo, см. Мунштейн Л.Г.
- Louis XV, см. Людовик XV
- Louis XVI II:67, 68
- М.Н. (жительница Мане, соседка Б. Божнева) II:50, 57
- Maguidovitch M., см. Маги (Магидович) М.Г.
- Malebranche N. II:81-83
- Mallarmé S., см. Малларме С.
- Maurice (знакомый Гингера) II:151
- Marion D. (наст. имя и фам. Marcel Defosse) II:60, 62
- Menegaldo H. II:361*
- Miró J., см. Миро и Ферра Х.(Ж.)
- Misler N. I:289*
- Moch J.S. II:259
- Moch-Bickert E. (урожд. Bickert) I:293; II:259
- Modigliani A., см. Модильяни А.(И.) К.
- Mondor H. II:428*
- Montagnac J. II:67, 68
- Mondange (жительница Мане) II:48
- Mortier A. II:380, 382

- Nikolaevsky B.I. I:30
 232, 249, 254, 258, 259, 266,
 270, 273, 275, 277, 281, 305,
 307, 328, 331, 333, 367, 376,
 397; см. также Руднев В.В.
- Pachmuss T. I:74*; см. также Пах-
 мусс Т.
- Pasquine G., см. Паскин Ж.
- Pavlovski M., см. Павловский М.Н.
- Pelletier Ph. II:58
- Pfannsteil A. II:417*
- Poe E.A. II:60
- Poplavski B., см. Поплавский Б.Ю.
- Pourrat H. II:150
- Pous (жительница Мане) II:48
- Pregel V., см. Прегель Б.Ю.
- Pregel S. I:60, 84, 263, 264, 290;
 II:14, 18, 87, 113, 132, 136, 141,
 154, 158, 201, 206, 216, 227,
 232, 249, 254, 258, 259, 266,
 270, 273, 275, 277, 281, 305,
 307, 328, 331, 333, 367, 376,
 397; см. также Прегель С.Ю.
- Raevsky-Hughes O. II:331*; см. так-
 же Раевская-Хьюз О.
- Ramey H. II:421, 422, 424, 426,
 452-454
- Raynier III de Monaco (Rainier
 Louis Henri Maxence Bertrand
 Grimaldi) II:46, 47
- Renoir P.A. II:199, 366, 367, 440
- Rimbaud A., см. Рембо А.
- Rojas F., de II:445*, 448
- Ronsard P., см. Ронсар П.
- Rouault A. II:416
- Rouault G.H. II:411, 416, 440
- Roussellot J. II:60
- Roy A. II:37
- Roy C. II:408*
- Rubins M. I:74*
- Rubinstein A., Рубинштейн А.
- Rudnev V. I:60, 84, 263, 264, 290;
 II:14, 18, 87, 113, 132, 136, 141,
 154, 158, 201, 206, 216, 227,
 232, 249, 254, 258, 259, 266,
 270, 273, 275, 277, 281, 305,
 307, 328, 331, 333, 367, 376,
 397; см. также Руднев В.В.
- Saint-Amant M.-A. G., de II:428,
 429
- Say M. II:295
- Schneerson I., см. Шнеерсон И.
- Sénac J.-B., см. Сенак И.-Б.
- Simenon G.J.Ch. II:43
- Sisley A. II:440, 441
- Skira A. II:406, 408, 440
- Soutine Ch., см. Сутин Х.
- Spat G. II:70
- Stalin I.V., см. Сталин И.В.
- Steuart J. II:74, 75
- Struve G., см. Струве Г.П.
- Sulpasso B. II:228*
- Tallemant des Réaux G. II:440, 441
- Thureau-Dangin P., см. Тюро-
 Данжен П.
- Tjalsma H.W. I:253*, 278*
- Toulet P.-J., см. Туле П.-Ж.
- Utrillo M. II:440, 441
- Valéri P., см. Валери А.П.Т.Ж.
- Velasquez D. II:440
- Verlaine P.M., см. Верлен П.М.
- Vildrac Ch. (наст. фам. Messenger)
 II:419, 422
- Vlaminck M., de II:440, 441
- Wilde O.F.O'Flahertie W. II:445*,
 448
- Wreden N. I:52*
- Zaitsev B., см. Зайцев Б.К.
- Zalewski W. I:48; II:164, 366
- Zawadowski J.W. II:411, 416, 421

СОДЕРЖАНИЕ

ПИСЬМА

<Вводные замечания>	7
<i>В.Л. Андреев.</i> Письмо Гингера	8
<i>А.В. Бахрах.</i> Письмо Гингеру	13
<i>Б.Б. Божнев.</i> Письма Гингеру и Присмановой	16
<i>В.И. Бологовской.</i> Письмо Гингеру	87
<i>В.С. Булич.</i> Письма Присмановой и Гингера	89
<i>И.А. Бунин.</i> Письмо Гингера	110
<i>В.В. Вейдле.</i> Письмо Гингеру	113
<i>М.В. Вишняк.</i> Письма Гингера	114
<i>Р.Н. Гринберг.</i> Письма Гингеру и Присмановой	120
<i>Б.К. и В.А. Зайцевы.</i> Переписка с Гингером и Присмановой	132
<i>Б.Г. Закович.</i> Письма Гингеру и Присмановой	135
<i>Г.В. Иванов.</i> Письма Гингеру и Присмановой	138
<i>С.О. Карский.</i> Письма Гингера	146
<i>Д.И. Кленовский.</i> Письма Присмановой и Гингеру	153
<i>Д. Кнут.</i> Письма Гингеру	157
<i>Н.В. Кодрянская.</i> Письма Гингера	169
<i>В.Л. Корвин-Пиотровский.</i> Письма Гингера и Присмановой	174
<i>Б. Котляр.</i> Письма Присмановой и Гингеру	199
<i>С.К. Маковский.</i> Переписка с Гингером	208
<i>В.А. Мамченко.</i> Письма Гингеру	225
<i>Н.С. Муравьев.</i> Письма Гингеру	229
<i>Н.Н. Оболенский.</i> Письма Гингеру и Присмановой	248
<i>Б.Г. Пантелеймонов.</i> Письма Гингеру	254
<i>С.Ю. Прегель.</i> Переписка с Гингером	257
<i>Э.М. Райс.</i> Письмо Гингеру	269
<i>Б.А. Рейн.</i> Письмо Гингеру	274
<i>Е.Б. Сосинский.</i> Письмо Гингеру	275
<i>Е.Н. Старова.</i> Письмо Гингеру	277
<i>Г.П. Струве.</i> Переписка с Гингером	279
<i>М.В. Талов.</i> Письма Гингеру	283

<i>Н.Д. Татищев.</i> Письма Гингеру	305
<i>З.С. Троцкая-Зильберквейт.</i> Письмо Гингеру	328
<i>Ю.П. Трубецкой.</i> Письмо Гингеру	329
<i>Б.А. Филиппов.</i> Письмо Гингеру	333
<i>Р.С. Чеквер.</i> Письма Гингера и Присмановой	336
<i>И.В. Чиннов.</i> Письма Гингера	351

ПРИЛОЖЕНИЕ I

1. «Синтез стойка и нигилиста» (Д. Кнут Гингеру и о Гингере) Акrostих Кнута	356
Александр Гингер <фрагмент из очерка «Первые встречи, или Три русско-еврейских поэта»>	364
2. «Гингер играл в моей жизни роль брата и друга» (К. Терешкович о Гингере)	366
3. Г. Газданов. Памяти Гингера	376
4. «Укусы своры верных» (Стихотворные пародии на Гингера и Присманову) Две пародии С. Луцкого на Гингера	383
Две пародии Д. Кобякова на Гингера и Присманову	389

ПРИЛОЖЕНИЕ II

Зиу-Зин. Мадагаскарские духи	397
------------------------------------	-----

ПРИЛОЖЕНИЕ III

Избранная переписка между М.В. Таловым и С.И. Шаршуном ...	404
<i>Указатель имен</i>	468

ББК 84(2Рос=Рус)6

УДК 821.161.1

Г49

Гингер А. С.

Г49 Стихотворительное одержанье: Стихи, проза, статьи, письма. В 2 т. Т. II / Сост., подг. текста, вст. статья и комм. В. Хазана. – М.: Водолей, 2013. – 496 с. – (Серебряный век. Паралипоменон).

ISBN 978–5–91763–165–3

ISBN 978–5–91763–167–7 (Том II)

Настоящее издание, в которое включены все выявленные на сегодняшний день тексты известного русского эмигрантского поэта Александра Самсоновича Гингера (1897–1965), дает наиболее полное представление о его литературном и эпистолярном наследии. I-й том наряду с поэтическим творчеством Гингера знакомит с его опытами в области прозы и эссеистики. Во II-й – включены переписка Гингера и его жены, поэтессы Анны Семеновны Присмановой (1892–1960), с представительным кругом поэтов и писателей русского зарубежья, а также разнообразные материалы, связанные с определением места обоих в истории эмигрантской литературы. Книга снабжена подробными комментариями и иллюстративным материалом.

ББК 84(2Рос=Рус)6

УДК 821.161.1

Гингер Александр Самсонович

Стихотворительное одержанье
Стихи, проза, статьи, письма

Том II

Технический редактор *А. Ильина*
Корректор *Н. Федотова*

Подписано в печать 10.06.13. Формат 60х90/16. Бумага офсетная
Гарнитура Таймс. Печать цифровая. Печ. л. 31
Тираж 500 экз. Заказ №

Издательство «Водолей»
127254, г. Москва, ул. Гончарова, 17-А, кор. 2, к. 23
Официальный сайт: <http://www.vodoleybooks.ru>
E-mail: info@vodoleybooks.ru

ФГУП Издательство «Известия» Управления делами Президента
Российской Федерации
Генеральный директор **Э.А. Галумов**
127254, г. Москва, ул. Добролюбова, д. 6.
Контактные телефоны: 650-38-80
<http://izd.ru>

Алексеева Л. А. Горькое счастье: Собрание сочинений. 2007. – 416 с. – (Малая серия).

Големба А. С. Я человек эпохи Миннезанга: Стихотворения. 2007. – 384 с. – (Малая серия).

Меркурьева В. А. Тщета: Собрание стихотворений. 2007. – 608 с. – (Малая серия).

Соловьев С. М. Собрание стихотворений. 2007. – 856 с. – (Большая серия).

Петров С. В. Собрание стихотворений: В 2 кн. 2008. – 616 + 640 с. – (Большая серия).

Позняков Н. С. Преданный дар: Избранные стихотворения. 2008. – 176 с. – (Малая серия).

Щировский В. Е. Танец души: Стихотворения и поэмы. 2008. – 200 с. – (Малая серия).

Голохвастов Г. В. Гибель Атлантиды: Стихотворения. Поэма. 2008. – 576 с. – (Большая серия).

Верховский Ю. Н. Струны: Собрание сочинений. 2008. – 928 с. – (Малая серия).

Барт С. В. Стихотворения. 1915–1940. Проза. Письма. 2008. – 336 с. – (Малая серия).

Лозина-Лозинский А. К. Противоречия: Собрание стихотворений. 2008. – 648 с. – (Большая серия).

Тарловский М. А. Молчаливый полет: Стихотворения. Поэма. 2009. – 672 с. – (Большая серия).

Вега Мария. Ночной корабль: Стихотворения и письма. 2009. – 528 с. – (Большая серия).

Нарциссов Б. А. Письмо самому себе: Стихотворения и новеллы. 2009. – 440 с. – (Малая серия).

Голохвастов Г. В. Лебединая песня: Несобранное и неизданное. 2010. – 352 с. – (Малая серия).

Садовойской Б. А. Морозные узоры: Стихотворения и письма. 2010. – 568 с. – (Большая серия).

Зальцман П. Я. Сигналы Страшного суда: Поэтические произведения. – 2011. – 480 с. – (Малая серия).

Кугушева Н. П. Проржавленные дни: Собрание стихотворений. – 2011. – 336 с. – (Малая серия).

Петров С. В. Собрание стихотворений: Неизданное. 2011. – 688 с. – (Большая серия).

Кленовский Д. И. Полное собрание стихотворений. 2011. – 704 с. – (Большая серия).

Цетлин М. О. (Амари). Цельное чувство: Собрание стихотворений. 2011. – 400 с. – (Большая серия).

Бородаевский В. В. Посох в цвету: Собрание стихотворений. 2011. – 400 с. – (Большая серия).

Гомолицкий Л. Н. Сочинения русского периода. В 3 т. 2011. – 704 + 672 + 704 с. – (Большая серия).

Аверьянова Л. И. Vox Humana: Собрание стихотворений. – 2011. – 416 с. – (Малая серия).

Тарусский Н. А. Знак земли: Собрание стихотворений. – 2012. – 272 с. – (Малая серия).

Корвин-Пиотровский В. Л. Поздний гость: Стихотворения и поэмы. – 2012. – 688 с. – (Большая серия).

Ширман Г. Я. Зазвездный зов: Стихотворения и поэмы. – 2012. – 736 с. – (Большая серия).

Коплан Б. И. Старинный лад: Собрание стихотворений (1919–1940). – 2012. – 160 с. – (Малая серия).

Малахиева-Мирович В. Г. Хризалида: Стихотворения. – 2013. – 608 с. – (Большая серия).

Корвин-Пиотровский В. Л. Поздний гость: Стихотворения и поэмы. – 2012. – 688 с. – (Большая серия).

Поэт первой волны эмиграции Владимир Львович Корвин-Пиотровский (1891–1966) – вероятно, наименее известный из значительных русских поэтов XX века. Он играл немалую роль в период краткого расцвета «русского Берлина», однако и позднее оставался заметной фигурой в других центрах русской диаспоры – Париже и Соединенных Штатах. Ценимый еще при жизни критиками и немногочисленными читателями – в том числе Бердяевым, Буниным, Набоковым, – Корвин-Пиотровский до сих пор не обрел в истории русской литературы места, которое он, несомненно, заслужил.

Собрание сочинений В. Л. Корвин-Пиотровского выходит в России впервые. Помимо известного двухтомного собрания «Поздний гость» (Вашингтон, 1968), не успевшего выйти при жизни поэта, оно содержит произведения, которые автор, опубликовав в ранние годы творчества, под конец жизни не признавал, а также значительное количество никогда не публиковавшихся стихотворений.

Ширман Г. Я. Зазвездный зов: Стихотворения и поэмы. – 2012. – 736 с. – (Большая серия).

Творчество Григория Яковлевича Ширмана (1898–1956), очень ярко заявившего о себе в середине 1920-х гг., осталось не понято и не принято современниками. Талантливый поэт, мастер сонета, Ширман уже в конце 1920-х выпал из литературы почти на 60 лет. В настоящем издании полностью переиздаются поэтические сборники Ширмана, впервые публикуется анонсировавшийся, но так и не вышедший при жизни автора сборник «Апокрифы», а также избранные стихотворения 1940–1950-х гг.

Коплан Б. И. Старинный лад: Собрание стихотворений (1919–1940). – 2012. – 160 с. – (Малая серия).

Борис Иванович Коплан (1898–1941) был более известен как историк русской литературы XVIII и первой половины XIX веков. Он выпустил лишь небольшой сборник «Стансы» (1923), хотя стихи продолжал писать всю жизнь.

В основу книги положен авторский рукописный сборник, сохранившийся, несмотря на аресты, заключение, ссылку автора и его гибель в тюрьме во время блокады Ленинграда. Настоящее издание полностью представляет читателю поэтическое наследие Б. Коплана. Более 50 стихотворений публикуются впервые.

Малахиева-Мирович В. Г. Хризалида: Стихотворения. – 2013. – 608 с. – (Большая серия).

Варвара Григорьевна Малахиева-Мирович (1869, Киев – 1954, Москва) – автор почти четырех тысяч стихотворений. Первые ее сохранившиеся стихи датируются 1883-м годом, последние написаны за год до смерти. Подруга Льва Шестова и Елены Гуро, Даниила Андреева и Игоря Ильинского, переводчица Бернарда Шоу и «Многообразия религиозной жизни» Уильяма Джеймса, Малахиева-Мирович – старейший автор неофициальной литературы, оставшийся до конца дней верным символизму, но открывший внутри символистской системы возможности иронически отстраненного реалистического письма.

Основу издания составил свод избранных стихотворений поэта, никогда не появлявшихся в печати, а также единственная изданная при жизни книга стихотворений «Монастырское» (1923) и немногочисленные прижизненные публикации.

**Книги издательства «Водолей»
можно приобрести в следующих магазинах Москвы:**

ГУП «ОЦ»Московский Дом книги»

119019, Москва, ул. Н.Арбат,7
тел. (495) 789-35-91

ТД «Библио-Глобус»

101990, Москва, ул. Мясницкая, 6\3, стр. 1
тел. (495) 781-19-00

Дом книги «Молодая гвардия»

119180, Москва, ул. Б. Полянка, 28, стр. 1
тел. (495) 238-00-32

ТДК «Москва»

125009, Москва, ул. Тверская, 8, стр. 1
тел. (495) 629-73-55, (495) 629-64-83

Галерея книги «НИНА»

Москва, ул. Бахрушина,28
тел. (495) 959-21-03. (495) 959-20-94

Книжный магазин «Русское зарубежье»

109240, Москва, ул. Н.Радищевская,2
тел. (495) 915-00-83, (495) 915-27-97

**Книжная лавка при Литературном институте
им А.М.Горького**

123104, Москва, Тверской б-р,25
тел. (495) 694-01-98

Книжный магазин «Фаланстер»

109012, Москва, М. Гнездиновский пер.,12\27
тел. (495) 749-57-21

Оптовая торговля: ООО «КнАрт»

E-mail: knarttd@mail.ru тел. 8-916-119-67-20